РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ЛИНГВИСТЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Институт Лингвистических Исследований Российской академии наук
Санкт-Петербург
2025

УДК 81
ББК 81г
Л 45

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Рецензенты:
В. Л. Кляус, д.ф.н., зав. отделом фольклора ИМЛИ РАН, начальник отдела — заместитель академика-секретаря ОИФН РАН по научно-организационной работе
А. М. Скворцов, к.и.н., науч. сотр. отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН

Л 45 Ленинградские лингвисты в годы войны. Коллективная монография, посвященная 80-летию Победы в Великой Отечественной войне / Авторы-составители А. Н. Анфертьева, Л. Б. Вольфцун, М. В. Домосилецкая, А. В. Жугра, Е. Р. Крючкова, Л. Э. Найдич / Отв. редактор академик Н. Н. Казанский. — СПб.: ИЛИ РАН, 2025. — 669 с.

ISBN 978-5-6051894-6-6

Книга посвящена судьбам лингвистов, работавших в 30-50-х годах XX века в Институте языка и мышления АН СССР — Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР. Биографии более сотни ученых, написанные на основании архивных материалов, позволяют составить представление об этих удивительных людях, талантливых исследователях и о многочисленных лишениях, через которые они прошли на фронте, в блокадном Ленинграде, в эвакуации и в тылу. В книге публикуются письма военной поры, содержащие свидетельства о бытовых условиях того времени и об организации гуманитарных исследований в годы войны. Отдельный раздел посвящен воспоминаниям переживших события военных лет.

ISBN 978-5-6051894-6-6
DOI 10.30842/97856051894662025
© Коллектив авторов, 2025
© ИЛИ РАН, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Н. Н. Казанский) 5
Ленинградские филологи в Великой Отечественной войне (Л. Э. Найдич)..... 13
Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР во время войны и блокады (А. Н. Анфертьева)..... 70
Директора ИЯМ в годы блокады Ленинграда (М. В. Домосилецкая)..... 107

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Сражавшиеся на фронтах войны..... 111

Н. Д. Андреев, Л. Д. Андреева, С. А. Берлин, Е. Э. Биржакова, А. А. Бокарёв, Е. А. Бокарёв, О. Л. Вильчевский, К. С. Горбачевич, О. Е. Зайчикова (Березина), И. И. Зарин, Т. С. Карская, С. Д. Кацнельсон, З. Т. Короткевич, Л. Л. Кутина, Л. В. Малаховский, М. Д. Мальцев, А. Ф. Марецкая, Г. А. Меновщиков, А. И. Молотков, С. Н. Муратов, А. М. Мухин, П. И. Павленко, В. М. Павлов, Н. П. Пеньковская, С. С. Перепёлкин, В. П. Петушков, А. П. Пырерка, Е. А. Реферовская, А. В. Семериков, П. Я. Скорик, И. Л. Снегирёв, Ф. П. Сороколетов, О. П. Суник, А. Таимов, Н. И. Терёшкин, Л. В. Успенский, Ф. П. Филин, Б. А. Цинман, И. И. Цукерман, М. П. Чхаидзе, А. М. Щербак.

Продолжавшие работу в блокадном Ленинграде 240

П. К. Абабков, Б. Л. Богородский, М. А. Бородина, С. Л. Быховская, Г. Л. Гейерманс, С. Ф. Геккер, М. М. Гитлиц, К. Д. Дондуа, С. А. Жебелёв, И. К. Зборовский, Е. С. Истрина, М. А. Каллистрати, Б. И. Коплан, Е. П. Латикайнен, И. Г. Лившиц, Л. С. Ляпунова, И. И. Майшев, С. В. Меликова-Толстая, А. П. Могилянский, А. С. Никулин, С. С. Советов, В. С. Соколова, И. И. Толстой, А. Н. Улитин, И. А. Фалёв, Р. М. Шаумян, Л. П. Якубинский.

Труженики тыла..... 345

В. И. Абаев, В. А. Аврорин, Д. В. Бубрих, В. А. Горцевская, А. В. Десницкая, В. М. Жирмунский, В. В. Замкова, И. И. Зарубин, В. Д. Колесникова, Б. М. Ляпунов, С. Е. Малов, И. И. Мещанинов, Г. Б. Муркелинский, С. П. Обнорский, З. М. Петрова, Г. Ф. Турчанинов, В. И. Цинциус, В. И. Чернышёв, Н. В. Юшманов.

Взрослевшие в военные годы..... 422

Н. И. Андреева-Васина, Л. И. Балахонова, П. А. Баранников, Н. З. Бутарова, Л. А. Войнова, И. Л. Городецкая, А. В. Грошева, Л. В. Дмитриева, А. И. Домашнев, К. А. Логинова, И. М. Мальцева, Л. А. Покровская, О. Г. Порохова, Э. Р. Сальмин, Л. И. Сем, М. Н. Судоплатова.

ПИСЬМА ИВАНУ ИВАНОВИЧУ МЕЩАНИНОВУ

Предисловие к публикации (Л. Б. Вольфцун)..... 449

П. К. Абабков, А. П. Алявдин, С. Г. Бархударов, Е. А. Бокарёв, М. А. Бородина, Д. В. Бубрих, О. Л. Вильчевский, И. К. Зборовский, Е. С. Истрина, С. Д. Кацнельсон, Б. А. Ларин, И. Г. Лившиц, В. С. Соколова, В. В. Струве, И. И. Толстой, Л. И. Толстая, В. И. Цинциус, И. И. Цукерман, Л. В. Щерба, Н. В. Юшманов. 453

ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания о войне..... 562

В. М. Павлов..... 562

О. П. Суник..... 576

Л. В. Малаховский..... 579

Воспоминания о блокаде 583

М. А. Бородина 583

Л. И. Толстая..... 614

С. Ф. Геккер..... 617

А. В. Грошева..... 620

Л. А. Дмитриева..... 636

УКАЗАТЕЛИ 639

ИНДЕКС ИМЕН (Е. Р. Крючкова) 641

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ (М. Д. Домосилецкая)..... 662

Предисловие

В этом году мы отмечаем Победу над системным злом, которое называется немецким нацизмом или немецким фашизмом, от которого наша страна пострадала самым жестоким образом, и Победа над которым была куплена тяжелейшими людскими жертвами и неисчислимыми культурными потерями.

В 2005 году Институт лингвистических исследований РАН провел масштабную конференцию «Лингвистика в годы войны», подготовка к которой включала и много месяцев работы с архивными материалами. Та конференция проходила в год, когда еще была возможность поздравить ветеранов войны с праздником Победы, и хотя их ряды к этому моменту уже сильно поредели, еще были живы сотрудники Института, юность которых пришлась на эти тяжелейшие годы.

Сборник получился насыщенным материалами и единым по духу: он был посвящен юбилею Победы, но участники сборника больше вспоминали испытания, через которые пришлось пройти поколению тех, чьей кровью Победа была куплена. Ради них и их воспоминаний конференция задумывалась и проводилась с предварительной публикацией небольшого тома материалов. Сборник при этом был настолько насыщен правдивыми и тяжелыми воспоминаниями, что Т. Е. Янко в рецензии, опубликованной в журнале «Вопросы языкознания» (2006. № 6. С.123), написала, что читать этот том без слез невозможно.

Перед сегодняшней датой было решено провести такую же архивную исследовательскую работу, освещающую историю Института военных лет с возможно большим числом деталей. За прошедшие годы был подготовлен том материалов по истории Института[1], включавший общие сведения о деятельности учреждения в годы войны. Подборка этих материалов, а

[1] Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

также документов, относящихся к 1921–1934 гг., была осуществлена Антониной Николаевной Анфертьевой (1950–2013). К юбилею Института в 2021 г. публикация архивных документов второй половины 30-х гг. была продолжена стараниями Людмилы Борисовны Вольфцун.

Яфетидологический институт, основанный в 1921 г. академиком Н. Я. Марром и несколько лет располагавшийся в его квартире в академическом доме, объединил крупнейших исследователей Петрограда, кое-как существовавших во многом благодаря помощи АРА[2]. Создание Института яфетидологических исследований имело, в том числе, сугубо гуманитарную цель и действительно спасло жизни людей, остававшихся в послереволюционном Петрограде.

В конце 20-х гг. Институт стал называться Институтом языка и мышления, с добавлением в 1934 г. имени Н. Я. Марра. В 1950 г. он был переименован в ЛО Института языкознания АН СССР, а в 1992 г. обрел статус самостоятельного учреждения, получившего название Институт лингвистических исследований РАН.

Период, предшествовавший годам войны, исключительно важен для понимания не только разнообразных направлений, по которым развивалась лингвистическая мысль, и размаха научных исследований, но и для оценки того, что могло быть реализовано, но было утеряно из-за сражений на фронтах, блокады Ленинграда и эвакуации сотрудников, разобщившей научные силы. Насколько внезапно и резко многие и многие исследования остановила начавшаяся война [3] показывает подборка документов, опубликованная А. Н. Анфертьевой.

---

[2] Фонд АРА — American Relief Administration (ARA), продовольственные посылки которого спасли многих ученых от голода.

[3] Не пытаясь составить полный список уже завершенных, но безвозвратно утраченных исследований, о которых упоминают опубликованные в этом томе материалы, назову только несколько имен: И. И. Майшев погиб в 37 лет в январе 1942 г., не дописав «Грамматику коми языка»; А. С. Никулин (погиб в декабре 1941–январе 1942 г.) накануне войны работал над докторской диссертацией «История донских говоров; А. Н. Улитин (погиб в феврале 1942 г.) не успел опубликовать свое диссертационное исследование «История суффикса *-ство* и его производных»; Р. М. Шаумян (погиб 10 февраля 1942 г.) оставил после себя текст докторской диссертации «Грамма-

Неосуществленных проектов можно вспомнить очень немало, но я не буду множить примеры того, как задуманное удалось осуществить лишь через многие годы и десятилетия. Будет нелишним подчеркнуть, что мы до сих пор ощущаем потери во всех научных направлениях от неслучившихся из-за войны научных открытий, планомерных исследований и преемственности в развитии научных школ.

Книга «Ленинградские лингвисты в годы войны» говорит о трагических годах и трагических судьбах тех, кто уже успел проявить свой талант до войны, и также о выживших на войне, кто проявил свои дарования в послевоенные годы. Мы обязаны также помнить о тех, кто прямо со студенческой скамьи ушел в ополчение и пал на Лужских рубежах, лишь ненадолго задержав немецкое наступление. Об этих людях не пишут книг, и их биографии коротки — это были студенты разных ВУЗов и разных курсов. Фактически оказалось почти полностью потеряно целое поколение, которое могло дать многих талантливых исследователей и многие достижения в самых разных областях науки и культуры.

Летом 1941 года вскоре после объявления войны поступило распоряжение сократить штат Института. Многие сотрудники сразу записались добровольцами. Некоторых из них впоследствии из рядовых переводили на работу, соответствующую их филологической квалификации. Так, С. Д. Кацнельсон всю войну и после — во время Нюрнбергского процесса — служил пере-

тический очерк агульского языка», не сохранились рукописи его работ: «Краткая грамматика лезгинского языка», описание армянских рукописей Института востоковедения и статья «Об армянской диалектологии»; П. Я. Скорик не успел защитить диссертацию по чукотскому языку, служил в действующей армии с июля 1941 по ноябрь 1945; его диссертация за время войны была утрачена; И. Л. Снегирёв до войны сдал в издательства 16 статей по египтологии и африканистике, ушел добровольцем на фронт, попал в плен, после освобождения попал в лагерь, где умер в декабре 1946 г.; С. Л. Быховская (погибла в 1941 г.) не успела опубликовать, в том числе, книгу «Материалы по кайтагскому языку. Тексты и грамматика».

водчиком (почти полный список имен филологов, находившихся в военных частях, можно найти в статье Л. Э. Найдич[4]).

Из сотрудников, работавших в Институте до войны, на фронте погибли пятеро, сражавшиеся в войсках Ленинградского фронта. Антон Петрович Пырерка погиб осенью 1941 г. под Петергофом. Точные время и место его смерти неизвестны, по официальным данным он считался пропавшим без вести. Сергей Семенович Перепёлкин, согласно данным Интернет-портала «Память народа», пропал без вести в октябре 1941 г. на Ленинградском фронте. Анатолий Алексеевич Бокарёв погиб 6 ноября 1941 г. при форсировании Невы в районе Невского пятачка, где потери наших войск, согласно официальным данным, составили 17 человек на один квадратный метр. Сергей Абрамович Берлин умер от болезни в январе 1942 г., находясь в действующей армии. В августе 1944 г. на территории Латвии погиб Иван Иванович Зарин.

С войны вернулись те, кому довелось служить по своей прямой специальности в качестве переводчиков в штабах Ленинградского или Карельского фронта (С. Д. Кацнельсон, М. Д. Мальцев, Е. А. Реферовская).

Осенью 1941 г. сотрудники Института были эвакуированы из окруженного Ленинграда, но не все. Несколько человек пережили блокаду в Ленинграде, но многие погибли от голода. Если условия жизни в эвакуации были невероятно трудными, то те жертвы, которые позволили удержать Ленинград, сейчас даже трудно себе представить[5]. Особенно страшными были январь-февраль 1942 года, когда по карточкам выдавали 125 г

[4] Статья Л. Э. Найдич помещена также и в этом томе, но в значительно переработанном и расширенном виде, поскольку за последние годы вышло много документальных материалов и воспоминаний.

[5] Для понимания важны воспоминания Владислава Михайловича Глинки «Хранитель: Статьи. Письма. Проза» /Автор-составитель М. С. Глинка. СПб.: АРС, 2003. В. М. Глинка. Воспоминания. Архивы. Письма. Книга вторая. СПб: Гос. Эрмитаж; «АРС», 2006, а также «Акмэ осады. Блокадные письма Натальи Крандиевской» (У нас в Ленинграде. Историко-культурный альманах Connaisseur № 3. 2022. С. 52–111), но особенно важна книга Николая Николаевича Никулина, который — как это сформулировал акад. М. Б. Пиотровский – «написал книгу о Войне. Книгу суровую и страшную. Читать ее больно. Больно потому, что в ней очень неприятная правда».

хлеба. Уже в декабре от истощения умерли многие известнейшие филологи, среди которых был и акад. С. А. Жебелёв, в ноябре-декабре 1941 г. стоявший во главе всех научных учреждений Ленинграда. В частности, благодаря усилиям возглавляемой им Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР, в гостинице «Астория» был организован стационар для ученых, который помог сохранить научные силы. Многие, но далеко не все. В этом стационаре умер Александр Васильевич Болдырев, известный всем по учебнику латинского языка[6], но сохранили жизнь многим, в их числе Борису Викторовичу Томашевскому, замечательному пушкинисту. Как мне рассказывала З. Б. Томашевская, они лежали в одной палате с моим дедом, филологом-классиком Б. В. Казанским. И. М. Стеблин-Каменский издал блокадные дневники своего учителя Александра Николаевича Болдырева, одного из крупнейших иранистов. День за днем он описывает, что и где удалось получить из еды, как после лекции для красноармейцев его накормили супом, как вечером удалось найти полено для отопления.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН издал дневники директора Архива Георгия Алексеевича Князева, сотрудники которого спасали научное наследие крупнейших ученых, а в самом Архиве даже в условиях блокады проводились заседания с научными докладами[7]. Это был подвиг, и подвигом было то, что сумели сделать архивисты, которые в самые страшные зимние морозы свозили оставшиеся бесхозными рукописи научных трудов на Васильевский остров.

Были сохранены и материалы, собранные стараниями сотрудников нашего Института. Важную роль в этом сыграла Стелла Фёдоровна Геккер, на попечение которой была оставлена Большая картотека Института, находившаяся в те годы в здании Пушкинского Дома.

В настоящее время появились публикации, посвященные эвакуированным жителям блокадного Ленинграда. Был выпу-

[6] Я. М. Боровский, А. В. Болдырев. Учебник латинского языка.4-е изд. М.: Высшая школа, 1975.

[7] Об этом упоминают Даниил Гранин и Алесь Адамович в Блокадной книге (Адамович А., Гранин Д. А. Блокадная книга. СПб.: «Печатный Двор», 1994).

щен том под названием «Побратимы»[8], в котором Ю. З. Кантор опубликовала ценнейшие архивные материалы, касающиеся эвакуации и обустройства в других городах. О жизни в Ташкенте дают представление письма Евгении Эдуардовны Бломквист к Надежде Павловне Гринковой[9], эвакуированной в Кировск. Публикуемые в этом томе письма к акад. И. И. Мещанинову сохраняют свидетельства того, насколько сотрудники института истосковались по нормальным условиям для научной работы, ср. в письме Л. В. Щербы от 26 сентября 1942 г.: «Очень, очень хотелось бы где-нибудь снова соединиться в мирных условиях, но когда это будет?»

В эвакуации вопреки всем обстоятельствам продолжалась научная работа: не без влияния чл.-корр. АН СССР Сергея Ефимовича Малова Виктор Максимович Жирмунский в Ташкенте начал занятия тюркскими языками и в результате опубликовал целый ряд работ по тюркскому эпосу (включая книгу «Тюркский героический эпос»).

Вспоминая о Победе, которая унесла жизни такого беспрецедентного числа людей, следует помнить о двух обстоятельствах, из которых на первом месте должна стоять победа над абсолютным злом. Сейчас эта сторона проблемы исследована, и Ханна Арендт показывает, как никто другой, появление и развитие того абсолютного зла, какой представляла собой нацистская идеология.

Празднуя в этом году 80-летие Победы, мы не можем не вспоминать и о цене, за эту победу заплаченной. Погиб цвет молодежи, были потеряны замечательные ученые, которые могли работать еще не одно десятилетие. Были потеряны целые большие направления в развитии гуманитарных исследований – я говорю о частных филологиях, которые должны были развиваться в нашей стране, но были возобновлены только через десять-пятнадцать лет после войны, а некоторые возобновляются только сейчас. В развитии научного знания помимо тех потерь, которые были связаны с безвременной смертью на поле

[8] Побратимы / отв. ред. Ю. З. Кантор. М.: Политическая энциклопедия, 2019.

[9] «...твои письма — документ незабываемого времени...»: из эпистолярного наследия Е. Э. Бломквист, 1942–1945 / подгот. текста, предисл., коммент. Е. Н. Груздевой. СПб.: Реноме, 2013.

боя, следует иметь в виду пятилетнюю остановку исследовательских работ. Разумеется, это было вполне индивидуально: в блокадном городе защищались диссертации — осенью 1941 г. защитил докторскую диссертацию И. М. Тронский, летом 1942 г. — М. Е. Сергеенко. Она же сделала в блокадном городе свой замечательный перевод «Исповеди» блаженного Августина.

В 1942 г. защитила кандидатскую диссертацию «Придаточные предложения времени в финском литературном языке» Е. П. Лаатикайнен, не пережившая блокаду. Проходили защиты и в других городах. Так, в апреле 1944 г. защитила в Москве диссертацию «Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков» на соискание степени доктора филологических наук В. И. Цинциус; там же кандидатскую диссертацию «Фонетика таджикского языка» в декабре 1944 г. защитила В. С. Соколова.

Для понимания преемственности в развитии научных направлений важно оценить роль тех, кто продолжал в военные годы работать в условиях эвакуации и кто воссоздавал лингвистический институт сразу после прорыва блокады и продолжал научные исследования, намеченные в предвоенное время. В том числе им принадлежит заслуга насыщения Института новыми талантливыми сотрудниками в послевоенное время.

Обращаясь к военной теме сегодня, хотелось бы в максимальной полноте рассмотреть биографии тех, чьими силами и чьим талантом создавались и поддерживались научные школы, которые и сейчас составляют гордость нашего Института [10]. Неустанная работа с архивными материалами продолжалась более года и позволила хотя бы кратко описать судьбы людей, и тех, кто продолжил свои исследования, вернувшись с войны, и тех, кто уже пройдя войну, пришел в Институт.

Празднуя Великую Победу, мы должны помнить не только эти тяжелейшие для Отечества годы, но и испытания, выпавшие на долю тех, кто эту победу принес. Я рад тому, что данный том содержит пусть не исчерпывающий, но достаточно полный список лингвистов, включая тех, кто воевал на фронтах, кому мы обязаны этой победой.

В ходе работы над книгой сама собой родилась структура с биографиями тех, кто находился в армии, тех, кто оказался в

[10] См. Научные школы ИЛИ РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2023.

блокаде, и тех, кто трудился в тылу, в частности, оказавшихся в эвакуации. Кропотливая работа в архивах была осуществлена усилиями Людмилы Борисовны Вольфцун, Марины Валентиновны Домосилецкой, Альвины Венедиктовны Жугры. Большую редакторскую работу проделала Евгения Родионовна Крючкова, а вычитку готовой рукописи взяла на себя Елена Александровна Захарова.

Благодаря их стараниям подготовлены все разделы, включая письма военного времени и воспоминания, часть которых публикуется впервые. Разнообразие публикуемых источников не позволило провести строгую унификацию при подаче материалов и соблюсти во всех случаях единство орфографии и пунктуации, а также единый шаблон в изложении данных.

Н. Н. Казанский

Л. Э. Найдич

Ленинградские филологи в Великой Отечественной войне[1]

Птицы смерти в зените стоят,
Кто идет выручать Ленинград?
Анна Ахматова

1. Вводные замечания

В данной статье речь пойдет о нескольких страницах истории Великой Отечественной войны — о вкладе ленинградских филологов в дело победы над фашизмом. Хорошо известно, что многие из них, как и другие советские люди, были на фронте, часто на передовой. Мы ограничиваемся лишь одним аспектом этой темы — а именно: филологическим. Филологическая специальность оказалась во время войны востребованной. Люди, профессионально владеющие иностранными языками, филологическими знаниями и умениями, часто были не менее полезными, чем профессиональные военные. Помимо знаний, филфак (уровень которого в то время был одним из самых высоких в мире) научил своих выпускников самостоятельно мыслить, что оказалось очень ценным в экстремальных ситуациях.

2. Начало войны

Филологический факультет Ленинградского университета в конце 1920-х — начале 1940-х годов[2] представлял собой поистине созвездие талантов, «чудо XX века», как сказал в одном из выступлений. Д. С. Лихачев, отмечая, что ни в одном европей-

---

[1] Расширенная версия статьи: Л. Найдич. Ленинградские филологи на фронтах Великой Отечественной войны. «Лингвистика в годы войны. Люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне». СПб.: Наука 2005. С. 229–267.

[2] С 1931 по 1937 год из Ленинградского университета был выделен Ленинградский институт философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ), впоследствии он был снова с ним слит.

ском университете не было ни до ни после такого блестящего состава преподавателей гуманитарных наук (Лихачев 2006: 46, 49; 1995: 109–120)[3]. Одновременно в университете преподавали корифеи гуманитарных наук: В. М. Жирмунский, Л. В. Щерба, С. П. Обнорский, А. П. Рифтин, В. Ф. Шишмарёв, И. И. Толстой, А. С. Орлов, М. К. Азадовский, В. Я. Пропп, Б. М. Эйхенбаум, В. Е. Евгеньев-Максимов, Г. А. Гуковский, П. Н. Берков и другие. Поступившие в университет студенты, даже те, кто сначала имел весьма скудные представления о гуманитарных науках, очень рано, буквально на первых курсах, заражались пафосом исследовательской работы. Они делали доклады на семинарах, писали свои первые исследования, а некоторые, прежде всего ученики Азадовского, ездили в фольклорные экспедиции (Чистов 2006: 45–75). Бывало и так, что профессора приглашали студентов к себе домой, где проводился семинар, а иногда они даже давали читать книги из своей библиотеки. Такая обстановка творчества и сотрудничества длилась до начала войны, несмотря на начавшиеся репрессии. «О себе и своих соучениках по университету того времени (1934–1939) могу сказать, положа руку на сердце, что все наши мысли, наши интересы концентрировались в университете», — вспоминал учившийся в эти годы на филфаке И. З. Серман (2000: 192). Правда, для многих юношей такая университетская идиллия обрывалась: Нарком обороны Ворошилов отменил студентам отсрочку призыва, поэтому многие юноши оказались в армии уже в 1939–1940 гг. — некоторые попали туда со студенческой скамьи, иногда проучившись в университете всего несколько дней[4].

Хотя было ясно, что война приближается, объявление войны 22 июня 1941 г. стало неожиданностью. Как позже писал Давид

[3] Д. С. Лихачев вспоминал об университете 20-х годов, но и в 30-е сохранялся блестящий состав преподавателей и высокой уровень науки.

[4] Такой была военная биография Ю. М. Лотмана, впоследствии известного литературоведа и семиотика. Он был призван в армию в октябре 1940 г., отучившись в университете всего один год, а демобилизован в октябре 1946 г. Боевой путь Лотмана, связиста в артиллерии, начался на юге у Днестра и закончился в Восточной Германии. См. Лотман 1995: 5–34. Лотманы 2022: 13–18.

Самойлов, «война, которую мы ожидали и о которой сочиняли стихи, началась неожиданно» (Самойлов 1995: 185)

К. В. Чистов, впоследствии известный ученый-фольклорист, вспоминал: «… 22 июня мы поехали в университет. Никакого сигнала не было, никто не призывал, но тысяч десять студентов явилось на тогда еще булыжный университетский двор. Мы собрались в том месте, где находится здание физкультурного зала и где сейчас установлен камень ‘памяти всех погибших студентов’. 22 июня там был митинг. Опасность для нашей страны действительно была смертельной: немцы уже оккупировали Францию, Австрию, Югославию, половина Европы была у них в руках. И, кроме того, до нас доходило, что такое фашизм» (Чистов 2006: 45–55).

В 20-х числа июня 1941 г. началась запись добровольцев в народное ополчение, еще до того, как пришли официальные директивны из Москвы. В Ленинграде в июне — сентябре 1941 были сформированы и отправлены на фронт 10 дивизий и 14 пулемётно-артиллерийских батальонов (около 135 тыс. чел.)[5]. Студенты, аспиранты, молодые преподаватели добровольно шли в ополчение.

Из воспоминаний востоковеда Ирины Михайловны Дунаевской, тогда студентки филфака, узнаем, что она в первые же дни войны записалась в ополченцы и добивалась, чтобы ей не отказали (Дунаевская 2010: 19–23). Она шла за мужем: его, биолога Владимира Грацианского, направили в 227-ой Отдельный Артиллерийско-пулеметный батальон (ОПАБ)[6], стремилась остаться на фронте и после скорой гибели мужа, а впоследствии стала военной переводчицей (см. о ней далее). «Необученные, плохо вооруженные ополченцы вступили в бой под Кингисеппом прямо из эшелонов. Устлав своими телами путь немцев к Ленинграду, они остановили врага у самых городских ворот», — пишет Захар Исаакович Плавскин, рассказывая биографию Георгия Владимировича Степанова, который в первых числах

[5] Ленинградская армия Народного ополчения: https://pamyat-naroda.ru/warunit/id11328/ Проверено 21.12.2024.

[6] В начале войны юноши и девушки часто заключали «студенческие браки», чтобы в случае их гибели осталась память и связь между их семьями. Тогда не было испытательного срока для жениха и невесты, и брак заключался сразу. Иногда такие скоропалительные брачные узы сохранялись на всю жизнь.

июля 1941 года, окончив 3 курса университета, но имея уже за плечами опыт войны в Испании, пошел в народное ополчение (Плавскин 2001: 37). Действительно, студенты, попавшие в Народное ополчение, не были готовы к войне, многие даже никогда не держали оружия в руках, а военная подготовка в университете состояла в хождении строем и в физкультурных упражнениях.

3. Битвы за Ленинград

Бои за Ленинград, в которых приняли непосредственное участие многие ушедшие добровольцами на фронт студенты, аспиранты, молодые научные сотрудники, начались уже в июле 1941 г. и были ожесточенными[7]. Жизнь многих молодых людей оборвалась в 1941–1942 годах в тяжелых боях на подступах к городу [8] . Выше уже упомянуто имя биолога Владимира Ивановича Грацианского, погибшего в сентябре 1941 г. в бою у деревни Разбегай. На Гатчинском плацдарме погибли и другие молодые биологи, служившие в 277-м отдельном пулеметно-артиллерийском батальоне (ОПАБ) (Шапиро 2002: 223–225). В последнее десятилетие была изучена биография выдающегося лингвиста, писателя и переводчика Антона Петровича Пырерки, сотрудника Института языка и мышления им. Н. Я. Марра, исследователя ненецкого языка, погибшего в сентябре 1941 г. при обороне Ораниенбаумского плацдарма (Бармич 2005: 167–176, Канев 2005: 177–184). Анатолий Михайлович Кукулевич, аспирант ИРЛИ, любимый ученик Азадовского и Гуковского, погиб в январе 1942 г. на Колпинских высотах под Ленинградом. Алексей Михайлович Дьяконов, брат Игоря Михайловича, окончивший кораблестроительный институт,

[7] По статистике в период Битвы за Ленинград потери Красной армии составили: безвозвратные около 1 млн чел., санитарные — около 2 млн человек. Умерло от голода и погибло от обстрелов свыше 640 тыс. мирных жителей (по другим данным, около 1,3 млн человек).

[8] Показательны воспоминания Анатолия Сергеевича Черняева, участника Великой Отечественной войны, историка и политического деятеля: «Я участвовал в двух атаках. За всю войну — всего в двух! Но это даже много. Как правило, после уже первой атаки человек либо бесповоротно искалечен, либо сошел с ума, либо мертв. Но мне повезло. Я остался живой». А. С. Черняев. «Война началась, когда мне только что исполнилось двадцать лет».

погиб в конце декабря 1941 г. в Мельничном Ручье под Ленинградом. Алексей Сергеевич Маслов, брат Юрия Сергеевича Маслова, погиб в боях под Ленинградом в сентябре 1941 г.

В живых в этих боях оставались те, кто был ранен. Эрик Эзрович Найдич, аспирант Ленинградского университета, литературовед, впоследствии многолетний сотрудник Публичной библиотеки, с 1941 г. воевал в действующей армии на Ленинградском фронте, был политруком стрелковой роты 947-го стрелкового полка 268-й стрелковой дивизии. В 1943 г. в бою на Невской Дубровке как политрук он вел взвод в атаку — в ней почти все погибли, а он был ранен в правую руку и увезен в госпиталь.

Изучение исторических документов и рассуждения о том, можно ли было избежать таких огромных жертв — дело историков. Но нельзя забывать, что Гитлер приказал не принимать капитуляцию Ленинграда, беженцев из него отгонять от немецких позиций огнём артиллерии, а город вместе с жителями бомбардировками с воздуха и артиллерийским обстрелом сровнять с землей. Значение боев под Ленинградом огромно для судьбы города и всей страны.

4. Военные биографии и перипетии военных лет

Военные биографии некоторых молодых людей, впоследствии ставших известными филологами (избравших мирную профессию), действительно заслуживали бы отдельного описания в рассказах, повестях или даже в приключенческих романах.

Георгий Владимирович Степанов уже в первых числах июля ушел добровольцем в народное ополчение. Он попал в 177-ую стрелковую дивизию 41-го корпуса Ленинградского фронта, которая сразу же вступила в бой. При прорыве кольца Лужского окружения он был тяжело ранен в живот и в правую руку. Оказавшись в лагере для военнопленных в Эстонии, Г. В. бежал в июле 1944 г. и присоединился к партизанскому отряду «Коткас», где вскоре стал комиссаром (Степанов. Биография)

Кирилл Васильевич Чистов пошел на войну уже в июле 1941 г., хотя он был признан негодным к строевой службе из-за сильной близорукости. Он добровольно вступил в партизанский батальон, состоявший из студентов и находившийся в Ленинградской области (Чистов 2006: 115–130, Чистов Ю. К. 2020).

Молодые люди, не прошедшие специальной подготовки, стали заниматься диверсионной работой и разведкой в тылу противника. Во время одной такой вылазки в сентябре 1941 г. К. В. был схвачен и находился в плену до мая 1944 г., в лагерях в Псковской, Смоленской, Орловской и Могилевской областях. Вместе с несколькими смелыми юношами он совершил побег, добрался до советских войск и попал в партизанское соединение в Могилевской области. С мая по декабрь 1944 г. был рядовым 413-го стрелкового полка 73-ей дивизии 47-ой армии — Первого, затем Второго Белорусского фронтов. Участвовал в боях под Бобруйском, Минском, Островом Мазовецким, Гданьском. В конце ноября — начале декабря 1944 г. попал в госпиталь из-за тяжелого ранения и был по официальным документам 30.11.1944 внесен в списки пропавших без вести — его родственники получили похоронку. Затем с декабря 1944 по ноябрь 1945 гг. служил в медицинской группе обеспечения в эвакогоспитале, за что был награжден медалью «За боевые заслуги».

Владимир Михайлович Павлов был призван в армию в возрасте 17 лет в апреле 1943 г., служил воздушным стрелком, был взят в плен; после попытки бегства был помещен в лагерь для военнопленных, 4 мая 1945 г. освобожден советскими войсками[9].

5. Работа по специальности

Далее речь пойдет о тех участниках войны, сугубо мирная филологическая специальность которых нашла применение в военных условиях (Юматова 1995). Благодаря своим знаниям и творческим способностям они стали героями войны. Военными переводчиками были такие известные филологи, как Андрей Венедиктович Федоров, Юрий Сергеевич Маслов, Игорь Михайлович Дьяконов, Лев Рафаилович Зиндер, Соломон Давидович Кацнельсон, Борис Александрович Ильиш, Екатерина Иннокентьевна Клименко, Елизавета Артуровна Реферовская, Ефим Григорьевич Эткинд. Краткий обзор их послевоенной деятельности см. далее.

[9] См. автобиографический очерк В. М. Павлова в данной книге.

5.1. Требуются специалисты-филологи

В начале 1942 года возникла острая необходимость в людях, владеющих иностранными языками, в первую очередь, конечно, немецким, но также и английским. Это было ясно еще в начале войны, но недооценивалось (Дунаевская 2010: 31–32). Уже 28 августа 1941 года директивой Народного комиссариата обороны в Москве были созданы ускоренные курсы для обучения военных переводчиков. В октябре 1941 года эти курсы были переведены из Москвы в Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти) (Ржевская 2011: 119–229, Жданова 2009: 48–49). В апреле 1942 года на основе этих курсов был создан Военный институт, готовивший переводчиков. Слушателями этих курсов были в основном москвичи, а ядро составляли люди, уже владевшие немецким языком, студенты-старшекурсники или преподаватели.

Весна 1942 года. В Ленинграде голод, бомбежки. ВУЗы эвакуированы. Мужчины на фронте, город в кольце блокады, доставить из других городов никого нельзя. Жители истощены, измучены, гибнут. Между тем, армии нужны специалисты. Среди военных мало кто знает иностранные языки. Начались поиски. Об этом переломном моменте во фронтовой судьбе филологов вспоминали многие ленинградцы. Из госпиталей, где работали девушки, из народного ополчения, куда добровольно пошли юноши, специалистов-филологов срочно переводили для работы по специальности. Выискивали по разным документам, спрашивали людей, искали через адресный стол. В поисках филологов приезжали к ним домой — и нередко находили при этом крайне истощенных умирающих людей или трупы; нужных людей искали и в учреждениях. А бывало и так, что служивший в ополчении филолог сам забегал в свою пустую, холодную квартиру и находил там повестку либо встречал управдома, сообщавшего ему, что его срочно разыскивают. Мобилизовывали людей разных филологических специальностей: переводчиков, преподавателей, составителей словарей. На работу часто выходили люди, находившиеся в крайней степени дистрофии. Им давали паек, постепенно они приходили в себя. Работать начинали сразу.

При необходимости для перевода допросов пленных вызывали и служивших в других военных частях, если только они знали язык — особенно сначала, когда не хватало переводчиков. В

блокадную зиму 1941 по 1942 г. для работы при допросе пленных время от времени вызывали Беллу Ефимовну Чистову (Марголис), окончившую 3 курса немецкого отделения филфака ЛГУ. Она служила тогда старшим военфельдшером Эвакогоспиталя № 928 Ленинграда. А служившую в радиоразведке (см. об этом далее) Татьяну Эмильевну Барскую вызывали для перевода с испанского в тюрьму Кресты, где находился пленный испанец из «Голубой дивизии»; от него нужно было узнать сведения об артиллерийских позициях в Царском Селе, а Т. Э. Барская прошла курс испанского языка в университете.

5.2. Радиоразведка

В марте 2004 г. отмечался юбилей русской радиоразведки, зародившейся в начале XX века. В связи с этим в газете «Красная звезда» была опубликована статья ветерана радиоразведки генерал-лейтенанта Петра Шмырева, который писал: «В битве под Ленинградом, пожалуй, наибольших успехов радиоразведка добилась в борьбе с немецкой авиацией и дальнобойной артиллерией». Выход немецко-фашистских войск на ближайшие подступы к Ленинграду лишил нашу ПВО возможности своевременно предупреждать истребительную авиацию, зенитную артиллерию и население города о подходе вражеских бомбардировщиков... Ленинградские радиоразведчики первыми обнаружили радиосвязь немецкой авиации в УКВ-диапазоне. По решению военного совета фронта блокадный Ленинград с 1942 года начал производить на заводе имени Козицкого разведывательные УКВ-радиоприемники для нужд Ленинградского и других фронтов» (Шмырев 2004). Эти события имеют прямое отношение к работе ленинградских филологов на фронте. Многие из них стали радиоразведчиками. «Наша часть — Береговой Радио Отряд (в документах и повседневной речи БРО) — не сражалась с оружием в руках — но без данных, собранных радиоразведкой, не проводилась ни одна операция Балтийского флота)», — вспоминала Е. В. Ланда (Ланда рукопись).

Германиста Павла Рувимовича Биркана призвали в первый же день войны. «Он знал немецкий язык и был зачислен в Разведотдел Балтфлота. На другой день выехал в Таллинн. Вскоре (примерно — через месяц?) Таллин пал: войска отступали — население эвакуировали. Для всех был открыт один-единственный путь — морем: на суше немцы стремительно взяли город в

кольцо… Крейсер, на котором отплыл Павел, получил пробоину — но дошел до Ленинграда… В Ленинграде весь личный состав Разведотдела сразу же из гавани перебазировали на Острова[10] — в Елагинский дворец» (Ланда рукопись). Весной 1942 г. после пожара в этом дворце разведотдел перевели в Мурино под Ленинградом. О высокой продуктивности работы БРО свидетельствует представление П. Р. Биркана к награждению орденом Отечественной войны II степени[11]:

«Лейтенант тов. БИРКАН, П. Р., являясь одним из лучших знатоков радио-связи немецкого Военно-морского флота в течение Отечественной войны непрерывно вкладывает максимум возможной энергии в выполнении заданий по разведке противника и выявил много ценных данных по деятельности немецкого флота в Балтийском море, за что в марте м-це 1944 г. командующим КВФ был награжден правительственной наградой — медалью «За боевые заслуги». В кампанию 1944 г., несмотря на усиление противником маскировки радиосвязи, тов. БИРКАН дал еще ряд более ценных разведывательных данных по предотвращению операции и деятельности подводных лодок противника на наших коммуникациях. Так, например: 1) благодаря добытым тов. БИРКАНОМ данным командование флота было своевременно информировано о предстоящих десантных операциях немцев на о. Гогланд и ход самих операций, в результате чего были приняты своевременные меры и противник потерял потопленными и поврежденными девять судов. 2) тов. БИРКАНОМ выявлены и остановлены восемь позиций немецких подводных лодок в северо-восточной части Балтийского моря и устье Финского залива, контролирующие наши коммуникации. Кроме того, тов. БИРКАНОМ проделана большая работа по работе с пленными немецкими моряками, в процессе которой ему удалось добыть много оперативно-ценных данных по организации и деятельности германских ВМС». В документах к медали «За боевые заслуги» отмечается, что П. Р. Биркан «в течение кампании 1943 г. раскрыл немецкий код воздушного

[10] Так называются Крестовский, Каменный и Елагин острова в Петербурге.

[11] Здесь и далее при цитировании с сайта «Подвиг народа» сохраняется орфография и грамматика документа. Ссылки на этот общедоступный сайт в тексте каждый раз не приводятся.

оповещения и применяемую при том карту квадратов, вскрыл численный состав Шведского ВМ флота».

Как складывалась профессиональная жизнь филологов-германистов в страшные годы блокады Ленинграда, рассказывают Елизавета Викторовна Ланда и Татьяна Эмильевна Барская[12]. Обе они окончили филологический факультет Ленинградского университета летом 1941 года: Елизавета Викторовна — немецкое отделение, Татьяна Эмильевна — немецкое и романское отделение. Елизавета Ланда (Эля — как ее называли друзья) занималась немецкой литературой XVII–XVIII века, писала диплом о плутовском романе, Татьяна Барская защитила дипломные сочинения о Гельдерлине и об Андре Шенье. После окончания трехмесячных курсов медсестер они были направлены на работу в больницу на Знаменской улице, а затем в госпиталь на Суворовском проспекте. В госпитале сначала было не много раненых; после того как в здание напротив, которое тоже было переоборудовано под госпиталь, попал снаряд, прибыли вторично раненые, работы прибавилось. Тем не менее, вскоре стало известно, что они — филологи, знают немецкий язык. Их мобилизовали для службы в разведке, чему они радовались, так как хотели на фронт и стремились к интересной работе по специальности.

Елизавета Викторовна служила в БРО — Береговом Радиоотряде, задача которого состояла в разведке посредством радиоаппаратуры. Отряд состоял из девушек, в основном выпускниц 1-го Института Иностранных языков. В отряде служили Евгения Шалгинская, Евгения Воронцова, Нина Ведякина; Е. В. Ланда была единственной выпускницей университета[13]. Дежурили круглосуточно, сидели у маленьких приемников и ловили сигналы в УКВ-диапозоне. Таким образом часто удавалось прослушивать разговоры немецких летчиков в небе над Ленинградом и Ленинградской областью. Летчики часто переговаривались открытым текстом, без кода, обращаясь друг к другу по именам. Эти переговоры внутри звена летчиков в основном касались направления полета, местонахождения самолетов, нанесения бомбовых ударов, от которых страдали и город, и пригороды — особенно Кириши. Можно себе представить,

[12] С ними я беседовала в 2004 году.
[13] Е. В. Ланда. Устное сообщение.

сколь ценна была собранная информация. Языковых трудностей в понимании речи обычно не возникало, трудно было ее услышать. Пытались слушать и переговоры на подводных лодках, но это не удалось. Иногда выезжали на Острова в поисках лучших возможностей для прослушивания — на Островах работала, например, Ольга Викторовна Топорова, также филолог-германист. Все служившие в БРО считались краснофлотцами первой и второй статьи. Помимо этого отряда, существовало еще и Информбюро. Там стояли чувствительные радиоприемники, прослушивали разную информацию, в том числе речи крупных западных политиков, парламентариев. Там требовались англисты, именно там работали Борис Александрович Ильиш и Екатерина Иннокентьевна Клименко, а также англистка Галина Рафальсон, германистка Софья Левина и др. В информбюро служили два офицера — германисты Павел Биркан и Анатолий Чудаков. Всю полученную информацию отправляли в оперативный отдел. Дислоцировались БРО и информбюро в маленькой деревушке Мурино, которая сейчас находится в черте города. Девушек отпускали домой один раз в месяц. Они получали паек, ходили в деревню менять хлеб на молоко, так что местные жители тоже подкармливались благодаря этому отряду. Жили для военного времени довольно удобно: было две комнаты и полудомашняя обстановка. Дрова приносили краснофлотцы, душа и ванны не было, ходили мыться в баню. Отряд БРО не понес потерь, все остались живы. Елизавета Викторовна была награждена орденом Отечественной войны II степени.

Новые сотрудники прибывали из блокадного Ленинграда в центр береговой радиоразведки в тяжелом физическом состоянии, измученные голодом и обстрелами. По воспоминаниям Е. В. Ланда, Борис Александрович Ильиш и его жена Екатерина Иннокентьевна Клименко, прибывшие весной 1942 года в распоряжение штаба Балтийского флота, в тот момент буквально умирали от истощения, и только постепенно стали приходить в себя. На службе в радиоперехвате Берегового радио отряда Балтийского флота Б. А. Ильиш редактировал информационный бюллетень в отделении специального радиоперехвата, переводил с английского, французского, немецкого и шведского языков. А немецкий он знал с детства — учился в Реформиртеншуле. Он организовал впервые на Балтийском флоте специальные перехваты, обследовал иностранную прессу

и материалы широковещания. «Ильиш вложил весь свой богатый опыт филолога на создание и выпуск высококачественных ежедневных качественных бюллетеней радиоперехвата», — сказано в его наградных документах. Он был награжден Орденом Красной Звезды и медалями.

Екатерина Иннокентьевна Клименко служила сначала в госпитале, а затем в течение трех лет военным переводчиком в береговой разведке.

Другой отряд радиоперехвата дислоцировался в районе совхоза Бугры. Были и относящиеся к нему выездные группы, располагавшиеся в других местах: например, разведотдел в Шувалове у озера, в дачном доме. В отряде служили филологи Минна Исаевна Дикман, Юрий Давидович Левин, Татьяна Эмильевна Барская, Давид Захарович Франкфурт. Дежурили по 6 часов, потом 6 часов перерыв. Ю. Д. Левин вспоминает: «Штат переводчиков, когда я прибыл в дивизион, составляли три человека (впоследствии он увеличивался). Возглавлять его была назначена Дикман. Первая задача, которую поставили перед нами — перехватывать микрофонные переговоры противника. Нас посадили к приемнику и сказали: “Слушайте, записывайте, переводите и передавайте в ОПО (оперативный отдел)”. При этом нам не объяснили, какие переговоры мы можем услышать, как в них разобраться, и т. п.; такого опыта в части еще не было. Пришлось выяснять все это самим на практике, притом без соответствующей подготовки. Но в прошлом мы обучались в университете, где в процессе изучения конкретных предметов, никакого, правда, отношения к военным действиям не имевших, нас учили думать. И это оказалось весьма полезным.

Первые микрофонные передачи, которые нам удавалось прослушивать, были переговоры истребителей и разведывательных самолетов противника, действовавших на Ленинградском фронте» (Левин, Дикман). Перехваченная разведовательная информация касалась авиации и артиллерии, то есть была непосредственно связана с бомбежками и артобстрелами Ленинграда. Часто информация передавалась в зашифрованном виде. Но иногда летчики начинали кричать друг другу открытым текстом. Это происходило во время боя, поэтому часто манера произнесения была отнюдь не дикторской. Были и повторявшиеся закодированные слова. Так, «Indianer» («индеец») обозначало самолет противника, т. е. советский, а «Radfahrer» («велосипедист») — свой, немецкий самолет.

Нужно было понять, что название реки Мга трудно произносимо для немцев. Они говорили Эмга. «Ich bin über der Emga». Вскоре переводчики привыкли к этим текстам, научились ловить и понимать их. Другие тексты передавались азбукой Морзе, зачастую в зашифрованном виде. Расшифровать их было очень трудно, шифры постоянно менялись.

Радиоразведка помогала установить, откуда и куда будут стрелять. В добытой информации встречались и фамилии, например, часто фигурировал полковник Венглер. Из всех полученных данных удавалось сделать тактические выводы.

Особо важный вклад в работу радиоразведки внесла М. И. Дикман. Она хорошо владела немецким языком, хотя училась на русском отделении университета — немецкий знала с детства, так как окончила немецкую школу — знаменитую Анненшуле.

Радисты обнаружили радиосеть, связанную с артобстрелами Ленинграда. Но перехваченные радиограммы нужно было расшифровать. Дикман с присущей ей серьезностью и с системным подходом взялась за дело. Она попросила учебник артиллерии. Но начальник штаба дивизиона ответил, что это невозможно, поскольку такие учебники будто бы секретны. Тогда она дала деньги дивизионному почтальону, и он вскоре купил такой учебник в одном из газетных киосков города. По учебнику Дикман изучила порядок артиллерийской стрельбы, и после этого занялась радиограммами. Они были не шифрованные, а кодированные, т. е. слова и выражения заменялись условными трехбуквенными обозначениями. Дикман взялась расшифровать эти коды, соотвествовавшие словам. Путем подбора и проверок ей удалось многое понять. Например, она предположила, что stw означает Stellungswechsel, и действительно батареи в соответствующем месте меняли свои позиции[14]. В результате радиограммы были расшифрованы. В это время Дикман находилась не в самом дивизионе, а в подчиненной ему маневренной группе — начальник радиоотдела был недоволен ее независимым поведением, и «строптивую» девушку решили отослать подальше от глаз начальства. А маневренная группа размещалась в то время в Новосаратовке, в колонии высланных в 1942 году русских немцев, рядом с 5-й ГЭС, которая снабжала электроэнергией блокадный Ленинград. ГЭС часто обстреливалась. Расшифровки, сде-

[14] Т. Э. Барская. Устное сообщение.

ланные М. И. Дикман, позволяли предположить, где намечается обстрел. Но начальство не верило этой молодой и, как некоторым казалось, самонадеянной девушке. Когда она предсказала обстрел, который должен начаться в районе 5-ой ГЭС, все убедились в правильности ее предположений. Благодаря ей удавалось заблаговременно узнавать объекты артиллерийских обстрелов, предупреждать людей. Более того, иногда удавалось даже обезвредить батареи противника, когда наша артиллерия начинала вести опережающие обстрелы. Периодически немцы меняли кодировку, но М. И. Дикман раскрывала и новые коды. В конце концов, немецкая дальнобойная артиллерия перешла на телефонную связь. Поэт Михаил Головенчиц написал про Минну Исаевну стихотворение «Редактор» (после войны она много лет работала редактором в издательстве — см. далее), где есть следующие строки:

И на пушечной той дуэли,
Посреди блокадной зимы
Она знала, где вражьи цели,
По которым ударим мы.

Есть на свете мужество женщин,
Над судьбою фатальной власть,
И упало на Питер меньше
Тех смертей, чем могло упасть.

Вот такою была работа,
Что нашла для нее война,
И, наверное, нету счета
Жизням всем, что спасла она.

Может показаться, что переводчики находились в безопасности, но это не так. Как пишет Ю. Д. Левин (Левин, Дикман), «Во время боевых действий немецкие войска осуществляли микрофонную связь на ультракоротких волнах (УКВ), которые распространяются лишь в пределах прямой видимости. Поэтому для перехвата переговоров на УКВ необходимо было находиться в непосредственной близости к линии фронта. И переводчиков, снабженных приемниками УКВ (которые у нас в просторечии почему-то назывались “собаками”), командировали в места боев. Так, в нашем дивизионе погиб переводчик Давид Франкфурт — в прошлом, как и я, студент-филолог Ленинградского университета,

а в другом, родственном дивизионе — Михаил Калгут — в прошлом студент-историк, о мужестве и выдержке которого рассказывали те, кто был на фронте рядом с ним[15]; был обстрелян из танка и тяжело ранен его товарищ Петр Бычков».

Давид Франкфурт был выпускником романского отделения университета, участником войны в Испании. В приказе о его посмертном награждении орденом Отечественной войны II степени читаем:

«Младший лейтенант а/с ФРАНКФУРТ Давид Захарович, как отличный переводчик-радиоразведчик, один из первых освоил в начале Отечественной войны перехват работы р/сетей разведывательно-корректировочной авиации противника и сумел перехватить большое количество важных переговоров в этих р/сетях. Во время боев в р-не НЕВСКАЯ ДУБРОВКА в 1942 г., в период прорыва блокады ЛЕНИНГРАДА, во время летне-осенних боев на Синявинском направлении т. ФРАНКФУРТ, находясь на передовой линии фронта, производил поиск и перехват работы этих р/сетей и работы пехотных и танковых р/сетей.

Переговоры, перехватывающиеся т. ФРАНКФУРТ, приносили большую пользу войсковому командованию и ВВС, так как давали возможность предупреждать обстрелы и появление авиации противника, давали сведения о положении и намерении противника.

В течение последних трех месяцев т. ФРАНКФУРТ находился на передовой, производя поиски работы пехотных и танковых р/сетей. Здесь 24.12. 43 г. т. ФРАНКФУРТ был убит при исполнении служебных обязанностей».

Большой вклад в разведывательную работу Балтийского флота внес Евгений Дементьевич Панфилов, впоследствии замечательный филолог, любимый преподаватель многих студентов ЛГУ. В 1938 г. он поступил на французское отделение кафедры романской филологии ЛГУ, а сразу после начала войны добровольцем ушел на фронт. С 23 декабря 1941 года

[15] Михаил Григорьевич Калгут. О нем сказано в документе о награде орденом, что благодаря незначительному расстоянию от противника «сумел засекать всю систему переговоров и давать ценные данные командованию для принятия мер по предупреждению и срыву мероприятий противника на участке треугольник жел. дорог Синявино». Награжден орденом Красной Звезды.

Панфилов начал служить на Балтийской флоте в составе Спецслужбы разведывательного отдела штаба флота. Уже к концу 1942 г. он подготовил «954 ценных разведывательных донесений, из которых следовало, что противник ведет сосредоточение сил и средств для нанесения удара на определенном участке фронта», а его работа уже тогда высоко оценивалась Разведывательным Управлением, так как добытые им данные всегда подтверждались. В наградных документах (орден Красной Звезды) указывалось: «Лейтенант тов. Панфилов сделал ряд научных открытий в специальной области и этим помог делу укрепления мощи Красной Армии и Военно-морского флота». В других наградных документах (14.5. 45) сказано: «С первых дней Великой Отечественной войны ст. лейтенант Панфилов был использован на специальной работе в 4-м отделении РО штаба КБФ. Придя в совершенно новую для него область работы, ст. лейтенант ПАНФИЛОВ в исключительно короткий срок овладел новой специальностью, добился при этом блестящих успехов и стал одним из выдающихся специалистов. Уже в первые месяцы войны против гитлеровской Германии ст. лейтенант ПАНФИЛОВ разработал несколько секретных документов противника, в результате чего сделалось возможным получение ценнейшей разведывательной информации. Ценность этой информации обусловливалась её своевременностью, а главное абсолютной достоверностью. О ценности добываемых ст. лейтенантом ПАНФИЛОВЫМ разведданных свидетельствует тот факт, что многие из них в срочном порядке докладывались в Москву непосредственно тов. СТАЛИНУ»

Новые методы дешифровки, разработанный Панфиловым, использовались специалистами Северного и Черноморского флотов. Кроме того, он работал с военнопленными. В работе Евгения Дементьевича был яркий эпизод, не достаточно оцененный начальством. Он расшифровал перехваченный документ и раскрыл шпиона (агента-двойника), даже указал его адрес[16]. Шпиона арестовали, все участники операции по его задержанию, кроме Панфилова, получили награды. Но боевые заслуги Евгения Дементьевича не оказались незамеченными. Он был награжден орденом Красной Звезды и Орденом Отечественной

[16] Об этом эпизоде своей военной биографии, а также о некоторых других Е. Д. Панфилов рассказывал Н. Н. Казанскому.

войны 1 степени, а также двумя медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За оборону Ленинграда».

На флоте служила и Маина Радиевская, впоследствии преподаватель английского языка на кафедре фонетики в ЛГУ. Шестнадцатилетней она пошла на завод, а с июня 1943 до июля 1946 г. была радистом в зенитно-артиллерийском полку 2-й гвардейской дивизии Краснознаменного Балтийского флота. Ее батарея охраняла базу подводных лодок в Кронштадте. Награждена медалью «За боевые заслуги». В наградных документах сказано: «Работая радиотелеграфистом управления дивизиона, несмотря на артиллерийские обстрелы и частую передислокацию, обеспечивала радиосвязью боевое управление батареями дивизиона. За период отечественной войны проявила себя как смелая, хорошо знающая свою специальность радистка».

5.3. Переводчики

Специалисты, знающие иностранные языки, требовались и в другие разведовательные подразделения армии. Военная биография выдающегося лингвиста Льва Рафаиловича Зиндера началась так же, как и у многих других ленинградцев его поколения: он пошел добровольцем в народное ополчение Василеостровского района. В то же время, в разведке требовались люди, знающие немецкий на высоком уровне — приходилось читать перехваченные документы, иногда написанные от руки трудно читаемым скорописным готическим шрифтом; чтобы понять и документы, и устную речь, необходимо было владеть не только литературным, но и разговорным языком, а иногда и диалектами. С подобными трудностями сталкивались все переводчики. Так, Игорь Михайлович Дьяконов вспоминает: «Печатный готический я знал, а письменный читал скорее по догадке. В том же положении были Бать и Прицкер» (Дьяконов 1995: 524)[17]. Льва Рафаиловича привлекли к работе в разведке в 20-х числах августа 1941 года, сначала временно, когда был перехвачен дневник убитого офицера немецкой моторизированной дивизии, направлявшейся от озера Ильмень к Ладожскому

[17]О Прицкере см. далее. Моисей Иосифович Бать служил на Карельском фронте. Занимался обработкой и обобщением разведданных.

озеру. В дневнике содержались важные данные, в частности, о стратегии и тактике захвата и разрушения Ленинграда. Расшифровка и перевод этого дневника были очень важны для советской разведки, для защиты нашего города (Винницкий 1980: 77). Привлек Льва Рафаиловича к этой работе его знакомый, аспирант-историк Ленинградского университета Вадим Сергеевич Алексеев-Попов, служивший переводчиком в разведке (впоследствии выдающийся ученый, специалист по философии Руссо, профессор Одесского университета). После этого случая Зиндер остался служить в разведотделе Ленинградского фронта, находившемся в Ленинграде, в Смольном; так что Льву Рафаиловичу приходилось переносить все тяготы и ужасы блокады. Однажды во время выезда по делам разведки в Ленинградскую область ему пришлось уступить место в машине одному генералу. Машина взорвалась, так что Лев Рафаилович чудом остался жив. В задачи Зиндера входили перевод и изучение захваченных документов и карт. Он готовил доклады не только для штаба Ленинградского фронта, но и Генерального штаба (Винницкий 1980: 143–144, Бережной 1995: 65–66). Проведение допросов пленных требовало знания живого устного языка, и у Л. Р. Зиндера была такая подготовка — он учился немецкому сначала в Киевской гимназии, затем в Петербургском Библиотечном Институте (ПЕТРОПИВО), а потом в университете. Обучение включало в себя комплексные знания по германистике: от чтения немецкой классики до разговорной практики. Благодаря участию в организованных В. М. Жирмунским в 1920-х годах экспедициях в немецкие колонии на Украине, Зиндер был знаком с немецкими диалектами, чем поражал окружающих. Допрашиваемые пленные считали его колдуном. Он организовал школу военных переводчиков. Плодом этой работы стало составленное совместно с Л. Л. Шайовичем (по своей мирной специальности экономистом) пособие по обработке трофейных документов (Зиндер, Шайович 1944). В этой небольшой (43 с.) брошюре мы видим присущую научной методике Льва Рафаиловича ясность мысли и простоту изложения, наглядность, логику и последовательность, а также стремление к детальному анализу текста. Проявляется научный и педагогический талант авторов (напомним, что Зиндер написал впоследствии не только научные статьи, но, в числе прочего, лингвистический задачник, а также, совместно с Т. В. Строевой,

практикум по немецкой грамматике и по истории немецкого языка). Цель пособия для военных переводчиков — научить переводчика «быстро ориентироваться в массе документов, выбрать для обработки наиболее ценные и срочные и установить очередность обработки для других» (с. 3). Например, указывается, на что нужно обращать внимание в зависимости от типа документов, как переводить стандартные клише, какие сведения можно извлечь из разных типов материала, будь то членский билет кассы взаимопомощи, шоферское удостоверение, журнал боевых действий или личное письмо. В конце говорится: «Точный перевод отнюдь не должен быть буквальным. Из этого неправильно было бы сделать вывод, что переводчик может позволять себе “вольности” и “отсебятину”. От точного перевода требуется, чтобы он был эквивалентен оригиналу... При переводе нового термина надо вникнуть в суть обозначаемого им предмета и, если нет соответствующего русского термина, можно придумать с помощью специалистов (артиллеристов, танкистов и т. п.) новый термин, снабдив его в скобках описательным переводом... Из всего сказанного вытекает, что для того, чтобы сделать хороший перевод, нужно прежде всего понять документ по существу» (с. 37–38). Таким образом, некоторые пассажи данной брошюры могли бы занять достойное место в пособии по теории перевода, хотя Лев Рафаилович никогда не упоминал ее и не включал в список своих публикаций. Способность Льва Рафаиловича «понять по существу» нечто, относящееся не только к гуманитарной, но и к военной, к технической сфере также проявилась в последующей научной деятельности — он занимался экспериментальной фонетикой, математической лингвистикой, разбирался в статистике и теории относительности. В 1944 г. Лев Рафаилович был награжден орденом «Красная звезда». В наградных документах сказано: «Ст. лейтенант а/с Зиндер Л. Р., работая в РО Штаба Ленфронта с начала Отечественной войны в должности военного переводчика, показал себя исключительно способным, грамотным, выдержанным инициативным офицером-разведчиком.

Занимаясь по преимуществу изучением и обработкой трофейных документов путем их глубокой проработки, значительно помог Командованию фронта по вскрытию и группировки и намерений противника и помог войскам в изучении противостоящего противника».

Военным переводчиком был и другой выдающийся германист — Соломон Давидович Кацнельсон. И его военная биография начинается с народного ополчения, куда он вступил добровольцем в июле 1941 г., но как и других специалистов-филологов, его вскоре стали разыскивать, о чем он узнал, случайно зайдя домой, в свою пустую квартиру (его жена и сын были в эвакуации). Соломон Давидович провел почти всю войну на Ленинградском фронте, был в Ленинграде все 900 дней блокады, терпел вместе с другими ленинградцами голод, но работал с большим энтузиазмом (Брауде 1995). Он руководил редакционным отделом Седьмого Отделения Политуправления Ленинградского фронта (Отдел по пропаганде среди войск противника). Соломон Давидович писал по-немецки листовки, которые затем забрасывали на занятую противником территорию, участвовал в подготовке газет, радиопередач и др. Возглавлял эту пропагандистскую работу Юрий Васильевич Басистов — полковник, впоследствии кандидат исторических наук, автор ряда работ по истории Второй мировой войны. С. Д. Кацнельсон сотрудничал с Иностранным отделом Ленинградского радиокомитета, помогал в работе Ленинградского радио. Его часто доставляли самолетом на фронт для ведения радиопередач. Кроме того, он допрашивал пленных. Глубокие германистические знания помогали Соломону Давидовичу в этой работе. Зная историю языка и диалектологию, Кацнельсон сразу мог определить, из какой области происходит допрашиваемый им немец, что помогало ему не только понять этого человека, но и установить с ним более доверительные отношения. Соломон Давидович закончил войну в Берлине. Он служил в газете “Tägliche Rundschau”, а затем в Бюро информации советской военной администрации. Важным событием в его жизни была его работа в качестве переводчика и корреспондента на Нюрнбергском процессе. Сам он говорил, что испытывал в те дни счастье. Соломон Давидович был награжден орденом Отечественной войны II степени и несколькими медалями. Несмотря на успешную службу за границей, после войны ученый стремился скорее вернуться в Ленинград, продолжить научную работу. О том, что его научная мысль не останавливалась, свидетельствуют его занятия языком аранта в 1945–46 гг. в

Берлине. Он нашел записи, сделанные Карлом Штреловым[18], написал письмо его сыну, составил словарь аранта, мечтал поехать в Австралию для изучения этого языка, важного для типологических исследований.

Мэри (Мери) Иосифовна Беккер, впоследствии переводчица художественной литературы с английского языка (известны ее переводы Фолкнера, Фаулза, Марка Твена и др.) на войне использовала приобретенные с детства знания немецкого. В начале войны она была эвакуирована в Саратов вместе с другими студентами ЛГУ, но вскоре пошла добровольцем на фронт. Она воевала на Волховском, Карельском и Втором Белорусском фронтах. Была переводчиком в штабах армий и в разведотделе, войну закончила в Германии. Была награждена Орденом Красной Звезды; в наградных документах читаем:

«Младший лейтенант а/с Беккер Мери Иосифовна работала переводчиком разведотдела штаба 134 стр. корпуса в период наступательных боев по окружению и окончательному уничтожению группировки противника в Померании, благодаря хорошему знанию языка противника, своей упорной работой и умелым подходе при допросе в/пленных сыграла большую роль в своевременном обеспечении командира корпуса достоверными данными о группировке противника, его намерениях, и выявлении характера оборонительных рубежей. Мл. л-т Беккер, отказывая себе в отдыхе, находясь в самых трудных условиях боя, часто в зоне арт.-мин. огня и под воздействием его в любое время дня и ночи, самоотверженно и спокойно рассортировывала прибывающие сотнями колонны пленных, ежедневно обеспечивая допрос не менее 25–30 в/пленных, а всего в период наступательных боев на Каминском и Гданьском направлениях допросила не менее 400 в/пленных»[19].

Ценилось на фронте и знание не только немецкого, но и других иностранных языков. Например, нашла применение

[18] Карл Штрелов — немецкий лютеранский священник-миссионер в Австралии, антрополог, лингвист, ставший известным благодаря документированию и изучению культуры, быта и языков австралийских аборигенов.

[19] Заметим, что этой переводчице, умело допрашивавшей пленных, было тогда немногим более 20 лет. Действительно, тот, кто обладает особым умением добыть нужную информацию у пленных, потом найдет ключи к переводу Фолкнера!

эрудиция таких людей, как И. М. Дьяконов, А. А. Касаткин, Б. А. Ильиш, Т. Э. Барская, С. С. Маслова-Лашанская.

Сарра Семеновна Лашанская (в замужестве Маслова-Лашанская), выдающийся филолог-скандинавист, еще до войны начавшая исследования шведского языка, во время войны занималась и радиоперехватом, и переводом. Пригодились ее знания и немецкого, и шведского. В ее наградных документах читаем: «Тов. ЛАШАНСКАЯ успешно выполняла специальные задания Совета Ленинградского фронта по проведению контроля за передачами иностранных радиостанций и по радиоперехвату. Участвовала в обработке материалов радиоперехвата метеосводок Скандинавских стран для ВВС Ленфронта». Она была награждена Орденом Красной Звезды и двумя медалями.

Елизавета Артуровна Реферовская, выдающийся филолог-романист, была переводчицей на Ленинградском фронте, работая и с немецкими, и с испанскими документами (Реферовская 2017). С начала 1942 г. она служила в технической воинской части на Ленинградском фронте, а с марта 1943 г. была отозвана в Управление Народного Комиссариата Внутренних Дел Ленинградской области. Ей были поручены разбор и описание документации немецких воинских частей и испанской Голубой дивизии, изгнанных в ходе боев из районов Ленинградской области. Документы привозились целыми мешками. Среди них были приказы, письма, карты и пр. Нужно было их спешно отсортировать, описать и при необходимости перевести. Некоторые из них оказались особенно важными. Так, были найдены два плана заминированных участков в районе Красного села, недалеко от Вороньей горы. Туда немедленно послали саперов. Служба Елизаветы Артуровны в армии продолжалась до 1944 г., после возвращения университета в Ленинград она вернулась к преподаванию (см. далее).

Из всего рассказанного вырисовывается особая роль тех, кого мы назвали переводчиками. Они не только переводили устные или письменные тексты, но и анализировали их, составляли сводки и отчеты, выделяя данные, важные для защиты города. Показательно, что Л. Р. Зиндер назван в военных документах и военным переводчиком, и офицером-разведчиком. Этот же термин находим в документах Е. Д. Панфилова.

5.4. Пропаганда в войсках противника

Пропаганда среди войск противника, о которой уже говорилось выше, была основной работой многих филологов во время войны. Писались листовки, составлялись газеты, которые затем подбрасывались противнику.

В начале войны Советский Союз проигрывал нацистскому Рейху и в области пропаганды. Нацисты хорошо подготовились к агитационной работе среди советского населения; для нее привлекались многие специалисты, даже психологи. Зная страдания многих советских людей от сталинского режима, нацисты стремились представить немцев как носителей справедливости, которые обеспечат захваченным ими народам, кроме евреев и цыган, счастье и благосостояние. В немецких пропагандистских материалах нацистская армия восхвалялась как армия освободителей, а расистская теория и планы депортации миллионов людей тщательно скрывались. Первоначально советское командование исходило в пропагандистской работе из ошибочных предпосылок: в основе пропаганды была идея братства всех рабочих, революционных традиций пролетарского интернационализма, якобы сохранившихся у немцев. Но такого рода пропаганда, вернее контрпропаганда, не была действенной. Поэтому и было решено создать отделы армии, организующие агитационную работу по-новому. Пропагандистские воззвания передавались либо как живая речь, произносившаяся по радио или просто в жестяной рупор с расстояния 100–150 метров от противника (в ответ немцы открывали стрельбу), либо в листовках и газетах, забрасывавшихся за линию фронта. Часто использовали самодельную установку с громкоговорителем и патефоном, на котором перед пропагандистским текстом для его лучшего восприятия проигрывалась музыка[20]. Это устройство вывозили на передовую на телеге ночью и устанавливали на 800 метров от противника (Жданова 2009: 28–29). Вскоре к этой работе были подключены и немцы-антифашисты, создавшие в июле 1943 г. комитет Свободная Германия. Переводчиком в группе таких перешедших на сторону Красной Армии военнопленных была Евгения Кацева, она, кроме того, обучала их радиоделу (Кацева 2002). Существует много свиде-

[20] О музыке с этих пластинок см.: Слуцкий. 2005: 161.

тельств действенности советской агитации, особенно с того момента, когда в ходе войны начался перелом. «Теперь солдаты все чаще вспоминают листовки 1941–1942 годов, которые предупреждали, что Германия будет разбита. Раньше мы этому не верили. Теперь каждый видит, что русская пропаганда говорит правду. Ее листовки — это капли, долбящие гранит. Они научили нас немножко заглядывать в будущее и критически относиться к своим правителям», — писал в дневнике немецкий военный врач (Бурцев 1981). Е. Г. Эткинд отмечает: «…дальнейшие события показали, что мы не зря вели агитацию. Когда германская армия перестала побеждать, немцы начали сдаваться в плен пачками; нередко они приходили с нашими листовками, которые, как сообщалось в тексте, служили “пропуском для перехода в плен”» (Эткинд 2001: 343). Пропагандистской работой занимались многие гуманитарии. В Седьмом отделе (Отдел по пропаганде среди войск противника) Карельского фронта служили литературовед-германист Григорий Юльевич Бергельсон, востоковед Игорь Михайлович Дьяконов, филолог-германист и романист Ефим Григорьевич Эткинд, германист-лексикограф, соавтор и редактор немецко-русских словарей (он был старше других сотрудников) Анатолий Борисович Лоховиц, филолог-романист Александр Александрович Касаткин, языковед-германист Исаак Моисеевич Смолянский. Там же работал в газете «Der Frontsoldat» Сухер Ицкович Гольденберг, еврейский писатель и журналист[21]. В Беломорске служил и историк Давид Петрович Прицкер[22]. «Работу в Седьмом отделе я не просто ценил — я был ею увлечен», — писал впоследствии Эткинд (2001: 343)

Григорий Юльевич Бергельсон в 1939 году окончил филологический факультет Ленинградского университета, поступил

[21] Сухер Ицкович Гольденберг (Бузя Гольденберг) был редактором газеты «Биробиджанер Штерн»; он был арестован в мае 1938 г. по 58-й статье. Дело прекратили за недоказанностью обвинения. В 1941 г. ушел добровольцем на фронт.

[22] Давид Петрович Прицкер работал в разведотделе штаба Карельского фронта. В наградных документах отмечается его особая роль в разведке: он составлял важные для разведки донесения, обобщал их в книгах и брошюрах, которые печатались типографским способом и рассылались в военные части для изучения противника. Впоследствии Д. В. Прицкер — выдающийся историк нового и новейшего времени.

в аспирантуру Института Русской Литературы (Пушкинского Дома), но в том же 1939 г. по новому положению о призыве его забрали в армию. До 1945 года он служил в Карелии. Был вначале военным корреспондентом, а потом начальником редакционно-издательского отделения в Седьмом отделе политуправления Карельского фронта. «Особо сохранялась в составе отдела редакция (для издания листовок); ее возглавлял переведенный из 14 армии (Мурманской) наш филфаковец майор Гриша Бергельсон, а входили в нее Лоховиц, Фима Эткинд, я и еще один филфаковец — Шура Касаткин», — пишет И. М. Дьяконов (с. 587). И далее: «Гриша считал себя нашим товарищем, оказавшимся нашим начальником только из-за партбилета, и не пытался главенствовать. Мы сами ходили к нему за советом и знали, что получим совет дельный...» (с. 595). После войны он был направлен в Берлин. Там он работал в отделе культуры выходившей на немецком языке газеты «Tägliche Rundschau». Григорий Юльевич присутствовал на Нюрнбергском процессе, организовывал помощь немецким писателям. В 1947 г. он демобилизовался и продолжил научную и преподавательскую работу.

Выдающийся ученый-востоковед Игорь Михайлович Дьяконов был переводчиком информационного отдела Карельского фронта, под Мурманском, служил на считавшейся «подпольной» радиостанции, ведущей передачи как будто с территории врага, а на самом деле, с советской территории; в конце войны был помощником коменданта в норвежском Киркинесе. Он участвовал в издании газеты «Der Frontsoldat», предназначенной для распространения среди немецких войск. Игорь Михайлович пишет в воспоминаниях (с. 568): «Седьмой отдел Политуправления, т. е. “Отдел по пропаганде среди войск противника”, подразделялся на собственно Отдел, который занимался распространением листовок и устной пропагандой через радио и полевые радиоустановки и рупоры, и две редакции — немецкой газеты «Der Frontsoldat» и параллельной финской газеты. Те же редакции обеспечивали тексты для радиопередач (но не для полевых установок — те обслуживались армиями и дивизиями). Наша же радиостанция, расположенная в 1942 г. на Соловках, ... выдавала себя за подпольные станции — немецкую и финскую». Кроме того, Игорь Михайлович занимался сбором информации, которая «позволяла довольно подробно описать состояние экономики, идеологической работы в немецком тылу и в армии,

что могло принести большую пользу». Он написал целую монографию о социальных и экономических порядках в нацистской Германии.

Ефим Григорьевич Эткинд по окончании филфака университета был распределен в город Киров (Вятку). Потом началась эвакуация из Кирова, Ефима Григорьевича отправили в Яранск, в глубокую тайгу. Он стремился в армию, хотя его не брали как белобилетника из-за сильной близорукости. Благодаря ходатайству Д. П. Прицкера и И. М. Дьяконова Е. Г. Эткинд был направлен переводчиком в политуправление штаба Карельского фронта в Седьмой отдел. Он участвовал в издании газеты «Der Frontsoldat», издавал и сатирический ежемесячник «Michel im Norden». И. М. Дьяконов так описывает прибытие Ефима Григорьевича в часть (с. 553): «Я сказал ему, что нужно немедленно доложиться Питерскому. Фима вынул из карманов бутылки (мы их спрятали) и пошел к начальнику. Подошел к нему, косолапя, протянул огромную лапищу:

– Здравствуйте! Я Эткинд.

Питерский ничуть не смутился и не стал требовать уставного приветствия.

– А, очень хорошо! — сказал он. — Вы умеете писать стихи?

– Умею.

– Сейчас у нас 16 часов, к 19 часам нам нужна поэма о том, как себя чувствует немец перед Рождеством.

Фима вернулся ошарашенный, но готовый к свершению подвига. Лоховица не было, он сел на его место, положил перед собой бумагу и с молниеносной скоростью начал писать». Так была создана шуточная поэма об ефрейторе Михеле, которая действительно была готова к семи часам вечера:

Michel der Gefreite
Stehet vor dem Stab,
Seine linke Seite
Fror ihm gänzlich ab…

‘Ефрейтор Михель стоит перед штабом,
его левый бок совершенно отмерз’.

Впоследствии Ефим Григорьевич был переведен в разведотдел штаба. Он участвовал в освобождении концлагеря Эбензее в начале мая 1945 года (Эткинд 2001: 353–362).

Вместе с Бергельсоном, Эткиндом и Дьяконовым в Седьмом Отделе Карельского фронта служил Александр Александрович Касаткин, впоследствии известный филолог-романист. «Очень интеллигентный. Идеально говорил по-немецки, по-французски, по-итальянски и по-английски. Очень правильно, очень грамматично», — вспоминал о нем И. М. Дьяконов (с. 295). А. А. Касаткин рассказывал о своей деятельности по агитации в войсках противника: «Практически этой работой я начал заниматься на Ленинградском фронте в первые же месяцы войны, когда оказывать идеологическое воздействие на противника было особенно трудно, так как после своих легких побед на Западе враг был уверен в успехе “блицкрига” — молниеносной войны, которая должна была обеспечить ему очень быструю и легкую победу» (Бережной 1997: 53–55). «Специалисты этой работы испытали на себе все виды вражеского огня, испробовали все возможные способы передвижения, все способы доведения до противника правды о войне» — продолжал Александр Александрович

Несколько позже, чем Дьяконов и Эткинд, в Седьмой Отдел Карельского фронта прибыл для работы переводчиком молодой германист Исаак Моисеевич Смолянский (см. его воспоминания в: Низамутдинова). Как и многие другие филологи, он не сразу стал служить в соответствии со своею мирной специальностью. С началом войны он записался в Народное ополчение, и его послали рыть противотанковые рвы под Новгородом и под Лугой. Но вскоре он был отправлен в школу младших лейтенантов артиллерии, где проучился три с половиной месяца. Окончив курсы, Исаак Моисеевич был назначен в укрепрайон на линии, где проходил тогда Советско-финский фронт и попал в 102-й отдельный пулемётно-артиллерийский батальон (ОПАБ), занимавший оборону в районе Белоостров–Сестрорецк. В конце января 1942 г. Смолянскому было приказано явиться в штаб (как следует из многих военных рассказов, именно в это время искали специалистов, знающих немецкий). Пришлось идти пешком в Ленинград, по шпалам, иногда через минные поля, чтобы попасть в находящийся в Ленинграде пересыльный пункт[23]. Его командировали в штаб Волховского фронта, где он был назначен переводчиком отдела пропаганды среди войск и

[23] По устным воспоминаниям Т. И. Смолянской.

населения противника, а после снятия блокады, когда Ленинградский и Волховский фронт сомкнулись, он попал на Карельский фронт. Сразу же после победы Смолянского направили в Германию, сначала в Дрезден, а затем в Вену, где он работал в газете советского сектора "Österreichische Zeitung", выходившей на немецком языке и предназначенной для местного населения. В 1951 году Исаак Моисеевич вернулся в Ленинград.

Большой вклад в дело пропаганды среди войск противника внес и Андрей Венедиктович Федоров, филолог, переводчик, основоположник теории перевода в Советском Союзе. Войну он начал в Политуправлении Ленинградского фронта, но вскоре его, как знатока иностранных языков, привлекли к пропагандистской работе, вещанию на войска противника. Он служил на Ленинградском фронте (в Политотделе 67-ой армии, затем в 42-ой армии), а позже на Прибалтийском фронте и в Северной группе войск (на территории Польши и Германии). В его задачи входило написание листовок по-немецки и по-французски, составление текстов радиообращений к противнику, редактирование и перевод текстов, допросы военнопленных (Шаралапова 2011). Иногда он сам выступал с микрофоном. Его дочь Наталья Андреевна Федорова вспоминала: «Во время войны отец занимался, в том числе, агитацией. Я до сих пор помню колоритный папин рассказ о том, как они выезжали за линию фронта, агитировали немцев, предлагали им сдаваться. Его произношение было настолько прекрасным, что те принимали его за своего! И были прецеденты — немцы действительно сдавались» (Шаралапова 2011). Об изысканной интеллигентности и мягкости Андрея Венедиктовича, трудно совместимыми с фронтовыми условиями, ходили легенды. Лев Васильевич Успенский рассказывал Н. А. Федоровой о ее отце «… в землянке все курят, водку пьют, а он даже запаха вынести не может. Выйдет, никому не сказав ни слова, и прикорнет где-нибудь снаружи, лишь бы не дышать дымом» (Шаралапова 2011). Ирина Дунаевская записала в дневнике 21 августа 1943 г.: «*Проверка по немецкому языку в политотделе 42-й армии.* Для меня это "бирюльки", хотя "главный проверяльщик" — очень серьезный и квалифицированный человек — капитан Андрей Венедиктович Федоров, который спокойно мог бы быть генералом и вполне достойно руководить всей этой "конторой". Держится А. В. чрезвычайно скромно, как бы стараясь оставаться

незаметным, и я весьма сомневаюсь в том, что недавний довольно посредственный выпускник филфака кап. Мусатов хотя бы понимает, какой бриллиант находится у него в подчинении. Я не знаю довоенной биографии А. В. Федорова, но широта и глубина его познаний и меткость суждений были мне уже тогда совершенно очевидны, так что я совершенно не удивилась, когда вскоре после войны незаметный капитан стал одним из виднейших авторитетов по теории и практике художественного перевода» (Дунаевская 2010: 230–231).

Ирина Михайловна Дунаевская, впоследствии известный востоковед, рассказывает, что ее мобилизовывали в действующую армию дважды[24]. Закончив три курса университета (русское и немецкое отделения), Ирина Михайловна пошла добровольцем на фронт уже в июле 1941 года. Как и многие другие студенты, она была зачислена в 277-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон (ОПАБ), который вел оборону между Стрельной и Ропшей. «Батальону была суждена короткая жизнь, всего около двух с половиной месяцев, как большинству ОПАБ-овских батальонов, которые во время войны называли батальонами смертников» (Шапиро 2002: 223–225)[25]. В середине сентября плохо вооруженный и неподготовленный батальон был разбит, хотя с места не сошел. Студенты и аспиранты ценою своих жизней задержали врага. В сентябре молодую студентку отослали обратно в Ленинград. Понимая весь ужас положения, юноши хотели ее спасти. Ирина вернулась в университет, но, когда он был эвакуирован в апреле 1942 года, осталась в городе. Работала в госпитале, но стремилась на фронт. После «второй мобилизации» она была на Ленинградском фронте, в войсках Второго, а после снятия блокады — Второго и Третьего Прибалтийского и Второго и Третьего Белорусского фронтов (Дунаевская 2010: 23). Ирина Михайловна ходила в разведку, допрашивала пленных. Часто требовалось, чтобы переводчики находились непосредственно на передовой. Так информацию можно было получить более оперативно, ведь

[24] Устный рассказ Дунаевской. С ней я беседовала в 2004 г. в Санкт-Петербурге. См. также: Троицкая 1997.

[25] В этой статье речь идет о студентах и преподавателях биофака Ленинградского университета, в том числе о муже И. Дунаевской биологе В. Грацианском, погибшем на этом участке фронта.

всегда были опасения, что пленного не доведут до штаба: его могли застрелить и немцы — в спину, видя, что его взяли в плен, и русские. Дунаевская вспоминает, как она волновалась во время своего первого допроса пленного, несмотря на то, что немецкий хорошо знала с детства. На вопрос: «Где ваши тылы?» немец отвечал что-то начинавшееся с “an”, за которым следовало непонятное слово. Не растерявшись, девушка попросила его написать сказанное. Оказалось, что речь идет о деревне Антропшино. И. М. Дунаевская участвовала в важнейших военных операциях, например, в Путроловской на Ленинградском фронте, была ранена, войну закончила в Германии.

Юрий Сергеевич Маслов, к тому времени уже защитивший диссертацию по германистике, в первый же день войны был призван на Северо-Западный фронт в качестве старшего инструктора отдела по пропаганде среди войск противника, а затем переведен в Центральное управление этого отдела (Маслов 2004: 10, 804). Он выезжал на различные фронты, помогая организовать или повысить уровень соответствующей пропаганды. О его деятельности хорошо сказано в приказе о его награждении орденом Красной звезды в 1943 г.: «Тов. Маслов Ю. С., работая среди войск противника с первых дней войны, проделал исключительно ответственную работу по организации выпуска листовок и программ передач для войск противника. Прекрасно владея немецким языком, он был не только автором многих документов, распространенных среди войска противника, но и одним из лучших редакторов и организаторов этого нового важного дела. Тов. Маслов проделал большую работу по обучению и переподготовке кадров работников среди войск противника. Бывая часто в армиях и соединениях, т. Маслов и там помогал выполнению задач, поставленных командованием, а в боевой обстановке держал себя мужественно. Тов. Маслов, работая по устной пропаганде, помог наладить новое дело — звуковещание с самолетов, имеющее важное значение».

Ю. С. Маслов участвовал также в подготовке немецких антифашистов к пропагандистской работе. Когда же Красная армия, освобождая оккупированные страны от фашистов, вышла за пределы СССР, его направили в Венгрию, Польшу, Болгарию, Берлин. Попав в сентябре 1944 г. в Софию, Варну, Добриче, Юрий Сергеевич увлекся историей и культурой Болгарии, что сыграло важную роль в становлении его лингвистических

интересов: он начал заниматься историей и теорией болгарского языка.

Владимир Григорьевич Адмони передавал свои ощущения в начале войны так: «Мне даже не приходило в голову, что я и все мои близкие смогут пережить войну. И все же, с самого начала понимая, что Россия не сможет остаться вне войны, я был счастлив, что независимо от воли Сталина и, скорее всего, против воли Сталина Россия воюет на правильной стороне — воюет против фашизма» (Сильман, Адмони 1993: 247). Адмони работал в 1941–1942 годы при Политуправлении Ленинградского фронта. Несмотря на все старания Владимира Григорьевича, мобилизовать его отказались, он оставался вольнонаемным в Седьмом Отделе Политуправления. Причина отказа, несмотря на ходатайства руководителей отдела, состояла в том, что летом 1941 года был арестован брат Владимира Григорьевича — Иоганн Адмони-Красный — композитор, впоследствии автор опер, балетов, музыки к спектаклям. С июля по декабрь 1941 г. Владимир Григорьевич составлял агитационные материалы на немецком языке, предназначенные для заброски в немецкую армию. «Сатирические [стихи] перемежались с патетическими, а нередко сатира и патетика соединялись в одном стихотворении. С длинными соседствовали короткие, потом совсем коротенькие стихи. Использовались формы народной песни — и перефразировались строки из поэзии Гете и Шиллера. На тирольский диалект — для альпийских стрелков — я перевел несколько частушек А. А. Прокофьева», — вспоминал впоследствии Адмони (там же). Стихи Владимира Григорьевича печатались в листовках, в выпусках иллюстрированного журнала, в газетах, читались по радио. Некоторые из его немецких стихотворений потом были опубликованы в ГДР, несколько стихотворений он перевел и включил в книгу «Из долготы дней».

Татьяна Григорьевна Гнедич, выдающийся переводчик, «сегодня можно с полной уверенностью сказать, личность замечательная и легендарная» (Эткинд 2001: 380–389), была переводчиком во время войны. Татьяна Григорьевна — выпускница ЛИФЛИ, с 1939 г. аспирантка и одновременно преподаватель английского в 1-м Институте иностранных языков, блестящий знаток английского языка. Она была мобилизована в июле 1942 года. Сначала работала в Седьмом отделе политуправления

Ленинградского фронта, но поскольку ее знания немецкого были пассивными, ее перевели в разведуправление Балтфлота, где она могла принести бóльшую пользу, так как нужно было работать с английским языком. Татьяна Григорьевна стала переводить на английский патриотические стихи ленинградских поэтов А. Прокофьева, В. Инбер, О. Берггольц, А. Ахматовой, чтобы познакомить с ними наших союзников. Впоследствии она приобрела известность благодаря ставшему классикой переводной литературы переводу «Дон Жуана» Байрона, который она сделала в тюрьме. В декабре 1944 года Татьяна Григорьевна была арестована по обвинению в «измене советской родине» (как она сама рассказывала, ее «предательство» состояло в мечте поехать когда-нибудь в Англию, в которой она призналась «компетентным органам»). В тюрьме она провела более 10 лет. Впоследствии Татьяна Григорьевна жила в Царском Селе под Ленинградом, многие талантливые ленинградские филологи приезжали к ней, она вела переводческий семинар.

6. Образ врага

В среде русской интеллигенции, включая русско-еврейскую, было принято воспитывать детей на немецкой культуре. Особенно это касалось Петербурга. Издавна лучшими школами считались немецкие, где преподавание велось на немецком языке, а учителя были более или менее обрусевшими немцами или австрийцами, — Петришуле[26], Анненшуле и Реформиртеншуле. Несмотря на превращение знаменитой немецкой Петришуле в обычную школу и репрессии против лучших учителей-немцев, выпускники этих школ все же блестяще владели немецким. Если не в школе, то благодаря частным учителям многие дети овладевали немецким языком, читали по-немецки, а для некоторых из них — тех, которые впоследствии стали филоло-

[26] Петришуле (Петершуле) окончили, например, известные филологи С. В. Полякова, Г. М. Фридлендер, Н. Я. Дьяконова, В. Г. Адмони, Л. М. и Ю. М. Лотман, А. Н. Болдырев, замечательный переводчик С. В. Петров. До 1928 года преподавание на немецком отделении Петришуле целиком велось по-немецки, затем школа была фактически разгромлена, но еще некоторое время уровень преподавания немецкого отставался высоким.

гами, возникала «своя Германия». Е. Г. Эткинд писал: «Немецкая дама, позволившая мне открыть другой куда более таинственный немецкий мир, была настроена романтически: в шесть или семь лет я знал наизусть «Кубок», «Поруку», «Перчатку», «Ивиковы журавли», уже прочитал сказки Гауфа и Тика; к числу моих любимцев принадлежали маленький Мук и Коленмунк-Петер. С тех пор прошли многие десятилетия, но в глубине моей памяти продолжают жить Щелкунчик и Мышиный король; они образуют фундамент моей культуры» (Эткинд 1998: 6). Т. Э. Барская, впоследствии занимавшаяся в основном романскими языками и французской литературой, рассказывает, что в детстве она учила немецкий язык с учительницами-немками и ее настольными книгами были «Нибелунги» и «Гудрун» в прозаическом изложении, сказки братьев Гримм и пьесы Шиллера (например, «Коварство и любовь») — естественно, в подлиннике, по-немецки. И. М. Дунаевская вспоминает, что она освоила в детстве сначала французский с частной учительницей, а затем и немецкий — в группе, находившейся в немецкой церкви на Васильевском острове, а позже совершенствовала свои знания в немецкой школе, которую открыли на Мойке.

Юрий Михайлович Лотман с детства читал по-немецки. На фронте, во время отступления, солдатам часто попадались брошенные книги. Юрий Михайлович выдвинул подхваченный другими солдатами лозунг: «Кто книгу врагу оставит, тот подлец». Так, они увозили книги из горящих городов[27]. В первый год войны Лотман нашел немецкую книгу стихов Гейне на Украине, он носил ее в сумке для противогаза, выносил из всех боев и окружений, но во время боев на Кавказе книга потерялась. А потом, уже в Германии, ему попался том Гейне в издании, которое он с сестрами читал все детство дома. «Так что встреча была все равно что со старым другом. Для меня за каждым стихотворением тянется целая борода воспоминаний», — писал Юрий Михайлович сестре Виктории. Таким образом, Юрий Михайлович всю войну читал немецкие стихи; он пробовал переводить их на русский и посылал свои переводы в письмах сестре Лидии. Сестра, в свою очередь, тоже переводила Гейне и посылала ему в письмах свои переводы

[27] Л. М. Лотман. Устные воспоминания.

(Лотманы 2022: 90–91, 332, 336–339, Лотман 1997: 20). «Немецкая ориентированность» по традиции настолько укоренилась в русской культуре, что даже разжигавшиеся властями антинемецкие настроения во время Первой мировой войны и начинавшиеся репрессии против русских немцев в 30-е годы лишь немного поколебали ее. Для поколений, выросших после 1917 года, образ Германии был далек от тогдашней современности. Показательны в этом отношении слова композитора Альфреда Шнитке: «Немецкое было для меня внутренне уничтожено и сведено к литературе, когда я увидел, что сама Германия — уже другая» (Шнитке 2003: 25). То, что многие филологически одаренные молодые люди выбирали своей специальностью немецкую филологию, было не случайным. «Их Германия» сохранялась и обладала особой притягательностью. Война поставила сложнейшие проблемы в отношениях двух культур, издавна породнившихся и постоянно влиявших друг на друга.

Гуманному и сдержанному отношению к врагу, естественному для интеллигентного человека и наблюдавшемуся, по ряду свидетельств, у многих солдат, противостояла тенденция выработки ненависти к немцам как к врагам, которая должна была, по мысли некоторых пропагандистов, способствовать повышению боевого духа в армии. Большую роль при этом играла опубликованная в 1942 г. и перепечатывавшаяся в листовках, распространявшаяся в боевых частях статья Ильи Эренбурга «Убей немца!», где не делалось различия между немцами и нацистами. «Мы поняли: немцы не люди... Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал... Если ты убил одного немца — убей другого, нет для нас ничего веселее немецких трупов». Та же позиция была выражена в стихотворении К. Симонова «Убей его!», написанном тогда же, в 1942 году (об отрицательном отношении к призывам Эренбурга см. например: Слуцкий 2005: 18–19). Безусловно, этот призыв поддерживался высшим эшелоном политуправления. На гребне этой ненависти из европейской части Советского Союза были депортированы все советские немцы, которых обвинили в шпионаже — правда, эта операция НКВД заранее тщательно подготавливалась. И позже, в апреле 1945 г., Эренбург писал в опубликованной в «Красной звезде» статье «Хватит!»: «Германии нет: есть колоссальная шайка, которая разбегается, когда речь заходит об ответственности». Но позиция советского

руководства к тому времени изменилась, пропаганда ненависти была уже не нужна, даже вредна, особенно после вступления Красной Армии на немецкую территорию. В апреле 1945 г. в «Правде» появилась статья «Товарищ Эренбург упрощает», где сказано: «Ныне каждый убедился, и это особенно ясно видно на опыте последних месяцев, что разные немцы по-разному воюют и по-разному ведут себя». Автор статьи ссылается на Сталина, который еще в 1942 году писал: «Для германского народа все яснее становится, что единственным выходом из создавшегося положения является освобождение Германии от авантюристической клики Гитлера-Геринга»[28]. Эренбург направил Сталину письмо, в котором объяснял и отстаивал свою позицию.

Из многих высказываний и воспоминаний филологов-фронтовиков следует, что они отделяли немцев как нацию, а тем более немецкую культуру, от фашистов и понимали, что в немецкой армии оказались не только убежденные нацисты. И. М. Дунаевская говорит по этому поводу: «Я считала: человек без оружия мне не противник. Я догадывалась, что кто-то пошел в армию не по своей воле, по мобилизации, а кто-то и по идейным соображениям». В ее дневнике читаем:

«Врезалось в память, как одна женщина кричала вдогонку уходящему сыну, совсем юному парнишке: *«Коська, бей их гадинов проклятых!»* (запись 14 июня 1942 г.) и примечание: «Такого рода определенности чувств я никогда не испытывала: была с первого дня готовность освободить страну от оккупантов, но ненависти к немцам не было (ненавижу, потому что оккупанты, а не потому что немцы)» (Дунаевская 2010: 35). И еще: Сталин в приказе от 5 августа с. г. о взятии Орла впервые сказал и повторил — *Смерть НЕМЕЦКИМ оккупантам!* Будто суть дела в том, что они НЕМЕЦКИЕ, а ведь важно только одно, что они — оккупанты!» (8 августа 1943 г.) (Дунаевская 2010: 224).

[28] Ветеран войны, выдающийся геолог Борис Васильевич Ткаченко рассказывал в частной беседе, как в 1945 г. политрук проводил занятия с солдатами и читал статью, где было сказано: «Гитлеры приходят и уходят, а Гете и Шиллер остаются». На вопрос, кто такие Гете и Шиллер, политрук, несколько замешкавшись, ответил: «После войны разберемся».

Е. В. Ланда рассказывает: «Фашизм был для нас, как черный бес. Он не бросал никакой тени на немецкую культуру, например, на Гете. Это было бы глупо. Не представляю себе, чтобы мы не дали голодному немцу кусок хлеба». «Правда, — добавляет она, — я не могу судить о позиции тех, у кого погибла семья».

Родители С. Д. Кацнельсона погибли в Белоруссии, в Бобруйске. Немцы загнали там всех евреев в синагогу и заживо сожгли. В конце войны Соломон Давидович, уже знавший о гибели родителей, допрашивал пленного, который прошел от Белоруссии до Ленинградского фронта. «Что вы сделали с мирным населением в Бобруйске?» — спросил Соломон Давидович «Какое мирное население? Одни евреи», — ответил немец. Соломон Давидович хотел его ударить, но кодекс чести не позволил ему расправляться с пленным. Работая на Нюрнбергском процессе, Соломон Давидович испытывал удовлетворение. Но он был далек от того, чтобы ненавидеть всех немцев и мстить им. В Нюрнберге к нему подошел интеллигентный молодой немец и попросил помощи. Это был сын Паулюса, который искал встречи с отцом. Соломон Давидович взялся помочь ему (ведь он переводил именно при работе с Паулюсом) и водил его по всем инстанциям[29]. После войны Кацнельсон общался с немецкими коллегами, но избегал тех, кто запятнал себя сотрудничеством с нацистами. Он, в частности, встречался с жившим в ГДР крупнейшим германистом Теодором Фрингсом, обсуждал с ним проблемы акцентологии, которыми оба ученых занимались, обратил его внимание на работу Энгельса «Франкский диалект», в которой высказывались близкие Фрингсу идеи.

Т. Э. Барская рассказывает, что после прихода нацистов к власти в Германии какое-то время не верилось, что там могло произойти *это*. (Мало ли что говорит советская пропаганда!). После выхода фильма «Профессор Мамлок» по пьесе Фридриха Вольфа закрались большие подозрения, но все же была надежда, что краски там были сгущены, ведь фильм был создан в Советском Союзе. И лишь впоследствии страшная правда подтвердилась. Во время войны Татьяна Эмильевна и ее люби-

[29] По устным рассказам Л. Ю. Брауде.

мый человек, будущий муж Исай Семенович Янкельсон[30] оказались на разных фронтах, а родители эвакуировались из Ленинграда на Кавказ. В 1943 году Барская получила известие о гибели родителей, и это горе пошатнуло ее любовь к немецкой культуре. Тем не менее, ненависти или жестокости ко всем немцам не было ни у нее, ни у ее товарищей. Когда случайно попадали пленные, к ним относились без жестокости и даже жалели их — как вспоминает Татьяна Эмильевна: «и чем дольше они находились в плену, тем больше жалели».

В письме Ю. М. Лотмана родственникам от 23.04.1946 находим рассуждение о фашизме в связи с прочитанной литературой: «Он <Пристли> в нескольких местах характеризует фашизм как “чисто-немецкое безумие”. Такое упрощение, особенно сейчас, когда фашисты в различных местах (и в Англии) стараются поднимать голову, на мой взгляд, очень вредно» (Лотманы 2022: 455). Он не считал, что фашизм — это идеология, присущая именно немцам.

Военные переводчики, допрашивавшие пленных, проявляли заинтересованность, в первую очередь профессиональную, но и человеческую, искреннюю, обстоятельствами их жизни и военной службы. Только так можно было получить необходимые сведения и обрисовать общую картину состояния войск противника, настроения в немецкой армии, а также и обстановки в Германии. Эти сведения часто получали именно профессиональные филологи. И. М. Дьяконов писал: «Нашу “беседу” с немцами мы сами называли “допросом”, но официальное название было “политопрос”.

Задача политического опроса проста. Он не требует раскрытия военных тайн. Как уже упоминалось, немецкому солдату в плену разрешалось сообщать то, что содержалось в его Soldbuch: имя, фамилию, место и год рождения и номер части. Но разведчикам и СМЕРШу было нужно еще многое другое. Чтобы добыть данные о действиях, намерениях, силе и численности про-

[30] И. С. Янкельсон — впоследствии видный инженер, специалист по радио- и телевизионным системам, автор и редактор немецко-русских словарей по радиотехнике и радиоэлектронике, над которыми он работал в сотрудничестве с переводчицей-германисткой Ниной Леопольдовной Позен, участницей войны, как и многие, выпускницей Петришуле.

тивника, пленных били, кормили селедкой, чтобы хотелось пить. Конечно, такие методы — свидетельство некомпетентности допрашивающего. Хороший работник разведки не тронет пленного пальцем, а сведения получает, конечно, гораздо более достоверные. Мы же вообще только выясняли бытовые обстоятельства, новости из дому, анекдоты, характеристики офицеров и все это тоже шло на пользу нашему командованию, но пленные об этом говорили легко».

«...уже в 1943 г. было напечатано четыре отчета переводчиков 7-х отделов из всех армий о технике политических опросов. Так случилось, что три из них были с нашего фронта — Эткинда, Касаткина и мой. У нас у всех были в этом деле свои амплуа: Фима вел опрос там, где были нужны находчивость и хитроумие, Шура специализировался на опросе идиотов, а я — интеллигентов» (Дьяконов, 555).

Во всем этом «человеческое» или «человечное» совпадает с профессиональным, а профессионально военное с профессионально филологическим. Возможно, в этом особенность филологической профессии. Именно искренность интереса переводчиков, проводивших допросы, к находившемуся перед ними человеку, стремление понять его личность, помогало ленинградским филологам добиваться замечательных результатов. И это отнюдь не означает, что они относились к фашизму и к злодеяниям немцев с меньшей ненавистью, чем другие.

Вопрос о духовном мире нациста и о корнях фашизма постоянно был в центре интереса многих филологов на войне. «Обычно мы заводили разговор с пленными о расовой теории, о том, почему германцы считают себя лучше других», — вспоминает И. М. Дьяконов. Один из пленных, лейтенант Штейнманн, рассказывал, как «его не хотели принимать в училище потому, что у него челюсть не соответствовала требованиям для чистого арийца» (с. 590). У этого человека он почерпнул целую энциклопедию знаний об устройстве Рейха, легшую в основу его обширного обзора. Филологи-переводчики стремились понять психологию рядового немецкого солдата. «...Фашист — это мещанин, перешедший в действие (ибо мещанин совести не имеет)», — к такому выводу приходит И. М. Дьяконов (с. 595).

Филологи задумывались и о возможном влиянии литературы на немецких солдат (что они читали?). «Меня всегда интересовал вопрос, читают ли немцы Гете, и у Бринкмана я это

тоже спрашивал. Прочел ему стихи из Гете, и он безошибочно угадал, что это Шиллер», — пишет И. М. Дьяконов. Однажды после атаки в числе прочих вещей был захвачен томик стихов — сборник «Жатва современности», который попался в руки Е. Г. Эткинду. «... меня это обрадовало — пишет Е. Г. — Если солдаты берут с собой на войну поэтические сборники, еще не все потеряно. Но потом я начал читать — и пришел в ужас: это была не старая романтическая поэзия, но, скорее, жуткая на нее пародия. Вместо моего любимого «Прометея» Гете я там обнаружил стихотворение Йоганнеса Линке, написанное тем же размером и озаглавленное «Фюрер» ... Рабские стихи! На месте Гете оказался Линке, на месте Гейне — Виль Веспер:

Мой фюрер, в любое мгновенье
Отчизна гордится тобой.
Твое сердце — поле сраженья,
За нашу Германию — в бой» (Эткинд 1998: 6–8).

Интерес к внутреннему миру противника, к врагу, к чужому, проявлялся и у тех филологов, которые непосредственно участвовали в боевых действиях. Прежде всего, он был вызван наблюдениями чисто военными, далекими от этнографических и культурологических. «До сих пор происходили только количественные изменения у немцев. Теперь произошел качественный скачок», — писал Ю. М. Лотман своей сестре Лидии в августе 1943 года (Лотман 1997: 43; Лотманы: 136) исключительно на основании собственного опыта. Были возможны и непосредственные наблюдения за поведением врага не только в бою, но и в быту, ведь иногда немецкие и советские военные части находились совсем близко друг от друга. Размышления Лотмана о природе фашизма продолжались и при общении с населением оккупированной Красной Армией Германии. Он не видел в каждом немце фашиста, но при этом не освобождал немцев от ответственности. Когда он рассказывал[31], что видел в оккупированной Германии, в Берлине, надпись на мосту «Wir sind nicht schuld!» — «Мы не виноваты!», было ясно, сколь неприемлема для него такая позиция, как и неприемлемо оправдание сталинизма и тоталитарного режима в России.

Мы затронули один важный аспект отношения к немцам как

[31] Ю. М. Лотман. Устный рассказ.

к противникам. Интеллигентные, думающие люди, о которых идет речь, понимали, как тоталитарная пропаганда может оболванивать человека и как трудно бороться с безумным, диким режимом. Вопрос о том, что такое фашизм, как мог немецкий народ пасть жертвой нацистской пропаганды, какие факторы стали при этом ведущими (социальные, психологические, культурные?) так и остается до конца не решенным.

При всем осуждении фашизма случаи жестокости по отношению к местному населению со стороны солдат Красной армии вызывали естественное осуждение и противодействие. Г. С. Померанц, указывая на преступления по отношению к населению Германии, пишет с возмущением: «Потеряв страх смерти, люди удивительно легко теряют и совесть. В конце войны я был потрясен — сколько мерзости может вылезть из героя, прошедшего от Сталинграда до Берлина» (Померанц 1998: 95–96). Он, однако, замечает: «Ни одно движение не может обойтись рыцарями без страха и упрека». За борьбу с преступлениями солдат Красной армии Лев Копелев был арестован и отправлен в Гулаг. О своем обвинении и аресте он пишет: «Слова о “спасении немцев и их имущества” стали формулой, которая вошла в текст решения партсобрания … и в тексты всех обвинительных документов во время следствия и суда» (Копелев 2004: 130–131). Есть воспоминания о том, как Ю. М. Лотман объяснял солдатам, воспринимавшим слова Ильи Эренбурга о «белокурой бестии» как призыв к нападению на немецких женщин, недопустимость мародерства и насилия (Лотманы 2022: 596).

В послевоенные годы ленинградские филологи-фронтовики по мере возможностей общались с немецкими учеными из ГДР и ФРГ — хотя «железный занавес» препятствовал более тесному общению. Бывало так, что случайные послевоенные встречи филологов-фронтовиков напоминали им о военных годах. Так, М. И. Дикман и Ю. Д. Левин встречались с приезжавшим в Ленинград немецким литературоведом-славистом Харальдом Раабом, издававшим, в частности, Пушкина на немецком языке. Когда оказалось, что гость выполнял во время войны ту же работу, что и гостеприимные хозяева, это не вызвало взаимной антипатии; напротив, они почувствовали себя своего рода коллегами. Было известно, что Рааб не был убежденным фашистом; он любил и изучал русскую культуру. Вообще с немецкими кол-

легами — Клаусом Штедтке, Карлом Аймермахером и др. — ленинградские филологи поддерживали дружеские отношения и сотрудничали.

В жизни Ю. Д. Левина произошел один напомнивший ему о его военном прошлом эпизод, о котором он с удовольствием рассказывает. В 1988 году ему было присвоено звание почетного доктора литературы Оксфордского университета. «В торжественной процессии в Оксфорде, предшествовавшей присвоению степеней, в маленькой колонне из шести будущих почетных докторов я оказался в первой паре с президентом ФРГ господином Рихардом фон Вейцзекером; ему была присуждена степень доктора гражданского права. Он сразу же произвел на меня впечатление человека глубоко интеллигентного. В ходе процессии мы разговорились и выяснилось, что мы сверстники, одногодки, а во время войны нам довелось находиться на двух противостоящих сторонах одного Ленинградского фронта, а затем на острове Эзель», — вспоминает Ю. Д. Левин (Левин, Дикман). Впоследствии Вейцзекер прислал ему фотографию, где оба они запечатлены на церемонии и написал по-английски: «Добрая судьба потрудилась свести нас в эту позднюю пору нашей жизни, чтобы привлечь обоюдное внимание к тому, сколь многое мы разделили в своем личном опыте. Потребовалось лишь пять минут пройти бок о бок в процессии к Шелдонскому театру, чтобы узнать, насколько мы близки друг другу».

7. Опыт войны и последующая работа

После войны филологи-фронтовики вернулись к своей мирной специальности. Большинство из них продолжили свою работу сразу после демобилизации. Ю. М. Лотман рассказывал: «Наконец, пришла и демобилизация... Мы приехали в Ленинград глубокой ночью... Дома все спали, меня не ждали. На другой день я поехал в университет. Я восстановился в университете и с какой-то жадностью алкоголика принялся за работу. Из университета я бежал в Публичку и сидел там до самого закрытия. Это было совершенно ощутимое чувство счастья» (Лотман 1995: 33–34).

Многие филологи, прошедшие войну, остались верными своей профессии, хотя их дальнейший путь был далеко не легким. Трудные материальные и бытовые условия, ослаб-

ленное здоровье, необходимость заботы о близких, переживших голод и лишения, — всё это было мало совместимо с филологическими штудиями. А продолжавшийся сталинский террор и начавшаяся вскоре «космополитическая кампания», а гонения на тех, кто был в плену и тем самым «испортил себе анкету» — всё это препятствовало развитию гуманитарных наук, пробуждало страх и создавало мрачную атмосферу. Подверглись преследованиям самые крупные ленинградские филологи: Г. А. Гуковский, В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, М. К. Азадовский. Многим бывшим фронтовикам, которым, казалось бы, должны были создавать хорошие условия работы и учебы, не находилось места в аспирантуре и в научных учреждениях. Но привитые университетом в довоенные годы интересы и идеалы, еще более укрепленные военным опытом, вызывали упорное стремление не сдаваться и продолжать работать.

Показательно, что германисты не отказались от своей профессии. Они продолжали изучать немецкую литературу, немецкий язык, чаще всего, к сожалению, в условиях изоляции от мировой науки. Достижения советской германистики иногда все же становились общепризнанными, если только удавалось вывести их на международную арену. Так, «Немецкая диалектология» В. М. Жирмунского (1956 г.)[32], работы по немецкому синтаксису В. Г. Адмони, а позже и В. М. Павлова и некоторые другие исследования советских германистов получили признание в ГДР и в ФРГ.

Позже, в 90-е годы, возможности сотрудничества с немецкими учеными несколько расширились. Один из ярких примеров такого рода — работа К. В. и Б. Е. Чистовых над письмами остарбайтеров, найденными в фольклорном центре «Немецкий архив народной песни» во Фрайбурге. В результате возникли две книги — русская и немецкая, содержащие исторические свидетельства и открывающие совершенно новый подход к

[32] Эта основополагающая книга по немецкой диалектологии была переведена известным немецким лингвистом Вольфгангом Флейшером, сотрудничавшим с советскими германистами. Русский язык он, участник войны на немецкой стороне, выучил в русском плену. Совсем недавно эта книга была вновь переиздана (Viktor M. Schirmunski. Deutsche Mundartkunde. Hgg. von Larissa Naiditsch. Frankfurt a. Main: Peter Lang, 2010).

фольклорному материалу (Чистова, Чистов состав. 1998, Čistova, Čistov. Hrsg. 1998).

Университетские преподаватели обычно не говорили о своих военных биографиях. Студенты филфака ЛГУ даже не знали, что военными переводчиками были их преподаватели, например: Алиса Павловна Хазанович (работала в годы войны в Политуправлении Ленинградского фронта) и Нина Дмитриевна Смурова (служила на Северо-Западном и Втором Белорусском фронтах) (Юматова 1995). Не предполагали, что тихий и сугубо интеллигентный Павел Рувимович Биркан, объяснявший им баллады Шиллера, — герой войны, а заведующий кафедрой германской филологии Андрей Венедиктович Федоров, которого даже трудно представить себе в военной форме, не только составлял и переводил листовки, но и летал за линию фронта для распространения пропагандистских материалов во вражеской армии.

В заключение несколько слов о дальнейшей работе филологов-фронтовиков, о которых шла речь выше. Многие из них широко известны.

И. М. Дьяконов был демобилизован в 1946 г. и вернулся в университет; он быстро защитил кандидатскую диссертацию по истории Ассирии и начал преподавать, но в 1950 г. в ходе кампании по «борьбе с космополитизмом» был уволен и нашел работу в Эрмитаже, а затем стал научным сотрудником ЛО Института востоковедения АН СССР. Дьяконов — один из крупнейших ученых-гуманитариев нашего времени, востоковед-универсал, изучавший культуру в целом, то есть историю, экономику, литературы и языки народов древнего Ближнего Востока. Широкую известность получили его работы по истории древневосточных цивилизаций, труды по культурной, социально-экономической и политической истории Шумера, Вавилонии, Ассирии, Урарту, Парфии, Мидии. Он — автор 27 монографий и более 500 статей, переводчик восточной поэзии.

Е. Г. Эткинд после демобилизации в 1948 г. начал преподавать французский и немецкий языки в ЛГПИ, в 1947 г. защитил диссертацию. В 1949 г. был уволен в ходе «космополитической кампании» «за методологические ошибки, допущенные в диссертации». Некоторое время работал в Тульском пединституте, а с 1952 г. снова в ЛГПИ им. А. И. Герцена. Занимался немецкой и французской литературой (творчеством Золя, Брехта и др.).

Труды Ефима Григорьевича по поэтике, истории и теории перевода стали настольными книгами лингвистов и переводчиков: «Поэзия и перевод» (1963), «Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина» (1973), «Материя стиха» (1978, 2-е изд. — 1985) и др. Вел семинары переводчиков в Союзе писателей в Ленинграде, ставшие широко известными среди литераторов. С конца 70-х годов из-за политических гонений уехал во Францию; в Париже продолжал педагогическую и переводческую работу. Во Франции под его руководством было подготовлено двухтомное издание Пушкина на французском языке. Воспитал целую плеяду переводчиков в России и во Франции.

Г. Ю. Бергельсон демобилизовался и вернулся в Ленинград с желанием работать по специальности, но не мог устроиться на соответствующую его квалификации работу. Работал учителем в школе, где скоро стал любимым педагогом. Позже служил в издательстве «Художественная литература» и преподавал в ЛГПИ. Переводил не только с немецкого, но и с французского и испанского. В числе переведенных им авторов Гердер, Ницше, Гауптман, Гофман, Белль, Криста Вольф, Гюго, Пардо Басан, Фуэнтес. По произведениям немецких писателей — от Гете до Брехта — Григорий Юльевич создал композицию, легшую в основу пользовавшегося широкой популярностью спектакля Театра им. Ленсовета «Люди и страсти» (См. о нем: Снеткова 2002).

А. А. Касаткин возвратился на филологический факультет и вскоре защитил кандидатскую диссертацию «Сложные имена существительные в современном итальянском языке» (1951). В дальнейшем занимался историей романских языков на фоне развития правовой терминологии, а также исследовал соотношения нормы и диалектов в истории итальянского: докторская диссертация «История формирования нормы литературного итальянского языка (XVIII—XX вв.)». В течение почти 25 лет руководил кафедрой романской филологии филологического факультета ЛГУ и одновременно возглавлял итальянское отделение кафедры. Долгие годы читал курс истории итальянского языка, спецкурсы по исторической морфологии и диалектологии итальянского языка (см. о нем: Репина 1985: 3–10).

С. Д. Кацнельсон, демобилизовавшись в 1946 г, вернулся к работе в ИЯМ и в ЛГУ, где стал заведовать кафедрой германской филологии. Он преподавал германистические дисцип-

лины, в том числе древнеисландский, и стал любимым профессором студентов. Но в 1950 г. его уволили после «дискуссии о языкознании», в ходе которой его, как и еще нескольких крупных ученых, клеймили как марриста. Он остался без работы, но нашлось место в Педагогическом Институте города Иванова, где он преподавал три года. После этого, в 1957 г., он вернулся в Ленинград и до конца жизни работал в ЛО ИЯ АН СССР. Соломон Давидович — выдающийся языковед-теоретик. Он впервые ввел в научный оборот понятие валентности глагола. Его исследования 50-х годов развивают историко-типологический подход к грамматике. Впоследствии он изучал соотношение грамматики, семантики и речемыслительных процессов, исследуя взаимосвязь содержательных и формальных функций, как и мыслительные и коммуникативные основания грамматического строя языка. Его книги «Содержание слова, значение и обозначение» (1965), «Типология языка и речевое мышление» (1972) и др. стали сегодня классическими. С. Д. внес также вклад в фонологию германских языков, разработав проблемы сравнительной германской акцентологии (Бондарко 2001: 9–19).

Л. Р. Зиндер вернулся после демобилизации в университет, где работал до последнего года жизни на созданной Л. В. Щербой кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков (Бондарко 2004, Вербицкая 2004). Он заведовал этой кафедрой в 1966–1977 годах. В 1956 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Общая фонетика». Под тем же названием вышла монография (1960 г., второе дополненное издание 1979 г.). Л. Р. Зиндер — автор основополагающих работ по общей фонетике и по фонетике и грамматике немецкого языка в синхронии и диахронии. В соавторстве с Т. В. Строевой Л. Р. опубликовал новаторские по подходу к лингвистическому материалу книги «Современный немецкий язык» (3-е изд. 1957), «Историческая фонетика немецкого языка» (1965) и «Историческая морфология немецкого языка» (1968). Кроме того, Л. Р. стоял у истоков математической лингвистики в Ленинграде.

И. М. Смолянский вернулся после работы в Вене в Ленинград в 1951 г. и продолжил работу в университете. Преподавал германистические дисциплины, в том числе историю немецкого языка; участвовал в написании пособий для студентов. В 1961 г.

защитил диссертацию по историческому синтаксису: «Развитие формы долженствования в немецком языке» — о конструкциях с глаголами *haben* и *sein* с инфинитивом.

В. Г. Адмони был эвакуирован в марте 1942 г. в Ташкент. После возвращения в Ленинград преподавал в I Ленинградском пед. институте иностранных языков, заведовал кафедрой. Уже в 1947 г. защитил докторскую диссертацию о творчестве Генрика Ибсена. Был отстранен от работы во время «космополитической кампании». В 1957 г. вернулся на работу в ЛГПИ им. А. И. Герцена, создал на факультете иностранных языков кафедру германской филологии и возглавлял ее до 1960 г., когда перешел в ЛО ИЯ АН СССР. Получил мировое признание как специалист по теории грамматики, по немецкому синтаксису и истории немецкого языка. Международную известность принесла Владимиру Григорьевичу книга «Der deutsche Sprachbau», выдержавшая четыре издания в СССР (1960–1986) и два издания в Германии (1970; 1982). За ней последовали другие труды по грамматике и общему языкознанию, в частности, «Grundlagen der Grammatiktheorie» (1971; в 1995 г. в переводе на английский). Как литературовед изучал немецкую и скандинавскую литературу (Жан Поль, Ибсен, Томас Манн). Большое место в творчестве занимали переводы стихов и прозы и его собственные стихи.

Г. В. Степанов вернулся после окончания войны к университетским занятиям; в 1947 г. окончил филологический факультет ЛГУ по специальности романская филология и был оставлен в аспирантуре (это было непросто: пребывание в плену считалось тогда серьезным пятном в биографии). Защитил кандидатскую диссертацию «Роль Сервантеса в становлении испанского национального литературного языка» (1951). С 1948 г. до 1971 г. преподавал в ЛГУ, а по совместительству был научным сотрудником ЛО ИЯ (1955–1960). Лекции Георгия Владимировича по теоретической грамматике легли в основу его широко известного учебника, написанного совместно с О. К. Васильевой-Шведе «Теоретическая грамматика испанского языка» в 2-х томах (1. «Морфология и синтаксис частей речи» 1972; 1982; 1990; 2. «Синтаксис предложения» 1981; 1998). С середины 1950-х годов заинтересовался проблемами испанского языка в странах Латинской Америки и в 1967 г. защитил докторскую диссертацию «Испанский язык Америки в системе единого

испанского языка». На латиноамериканском материале разработал теорию языковой вариативности и сформулировал общие принципы исследования языка вне ареалов его первоначального распространения: «К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки» (1979 г, 2-ое изд. 2004). В 1971 г. возглавил сектор романских языков в Институте языкознания АН СССР в Москве, а с 1977 и до конца жизни был директором этого института (Степанов. Биография).

В. М. Павлов был демобилизован в декабре 1945 г. В 1949 г. окончил ЛГПИИЯ, факультет немецкого языка. Преподавал в школе, затем в ЛГПИ им. А. И. Герцена. В 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством В. Г. Адмони, а в 1974 г. докторскую. С 1963 г. — ученый секретарь ЛО ИЯ СССР. Научные интересы — теоретическая и историческая грамматика, и лексикология немецкого языка. В центре его исследований — соотношение языка и речи, языковая системность и ее «полевое истолкование» в диахронии и синхронии, место языка в структуре когнитивных процессов и в процессе порождении речевого высказывания, проблемы теории грамматического значения (Павлов 2005).

К. В. Чистов еще до войны начал заниматься фольклором. Его учителями были М. К. Азадовский и В. Я. Пропп. Демобилизовавшись, он продолжил занятия, учился в аспирантуре, а затем поступил в сектор литературы и народного творчества Института языка, литературы и истории Карело-Финской базы АН СССР в Петрозаводске. С 1957 г., вернувшись в Ленинград, стал сотрудником Института этнографии АН СССР. С 1961 по 1990 гг. руководил Отделом восточно-славянской этнографии (Чистов 2001, Чистов Биографика). Его труды как ученого-теоретика были основаны на практической научной деятельности: он возглавлял многочисленные научные экспедиции по изучению народной (крестьянской) культуры Русского Севера, русско-карельских и русско-финских фольклорных и культурных связей. Таким образом, ему удавалось открывать целые пласты народной культуры. К. В. изучал специфику устной народной традиции, соотношение фольклора и книжности, место фольклористики среди других гуманитарных дисциплин. Его работы принесли ему широкую международную известность.

Ю. М. Лотман был демобилизован в декабре 1946 г. Вернулся в ЛГУ, в 1950 г. окончил его с отличием. Но ни места

в аспирантуре, ни соответствующей его квалификации работы получить в Ленинграде не мог, несмотря на рекомендации и на уже увидевшую свет публикацию, важную для истории движения декабристов. Был принят на работу в Тарту, в Учительский институт, а затем перешел в Тартуский университет. В 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию о Радищеве, а в 1961 г. докторскую о русской литературе преддекабристского периода. Широко известен как литературовед — специалист по XVIII и XIX веку в русской литературе, семиотик, основатель тартуской школы.

Ю. С. Маслов демобилизовался в 1950 г. вернулся в университет. Еще перед войной он начал заниматься германистикой под руководством В. М. Жирмунского и уже успел защитить диссертацию на тему «Возникновение сложного прошедшего в немецком языке». Так зародился его интерес к аспектологии, которой он впоследствии посвятил основополагающие научные работы. В октябре 1944 г. военное командование направило его в Болгарию для продолжения пропагандистской работы. Именно тогда у Юрия Сергеевича возник интерес к болгарскому языку, которым он впоследствии много занимался (в 1957 г. защитил докторскую диссертацию о глагольном виде в болгарском литературном языке). Исследования проблем глагольного вида и аспектуальности славянских, германских и некоторых других языков, осуществленные Юрием Сергеевичем на протяжении ряда лет, объединены в «Очерках по аспектологии» (1984). Впоследствии его наиболее значительные работы были собраны в: Маслов 2004, там же Автобиографическая справка на с. 804–809. В 1960–1984 гг. Маслов возглавлял кафедру общего языкознания, воспитав много учеников (Грехова ред. 2013). Он создал замечательный учебник «Введение в языкознание» (4-е издание, 2007 г.).

С. С. Маслова-Лашанская, жена Ю. С. Маслова, стояла у истоков создания скандинавистики в Ленинградском университете (Савицкая 2014, Берков 2013). Когда в 1937 г. открылась аспирантура по шведской филологии, она стала первой аспиранткой по этой специальности и уже в 1941 г. защитила кандидатскую диссертацию под руководством С. Д. Кацнельсона. Вскоре она начала преподавать. Благодаря таланту и трудолюбию Сарры Семеновны, шведская филология в ЛГУ достигла в послевоенные годы высочайшего теоретического и практичес-

кого уровня. С. С. Маслова-Лашанская разработала все курсы, преподававшиеся на шведском отделении, писала учебники, участвовала в создании словарей. А научные труды Сарры Семеновны, в том числе и те, которые считаются учебниками, например «Лексикология шведского языка» 1974 г., отличаются четкостью и глубиной мысли и сегодня могут считаться классикой в языкознании.

Е. А. Реферовская стала в 1945 г. заведовать кафедрой иностранных языков ЛГУ. В 1956 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Развитие категории залога во французском языке». В 1958 г. перешла на постоянную работу в ЛО ИЯ АН СССР, продолжая преподавать по совместительству в ЛГУ и в ЛГПИ им. А. И. Герцена. Она внесла значительный вклад в исследование целого ряда областей романского языкознания: грамматический строй романских языков на ранних этапах становления, истоки аналитизма романских языков, формирование литературного французского языка и его функционирование за пределами Франции. Ее монографии «Развитие предложных конструкций в латинском языке позднего периода» (1964); «Истоки аналитизма романских языков (Очерки по синтаксису раннесредневековой латыни)» (1966), «Французский язык в Канаде» (1972) (10 книг и 70 статей) принесли ей широкую известность.

И. М. Дунаевская вернулась после войны в университет, закончила Немецкое отделение и занималась также на Ассиро-Вавилонском. В 1948 г. получила рекомендацию в аспирантуру, но не смогла туда поступить из-за начавшейся «космополитической кампании». В 1959 г. защитила диссертацию на тему «Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола» под руководством И. М. Дьяконова. Впоследствии много лет работала в Институте Востоковедения РАН. Тема ее исследований — язык древнейшего населения северо-восточной части Малой Азии — хаттов, или протохеттов. Участвовала в издании хеттских законов в переводе на русский язык.

Б. А. Ильиш еще во время войны возобновил преподавательскую работу. Уже в 1945 г. защитил диссертацию на тему «Синтаксис Чосера». Впоследствии опубликовал целый ряд исследований по теории и истории английского языка, по историческим аспектам английской стилистики и по теории частей речи. Его книги «Современный английский язык» и ее

более поздний вариант «Строй современного английского языка», а также «История английского языка» (последнее издание: Boris A. Ilyish. History of the English Language. Moscow: Prosvechenie, 1973) стали настольными для многих поколений англистов. Много лет преподавал на кафедре английской филологии ЛГПИ им. А. И. Герцена, в 1956–1965 годах — заведующий этой кафедрой (См. о нем: Ильиш. Кафедра английской филологии).

Е. И. Клименко после войны продолжала педагогическую и научную деятельность, начатые еще в довоенное время как филолог-англист. С 1945 г. ее жизнь связана с Ленинградским университетом. Тема ее работ, во многом новаторских — стиль и язык произведений английской литературы в историческом аспекте. В 1957 г. защитила докторскую диссертацию «Проблемы стиля в английской литературе первой половины XIX века» (Апенко, Бурова и др. 2005), издала книги «Проблемы стиля в английской литературе первой трети XIX века» (1959), «Байрон. Язык и стиль», (1960), «Традиция и новаторство в английской литературе» (1961), «Творчество Роберта Браунинга» (1967).

Е. В. Ланда защитила диссертацию о Г. Я. К. Гриммельсгаузене и его «плутовском романе» под руководством Н. Я. Берковского. Преподавала немецкий язык в Финансовой Академии, а затем в Технологическом Институте. Написала целый ряд статей о немецкой литературе XVII и XIX века, участвовала в русских изданиях немецкой классики («Ундина» Ф. де Ла Мотт-Фуке). Составила хрестоматию по немецкой литературе XVII века, написала и издала книгу об А. Блоке.

П. Р. Биркан стремился по окончании войны как можно скорее приступить к филологическим занятиям, но лишь с большим трудом добился демобилизации в июне 1946 г. (по приказу начальства его хотели оставить служить на флоте). Впоследствии он много лет преподавал на кафедре немецкой филологии в ЛГУ, занимался немецкой литературой XX века, в частности творчеством Бехера. В 1955 г. защитил диссертацию на тему «Путь Иоганнеса Бехера к реализму», а в 1959 г. вышла его книга об эстетических взглядах Бехера. Участвовал в изданиях Бехера в ГДР, подготовил докторскую диссертацию о Бехере, но не успел защитить ее из-за внезапной смерти в 1978 году.

Е. Д. Панфилов был демобилизован в 1947 году. Окончив ЛГУ, он много лет преподавал на кафедрах общего языкознания и романской филологии, был профессором, читал курсы общего языкознания, истории французского и испанского языков. Его курс «Введение в языкознание» дал множеству студентов (он читал курс целому «потоку») представление о лингвистической науке и послужил трамплином для тех, кто хотел посвятить себя лингвистике. Сравнивая этот курс у Панфилова и у Маслова, Ф. А. Елоева писала: «Евгений Дементьевич читал индуктивно, эмпирически: он шел от parole, от примеров из собственной жизни — живых и часто смешных историй <…> На лекциях Панфилова много смеялись, но кубики примеров собирались во вполне четкую схему» (Елоева 2013: 77). Предметом научных изысканий Евгения Дементьевича были слоги в классической латыни. Он выпустил две монографии, содержащие новаторские мысли по исторической фонологии: «Фонологические слоги классической латыни» (Л.: ЛГУ, 1973); «Место слога в словоформе: исследования в области силлаботактики на материале классического латинского языка» (СПб.: СПбГУ, 2012).

Т. Э. Барская защитила диссертацию о Ж.-Ж. Руссо, работала много лет переводчиком, издала книгу о Д. Дидро (изд. «Искусство» 1962 г.), переводила и комментировала философско-эстетические произведения Руссо.

М. И. Дикман демобилизовалась в 1946 году и вскоре защитила диссертацию. С 1956 г. работала старшим редактором в издательстве «Советский писатель» (Узилевский 1990: 151–159). Она много сделала для русской культуры, стараясь по возможности провести через цензуру «крамольные» тексты. Публиковала стихи Ахматовой, борясь за каждое стихотворение (сборник «Бег времени», 1965 г.). Часто была не только редактором, но и составителем, автором примечаний и предисловия (например, в публикации стихотворений и поэм Брюсова, стихотворений Фёдора Сологуба). Благодаря ей, вышли в свет книги Гинзбург и другие, ставшие теперь классикой

Ю. Д. Левин окончил аспирантуру ЛГУ в 1949; в 1951 г. защитил диссертацию о творчестве Джорджа Крабба под руководством М. П. Алексеева. С 1948 г. работал редактором издательства ЛГУ, в 1953–1956 годах преподавал английский язык в Институте инженеров водного транспорта. С 1956 года

работал в Секторе (Отделе) взаимосвязей русской литературы с зарубежными ИРЛИ АН СССР. Докторская диссертация Юрия Давидовича (1968) посвящена Шекспиру в русской литературе XIX века. Книга на ту же тему, изданная в 1969, завоевала широкое признание, как и книга «Оссиан в русской литературе: Конец XVIII–первая треть XIX в.» (1980). Переводил на русский язык произведения классической английской литературы, прозу и стихи: Дж. Свифт, В. Скотт, Р. Саути, Т. Кэмпбелл, Т. Мур, Э. Бёрк. До сих пор единственным в своем роде исследованием остается его книга « Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода» (1985). Юрий Давидович был избран почетным доктором Оксфордского университета, член-корреспондентом Британской Академии.

8. Заключение

Годы войны были огромным испытанием, которое большинство филологов выдержали. Их военные биографии свидетельствуют и о стойкости этих молодых людей, и об их талантах, которые развились впоследствии. Прежде всего, это умение мыслить, без которого невозможна была бы ни радиоразведка, ни дешифровка данных, ни перевод, как и составление сводок и обобщение информации. А интерес к людям, стремление понять даже врага были необходимы и разведчикам, и переводчикам, и пропагандистам. Опыт военных лет повлиял на всю последующую жизнь. Для германистов самое поверхностное проявление этого опыта — знакомство с живой немецкой речью, включая ее разновидности — например, сленг, диалекты. С. Д. Кацнельсон говорил, что, когда он учил немецкий язык, он никогда не думал, что будет непосредственно применять свои знания в живой переводческой работе; тем не менее, ему пришлось допрашивать множество немцев. Рассказывая о местоимениях в истории германских языков, И. М. Смолянский с особой нежностью говорил о форме *enk* (в значении ‘euch’) в австрийском варианте немецкого языка, восходящей к двойственному числу, которую он слышал в Австрии, что производило на студентов большое впечатление.

В условиях «железного занавеса» не только ученики, но и преподаватели иностранных языков чаще всего никогда не имели возможности свободно общаться с носителями языка,

путешествовать, изучать соответствующую культуру. Например, Л. Р. Зиндер, всю жизнь занимавшийся немецкой фонетикой, только один раз был за границей — в Чехословакии, а его постоянный соавтор Татьяна Викторовна Строева вообще за границей не была.

Более пристальный взгляд позволяет увидеть и более глубокое влияние. Как писал Давид Самойлов: «Война, беда, мечта и юность. / И это все в меня запало. / И лишь теперь во мне очнулось». В работе филолога проявляется его личность, его опыт не только в науке, но и в жизни. Филологи, прошедшие войну, приобрели опыт человеческого общения в экстремальных ситуациях, общения не только с себе подобными, но и с противниками, а кроме того, с людьми других социальных слоев. Такая «работа с информантами» во время войны дала способность понимания «текста» в самом широком смысле этого слова. Опыт такого рода неоценим и для изучения древних культур, когда ученый должен представить себе, что думали люди, далекие от него по времени.

Война и послевоенные тяжелые годы воспитали в интеллигентных, преданных своему делу людях мужество, стойкость, а в важность филологических наук они верили всегда, даже в самых трудных условиях жизни. К тому же они ненавидели фашизм и были горды тем, что внесли вклад в его уничтожение, хотя и не хвалились своими подвигами.

Такими были наши учителя. Война для них стала мерилом жизненных ценностей, хотя последующие события часто были не менее трагичны, чем пережитое на войне.

Литература

Апенко Е. М., И. И. Бурова, В. П. Комарова, Е. П. Прошкина, Л. В. Сидорченко. 2005. Юбилей ученого. К 100-летию со дня рождения Е. И. Клименко. *Вестник Санкт-Петербургского университета.* Серия 9, выпуск 2. С. 109–112.

Бармич М. Я. 2005. *Антон Петрович Пырерка — первый ненецкий ученый*. СПб.: Наука. С. 167–176.

Бережной А. Ф. 1995. *Они сражались за Родину: Универсанты в годы войны и в послевоенные годы.* Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Бережной А. Ф. 1997. *Они сражались за Родину: Универсанты в годы войны и в послевоенные годы*. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Берков В. П. 2013. О семье Масловых. *Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Маслова.* СПб: Изд-во СПбГУ. С. 204–209.

Бондарко А. В. 2001. О научном наследии С. Д. Кацнельсона. В кн.: С. Д. Кацнельсон. *Категории языка и мышления. Из научного наследия.* М.: Языки славянской культуры. С. 9–19.

Бондарко Л. В. 2004. Л. Р. Зиндер и Щербовская фонологическая школа (К столетию со дня рождения). *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Вып. 2, сер. 9. С. 39–43.

Брауде Л. Ю. 1995. Два ключика. В кн.: *Эстафета вечной жизни.* СПб.: Изд. Грифон. С.156–162.

Бурцев М. И. 1981. *Прозрение.* М.: Воениздат.

Вербицкая Л. А. 2004. Л. Р. Зиндер — профессор Петербургского университета. *Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера.* Научн. редактор Л. В. Бондарко. СПб. С. 8–14.

Винницкий Л. Г. 1980. *Бойцы особого фронта*. *Записки офицера разведки*. Л.: Лениздат.

Грехова Е. И. ред. 2013. *Из прошлого в будущее*. *Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Дунаевская Ирина. 2010. *От Ленинграда до Кёнигсберга. Дневник военной переводчицы (1942–1945).* М.: Росспэн.

Дьяконов И. М. 1995. *Книга воспоминаний*. СПб.: Европейский дом.

Елоева Ф. А. 2013. Литературная норма и память. (На примере современной греческой языковой ситуации*). Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова.* СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 77–92.

Жданова Владислава. 2009. *«Нашим оружием было слово»… Переводчики о войне.* Vladislava Ždanova. *«Unsere Waffe war das Wort». Translation in Kriegszeiten».* FASK. Publikationen des Fachbereichs Angewandte Sprach- und Kulturwissenschaft der Johannes Guteberg-Universität Mainz in Germersheim. Reihe A. Bd. 56. Frankfurt am Main: Peter Lang.

Зиндер Л. Р., Шайович Л. Л. 1944. *Краткое пособие для военного переводчика по обработке трофейных документов*. Издание РО Штаба Ленинградского фронта.

Ильиш Б. А. *Борис Александрович Ильиш*. Кафедра английской филологии. https://ephil.herzen.spb.ru/?p=273 Проверено 26.02.2025.

Канев Ю. В. 2005. Антон Петрович Пырерка — прыжок через десятилетия. *Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения.* СПб.: Наука. С. 177–184.

Кацева Евгения. 2002. Мой личный военный трофей. *Знамя* 1.

Копелев Лев. 2004. *Хранить вечно*. М.: ТЕРРА.

Ланда Е. В. Рукопись. *«О, тень, прости меня!»*. Рукопись из личного архива Виктора Биркана.

Левин Юрий, Минна Дикман. *Военная автобиография*. *Книга живых*. International Electronic and Technical Scientific Library. https://www.companybest.ru/publications/60-svoboda/2809-voennaya-biografiya.html Проверено 26.02.2025.

Лихачев Д. С. 1995. *Воспоминания.* СПб.: Изд-во “Logos”.

Лихачев Д. С. 2006. Университетские встречи. СПб.: Изд-во СПбГУП.

Лотман Ю. М. 1995. Не-мемуары. *Лотмановский сборник*. 1. М. С. 5–53.

Лотман Ю. М. 1997. *Письма 1940–1993*. Составление, подготовка текста и вступит. статья Б. Ф. Егорова.

Лотманы. 2022. *Семейная переписка 1940–1946*. Составление, подготовка текста, предисловие и комментарии Т. Д. Кузовкиной, Л. Э. Найдич, Н. Ю. Образцовой при участии Г. Г. Суперфина. Таллинн: Изд-во. ТЛУ.

Маслов Ю. С. 2004. *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*. Языки славянской культуры.

Низамутдинова Карина. Смолянский И. М. «Поначалу казалось, что знание языков на войне не нужно...» *9 мая — день победы.* СПбГУ.

Павлов В. М. 2005. *Владимир Михайлович Павлов. Биобиблиографический очерк*. Вступит. статья В. П. Беркова, составитель Н. Л. Сухачев. СПб.: Наука.

Плавскин З. И. 2001. Готя, Георгий Владимирович и «Тройственный союз». *Res Philologica — II. Филологические исследования. Сборник статей памяти академика Георгия Владимировича Степанова.* СПб.: «Петрополис».

Померанц Г. С. 1998. *Записки гадкого утенка*. Москва: Моск. Рабочий.

Репина Т. А. 1985. Научная деятельность Александра Александровича Касаткина. *Вопросы теории и истории романских языков.* Л.: Изд-во ЛГУ. С. 3–10.

Реферовская Е. А. 2017 «Я подвигов не совершала, но разве не подвиг быть ленинградцем?». Воспоминания о Великой Отечественной войне. *Великая Отечественная война. Правда и вымысел*. Сост. Е. И. Ильин. Под ред. И. П. Зиновьева и Е. В. Ильина Вып.10. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 103–109

Ржевская Елена. 2011. *За плечами XX век*. М.: АСТ «Астрель».

Савицкая А. В. 2014. К столетию со дня рождения С. С. Масловой-Лашанской (1916–1990). *Скандинавская филология.* Т. 14, № 2. С. 310–318.

Самойлов Давид. 1995. Памятные записки. М. «Международные отношения».

Серман И. З. 2000. Немного о прошлом. В кн.: *Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко. Сборник статей и документов*. Под ред. В. М. Марковича и А. А. Карпова. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 190–197.

Сильман Тамара, Владимир Адмони. 1993. *Мы вспоминаем.* СПб.: Изд-во «Композитор».

Слободянюк Александр. Спецслужба разведотдела штаба КБФ. *Форум пограничников.* https://www.pogranec.ru/showthread.php?t=30987

Слуцкий Борис. 2005. *О других и о себе*. М.: Вагриус.

Снеткова Нина. 2002. Он человек был в полном смысле слова. *Невское время* 2002, 10 апреля.

Степанов Г. В. Биография. Составитель Л. Г. Степанова. https://iling.spb.ru/persons/stepanov-georgiy-vladimirovich. Проверено 15.12.2024.

Троицкая Лада. 1997. Удивительная женщина с веселыми глазами. *Санкт-Петербургский университет*, 29 января, 2.

Узилевский А. 1990. *Дом книги. Записки издателя*. Л.: Изд-во «Советский писатель».

Черняев А. С. «Война началась, когда мне только что исполнилось двадцать лет». https://www.gorby.ru/presscenter/news/show_30135/. Проверено 26.02.2025.

Чистов 2001 — *Кирилл Васильевич Чистов. Библиографический указатель*. СПб.: Изд-во Музей Антропологии и Этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Предисловие Т. Г. Ивановой.

Чистов Кирилл Васильевич. *Биографика.* https://bioslovhist.spbu.ru/person/3528-cistov-kirill-vasilevic.html Проверено 26.02.2025.

Чистов К. В. 2006. *«Забывать и стыдиться нечего».* СПб.: Изд-во Кунсткамера. Музей антропологии и этнографии.

Чистов Юрий Кириллович о военных воспоминаниях своего отца Кирилла Васильевича Чистова. Кунсткамера. Музей антропологии и этнографии. 2020**.** https://vk.com/@museumkunstkamera-11 Проверено 26.02.2025.

Чистова Белла, Кирилл Чистов (составители) 1998. *Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров 1942–1944 гг.* М.: «Звенья».

Шапиро Нисон. 2002. Семеро из семнадцати. *Нева*, N 9.

Шаралапова Екатерина. 2011. *Легенды переводческого фронта. Андрей Венедиктович Федоров*. Интервью с Натальей Андреевной Федоровой. https://ru-translate.livejournal.com/12963413.html Проверено 26.02.2025.

Шмырев Петр. 2004. «Часовые эфира». *Красная звезда*. 18 марта 2004 г.

Шнитке 2003. *Беседы с Альфредом Шнитке*. Составитель Ивашкин. М.: Классика-XXI.

Эткинд Ефим. 1998. *Маленькая свобода. 25 немецких поэтов за пять веков в переводах Ефима Эткинда.* СПб.: Изд-во «Академический проект».

Эткинд Ефим. 2001. *Записки незаговорщика. Барселонская проза.* СПб.: Изд-во Академический проект.

Юматова И. Н. 1995. Филологи на фронте Великой Отечественной войны. *Санкт-Петербургский университет,* №13. 4 мая. С.15.

Čistova Bella E., Kirill V. Čistov. Hrsg. 1998 «*Fliege, mein Briefchen von Westen nach Osten». Auszüge russischer, ukrainischer und weißrussischer Briefen der Zwangsarbeiterinnen und Zwangsarbeiter 1942–1944*. (Studien zur Volksliedforschung. Bd 18). Bern; Berlin; Frankfurt; New York; Paris; Wien: Peter Lang.

Автор благодарит за помощь в сборе материала Л. Ю. Брауде, Т. Э. Барскую, В. П. Биркана, Е. В. Ланда, Т. И. Смолянскую, Л. М. Лотман, семью Зиндер, М. И. Беккер, И. М. Дунаевскую, Ю. К. Чистова, Н. Н. Казанского.

А. Н. Анфертьева

Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР во время войны и блокады

1. Немного предыстории

В документах Институт впервые встречается 29 июня 1921 года, когда Н. Я. Марр на заседании Отделения исторических наук и филологии РАН выступил с предложением «об оборудовании при Академии наук Яфетидологического института»[1]. 12 августа того же года Научно-политическая секция Государственного Ученого совета Наркомпроса утвердила проект учреждения при РАН Института яфетидологических изысканий (ИЯИ), а 7 сентября утверждено «Положение» об Институте[2].

Согласно «Положению», Институт учреждался «для изучения яфетических языков первоначального заселения Европы в реликтовых чистых видах и новообразования скрещенных с ними типов речи, и для разработки общей теории скрещения языков». При институте предполагались научно-вспомогательные учреждения: кабинет экспериментальной фонетики, «специальная рабочая библиотека» и «архив яфетидологических знаний». Штатный состав устанавливался следующий: академик-руководитель, два члена Совета Института, два ученых сотрудника, по два научных сотрудника 1-й и 2-й категории[3].

---

[1] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФ АРАН). Ф. 1, оп. 1а, д. 169, л. 236об.

[2] Документы были опубликованы А. Н. Анфертьевой в книге «Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне» (СПб., 2005) и «Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.)» (Сост. А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021).

[3] Там же, л. 256–256об.

ИЯИ был одним из трех новых институтов, организованных в составе РАН в 1921 году, и единственным гуманитарным из них. Размещался он первоначально в одной из комнат квартиры Марра в академическом доме (Васильевский остров, 7-я линия, дом 2).

В начале сентября 1922 г. Совет Института принял решение о необходимости изменения его названия, в связи «с неудобствами от пространности наименования как в сношениях своих, так и при переводе его на иностранные языки». 13 сентября Отделение исторических наук и филологии РАН согласилось с этим доводом и постановило: переименовать Институт яфетидологических изысканий в Яфетический институт[4].

Штатный состав Института постепенно увеличивался за счет сотрудников, принятых на полставки (В. В. Струве, И. Г. Франк-Каменецкий, К. Д. Дондуа, В. А. Брим). Н. С. Державин, С. А. Жебелёв и многие другие являлись нештатными сотрудниками. Кроме того, было несколько консультантов (Б. Я. Владимирцов, А. А. Фрейман и др.). К началу 1925 г. Институт уже имел структуру: «секции палеонтологическую, диалектологическую, диалектическую или живых яфетических литературных языков, с двумя подсекциями: а) архаических письменных языков — клинописных и б) древних и новых литературных языков — грузинского, армянского и баскского. Внутри секций образовались небольшие группы: по анализу мифов и литературных сюжетов, по изучению жилищных терминов, по изучению числительных, по собиранию чувашских жилищных терминов»[5].

4 апреля 1930 г. Яфетический институт утвержден в списке учреждений, подведомственных Отделению гуманитарных наук АН СССР.

13 июня 1931 г. Президиум АН принял постановление о преобразовании Яфетического института. Функции и штаты Института существенно расширялись. Ему предполагалось передать все работы в области языковедения, которые велись в то время в Институте востоковедения и Институте славяноведения. Тогда же решили упразднить Комиссию по

[4] Там же, д. 171. Протокол заседания ОИНФ от 13.09. 1922, § 147.
[5] Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. Л., 1986. С. 222.

русскому языку[6] как самостоятельное учреждение. Она должна была войти в структуру Яфетического института, где предусматривался Отдел по изучению русского языка[7].

Преобразованному таким образом институту требовалось новое название, в соответствии с расширением функций. Сначала предполагалось назвать его «Лингвистический институт», это наименование проходит по многим документам, связанным с реорганизацией. Но постановлением Отделения общественных наук АН СССР от 6 октября 1931 г. утверждено название «Институт языка и мышления» (ИЯМ). 29 октября Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР согласился с представлением АН СССР о преобразовании и переименовании Института.

В ноябре 1933 г., в ознаменование 45-летия научной деятельности акад. Н. Я. Марра, Институту языка и мышления присвоено его имя.

В 1934 г. структура ИЯМ была следующей: Кабинет общего языкознания, Кабинет славянских языков и комиссия древнерусского словаря, Кабинет кавказских языков, Кабинет индоиранских языков, Кабинет семито-хамитских языков, Группа африканских языков, Группа германских языков, Группа финно-угорских языков, Группа турецких языков, Сектор устной литературы первобытного общества, Кружок по диалектическому материализму.

При переводе Академии наук в Москву ИЯМ, как практически все гуманитарные учреждения, остался в Ленинграде.

Летом 1935 г. ИЯМ обратился в Президиум АН с ходатайством о создании в Институте нового структурного подразделения — Романо-германского кабинета. 25 июля 1935 г. Президиум АН утвердил ходатайство[8].

29 октября 1937 г. Президиум АН принял решение об объединении Турецкого кабинета Института востоковедения с

---

[6] Комиссия по русскому языку (КРЯЗ) образована 20 декабря 1929 г. из слияния трех академических комиссий: Словарной, по составлению «Словаря русского языка»; Московской диалектологической и Комиссии по подготовке материалов для «Словаря русского языка»).

[7] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1931), д. 1, л. 40.

[8] Там же. Ф. 4, оп. 2(1935), д. 1, л. 216.

Турецким кабинетом ИЯМ, чтобы отныне все работы по этой линии велись в ИЯМ[9].

В 1938 г., когда изменилась структура Академии наук, ИЯМ был утвержден в Составе Отделения литературы и языка.

К началу Великой Отечественной войны в Ленинграде работали 14 научных институтов Академии наук СССР. Из них по Отделению литературы и языка — три: Институт литературы, Институт языка и мышления и Институт востоковедения[10]. Из 16 академиков, являвшихся тогда членами ОЛЯ, в трех ленинградских институтах работали 12; из 25 членов-корреспондентов — 14[11].

2. Институт языка и мышления перед войной

По данным официальной анкеты, составленной для Василеостровского райкома ВКП(б) и подписанной И. И. Мещаниновым, в ИЯМ на 1 января 1941 г. числились 191 сотрудник (из них 10 аспирантов и 63 нештатных), в том числе 95 женщин (из них 5 аспирантов)[12]. По данным подобной анкеты на 1 июля того же года в Институте числилось уже всего 116 сотрудников[13].

Функции Института в анкете сформулированы следующим образом: «Теоретическое языкознание и изучение отдельных национальных языков и диалектов. Помощь местам в составлении грамматик и словарей, а также в подготовке и повышении квалификации кадров»[14].

Институт размещался в Главном здании Академии наук в Ленинграде, на Университетской набережной, дом. 5. Словарный отдел находился отдельно, в здании Института литературы на Тучковой набережной, дом. 2.

Организационная структура Института показывает, какой широкий круг научных направлений в области языкознания

---

[9] Там же. Ф. 7, оп. 1, д. 208, л. 79.
[10] Список ленинградских институтов на 1 октября 1940 г. см.: СПбФ АРАН. Ф. 929, оп. 1, д. 266, л. 72–84.
[11] Кольцов А. В. Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. СПб., 1997. С. 63.
[12] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1941), д. 1, л. 3.
[13] Там же, л. 1.
[14] Там же, л. 2.

разрабатывался в то время. Приводим здесь полностью список сотрудников на 1 января 1941 г. (по структурным подразделениям) [15].

Дирекция
1. Мещанинов Иван Иванович, директор
2. Бархударов Степан Григорьевич, заместитель директора
3. Быховская Софья Львовна, ученый секретарь, ст. науч. сотр.

Сектор русского и других славянских языков
1. Ляпунов Борис Михайлович, зав. сектором

Кабинет современного русского языка
2. Щерба Лев Владимирович, зав. кабинетом
3. Перепёлкин Сергей Семёнович, ст. науч. сотр.
4. Коротаева Элеонора Иосифовна, ст. науч. сотр.
5. Браве Лидия Яковлевна, и. о. ст. науч. сотр.
6. Истрина Евгения Самсоновна, ст. науч. сотр.
7. Виноградов Виктор Владимирович, ст. науч. сотр.

Улитин Алексей Николаевич, ст. науч. сотр. (внесен в список с 13.02.41 г.)

Кабинет истории русского языка
8. Обнорский Сергей Петрович, зав. кабинетом
9. Никулин Александр Степанович, ст. науч. сотр.
10. Улитин А. Н. ст. науч. сотр. (до 13.02)

Кабинет диалектологии
11. Филин Федот Петрович, ст. науч. сотр.
12. Мальцев Михаил Дмитриевич, ст. науч. сотр.
13. Синельникова Наталья Петровна, мл. науч. сотр.
14. Гринкова Надежда Павловна, и. о. ст. науч. сотр.

Кабинет славянских языков
15. Чернобаев Виктор Григорьевич, ст. науч. сотр.
16. Колесников Емельян Григорьевич, ст. науч. сотр.
17. Лавров Борис Викторович, и. о. ст. науч. сотр.
18. Зарин Иван Иванович, мл. науч. сотр.

[15] Там же, д. 8, л. 20–39.

Словарь современного русского языка

1. Чернышёв Василий Ильич, зав. Словарным отделом
2. Абабков Павел Кузьмич, и. о. ст. науч. сотр., учен. секретарь Словарного отдела и ДРС
3. Порецкая Рахиль Эзровна, и. о. ст. науч. сотр.
4. Советов Сергей Сергеевич, и. о. ст. науч. сотр.
5. Фалёв Иван Александрович, и. о. ст. науч. сотр.
6. Ляпунова Людмила Сергеевна, и. о. ст. науч. сотр.
7. Павленко Людмила Варламовна, мл. науч. сотр.
8. Лемберик Изабелла Григорьевна, мл. науч. сотр.
9. Шипова Елизавета Николаевна, мл. науч. сотр.
10. Махонина Александра Ивановна, мл. науч. сотр.
11. Цунзер Зоя Абрамовна, мл. науч. сотр.
12. Зборовский Иван Кириллович, ст. науч. сотр.
13. Синюхаев Георгий Титович, мл. науч. сотр.
14. Северинова Юлия Макаровна, ст. науч.-техн. сотр.
15. Колюбакина Наталья Ивановна, мл. науч. сотр.
16. Штерн Лидия Абрамовна, мл. науч. сотр.
17. Сквирская Роза Израилевна, ст. науч.-техн. сотр.
18. Дзэн Екатерина Ивановна, науч.-техн. раб. картотеки
19. Чеховер Цецилия Иосифовна, библиотекарь I разр.
20. Давидович Ольга Георгиевна, мл. науч. сотр.
21. Семериков Александр Васильевич, мл. науч. сотр.
22. Терновская Анастасия Ивановна, науч.-техн. сотр.
23. Филиппов Николай Николаевич, и. о. ст. науч. сотр.
24. Берков Павел Наумович, и. о. ст. науч. сотр.
25. Лившиц Донара Давыдовна, науч.-техн. сотр.
26. Гитлиц Фанни Марковна, мл. науч. сотр.
27. Виноградов Георгий Семенович, и. о. ст. науч. сотр.
28. Родэ Николай Николаевич, мл. науч. сотр.
29. Яковлева Нина Петровна, мл. науч. сотр.
30. Андреев Федот Александрович, мл. науч. сотр.
31. Виноградов Виктор Николаевич, мл. науч. сотр.
32. Линдрос Ирья Августовна, науч.-техн. сотр.
33. Бляхер Елизавета Израилевна, науч.-техн. сотр.
34. Фишкис Елена Абрамовна, науч.-техн. сотр.
35. Берлин Сергей Абрамович, ст. науч.-техн. сотр.
36. Клеман Михаил Карлович, и. о. ст. науч. сотр.
37. Криштофович Африкан Николаевич, и. о. ст. науч. сотр.

38. Владимирцева Л. Н., мл. науч. сотр. (временно на 1/I-41 считать в штате).

Древне-русский словарь

1. Ларин Борис Александрович, зав. ДРС, ст. науч. сотр.
2. Иссерлин Евгения Марковна, мл. науч. сотр.
3. Чернявская Софья Львовна, мл. науч. сотр.
4. Смирнова Антонина Сергеевна, ст. науч.-техн. сотр.
5. Котович Алексей Николаевич, и. о. ст. науч. сотр.
6. Гейерманс Георгий Логинович, мл. науч. сотр.
7. Коплан Борис Львович (sic!), и. о. ст. науч. сотр.
8. Геккер Стелла Фёдоровна, мл. науч. сотр., редактор
9. Успенский Лев Васильевич, и. о. ст. науч. сотр.
10. Богородский Борис Леонидович, и. о. ст. науч. сотр.

Кабинет кавказских яфетических языков

1. Дондуа Карпез Дариспонович., зав. кабинетом, ст. науч. сотр.
2. Бокарёв Анатолий Алексеевич, ст. науч. сотр.
3. Муркелинский Гаджи Бадогиевич, ст. науч. сотр.
4. Шаумян Рафаэль Михайлович, ст. науч. сотр.
5. Турчанинов Георгий Фёдорович, ст. науч. сотр.

Индо-иранский кабинет

1. Абаев Василий Иванович, зав. кабинетом, ст. науч. сотр.
2. Зарубин Иван Иванович, ст. науч. сотр.
3. Вильчевский Олег Людвигович, ст. науч. сотр., секретарь кабинета
4. Цукерман Исаак Иосифович, ст. науч. сотр.

Финно-угорский кабинет

1. Чхаидзе Михаил Павлович, ст. науч. сотр.
2. Майшев Иван Иванович, ст. науч. сотр.
3. Якубинская Эрика Антоновна, ст. науч. сотр.
4. Латикайнен Екатерина Петровна, и. о. ст. науч. сотр.
5. Бубрих Дмитрий Владимирович, зав. кабинетом, ст. науч. сотр.
6. Емельянов Аркадий Иванович, и. о. ст. науч. сотр.

Кабинет африканских языков
1. Юшманов Николай Владимирович, ст. науч. сотр.
2. Снегирёв Игорь Леонтьевич, ст. науч. сотр., секретарь кабинета
3. Алексеев Петр Андреевич, ст. науч.-техн. сотр.

Кабинет языков народов Севера
1. Аврорин Валентин Александрович, зав. кабинетом, ст. науч. сотр.
2. Пырерка Антон Петрович, мл. науч. сотр.
3. Горцевская Вера Августовна, и. о. ст. науч. сотр.

Турецкий кабинет
1. Малов Сергей Ефимович, зав. кабинетом, ст. науч. сотр.
2. Убрятова Елизавета Ивановна, ст. науч. сотр.

Романо-германский кабинет
1. Шишмарёв Владимир Фёдорович, зав. кабинетом, ст. науч. сотр.
2. Десницкая Агния Васильевна, ст. науч. сотр.
3. Кацнельсон Соломон Давыдович, ст. науч. сотр.
4. Будагов Рубен Александрович, ст. науч. сотр.
5. Ярцева Виктория Николаевна, и. о. ст. науч. сотр.

Кабинет семито-хамитских языков
1. Гитлиц Марк Моисеевич, ст. науч. сотр.
2. Лившиц Исаак Григорьевич, ст. науч. сотр.

Кабинет классических языков
1. Жебелёв Сергей Александрович, академик
2. Толстая Софья Венедиктовна, и. о. ст. науч. сотр.

Административно-хозяйственный отдел по штатному расписанию включал 18 человек. Там, кроме заведующего отделом и сотрудников бухгалтерии, было все, что нужно для нормального функционирования научного учреждения: секретарь директора, заведующий канцелярией, заведующий кладовой, кассир, стенографистка, 3 машинистки, 2 курьера, 2 гардеробщика, 2 уборщицы, истопница.

В первой половине 1941 г. произошло два изменения в структуре Института. 13 февраля был создан Кабинет балтийских языков для исследования языков: литовского, латышского и латгальского в составе: Б. А. Ларин (заведующий), И. И. Зарин (младший научный сотрудник) и С. И. Груздева (аспирантка). К участию в работе Кабинета «привлекаются» (так в приказе) старшие научные сотрудники Д. В. Бубрих и М. М. Гитлиц. Б. А. Ларин оставался заведующим ДРС. В тот же день Кабинет истории русского языка и Кабинет диалектологии[16] объединены в один «в целях установления более тесной связи между изучением русского языка и диалектологии» [17].

3. Начало войны и блокады

23 июня 1941 г. был объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных». В Ленинграде и области мобилизации подлежали мужчины, родившиеся с 1905 по 1918 г. включительно[18]. На следующий день появился первый приказ по ИЯМ о мобилизации военнообязанных. Первыми мобилизованными стали М. Я. Канторович (зав. административно-хозяйственным отделом), Б. А. Цинман (младший научный сотрудник Древнерусского словаря) и М. П. Чхаидзе (старший научный сотрудник Кабинета финно-угорских языков)[19]. В приказе от 10 июля перечислены «ушедшие в Красную Армию в качестве добровольцев» 15 сотрудников: А. А. Бокарёв, О. Л. Вильчевский, И. И. Зарин, С. Д. Кацнельсон, М. Д. Мальцев, А. П. Могилянский, Г. Б. Муркелинский, А. С. Никулин, А. П. Пырерка, С. С. Перепёлкин, И. Л. Снегирёв, А. Таимов, Ф. П. Филин, И. И. Цукерман, С. С. Советов[20].

16 июля 1941 г. Совет по эвакуации при Совнаркоме СССР принял решение об эвакуации учреждений Академии наук из Ленинграда. Первоначально предполагалось разместить их в Томске, затем в качестве места эвакуации была выбрана Казань.

---

[16] В приказе он назван «кабинет по изучению русских народных говоров».
[17] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1941), д. 37, л. 117, 118.
[18] Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1941 г. № 26. С. 1.
[19] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1941), д. 37, л. 63.
[20] Там же, л. 55.

К эвакуации готовились все академические учреждения. Однако подготовка велась медленно. Летом 1941 г. организованно эвакуировались из Ленинграда только три института (Физико-технический, Радиевый и Институт химической физики). 22 июля в специальном вагоне в пансионат Боровое Акмолинской области выехали вместе с семьями академики А. П. Баранников, С. Н. Бернштейн, Б. М. Ляпунов, А. С. Орлов, А. И. Тюменев, А. Е. Фаворский и член-корреспондент Л. С. Берг[21].

В первой половине августа эвакуация научных учреждений была временно остановлена, чтобы вывезти из Ленинграда промышленные предприятия и учебные заведения. После 8 сентября эвакуация стала уже невозможной. Вывозились лишь отдельные группы ученых, в основном на самолетах. Не все хотели уезжать. Например, академики Л. А. Орбели, П. И. Степанов и И. И. Мещанинов оставили Ленинград лишь в октябре 1941 г., когда были «отозваны» специальным распоряжением правительства[22]. С. А. Жебелёв и Н. С. Державин в сентябре выехали на машине на аэродром, но вернулись обратно, так как началась бомбежка аэродрома. Жебелёв после этого отказался уезжать.

В блокированном городе оставалось около 2000 сотрудников Академии наук (не считая обслуживающий персонал), в том числе 12 академиков и 15 членов-корреспондентов[23]. А уже в ночь с 10 на 11 сентября на здания Зоологического института и Библиотеки Академии упали первые зажигательные бомбы. Жизнь научных учреждений перестраивалась на военный лад.

4. Сокращение штатов

С начала войны во всех академических учреждениях началось сокращение штатов[24]. Штат сотрудников ИЯМ на 1 августа утвержден в количестве 121 человек. 17 августа — первое массовое увольнение «в связи с новым штатным расписанием». Уволены 21 человек, из них 15 научных сотрудников (в том числе старшие научные сотрудники П. Н. Берков, Р. А. Будагов,

[21] Кольцов А. В. Ленинградские учреждения… С. 94.
[22] СПбФ АРАН. Ф. 2, оп. 18, д. 10, л. 11.
[23] Кольцов А. В. Ленинградские учреждения... С. 99.
[24] Не подверглись сокращению штаты только одного академического учреждения: Архива.

В. В. Виноградов, И. И. Зарубин, Э. И. Коротаева, В. Н. Ярцева и др.), зам. главного бухгалтера, одна уборщица[25]. Тогда же отчислены 9 нештатных сотрудников. В дальнейшем уволены практически все нештатные сотрудники и выборщики по разным отделам. Сокращение коснулось особенно Словарного отдела, откуда шли массовые увольнения с формулировкой «в связи с сокращением объема работы». Аспиранты отчислялись и отправлялись в приславшие их учреждения. По данным на 1 октября 1941 г. в ИЯМ оставалось пять аспирантов: В. С. Расторгуева, В. И. Завьялова, А. П. Конусов, И. И. Зарин, А. П. Могилянский (аспирант без отрыва от производства) [26].

Приказом № 86 «зам. директора ИЯМ проф. С. Г. Бархударов, в связи с временным сокращением штатов, временно отчисляется с 1-го октября из штата Института с сохранением должности члена главной редакции Древне-русского словаря на договорных началах, с выдачей компенсации за неиспользованный отпуск и с выходным пособием»[27].

8 октября, в связи с очередным новым штатным расписанием, уволены «без выдачи выходного пособия» еще 14 человек, среди них В. Д. Бубрих, В. Г. Чернобаев, Б. В. Лавров[28]. Многие увольнялись, уезжая с семьями в эвакуацию (например, 4 сентября уволен по собственному желанию Н. В. Юшманов, эвакуировавшийся с семьей [29]). В списке сотрудников ИЯМ, составленном на 10 октября, значится 49 человек (среди них И. И. Мещанинов, Л. В. Щерба, С. Е. Малов, В. Ф. Шишмарёв)[30]. В конце октября Совет по эвакуации при Совнаркоме разрешил Президиуму Академии наук вывезти из города 1100 научных сотрудников с семьями. В списке сотрудников ИЯМ на 15 ноября значится всего 34 человека. Тогда в Институте оставался единственный доктор наук (К. А. Пушкаревич) и 17 кандидатов наук[31].

---

[25] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1941), д. 37, л. 32–34.
[26] Там же, д. 43, л. 30.
[27] Там же. Ф. 2, оп. 18, д. 37, л. 16.
[28] Там же. Ф. 77, оп. 1(1941), д. 37, л.11–12.
[29] Там же, л.22.
[30] Там же, д. 43, л. 1–4.
[31] Там же, д. 8, л. 9–10.

5. Руководство ленинградскими учреждениями

Руководство ленинградскими учреждениями АН СССР первоначально осуществляла Ленинградская группа членов Президиума АН. Ее возглавляли Л. А. Орбели, П. И. Степанов и И. И. Мещанинов. Первое заседание они провели 25 августа. В октябре, после их эвакуации, руководителем стал С. А. Жебелёв. 21 октября Группа преобразована в Комиссию по делам ленинградских учреждений АН. С конца декабря 1941 г., после смерти С. А. Жебелёва, работой Комиссии руководил академик И. Ю. Крачковский. Он выехал из Ленинграда предпоследним из академиков, 25 июля 1942 г. В блокадном городе оставался только физиолог А. А. Ухтомский, скончавшийся 31 августа 1942 г.

Комиссия по делам ленинградских учреждений АН регулярно, 2–3 раза в неделю, проводила заседания, на которых обсуждались организационные вопросы и заслушивались научные доклады. И. Ю. Крачковский характеризовал ее работу следующим образом: «Значение этой Комиссии, единого связующего звена всех ленинградских учреждений Академии, было очень велико, хотя функции ее мало дифференцировались: она брала на себя, в зависимости от обстоятельств, в нужных случаях решение и научных, и организационных и, в особенности, бытовых вопросов, обыкновенно в очень трудных условиях. Она старалась в меру своих возможностей поддержать и научную работу, и сохранить в целости богатые фонды академических учреждений, и спасти наличные кадры работников как входивших в их состав, так и оставшихся в Ленинграде по различным обстоятельствам без поддержки»[32].

6. Руководство Института языка и мышления

После эвакуации И. И. Мещанинова директором стал академик С. А. Жебелёв. Первый раз его подпись появляется под приказом № 91 от 23 октября 1941 г.[33] Постановлением Комиссии по делам Ленинградских учреждений АН СССР от 16 января 1942 г. исполняющим обязанности директора утверждена Евгения Самсоновна Истрина, старший научный сотруд-

[32] Цитируется по рукописи: Кольцов А. В. «Академия наук в годы Великой отечественной войны»» (СПбФ АРАН. Ф. 929, оп. 4, д. 35, л. 52–53).
[33] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1941), д. 37, л. 8.

ник Кабинета современного русского языка[34]. После ее эвакуации постановлением той же Комиссии от 19 февраля 1942 г. исполняющим обязанности директора утверждена Людмила Сергеевна Ляпунова, и. о. старшего научного сотрудника Словарного отдела[35]. 27 марта того же года она умерла, и исполняющим обязанности директора стала Э. А. Якубинская, старший научный сотрудник Финно-угорского кабинета. После эвакуации Института в Казань она осталась в Ленинграде «в качестве уполномоченного Института»[36]. Весной 1944 г. в Ленинград вернулся академик С. П. Обнорский, ставший заместителем директора ИЯМ. В сентябре 1944 г. вернулся директор И. И. Мещанинов.

7. Научная работа в 1941 году

С началом войны работа всех академических учреждений была прежде всего ориентирована на помощь фронту. Гуманитарные учреждения не могли заниматься проблемами размагничивания кораблей, радиолокацией, лечением травматического шока или изготовлением витаминов из хвои. Но и сотрудники ИЯМ стали работать по заданиям военных организаций. Они выполняли специальные задания Геодезической части Ленинградского военного округа по транскрипции топонимов на военных картах, составляли военные разговорники и словари (Е. С. Истрина, Б. А. Ларин, С. С. Советов, Э. А. Якубинская и другие).

В архиве Института сохранились отчеты за 3-й квартал 1941 года. В этот период многие сотрудники были заняты на оборонно-строительных работах, несли дежурства по ПВО, посещали занятия по программе Всевобуча по рабочему отряду Академии наук. Работы по плановым темам продолжались лишь в остававшееся время.

Перед войной Словарный отдел подготовил проект «Словаря современного русского языка». Первый том был уже набран, сдан в печать второй том и в значительной степени подготовлен третий том. В отчете Словарного отдела за 3-й квартал, составленном И. А. Фалёвым, перечислены проведенные работы: чте-

[34] Там же, оп. 1(1942), д. 9, л. 3.
[35] Там же, л. 7.
[36] Там же, л. 28. Об Э. А. Якубинской см. ниже.

ние 2-й корректуры 1-го тома; включение дополнительных статей и внесение изменений в текст 2-го тома согласно с замечаниями рецензентов на разосланные отрезки словаря; окончательная лексикографо-техническая редактура 2-го тома; редактирование отрезков 1–21 3-го тома и предварительное чтение членами редакции еще 12 отрезков; обработка в рабочей редакции отрезков (31–35, 69–72, 75) 3-го тома; составление словарных статей для 4-го и 5-го томов (6 отрезков); составление справочного отдела к 3-му тому[37].

Под руководством С. П. Обнорского и Б. А. Ларина велась подготовка словаря древнерусского языка. Отчет ДРС за 3-й квартал, составленный Б. А. Лариным 30 октября, приведем дословно.

«Начиная с июля м-ца нормальная работа ДРС была нарушена по следующим основным причинам:

1) Начались оборонно-строительные работы по гражданской трудовой повинности, в которых должны были участвовать в обязательном порядке в разные сроки 6 (шесть) сотрудников ДРС: С. Л. Чернявская, С. Ф. Геккер, А. П. Евгеньева, Г. Л. Гейерманс, Б. Л. Богородский и Б. И. Коплан; из них Богородский работал по трудповинности 57 дней, Коплан — 36 дней, Гейерманс — 24 дня, Чернявская и Геккер — по 14 дней.

2) Прошли сокращения штатов ИЯМ, в силу чего были отчислены с середины августа штатные сотрудники ДРС: Б. А. Цинман, С. Л. Чернявская, А. П. Евгеньева, А. С. Смирнова и С. Ф. Геккер. В первые же дни войны отчислены договорные редактора П. А. Садиков и Л. В. Успенский и договорной научно-технич. сотрудник П. Ф. Кузнецов.

Кроме того, все оставшиеся в штате ДРС сотрудники несли через день — через два обязательные дежурства по ПВО, два сотрудника (Гейерманс и Коплан) с конца сентября начали ежедневные занятия по программе Всевобуча по рабочему отряду Академии наук, а Коплан, кроме того, прошел 40-часовые районные курсы ПВХО.

Зав. ДРС Б. А. Ларин около 1½ мес. выполнял специальные оборонные работы в штабе действующей Красной Армии сев.-зап. фронта.

[37] Там же, оп. 1(1941), д. 38, л. 48.

Таким образом, план работы ДРС на 3-й квартал, рассчитанный на продукцию 11 редакторов, не мог быть выполнен по указанным основаниям силами 5 редакторов.

За июль-сентябрь по редакторской работе выполнено 12 авторских листов (5500 словарных карточек) по II тому ДРС (начиная с буквы В).

Выборки для картотеки ДРС не продолжались ввиду полного исчерпания ассигнования в первом полугодии.

Работа Главной редакции прекратилась в связи с отъездом председателя Главной редакции академика С. П. Обнорского»[38].

План работы ДРС на 4-й квартал, составленный Б. А. Лариным, выглядит следующим образом:

«Запроектировано 10 авторских листов II тома ДРС (буква В) из расчета ок. 1 листа на каждого из трех оставшихся в штате редакторов (1 редактор — И. И. Матвеев уволен по сокращению штатов 8/X, 1 редактор — Б. Л. Богородский переведен тогда же на половинный оклад с половинным рабочим днем).

С 5 ноября должна возобновиться работа Главной редакции с привлечением к обсуждению приготовленных листов ДРС всего наличного состава редакторов.

Параллельно с этим возобновляется переписка на машинке и подготовка к печати очередных листов II тома ДРС.

Выполнение намеченного плана будет зависеть от того, не будут ли сотрудники ДРС посылаемы на оборонные или иные какие специальные работы, а также насколько будут обеспечены для наличных сотрудников ДРС терпимые физические условия работы»[39].

Отчет о работе Синтаксической группы грамматики современного русского языка составила ее руководитель Е. С. Истрина. Она также отметила, прежде всего, «условия военного времени». Ей была поручена внеплановая работа по составлению текстов военного разговорника и военного словаря (работа закончена в августе) По плану она «продолжала работу над определениями, но этот раздел не закончен и не оформлен (как намечалось в годовом плане)». С. С. Перепёлкин ушел в армию, Э. И. Коротаева уволена по сокращению штатов. А. Н. Улитин длительное время был занят «работами на

[38] Там же, л. 50–50об.
[39] Там же, л. 49.

окопах», по плановой теме «обрабатывал материалы дательного падежа; план выполнен частично». Кроме него в Группе осталась только одна сотрудница, Л. Я Браве, которая «продолжала работу над причастными оборотами (их классификация, стилистические функции), а также над обособленными определениями». «Работа по выборкам сильно сократилась, а с половины августа совсем прекратилась» [40].

Кабинет кавказских яфетических языков работал в составе трех старших научных сотрудников (из пяти к началу войны).

К. Д. Дондуа «разрабатывал ряд грамматических вопросов, связанных с проблемой структурных взаимоотношений кавказских яфетических языков и отдельных их групп» Подготовил статью «Из грузинской грамматической литературы», подготовил и прочел в Кабинете доклад «Кабардинская форма активного или эргативного падежа в сванском», подготовил доклад «Направительный падеж в картвельских языках», приступил к составлению первой части грузинско-русского словаря (части букв А и Б) в количестве около тысячи карточек, а также проверил и привел в порядок около двух тысяч карточек-выборок, составленных договорным работником по трем грузинским авторам нач. XIX в. для Грузинского словаря». С октября он «возобновил сванские штудии, имея в виду значительно расширить исследовательскую и текстовую (словарную) части работы по сванской диалектологии».

Г. Ф. Турчанинов почти весь август был занят подготовкой библиотеки Института к эвакуации (отбор книг, инвентаризация и упаковка). В том же месяце закончил статью «Малоизвестная русская поэма о восстании 1822 г. в Кабарде» объемом в полтора листа. Плановая тема по подготовке к публикации «кабардинской грамматики 1843 г. Шоры Бек Мурзы Ногма» отложена, так как требует работы в архивах Грузии. Поэтому в сентябре он работал над «Очерками по диалектологии кабардинского языка». Полностью написал главу «Язык моздокских кабардинцев» (два с половиной листа) и подготовил картотеку для главы «Кабардинский глоссарий 1688 г. д-ра Дрешера (к истории моздокского диалекта)». В октябре написал по этой теме три печатных листа из пяти предполагаемых. В октябре же прочел в Кабинете доклад о языке моздокских кабардинцев.

[40] Там же, л. 60–60об.

Р. М. Шаумян начерно закончил «Грамматический очерк лезгинского гильского диалекта» со словарем, объемом около 8 печатных листов. Работу по этой теме пришлось остановить «ввиду ухода в Кр. Армию осведомителя студента филфака ЛГУ Магометова». В октябре прочел в Кабинете доклад о книге Гарибяна «Новая ветвь армянских диалектов».

Заведующий Кабинетом К. Д. Дондуа завершил отчет за 3-й квартал оптимистично: «Можно констатировать, что, несмотря на чрезвычайно сложную обстановку, в которой приходится сейчас работать сотрудникам Кабинета, последний не свернул, а в известной части в наличном составе даже усилил свою научно-исследовательскую работу. На основании 1-й декады 4-го квартала можно с уверенностью говорить, что работа будет протекать в прежних темпах. Намечено уже к прочтению 4 доклада» [41].

В Кабинете финно-угорских языков оставались три научных сотрудника. Э. А. Якубинская «выполняла задания по оборонной работе при Геочасти Штаба Л. В. О.». Составила русско-эстонский военный разговорник. Е. П. Латикайнен выполняла те же работы при Геочасти Штаба Ленинградского военного округа. Составила русско-финский военный разговорник и «буквы А–Е русско-финского военного словаря». И. И. Майшев с начала июля до середины сентября находился на оборонных работах за городом. По возвращении написал введение к своей работе «Грамматика коми языка» [42].

По Кабинету семито-хамитских языков сохранился отчет И. Г. Лившица, который продолжал работу по теме «Египетские детерминативы (к истории египетского языка)»: занимался систематизацией и пополнением картотеки и проработкой ряда египетских текстов. Оформил к печати статью «К папирусу Harris I 65a. 9 (из области египетской семантики)». И. о. старшего научного сотрудника А. П. Алявдин (зачислен в Кабинет 15 мая) работал в 3-м квартале на полставки и занимался плановой темой: пересмотр и дополнение своей книги «Грамматика сирийского языка». За 3-й квартал собрал материал для «Введения» к книге и первой ее части — «Фонетика». В 4-м

[41] Там же, л. 46–47.
[42] Там же, л. 55.

квартале планировал заниматься сбором материала для 2-й части — «Морфология»[43].

В Кабинете классических языков после смерти С. А. Жебелёва осталась одна С. В. Толстая. Она продолжала тему по историческому синтаксису греческого языка; «в связи с возникавшими нередко затруднениями в получении необходимых книг» частично вернулась к одной из прежних тем — «Поэтический язык», собирая новые материалы. «Намечающаяся большая работа, — пишет она в отчете, — исходит из материала обоих классических языков, но мыслится как картина единого процесса в создании поэтического языка» [44].

В Кабинете славянских языков из четырех сотрудников остался только Е. Г. Колесников. К началу войны он был в диалектологической экспедиции, вернулся 26 июня и через день был отправлен на оборонные работы, до 15 октября. 1 августа в Кабинет был переведен из Института этнографии АН СССР старший научный сотрудник К. А. Пушкаревич. В ИЯМ он занимался составлением русско-чешского военного разговорника, прочел по поручению Дома Красной Армии и флота восемь лекций в красноармейских частях и госпиталях «на темы о славянах и освободительной войне» [45].

С. Е. Малов составил отчет о деятельности Турецкого кабинета за сентябрь. Сам он продолжал работу по выборке слов для древне-тюркского словаря. Кроме того, расшифровал «первую несомненно тюркскую надпись на руническом алфавите (10 букв)», открытую А. П. Окладниковым в июле 1941 г. в бассейне реки Лены. Второй сотрудник Кабинета, Е. И. Убрятова, до середины месяца находилась на оборонных работах. Вернувшись в Институт, продолжила работу по исследованию способов словосочетания в якутском языке[46].

Сотрудник Кабинета истории русского языка А. С. Никулин обрабатывал диалектологические материалы, собранные летом 1941 г. на Дону, и написал два листа диссертации «Верхнедонские говоры» [47].

---

[43] Там же, л. 66.
[44] Там же, л. 69.
[45] Там же, л. 62, 64..
[46] Там же, л. 44, 70.
[47] Там же, л. 76.

Аспирант А. П. Конусов большую часть времени находился на оборонных работах.

8. 1942 год. Эвакуация

Первая блокадная зима была самой страшной для Ленинграда. Проблема снабжения города продовольствием встала уже в июле 1941 года. Тогда Исполком Ленгорсовета (Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся) разработал «Инструкцию о разбивке контингентов населения по группам»[48]. Нормы снабжения продуктами определялись принадлежностью к одной из 4-х групп: 1) Рабочие и ИТР, 2) Служащие, 2) Иждивенцы, 4) Дети до 12 лет. К первой группе относилось руководство промышленностью и всевозможные рабочие. Самые большие нормы снабжения были у первой группы. В «Инструкции» все граждане, относящиеся к ней, перечислены очень подробно, например: «35) Повара всех разрядов, судомойки, корневщицы и кухонные рабочие, уборщицы кухонь; 36) Поломойки, мойщицы машин, полотеры, истопники бань и прачечных, уборщицы бань и прачечных, метельщики улиц, садов и парков, гладильщики белья в прачечных, рабочие магазинов, дровоколы предприятий». К группе «Рабочие» относились также «Работники партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органов, находящиеся на выборной освобожденной работе».

Ко второй группе относились всевозможные служащие, в том числе «директора, профессора, доценты, аспиранты ВУЗов, ВТУЗов и техникумов; директора НИИ, кроме НИИ промышленности, <…> научные сотрудники, учителя начальных и средних школ, врачи, артисты и т. д.». При всей тщательности этой «Инструкции», она не могла учесть все категории населения, и в августе появилось дополнение. В частности, персональные пенсионеры, инвалиды войн, академические пенсионеры и пенсионеры-орденоносцы отнесены ко второй группе. Сюда же включены «служители культа»[49].

15 сентября 1942 г. Ленгорисполком утвердил список научных работников города, получающих продовольственные и

[48] Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1941 г. № 28–29. С. 14–16.

[49] Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1941 г. № 32–33. С. 4–6.

промтоварные карточки по нормам рабочих. В него включены академики, члены-корреспонденты и сотрудники, имеющие ученую степень. Зато заведующие кафедрами марксизма-ленинизма получали это право независимо от наличия ученой степени[50].

С 25 декабря, после открытия ледовой трассы по Ладожскому озеру, хлебный паек немного увеличился. «Служащие», к которым были приравнены по нормам многие сотрудники Института, стали получать 200 граммов хлеба в день вместо 125. 24 января норма увеличилась до 300 граммов, но это мало помогало обессиленным людям. В начале января замерзли водопроводные трубы и вышла из строя канализация. Не ходил транспорт. Жили в нетопленых квартирах и шли на работу в промерзшие учреждения. В Академии наук был введен специальный паек с февраля 1942 г. докторам наук[51]. Более 90% научных работников болели дистрофией.

15 января 1942 г. в ИЯМ появляется первый приказ об отчислении «в связи со смертью». В нем перечисляются сотрудники, скончавшиеся в период с 19 декабря 1941 по 4 января 1942 г. Это были П. А. Алексеев, Г. Л. Гейерманс, О. Г. Давидович, А. С. Никулин, И. А. Фалёв (с 23 октября 1941 г. он исполнял обязанности заведующего Словарем современного русского языка) и аспирант А. П. Конусов[52]. 27 марта скончалась Людмила Сергеевна Ляпунова, и. о. директора Института[53]. В период с 5 января по 1 августа умерли: Б. И. Коплан, А. Н. Котович, Н. Н. Филиппов, Е. Г. Колесников, М. К. Клеман, И. И. Майшев, С. В. Толстая[54]. Все — старшие научные сотрудники.

Ученый секретарь ИЯМ София Львовна Быховская, старшие научные сотрудники Рафаэль Михайлович Шаумян и

[50] Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1942. № 19. С. 9.
[51] Там же. С. 9.
[52] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1942), д. 9, л. 2. В этом приказе нет С. А. Жебелёва. Он указан в списке сотрудников, отчисленных в связи со смертью, только 31 декабря 1942 г., без указания даты смерти. (см. там же, л. 35.
[53] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1942), д. 9, л. 11.
[54] Там же, д. 10, л. 7, 17, 21.

Алексей Николаевич Улитин, главный бухгалтер Вольдемар Гедертович Звейнек скончались в пути на место эвакуации[55].

8 февраля эвакуированы из Ленинграда 4 сотрудника ИЯМ, 19 февраля — еще 11[56]. На 20 февраля в списке сотрудников значится 21 человек. Из них 15 научных сотрудников, исполняющая обязанности ученого секретаря Е. К. Большакова, один аспирант (И. И. Зарин), две истопницы-уборщицы, курьер и гардеробщица[57]. В графе «Остается ли в Ленинграде, или подлежит эвакуации, или подлежит сокращению» у 19 из них значится «Остается в Ленинграде».

17 апреля Э. А. Якубинская подписала список сотрудников Института «на получение семян для выращивания в комнате». Незадолго перед этим, 19 марта 1942 г. Исполком Ленгорсовета принял решение «О развитии индивидуального огородничества», по которому предлагалось использовать все пригодные для весенней посадки овощей пустыри, дворовые участки, сады и пр.[58] Контора «Сортсемовощ» обязана была обеспечить жителей города семенами. В списке ИЯМ значится 16 человек[59]. Список сотрудников на 1 мая включает также 16 человек. У трех из них были дети в возрасте до 16 лет[60].

С апреля 1942 г. штат Института стал пополняться новыми сотрудниками. Первым из них приказом № 12 от 17 апреля на должность старшего научного сотрудника Кабинета северных языков был зачислен Орест Петрович Суник. Он к тому времени защитил кандидатскую диссертацию, а работал («по обстоятельствам военного времени», как он пишет в своей автобиографии) сменным мастером на оборонном заводе № 523. Факт зачисления О. П. Суника в ИЯМ никак не отражен в его личном деле. Приступить к работе он не успел, так как был мобилизован и отправлен в распоряжение Управления военно-восстановительных работ Ленинградского фронта, и приказом от 15 апреля отчислен из ИЯМ «как не приступивший к

[55] Там же, д. 9, л. 23, 25; Д. 10, л. 7.
[56] Там же, д. 10, л. 22.
[57] Там же, л. 25–27.
[58] Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1942. № 5–6. С. 14–15.
[59] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1942), д. 10, л. 15. В список внесен и О. П. Суник.
[60] Там же, л. 9, 11.

работе»[61]. После демобилизации он зачислен в ИЯМ 1 августа 1945 г. как «вернувшийся из Красной Армии»[62].

30 апреля на должность старших научных сотрудников зачислены С. А. Акулянц, Б. А. Кржевский и В. М. Тамань; 20 мая на должность заведующего Сектором русского и других славянских языков принят профессор Л. П. Якубинский. В Кабинет славянских языков приняты Т. С. Рождественская (25 мая) и И. А. Попова (1 июня). В Кабинет романо-германских языков приняты кандидат филологических наук И. П. Иванова (25 мая), М. М. Гитлиц (10 июня) и М. А. Бородина (10 июня). 1 июня младшим научным сотрудником ДРС снова стала С. Ф. Геккер.

С. А. Акулянц и Т. С. Рождественская уже 15 июля были отправлены на оборонные работы, а Б. А. Кржевский и Л. П. Якубинский тогда же отчислены, так как отказались эвакуироваться с Институтом. Стелла Фёдоровна Геккер работала в Институте всю войну.

Сведений о научной жизни ИЯМ в этот период немного. По данным на 25 мая в Институте оставалось 9 сотрудников, имеющих ученую степень кандидата филологических наук: Г. С. Виноградов, И. К. Зборовский, И. П. Иванова, Е. Г. Колесников, Б. А. Кржевский, С. В. Толстая, Е. И. Убрятова, Э. А Якубинская и Л. П. Якубинский[63].

С мая 1942 г. возобновились научные заседания. Первое из них состоялось 27 мая. Обсуждался доклад Е. П. Латикайнен «Придаточные предложения причины в финском литературном языке в период формирования современного финского языка». 5, 12, 26 июня и 3 июля были заслушаны доклады и сообщения С. С. Советова («Работа М. Ю. Лермонтова над языком “Мцыри”»), Б. А. Кржевского («Очередные задачи изучения истории испанского языка») и Е. И. Убрятовой («Слово и словосочетание в якутском языке»), а также план работы института на 1942 г. [64]

5 июня приказом по ИЯМ утверждена «квалификационная комиссия по допущению к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук тов. Латикайнен Е. П. на тему

[61] Там же, д. 9, л. 13, 16.
[62] Там же, оп. 1(1945), д. 8, л. 35.
[63] Там же, оп. 1(1942), д. 10, л. 10.
[64] Кольцов А. В. Ленинградские учреждения... С. 135.

“Придаточные предложения времени в финском литературном языке”»[65]. Защита диссертации состоялась с соблюдением всех формальностей, так как к тому времени в Ленинграде уже имелся научный совет, обладающий необходимыми полномочиями. 6 марта 1942 г. Комиссия Президиума по делам Ленинградских учреждений АН СССР постановила: «Создать Объединенный ученый совет институтов: Востоковедения, Литературы, Истории материальной культуры, Ленинградского отделения Института истории, Института языка и мышления», ввиду малочисленности состава Ученых советов институтов[66]. Это было важным событием научной жизни блокадного города.

Первое заседание Объединенного ученого совета состоялось 1 апреля 1942 г., в одной из комнат Главного здания на Университетской набережной. Пришли все академические сотрудники, кто мог к тому времени передвигаться. Открыл и вел заседание И. Ю. Крачковский. Он, в частности, сказал тогда: «Следует помнить, что в некоторых научных областях работа идет только в Ленинграде, так как уехавшие из Ленинграда работники оказались оторванными от научной базы — книг, рукописей, научных коллекций»[67]. Объединенный ученый совет состоял из 22 членов. Председателем был И. Ю. Крачковский, секретарем — сотрудница ЛО Института истории А. И. Болтунова.

Во время блокады в Объединенном ученом совете было защищено несколько диссертаций. Первой получила ученую степень сотрудница ИИМК М. Е. Сергеенко (докторская диссертация «Очерки по истории сельскохозяйственного быта древней Италии»). Защита проходила 10 июня 1942 года[68]. 24 июня в Актовом зале Института литературы состоялись защиты двух кандидатских диссертаций: С. И. Жирмунской на тему «Национальный вопрос в России в период борьбы за буржуазно-демократическую революцию и в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции»[69] и Е. П. Латикайнен на тему «Придаточные

[65] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1942), д. 9, л. 25.
[66] Там же. Ф. 2, оп. 18, д. 2, л. 18, 23.
[67] Кольцов А. В. Ленинградские учреждения … С. 130.
[68] Извещение о защите см.: СПбФ АРАН. Ф. 929, оп. 1, д. 327, л. 5; тезисы — л. 6–7.
[69] Извещение о защите см.: ф. 929, оп. 1, д. 327, л. 8.

предложения времени в финском литературном языке». Официальными оппонентами Е. П. Латикайнен были Э. А. Якубинская и Л. П. Якубинский[70]. 8 июля были защищены три диссертации на степень кандидата исторических наук.

На заседании 3 июня обсуждался, в числе других, производственный план ИЯМ. С сообщением выступила Э. А. Якубинская[71]. А уже через месяц начался новый этап эвакуации академических институтов. В ленинградских учреждениях оставались небольшие группы сотрудников «для охраны имущества и ценностей». В Ленинградском отделении Института истории, например, остались двое (М. И. Стеблин-Каменский и К. Н. Сербина), в Институте этнографии и ИИМК — по четыре сотрудника.

Институту языка и мышления был выделен вагон в эшелоне ленинградских учреждений. «Уполномоченным по вагону» 11 июля назначен И. К. Зборовский[72]. От ИЯМ в Казань эвакуировались 11 сотрудников[73]. Пятеро отказавшихся выехать из Ленинграда были уволены[74].

25 августа 1942 г. распоряжением Президиума АН были оформлены две Группы эвакуированных сотрудников ИЯМ: в Алма-Ате под руководством И. И. Мещанинова и в Казани под руководством С. П. Обнорского.

Решением Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся № 78, п. 14 от 22 октября 1942 г. эвакуация была прекращена, «в связи с выполнением намеченного плана эвакуации населения из гор. Ленинграда». С 1 ноября выезд разрешался «лишь в исключительных случаях (частичная эвакуация детских учреждений, эвакуация инвалидов Отечественной войны, престарелых и хронически больных) и с особого разрешения Городской эвакуационной комиссии»[75].

---

[70] Извещение о защите см.: ф. 929, оп. 1, д. 327, л. 8; тезисы — л. 9–13.
[71] Там же. С. 131.
[72] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1942), д. 9, л. 27.
[73] См. список на получение ими трудовых книжек: СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1942), д. 10, л. 4.
[74] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1942), д. 9, л. 6.
[75] Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1942. № 21–22. С. 16.

9. Ленинградская группа ИЯМ

Приказом по ИЯМ № 27 от 15 июля 1942 г. в Ленинграде оставались пять сотрудников: Э. А. Якубинская — «в качестве уполномоченного по Институту»; С. Ф. Геккер, младший научный сотрудник, — «для приведения в порядок рукописей и материалов по др.-русскому словарю»; В. М. Тамань, младший научный сотрудник, — «для приведения в порядок оставшихся рукописей и картотеки соврем. русского словаря». Оставались также истопница-уборщица А. А. Аиндинова и курьер-уборщица М. Т. Константинова[76].

Эрика Антоновна Якубинская по происхождению эстонка. В 1921 г. она закончила Петроградский университет по этнолого-лингвистическому отделению. По рекомендации проф. М. Г. Долобко стала аспиранткой на кафедре славянских языков. В 1926 г. закончила «аспирантский план работы» в ИЛЯЗВ, на заседании Секции общего языкознания «была признана достойной квалификации»[77] и 31 декабря 1935 г. утверждена ВАК'ом в ученой степени кандидата лингвистических наук, без защиты диссертации. Затем преподавала в Пединституте им. Герцена и ЛИФЛИ. В Институте языка и мышления начала работать 1 ноября 1937 г. в должности старшего научного сотрудника Кабинета финно-угорских языков. Она была беспартийной, как подавляющее большинство сотрудников Института[78].

В ее личном деле сохранился документ от 19 февраля 1941 г., подписанный старшим лейтенантом госбезопасности Драгуновым, где Якубинской выражается благодарность за

[76] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1942), д. 9, л. 28; Д. 10, л. 5.

[77] Архив ИЛИ РАН, оп. 2, д. 173, л. 11.

[78] К началу войны членами ВКП(б) были: зам. директора С. Г. Бархударов (с 1938), научные сотрудники П. К. Абабков (с 1919), Е. Г. Колесников (с 1920), А. С. Никулин (с 1930), С. С. Перепёлкин (с 1931), Р. Э. Порецкая (с 1930), А. П. Пырерка (с 1930), Ф. П. Филин (с 1939), И. И. Цукерман (с 1931); научно-технический сотрудник Словарного отдела Е. И. Дзен (с 1925), зав. Административно-хозяйственной частью М. Я. Канторович (с 1938), зав. канцелярией Е. Ф. Старикова (с 1939), библиотекарь Ц. И. Чеховер (с 1932) и столяр С. В. Кружков (с 1917). Кандидатами в члены ВКП(б) были Н. П. Гринкова и А. В. Десницкая, обе с 1939 г., а также Г. Б. Муркелинский (с 1930). См.: СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1941), д. 8, л. 60–78.

обучение эстонскому языку курсантов части № 352 НКВД СССР. Другой документ, написанный секретарем партбюро Института 20 августа 1941 г., удостоверяет, что «сомнений в политической благонадежности тов. Якубинской Э. А. в парторганизации ИЯМ'а нет»[79]. Очевидно, вопрос о благонадежности был связан с ее девичьей фамилией (она урожденная Лемберг) и настоящим отчеством (Гансовна).

К началу 1943 г. в Ленинградской группе научных сотрудников ИЯМ остались только Якубинская и Геккер. 20 января 1943 г. вернулся из действующей армии специалист по русской диалектологии М. Д. Мальцев. А с 3 мая Геккер была мобилизована «на трудовые работы» и находилась там несколько месяцев. Располагая этими небольшими силами, нужно было обеспечить охрану помещений и имущества Института, дежурства в звеньях ПВО, вести текущую работу. Все военное время, до возвращения весной 1944 г. С. П. Обнорского, этим занималась Якубинская.

В январе 1943 г. специальная комиссия проверяла состояние книжных фондов Института и нашла их состояние вполне удовлетворительным, что отмечено в акте комиссии от 7 января[80].

В начале 1943 г. Якубинская и Геккер провели огромную работу с делопроизводственным архивом Института. Они привели в порядок 198 личных дел сотрудников, выбывших в 1941–1942 гг., пронумеровали, подшили их и сдали на хранение в академический архив.

При всем этом продолжалась и научная работа. Представление о ней дает отчет о работе Ленинградской группы за 1-е полугодие 1943 г.[81]

Э. А. Якубинская продолжала работу «1) над своей докторской диссертацией "Личные и указательные местоимения в прибалтийско-финских языках". Помимо собранного и оформленного материала по местоимениям в эстонском и финском языках, за отчетный период собран материал по местоимениям в карельском, вепсском, водском и ливском языках (материал на 2–3 печатн. листа); 2) подготовлен материал для статьи

[79] Личное дело Э. А. Якубинской см.: Архив ИЛИ РАН № 173.
[80] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1943), д. 5, л. 1.
[81] Там же, л. 3.

“Эстонский язык” в сборник “Языки народов мира” на 1 — 1,5 печ. листа».

С. Ф. Геккер «вела работу над I томом Древне-русского словаря (А–Б), подготовленного к печати коллективом сотрудников Словарного Отдела ИЯМ в 1940–41 годах. Ею произведена дополнительная выборка по изданиям начала XVIII века. Эта выборка дала возможность внести в существующие статьи ряд изменений и дополнений, а именно: а) увеличение количества орфографических вариантов, приводимых в статьях, в) изменение датировки ряда слов, с) расширение иллюстративного материала, относящегося к XVI–XVII вв., присоединением цитат из источников, относящихся к XVIII веку, д) пополнение новыми выборками словарных статей, иллюстрированных каждая по одной цитате, е) введение в существующие статьи новых значений, словоупотреблений, словосочетаний, дополнение в области морфологии и проч.».

О работе М. Д. Мальцева Якубинская в отчете написала: «1) им разработаны и учтены материалы по северо-западным русским говорам, собранным в 1941 году; 2) подготовлена к печати работа (около 2-х печатных листов) “Из наблюдений над народными говорами по тракту Череповец — Устюжна — Белый Бычек” для Вологодского диалектологического сборника, редактируемого А. С. Ягодинским; 3) собраны материалы для статьи “Житие Иакова черноризца <…>” (Супрасльская рукопись как источник “Отца Сергия” Л. Н. Толстого».

Летом 1943 г. Якубинская принимала участие в работе Комиссии по обследованию и выявлению убытков, причиненных академическим учреждениям бомбардировками и артиллерийскими обстрелами[82].

10. Реэвакуация

15 января 1944 г. войска Ленинградского фронта перешли в наступление, прорвали полосу укреплений немцев у Пулково. Через пять дней отбито Красное Село, превращенное врагом в крепость, взят Петергоф. В ночь на 26 января освобождена Гатчина. Одновременно шло наступление на Волховском фронте. 27 января приказ по войскам Ленинградского фронта

[82] Там же, л. 3об.

возвестил о полном освобождении Ленинграда от блокады, а вечером город салютовал. 24 раза гремели залпы 324-х пушек[83].

Только в мае 1944 г. в Институт стали возвращаться сотрудники: С. П. Обнорский, Е. К. Большакова, уволенная ранее по сокращению штатов В. Н. Ярцева. 1 мая в Сектор классической филологии принят член-корреспондент С. И. Соболевский. 1 августа к работе приступила вернувшаяся из Кыштыма А. В. Десницкая.

В первом полугодии С. А. Акулянц защитила на Ученом совете Филологического факультета ЛГУ «предусмотренную планом диссертацию на тему “Шванки Ганса Сакса в немецкой литературе XVI века”»[84].

24 июня, по распоряжению Уполномоченного Казанской группой ИЯМ И. И. Толстого, зачислена в аспирантуру Н. Т. Панченко, в августе вернулась из Сталинабада аспирантка В. И. Завьялова[85].

На 27 октября 1944 г. в эвакуации оставались еще 24 сотрудника и 1 аспирант, а в Институте было 12 сотрудников и 2 аспирантки[86]. К январю 1945 г. вернулась из Кировской области Н. П. Гринкова, были снова приняты на работу Л. П. Якубинский и Р. А. Будагов.

Реэвакуация шла медленно. Для оформления вызова требовалось подтверждение о наличии у вызываемого сотрудника жилплощади в Ленинграде, а она была не всегда. Исполком Ленгорсовета принял 3 марта 1942 г. постановление «О воспрещении заселения жилой площади эвакуированных из Ленинграда деятелей науки и искусства и охране их имущества и библиотек»[87]. Но этот документ, во-первых, касался только академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук. Во-вторых, он появился поздно. Предыдущими решениями того же Ленгорсовета пустующие квартиры и комнаты предоставлялись для заселения, особенно если речь шла о заселении их рабочими и служащими оборонных предприятий.

[83] Известия. 20–28 января 1944 г.
[84] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1944), д. 8, л. 6.
[85] Там же, д. 9, л. 4–7.
[86] Там же, д. 13, л. 10, 14.
[87] Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. 1942. № 5–6. С. 6.

Кроме того, жилплощадь эвакуированных и мобилизованных в армию могла заселяться «временно». При этом домоуправление заключало с временно вселяемыми договор «без указания срока его действия», а имущество прежних жильцов отдавалось новым владельцам «под расписку на ответственное хранение»[88].

Того же 3 марта 1942 г. Исполком принял и другое решение: «О состоянии охраны имущества граждан, эвакуированных из Ленинграда, и лиц, находящихся в Красной Армии». Перед этим органы Военной прокуратуры провели проверку и обнаружили, что многие работники домохозяйств самовольно заселяют жилплощадь эвакуированных, пользуются их вещами[89]. Исполкомы райсоветов обязывались контролировать действия управдомов и комендантов зданий. Но контролировать было не просто. Февральским решением Исполкома разрешалась «реализация имущества после умерших, при отсутствии в Ленинграде в момент смерти прямых наследников <…> с предоставлением могущим в дальнейшем выявиться наследникам права на получение из бюджета в течение последующих шести месяцев стоимости вырученной от реализации имущества"[90]. На протяжении всего 1942 г. Ленгорисполком периодически проводил проверки выполнения решений от 3 марта и каждый раз констатировалось, что решения практически не выполняются. Многие управдомы и коменданты зданий бесконтрольно распоряжались жилплощадью и имуществом эвакуированных и умерших.

Кроме того, безотносительно от решений городских властей, многие жилые дома пострадали от бомбежек и артобстрелов. Список эвакуированных только в Алма-Ату сотрудников ИЯМ, не имеющих жилплощади в Ленинграде на 8 января 1945 г., включает пятерых[91]. Проблема жилплощади и наличия прописки была очень серьезной. Например, 19 марта Э. А. Якубинская отправила Е. С. Истриной в Москву телеграмму: «Виноградову вызове отказано необходима гарантия постоянной прописки»[92]. 9 марта 1945 г. П. К. Абабков в письме Э. Якубин-

[88] Там же. 1941. № 37. С. 1.
[89] Там же. 1942. № 5–6. С. 7–8.
[90] Там же. № 3–4. С. 5–6.
[91] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1945), д. 10, л. 59.
[92] Там же, д. 14, л. 29.

ской из Алма-Аты от имени всей группы ленинградцев выражал надежду, что «вызовы будут высланы всем сотрудникам (и обеспечены сотрудники квартирами, т. к. они эвакуировались не по своей воле)». В Алма-Ате тогда оставались кроме Абабкова еще 11 сотрудников ИЯМ. Среди них — В. И. Чернышёв и С. С. Советов с семьями, Н. В. Юшманов (болевший астмой в тяжелой форме), Е. И. Убрятова (она так и не излечилась от дистрофии и вдобавок заболела цингой), М. М. Гитлиц (диабет), Г. С. Виноградов и Л. В. Павленко, также не слишком здоровые. Там же находилась аспирантка ИЯМ Е. Н. Шипова[93]. 19 марта Якубинская телеграфировала в Алма-Ату: «Комната Гусевой занята вызов возможен телеграфном заверенном согласии сына прописать свою площадь». 26 марта она телеграфировала также в Алма-Ату: «Вызовы получены всем кроме Павленко и иждивенцев Шиповой»[94]. В конце концов, стараниями Якубинской вызовы получили все алмаатинцы и к началу июня 1945 г. вернулись в Ленинград. В мае же из Ташкента вернулись И. Г. Лившиц, Б. Л. Богородский и М. А. Бородина.

11. Ремонтно-восстановительные работы

В июне 1944 г. в помещениях Института начались ремонтно-восстановительные работы. Из оконных проемов убирали временную кирпичную кладку, в рамы вставляли, в основном, «фанеру с прирезкой»; выносили мешки с песком и мусор, чинили крышу. В конце 1944 г. Якубинская представила заместителю Управляющего делами АН М. Е. Федосееву следующий отчет.

«Силами сотрудников ИЯМ'а: подготовлены 78 оконных гнезд для вставки стекол, вымыты окна, частично вставлена фанера (главным образом в помещении Словарного Отдела на Тучковой набережной дом 2), приготовлены под рабочие помещения комнаты, в которых были устроены бойницы — вынесен песок и мусор, расставлена мебель, комнаты вымыты и прибраны. Много сил и времени ушло на уборку коридора и б. зала заседаний (после ремонта, оштукатуривания потолка и частично стен). Вымыты от копоти и пыли рабочие комнаты —

[93] Там же, л. 26, 27.
[94] Там же, л. 28, 34.

кабинет директора, ученого секретаря, канцелярия, индо-иранский кабинет).

Много времени заняла уборка помещения Словарного Отдела на Тучковой набережной д. 2, где пришлось убирать стекла от разбитых арт-обстрелом и бомбежкой окон, отбивать отставшую пластами (после протечки крыши) побелку потолка, обметать комнаты, убирать песок и пыль и прочие хозяйственные работы. Всего на восстановительных работах сотрудники ИЯМ'а отработали 831 час — 8 человек.

Помимо вышеуказанных работ сотрудники ИЯМ'а принимали участие в восстановительных работах по Главному зданию АН: в уборке фасада Главного здания от кирпича и песку, уборке вестибюля, Б. Конференц-зала и бывш. помещения Математического института, по выгрузке баржи с дровами и перевозке и укладке дров, на воскреснике по уборке площади перед БАН'ом, восстановлении квартир академиков, по ремонту крыши и на работах по бронированному фонду»[95].

Ремонтно-восстановительные работы спешили закончить к июню 1945 года, к празднованию 220-летнего юбилея Академии наук.

12. Награждения

Во время войны Орденом Ленина награжден И. И. Мещанинов (1943), медалью «За оборону Ленинграда» — А. А. Аиндинова (1943) и А. В. Десницкая (1944) [96].

17 мая 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил группу ленинградских ученых орденами и медалями «за самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады Ленинграда научных и культурных ценностей в институтах, музеях и библиотеках АН СССР, являющихся национальным богатством страны». Академики П. П. Кобеко, И. Ю. Крачковский и И. А. Орбели награждены Орденом Ленина. Орден Трудового Красного Знамени получили 8 человек, Орден «Знак Почета» — тоже 8. В их числе шесть уполномоченных, руководивших работой учреждений во время блокады. Эрики Якубинской среди них нет[97].

---

[95] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1944), д. 18, л. 2–2об.
[96] Там же, оп. 1(1945), д. 10, л. 54–56.
[97] Известия. 18 мая 1942. С. 2.

Указом Верховного Совета СССР от 10 июня 1945 г. к юбилею АН СССР тринадцати академикам присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением Ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот», в том числе И. И. Мещанинову «за выдающиеся успехи в области филологических наук, исследованию синтаксиса и морфологии русского языка, а также за плодотворную многолетнюю работу по подготовке кадров филологов». Тогда же Орден Ленина получили 96 сотрудников Академии наук. Среди них сотрудники ИЯМ и ИРЯ: Н. С. Державин, С. П. Обнорский, С. И. Соболевский, И. И. Толстой, В. И. Чернышёв[98]. И. И. Зарубин и В. Н. Ярцева получили орден «Знак Почета», Д. В. Бубрих, Б. А. Ларин, К. Д. Дондуа, С. Е. Малов и Н. В. Юшманов — Орден Трудового Красного Знамени.

30 июля 1945 г. датирован список 15 сотрудников ИЯМ, возвратившихся из эвакуации и представленных к награде медалью «За оборону Ленинграда». Документ имеет графу «Обоснование награды»[99]. Почти у всех значится участие в оборонных работах до эвакуации и дежурства по охране академических зданий. Особо отмечено составление военных разговорников и словарей (И. И. Мещанинов, Е. С. Истрина, С. Е. Малов, С. С. Советов), активное участие в работах Геодезической части Наркомата обороны СССР — имеется в виду, в основном, транскрипция топонимов на картах — (В. Ф. Шишмарёв, Б. А. Ларин, С. С. Советов, Н. В. Юшманов).

Единственный член ВКП(б) из этих 15-ти — П. К. Абабков — награжден за то, что «работал в качестве политрука в Хирургическом отделении при ЦИАГ. Имеет благодарность Лен. Гео-части НКО СССР за участие в организации работ по военной тематике».

Выделяется в этом списке обоснование награды Елены Константиновны Большаковой: «В качестве секретаря директора подготовила к сдаче в архив АН на хранение все наличные в Институте рукописи и материалы, тем обеспечив их сохранность. Несла дежурства в санитарном звене ЛАХУ АН. Принимала участие в очистке города весной 1942 г.».

[98] Ленинградская правда. 12 июня 1945. С. 1, 2.
[99] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1945), д. 10, л. 35–37.

10 августа составлен дополнительный список награжденных тою же медалью. Это В. И. Чернышёв (за составление военных разговорников, организацию сохранности картотеки Словаря современного русского языка, вывоз на самолете и спасение ценных научных материалов), С. Г. Бархударов (за составление военных разговорников, дежурства по охране здания, организацию сохранность научных материалов), К. Д. Дондуа («Несмотря на плохое состояние здоровья активно участвовал в дежурствах по охране акад. зданий, организовал сотрудн. по обороне Ленинграда (рытье окопов). Сохранил ценные научные материалы своего Отдела») [100].

23 октября 1945 г. составлен список сотрудников ИЯМ, представляемых к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[101]. В списке 16 человек и, наконец-то, значится и Э. А. Якубинская: «В качестве Уполномоченного ИЯМ'а провела большую работу по сохранению научных материалов Института в Ленинграде за все время блокады».

П. К. Абабков получил эту медаль с той же формулировкой в обосновании, что и предыдущую. Айша Аиндинова, истопник Института: «Во время блокады Ленинграда и консервации института самоотверженно выполняла всю физическую работу по отоплению здания, поврежденного снарядами (вставка стекол, заделка фанерой), добывала топливо, охраняла имущество Ин-та, несла дежурства». Д. В. Бубрих: «Принимал участие в подготовке военных словарей (июль–август 1941 г. Ленинград). Принимал участие в дежурствах в качестве пожарника (июль–сентябрь 1941 г.). Много сделал в подготовке национальных кадров за время своей эвакуации (1942–1944 гг.)».

Участие в подготовке кадров в эвакуации отмечено также в обоснованиях награждений К. Д. Дондуа (на Кавказе), А. В. Десницкой (на Урале), С. Е. Малова в Казани и Алма-Ате, И. И. Зарубина и В. С. Соколовой (в Сталинабаде), И. И. Толстого (в Казани), Е. И. Убрятовой (в Казахстане), В. Ф. Шишмарёва (в Узбекистане), Н. В. Юшманова, который к тому времени уже

[100] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1945), д. 10, л. 26.
[101] Там же, л. 21–25.

имел грамоту Верховного Совета Казахской ССР «за исключительную работу по подготовке научных кадров».

13. ИЯМ к концу 1945 года

В июне 1945 года широко и торжественно праздновалось 220-летие основания Академии наук. Торжества проходили в Москве и Ленинграде. По этому поводу в газете «Ленинградская правда» появилось много статей об истории и заслугах ленинградских академических учреждений. К сожалению, об Институте языка и мышления не обнаружено ни одной публикации. На заседании 26 июня, проходившем в Ленинградской Филармонии, с докладом «Основные положения учения о языке, разработанного великим ученым Николаем Яковлевичем Марром» выступил И. И. Мещанинов[102].

В середине июля в Институте языка и мышления в Ленинграде находилось 19 сотрудников. К этому времени исследовательская работа по русскому и славянским языкам была переведена в Институт русского языка, созданный в феврале 1944 г.[103] в Москве, с отделением в Ленинграде. Новый институт сохранял самые близкие связи с ИЯМ, из секторов которого он и вырос[104]. В ЛО ИРЯ заместителем директора был С. Г. Бархударов, секторами заведовали Е. С. Истрина, Б. А. Ларин, В. И. Чернышёв. В середине июля штат ЛО ИРЯ составлял 14 человек[105]. В обоих институтах к тому времени было по два аспиранта.

Штат ИЯМ в Ленинграде продолжал пополняться. 1 августа зачислен в Кабинет языков народов Севера вернувшийся из Красной Армии О. П. Суник[106], 20 августа в том же Кабинете начала работать к. ф. н. Н. М. Терещенко. С 1 сентября восстановлен на работе заведующий Кабинетом языков народов Севера В. А. Аврорин, вернувшийся из Николаевска-на-Амуре.

---

[102] Ленинградская правда. 27 июня 1945. С. 2.

[103] 28 декабря 1943 г. Президиум АН СССР признал своевременным и целесообразным организовать в составе ОЛЯ Институт русского языка как единый научно-исследовательский центр по изучению русского языка.

[104] Мещанинов И. И. Предисловие // Язык и мышление. 1948. Т. 11. С. 12.

[105] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1945), д. 10 Л. 39.

[106] 16 февраля 1946 г. он стал ученым секретарем ИЯМ.

Надо подчеркнуть, что многих сотрудников ИЯМ удалось отправить в эвакуацию в те районы СССР, которые наиболее подходили по их специальности. Д. В. Бубрих находился в Сыктывкаре (куда его привезли полуживого), К. Д. Дондуа — в Тбилиси, Г. Ф. Турчанинов — в Нальчике, В. И. Абаев — в Южной Осетии.

16 ноября вернулся И. И. Цукерман, уволенный в запас из армии[107]. П. Я. Скорик и С. Д. Кацнельсон были демобилизованы и вернулись в Институт в 1946 г.

Не вернулись пятеро погибших на фронте: С. А. Берлин, А. А. Бокарёв, И. И. Зарин, С. С. Перепёлкин, А. П. Пырерка.

Всего по ленинградским учреждениям Академии наук на фронтах погибли 57 человек. Во время блокады в Ленинграде умерли 470 академических сотрудников, в том числе 4 академика (С. А. Жебелёв, П. К. Коковцов, А. А. Ухтомский и Ф. И. Щербатской), 23 доктора и 66 кандидатов наук. Институт языка и мышления потерял академика Б. М. Ляпунова, заведовавшего Сектором русского и других славянских языков (скончался 22 февраля 1943 г. в эвакуации, в Боровом Акмолинской области) и Л. В. Щербу, заведовавшего Кабинетом современного русского языка (скончался 26 декабря 1944 г. в Москве). Лев Владимирович Щерба был единственным сотрудником ИЯМ, избранным в действительные члены АН СССР во время войны, 27 сентября 1943 г., на сессии Общего собрания Академии наук в Москве. Членом-корреспондентом тогда же стала Евгения Самсоновна Истрина.

На 1 ноября 1945 г. структура ИЯМ была следующей[108]:

Отдел кавказских языков
Дондуа К. Д. — заведующий, д. .ф. н, проф., чл.-корр. Груз. АН
Турчанинов Г. Ф. — ст. науч. сотр., к. ф. н.

Отдел индо-иранских языков
Зарубин И. И. — заведующий, д. ф. н., проф.
Соколова В. С. — ст. науч. сотр., к. ф. н.
Абаев В. И. — ст. науч. сотр., к. ф. н.

Отдел языков народов Севера
Аврорин В. С. — заведующий

[107] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1945), д. 8, л. 11.
[108] Там же, д. 10, л. 17–18.

Суник О. П. — ст. науч. сотр., к. ф. н.
Терещенко Н. М. — ст. науч. сотр., к. ф. н.

Отдел романо-германских языков
Шишмарёв В. Ф. заведующий, чл.-корр. АН СССР
Ярцева В. Н. — ст. науч. сотр., д. ф. н., проф.
Десницкая А. В. — ст. науч. сотр., к. ф. н.
Будагов Р. А. — ст. науч. сотр., к. ф. н.
Иванова И. П. — ст. науч. сотр., к. ф. н.
Акулянц С. А. — и. о. ст. науч. сотр., к. ф. н.

Отдел турецких языков
Малов С. Е. — заведующий, чл.-корр. АН ССР
Убрятова Е. И. — ст. науч. сотр., к. ф. н.

Отдел финно-угорских языков
Бубрих Д. В. — заведующий, д. ф. н., проф.
Якубинская Э. А. — ст. науч. сотр., к. ф. н.
Отдел семито-хамитских языков
Юшманов Н. В. — заведующий, чл.-корр. АН СССР
Лившиц И. Г. — ст. науч. сотр., к. ф. н.

Отдел классических языков [109]
Толстой И. И. — заведующий, чл.-корр. АН СССР

Кроме научных сотрудников в Институте работали: Е. К. Большакова (помощник директора по хозяйственной части), Л. И. Толстая (научно-технический сотрудник), А. А. Аиндинова (уборщица) и А. И. Бедеранов (истопник). Л. И. Толстая отчислена из ИЯМ с 1 января 1946 г., так как поступила в аспирантуру Пединститута им. Герцена[110].

В конце 1945 г. в Институт зачислены несколько аспирантов, среди них Г. А. Меновщиков. На 12 января 1946 г. их в Институте было уже 15[111].

В конце 1945 г. сотрудники составляли отчеты о научной работе. Дирекция ИЯМ в письме в Отделение литературы и языка отметила «две важнейшие работы, законченные в 1945 г. сотрудниками Института в Ленинграде»[112]. Это «Историческая

[109] К 1 января 1946 г. в этом отделе работал Я. М. Боровский.
[110] СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1(1945), д. 8, л. 1.
[111] Там же, оп. 1(1946), д. 7, л. 15.
[112] Там же, оп. 1(1945), д. 7, л. 12.

фонетика финского-суоми языка» Д. В. Бубриха (18 п. л.) и «Разыскания в области исторического синтаксиса французского языка» Р. А. Будагова (22 п. л.).

18 мая 1946 г. утверждена редколлегия научно-лингвистических сборников «Язык и мышление», отв. ред. — И. И. Мещанинов[113]. Издание сборников было прервано войной (том 10 вышел в 1940 г.). Уже в августе И. И. Мещанинов написал «Предисловие» к тому № 11, но вышла книга лишь в 1948 году. Она содержит 26 статей по разным областям языкознания. Многие из них являются результатом работы во время войны. Например, статья В. И. Абаева «Понятие идеосемантики» является переработкой его доклада, сделанного в 1942 г. в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте. Статья Н. П. Гринковой «Некоторые случаи повторения предлогов в кировских диалектах» основана на материалах, собранных во время эвакуации в Нолинском районе Кировской области. В книге опубликована работа погибшего во время блокады Г. И. Мельникова «Фонемы чукотского языка», написанная им перед войной.

.

[113] Там же, оп. 1(1946), д. 7, л. 38.

М. В. Домосилецкая

Директора ИЯМ в годы блокады Ленинграда (1941–1945)

На начало Великой Отечественной войны директором Института языка и мышления имени акад. Н. Я. Марра АН СССР был акад. **Иван Иванович Мещанинов** (см. отдельный очерк в этом сборнике), который подлежал эвакуации, но долго не хотел уезжать. Вместе с академиками Л. А. Орбели и П. И. Степановым, которые все втроем (Ленинградская группа членов Президиума АН) осуществляли руководство ленинградскими учреждениями АН СССР, он оставил Ленинград лишь в октябре 1941 г.[1], когда был «отозван» специальным распоряжением правительства (МИ ИЛИ: 798).

Академик **Сергей Александрович Жебелёв** (см. отдельный очерк в этом сборнике) в сентябре выехал на машине на аэродром, но вернулся обратно, так как началась бомбежка, и после этого отказался вообще эвакуироваться (там же). После отъезда академиков И. И. Мещанинова, Л. А. Орбели и П. И. Степанова он стал руководителем Комиссии по делам ленинградских учреждений, а также возглавил ИЯМ. Первый раз его подпись появляется под приказом по Институту под № 91 от 23 октября 1941 г. Сергей Александрович Жебелёв скончался 28 декабря 1941 года от истощения.

После его смерти работой Комиссии по делам ленинградских учреждений руководил академик И. Ю. Крачковский (МИ ИЛИ: 799). Постановлением этой Комиссии от 16 января 1942 г. исполняющим обязанности директора ИЯМ была утверждена **Евгения Самсоновна Истрина** (см. отдельный очерк в этом сборнике), старший научный сотрудник Кабинета современного русского языка (МИ ИЛИ: 800). После месяца пребывания на этом посту Е. С. Истрина в феврале была эвакуирована в Алма-Ату, где в течение двух лет (1942–1944 гг.) работала профессором местного университета.

Постановлением Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР от 19 февраля 1942 г. исполняющей обязан-

[1] Числится еще 10 октября 1941 г. в составе ИЯМ (МИ ИЛИ: 799).

ности директора утверждена **Людмила Сергеевна Ляпунова** (см. отдельный очерк в этом сборнике), и. о. старшего научного сотрудника Словарного отдела (МИ ИЛИ: 800). В документах Института за 1935 год она характеризуется как «начинающий работник, один из ценнейших сотрудников Словарного отдела» (МИ ИЛИ: 534), входила в Орфографическую Комиссию АН при ИЯМ. На начало 1941 г. — сотрудник группы Словаря современного русского языка.

Л. С. Ляпунова проработала в этой должности немногим более месяца: 27 марта 1942 года она умерла (МИ ИЛИ: 808).

Исполняющей обязанности директора стала **Эрика Антоновна Якубинская (Лемберг)**, старший научный сотрудник Финно-угорского кабинета. После эвакуации Института в Казань (лето 1942 г.) она осталась в Ленинграде «в качестве уполномоченного Института» (МИ ИЛИ: 800).

В ИЯМ начала работать 1 ноября 1937 г. в должности старшего научного сотрудника Кабинета финноугорских языков. В ее личном деле сохранился документ от 19 февраля 1941 г., подписанный старшим лейтенантом госбезопасности Драгуновым, где Якубинской выражается благодарность за обучение эстонскому языку курсантов части № 352 НКВД СССР. Другой документ, подписанный секретарём партбюро Института 20 августа 1941 г., удостоверяет, что «сомнений в политической благонадежности тов. Якубинской Э. А. в парторганизации ИЯМ'а нет». Вопрос о благонадежности мог быть связан с ее девичьей фамилией Лемберг[2] и настоящим отчеством (Гансовна) (МИ ИЛИ: 813).

Эрика Антоновна Якубинская трудилась в Институте всю блокаду. Например, в 1941 г. она «выполняла задания по оборонной работе при Геочасти Штаба Л.В.О.». Создала русско-эстонский военный разговорник (МИ ИЛИ: 805). Она составляла производственные планы Института, занималась хозяйственными делами (например, выдача семян сотрудникам); в июле 1942 г. в качестве оппонента принимала участие в защите кандидатской диссертации Е. П. Латикайнен (МИ ИЛИ: 810).

К началу 1943 г. в Ленинградской группе научных работников ИЯМ остались только Э. А. Якубинская, С. Ф. Геккер и

[2] Якубинская — фамилия по мужу. Ее супруг Лев Петрович Якубинский (см. отдельный очерк о нем в данном сборнике) был многолетним старшим научным сотрудником ИЯМ, а также профессором Педагогического института им. Покровского.

демобилизованный в марте М. Д. Мальцев. Располагая этими небольшими силами, нужно было обеспечить охрану помещений и имущества Института, дежурства в звеньях ПВО, вести текущую работу. Всем этим до возвращения весной 1944 г. С. П. Обнорского и занималась Якубинская. В январе 1943 г. специальная комиссия проверяла состояние книжных фондов Института и нашла их состояние вполне удовлетворительным, что отмечено в акте комиссии от 7 января. В начале 1943 г. Якубинская и Геккер провели огромную работу с делопроизводственным архивом Института. Они привели в порядок 198 личных дел сотрудников, выбывших в 1941–1942 гг., пронумеровали, прошили их и сдали на хранение в академический архив (МИ ИЛИ: 814).

При всем этом продолжалась и научная работа. Представление о ней дает отчет о работе Ленинградской группы института за 1-е полугодие 1943 г. Сама Э. А. Якубинская продолжала работу: «1) над своей докторской диссертацией «Личные и указательные местоимения в прибалтийско-финских языках». Помимо собранного и оформленного материала по местоимениям в эстонском и финском языках, за отчетный период собран материал по местоимениям в карельском, вепсском, водском и ливском языках (материал на 2–3 печатн. листа); 2) подготовлен материал для статьи «Эстонский язык» в сборник «Языки народов мира» на 1–1,5 печ. листа» (МИ ИЛИ: 814).

Летом 1943 г. Якубинская принимала участие в работе Комиссии по обследованию и выявлению убытков, причиненных академическим учреждениям бомбардировками и артиллерийскими обстрелами (МИ ИЛИ: 815).

Большую роль сыграла Э. А. Якубинская в оказании помощи возвращающимся из эвакуации сотрудникам ИЯМ — не у всех получалось обосновать свое возвращение в Ленинград и его оформить (проблемы выписки/прописки и жилплощади). В конце концов, стараниями Якубинской вызовы получили все, в частности «алмаатинцы» (сотрудники ИЯМ, находившиеся в эвакуации в Алма-Ате), и к началу июня 1945 г. они вернулись в Ленинград (МИ ИЛИ: 818).

В конце 1944 года Якубинская представила заместителю Управляющего делами АН М. Е. Федосееву следующий отчет: «Силами сотрудников ИЯМ'а: подготовлены 78 оконных гнезд для вставки стекол, вымыты окна, частично вставлена фанера (главным образом в помещении Словарного Отдела на Тучковой набережной дом 2), приготовлены под рабочие помещения

комнаты, в которых была убраны бойницы — вынесены песок и мусор, расставлена мебель, комнаты вымыты и прибраны. Много сил и времени ушло на уборку коридора и большого зала заседаний (после ремонта, оштукатуривания потолка и частично стен). Вымыты от копоти и пыли рабочие комнаты — кабинет директора, ученого секретаря, канцелярия, индо-иранский кабинет). Много времени заняла уборка помещения Словарного отдела на Тучковой набережной д. 2, где пришлось убирать стекла от разбитых арт-обстрелом и бомбежкой окон, отбивать отставшую пластами (после протечки крыши) побелку потолка, обметать комнаты, убирать песок и пыль и прочие хозяйственные работы. Всего на восстановительных работах сотрудники ИЯМ'а отработали 831 час — 8 человек» (МИ ИЛИ: 818).

23 октября 1945 г. был составлен список сотрудников ИЯМ, представляемых к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Среди 16 человек значится и Э. А. Якубинская: «В качестве Уполномоченного ИЯМ'а провела большую работу по сохранению научных материалов Института в Ленинграде за все время блокады» (МИ ИЛИ: 821).

Весной 1944 г. в Ленинград вернулся академик **С. П. Обнорский**[3]**,** ставший заместителем директора ИЯМ, а в сентябре 1944 г. — директор ИЯМ академик **И. И. Мещанинов** (МИ ИЛИ: 800).

Источники:

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

[3] Академик С. П. Обнорский (1888–1962) — профессор Петроградского (Ленинградского) университета, специалист по морфологии. До войны заведовал кабинетом истории русского языка в ИЯМ. В годы войны был первым директором созданного в Москве Института русского языка АН СССР (1944–1950), с 1950 г. и до конца жизни — член редколлегии 17-томного «Большого академического словаря русского языка».

Сражавшиеся на фронтах войны

Николай Дмитриевич АНДРЕЕВ (1920–1997)

Николай Дмитриевич Андреев родился 16 февраля 1920 г. в Петрограде в семье служащих. По окончании школы с 1939 по 1940 год служил в РККА, место призыва — Василеостровский РВК Ленинграда, место службы — 43 зенитная батарея ПВО. Начал военную службу как курсант полковой школы, затем как офицер выполнял обязанности командира орудия 5 дивизиона 115 зенитного артиллерийского полка Ленинградского военного округа.

Во время Великой Отечественной войны воевал в артиллерийских частях на Ленинградском фронте, был дежурным по разведке командного пункта 115 зенитного артиллерийского полка, командиром взвода управления 1 дивизиона этого же полка.

В наградном листе к ордену «Красной Звезды» отмечено его умелое руководство взводом: «Как командир взвода управления дивизиона за короткий срок навел на взводе образцовый порядок», а также четкое выполнение обязанностей под обстрелом противника и бомбежкой: «В ночь на 13 апреля 1943 г. при налете противника на ст. Горская[1], при бомбежке и артобстреле КП, при выходе из

[1] Ст. Горская входит в состав Курортного р-на Петербурга. Здесь же в 115 Зенитном артиллерийском полку служила и его будущая жена Лидия Дмитриевна Андреева (урожд. Кисиль).

строя проволочной связи обеспечивал начальника штаба полка точными данными о воздушной обстановке на участке полка».

После демобилизации в 1946–1948 годах Н. Д. Андреев учился на физическом факультете Ленинградского университета, но не окончил его. В 1949–1952 годах работал заведующим отделом спецхрана Научной библиотеки им. М. Горького ЛГУ и одновременно учился экстерном на филологическом факультете этого университета. В 1952 г. получил диплом с отличием по специальности «английская филология».

В 1952–1955 годах проходил обучение в аспирантуре ЛГУ, одновременно работал до 1954 г. по договору в отделе комплектования Публичной библиотеки имени М. Г. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека).

В 1956 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Внутренняя флексия в глагольной системе германских языков» и продолжал занятия индоевропейской реконструкцией: «Германский глагольный аблаут в свете ларингальной теории» (Труды Ин-та языкознания АН СССР. 1959. Т. 9 149–160).

В ноябре 1955 Н. Д. Андреев стал доцентом восточного факультета на кафедре китайской филологии. Он стоял у истоков новых направлений в востоковедении, — именно по его инициативе в 1955 г. на кафедре китайской филологии восточного факультета ЛГУ были открыты отделения вьетнамской и индонезийской филологии, а в 1957 г. — отделение бирманской филологии.

В октябре 1958 года Н. Д. Андреев был введен в состав Научного совета по проблеме «Кибернетика» при Президиуме АН СССР; он основал лабораторию машинного перевода на математико-механическом факультете ЛГУ, ставшую базой кафедры математической лингвистики филологического факультета, работал на ней до мая 1965. В 1965 перешел на работу в ЛО ИЯ АН СССР на должность старшего научного сотрудника сектора индоевропейских языков. В 1967 защитил докторскую диссертацию на тему «Статистико-комбинаторный метод в теоретическом и прикладном языковедении».

Научная деятельность Н. Д. Андреева шла по трем направлениям: исследование индоевропейских элементов в германских языках, изучение языков Юго-Восточной Азии, статистико-

комбинаторное моделирование языков и вопросы автоматического анализа и синтеза текста.

На протяжении многих лет он являлся председателем редколлегии научного издания ЛО Института языкознания «Лингвистические исследования», ряда зарубежных изданий, членом ряда международных научных обществ.

Н. Д. Андреев перевел на русский язык классический труд Э. Бенвениста «Индоевропейское именное словообразование» (М., 1955) и «Словарь лингвистических терминов» Ж. Марузо (Л., 1960).

Н. Д. Андреев — автор многочисленных трудов, включая монографию «Раннеиндоевропейский праязык» (Л.: Наука, 1986) и целые серии статей по теоретической и прикладной лингвистике, по сравнительному индоевропейскому языкознанию, по машинному переводу, по фонетике и фонологии языков Юго-Восточной Азии.

Уволился из Института 1 июля 1996 в связи с выходом на пенсию.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Ленинграда», «В память 250-летия Ленинграда».

Источники:
Сайт ИЛИ РАН.
Сайт Национальной Российской библиотеки.
Сайт ИВР РАН.
Интернет-портал «Память народа».

Лидия Дмитриевна АНДРЕЕВА (1923–2008)

Лидия Дмитриевна Андреева родилась 23 февраля 1923 г. в Пскове, с 1924 г. постоянно проживала в Ленинграде.

В 1941 г. окончила 207-ую среднюю школу и первую блокадную зиму 1941–1942 гг. прожила в Ленинграде. В мае 1942 г. была призвана в армию и после получения специальности радиста II класса направлена в 115 зенитный артиллерийский полк[1]. Служила на Ленинградском фронте в звании ефрейтора. После ранения и лечения в ленинградском госпитале в декабре 1944 г. была демобилизована как инвалид войны.

С 1946 по 1949 гг. училась на восточном факультете Ленинградского университета. В 1952 г. поступила на заочное отделение филологического факультета, который окончила в 1960 г. по специальности русский язык и литература (дипломная работа — по математической лингвистике).

Работала в ЛО Института языкознания АН СССР с 1961 г. в группе математической лингвистики, а с марта 1965 г. — в секторе индоевропейских языков. В 1968 г. защитила кандидат-

[1] Полк принимал участие в составе действующей армии с 22 июня 1941 г. по 18 мая 1944 г. В составе некоторых зенитных батарей служили по большей части женщины, а 8-ая батарея 115-го Зенитного артиллерийского полка была единственной на Ленинградском фронте, весь личный состав которой был полностью женским. Ныне на месте, в 2-х километрах от г. Сестрорецка, где стояла батарея, установлен мемориальный знак, занесенный в 2012 г. в Книгу Памяти под номером 30011.

скую диссертацию на тему «Алгоритмическое распознавание статистико-комбинаторных типов словоизменения и разрядов слов: на материале русского языка», на основе которой в 1969 г. была опубликована монография «Статистико-комбинаторные типы словоизменения и разряды слов в русской морфологии». Участвовала в коллективной монографии «Структурно-вероятностный анализ индоевропейских языков» (раздел «Структурно-вероятностный анализ морфологии санскрита и ряда славянских языков»), кроме того занималась составлением программ для ЭВМ.

В 1990 г. уволилась в связи с выходом на пенсию.

Л. Д. Андреева имеет награды: орден Отечественной войны I степени, медаль «За оборону Ленинграда», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Источники:

Сайт ИЛИ РАН.
Интернет-портал «Память народа».
Сайт «Бессмертный полк».
Сайт LiveJournal.

Сергей Абрамович БЕРЛИН (1904–1942)

Из автобиографии Сергея Абрамовича Берлина:

«*Родился в Берлине в 1904 г. в семье зубного врача. В Ленинграде безвыездно с 1909 г.*

В 1921 г. окончил бывшее Тенишевское училище, в 1931 году — Высшие курсы искусствоведения при Институте истории искусств (*словесное отделение, журнально-литературный уклон*) (*Ленинград*).

На постоянную работу поступил в 1931 году в ЛООНТИ (*Ленинградское объединение научно-технических издательств*)[1] *в качестве корректора. В 1934 г. перешел на ту же должность в Гослитиздат.*

С 3 февраля 1940 г. — старший научно-технический сотрудник Словарного отдела Института языка и мышления» (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 301).

Из личного листка по учету кадров дополнительно узнаем, что специальность, которую он получил в Институте истории искусств, — «литературовед (редакционный работник)» (там же).

С. А. Берлин был зачислен в штат института приказом № 111 от 3 февраля 1940 г. с формулировкой: *«Зачислить тов. Берлина С. А. на должность штатного старшего научно-технического сотрудника словарного отдела с 15 января 1940 г. с окладом 400 р. в месяц».*

По архивным данным — полный список сотрудников на 1 января 1941 г. — числится под № 35 в группе Словаря современного русского языка (зав. В. И. Чернышёв) в качестве старшего научно-технического сотрудника (МИ ИЛИ: 794).

Сохранился интересный документ эпохи, связанный с именем С. А. Берлина:

---

[1] В здании «Дом книги».

«*Выписка из приказа № 8 по Институту языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра Академии Наук СССР от 4–II–41.*

Объявляю выговор старшему научно-техническому сотруднику Словарного Отдела тов. Берлину Сергею Абрамовичу за опоздание на работу на 5 минут 4 февраля с. г.». (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, дело 301).

По страницам портала «Память народа» и «Книга памяти блокадного Ленинграда» и опубликованным там фотографиям учетных документов («Списки призыва и демобилизации», «Донесения о безвозвратных потерях», «Военно-пересыльные пункты и запасные полки», «Документ из госпиталя» и др. — всего более десяти) удалось установить, что Сергей Абрамович не был женат и проживал с матерью Екатериной Львовной Берлин по адресу: Международный пр. (ныне Московский пр.), дом 22, комн. 28.

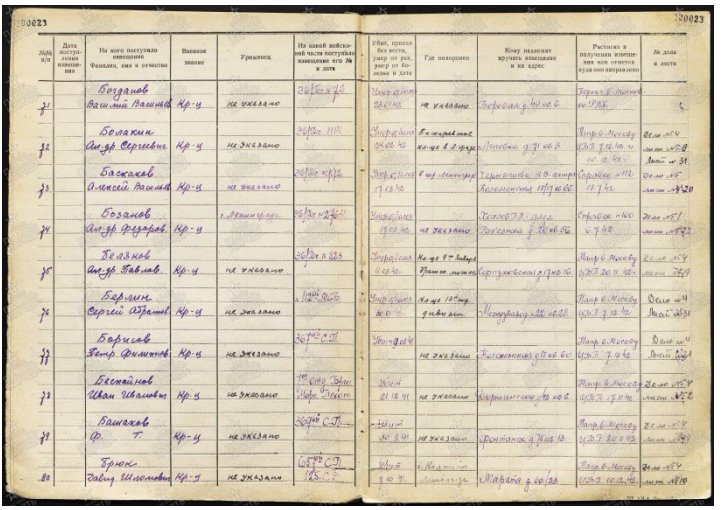
> Призван на фронт Фрунзенским РВК г. Ленинграда 5 октября 1941 г. Служил рядовым (писарь) в 172 стрелковом полку 13 стрелковой дивизии. Умер от болезни 30 января 1942 г. в 112 медсанбате, захоронен на кладбище 13 стрелковой дивизии 22 февраля 1942 г.

Точное местонахождение кладбища погибших и умерших в медсанбате 13 стрелковой дивизии указать трудно — могло быть известное воинское кладбище «Чесменское» [2] или же воинское кладбище «Пулковское» (см. мемориал «Воинам 13 стрелковой дивизии») [3] . Обнаруженный адрес захоронения: Ленинград, Московское ш., дом 74б, траншея 4а, могила № 1, ряд 1, место 22, с севера на юг.

---

[2] В годы Великой Отечественной войны на Чесменском кладбище, где были погребены еще воины XVIII века, хоронили также и защитников Ленинграда — бойцов 13-й, 63-й, 64-й, 109-й, 110-й, 291-й стрелковых дивизий 42-й армии.

[3] Маловероятно, чтобы местом захоронения было кладбище 13 стрелковой дивизии в районе Красных Кирпичников на левом берегу Большой Ижоры, поскольку там захоронения производились с 1944 года.

Список погибших.

Источники

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, дело 301.

КПБЛ — КНИГА ПАМЯТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА https://blockade.spb.ru/card/?id=466654&source=main&utm_source=pmt_detail.

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

ПН — Интернет-портал «Память народа»: 1, 2, 3.

Сайт Некрополи Санкт-Петербурга https://sites.google.com/view/nekropolisanktpeterburga-1/чесменское-кладбище.

Елена Эдуардовна БИРЖАКОВА (1920–2015)

Елена Эдуардовна Биржакова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Словарного отдела, крупный специалист по исторической лексикографии, автор и редактор многих томов «Словаря русского языка XVIII века».

Е. Э. Биржакова (Изигкейт) родилась в Петрограде в 1920 году. После окончания с отличием 14-й средней школы Куйбышевского района («Петришуле») в 1938 году была без экзаменов принята на филологический факультет ЛГУ, но обучение было прервано войной.

В начале войны Елена Эдуардовна принимала участие в оборонных работах, прошла курсы медицинских сестёр Общества Красного Креста и 23 марта 1942 года Московским РВК была призвана в Красную Армию. До декабря 1942 г. служила в военном эвакогоспитале № 1171 в качестве медсестры в звании старшего сержанта. Госпиталь располагался в старинных зданиях бывшего Николаевского военного госпиталя на Суворовском проспекте дом № 63.

По возвращении университета из эвакуации Елена Эдуардовна была восстановлена в числе студентов филологического факультета и в 1946 году окончила его по специальности «русская филология». После окончания университета она поступила в аспирантуру по кафедре русского языка и в 1949 году подготовила кандидатскую диссертацию (защита состоялась в 1954 году). Была принята на работу в Ленинградское отделение Института русского языка, а в 1950 году в связи с

ликвидацией института была переведена в ЛО Института языкознания АН СССР (далее ИЛИ РАН).

До конца жизни работала в ИЛИ РАН и участвовала в трех важных проектах Института. Ею выполнено предварительное редактирование второго тома «Словаря русского языка» (гл. редактор А. П. Евгеньева). Том издан в 1955 г.

Начиная с III тома «Словаря современного русского литературного языка» (в 17 томах) была автором, а позднее — членом редколлегии словаря. Принимала участие в разработке проекта «Словаря русского языка XVIII века», ее авторская и редакторская работа вошла во все 23 выпуска Словаря, опубликованные на данный момент.

Она является автором монографий: «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования» (Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1972 в соавторстве с Л. А. Войновой и Л. Л. Кутиной) и Биржакова Е. Э. «Русская лексикография XVIII века» (СПб.: Нестор-История, 2010), а также многочисленных статей по языку и культуре XVIII века.

В 1944 году Е. Э. Биржакова была награждена медалью «За оборону Ленинграда», а в 1988 г. — «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.)».

Источники:

Сайт ИЛИ РАН.
Сайт «Энциклопедия Петришуле» https://allpetrischule-spb.org
Интернет-портал «Память народа».

Анатолий Алексеевич БОКАРЁВ (1910–1942)

Анатолий Алексеевич Бокарёв родился 26 ноября 1910 г. в г. Буйнакске (б. Темир-Хан-Шура) Дагестанской АССР в семье учителя[1]. В 1927 г. поступил в Педагогический институт г. Орджоникидзе, по окончании которого в 1930 г. был направлен на работу преподавателем русского языка в Грозненский Нефтерабфак[2].

В 1931–1933 гг. он учился в аспирантуре Московского научно-исследовательского института языкознания по отделению история русского языка, затем — по отделению яфетические языки Дагестана. В 1933–1934 гг. в связи с ликвидацией Института языкознания продолжил учебу в Институте речевой культуры в Ленинграде. Учителями его в

---

[1] Семья Бокарёвых сыграла заметную роль в деле просвещения населения Дагестана. Глава семьи Алексей Иванович Бокарёв (1880-1932), один из энтузиастов ликвидации неграмотности в Дагестане, работал в сельских школах, занимался методикой преподавания русского языка с учетом трудностей, встречающихся именно в «многоязыком» Дагестане. Его сыновья Евгений Иванович и Алексей Иванович Бокарёвы внесли весомый вклад в дагестанское языкознание. См. сайт Профессионально-педагогического колледжа им. М. М. Меджидова https://ppk-m.dagestanschool.ru

[2] Грозненский нефтяной институт был основан в 1920 г. как Высший нефтяной техникум в составе восьми отделений, два из которых являлись высшими. В 1920 г. были основаны два факультета: нефтепромысловый и нефтетехнологический. Первый выпуск инженеров состоялся в 1925 г. В 1929 г. учебное заведение приобрело статус вуза союзного значения. В конце 1945 г. институт был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1973 г. институту присвоено имя его выдающегося выпускника академика М. Д. Миллионщикова.

области общего языкознания и кавказоведения были проф. М. Я. Немировский (1883–1965) и проф. Л. И. Жирков (1885–1963). В 1934 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «О так называемом пассивном характере аварского глагола».

С 1934 по 1937 гг. работал старшим научным сотрудником в Горском институте в Ростове[3]. С февраля 1938 г. — старший научный сотрудник кабинета кавказских яфетических языков ИЯМа[4].

В июле 1941 г. ушел добровольцем в ополчение, место призыва — Василеостровский РВК, дата призыва — 05.07.1941. Стал бойцом 1-го стрелкового полка Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО). Полевая почтовая станция 682, куда его отправили, существовала с 22 июня 1941 по 9 сентября 1941 г. Это 237 стрелковая дивизия I формирования, в сентябре относилась к 55 армии Ленинградского фронта. 9.09.1941 ппс 682 была расформирована.

В сентябре 1941 года был направлен в 11-ю отдельную стрелковую бригаду Ленинградского фронта, ппс 682. Последнее письмо от него пришло от 6-го ноября 1941 года.

11-я стрелковая бригада была сформирована в сентябре 1941 года в Ленинграде в основном из состава народного ополчения — комсомольцев Электротехнической и Медицинской академий. По формировании заняла оборону по правому берегу Невы восточнее Ленинграда и обеспечивала форсирование Невы другими частями, а также частью сил вела боевые действия на плацдарме.

6-го ноября бригада переправила полностью один батальон (840 чел.) на левый берег Невы, так как была поставлена задача с утра 7-е ноября овладеть деревней Арбузово[5] и наступать на Анненское.

---

[3] Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С. М. Кирова был создан Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 24 ноября 1926 г. «в целях содействия культурному развитию населения автономных образований». Существовал до 1937 г.

[4] Незадолго до войны женился на Агнии Васильевне Десницкой.

[5] Арбузово входило в легендарный Невский пятачок. В конце октября 1941 г. от деревни остались лишь «остовы печей». В 1985 г. здесь был установлен памятник «Призрачная деревня» как символ 38

В ночь на 7-го ноября и в течении всего дня батальон совместно с другими частями 1-й стрелковой бригады и 265-й стрелковой дивизии вел бой за овладение деревней Арбузово, но ворваться на передний край обороны не получилось. С 6-го по 7-е ноября в 11-й стрелковой бригаде было убито и ранено 452 человека.

Согласно Книге памяти блокадного Ленинграда, том 1, Анатолий Алексеевич Бокарёв погиб 6-го ноября 1941 года. По официальным документам он числится пропавшим без вести в феврале 1942 года. По данным портала «Дорога памяти» погиб в феврале 1942 г.

Анатолий Алексеевич Бокарёв — лингвист, исследователь дагестанских языков, принимал деятельное участие в практической работе по созданию национальной письменности в Дагестане. Его старший брат Е. А. Бокарёв (1904–1971) — лингвист, кавказовед, специалист по языку эсперанто.

Основные публикации А. А. Бокарёва увидели свет лишь после войны — это фундаментальный труд «Синтаксис аварского языка», М.; Л., 1949 и первый и единственный пока «Очерк грамматики чамалинского языка». М.; Л., 1949.

О научном наследии А. А. Бокарёва напишет в 1949 г. его друг и коллега по Институту языка и мышления С. Д. Кацнельсон: «Перу А. А. Бокарёва принадлежат многочисленные труды по грамматике дагестанских языков, из которых лишь крайне немногие увидели свет при жизни автора (Материалы по диалектологии андоцезских языков. Наречие аула Тукита. Сборник памяти акад. Н. Я. Марра, 1938, стр. 25–53; Аварское соответствие русскому творительному предикативному падежу. Сб. «Язык и мышление», т. X, 1940, стр. 15–48; О классовых показателях в авро-андоцезских языках. Сб. «Язык и мышление», т. X, стр. 48–61), основные работы исследователя остались неопубликованными. Наиболее фундаментальной и значительной работой в рукописном наследстве А. А. Бокарёва является <…> «Синтаксис аварского языка» — первая основательная и систематическая работа в этой области. Кроме того, в ожидании публикации лежат «О так называемом пассивном характере аварского глагола» (кандидатская диссертация — 7 авт. листов),

селений и деревень, полностью уничтоженных в годы войны на территории современного Кировского района Ленинградской области.

«К вопросу о характере развернутых членов предложения» и «О способах передачи русского придаточного предложения в аварском языке» (более 4 авт. л.)».

Из автобиографии:

«*Родился в г. Буйнакске Дагестанской АССР в 1910 г. в семье учителя. В 1927 г. поступил на отделение русского языка и литературы Педагогического института г. Орджоникидзе (б. Владикавказ). < … > Институт окончил в 1930 г. и тогда же был направлен преподавателем русского языка в Грозненский Нефтерабфак.*

В сентябре 1931 г. по конкурсу был принят в Московский научно-исследовательский институт языкознания по отделению истории русского языка. Однако связь с Дагестаном, в частности, с дагестанским Институтом национальных культур, сделала вполне естественным переход на кавказский цикл (яфетические языки Дагестана). В 1931–33 гг. работал над аварским языком под руководством проф. Л. И. Жиркова. Летом 1932 г. по предложению НКПроса ДАССР обследовал вместе с братом, ассистентом ДПИ, состояние работы по кульсанштурму в районах Ахвахском, Цумадинском и Цунтинском. < … > Поездка в район проживания андо-цезов и определила в дальнейшем направление моих занятий.

В связи с ликвидацией Московского Института языкознания был передан для окончания аспирантуры в Ленинградский государственный Институт речевой культуры. Летом 1933 г. участвовал в работах 2-й Дагестанской орфографической конференции в качестве представителя Всесоюзного Комитета Нового Алфавита при ЦИК СССР. Летом того же года работал под руководством проф. Н. Ф. Яковлева в андийском отряде Дагестанской экспедиции АН. < … > Часть материалов экспедиции мною была впоследствии использована в кандидатской диссертации.

Последний год аспирантуры (1933–34) был занят главным образом работой над диссертацией на тему «О «пассивном» характере аварского переходного глагола», а также изучением турецкого языка под руководством проф. Н. К. Дмитриева. Педагогическую

практику провел в Дагестанском П.И. Одновременно работал в Даг. НИИ зав. Орфографическим сектором, разработал инструкцию для составителей орфографических словарей, утвержденную впоследствии ВЦК. Диссертацию защитил в Ленинградском НИИ языкознания в июне 1934 г.

По окончании аспирантуры был направлен в Горский Институт в Ростове в качестве старшего научного сотрудника. Читал для аспирантов-диссертантов курс фонетики и физиологии речи. Основная работа носила практический уклон — орфография, терминология и школьные грамматики на аварском языке. Дважды рецензировал учебник для начальной школы и добился значительного улучшения его. Учебник для средней школы был написан под моим руководством и при моем участии.

Исследовательская работа состояла в сборе и обработке материалов на тему о глаголах становления и новой форме творительного падежа орудия в аварском языке.

С февраля 1938 г. — старший научный сотрудник кабинета кавказских языков Института языка и мышления АНСССР».

(СПбФ АРАН. Ф. 222, оп. 2, № 742).

Источники:

Интернет-портал «Память народа»: 1, 2.
Сайт «POISK.RE».
Интернет-портал «Дорога памяти» — 1418museum.ru.
Сайт «Бессмертный полк, Буйнакский р-н, Дагестан».
Кацнельсон С. Д. Анатолий Алексеевич Бокарёв (1910–1941) // Бокарёв А. А. Синтаксис аварского языка. М.; Л., 1949. С. 9–12.

Евгений Алексеевич БОКАРЁВ (1904–1971)

Евгений Алексеевич Бокарёв родился 12 (25) февраля 1904 г. в с. Средне-Егорлыкское Ставропольского края в семье учителя[1]. Учился в Реальном училище г. Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск). Среднюю школу окончил в 1922 г. в с. Средне-Егорлыкском, куда семья вернулась после Октябрьской революции. С начала 1921 г. одновременно с учебой начал работать учителем в начальной школе.

В 1922 г. в Ростове-на-Дону поступил в Политехнический институт, а в 1923 г. перевелся в Ростовский университет, который окончил по отделению русского языка и литературы педагогического факультета. По окончании университета с 1927 г. Е. А. Бокарёв работал школьным учителем, преподавал русский язык и литературу в осетинском селе Кадгарон, затем на полгода был призван в армию. В 1930 г. начал работу в Дагестане, сначала в качестве преподавателя рабфака в Буйнакске, затем в аппарате Наркомпроса ДАССР.

С 1931 по 1939 гг. Е. А. Бокарёв работал преподавателем, затем заведующим кафедрой в Дагестанском педагогическом институте. Составил «Грамматику русского языка для нерус. неполной школы ДАССР» (Махачкала, 1939). В эти же годы

[1] О семье Бокарёвых см. прим. 1 к биографии его младшего брата А. А. Бокарёва.

продолжал ездить по Дагестану, участвовал в экспедициях, читал лекции и одновременно изучал дагестанские языки. В 1937 г. защитил кандидатскую диссертацию по цезскому языку в МИФЛИ (Московском институте истории, философии и литературы), в 1938 г. получил звание доцента. В 1939 г. поступил в докторантуру Института языка и мышления АН СССР, которую не успел закончить из-за начавшейся Великой Отечественной войны.

Е. А. Бокарёв был призван в Военно-Морской флот (морская пехота, береговая охрана), служил с июня 1941 г. по июнь 1946 г. В 1941 г. (1–11 сентября) участвовал в обороне Ленинграда под Красным Селом, был командиром взвода 1-й Особой бригады морской пехоты. 11 сентября тяжело ранен, отправлен на лечение в блокадный Ленинград. С 22 февраля 1942 г. — на Военно-морской базе Осиновец Ладожской военной флотилии, в том числе в Шлиссельбургской крепости Орешек. Начальник химической службы 302 Отдельного артдивизиона. Старший лейтенант, затем капитан. В 1943 г. участвовал в операции по прорыву блокады Ленинграда. В 1944 году с 20 по 25 июня участвовал в составе одной из частей морской пехоты в «Выборгской операции» при освобождении Бьёркского архипелага. В 1945 году при окончании и по окончании войны служил в Латвии, в г. Виндаве (ныне Вентспилс). В 1946 г. присвоено звание майора, демобилизован.

После демобилизации в 1946 г. был зачислен старшим научным сотрудником в Институт языка и мышления АН СССР, а после его ликвидации в 1950 г. — в Институт языкознания АН СССР (Москва). В 1955 г. защитил докторскую диссертацию «Цезские (дидойские) языки Дагестана» (опубликована в виде монографии в 1959 г.). С 1956 по 1971 гг. заведовал сектором кавказских языков. В 1952–1955 гг. являлся ответственным секретарем журнала «Вопросы языкознания».

Умер 14 марта 1971 г. у письменного стола, обсуждая с редактором поправки в эсперанто-русском словаре.

Е. А. Бокарёв — автор трудов по кавказскому языкознанию, среди которых описания многих кавказских языков в книге «Языки народов СССР» (Т. 4. 1967), а также монографии «Цезские (дидойские) языки Дагестана» (1959), и «Сравни-

тельно-историческая фонетика восточнокавказских языков» (1981).

В круг научных интересов Е. А. Бокарёва входили проблемы интерлингвистики, в том числе создание международного искусственного языка. Интерес к языку эсперанто возник у Е. А. Бокарёва еще в юношеские годы, возможно, под влиянием характерной для Дагестана ситуации многоязычия. Им подготовлены «Русско-эсперантский» (1966, 1989) и «Эсперанто-русский» (1974, 1982) словари.

В 1963 г. Е. А. Бокарёв был избран членом международной Академии эсперантистов. Деятельность Е. А. Бокарёва способствовала официализации эсперанто в Советском Союзе и возрождению у нас эсперанто-движения в середине XX в.

Е. А. Бокарёв — старший брат А. А. Бокарёва (1910–1942), лингвиста, исследователя дагестанских языков, погибшего в боях под Ленинградом в Великой Отечественной войне.

Награды: медаль «За оборону Ленинграда» (1943), орден Красной Звезды (1944), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945).

Источники

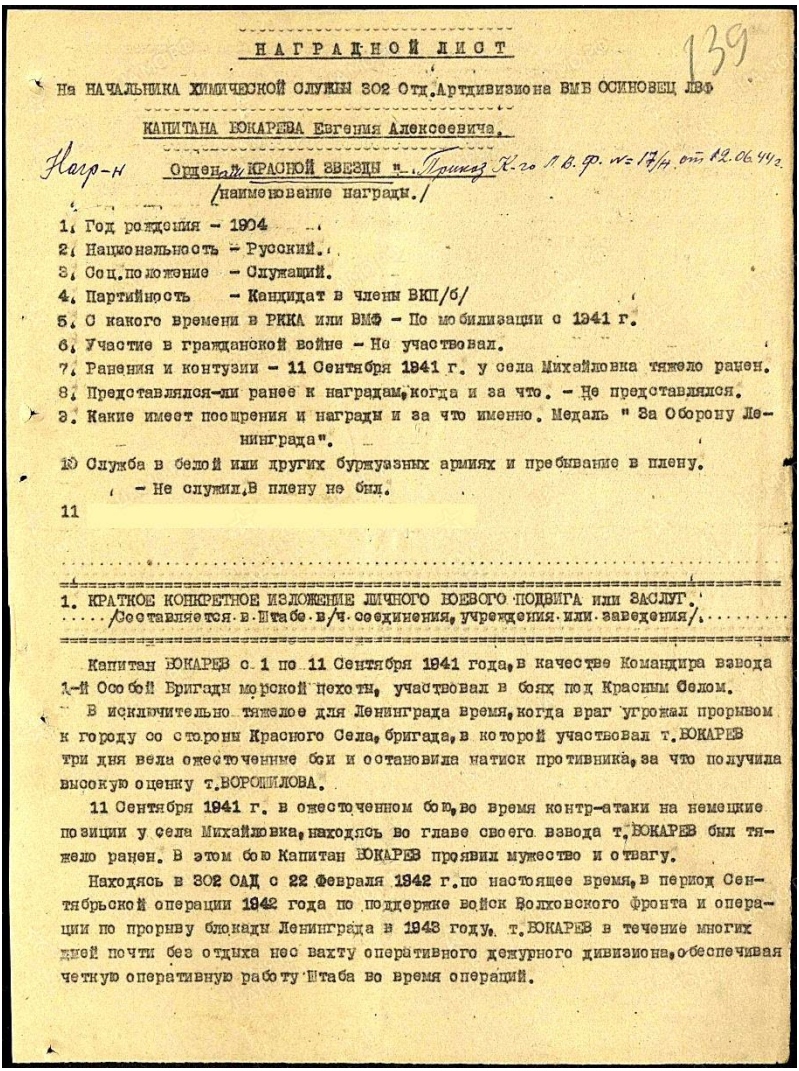
Сайт ИЯ РАН: 1, 2; Интернет-портал «Память народа».

Гора языков … и ещё один. К 100-летию со дня рождения Е. А. Бокарёва. / Отв. ред. М. Е. Алексеев. М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 4–15 (воспоминания Л. Е. Бокарёвой (Лопатиной) об отце, Е.А. Бокарёве).

Евгений Алексеевич Бокарёв (1904–1971) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Том XXX, 1971, вып. 6. С. 571–572.

Исаев М. И. Е. А. Бокарёв и интерлингвистика // Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976. С. 5–11.

Климов Г. А., Хайдаков С. М. Научная деятельность Е. А. Бокарёва // Известия ОЛЯ. 1964. Т. 23, № 4. С. 374–375.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

139

На НАЧАЛЬНИКА ХИМИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ 302 Отд.Артдивизиона ВМБ ОСИНОВЕЦ ЛВФ

КАПИТАНА БОКАРЕВА Евгения Алексеевича.

Наг-н Орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ т. Приказ К-го Л.В.Ф. №= 17/н от 12.06.44г.
/наименование награды./

1. Год рождения – 1904
2. Национальность – Русский.
3. Соц.положение – Служащий.
4. Партийность – Кандидат в члены ВКП/б/
5. С какого времени в РККА или ВМФ – По мобилизации с 1941 г.
6. Участие в гражданской войне – Не участвовал.
7. Ранения и контузии – 11 Сентября 1941 г. у села Михайловка тяжело ранен.
8. Представлялся-ли ранее к наградам, когда и за что. – Не представлялся.
9. Какие имеет поощрения и награды и за что именно. Медаль " За Оборону Ленинграда".
10. Служба в белой или других буржуазных армиях и пребывание в плену. – Не служил. В плену не был.
11

1. КРАТКОЕ КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА или ЗАСЛУГ.
/Составляется в Штабе в/ч соединения, учреждения или заведения/.

Капитан БОКАРЕВ с 1 по 11 Сентября 1941 года, в качестве Командира взвода 1-й Особой Бригады морской пехоты, участвовал в боях под Красным Селом.

В исключительно тяжелое для Ленинграда время, когда враг угрожал прорывом к городу со стороны Красного Села, бригада, в которой участвовал т. БОКАРЕВ три дня вела ожесточенные бои и остановила натиск противника, за что получила высокую оценку т. ВОРОШИЛОВА.

11 Сентября 1941 г. в ожесточенном бою, во время контр-атаки на немецкие позиции у села Михайловка, находясь во главе своего взвода т. БОКАРЕВ был тяжело ранен. В этом бою Капитан БОКАРЕВ проявил мужество и отвагу.

Находясь в 302 ОАД с 22 Февраля 1942 г. по настоящее время, в период Сентябрьской операции 1942 года по поддержке войск Волховского Фронта и операции по прорыву блокады Ленинграда в 1943 году, т. БОКАРЕВ в течение многих дней почти без отдыха нес вахту оперативного дежурного дивизиона, обеспечивая четкую оперативную работу Штаба во время операций.

Наградной лист на капитана Е. А Бокарёва

Олег Людвигович Вильчевский (1902–1964)

Олег Людвигович Вильчевский родился 27 апреля (10 мая) 1902 г. в Санкт-Петербурге в семье морского офицера. После окончания средней школы в 1919 г. работал в Саратовской губернии в сфере народного образования.

В 1921–1924 гг. учился на иранском отделении Петроградского института живых восточных языков (ПИЖВЯ), затем работал там же (ПИЖВЯ = ЛВИ[1]) библиотекарем и до 1938 г. преподавателем курдского языка. В 1925–1926 гг. продолжил свое образование на факультете языкознания и материальной культуры[2] Ленинградского университета, прослушав там курс и сдав все зачеты по персидскому разряду цикла культур Востока.

В 1930–1932 гг. обучался в аспирантуре АН СССР под руководством акад. Н. Я. Марра, в 1932–1941 гг. работал старшим научным сотрудником, секретарем индо-иранского кабинета в

[1] Центральный институт живых восточных языков был учрежден Декретом СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г. в Петрограде. Перед Институтом стояла задача готовить работников для практической деятельности на Востоке и в связи с Востоком, а также научных работников для востоковедных вузов и академических учреждений. Существовал с 1920 по 1938 гг., в 1927 г. был переименован в ЛВИ им. А. С. Енукидзе.

[2] В 1919 г. историко-филологический факультет Петроградского университета вошел в состав факультета общественных наук (ФОН), который в 1925 г. был реорганизован в Ямфак — факультет языкознания и материальной культуры, существовавший до 1929 г.

Институте языка и мышления. Занимался курдским языком и фольклором, в 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Езидские тексты».

Исследование курдского языка О. Л. Вильчевский совмещал с практической работой по языковому строительству. Он совершил несколько поездок в населенные курдами районы Азербайджана, Армении, Грузии и Туркмении для решения проблемы единого курдского литературного языка по заданию Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦК НА) [3], работал совместно с коллегами-курдами А. Ш. Шамиловым и К. К. Курдоевым над составлением первой грамматики курдского языка (1936). Он сыграл важную роль в организации и преподавании курдского языка на курдском отделении рабфака Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе. О. Л. Вильчевский — автор работ по истории и этнографии народов Ближнего и Среднего Востока, этнографии курдов и малых народов Передней Азии, талантливый переводчик и комментатор курдского фольклора и литературы.

В 1941 г. ушел добровольцем в ленинградское народное ополчение, воевал на Ленинградском, затем — на Волховском фронте. Летом 1942 г. был командирован на Закавказский фронт, неоднократно совершал командировки в Иран в качестве военного корреспондента и переводчика. Воинская часть — 1-й стрелковый полк, Политическое управление Закавказского фронта, 3 гвардейская стрелковая дивизия. Работал в редакции газеты «Пламя» Политического управления Закавказского военного округа, выходившей на курдском языке. Служил в Советской армии до 1954 г., вышел в отставку 08.06.1954 в звании подполковника.

В 1954 г. вернулся к научной работе, был принят на должность старшего научного сотрудника сектора Средней и Передней Азии Ленинградской части Института этнографии АН СССР (в настоящее время — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН). В 1962 г. защитил докторскую диссертацию по монографии «Курды. Введение в этническую историю курдского народа».

[3] Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (1930–1937) был учрежден для создания алфавитов для бесписьменных языков и для латинизации языков СССР.

Награжден медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Источники:

Интернет-портал «Память народа»: 1, 2.
Сайт Кунсткамеры: 1, 2.
Сайт «Отечественные этнографы и антропологи. XX век». http://ethnographica.kunstkamera.ru
Кисляков Н. А., Пещерова Е. М. О. Л. Вильчевский (некролог) // НАА, 1964, № 6. С. 235–236.
Курылев В. П. Олег Людвигович Вильчевский (1902–1964) // Советская этнография. 1969, № 5. С. 124–125.

Кирилл Сергеевич ГОРБАЧЕВИЧ (1925–2005)

Кирилл Сергеевич Горбачевич родился 20 мая 1925 г. в Ленинграде. Когда началась Великая Отечественная война, был школьником, окончил восемь классов 250-й средней школы Октябрьского р-на.

В июле-октябре 1941 г. участвовал в строительстве оборонных сооружений под Ленинградом (Кингисепп, Копорье, Урицк). Блокадную зиму 1941–1942 гг. работал слесарем на оборонном предприятии «Механобр» в Ленинграде, затем с июня 1942 до января 1943 г. был матросом на базе Ладожской военной флотилии в «Балтмехфлоте» в Новой Ладоге.

В январе 1943 г. призван в армию. Место призыва: Волховский РВК, Ленинградская обл. Гвардии старший сержант, 45 гвардейская стрелковая дивизия. Защищал Ленинград в районе г. Мги, участвовал в штурме Синявинских высот. Воевал в составе войск Ленинградского, 2-го Прибалтийского и 1-го Украинского фронтов. В составе гаубичного артиллерийского полка участвовал в боях за освобождение Нарвы, Пскова, Риги, польских городов, Праги и за взятие ряда городов в Германии. Был дважды ранен. Демобилизован по болезни 30 декабря 1949 г. Проходя действительную службу, окончил 9 и 10 классы в Ленинградской городской заочной средней школе.

В 1950 г. поступил на филологический факультет Ленинградского университета на отделение русского языка, логики и психологии, которое окончил в 1955 г. С ноября 1955 г. по ноябрь 1958 г. проходил обучение в аспирантуре ЛГУ и затем до января 1960 г. работал ассистентом на кафедре русского

языка. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Синонимичные прилагательные в произведениях А. П. Чехова».

Одновременно с учебой в аспирантуре (1953–1958 гг.) работал выборщиком в словарном отделе ЛО Института языкознания АН СССР. С 1960 г. — сотрудник словарного отдела этого института. В 1975 г. Защитил докторскую диссертацию на тему «Вариативность слова и языковая норма» (издана в 1978 г.). К. С. Горбачевич — автор более 140 научных работ, в том числе 7 монографий: «Изменение норм русского литературного языка» (Л., 1971); «Нормы современного русского языка» (М., 1978); «Русский язык: Прошлое. Настоящее. Будущее» (1984; 1990); «Словарь эпитетов русского языка» (1979, совместно с Е. П. Хабло). Он главный редактор первых девяти томов «Большого академического словаря русского языка» (2004–2007), редактор и один из составителей словаря «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка».

Много и плодотворно К. С. Горбачевич трудился по распространению культуры русской речи. Большим успехом пользовались его научно-популярные издания, в частности, книга «Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Ленинграда» (в соавторстве с Е. П. Хабло). Изданная впервые в 1967 г., книга впоследствии переиздавалась еще шесть раз (последний — в 2002 г.), оставаясь долгие годы единственным справочником по современной и исторической топонимии Ленинграда-Петербурга.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, орденом Славы III степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет Советской армии и флота».

Источники:

Сайт ИЛИ РАН; Википедия.
Интернет-портал «Память народа».
Сероус А. Н. Топонимическое наследие замечательного ученого // Новый топонимический журнал. 2006. № 2. С. 78–84.

Ольга Евграфовна Зайчикова (Березина) (1922 – после 2015)

Ольга Евграфовна Зайчикова (Березина) родилась в Ленинграде в рабочей семье, из крестьян. Отец, Зайчиков Евграф Романович (1885 – февраль 1942). В 1940 г. окончила 27 среднюю школу Фрунзенского р-на Ленинграда и поступила на византийское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета. Летом 1941 г. окончила курсы медсестер при Университете, а в сентябре была мобилизована в армию.

С сентября 1941 г. по июнь 1946 г. была старшей медсестрой эвакогоспиталя № 1114 Санитарного управления Ленинградского фронта. Младший сержант медицинской службы по ВУС № 122.

После окончания войны вновь приступила к занятиям в университете и в 1950 г. окончила филологический факультет по отделению русского языка и литературы с распределением в ЛО Института русского языка АН СССР. Через два месяца институт был ликвидирован. С сентября 1950 г. по март 1952 г. работала старшим преподавателем Тартуского Учительского института. С марта 1952 г. по 29 февраля 1984 г. была младшим научным сотрудником Словарного сектора ЛО Института языкознания АН СССР.

За годы работы в Институте принимала участие в подготовке XIV и XVII томов 17-томного «Словаря современного русского литературного языка», удостоенного Ленинской премии в 1970 г.; а также I, II и III томов 4-томного «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой; для «Словаря русского языка XVIII века» составила множество словарных статей, а также заведовала Картотекой этого Словаря, руко-

водила ее пополнением и систематизацией, изучала источники и осуществляла разметку текста при выборе цитат.

Награды: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет вооруженных сил СССР».

Источники:

Сайт ИЛИ РАН.
Архив ИЛИ РАН.

Иван Иванович (Ян Янович) ЗАРИН (1914–1944)

Из автобиографии: «*Родился в 1914 г. в деревне Малая Выдрея Лиознянского района Витебской области БССР в крестьянской семье. В 1926 г. поступил в сельскую школу, где проучился до 1930 г. С 1930 г. по 1932 г. учился в Витебске — сначала в школе семилетке, а потом в школе ФЗУ Белдорстроя. Находясь на производственной практике (на дорожном строительстве), тяжело заболел.*

Осенью 1932 г. поступил на второй курс рабфака при Ленинградском государственном университете. По окончании рабфака, в 1934 г. поступил на факультет литературы и языка Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена. Институт окончил с отличием в 1938 г. и был командирован Наркомпросом РСФСР в распоряжение Наркомпроса Узбекской ССР. По прибытии в Ташкент был направлен на преподавательскую работу в Бухарский государственный педагогический институт, где и проработал два года, преподавая русский язык (практический курс) и всеобщую литературу (лекционный курс).

Летом 1940 г., находясь в Москве в командировке Бухарского пединститута, узнал о создании аспирантуры по балтийским языкам при Институте языка и мышления и решил поступить в эту аспирантуру (латышский язык знал с детства, латыш по национальности).

С 20 сентября 1940 г. — младший научный сотрудник Института языка и мышления» .

(СПбФ АРАН. Ф. № 77, оп. 5, № 344).

Из личного листка по учету кадров известно, что И. И. Зарин был холост, диплом с отличием № 185611, подписанный пред-

седателем ГЭК А. В. Десницкой, получен им по специальности «Преподаватель русского и языка и литературы в средней школе», еще при обучении в Институте им. Герцена прошел высшую вневойсковую подготовку, отправлен младшим лейтенантом в запасной состав (пехота) (СПбФ АРАН. Ф. №77, оп. 5, № 344).

Приехав в Ленинград летом 1940 г., И. И. Зарин пытается поступить в аспирантуру ИЯМ. На приемных испытаниях по латышскому языку 12 августа 1940 г. экзаменационная комиссия (акад. И. И. Мещанинов, проф. Б. А. Ларин, и. о. зам. директора института П. К. Абабков) ставит ему «удовлетворительно» по всем трем вопросам («диалекты латышского языка»; «чтение древнелатышских текстов»; «чтение из современной литературы латышского языка» (*sic!*)). 17 сентября на экзамене по основам марксизма-ленинизма получает «хорошо», а 23 сентября — также «хорошо» на экзамене по общему языкознанию («система консонантизма в латышском языке»; «эргативный падеж и индоевропейский именительный»; «Шлейхер») (состав комиссии: акад. И. И. Мещанинов, акад. С. П. Обнорский, зам. дир. С. Г. Бархударов, уч. секр. С. Л. Быховская).

Став в сентябре 1940 г. сотрудником ИЯМа, Зарин продолжает сдавать аспирантские экзамены, однако в ноябре 1940 г. получает «неудовлетворительно» по немецкому языку. Упорно занимается и 23 января 1941 г. сдает его на «отлично», однако в аспирантуру он все же принят не был. Имеется «Выписка из протокола заседания Комиссии Президиума АН СССР по аспирантуре 31 января 1941 г. — отказать Институту языка и мышления имени Н. Я. Марра в утверждении зачисления И. И. Зарина в аспирантуру ввиду окончания приема в аспирантуру. Рекомендовать И. И. Зарину поступать в аспирантуру в очередной прием на общих основаниях» (СПбФ АРАН. Ф. № 77, оп. 5, № 344).

По полному списку сотрудников Института на 1 января 1941 г. (МИ ИЛИ: 793) Иван Иванович Зарин числится в Кабинете балтийских языков в качестве младшего научного сотрудника.

24 июня 1941 г. Зарин на «отлично» сдает кандидатский минимум по истмату и диамату.

В приказе ИЯМ от 10 июля 1941 г. среди перечисленных «ушедших в Красную Армию в качестве добровольцев» 15 сотрудников назван и И. И. Зарин (МИ ИЛИ: 797). Однако по данным на 1 октября 1941 г. И. И. Зарин еще числится среди пяти оставшихся в ИЯМ аспирантов (МИ ИЛИ: 799). См. Приказ № 85 от 30 сентября 1941 г.: «Младшего научного сотрудника Кабинета балтийских языков тов. Зарина Ивана Ивановича отчислить из штата ИЯМ'а с 1 октября с. г. и с того же числа зачислить в качестве штатного аспиранта ИЯМ'а со стипендией 400 (четыреста) рублей в месяц» (СПбФ АРАН. Ф. № 77, оп. 5, № 344).

20 августа 1941 г. директор ИЯМ акад. И. И. Мещанинов и секретарь партбюро Абабков подписывают ему характеристику:

«.... Тов. Зарин И. И. во время своего пребывания в Институте Языка и Мышления им. Н. Я. Марра проявил себя как весьма добросовестный и способный работник. За время пребывания в Институте тов. Зарин И. И. принимал активное участие в общественной работе оборонного характера. В политическом отношении ни в чем предосудительном не замечен. Зарин И. И. родился в СССР в латышской семье».

(СПбФ АРАН. Ф. № 77, оп. 5, № 344).

И. И. Зарин, судя по документам, пережил страшную блокадную зиму 1941/1942 г. на Петроградской стороне (Ждановский район). Его Блокадный адрес: Ленинград, 110, ул. Петрозаводская, дом 7б.

(СПбФ АРАН. Ф. № 77, оп. 5, № 344).

На 20 февраля 1942 г. он числится среди 21 сотрудника ИЯМ'а, оставшихся в живых и неэвакуированных.

(МИ ИЛИ: 809).

Личное дело Ивана Ивановича Зарина («штатного аспиранта») в Академии наук закрыто 31 декабря 1942 г. на основании приказа №34 /3 от 31 декабря 1942 г. «считать отчисленным из состава Института штатного аспиранта Зарина И. И., призванного в ряды РККА» (СПбФ АРАН. Ф. № 77, оп. 5, № 343).

Далее по ПН: Учетно-послужная картотека — Зарин Иван Иванович, 1914 г. Место рождения: Белорусская ССР, Витебская обл.; Воинское звание: мл. лейтенант; Место призыва: Василеостровский РВК; Место службы: 1378 марш. рота МВО (Московского Военного округа); 319 сп (стрелковый полк) 308 сд (стрелковой дивизии). Идет речь о Латышской стрелковой дивизии, сформированной в 1944[1]. Причина выбытия: погиб; дата выбытия: 12.08.1944 (погиб на территории Латвии перед Мадонской операцией — 17–24.08.1944). Место захоронения: Воинское братское кладбище, Латвия, Екабпилсский р-н, Вариешу волость, пос. Антужи.

Источники

СПбФ АРАН. Ф. № 77, оп. 5, № 343 и № 344.

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

ПН — Интернет-портал «Память народа» — электронный банк документов периода Великой Отечественной войны. Составлен по материалам Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО).

POISK.RE — электронный банк документов периода Великой Отечественной войны по материалам Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО): Картотека потерь, Списки призыва и демобилизации.

[1] 308-я латышская стрелковая дивизия начала своё формирование 1 июня 1944 года на основании директивы Генерального штаба Красной Армии № ОРГ/2/ 306968 и директивы Военного Совета Московского Военного округа № 13679 в Гороховецких лагерях на базе 1-го отдельного резервного латышского полка. 7 июля 1944 года формирование дивизии было завершено, На фронт она прибыла в последних числах июля 1944 г. 8 августа 308-я стрелковая дивизия совместно с 43-й гвардейской стрелковой дивизией с боями взяли Крустпилс, а 10 августа форсировали Айвиексте (правый приток Даугавы).

Татьяна Сергеевна КАРСКАЯ (1921–2002)

Татьяна Сергеевна Карская родилась 18 января 1921 г. в Москве, и в том же году их семья переехала в Ленинград. По окончании средней школы в 1938 г. она поступает на филологический факультет Ленинградского университета на отделение русского языка и литературы.

Блокадную зиму 1941–1942 гг. Татьяна Сергеевна прожила в Ленинграде, принимала участие в оборонных работах в районе Гатчины, рыла противотанковые рвы, состояла в отряде ПВО Ленинградского университета, некоторое время работала нянечкой в родильном доме. В марте 1942 г. вместе с семьей эвакуировалась в г. Ярославль.

В мае 1942 г. Татьяна Сергеевна пошла добровольцем в армию и в течение двух лет — до марта 1944 г. — работала литературным сотрудником красноармейской газеты «За отчизну» при политотделе 80 дивизии ПВО. В 1944 г. была командирована на учебу в Военный институт иностранных языков, но вскоре демобилизовалась.

С марта 1944 по август 1944 г. была студенткой Московского университета им. М. В. Ломоносова. В сентябре 1944 г. вернулась в Ленинград и в 1945 г. закончила обучение в университете, получив квалификацию филолог-русист (литературовед). С 1945 по 1948 гг. проходила обучение в аспирантуре по специальности чешская литература под руководством акад. Н. С. Державина. В 1948 г. участвовала в подготовке сборника статей «Ленинградские театры в годы Великой Отечественной войны» (Всерос. театр. о-во. Ленингр. отделение).

Дальнейшая трудовая деятельность Т. С. Карской на протяжении двух десятков лет — с 1950 до 1970 гг. была связана с преподаванием русского языка студентам-иностранцам. В 1950–1951 гг. она работала старшим преподавателем Выборгского учительского института, в 1956–1964 гг. — ассистентом Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта им. акад. В. Н. Образцова, в 1964–1966 гг. — преподавателем Ленинградской ордена Ленина государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

С 1966 г. Т. С. Карская работала по договорам в государственных издательствах, занималась литературоведением и переводами произведений художественной литературы с чешского и словацкого языков. В 1969 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Божена Немцова и современные ей русские литераторы. Из истории чешско-русских литературных контактов второй половины XIX века».

В 1970 г. Т. С. Карская была принята в словарный отдел ЛО Института языкознания АН СССР на должность младшего научного сотрудника. Она участвовала в выполнении коллективной темы «Картотека словарного сектора», занималась отбором источников для словарной выборки, их аннотированием и составлением библиографии, а также была составителем (в соавторстве с Р. П. Рогожниковой) «Словаря устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв.» (1996, 1997, 2005, 2010).

Т. С. Карская оказывала научную помощь чешским лексикографам в их работе над «Большим чешско-русским академическим словарем», консультируя сотрудников этого словаря по вопросам лексики и фразеологии и изучала эпистолярное наследие своего деда — слависта Е. Ф. Карского[1].

В 1986 г. уволилась в связи с выходом на пенсию.

Награждена орденом Отечественной войны II степени и медалями: «За оборону Москвы», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Источники: Сайт ИЛИ РАН, Интернет-портал «Память народа».

[1] Карский Евфимий Фёдорович (1860/61–1931), филолог-славист, действительный член Академии наук с 1916. Труды по белорусскому языку и литературе, старобелорусской письменности.

Соломон Давидович КАЦНЕЛЬСОН (1907–1985)

Соломон Давидович Кацнельсон родился 12 августа 1907 г. в Бобруйске Минской губернии (Северо-Западный край Российской империи, ныне Могилевская область Республики Беларусь). Окончив в 1923 г. школу, работал учителем в родном городе. С 1928 по 1932 гг. учился на педагогическом факультете 2-го МГУ, работал слесарем в Москве и Магнитогорске.

По окончании университета в течение двух лет был сотрудником Научно-исследовательского института национальностей, в 1934 г. поступил в аспирантуру Института языка и мышления АН СССР. В 1935 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «К генезису номинативного предложения», в 1939 г. — докторскую на тему «Номинативный строй речи. Атрибутивные и предикативные отношения». В 1940 г. утвержден в звании профессора и в должности старшего научного сотрудника ИЯМ.

Когда началась Великая Отечественная война, Соломон Давидович вступил в ряды народного ополчения. Поскольку он свободно владел немецким языком, его направили в политуправление Ленинградского фронта, где он работал как переводчик и руководитель редакционного отдела Седьмого отделения Политуправления. Дата начала службы — июль 1941 г. За несколько дней до окончания войны он был направлен в Берлин, где начал служить в Бюро информации советской военной администрации, а также работать корреспондентом в немецко-

язычной газете «Tägliche Rundschau»[1]. Важным событием в жизни Соломона Давидовича была его работа как переводчика и корреспондента на Нюрнбергском процессе.

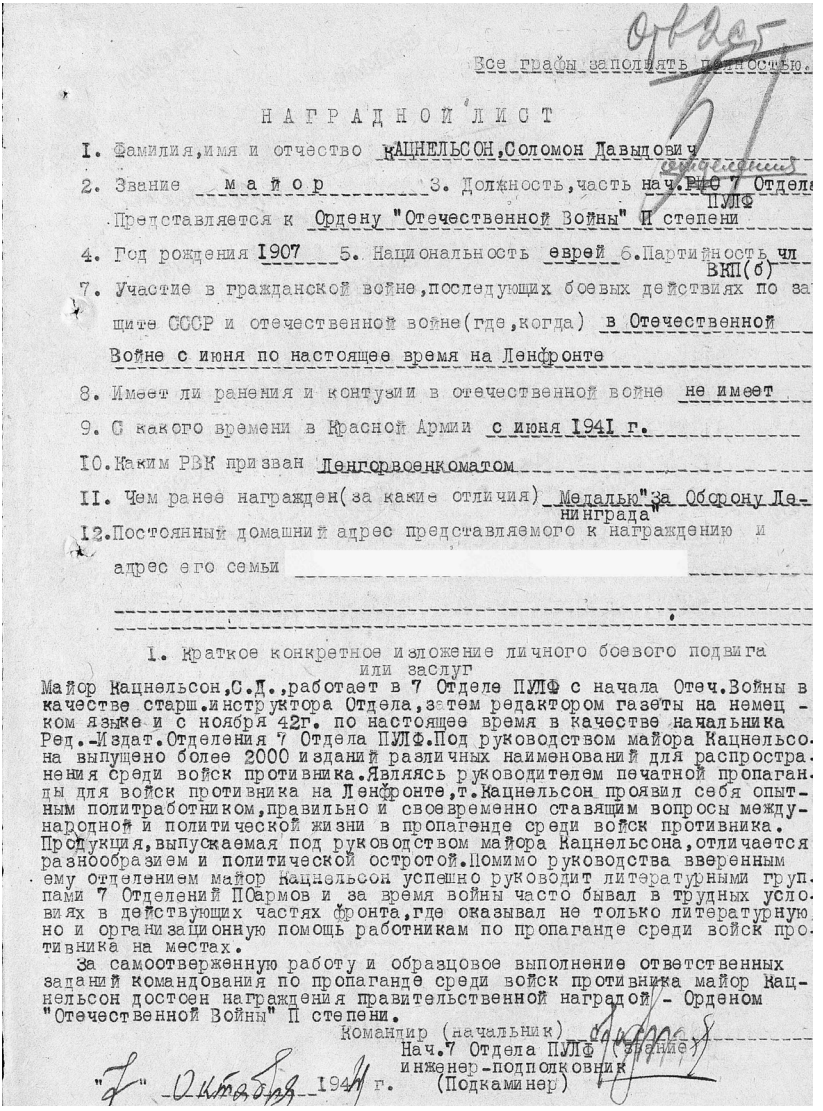
Демобилизовался в звании майора 23.08.1946 и возвратился к работе старшего научного сотрудника ИЯМ и профессора Ленинградского университета. После известной дискуссии 1950 г. он был уволен и в течение 3-х лет был профессором Ивановского педагогического института. В апреле 1953 г., после смерти Сталина, его пригласили в Ленинградский институт иностранных языков, вскоре слившийся с Ленинградским университетом. С 1954 г. и до конца жизни работал в ЛО Института языкознания АН СССР (в настоящее время Институт лингвистических исследований РАН), где с 1971 г. заведовал сектором индоевропейских языков, с 1976 по 1981 гг. — сектором теории грамматики.

С. Д. Кацнельсона отличала широта научных интересов, включавших проблемы компаративистики и германистики, лингвистической типологии, синтаксиса и акцентологии, психолингвистики и детской речи, философии языка и истории языкознания. В числе его монографий: «К генезису номинативного предложения» (1936), «О грамматической категории» (1948) «Содержание слова, значение и обозначение» (1965), «Сравнительная акцентология германских языков» (1966), «Типология языка и речевое мышление» (1972).

О востребованности современным языкознанием научного наследия С.Д. Кацнельсона свидетельствуют переиздания его работ в (Категории языка и мышления. М.: ЯСК, 2001 и 2010 гг.

Соломон Давидович Кацнельсон награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

[1] Газету «Tägliche Rundschau” выпускала военная комендатура Берлина с 15 мая 1945 г. и до конца июня 1955 г. сначала с целью информации населения о действиях военного командования, позднее — как периодическое издание о политической, экономической и культурной жизни ГДР.

Все графы заполнять подробно.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество КАЦНЕЛЬСОН, Соломон Давыдович
2. Звание майор 3. Должность, часть нач. РИО 7 Отдела ПУЛФ
Представляется к Ордену "Отечественной Войны" II степени
4. Год рождения 1907 5. Национальность еврей 6. Партийность чл ВКП(б)
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) в Отечественной Войне с июня по настоящее время на Ленфронте
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне не имеет
9. С какого времени в Красной Армии с июня 1941 г.
10. Каким РВК призван Ленгорвоенкоматом
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Медалью "За Оборону Ленинграда"
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

1. Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Майор Кацнельсон, С.Д., работает в 7 Отделе ПУЛФ с начала Отеч. Войны в качестве старш. инструктора Отдела, затем редактором газеты на немецком языке и с ноября 42г. по настоящее время в качестве начальника Ред.-Издат. Отделения 7 Отдела ПУЛФ. Под руководством майора Кацнельсона выпущено более 2000 изданий различных наименований для распространения среди войск противника. Являясь руководителем печатной пропаганды для войск противника на Ленфронте, т. Кацнельсон проявил себя опытным политработником, правильно и своевременно ставящим вопросы международной и политической жизни в пропаганде среди войск противника. Продукция, выпускаемая под руководством майора Кацнельсона, отличается разнообразием и политической остротой. Помимо руководства вверенным ему отделением майор Кацнельсон успешно руководит литературными группами 7 Отделений ПОармов и за время войны часто бывал в трудных условиях в действующих частях фронта, где оказывал не только литературную но и организационную помощь работникам по пропаганде среди войск противника на местах.

За самоотверженную работу и образцовое выполнение ответственных заданий командования по пропаганде среди войск противника майор Кацнельсон достоен награждения правительственной наградой - Орденом "Отечественной Войны" II степени.

Командир (начальник) Нач. 7 Отдела ПУЛФ (звание) инженер-подполковник (Подкаминер)

"7" Октября 1944 г.

Наградной лист майора С. Д. Кацнельсона

Источники:

Сайт ИЛИ РАН.

Интернет-портал «Память народа» — электронный банк документов периода Великой Отечественной войны.

Бондарко Н. А. О научном наследии С. Д. Кацнельсона // Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 9–10.

Клейнер Ю. А., Клубков П. А. Предисловие научных редакторов // Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования / Под ред. П. А. Клубкова, Д. Д. Пиотровского. Петербургское лингвистическое общество. СПб., 2010.

Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона, 27 ноября – 30 ноября 2007 г. СПб., 2007.

Зинаида Тимофеевна КОРОТКЕВИЧ (1917–?)

Зинаида Тимофеевна Короткевич родилась в Ставропольском крае. В 1931 г. приехала в Ленинград получать образование. В 1932–1934 гг. училась на фабзавуче при Охтхимкомбинате, где затем работала в качестве лаборантки с 1934 г. по 1938 г, совмещая работу с учебой на вечернем отделении рабфака.

В 1939 г. поступила на филологический факультет ЛГУ.

В 1942 г. после эвакуации университета З. Т. Короткевич вступила добровольцем в ряды Советской Армии, где служила в звании ефрейтора (прибориста) в 433-м Отдельном артиллерийском дивизионе, в составе которого принимала участие в боях в Краснодарском крае, Керчи, Яссах. В 1945 г. была демобилизована и возвратилась в Ленинград.

Осенью 1945 г. З. Т. Короткевич возобновила учебу в ЛГУ, который окончила в 1948 г., получив квалификацию филолога-русиста (лингвиста), была рекомендована в аспирантуру ЛГУ, которую окончила в 1952 г. В 1955 г. принята в Институт языкознания сначала научно-техническим сотрудником, затем старшим научно-техническим сотрудником Словарного сектора; с 1957 г. – младший научный сотрудник. Работала над «Словарем современного русского литературного языка» и над «Словарем синонимов» под руководством А. П. Евгеньевой.

В 1974 г. З. Т. Короткевич вышла на пенсию.

В феврале 1945 г. Зинаида Тимофеевна Короткевич была награждена почетной грамотой «За боевые заслуги», а в июле 1945 г. — медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 315.
Сайт ИЛИ РАН.

Лидия Леонтьевна КУТИНА (1921–1987)

Лидия Леонтьевна Кутина родилась в 1921 г. в городе Николаевске Саратовской области. В том же году родители переехали на жительство в Ленинград и поселились на Петроградской стороне. Ее отец, Леонтий Степанович Кутин, был моряком, позже работал бухгалтером на одном из ленинградских заводов. Мать, Мария Ивановна, происходила из крестьян.

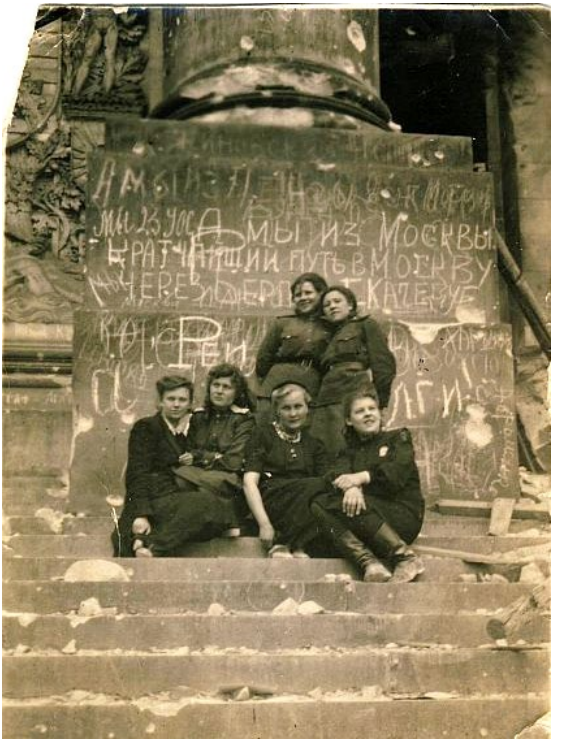
В 1929 году Лидия Леонтьевна поступила в школу. Репрессии 30-х годов не обошли стороной и семью Кутиных. В 1938 году был арестован отец, а мать со старшим сыном выслана в Казахстан. Лидии Леонтьевне было разрешено остаться в Ленинграде у бабушки. Через 20 лет Леонтий Степанович Кутин был реабилитирован посмертно.

Школу Лидия Кутина окончила в 1939 г. с аттестатом отличника, дающим право поступления в высшую школу без вступительных экзаменов. Тогда же была принята в ЛГУ на филологический факультет (русское отделение).

После начала войны, сдав экзамены за второй курс, Кутина поступила на организованные при университете курсы медицинских сестер при Союзе обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, которые окончила в ноябре 1941 г., и была мобилизована. Работала медсестрой в эвакогоспитале № 1448, переведённом из Выборга с Финского фронта в Ленинград в Инженерный замок.

После прорыва блокады госпиталь в составе Ленинградского, а затем 2-го Белорусского фронтов двигается вместе с войсками на запад, через Польшу в Германию. Вместе с госпиталем в январе 1945 г. Лидия Леонтьевна тоже выехала в Польшу, а в Германии дошла до Берлина.

Известие об окончании войны застало ее в Штеттине. В мае 1945 г. она была отозвана из госпиталя для работы в сануправлении 2-го Белорусского фронта. Демобилизовалась осенью 1945 г.

У стен Рейхстага, май 1945 г. Л. Л. Кутина — первая слева.

После демобилизации возобновляет занятия в Университете. К этому времени Университет, год назад вернувшийся из Саратова, куда он был эвакуирован в начале 1942 г., во многом принял свой прежний вид. Были раскрыты заложенные кирпичом и забетонированные окна первого этажа филфака, починена крыша, частично отремонтированы аудитории и исправлены печи — все это силами самих студентов и преподавателей. Дипломная работа Лидии Леонтьевны, написанная под руководством А. П. Евгеньевой о языке Летописной книги Катырева-Ростовского, была удостоена высшей оценки, а Лидия Леонтьевна принята (не без затруднений из-за судьбы ее отца) в аспирантуру при кафедре русского языка.

В 1953 г. Л. Л. Кутина блестяще защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства (из истории русского литературного языка XVII века)». Еще до завершения аспирантуры — с 1 июня 1951 г. Лидия Леонтьевна была зачислена младшим научным сотрудником в словарный сектор ЛО ИЯ АН СССР и начала работу в словарном секторе Института как автор-составитель в 1-ом томе Словаря древнерусского языка, редактором которого была в это время А. П. Евгеньева. Вскоре составление словаря было прекращено, материалы перевезены в Москву, где в настоящее время включены как часть в картотеку «Словаря русского языка XI–XVII вв.»), издаваемого Институтом русского языка РАН.

С 1951 года Лидия Леонтьевна включается в разработку новой лексикографической темы — «Словарь русского языка». Руководила работой А. П. Евгеньева, которая, начиная со 2-го тома Словаря, стала председателем редколлегии, а Л. Л. Кутина — ее заместителем и одним из активных авторов — ею составлены словарные статьи на буквы И, Р, она занималась также подготовкой авторского текста для редактирования, а затем редактировала 4-й том Словаря (буквы С–Т). В качестве заместителя главного редактора Л. Л. Кутина принимала участие в совершенствовании всего текста Словаря, параллельно много занимаясь проблемами омонимии.

С 1971 г. Лидия Леонтьевна руководила группой исторической лексикологии, созданной для изучения русского языка XVIII в. и издания исторического словаря того времени, участвуя в создании картотеки будущего словаря и сосредоточив свое внимание на изучении источников петровского времени. Кроме того она занималась вопросами формирования научного языка и терминологического фонда в предломоносовский период. Результаты ее исследований были изложены в двух монографиях: «Формирование языка русской науки. Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.» (М.; Л.: Наука, 1964) и «Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть XVIII века». (М.; Л.: Наука, 1966). За последнюю монографию Л. Л. Кутиной в 1966 г. была присуждена ученая степень доктора филологических наук. Важную веху в изучении русской лексики XVIII века составляет написанная ею в

соавторстве с Е. Э. Биржаковой и Л. А. Войновой монография «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования» (Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1972).

Почти четверть века была связана у Л. Л. Кутиной со «Словарем русского языка XVIII в.», главным делом ее жизни. Она занималась изучением его источников, определением характера выборки цитат из них и сама значительно пополнила картотеку. В настоящее время в картотеке представлено более 2 млн. карточек-цитат. Л. Л. Кутина превосходно реализовала разработанные ею идеи проекта в своей практической работе по составлению словаря и редактированию его выпусков. Работы Л. Л. Кутиной стали важным вкладом в русскую историческую лексикологию. Сделанные ею словарные статьи предстают как своеобразные монографии о слове, облеченные в лексикографическую форму.

За участие в Великой Отечественной войне Л. Л. Кутина была награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и орденом Отечественной войны 2-ой степени.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 320.

Сайт ИЛИ РАН.

Отечественные лексикографы XVIII–XX века / Фонд «Славянский мир» им. О. Н. Трубачева, Фонд ист. перспективы; под ред. Г. А. Богатовой. 2-е изд. М.: Русская панорама, 2011. С. 434–446.

Алексеев А. А. Памяти Лидии Леонтьевны Кутиной (26 марта 1921–22 ноября 1987) // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII–начала XIX века. СПб: Наука, 1994. С. 5–15.

Лев Владимирович МАЛАХОВСКИЙ (1921–2003)

Лев Владимирович Малаховский родился 8 мая 1921 г. в Москве, с 1934 г. жил в Ленинграде. В 1939 г. окончил школу и поступил в Политехнический институт, но сразу был призван в армию.

С февраля 1940 г. был в действующей армии на Выборгском направлении. По окончании войны с Финляндией продолжил службу в г. Выборге в составе 255-го стрелкового полка 123-й стрелковой дивизии. Весной 1941 г. окончил полковую школу и был назначен зам. политрука пулеметной роты.

С первого дня Отечественной войны находился в боевом охранении на границе с Финляндией, выполнял обязанности командира пулеметного отделения, а затем — командира взвода, участвовал в боевых операциях на территории противника. В августе 1941 г. был тяжело ранен и контужен, в течение трех месяцев находился на излечении в госпиталях.

В ноябре 1941 г. вернулся на фронт, воевал в составе различных частей 272-й стрелковой дивизии Карельского фронта. Участвовал в наступательных операциях 7-й отдельной армии в районе Свири в декабре 1941 г. и в апреле 1942 г. в качестве автоматчика.

Летом 1942 г. окончил полковые курсы радистов и был направлен в отдельный лыжный батальон, где находился всю зиму 1942–1943 гг. Весной 1943 г., в связи с расформированием лыжного батальона, был переведен в роту связи 1061-го полка, сначала радистом, затем — начальником радиостанции. Летом 1944 г. участвовал в форсировании Свири и в наступательных боях на Сортавальском направлении.

В 1944 г. был направлен в Военный институт иностранных языков на отделение английского языка. После перемирия с Финляндией был направлен на Тихоокеанский флот военным переводчиком.

В 1945 г. работал на военно-морской базе США в Gold Bay (Аляска) в качестве переводчика при приеме американских кораблей по ленд-лизу.

В составе 5-го отдельного отряда кораблей участвовал в войне с Японией.

В апреле 1946 г. был демобилизован.

После демобилизации в 1946 г. поступил в Ленинградский университет на отделение английского языка, которое окончил с отличием в 1950 г. Продолжил обучение в аспирантуре Ленинградского гос. педагогического института иностранных языков им. М. Н. Покровского и в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Оксфордский словарь английского языка» 1884–1933 гг. (анализ принципов построения)».

Преподавал английский язык в этом же институте, объединенном в 1957 г. с Ленинградским педагогическим институтом им. А. И. Герцена. В июле 1960 г. был принят в ЛО Институт языкознания АН СССР, где участвовал в работе над коллективными плановыми темами «Безличные предикаты», «Типы предикативных отношений» и «Проект Нового академического словаря русского языка». В 1989 г. защитил докторскую диссертацию «Теория лексической и грамматической омонимии (на материале английского языка)».

Сфера научных интересов Л. В. Малаховского — английская филология (история языка, лексикология, семасиология, синтаксис), а также общая и английская лексикография. Л. В. Малаховский — автор более 100 научных работ, среди которых «Словарь английских омонимов и омоформ» (М., 1995, около 9 000 омонимических рядов).

Длительное время, с 1973 по 1985 гг., Л. В. Малаховский был внешним консультантом по изданиям четырехтомника «Дополнение к Большому Оксфордскому словарю» и «Нового Большого Оксфордского словаря». По приглашению издательства «Русский язык» он работал в сотрудничестве с американским лексикографом Р. Барнхартом над совместным советско-американским изданием — словарем английских неологизмов.

Л. В. Малаховский был членом Словарного общества Северной Америки, Европейской ассоциации лексикографов, Российского союза переводчиков.

Награды: Орден Отечественной войны 2 степени, медали: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Японией», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др. (всего 9 медалей).

Источники:

Сайт ИЛИ РАН.

Еремия Н. Л. Л. В. Малаховский. Учитель, человек, личность // Малаховский Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии. Изд. 2-е, доп. М.: Либроком, 2009. – Вступ. ст.

Памяти Льва Владимировича Малаховского // Семейная мозаика: Альманах. Составители В. И. Халтурин и Т. Г. Раутиан. Петербург — Tappan, NY — Москва: Изд-во «Своя компаниЯ», сентябрь 2003.

Михаил Д(и)митриевич МАЛЬЦЕВ (1892 – 1954)

Михаил Д(и)митриевич Мальцев родился в селе Шахово Корочанского уезда Курской губернии в семье учителя-священника и домашней учительницы. Поступил на исторический факультет Ростовского-на-Дону университета в 1910 г. и окончил его в 1915 г., некоторое время учился в Варшавском университете. Занимался славянским языкознанием.

Участник Первой мировой войны: был призван в 1915 г., в 1916 г. – курсант артиллерийских курсов в Одессе. В июне 1916 г. по поручению Московской Славянской комиссии работал в Херсонской и Бессарабской губерниях по собиранию материалов по болгарской диалектологии.

В 1917 г. М. Д. Мальцев был прапорщиком 49 тяжелой артиллерийской дивизии 5 армии Северного фронта, в марте-ноябре 1918 г. находился в плену в Германии. В декабре 1918 г. вернулся в Россию, работал преподавателем гимназии, преподавателем и ассистентом Белгородского и Орловского педагогических институтов, доцентом Новгородского учительского института (г. Боровичи)

С мая 1935 г. — старший научный сотрудник ИЯМ (в Словарном отделе, затем в Кабинете славянских языков, позднее — в Кабинете истории русского языка и диалектологии); по совместительству в течение 15-ти лет (1935–1950 гг.) М. Д. Мальцев — доцент ЛГПИ им. Герцена. В 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию «Из наблюдений над языком населения с. Ястребова Белгородского района Курской области».

Призыву в армию по состоянию здоровья и по возрасту не подлежал. После того как военкомат ему отказал, пошел добровольцем (Василеостровская добровольческая дивизия). С сентября 1941 г. техник-интендант 1 ранга 551 и 891 стрелкового полка 42 армии на Ленинградском фронте.

Был переводчиком[1], пом. нач. штаба по ШШС (штабная шифровальная служба), затем пом. нач. 1-го отдела. В марте 1943 г. демобилизован по болезни.

Сын М. Д. Мальцева, Валентин Михайлович Мальцев, партизан-радист, погиб в 1943 г.
Дочь — И. М. Мальцева.

В конце войны Мальцев вернулся в Институт и возобновил работу в ЛО Института русского языка АН СССР, с сентября 1950 – ЛО Института языкознания АН СССР.

На 1951 г. имел 12 печатных работ, преимущественно по русской диалектологии и истории и норме русского языка. В октябре 1951 г. был переведен из ЛО Института языкознания АН СССР в Карело-Финский государственный университет на должность доцента.

В 1944 г. М. Д. Мальцев был награждён медалью «За оборону Ленинграда», в 1945 г. — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 97.
СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 5. Д. 236.
Интернет-портал «Память народа».

[1] По записи в «Личном листке по учету кадров» владеет (слабо) немецким, польским, чешским, болгарским, сербским языками.

Александра Федоровна МАРЕЦКАЯ (1918–2001)

Александра Федоровна Марецкая родилась в 1918 г. в деревне Будогощь под Петроградом. В 1933 г. она окончила Будогощскую неполную среднюю школу, с ноября 1933 г. по июнь 1938 г. работала воспитательницей, затем заведующей детским садом при Ленинградской пригородной промкассе. За время работы, с 1934 по 1938 гг., окончила заочно педагогический техникум им. Н. К. Крупской[1].

В 1938 г. Марецкая поступила учиться на литературный факультет Учительского института при Педагогическом институте им. Покровского. По его окончании в 1940 г. работала преподавателем русского языка и литературы, заведующей учебной частью в Мустомякской неполной средней школе. С октября по ноябрь 1941 г. А. Ф. Марецкая — преподаватель русского языка и литературы в неполной средней школе пос. Будогощь.

В декабре 1941 г. она ушла добровольно на фронт санитаром, в 1941–1943 гг. — в составе 17-й отдельной роты медицинского усиления 4 армии (Волховский, Ленинградский, 1-й Украинский фронты), далее — старшая хирургическая сестра 45 отдельной роты мед. усиления 59 армии.

[1] Первоначально Гатчинская учительская семинария, открытая в 1871 г. С 1920 переименована в Гатчинский финский педагогический техникум, с 1932 — Красногвардейский областной педагогический техникум им. Н. К. Крупской; существует и поныне (с 2001 г. Гатчинское высшее педагогическое училище (колледж) им. К. Д. Ушинского).

Муж Александры Федоровны погиб на фронте в августе 1941 г.; ее отец и три сестры — участники Великой Отечественной войны.

После демобилизации в ноябре 1945 г. Марецкая вернулась на 2-й курс литературного факультета Педагогического института им. Покровского, в 1948 г. окончила его и была рекомендована в аспирантуру, которую окончила по кафедре русского языка при ЛГПИ им. Покровского.

С октября 1952 г. Марецкая начала работать младшим научным сотрудником Словарного сектора Института языкознания АН СССР. В 1954 г. ей по результатам защиты диссертации «Говор Старорусского района Новгородской области» была присуждена ученая степень кандидата филологических наук.

Александра Федоровна прилагала много усилий к совершенствованию лексикографической работы. Она являлась составителем «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах, «Словаря русского языка» в 4-х томах, одним из редакторов-лексикографов «Большого толкового словаря русского языка», была помощником редактора 2 тома «Словаря современного русского литературного языка», составителем словарных статей в 23-х выпусках «Словаря русских народных говоров» (СНРГ), принимала участие в подготовке плановых сборников «Диалектная лексика», занималась пополнением картотеки СРНГ новыми лексическими материалами и их систематизацией (ею размечено более 2000 страниц текста для выборок), разрабатывала тему по истории диалектной лексики.

В октябре 1989 г. А. Ф. Марецкая вышла на пенсию.

Александра Федоровна Марецкая была награждена медалями «За боевые заслуги» в феврале 1945 г. и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в феврале 1946 г.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 324.
Сайт ИЛИ РАН.

.

Георгий Алексеевич МЕНОВЩИКОВ (1911–1991)

Георгий Алексеевич Меновщиков, один из основоположников научного изучения эскимосского языка, родился в 1911 г. в Хабаровском крае — в селе Кольцово, Кумарского (Шимановского) района Амурской области, в семье казаков Амурского войска.

В 1932 году после окончания Хабаровского педагогического техникума его послали на Чукотку, где он получил направление в эскимосское село Сиреники на должность заведующего школой. Активно изучая эскимосский язык, через некоторое время Г. А. Меновщиков начал вести уроки на эскимосском.

В 1934–1939 гг. учился в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена. Ещё будучи студентом, выпустил сборник «Эскимосские сказки». После института вернулся на Чукотку, был директором школы-интерната при чукотской культбазе в заливе Святого Лаврентия, инспектором района. Вместе с учителем-эскимосом Майной составил грамматику эскимосского языка для начальной школы, но подготовку учебника к печати прервала война.

С 1941 по 1945 год находился на фронте в рядах Красной Армии. Призван по военно-учетной специальности «минометчик легких и тяжелых минометов», был старшим сержантом, командиром противотанкового отделения, затем — на партийно-политический работе. В декабре 1944 г. Выборгским РВК Ленинграда направлен в 968 стрелковый полк в составе 255 стрелковой дивизии 15 армии Дальневосточного фронта, участвовал в войне с Японией. Демобилизован 4 ноября 1945 г.

В 1946 году после демобилизации поступил на работу в сектор языков народов Севера Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР, с которым была связана вся его дальнейшая научная деятельность. В 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию «Склонение в эскимосском языке», в 1965 году стал доктором филологических наук и многие годы был старшим научным сотрудником отдела палеоазиатских и самодийских языков ЛО ИЯ АН СССР.

Выпустил учебники эскимосского языка для 1-го и 2-го классов (1947 г.), русско-эскимосский словарь (1946 г.) и эскимосско-русский словарь (1954 г.). С 1948 по 1973 гг. совершал длительные фольклорные и этнографические экспедиции к эскимосам.

Автор монографий «Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. I–II. (1962–1967); «Язык сиреникских эскимосов. Фонетика, очерк морфологии, тексты и словарь» (1964); «Язык науканских эскимосов (фонетическое введение, очерк морфологии, тексты, словарь» (1975); «Язык эскимосов Берингова пролива» (1980); «Материалы и исследования по языку и фольклору чаплинских эскимосов» (1988); «Сказки народов севера» (1951); «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки» (1974). Также много занимался исследованиями топонимики Крайнего Севера и прежде всего Чукотки. Его книга «Местные названия на карте Чукотки» (Магадан, 1972) — первое серьезное научное исследование магаданской топонимики. Совместно с В. С. Храковским опубликовал статью об эскимосском каузативе и специально разрабатывал проблему заимствованных аффиксов.

Был награждён медалью «За победу над Японией» и орденом Отечественной войны II степени.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 695; Сайт ИЛИ РАН.
«Бессмертный полк» — Анадырь.
Бурыкин А. А. Георгий Алексеевич Меновщиков (к 90-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 2002. № 6. С. 109–117.
Сайт РГО Отечественные этнографы и антропологи. XX век.
Ученые-североведы: Сборник биобиблиографических очерков / составитель Н. М. Артемьев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. С. 115–118.

Александр Иванович МОЛОТКОВ (1916–2005)

«Автобиография.

Родился я в семье крестьянина 1 марта 1916 года в гор. Ялуторовске Тюменской области. Отец мой долгое время был связан с сельским хозяйством, но в 1926 году порывает эту связь и переходит на работу в гос. мельницу гор. Ялуторовска, где работает до 1932 года (год смерти).

В 1929 году после окончания семилетки я перешел на учебу в Ялуторовский техникум мол. промышленности, который закончил в конце 1933 года. С этого времени начинается моя трудовая деятельность.

Откомандированный на Украину, с 1933 года по 1937 год я работал в системе мясомолочной промышленности (с дек. 1933 г. по май 1935 г. инструктором-производственником Кировоградского района Одесской обл., с мая 1935 г. по сентябрь 1937 года — мастером Одесского гор. молзавода). В 1937 году ушел на учебу в Одесский гос. Университет.

С 1937 года по 1941 год занимался на филологическом факультете Одесского гос. Университета. В 1941 году ушел добровольно на фронт. С 1941 по 1945 г. был в рядах Советской армии. Участвовал в Отечественной войне. Трижды был ранен. Получил три правительственные награды. Демобилизовался 9 ноября 1945 г.

После демобилизации из армии с декабря м-ца 1945 г. по июнь м-ц 1948 года продолжал учебу на филологи-

ческом факультете (русское отделение) Лен. гос. ордена Ленина Университета, который закончил в 1948 г.

Одновременно с учебой в Университете с 1941 года я работаю в библиотеке Ленинградской Краснознаменной Военно-Воздушной Академии.

14 июля 1948 года. А. Молотков».

Боевой путь рядового А. И. Молоткова: радист в отдельном батальоне связи (1941), 327 стрелковый полк 34 стрелковой дивизии (до ноября 1942), с ноября 1942 г. по ноябрь 1944 г. в/ч 0302 войск НКВД, с ноября 1944 г. по 9 ноября 1945 г. — 1023 стрелковый полк 307 стрелковой дивизии 3 Прибалтийского фронта (минометчик). В 1941–1942 гг. участвовал в боях на Украине и на Дону, в 1945 г. — в Германии и Польше (Юго-Западный фронт и 3-й Белорусский фронт).

В ЛГУ занимался под руководством проф. Б. А. Ларина, посещал спецкурсы и спецсеминары проф. С. Г. Бархударова и акад. В. В. Виноградова. В октябре 1948 г. был принят в аспирантуру ЛО Института русского языка (научным руководителем был назначен Б. А. Ларин, затем Ф. П. Филин, позже — Э. И. Каратаева). За 4 года аспирантуры прошел глубокую и широкую научную подготовку, занимаясь и сдавая экзамены, в частности, по латинскому, древнегреческому, старославянскому, польскому, украинскому языкам, особо высокие результаты показал при сдаче экзаменов по литовскому языку. В 1952 г. А. И. Молотков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности XI–XVII столетий (грамматический анализ)». С сентября 1952 г. работал младшим научным сотрудником института (сектор Словарей современного русского языка), а с сентября 1972 г. — старшим научным сотрудником. В 1958–1960 гг. был учёным секретарём сектора.

За время работы в ЛО ИЯ АН СССР занимался составлением словарных статей для 4-томного «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой и для ряда томов 17-томного «Словаря современного русского литературного языка», получившего Ленинскую премию в 1966 г. После этого в составе группы исторической лексикологии русского языка XVIII в. участвовал в подготовке Проекта «Словаря русского языка

XVIII в.», коллективной монографии «Лексические новообразования в русском языке XVIII в.»; вплоть до выхода на пенсию продолжал работу по написанию словарных статей и изданию «Словаря русского языка XVIII в.».

По проекту А. И. Молоткова и под его руководством был создан «Фразеологический словарь русского языка» (1967 г.), выдержавший 6 изданий. В 1972 году А. И. Молотков защитил докторскую диссертацию на тему «Основы фразеологии русского языка», перед этим подготовив одноимённую монографию (1977). Также в сотрудничестве с аспирантами работал над созданием русско-французского, русско-китайского фразеологических словарей. Сместно с В. Цеслиньской издал «Учебный русско-польский фразеологический словарь» (2001), совместно с М.-Л. Жост «Учебный русско-французский фразеологический словарь», готовил исторический фразеологический словарь русского языка (остался в рукописи). Помимо словарной продукции, им подготовлено и опубликовано 68 работ.

Научную деятельность А. И. Молотков совмещал с педагогической: работал по совместительству на кафедре русского языка ЛГУ им. А. А. Жданова.

В 1990 году А. И. Молотков перешел на должность старшего научного сотрудника-консультанта, на которой проработал до 1997 г.

А. И. Молотков награжден медалями «За отвагу» (как разведчик-наблюдатель миномётной роты, 1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «В память 250-летия Ленинграда» (1957), «За взятие Кенигсберга» (1968), «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965), «50 лет вооруженных сил СССР (1967), «25 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1972), «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1975), «60 лет вооруженных сил СССР (1977).

Источники

Архив ИЛИ РАН № 105, № 814; Сайт ИЛИ РАН.
Интернет-портал «Память народа».

Сайфи Низамович МУРАТОВ (1919–1994)

С. Н. Муратов родился в деревне Искандерово Белебейского кантона Башкирской АССР. В 1930–31 учебном году он окончил 4-й класс татаро-башкирской школы города Давлеканово. Затем учился в школе колхозной молодежи и в 1937 году с отличием окончил ее. В этой школе язык и литературу преподавал известный башкирский поэт Сагит Агиш. В 1937–1939 гг. С. Н. Муратов — работник средней школы (учитель, директор, инспектор РОНО).

В 1939 году Сайфи Низамович поступил на филологический факультет Узбекского университета в Самарканде. 1 сентября 1939 года его, студента 1 курса, призвали в армию: с сентября 1939 по ноябрь 1940 г. Муратов — курсант окружной школы младшего состава Орловского военного округа (г. Курск), с ноября 1940 по июнь 1941 г. — командир топографического отделения окружной школы (г. Курск). Награжден знаком «Отличник РККА».

В годы Великой Отечественной войны Сайфи Низамович был сначала помощником командира топографического взвода 448 Корпуса артиллерийского полка Волховского фронта, затем курсантом артиллерийско-минометных курсов фронта, командиром взвода управления полка, начальником разведки 38 Гвардейского минометного полка 3-й Ударной армии Ленинградского фронта (знаменитые «Катюши») в районе Невской Дубровки[1]. Участвовал в защите Новгорода и Ленинграда, в прорыве блокады Ленинграда, в освобождении Красного Села, Гатчины, Сланцев, Нарвы, Тарту, во взятии Берлина.

[1] Первый залп полк совершил 3 августа 1941 г. под Кингисеппом, а последний — по зданию Рейхстага 2 мая 1945 г.

Был ранен 30 августа 1943 года под Синявином, во время излечения в ленинградском госпитале познакомился с медсестрой Басей — будущей женой. В марте 1944 года под Кингисеппом в результате второго ранения потерял зрение правого глаза. Инвалид Великой Отечественной войны. После обоих ранений вернулся в строй, служил начальником разведки дивизиона, командиром топографического взвода в 56 гвардейском минометном дивизионе 38 гвардейского минометного полка Ленинградского, затем Первого Белорусского фронта.

Военную службу гвардии старший лейтенант С. Н. Муратов продолжал до осени 1946 г. в должности начальника обозно-вещевого снабжения 38 гвардии минометного полка 3-ей Ударной армии. После победы этот полк был дислоцирован в Магдебурге. В мае 1946 г. полк был расформирован, а личный состав был отправлен на Родину, но С. Н. Муратов до июня 1947 г. работал по вольному найму в группе советских оккупационных войск в Германии.

В июне 1947 г. Сайфи Низамович поступил на кафедру тюркской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, которую окончил в 1952 г. по специальности «востоковед-филолог (тюркология)» и поступил в аспирантуру. В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сложные имена в системе башкирского словосложения» (научный руководитель — акад. А. Н. Кононов).

С 1957 г. — младший научный сотрудник Тюрко-монгольского кабинета ЛО Института народов Азии (Института востоковедения) АН СССР, где совместно с Л. В. Дмитриевой занимался составлением каталога и описанием тюркских рукописей; с 1962 г. – старший научный сотрудник.

В 1966 г. С. Н. Муратов перешел на работу в ЛО Института языкознания АН СССР в качестве младшего научного сотрудника. Автор более 50 научных работ (часть осталась в рукописях). Занимался переводами художественной литературы с русского языка на башкирский и с татарского на русский.

С. Н. Муратов награжден орденами «Красной Звезды» (апрель 1943), Отечественной войны II-й степени (апрель 1945), медалями: «За оборону Ленинграда», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой

Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также юбилейными медалями.

Ветераны 38 Гвардейского минометного полка 3-й Ударной армии. С. Н. Муратов – крайний справа.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 329.

Сайт Института восточных рукописей РАН;

Сайт СПбГУ (страница «Сражающийся университет»);

Материал «Невостребованные таланты», опубликованный в журнале «Санкт-Петербургский университет» № 2 (3525),

Милибанд С. Д. Востоковеды России. XX–начало XXI в. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М.: «Восточная литература», 2008. Том I. С. 955–956.

POISK.RE — электронный банк документов периода Великой Отечественной войны по материалам Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО).

Анатолий Митрофанович МУХИН (1922–2008)

Анатолий Митрофанович Мухин родился в Красном Селе под Ленинградом.

В 1941–1942 гг. принимал участие в оборонных работах в числе студентов ЛЭТИ. В 1942 году под немецкими бомбами гибнут его родители, и в феврале 1942 года его самого, полуживого блокадника, вывозят вместе с другими студентами ЛЭТИ по льду Ладожского озера на Большую Землю для лечения в Ессентуках Ставропольского края. Полтора месяца он находился между жизнью и смертью, но поправившись поступил добровольцем в действующую армию. Время поступления на службу — январь 1943 г. Место призыва — городской военкомат г. Ессентуки, место службы — подразделение «Ансамбль штаба» 37-й армии: А. М. Мухин был музыкантом. Старший брат Анатолия Митрофановича — капельмейстер армейских и гражданских оркестров — в свое время привил Анатолию любовь к музыке и обучил его.

А. М. Мухин начал войну рядовым, затем — старшина, закончил — младшим лейтенантом административной службы (политработник) в составе войск Южного, Воронежского и Украинского фронтов. Принимал участие в освобождении Кубани, Воронежа, в форсировании Днепра, в Ясско-Кишиневской операции, в освобождении Румынии и Болгарии. Войну он заканчивает в 37-й армии в Болгарии и возвращается в Ленинград.

В 1945 году А. М. Мухин — фронтовик и обладатель золотой медали (после десятилетки) — поступает в 1-й Ленинградский институт иностранных языков, а вечерами играет на трубе в театре Оперы и балета им С. М. Кирова — в оркестре с лучшими музыкантами театра.

Поступив после института в аспирантуру, Анатолий Митрофанович в 1953 году успешно защищает кандидатскую диссер-

тацию и решает посвятить свою жизнь лингвистике. Первая из его монографий «Функциональный анализ синтаксических элементов» (М.; Л.: Наука, 1964) была защищена им в качестве докторской диссертации по специальности «Германские языки» в Ленинградском государственном университете в 1965 г.

Многие годы работал в ИЛИ РАН. Последние годы жизни был ведущим научным сотрудником в отделе теории грамматики, возглавляя проблемную группу лингвистического и лингвотипологического анализа. Специалист по английскому языку; постоянный участник проектов ИЛИ РАН, автор десяти монографий: «Функциональный анализ синтаксических элементов (на материале древнеанглийского языка)» (1964), «Структура предложений и их модели» (1968), «Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы» (1976), «Синтаксемный анализ и проблема уровней языка» (1980), «Системные отношения переходных глагольных лексем (на материале английского и русского языков)» (1987), «Вариантность синтаксических единиц» (1995), «Функциональный синтаксис» (1999), «Морфологические категории и функциональный синтаксис» (2002), «Эксперимент и моделирование в лингвистике. Структурный синтаксис предложений» (2004), «Функциональный синтаксис. Функциональная лексикология. Функциональная морфология» (2007). Под его руководством были защищены многочисленные диссертационные исследования.

Награды: медаль «За боевые заслуги» (1944 г.), медаль «За оборону Кавказа» (1945), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; в 1985 г. был награжден Орденом Отечественной войны II степени.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 816.
Сайт ИЛИ РАН.
Сайт «Память народа».
Личная страница А. М. Мухина в «Живом журнале» https://muhin-am.livejournal.com/.

Полина Ивановна ПАВЛЕНКО (1919–?)

Полина Ивановна Павленко родилась в 1919 году в селе Георгиевка Жарминского района Семипалатинской области Казахской ССР. В 1938 году она поступила на филологический факультет ЛГУ, но учеба была прервана войной.

26 июня 1941 года была призвана Петроградским РВК по военно-учетной специальности «Медсестра» (из общежития ЛГУ по адресу: пр. Добролюбова дом 6/2, к. 137).

В 1941–1942 гг. Полина Ивановна служила медсестрой в полевом подвижном госпитале на Ленинградском фронте.

В 1948 году после окончания университета была зачислена в аспирантуру Института языкознания АН СССР. В Словарном секторе ЛО ИЯ АН СССР трудилась с 1952 г., принимала участие в подготовке важнейших лексикографических трудов, в частности, являлась составителем «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах и «Словаря русского языка» в 4-х томах.

П. И. Павленко в 1973 г. защитила диссертацию на тему «Слова с приставкой *воз-* в русских народных говорах в сопоставлении с литературным языком». Автор статей, опубликованных в 1970-80 гг. в сб. «Диалектная лексика», посвященных приставочному словообразованию в русском литературном языке и в русских народных говорах.

В 1987 году Полина Ивановна Павленко была награждена Орденом Отечественной войны II степени.

Источники:

Архив ИЛИ РАН №117, 704.
Сайт ИЛИ РАН.
Интернет-портал «Память народа».

Владимир Михайлович ПАВЛОВ (1925–2011)

Владимир Михайлович Павлов родился 29 ноября 1925 г. в Одессе, с 1932 г. жил в Ленинграде, последние годы жизни провел в Гейдельберге.

В 1933–1941 гг. учился в средней школе № 216. В июне 1941 г. находился на каникулах в Одессе, откуда был эвакуирован в г. Майкоп с сотрудниками Одесского педагогического института, где работал его дед И. Д. Дуб. В 1942 г. завершил среднее образование и эвакуировался вместе с Одесским педагогическим институтом в г. Байрам-Али. С 1942 по 1943 гг. учился на факультете русского языка Одесского педагогического института, находившегося в эвакуации в г. Байрам-Али.

7 апреля 1943 года призван на военную службу, с апреля по август 1943 г. — курсант 51-ой школы младших авиаспециалистов. До января 1945 года он служил в качестве воздушного стрелка в 455 авиаполку, впоследствии преобразованном в 30-й гвардейский полк. 30 января 1945 г. вместе с экипажем оказался в лагере для военнопленных в г. Альтенграбов после вынужденной посадки из-за обледенения самолёта в районе Гданьска — Хойнице. Лагерь военнопленных советские войска освободили 4 мая, и В. М. Павлов с экипажем вышел в расположение советского командования. В 1945 г. служил рядовым в частях Советской оккупационной армии в Германии, затем — стрелком в 30-м гвардейском авиаполку, дислоцировавшемся в Польше. Демобилизован в декабре 1945 г. по состоянию здоровья в звании гвардии сержанта.

Вернувшись в Ленинград, Владимир Михайлович в январе 1946 г. поступил в Первый Ленинградский педагогический институт иностранных языков на факультет немецкого языка и

в 1949 г. с отличием окончил его. В 1956–1957 гг. прошел обучение в одногодичной аспирантуре при кафедре немецкого языка Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена, где в 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством В. Г. Адмони на тему «Развитие сложного существительного с первым компонентом существительным в немецком языке» (издана в двух частях см.: Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 190). С 1957 до 1963 г. работал в ЛГПИ им. А. И. Герцена старшим преподавателем, с 1960 г. — заведующим кафедрой германской филологии.

В 1963 г. перешел на работу в Институт языкознания АН СССР (Ленинградское отделение), сначала на должность ученого секретаря, с 1974 г. — на должность старшего научного сотрудника. В 1973 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Субстантивное словосложение в немецком языке».

В 1965–1996 гг. по плану Президиума АН СССР выезжал с чтением лекций в университеты и педагогические вузы Самарканда, Белгорода, Тулы, Вологды. Под научным руководством В. М. Павлова подготовлены 34 кандидатских и 5 докторских диссертаций.

В 1979–1996 гг. работал ведущим научным сотрудником отдела теории грамматики.

В 1996 г. уволился по собственному желанию и в 1997 г. переехал на постоянное место жительства в г. Вальдорф близ Гейдельберга (Германия). Активную научную деятельность не прекратил, занимаясь ею на общественных началах. С 2005 г. читал лекции по немецкому словообразованию в Университете г. Касселя, опубликовал немецкие переводы работ В. Г. Адмони, а также свои монографии “Die Deklination der Substantive im Deutschen”. Frankfurt a.M., 1995; ‘Deutsche Wortbildung im Spannungsfeld zwischen Lexikon und Syntax. Frankfurt a.M., 2009;

В. М. Павлов внес значительный вклад в германскую филологию и общую теорию языка. Его основные научные интересы лежали в области истории и теоретической грамматики немецкого языка, русского языка (безличные предложения, атрибутивные отношения), лингвистической методологии. В. М. Павлов — автор более 200 научных работ, в том числе семи монографий, посвященных сложным словам в немецком языке, полевым структурам в грамматике, проблемам соотношения синтаксиса и словообразования, проблемам философии языка.

В соавторстве с О. П. Орловой и Е. Е. Шавель выпустил учебник немецкого языка, выдержавший несколько изданий.

Источники:

Владимир Михайлович Павлов. Биобиблиографический очерк / Вступ. статья В. П. Беркова; Сост. Н. Л. Сухачев; Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005.

Общее и германское языкознание: к 50-летию научной деятельности профессора В. М. Павлова /Отв. ред. Н. Л. Сухачев СПб., 2007 (= Acta linguistica Petropolitana III, часть 1).

Сайт ИЛИ РАН.

В. М. Павлов. Германская филология и общее языкознание / Отв. ред. Н. Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2016.

Нина Павловна ПЕНЬКОВСКАЯ (1922 – после 1995)

Нина Павловна Пеньковская родилась в Петрограде в 1922 г. в семье служащих. В 1940 г. она окончила 10 классов ленинградской средней школы и поступила на первый курс Ленинградского гос. Педагогического института им. Герцена.

В самом начале Отечественной войны работала сандружинницей в эвакогоспитале в Ленинграде. После эвакуации ЛГПИ из города (декабрь 1941 г.) пошла учиться на курсы трактористов при сельхозтехникуме. Весной 1942 г., по окончании курсов, была направлена трактористкой на работу в Куйвазовскую МТС. Оттуда в июне месяце Пеньковская была мобилизована Парголовским райвоенкоматом в одну из частей Ленинградского фронта — рядовым красноармейцем.

С июня 1942 г. по март 1944 г. Н. П. Пеньковская служила в 60-м и 164-м артиллерийских полках 23 армии Ленинградского фронта, а с марта 1944 г. по апрель 1946 г. — на Краснознаменном Балтийском флоте (помощник уполномоченного отдела кадров: Таллин, Потсдам, Берлин).

В 1943 г. Н. П. Пеньковская была награждена медалью «За оборону Ленинграда»; в 1945 г. наркомом Военно-Морского флота — медалью «За боевые заслуги», а в 1946 г. — медалью «За победу над Германией».

После войны вернулась на литературный факультет ЛГПИ, окончила его в 1950 г. как преподаватель русского языка и литературы. В 1950–1951 гг. работала преподавателем русского

языка и литературы Струго-Красненской средней школы (Псковская область).

25 декабря 1953 г. Н. П. Пеньковская была зачислена научно-техническим сотрудником Института языкознания; с 1954 г. работала в должности старшего научно-технического сотрудника, с 1972 г. – младшего научного сотрудника (Большая картотека Словарного отдела). В 1975 г. Н. П. Пеньковская защитила кандидатскую диссертацию «Космическая лексика в русском литературном языке (на материале прессы 60–70-х гг.)». Занималась разработкой лексических материалов, их систематизацией, аннотированием и библиографированием лексикологических источников, работой по составлению Сводного словника словарей; вела работу с выборщиками, руководила практикой студентов иногородних учебных заведений. В списке печатных плановых и внеплановых научных работ значится около 20 позиций. В 1989 г. Н. П. Пеньковская уволилась в связи с выходом на пенсию.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 338.
Сайт ИЛИ РАН.

Сергей Семёнович ПЕРЕПЁЛКИН (1906–1941)

Сергей Семенович Перепёлкин родился в 1906 г. в селе Старое Мокшино Чистопольского уезда бывшей Казанской губернии в семье крестьянина. В 1917 г., окончив сельскую школу, поступил в Билярское училище, в 1919 г. перешел на Сундчелеевские Чувашские Педагогические курсы, которые не окончил из-за наступившего в 1921 г. в Поволжье голода.

С 1923 по 1926 гг. учился в Чистопольском Педагогическом техникуме, по окончании которого поехал работать на Урал в Нижне-Тагильский округ, село Никито-Ивдельское, где проработал учителем школы I ступени до 1929 г.

В 1929 г. поступил в Педагогический институт им. А. И. Герцена на литературное отделение. Закончив в 1932 г. институт, стал работать редактором учебников по русскому языку в Учпедгизе. Осенью 1932 г. поступил в аспирантуру Государственного института речевой культуры (ГИРК), переименованного впоследствии в ЛНИЯ[1]. В 1936 г. окончил обучение в аспирантуре по специальности «История русского языка и современный русский язык» и в том же году защитил диссертацию на тему «Происхождение русского союза “да”». Оппонентами на защите выступали Л. П. Якубинский и Б. А. Ларин.

С сентября 1936 г. зачислен научным сотрудником, а с сентября 1938 г. — старшим научным сотрудником Института языка и мышления АН СССР им. Н. Я. Марра в Кабинет современного русского языка. В связи с началом работ над второй частью нормативной грамматики русского языка был назначен председателем специальной редколлегии по синтаксису.

С июня 1937 г. работал одновременно в Ленинградском гос. педагогическом институте им. М. Н. Покровского в должности

---

[1] Ленинградский научно-исследовательский институт языковедения – научное учреждение в Ленинграде (1933–1937 гг.). Был создан решением Наркомпроса на основе сектора языка ликвидированного Государственного Института речевой культуры. Директором был назначен бывший ученый секретарь ГИРК Л. П. Якубинский.

преподавателя на кафедре русского языка, с января 1940 г. — в звании доцента.

Когда началась Великая Отечественная война, ушел на фронт добровольцем, призван Василеостровским РВК г. Ленинграда. Воевал на Ленинградском фронте. По данным портала «Память народа» пропал без вести в октябре 1941 г.

Из автобиографии:

Родился я в 1906 г. в бывшей Казанской губернии, Чистопольском уезде, Кривозерской волости, селе Старое Мокшино.

Отец мой Семен Васильевич Перепёлкин до 1901–02 гг. несколько лет был сельским мелким торговцем. Примерно в 1901–02 г. он бросает торговлю и уезжает в Сибирь на заработки и работает там проводником на железной дороге до 1907 г. В этот период он приехал домой и до 1922 г. (год смерти) занимался только сельским хозяйством.

Сколько-нибудь сознательная жизнь началась у меня с того момента, когда я уже начал учиться в сельской школе. Помню, что семья наша в этот момент жила вполне удовлетворительно, так как две сестры были сельскими учителями (Любовь и Евгения), жили дома и деньги отдавали семье. Хозяйство наше было середняцким и характеризовалось следующим: имелся дом с надворными постройками, надел земли на четыре души, одна лошадь, две коровы и 4–5 овец.

Сельскую школу я окончил в 1917 г. и поступил учиться в Билярское высшее начальное училище, переименованное впоследствии во вторую ступень, но не окончил и в 1919 г. перешел на Сундчелеевские Чувашские Педагогические курсы, которые также не окончил вследствие наступившего в 1921 г. в Поволжье голода. В 1922 г. после смерти отца и сестры (Евгении) семья осталась только в составе четырех человек: я, мать, две сестры. Братья (Николай и Александр) жили отдельно. В этот момент мы имели одну корову, 3–4 овцы и земельный надел на четыре едока, который засевали путем сдачи в обработку «исполу», т.е. на

половину урожая. В эти годы я поступил учиться в Чистопольский Педагогический техникум, где сразу же (1923) вступил в комсомол. В комсомоле за время учебы в техникуме я много и активно работал: был членом шефской комиссии, заворготделом Профкома, членом Бюро комсомольской ячейки, членом правления техникума, руководителем Политшколы. В 1925 г. вступил в партию.

В 1926 г. по окончании техникума уехал работать на Урал в Нижне-Тагильский округ, в Н.-Ивдельский район, село Н.-Ивдель, где и проработал учителем школы I ступени до 1929 г. В Н.-Ивделе как кандидат ВКП(б) и член ВЛКСМ нес следующую общественную работу: был членом редколлегии, секретарем комсомольской ячейки, руководил пионерработой и выполнял ряд периодических поручений.

В 1929 г. поступил учиться в Педагогический институт им. А. И. Герцена на литературное отделение. В Педвузе выполнял следующую общественную работу: два года был зав. учебно-производственной работой Профбюро Литературного отделения, руководил политзанятиями в группе, работал при парткоме 1 галошного завода «Красный треугольник», в 1932 г. руководил учебно-производственной работой Профкома, а в конце этого же года был зав. Литературного отделения.

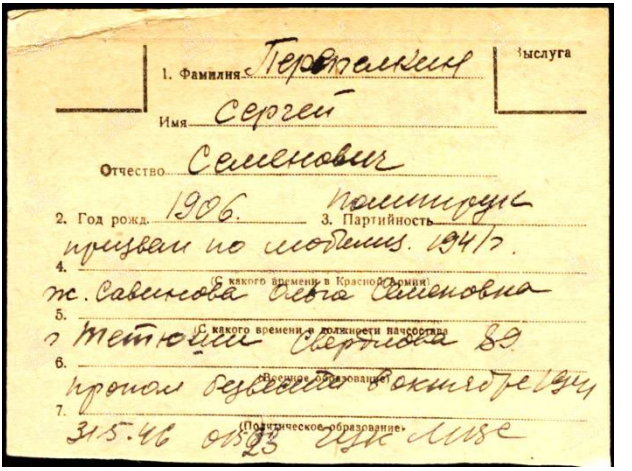
После окончания Педвуза им. А. И. Герцена работал редактором учебников по русскому языку в Учпедгизе. Осенью 1932 г. поступил в аспирантуру ГИРК, переименованного впоследствии в ЛНИЯ. Будучи аспирантом, в ЛНИЯ выполнял следующую общественную работу: 1) руководил учебно-производственной работой Месткома, 2) был председателем Месткома, 3) был профоргом, 4) работал редактором стенгазеты.

В 1936 г. окончил аспирантуру и защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук. В данный момент работаю ст.н.с. в ЛОЦИЯП.

19.01.1936.

В данный момент работаю ст. н. с. ИЯМ и преподавателем (в звании доцента) в Пед. институте им. Покровского.

10.04.1940. СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, № 400.

1. Фамилия Перепелкин
Имя Сергей
Отчество Семенович
Выслуга
2. Год рожд. 1906. 3. Партийность беспартийный
призван по мобилиз. 1941 г.
4. ж. Савинова Лева Семеновна
(С какого времени в Красной Армии)
5. г Тетюши Свердлова 89
(С какого времени в должности начсостава)
6. (Военное образование)
7. 31.5.46 (Политическое образование)

Источники:

Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения – Материалы всероссийской конференции, посвященной 60-летию победы в Великой отечественной войне / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., Наука, 2005.

Портал «Память народа».

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, № 400.

Валентин Петрович ПЕТУШКОВ (1911–?)

Валентин Петрович Петушков родился в 1911 г. в Царском селе Петербургской губернии. После окончания школы работал слесарем на заводе им. Я. М. Свердлова, потом на заводе им. В. И. Ленина, на судостроительном заводе им. С. Орджоникидзе. В 1933–1938 гг. проходил обучение на филологическом факультете Ленинградского государственного университета по специальности «русская литература», по окончании в 1938 г. ему была присвоена квалификация «литературовед-русист». Работал учителем в 13-й средней школе Невского района. В 1939–1941 гг. учился в аспирантуре ЛГПИ им. А. И. Герцена.

В начале Великой Отечественной войны был на комсомольской работе (в июне 1941 г. призван рядовым): зам. секретаря Петроградского РК ВЛКСМ, занимался комплектованием партизанских отрядов, комсомольских противопожарного и милицейского полков, санитарных дружин Красного Креста, был членом районной эвакокомиссии; вел военно-пропагандистскую работу; в 1942–1943 гг. — инструктор Ленинградского ОК ВЛКСМ, с 1942 г. являлся редактором спецпередач в Ленинградском радиокомитете.

С марта 1943 г. и до конца войны служил военным корреспондентом Ленинградского радиокомитета и Всесоюзного радио (вести с Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов), был редактором «Последних известий». С апреля по август 1945 г. находился в Германии как военный корреспондент от советского радиовещания, освещал события штурма Берлина. В Комитете радиоинформации работал до 1949 г.

Из книги А. И. Рубашкина «Голос Ленинграда. Ленинградское радио в дни блокады»:

«Ряд репортажей Любовь Спектор подготовила с корреспондентами радио В. Петушковым и Е. Поляковым. С первым на торпедных катерах она побывала на одном из островов Финского залива…».

Из той же книги: *«В августе* [1944 г.] *журналисты М. Блюмберг и В. Петушков провели репортаж «Перед открытием театрального занавеса». То был не первый театральный сезон в военном Ленинграде. Однако новый сезон никак не походил на прежние. Теперь спектакли не прерывались воздушной тревогой, снаряды не настигали зрителей возле дверей театра. Да и театров стало куда больше. Летом 1944 года приехал из эвакуации Театр оперы и балета имени С. М. Кирова, в начале июля в городе встретили коллектив Театра драмы имени А. С. Пушкина. Осенью в Ленинграде начались спектакли ТЮЗа и Малого оперного театра. Вместе с артистами БДТ и Театра музыкальной комедии теперь в городе работал большой отряд деятелей искусства, которые выступали перед ленинградцами, жившими в еще нелегких условиях войны. Возвращение ведущих театров позволяло шире приглашать на радио актеров разного профиля для выступлений у микрофона, но вместе с тем радиопостановки уже не могли иметь того значения, как в 1942-м, 1943-м и даже первой половине 1944 года. Это понимали и авторы репортажа о начале сезона, первого после снятия блокады. «Открытие театрального сезона. Правда, товарищ ленинградец, мы ходили с вами в театр и в прошлом, и в позапрошлом году. Мы смотрели на освещенную сцену и прислушивались к грохоту где-то на улицах разрывающихся снарядов». Репортаж велся из нескольких ленинградских театров. Говорили режиссеры, давался отрывок из пьесы А. Крона «Офицер флота», репетируемой в БДТ. Ведущий* [В. П. Петушков] *рассказывал о Театре музыкальной комедии: «Театр учил нас вновь улыбаться. Он был с нами все время: прошел все испытания, все невзгоды».*

В 1949–1951 гг. В. П. Петушков работал редактором Ленинградского отделения Гослитиздата.

С мая 1948 г. возобновил обучение в аспирантуре ЛГПИ (теперь заочной). Тема кандидатской диссертации — «Имена прилагательные в поэзии В. А. Жуковского (опыт стилистического анализа)» (научный руководитель — чл.-корр. С. Г. Бархударов). В мае 1951 г. в совете Ленинградского государственного педагогического института состоялась защита.

В 1951 г. был принят на работу в ЛО ИЯ АН СССР. Участвовал в составлении «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти тт., был редактором 17-го тома (1965). Является одним из авторов 4-х первых выпусков «Новое в русской лексике. Словарные материалы». Опубликовал ряд научных статей по вопросам изучения языка писателя, по вопросам терминологии, культуры речи, ряд рецензий; совместно с Е. А. Левашовым — книгу «Ленин и словари» (1975). Им подготовлены вступительные статьи и примечания к изданию произведений русских писателей.

Был награжден медалями: «За боевые заслуги» (от командования Балтфлота), «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Берлина».

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 341.
Сайт ИЛИ РАН: 1, 2.
Интернет-портал «Память народа».
Рубашкин А. И. Голос Ленинграда. Ленинградское радио в дни блокады. Л.: Петрополис, 1980.

Антон Петрович ПЫРЕРКА (1905–1941)

А. П. Пырерка
и Н. М. Терещенко

Антон Петрович Пырерка (ненецкое имя Сярати ‘будет около семьи, рода’) родился в декабре 1905 г. в семье бедного оленевода, кочевавшего в Большеземельской тундре. В шесть лет остался сиротой, был усыновлен оседлым ненцем Васькой, учившим его собирать милостыню, позже нашел приют у русского рыбака в д. Оксино, который устроил его в церковно-приходскую школу в с. Тельвиске.

Работал батраком у богатых оленеводов, в 1925 г. стал пастухом первого оленеводческого кооператива «Кочевник», учился на курсах оленеводов в Усть-Цильме.

В 1926–1931 гг. учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУВТ) в Москве. В период учебы в университете в 1929 г. А. П. Пырерка работал в организационной комиссии по созданию Ненецкого национального округа, затем был членом Ненецкого окружного исполкома. В том же году познакомился со своей будущей женой и коллегой Натальей Митрофановной Терещенко (1908–1987), работавшей учительницей в ненецкой школе в Тельвисочном.

В 1932 г. по направлению Комитета Севера[1] поступил в аспирантуру Института народов севера в Ленинграде, научный

[1] Комитет Севера (1924–1935) — Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК. В составе организации действовали комиссии: экономическая, политическая, хозяйственная и по другим сферам жизни. Комитет Севера упразднен в 1935 г., часть его

руководитель — Г. Н. Прокофьев (1897–1942)[2]. Обучаясь в аспирантуре, А. П. Пырерка занимался не только исследованием ненецкого языка, он также принимал деятельное участие в разработке и создании ненецкой письменности. В 1933 г. А. П. Пырерка был командирован в Ненецкий национальный округ для организации работы Комитета нового алфавита и переподготовки учителей ненецкого языка, а с октября 1936 г. он возглавил Комитет нового алфавита народов Севера.

В 1936 г. А. П. Пырерка был принят в Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР в кабинет языков народов Севера на должность младшего научного сотрудника. Он проработал в институте до начала Великой Отечественной войны.

В 1937 г., уже будучи сотрудником ИЯМ, он был уволен с работы и исключен из партии — «криминалом» оказалось создание ненецкой письменности на латинской основе. Благодаря усилиям его жены — Н. М. Терещенко, обратившейся с письмом к М. И. Калинину, А. П. Пырерка был восстановлен и на работе, и в партии.

Научная и научно-практическая деятельность А. П. Пырерки охватывает небольшой, но насыщенный событиями и достижениями период в неполные десять лет.

А. П. Пырерка — первый ненецкий ученый-филолог, писатель, переводчик и собиратель ненецкого фольклора.

В 1936 г. им подготовлена первая научная работа «Оленеводческая терминология ненцев». Он работал над составлением наиболее полного русско-ненецкого словаря объемом 15 000 слов. Часть этого материала была использована уже после смерти автора при составлении словаря для начальной ненецкой школы (1946) и Русско-ненецкого словаря (1948),

---

функций была передана Главному управлению Северного морского пути при СНК СССР.

[2] Г. Н. Прокофьев (1897–1942) — ученый-северовед, лингвист и этнограф, исследователь языков и создатель письменности самодийских народов, педагог (теоретик и практик). В 1921 г. в Северной промысловой экспедиции изучал жизнь, язык, культуру ненцев. Им составлены первый ненецкий букварь, первый самоучитель ненецкого языка, первые грамматические очерки ненецкого, селькупского, энецкого и нганасанского языков. О нем см. Т. Ю. Журавлева. Георгий Николаевич Прокофьев — создатель ненецкой письменности // Лингвистика в годы войны ... С. 193–196.

В период 1933–1940 гг. А. П. Пырерка три раза ездил в Малоземельскую и Большеземельскую тундры и на Ямал для сбора фольклорных материалов. Записал немало героических эпических сказаний, два вида которых он обозначил терминами «сюдбабц» и «ярабц». К началу 1941 г. он подготовил диссертацию на тему «Фольклор как исторический источник» с большим историко-этнографическим введением. Введение и большая часть собранных им материалов погибла в блокадном Ленинграде. Сохранившиеся материалы составляют около 20 п. л. ненецкого текста.

В 1935, 1936 и 1939 гг. им были изданы три фольклорных сборника сказок на ненецком языке.

Впервые перевел на ненецкий язык две сказки А. С. Пушкина — «Сказку о рыбаке и рыбке» и «Сказку о попе и работнике его Балде», и первую советскую конституцию.

В 1940 г. написал автобиографическую повесть «Вэдо нюдя ню» («Младший сын Вэдо»), получившую вторую премию на конкурсе художественных произведений на языках малочисленных народов Севера. Книга издана в Архангельске в 1960 г.

В июле 1941 г. А. П. Пырерка ушел добровольцем на фронт в действующую армию, воевал рядовым бойцом 10-й стрелковой дивизии, которая вела бои в районе Стрельны. Погиб осенью 1941 г. при обороне Петергофа. Точные время и место его смерти неизвестны, по официальным данным он считается без вести пропавшим.

Награда: Памятный знак «Народное ополчение Ленинграда», награжден посмертно 4 июля 1971 г.

Память:

В Нарьян-Маре в честь Антона Петровича Пырерки названа одна из улиц города.

Мемориальная доска памяти А. П. Пырерки на здании Ненецкой окружной библиотеки в г. Нарьян-Маре.

Ненецкая средняя общеобразовательная школа-интернат носит имя А. П. Пырерки.

Нарьян-Марское педагогическое училище, ныне – Нарьян-Марский социально-гуманитарный колледж назван в честь Антона Петровича Пырерки.

Источники:

Канев Ю. В. Антон Петрович Пырерка (штрихи к биографии) // Материалы научно-практической конференции «Ненецкая письменность и развитие национальных традиций народа». Нарьян-Мар, 2003.

Лебедева Е. П. Подготовка научных кадров из народностей Севера // Просвещение на советском Крайнем Севере. Л.: Учпедгиз, 1958.

Североведение и война: К 100-летию со дня рождения А. П. Пырерки // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005.

Талеева В. А. Пырерка Антон Петрович // Ученые-североведы : сборник био-библиографических очерков ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена ; [сост. Н. М. Артемьев ; редкол.: А. А. Петров (отв. ред) и др.].

Елизавета Артуровна РЕФЕРОВСКАЯ (1907–2004)

Елизавета Артуровна Реферовская родилась 22 мая 1907 г. в Иркутске в семье военного врача. Позднее семья переехала в Санкт-Петербург, где Елизавета Артуровна получила начальное и среднее образование. По окончании средней школы она поступила в Ленинградскую консерваторию, но из-за травмы рук перешла на филологический факультет Университета, который окончила в 1931 г. по специальности романские языки. В том же году она начала свою педагогическую деятельность, которая продолжалась 65 лет, сначала в должности ассистента кафедры иностранных языков ЛГУ, затем заведующего кафедрой и профессора.

Весной 1941 г. Елизавета Артуровна защитила кандидатскую диссертацию на тему «История сложного перфекта во французском языке», написанную под научным руководством акад. В. Ф. Шишмарёва.

С началом Великой Отечественной войны она вместе с отцом, работавшим в госпитале, и мужем, участвовавшим в работе над созданием знаменитой «катюши», осталась в блокадном Ленинграде. В 1941 г. она принимала участие в оборонительных работах и состояла в отряде ПВО Университета. С марта 1942 г. Е. А. служила вольнонаемной в качестве переводчика при 53901 воинской части Ленинградского фронта, а с июня 1943 г. выполняла обязанности старшего инспектора архивного отдела УНКВД ЛО в Ленинграде.

Среди документов, поступивших из освобожденных районов Ленинградской области (документы немецких штабов, военные приказы, материалы испанской «Голубой дивизии», письма, газеты), Е. А. обнаружила два плана минных полей в районе Петергофа и Гатчины, выезжала с саперами к минным полям, расшифровывала планы минирования местности на месте.

Елизавета Артуровна с детства владела немецким языком, а в годы войны, как она сама позднее вспоминала, «требовалось не предъявление диплома, а знание языка, умение читать и говорить на нем, понимать, когда говорят».

По окончании войны Елизавета Артуровна продолжила преподавать в Университете, не оставляя научные исследования. В 1956 г. она защитила в Ученом совете Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (с 1991 г. — Институт лингвистических исследований РАН) докторскую диссертацию на тему «Развитие категории залога во французском языке». В 1957 г. Е. А. Реферовской было присвоено ученое звание профессора.

В 1958 г. Е. А. Реферовская перешла на постоянную работу в ЛО ИЯ АН СССР, продолжая работать по совместительству профессором кафедры романской филологии в ЛГУ и в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена.

Круг научных интересов Е. А. Реферовской очень широк, он включает вопросы истории романских языков на ранних этапах их эволюции, теорию и историю французского языка, лингвистику текста и историю теоретического языкознания. Она автор 11 монографий, среди которых «Истоки аналитизма романских языков. Очерки по синтаксису раннесредневековой латыни» (1966), «Синтаксис современного французского языка. Сложное предложение» (1969), «Французский язык в Канаде» (1972), «Лингвистические исследования структуры текста» (1983), «Философия языка и грамматические теории во Франции» (1996). Ее «Теоретическая грамматика французского языка (на французском языке). Часть 1. Морфология и синтаксис частей речи», изданная в 1964 г., переиздавалась еще дважды — в 1973 и 1982 гг.

Е. А. Реферовская подготовила около 50 кандидатов наук. Ее научная и педагогическая деятельность получила международное признание. В 1960–1961 гг. она преподавала русский

язык в Сорбонне (Париж); в 1961 г. была избрана членом Парижского лингвистического общества.

Награды:

Медаль «За оборону Ленинграда» (03.06.1943), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орден Отечественной войны II степени (06.04. 1985), памятный знак «Защитнику Ленинградского неба 1942–1982 гг.».

Источники:

Сайт ИЛИ РАН.
Интернет-портал «Память народа».

Acta Romanica Petropolitana. I. Redactor A. Cherniak (= Acta linguistica Petropolitana — Труды Института лингвистических исследований РАН. Том I. Часть 2. Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб., 2003. Том посвящен 95-летнему юбилею Е. А. Реферовской, содержит библиографию трудов ученого, статьи ее учеников и последователей.

Попова-Велева, Иванка. В памет на Елизавета А. Реферовская (1907–2004) // Съпоставтително езикознание. Сопоставительное языкознание. Contrastive Linguistics. 2005. Т. LI, № 3. P. 158–159.

Александр Васильевич СЕМЕРИКОВ (1902–1968)

Александр Васильевич Семериков родился 16 марта 1902 г. в д. Заокатьевской Кировской области (бывш. Велико-Устюгский уезд Вологодской губ.) в семье бедняка. Учился в земском начальном училище, затем в Первой Советской Папуловской школе в селе Учки. В апреле 1919 г. был избран делегатом, и с 15 по 21 апреля принимал участие в I Всероссийском съезде коммунистов-учащихся в Москве.

В октябре 1919 г. А. В. Семериков ушел добровольцем на фронт в качестве бойца Красной Армии, был политработником. В октябре 1920 г. демобилизован и направлен в Петроград для получения профессионального образования. Здесь он окончил инструкторские курсы при Институте Внешкольного образования (позднее — Библиотечный институт им. Н. К. Крупской). По окончании курсов работал в Северо-Двинском губполитпросвете в качестве ответственного секретаря, затем — заведующим лекторским бюро.

В 1922–1924 гг. А. В. Семериков учился на рабфаке, по окончании которого поступил в Ленинградский политехнический институт имени М. И. Калинина. В 1930 г. закончил обучение в институте, получил специальность инженера-экономиста и в течение почти двух лет проработал на медно-чугунолитейном заводе (по распределению).

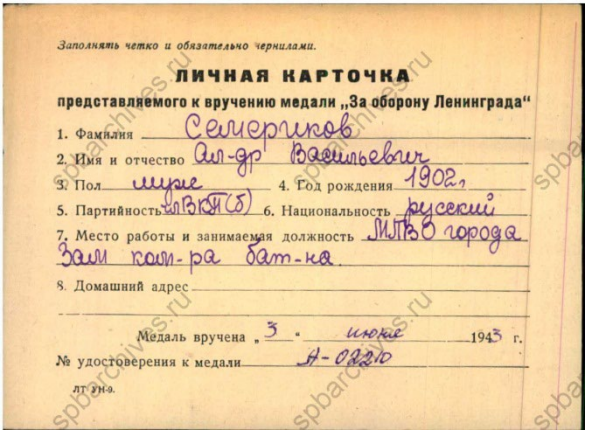
С ноября 1937 г. по февраль 1937 г. А. В. Семериков работал в научно-исследовательских институтах АН СССР и одновременно вел педагогическую работу в Ленинградской высшей коммунистической сельскохозяйственной школе. С февраля по июнь 1937 г. был помощником политредактора «Словаря русского языка». С сентября 1938 г. по 22 июня 1941 г. работал в

должности младшего научного сотрудника Словарного отдела Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР.

В июне 1941 г. был мобилизован в Красную армию, где пробыл до 7 января 1947 г. в войсках МВД: в 334 отд. гор. батальоне МПВО, 5 участок МПВО Куйбышевского р-на Ленинграда, был заместителем командира батальона.

После демобилизации распоряжением Президиума АН СССР в марте 1947 г. был восстановлен в должности младшего научного сотрудника Словарного отдела и назначен на должность заведующего Большой словарной картотекой. На этой должности он проработал до 1964 г. вплоть до ухода на пенсию. Его обширная статья «Из истории академической словарной картотеки» опубликована в книге «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка» (М., 1967. С. 281–316).

Награды: медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Заполнять четко и обязательно чернилами.

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА

представляемого к вручению медали „За оборону Ленинграда"

1. Фамилия Семериков
2. Имя и отчество Ал-др Васильевич
3. Пол муж. 4. Год рождения 1902
5. Партийность ВКП(б) 6. Национальность русский
7. Место работы и занимаемая должность МПВО города Зам ком-ра бат-на
8. Домашний адрес

Медаль вручена „3" июня 1943 г.

№ удостоверения к медали А-0220

лг 3№9.

Личная карточка представляемого к вручению медали.

Источники:

Рогожникова Р. П. Сокровищница русского слова. История Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2003.

Сайт POISK.RE.

Пётр Яковлевич СКОРИК (1906–1985)

Пётр Яковлевич Скорик родился в селе Лутовка Уссурийской области, станция Уссури (ныне город Лесозаводск Приморского края). Окончил Хабаровский педагогический техникум в 1928 г. и был направлен учителем в чукотский поселок Уэлен, где не только преподавал детям, но и создал при школе детскую косторезную мастерскую, а сам начал изучать чукотский язык.

В 1930 г. по путевке окружкома комсомола П. Я. Скорика отправили для получения высшего образования на Северное отделение Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Здесь он, в частности, участвовал вместе с Г. А. Тан-Богоразом в создании первого чукотского букваря «Челгыкалекал» — «Красная грамота».

На два года — с 1932-го по 1934-й — «был командирован на Чукотку по введению национальной письменности» и работал заместителем председателя Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦК НА) по Чукотскому Национальному Округу, создавал курсы по ликвидации неграмотности среди коренного населения в бухте Лаврентия и в Ванкареме, принимал участие в спасении челюскинцев.

В 1934 г. вернулся в Ленинград для продолжения учебы, был переведен из Ленинградского государственного педагогического института на филологический факультет Ленинградского государственного университета, который окончил с отличием в 1937 г. по специальности «чукотско-корякские языки» с присвоением квалификации лингвиста-коряковеда и был оставлен в аспирантуре (научный руководитель акад.

И. И. Мещанинов). Написанная им в 1937 г. диссертация в годы войны была утрачена. После аспирантуры он стал преподавателем чукотского языка в Институте народов Севера, автором русско-чукотского словаря и ряда учебников по изучению чукотского языка.

В июле 1941 г., был призван Смольнинским РВК г. Ленинграда. В звании лейтенанта служил командиром пулеметного взвода 2-го отдельного батальона Центрального фронта, а затем в 39-й Западной дивизии. Был тяжело ранен в боях за белорусское село Ганновка. Уволен со службы в ноябре 1945 г.

После увольнения в запас в ноябре 1945 г. он становится сотрудником Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР, продолжает исследование чукотского языка под руководством акад. И. И. Мещанинова и в том же году защищает кандидатскую диссертацию «Инкорпорация в чукотском языке», на основе которой подготовлена монография «Очерки по синтаксису чукотского языка: Инкорпорация» (Л., 1948).

В 1947 г. стал заведующим Кабинетом по изучению северных языков Сектора северных языков Института языка и мышления им Н. Я. Марра (с 1950 г. ЛО ИЯ АН СССР). В 1951 г. был назначен заведующим Сектором северных языков, а в 1957 г. — заведующим сектором палеоазиатских и самодийских языков ЛО ИЯ АН СССР. В 1962-м году стал доктором филологических наук.

В 1954–1956 годах совершил несколько экспедиций по Чукотке. В 1960-х годах стал одним из организаторов и ведущих авторов пятитомного труда «Языки народов СССР».

Более двух десятилетий, до выхода на пенсию 1981 г., Пётр Яковлевич бессменно возглавлял Сектор палеоазиатских языков и продолжал работать в ЛО Института языкознания АН СССР до своей смерти в 1985 г.

Пётр Яковлевич Скорик — автор свыше 100 печатных работ, в том числе учебников и учебных пособий для чукотских школ, а также переводов на чукотский язык художественной и другой литературы. Основным трудом остается двухтомная «Грамматика чукотского языка» (Ч. 1. Фонетика и морфология именных частей речи. Л., 1961; Ч. 2: Глагол, наречие, служебные слова. Л., 1977).

Петр Яковлевич Скорик был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и Орденом Красной Звезды.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 362, 363.

Сборник «Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения». СПб.: Наука, 2005.

Сайт ИЛИ РАН.

Сайт Публичной библиотеки им. Г. А. Тана-Богораза (Анадырь) https://library-chukotka.ru/calendar-famous-date/rodilsya-petr-skorik-1906-1985-lingvist-i-pedagog-doktor-filologicheskikh-nauk-professor-uchastnik-v/

Сайт «POISK.RE»: 1, 2.

Игорь Леонтьевич СНЕГИРЁВ (1907–1946)

Игорь Леонтьевич Снегирёв родился в Париже, в русской дворянской семье. Рано осиротел, воспитывался двоюродной сестрой. Из автобиографии И. Л. Снегирёва, составленной и подписанной им **в июне 1941 г.**:

«*...Среднее образование получил в Москве в 7-й опытно показательной школе М.О.Н.О. (девятилетке). По окончании школы в 1926 г. поступил на Этнологический факультет I МГУ. В Московском университете я состоял слушателем Историко-Археологического факультета и центром моего интереса к исследовательской направленности была История и Археология Древнего востока. Ввиду того, что в тот момент, как впрочем, и сейчас, Московский университет не располагал необходимыми для выбранной мной специальности руководителями, у которых я должен бы был получить нужную мне школу, я со II-го курса перевелся на факультет языка и материальной культуры ЛГУ. В Ленинградском университете я продолжил под руководством акад. В. В. Струве специализироваться в избранной мной специальности: в широком смысле в области Истории Древнего Востока, в более узком, в области египтологии. На III курсе мною были написаны мои первые исследовательские работы по истории материальной культуры Египта, из которых одна была напечатана в Сборнике студентов-выдвиженцев, а другая, по рекомендации акад. В. В. Струве, в английском журнале «Древний Египет». На четвертом курсе я продолжал исследовательскую работу и написал специальную работу по археологии древнейшего Египта, которая была напечатана в Сборнике Египтологического кружка ЛГУ. На этом же курсе я начал работать у акад. Н. Я. Марра и написал свою первую*

лингвистическую работу на материалах древнеегипетского языка, которая по заслушании в руководимом Н. Я. Марром «Секторе языка» Акад. Ист. Мат. культуры была им представлена и напечатала в «Докладах Академии Наук». С начала своей работы у акад. Н. Я. Марра я стал одновременно заниматься живыми африканскими языками. В 1930 г. окончил университет, как специалист в области истории и археологии Древнего Востока, уже — как египтолог. <.....>

В течение года после окончания Лен. университета занимался экскурсоводческой работой по антирелигиозной линии при Политпросвете Л.О.Н.О.

1-го февраля 1931 г. поступил сотрудником II разряда в Яфетический Институт Академии Наук (ныне Институт языка и мышления). В Институте, продолжая работать в области Древнего Востока, центром своей исследовательский работы сделал африканские языки. В плане этой работы я имел целый ряд командировок в Москву, где практически работал с приезжавшими негритянскими товарищами. 1-го февраля 1934 г. я был переведен в сотрудники 1-го разряда. 16 октября 1939 г. присуждена степень кандидата филологических наук на заседании Ученого Совета Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР на основании защиты диссертации на тему «Иностранные слова в современном языке зулу»[1]*. К настоящему дню я имею 37 печатных работ, преимущественно в изданиях Академии Наук.*

<.....> Моя семья состоит из жены Лидии Николаевны Мануйловой и дочери Татьяны (8 лет).

Ленинград 16 июня 1941 г. И. Снегирёв (подпись)».

(СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 476).

К автобиографии следует добавить, следующие факты: еще в студенческие годы И. Л. Снегирёв вместе с Б. Б. Пиотровским изучал и описывал додинастические египетские коллекции

[1] Голосование было единогласным (все 13 голосов «за») (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 476).

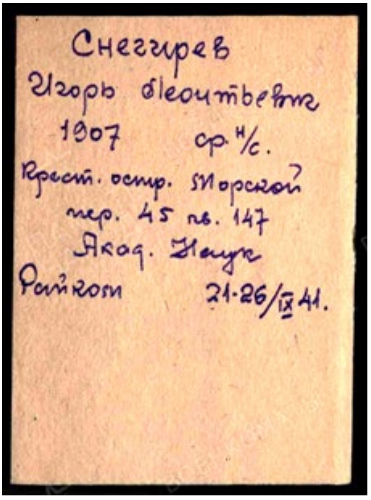
Эрмитажа, публиковал вместе с ним статьи; с 1931 г. И. Л. Снегирёв — научный сотрудник 1-го разряда Института языка и мышления АН СССР, где с 1934 г. входит в группу африканистов, изучает языки банту и социально-экономические проблемы колониальных стран Африки. С марта 1934 г. совмещал работу как внештатный сотрудник Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). Доцент исторического факультета ЛГУ. Будучи принятым на работу в Яфетический институт, возглавил в нём «бригаду по изучению языков колониальных и полуколониальных стран эпохи империализма». Что касается изучения живого зулусского языка, о котором он сам упоминал в автобиографии, то в начале 30-ых гг., часто бывая у своих родственников в Москве, учился языку прямо у его носителей — первых немногочисленных африканских студентов. Это были учащиеся закрытой, секретной части одного из коминтерновских университетов. В Москве было только несколько адресов, где им разрешалось бывать, и И. Л. Снегирёв, как африканист, добился такого разрешения для своей работы.

Его лингвистические статьи, помещенные в сборники «Africana», не прошли незамеченными в мировой африканистике, о них писали в британском журнале «Bantu Studies». В 1937 г. выходят две его до сих пор широко известные монографии: «Сказки Зулу. Izinganekwane» / Вступительная статья, перевод и примечания И. Л. Снегирёва. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937; «Древний Восток. Атлас по древней истории Египта, передней Азии, Индии и Китая» / Составил И. Л. Снегирёв, под ред. акад. В. В. Струве. Л.: Соцэкгиз, 1937. При его участии опубликована первая в СССР библиография африканских языков.

На январь 1941 г. Снегирёв числился в должности старшего научного сотрудника Кабинета африканских языков и секретарем этого подразделения. Проживал в Ленинграде по адресу: Крестовский остров, Константиновский проспект, дом 30, корпус 9, кв. 147.

По документам значится, что на 1941 год «военного образования И. Л. Снегирёв не имеет, состав его административный, группа старшая, разряд I, находится в запасе I очереди; категория должности — рядовой необученный» (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 476).

В июле 1941 г. добровольцем уходит на фронт. См. выписку из приказа № 55 по Институту от 10 июля 1941г.: «Полагать ушедшим в Красную Армию в качестве добровольцев следующих сотрудников ИЯМ'а и выплатить всем ушедшим в Красную Армию отпускные, исходя из количества проработанных месяцев. <…> № 11 Снегирёв Игорь Леонтьевич с 1/II 41 г. по 1/II 42 г. полаг. отпуск 48 рабоч. дней».

Снегирев
Игорь Леонтьевич
1907 ср. н/с.
Крест. остр. Морской
пер. 45 кв. 147
Якоб. Наук
Райком 21.26/IX 41.

Призван 21 сентября 1941 г. Василеостровским РВК в качестве старшего инструктора политотдела 191-й стрелковой дивизии («инструктор по работе среди войск и населения противника»).

Выписка из приказа № 15 по Институту от 30 апреля 1942 г.: «Снять с зарплаты с 1 апреля 1942 г. следующих сотрудников Института, находящихся в Красной Армии и МПВО: № 1 Снегирёва, Игоря Леонтьевича, старшего научного сотрудника. Основание: Устное распоряжение нач. ЛАХУ тов. Федосеева, М. Е.».

Старший политрук И. Л. Снегирёв пропал без вести в июле 1942 г. на Волховском фронте в составе 8-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона; до 1945 г. находился в фашистском плену.

29 мая 1945 г. он был арестован отделом контрразведки СМЕРШ 4-й гвардейской армии и 3 октября 1946 г. военным трибуналом центральной группы войск приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с лишением воинского звания «старший политрук». Срок И. Л. Снегирёв отбывал в Севвостлаге[2], где умер 21 декабря 1946 г.

[2] Севвостлаг (Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь) — структурная единица системы исправительно-трудовых лагерей ОГПУ-НКВД-МВД СССР, существовавшая на территории «Дальстроя» (Северо-Восток СССР, Колымский край) как его производственное подразделение.

«*Еще через много лет дочь Снегирёва, Татьяна Игоревна, показала мне письма, которые ее мать получала от Игоря Леонтьевича в 1945 и 1946 гг., после того как его освободили из плена. Он строил планы своей научной деятельности. Прислал жене перечень работ, которые сдал в издательство до ухода в армию. Список внушительный: шестнадцать статьей. Для «Всемирной истории» две статьи по истории Эфиопии и четыре — по Древнему Востоку. Статьи для «Истории культуры» и главы для многотомника «Народы мира». Статьи «Бушмены» и «Суто». Сообщал, что получает письма от коллег и что Д. А. Ольдерогге ходатайствует для него о месте старшего научного сотрудника в Институте этнографии, а академик Струве, тогда директор Института востоковедения, хочет видеть его в своем институте.*

26 июня 1946 г. написал: «Возможно, что в ближайшее время будет решен вопрос о моей демобилизации». Но это было последнее письмо. Как и другие — с обратным адресом: «полевая почта…». А потом — слухи. Позже — известие, что осужден по 58-й статье. Еще позднее — скончался в декабре 1946-го «от разрыва сердца». Судьбы многих, кому удалось пережить плен.

Я расспрашивал о Снегирёве тех, с кем он учился или работал: Бориса Борисовича Пиотровского, Дмитрия Алексеевича Ольдерогге, Михаила Александровича Коростовцева. Они понимали, что он ни в чем не виновен. Останься он жив, уверяли они, его ожидало бы блестящее будущее. Ведь в 1941 году, когда он ушел в армию, ему было всего 34 года. А Струве, с которым Снегирёв тесно сотрудничал, сказал просто: «Я его очень любил» (Давидсон 2003: 150).

Издано около 40 работ И. Л. Снегирёва, из них 3 раздела в учебниках по истории. Рукописи многих его работ пропали, статьи, которые он написал до войны, так и не вышли из печати.

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 476.

Давидсон А. Б. Становление отечественной африканистики: 1920-е – начало 1960-х. М.: Наука¸ 2003. С. 147–151.

Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга, Европейский Дом, Европейский Университет в Санкт-Петербурге, 1995. С. 419, 420, 745.

Люди и Судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 356–357. https://memory.pvost.org/pages/snegirev.html

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Милибанд С. Д. Востоковеды России. XX – начало XXI в. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М.: «Восточная литература», 2008. Том II (Н–Я). С. 378.

Интернет-портал «Память народа»: 1, 2, 3.

Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. СПб.: Наука, 1995. С. 46, 72.

Фёдор Павлович СОРОКОЛЕТОВ (1924–2008)

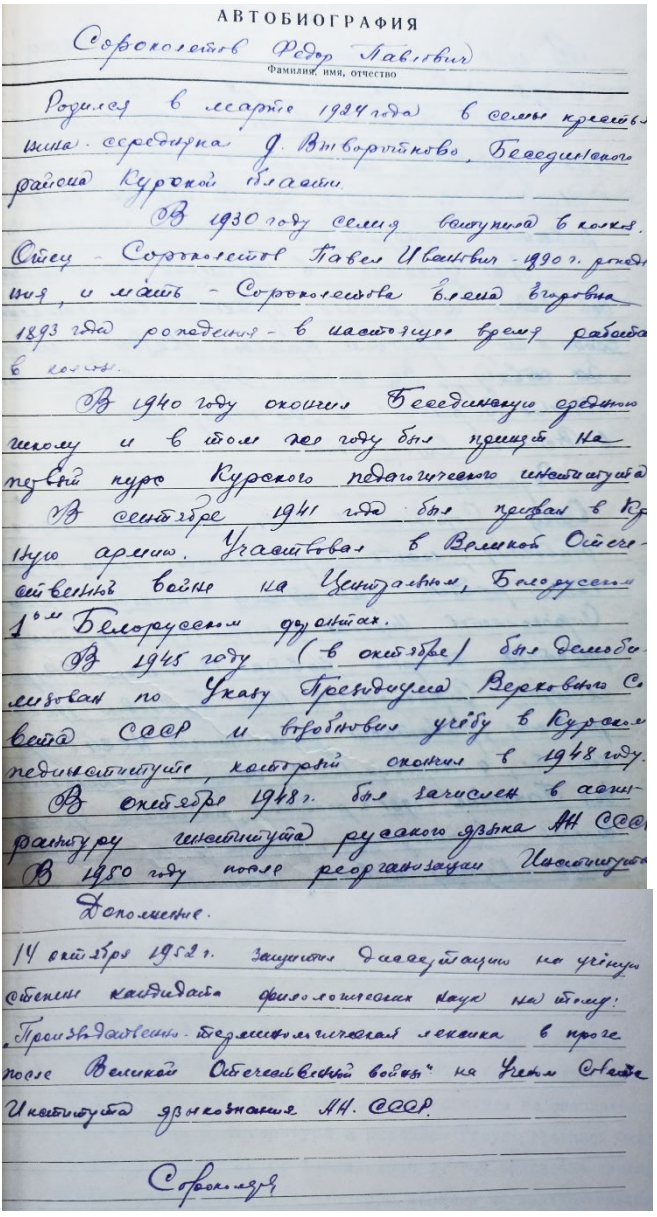

Фёдор Павлович Сороколетов родился в 1924 г. в деревне Выворотново Бесединского района Курской области в семье крестьянина-середняка. В 1940 г. закончил среднюю школу и был принят на первый курс Курского педагогического института (факультет языка и литературы).

В сентябре 1941 г., по окончании первого курса, он был призван в Красную армию в качестве танкиста. Участвовал в Великой Отечественной войне на Центральном, Белорусском и Первом Белорусском фронтах. Был командиром танкового орудия 23-й танковой бригады в составе 9-го Бобруйско-Берлинского отдельного Краснознаменного, ордена Суворова II степени танкового корпуса. В своем танке Ф. П. Сороколетов прошел от Курской дуги через Белоруссию, Польшу, Зееловские высоты, участвовал в самом штурме Берлина. Был участником Парада Победы в Москве в 1945 г.

Старший брат Федора Павловича, Сороколетов Александр Павлович, погиб на фронте в 1942 г.

В октябре 1945 г. Сороколетов был демобилизован и возобновил обучение в Курском педагогическом институте, который окончил с отличием в 1948 г. В октябре 1948 г. был зачислен в аспирантуру Института русского языка АН СССР, в 1950 г., после реорганизации институтов, продолжил учебу в аспирантуре Института языка и мышления им. Н. Я. Марра.

АВТОБИОГРАФИЯ

Сорокопятов Федор Павлович
Фамилия, имя, отчество

Родился в марте 1924 года в семье крестьянина-середняка д. Вторчермково, Бесединского района Курской области.

В 1930 году семья вступила в колхоз. Отец – Сорокопятов Павел Иванович – 1890 г. рождения, и мать – Сорокопятова Елена Егоровна 1893 года рождения – в настоящее время работают в колхозе.

В 1940 году окончил Бесединскую среднюю школу и в этом же году был принят на первый курс Курского педагогического института.

В сентябре 1941 года был призван в Красную армию. Участвовал в Великой Отечественной войне на Центральном, Белорусском 1-м Белорусском фронтах.

В 1945 году (в октябре) был демобилизован по Указу Президиума Верховного Совета СССР и возобновил учебу в Курском педагогическом институте, который окончил в 1948 году.

В октябре 1948 г. был зачислен в аспирантуру института русского языка АН СССР.

В 1950 году после реорганизации Института

Дополнение.

14 октября 1952 г. защитил диссертацию на ученую степень кандидата филологических наук на тему: „Производственно-терминологическая лексика в прозе после Великой Отечественной войны" на Ученом Совете Института языкознания АН СССР.

Сорокопятов

В 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Производственно-терминологическая лексика в прозе после Великой Отечественной войны». С сентября 1952 г. — млад-

ший научный сотрудник Института языкознания АН СССР. В 1962 г. ему было присвоено звание старшего научного сотрудника (равное доценту). В 1970 г. вышла в свет монография Ф. П. Сороколетова «История военной лексики в русском языке XI–XVII вв.», защищенная в 1971 г. в качестве докторской диссертации.

С 1964 г. он возглавлял коллектив «Словаря русских народных говоров», а после смерти чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина являлся главным редактором этого словаря. С 1969 г. по 1989 г. Ф. П. Сороколетов — заведующий Словарным отделом Института русского языка АН СССР в Ленинграде, а в 2001–2004 гг. — заведующий словарным сектором ИЛИ РАН. В 1984 г. ему было присвоено ученое звание профессора, а с 1988 г. Ф. П. Сороколетов становится главным научным сотрудником института — должность, которую он занимал 20 лет вплоть до своей кончины 20 декабря 2008 г.

Ф. П. Сороколетов автор 385 опубликованных научных работ, в том числе монографий «Общая и учебная лексикография», «Очерки по русской диалектной лексикографии», а также автор проблемных статьей и крупных разделов коллективных трудов. Ф. П. Сороколетов — один из основных составителей «Словаря современного русского литературного языка» (в 17 тт.), редактор 7 и 13 тома, был главным редактором Словаря русских народных говоров с 24 тома. По инициативе Ф. П. Сороколетова и под его руководством в отделе была развернута работа по теоретическому изучению лексики русских народных говоров, результатом чего явилась серия коллективных монографий под общим названием «Диалектная лексика».

За свою плодотворную научную деятельность Федор Павлович был награжден орденом «Знак почета». В двухсотый юбилей В. И. Даля (2001 г.) Российская государственная библиотека наградила Ф. П. Сороколетова Далевской медалью «За вклад в русскую культуру».

За участие в Великой Отечественной войне, а также дальнейший доблестный труд Федор Павлович Сороколетов был награжден: орденом «Отечественной войны» II степени, орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За

победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд, в ознаменование столетия со дня рождения В. И. Ленина», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Пятьдесят лет Советской Армии», «Шестьдесят лет Советской Армии», «250 лет Ленинграду».

Источники:

Архив ИЛИ РАН (дело б/н).

Крылова О. Н., Мызников С. А. К 100-летию Федора Павловича Сороколетова // Диалектная лексика — 2024 (К 100-летию со дня рождения Ф. П. Сороколетова) / отв. ред. О. Н. Крылова, С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 6–10.

Колесов В. В. Труды и дни Ф. П. Сороколетова // Ф. П. Сороколетов. Избранные труды. СПб: Наука. 2011. С. 17–27.

Кузнецова О. Д. Жизненный и творческий путь профессора Ф. П. Сороколетова // Ф. П. Сороколетов. Избранные труды. СПб: Наука, 2011. С. 5–15.

Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Федора Павловича Сороколетова. 22-24 апреля 2024 г. / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 6–7.

Орест Петрович СУНИК
(1912–1988)

Орест Петрович Суник родился в Петербурге, в 1932 г. поступил на Северный цикл языковедческого отделения Ленинградского Института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), реорганизованного в 1937 г. в филологический факультет Ленинградского государственного университета. По окончании филологического факультета (так в автобиографии, в копии диплома указан «лингвистический факультет») по специальности «тунгусо-маньчжурские языки» с присвоением квалификации лингвиста-маньчжуроведа был оставлен там же в аспирантуре по специальности «тунгусо-маньчжурские языки» (научный руководитель — акад. И. И. Мещанинов). Уже в эти годы выпустил ряд учебников и статей. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию, вышедшую в 1947 г. в виде книги «Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков» (Л.: Учпедгиз, 1947).

После первой тяжелой блокадной зимы с апреля 1942 г. штат Института языка и мышления АН СССР стал пополняться новыми сотрудниками. Первым из них приказом № 12 на должность старшего научного сотрудника Кабинета северных языков был зачислен Орест Петрович Суник. До того времени (осень 1941 — весна 1942) он работал («по обстоятельствам военного времени», как он пишет в своей автобиографии) сменным мастером на оборонном заводе № 523. Факт зачисления О. П. Суника в ИЯМ никак не отражен в его личном деле. Приступить к работе он не успел, так как был мобилизован и отправлен в распоряжение Управления военно-восстановительных

работ Ленинградского фронта и приказом от 15 апреля отчислен из ИЯМ «как не приступивший к работе».

В 1942–1944 гг. в составе ремонтно-восстановительного поезда Управления Военно-восстановительных и заградительных работ Ленинградского фронта принимал участие в строительстве свайно-ледовой переправы через Ладожское озеро. После прорыва блокады Ленинграда работал на строительстве мостов через Неву в районе Шлиссельбурга, восстанавливал мосты через реку Волхов.

После демобилизации он вновь зачислен в ИЯМ 1 августа 1945 г. как «вернувшийся из Красной Армии».

По архивным документам на 1 ноября 1945 г. к.ф.н. О. П. Суник числится в Отделе языков народов Севера старшим научным сотрудником, а в 1947-м году постановлением Президиума АН СССР ему было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «тунгусо-маньчжурские языки». В 1947 вышла его монография «Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Посессивный строй предложения». Занимался языком нанайцев на р. Ку́ре, ср. монографию «Кур-урмийский диалект» (1957). Монография «Общая теория частей речи» (1966), и «Проблема агглютинации в алтайских языках» (1960), «Ульчский язык: исследования и материалы» (1985). На протяжении 30 лет, с 1958 года, был заведующим Сектором алтайских языков. С этой должности он ушел в 1988-м году, всего за полгода до смерти.

В 1962 году он опубликовал монографию «Глагол в тунгусо-маньчжурских языках», которую защитил как докторскую диссертацию в 1963 г. (научный консультант — акад. Н. И. Конрад).

О. П. Суник был вовлечен в работу по созданию письменности на тунгусо-маньчжурских языках: он является автором ряда букварей и учебников для нанайской школы, редактором учебной и переводной литературы на нанайском, создателем ульчского алфавита. Всего им опубликовано более 120 работ.

Орест Петрович Суник был награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», памятным знаком «Участник дороги жизни».

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 371.

Милибанд С. Д. Востоковеды России. XX – начало XXI в. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М.: «Восточная литература», 2008. Том II (Н–Я). С. 436.

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Сайт ИЛИ РАН.

Азан ТАИМОВ
(1908- ?)

Азан Таимов родился в 1908 году на полуострове Мангышлак (форт Александров) в очень бедной многодетной семье дехкан.

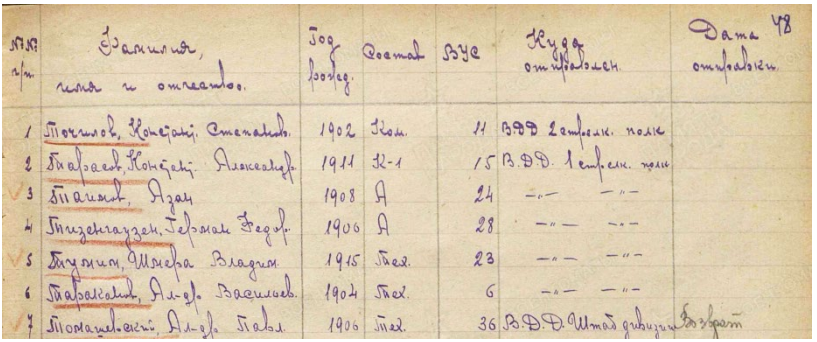
В 1917 г. вместе со своим племенем ходжа переселился в Туркмению, с раннего детства работал наемным пастухом, преимущественно только за питание. В 1920 г., когда ему было уже 12 лет, начал учиться в аульской вечерней школе и уже через три года, в 1923 году, поступил в «Туркменский институт просвещения» в г. Мары, окончил его уже в Ташкенте в 1928 г. В 1929 г. работал в Красноводске преподавателем туркменского языка и литературы. В 1929–1932 гг. учится на литературно-лингвистическом факультете Педагогического института в Ташкенте и одновременно работает в Туркменском педтехникуме и в Среднеазиатском Коммунистическом университете. Окончив обучение с квалификацией «педагога литератора-лингвиста», переезжает в г. Байрам-Али и затем в течение 10 лет меняет несколько мест работы: Туркменский хлопковый институт, Комвуз г. Ашхабада, Научно-исследовательский институт педагогики в Ашхабаде (научный сотрудник в секторе средних школ), литературный журнал «Совет эдебияты» (литературный сотрудник), сектор литературы Туркменского государственного научно-исследовательского института истории, языка и литературы (старший научный сотрудник), по совместительству — зав. литчастью в Туркменском государственном театре, педагог по туркменскому языку в Педагогическом институте г. Ашхабада.

В 1941 г. Азан Таимов был командирован Туркменским филиалом АН СССР в Ленинград и 19 марта 1941 г. зачислен «курсантом» (со стипендией 400 р. в месяц) на курсы по подготовке в аспирантуру Института языка и мышления им. Н. Я. Марра. Проживал в общежитии Академии наук по адресу: ул. Петрозаводская, дом 7б (СПбФ АРАН. Ф.77, оп. 5, д. 482).

В приказе ИЯМ от 10 июля среди перечисленных 15-ти сотрудников, значащихся как «ушедшие в Красную Армию

в качестве добровольцев», под № 12 есть и имя Азана Таимова.

По спискам призыва и демобилизации, известно, что он был призван Василеостровским РВК, однако, по всей видимости, был прикомандирован по месту прописки в Приморский РВК.

№ п/п	Фамилия, имя и отчество.	Год рожд.	Состав	Вус	Куда отправлен.	Дата отправки.
1	Тютнов, Конст. Степанов.	1902	Ком.	11	В.Д.Д. 2 стр. полк	48
2	Шварев, Конст. Алексеевич	1911	Ст-1	15	В.Д.Д. 1 стр. полк	
3	Таимов, Азан	1908	А	24	-"-	-"-
4	Гинзенгазен, Герман Федор.	1906	А	28	-"-	-"-
5	Бутягин, Инженер Владим.	1915	Тех.	23	-"-	-"-
6	Тарасевич, Ал-др Василиев.	1904	Тех.	6	-"-	-"-
7	Томашевский, Ал-др Павл.	1906	Тех.	36	В.Д.Д. Штаб дивизии	Возврат

30 июля 1941 г. А. Таимов получил справку из Приморского райвоенкомата о том, что он находился в рядах армии Народного ополчения с 4 июля 1941 г. по 29 июля 1941 г. и 30 июля 1941 г. направлен по месту работы, т.е. возвращен в ИЯМ. 1 августа 1941 г. Таимов пишет заявление в дирекцию Института: «Как вам известно, я выразил желание пойти добровольцем в ряды Народного ополчения, но в настоящее время освобожден из рядов Народного ополчения с зачислением меня в резерв. Прошу разрешить мне работать в Туркменском Филиале АН СССР, в Ашхабаде, оставляя меня в ИЯМ'е аспирантом. А. Таимов. 1/VIII 1941 г.»

14 августа 1941 г. Таимову выдается удостоверение, подписанное директором академиком Мещаниновым и ученым секретарем Быховской: «Дано Институтом языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР курсанту тов. Таимову, Азиму в том, что он с 15-го августа 1941 года снимается со стипендии в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра и направляется в распоряжение Туркменского филиала Академии наук СССР для использования по специальности».

15 мая 1942 г. Азан Таимов призван на военную службу в звании лейтенанта Ашхабадским РВК. Последнее место

службы — 332 стрелковая дивизия, выбыл из армии 21 июля 1945 г. из эвакогоспиталя 1734[1].

30 мая 1945 г. лейтенант Таимов Азан — зам. редактора дивизионной газеты 332 стрелковой дивизии — награжден орденом «Отечественной войны первой степени»[2].

После войны восстанавливаться в аспирантуре Института не стал, но продолжил свою научную деятельность в Туркмении. См., например, его статьи: Таимов А. О языке романа Б. Кербабаева «Решающий шаг» // Труды Ин-та языка и литературы АН Туркм. ССР. 1956, с. 221–237; Таимов А. Рукопись с Мангышлака (О новом литературном варианте рукописи дастана «Довлетяр») // Памятники Туркменистана. 1968. № 2, с.11.

Источники:

СПбФ АРАН. Ф.77, оп. 005, д. 482.
Книга памяти блокадного Ленинграда.
Летопись журнальных статей. М.: Книга, 1969. Вып. 42. С. 169.
МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.
Интернет-портал «Память народа»: 1, 2, 3.

[1] https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_bolezn108806493
[2] https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie26175851/

Николай Иванович ТЕРЁШКИН (1913–1986)

Николай Иванович Терёшкин родился в деревне Согом Самаровского уезда Тобольской губернии (по военным документам: Омская обл., Остяко-Вогульский НО, Самаровский р-н, д. Вершинская) в семье рыбака и охотника ханты; осиротел в возрасте двух лет и выжил благодаря Ольге Алексеевне Рогиной, привезшей его в село Белогорье и заменившей ему мать. Позже был взят в услужение в дом богатого соплеменника. До 15 лет он был неграмотным, но когда в 1928 г. в Белогорье была построена школа, сбежал от хозяина и начал там учиться и, проявив недюжинные способности, за год освоил программу начальной школы, а за 2 года — курс шестилетки.

Затем Н. И. Терёшкин поступил в Тобольский педтехникум, на базе которого был в 1932 году создан Остякско-Вогульский педагогический техникум. Вместе с другими студентами-северянами он переехал из Тобольска в Остяко-Вогульск (ныне Ханты-Мансийск). В декабре 1935 года как лучший студент училища досрочно сдал экзамены за четвёртый курс и был назначен директором хантыйской начальной школы в посёлке Полноват, где работал преподавателем хантыйского языка.

Через год, в 1936 году, был направлен в Ленинградский институт народов Севера им. П. Г. Смидовича, где учился с 1936 по 1940 год. Тогда он серьёзно увлёкся филологией, начал изучать родственный хантыйскому венгерский язык, писать научные статьи. Под руководством работавшего в Советском Союзе в 1930-е гг. Вольфганга Штейница перевел на хантыйский язык повесть А. С. Пушкина «Станционный смотритель», опубликованную в 1937 году. По воспоминаниям сына учёного, Н. И. Терёшкин рассказывал о первом занятии по

хантыйскому языку, которое проводил Штейниц: «Николай прекрасно знал хантыйский язык и даже сам его преподавал. И он подумал, чему же ещё его может научить немецкий профессор в его родном хантыйском языке. Но когда профессор Штейниц взял мел и стал писать на доске по-хантыйски и объяснять грамматику — тут Николай понял, как много он ещё не знает и сколько надо ещё учиться, чтоб так преподавать. И потом, будучи уже известным ученым, Николай Иванович говорил: "Я — ханты. Для меня хантыйский язык родной. Но учился я хантыйскому языку у немецкого ученого Вольфганга Штейница"».

Окончив институт и осенью успешно сдав экзамены в аспирантуру, в октябре 1940 г. был призван Смольнинским РВК в армию. 22 июня 1941 года взвод под командованием младшего лейтенанта Н. И. Терёшкина был поднят по тревоге и направлен защищать подступы к Ленинграду. Николай Иванович служил в 47 гвардейском артиллерийском полку 21 стрелковой гвардейской дивизии Ленинградского фронта в артиллерийской разведке, где ему помогало свободное владение немецким языком.

13 марта 1944 г. под Нарвой младший лейтенант Н. И. Терёшкин получил тяжёлое осколочное ранение: одна из разорвавшихся рядом с ним бомб рассекла осколками правую сторону тела и ногу. Из тела врачи эвакогоспиталя №1012 (находившегося в стенах Исторического факультета ЛГУ) вытащили осколки, а ногу врачи не ампутировали только благодаря твердости и настойчивости Николая Ивановича. Так и носил он чуть не 40 осколков в правой ноге. 25 августа (по другим сведениям 10 октября) 1944 г. после продолжительного лечения в эвакогоспиталях (№ 2222 — Ленинград, Мечниковская больница и № 3080 — г. Вичуга Ивановская обл.) младший лейтенант Н. И. Терёшкин был демобилизован. По картотеке ранений — «выбыл в штаб МВО».

И тогда он отправился в Омск, куда был эвакуирован его родной Педагогический институт народов Севера, преподавал там хантыйский язык. После войны студенты северного отделения Омского пединститута были переведены в Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова. В том же году Н. И. Терёшкин поступил в аспирантуру ЛГУ по

специальности «угорские языки», после окончания которой был приглашён на работу в ЛО Института языкознания АН СССР и проработал в нём до выхода на пенсию. Параллельно преподавал и на Северном факультете Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

С 1947-го по 1956 год Н. И. Терёшкин совершил пять поездок на Обский Север, где изучал диалекты родного языка, подготовив первое описание их грамматического строя. Он первым дал обстоятельное описание восточной группы диалектов хантыйского языка: сургутского, ваховского, васюганского. В 1961 году в издательстве АН СССР вышел его научный труд «Очерки диалектов хантыйского языка» (ваховский диалект), а в 1968 году на основе богатого собственноручно собранного этнографического материала Н. И. Терёшкин защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук на тему «Ваховский диалект хантыйского языка». По поручению Министерства просвещения РСФСР он впервые составил буквари и методические пособия на ваховском и сургутском диалектах. Многие тексты хантыйского фольклора были им опубликованы, переведены на русский язык и использованы в учебной работе. По просьбе финно-угорского общества Финляндии сделал переводы нерасшифрованных текстов на иртышско-кондинском диалекте, записанных в конце XIX века финским учёным и специалистом по хантыйскому языку Карьялайненом.

Н. И. Терёшкин принимал участие в создании академических сборников «Языки народов СССР» (1966) и «Основы финно-угорского языкознания» (1974). Делом всей научно-исследовательской жизни учёного стало составление «Словаря хантыйских диалектов», выпуск которого начался в 1981 году в издательстве «Наука».

Н. И. Терёшкин награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Источники:

Архив ИЛИ № 372.

Каксин А. Д., Сенгепов А. М. Николай Иванович Терёшкин // Вестник угроведения: научно-теоретический и методический журнал. № 1. Ханты-Мансийск, 2005, с. 227–231.

Огрызко В. Североведы России: материалы к биографическому словарю. М.: Литературная Россия, 2007, с. 468–469.

Терёшкин С. Н. Н. И. Терёшкин — ученик В. Штейница // Вольфганг Штейниц — финно-угровед, исследователь хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2005, с. 21–25.

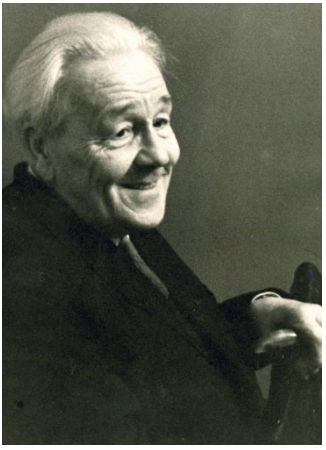
Энциклопедия «Югория» (Архивировано 03.07.2023).

Сайт «Коренные малочисленные народы Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» (материалы М. П. Вахрушевой, село Белогорье)

Интернет-портал «Память народа»: 1, 2.

Сайт Обско-угорского института прикладных исследований и разработок.

Лев Васильевич УСПЕНСКИЙ (1900–1978)

«Автобиография.

Родился в 1900 году в Петербурге на Бассейной улице (ныне Некрасова) в семье межевого инженера Василий Васильевича Успенского 27 января ст. стиля. Отец происходит из семьи мелкого банковского служащего г. Малоярославца, Калужской губернии. Предками последнего были лица из духовной среды (мой прадед — дьякон). <....> Отец с момента моего рождения и до революции служил по межевой части и кроме того очень много времени уделял педагогике (был профессором, а затем и редактором 1-х Петрогр. Политехнических курсов). После революции он с первых дней Октября работал сначала в Петроградской Гор. Думе, а затем явился одним из основателей Главн. Геодезического Упр-ия В.С.Н.Х, на работе в котором и скончался в декабре 1931 года. <....>

Моя биография сложилась в основном довольно просто. До 1918-го года я учился сначала в Выборгском Коммерческом училище (в Петербурге), затем в Петербургской же гимназии К. Мая. В 1918 году, окончив среднюю школу, я одновременно поступил в Лесной институт и начал практически работать как землемер-землеустроитель в Псковской губернии по социализации земель. В 1919 году (декабрь) был призван и сначала направлен по специальности на лесозаготовки, а затем, в мае 1920 года переброшен на польский фронт,

сначала в зап. бат. 10, затем в штадив 10-й стрелковой. С этой дивизией проделал Польский поход и борьбу с бандами Балаховича[1] *в июне-декабре 1920 г. Был легко ранен в руку и контужен снарядом в левый бок под Суражем на Нереве. В январе 1921 года откомандирован по декрету в тыл, как специалист земли и леса — в распоряжение Наркомзема и далее в одно лесничество Псковской губернии. Тут проработал товарищем лесничего до конца 1922 года, когда вновь зачислился в Лесной институт. Учебу совмещал с лекторской работой при Ленгубполитпросвете и частным исполнением заказов по черчению диаграмм для политпросветорганов.*

В январе 1925 года поступил на работу чертежником-художником в мастерскую Комвуза, а осенью того же года перешел на учение в гос. Институт Истории искусств, который окончил в 1929 году. В 1930 году зачислен аспирантом Гос. Инст. Речевой Культуры, каковую отбыл полностью в 1932 году. Одновременно работал в издательстве ВЦСПС, в секторе и комбинате наглядной агитации, в Аэро-музее Лен. Осовиахима как методист и, наконец, в Доме занимательной науки как один из его основателей и авторов.

С 1928 года начал печататься. В 1934–35 гг. стал постоянным сотрудником журналов «Чиж» и «Еж». С этих пор непрерывно занимаюсь литературным трудом, состоя ныне членом Союза Советских Писателей. <....> К настоящему времени список моих печатных трудов вырос настолько, что приводить здесь его перечень затруднительно. Упомяну лишь о книгах «Кот в самолете», «4 боевых подвига», «12 подвигов Геракла», «Пул-

[1] Станислав Никодимович Булак-Балахович (1882–1940) в феврале 1918 г. с разрешения Льва Троцкого сформировал партизанский конный полк в районе Луги, а в ноябре перешел с ним на сторону белогвардейских войск, совершал налеты на гарнизоны советских войск, летом 1919 г. участвовал в наступлении войск Н. Н. Юденича на Петроград. С августа 1919 года в чине генерал-майора был на военной службе Эстонии, затем в Польше.

ковский меридиан». Готовятся к печати «Золотое руно», а также большой роман «1916-й год». Число журнальных статей, в частности по вопросам военным, очень велико <....>. 1940 19/VII Писатель, член ССП [подпись]». (СПбФ РАН. Ф. 77, оп. 5, д. 436.)

Обучаясь на Высших курсах искусствоведения при Государственном институте истории искусств, Л. В. Успенский в 1925 г. опубликовал свою первую научную работу — «О русском языке эпохи революции». В этом институте обучался на словесном отделении и получил специальность «учитель литературы; переводчик». В 1930–1932 гг. Л. В. Успенский проходил аспирантуру Государственного института речевой культуры, был учеником, а позже коллегой по работе многих известных советских лингвистов: Б. А. Ларина, акад. Л. В. Щербы, чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова, под руководством которого преподавал русский язык в вузе, а также профессоров Л. П. Якубинского, А. П. Рифтина.

По архивным документам удается узнать, что в 1934 г. Л. В. Успенский был привлечен к работе Кабинета славянских языков и комиссии древнерусского словаря в ИЯМе. Разрабатывал темы: «Профессиональная лексика летчиков», «Источники XVII в. по охотничьему языку», «Охотничья терминология Московской Руси». С 1936 г. научный сотрудник 2-го разряда, затем и.о. старшего научного сотрудника Отдела древнерусского словаря (все годы — по договору) (МИ ИЛИ). В октябре 1940 г. от него поступает в ИЯМ заявление о зачислении штатным редактором в «Древнерусский словарь» «с неполной нагрузкой». Он был принят на работу исполняющим обязанности старшего научного сотрудника «с нормой выработки 1 авторский лист в месяц и обязательным посещением 15 часов в неделю». В феврале 1941 г. Успенский был переведен во временные штатные сотрудники института (со сдельной оплатой), а в мае 1941 г. в соответствии с приказом № 38 был переведен на работу по договору. После начала войны 15 октября 1941 г. «в связи с сокращением размеров финансирования» был отчислен из списочного состава как нештатный сотрудник (приказ № 91).

Л. В. Успенский был прекрасным популяризатором науки. В 1935–1936 годах Успенский работал в Доме занимательной

науки, одним из организатором которого он и был. Тогда же начал печататься в детских журналах «Чиж» и «Ёж», начал публиковать детские рассказы. С конца 1936 г. и до начала войны Л. В. Успенский заведовал научно-познавательным отделом журнала «Костёр». Тогда же написал две популярные книги по древнегреческой мифологии «12 подвигов Геракла» и «Золотое руно» (позднее книги вышли под общим названием «Мифы Древней Греции»). В 1939 году вступил в члены Союза писателей СССР. В том же году вышел в свет написанный им совместно с военным историком Г. Н. Караевым первый роман «Пулковский меридиан».

В 1940 г. Л. В. Успенский (с женой и двумя детьми) проживал по адресу: улица Красная (ныне вновь Галерная), дом 41, кв. 17.

23 июня 1941 года Л. В. Успенский был призван в армию и в звании интенданта 3 ранга флота получил направление в пос. Лебяжье, на Кронштадтские береговые посты. Больше года прослужил он в политотделе Ижорского укрепрайона, работая военным корреспондентом в редакции газеты «Боевой залп». В январе 1943 года вместе с В. В. Вишневским был командирован на правый берег Невы и стал очевидцем прорыва блокады между 12 и 25 января.

С сентября 1944 г. он находился в командировке на Дунайской флотилии, два месяца провёл на Балканах, в Румынии и Болгарии, следуя за наступающими частями Советской Армии. Осенью 1945 года он был демобилизован и вернулся в Ленинград.

После войны продолжил популяризаторскую деятельность. В 1954 году в «Детгизе» была впервые издана одна из самых известных его книг «Слово о словах». В 1955 году «Детгиз» выпустил роман «Шестидесятая параллель», написанный им в соавторстве с Г. Н. Караевым, о событиях Великой Отечественной войны и обороны Ленинграда в период от начала войны до весны 1942 года. В 1960 году в том же издательстве появилась его вторая филологическая книга «Ты и твоё имя». В это же время в соавторстве с К. Н. Шнейдер написал книгу по археологии «За семью печатями», изданную издательством «Молодая гвардия», и другие просветительские произведения.

В 1960-е годы Л. В. Успенский занимал должность председателя секции научно-художественной и научно-фантастической литературы Ленинградского отделения Союза писателей СССР, был членом редколлегии научно-художественного альманаха «Хочу всё знать», журнала «Костёр». Л. В. Успенский опубликовал автобиографическую книгу «Записки старого петербуржца», а в последние годы жизни работал над книгой рассказов «Записки старого скобаря»; из печати выходили его фантастические повести для юношества.

В ноябре 1942 г. Л. В. Успенский был награждён орденом Красной Звезды, в декабре 1942 г. — медалью «За оборону Ленинграда», а 9 мая 1945 г. медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». В марте 1970 года за заслуги в развитии советской литературы и в связи с 70-летием со дня рождения Л. В. Успенский был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 436 (личное дело), Ф. 222, оп. 2, д. 303 (личное дело).

Книга памяти блокадного Ленинграда: 1, 2.

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Федот Петрович ФИЛИН
(1908–1982)

Федот Петрович Филин родился в деревне Селино Тульской губернии в семье крестьянина-каменщика. После школы-семилетки окончил специальные курсы и принимал участие в ликбезе. Затем поступил сначала в Тульский педагогический техникум, а затем в 1928 году на отделение языка и литературы Второго МГУ, в 1930 г. преобразованного в Московский педагогический институт; окончил его в 1931 г.

По окончании института он был принят в аспирантуру ИЯМ. Научным руководителем был академик Н. Я. Марр, соруководителем — академик С. П. Обнорский. Ф. П. Филин уже тогда активно публиковался и участвовал в разгромной критике лингвистов, не связанных с «Новым учением», а также сторонников «Языкофронта», однако его собственно лингвистические работы 1930–1940-х годов, уже мало связанные с учением Марра, были выдержаны в ключе традиционной славистики.

Аспирантуру окончил 1 сентября 1936 г. Защитил диссертацию и сразу был зачислен в штат в качестве ст. н. с., где проработал до 3 июля 1941 г., возглавляя Кабинет диалектологии. В 1936 г. по плану Ф. П. Филина организуется экспедиция по собиранию материалов для атласа в район озера Селигер. По материалам этой экспедиции Федот Петрович совместно с М. Д. Мальцевым создают «Лингвистический атлас района озера Селигер» (опубликован в 1949 г.) — первый опыт картографирования диалектных особенностей определенного района. Под руководством Ф. П. Филина началась деятельность по подготовке «Атласа русского языка», прерванная войной.

Ф. П. Филин был избран секретарём партбюро Института языка и мышления им. Н. Я. Марра.

3 июля 1941 г. Филин ушел добровольцем на фронт в качестве политработника: сначала был отв. секретарем партбюро артиллерийского полка Василеостровской дивизии, затем старшим инструктором и лектором политотдела 42-й армии. В 1943 г. был назначен старшим инструктором 7-го отдела Политуправления Ленинградского фронта. Вёл пропаганду, в том числе среди военнопленных, готовил материалы для заседаний военного совета, имел воинское звание майор.

В наградном листе на орден Отечественной войны (июль 1945 г.) сказано: «Майор Филин Ф. П. участвовал в боях под Гатчиной, Красным Селом и Петергофом (в 1941 г.), под Ленинградом (в 1941–1944 гг.), под Псковом, на Карельском перешейке и в Эстонии (1944 г.). По заданиям Начальника Политуправления фронта систематически выезжал на передний край, организовывал звукопередачи, засылку военнопленных и оказывал помощь политорганам армий и дивизий. Показал себя, как авторитетный и дисциплинированный офицер. Проводил широкую информационную и пропагандистскую работу (обзоры, лекции, выступления в печати). На Курляндском участке Ленинградского фронта в апреле — мае 1945 г. находился в командировке в армиях и дивизиях, проводил засылку парламентёров в расположение противника, опрос пленных и составление информационных материалов. Проявил инициативу в работе, в боевой обстановке показал себя, как смелый офицер. Предан партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине».

В 1944 г. Ф. П. Филина отпустили с фронта на три дня для участия в диалектологической конференции в Вологде.

В марте 1946 г. Ф. П. Филин демобилизовался из армии по болезни и возглавил сектор диалектологии в ЛО Института русского языка АН СССР. В 1947 году защитил докторскую диссертацию на тему «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи», в 1949 году вышла одноимённая книга. В 1947 г. утвержден в учёном звании профессора, с 15 марта 1946 г. по 1 сентябрь 1947 г. работал старшим научным сотрудником ЛО Института русского языка АН СССР. С 1 сентября

1947 г. по 1 июля 1950 г. был заместителем директора Института русского языка АН СССР по Москве и Ленинграду, был профессором ЛГУ и ЛГПИ им. А. И. Герцена. В декабре 1949 г. был назначен Ученым Секретарем Президиума АН СССР. В 1950 г. «за серьезные ошибки марристского характера» был уволен с должностей и освобожден от педагогической работы, но продолжал работать в Институте языкознания АН СССР в должности старшего научного сотрудника.

В 1954 году возглавил Словарный сектор Института языкознания АН СССР и вошёл в редакцию 17-томного «Словаря современного русского литературного языка». В 1962 г. избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1964 г. он стал директором Института языкознания АН СССР, а с 1968 г. до конца жизни — Института русского языка АН СССР. Кроме того, он был главным редактором журнала «Вопросы языкознания» (с 1971 до кончины в 1982 г.). Работал над трудами в области истории русского языка, лексикологии и лексикографии. Один из составителей и председатель редколлегии «Словаря современного русского литературного языка», руководитель работы по составлению многотомного «Словаря русских народных говоров», который начал выходить в свет с 1965 г., а его Проект и 1-й том целиком были написаны Ф. П. Филиным. С 1974 г. под его редакцией выходил «Лексический атлас русских народных говоров».

Ф. П. Филин — автор ок. 300 научных трудов, посвященных разнообразным вопросам языкознания. Среди них 8 монографий: «Очерк истории русского языка до XIV столетия» (1940), «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» (1949), «Образование языка восточных славян» (1962) и др. Он лауреат Ленинской премии (за руководство о организацию работы над «Словарем современного русского литературного языка») и Пушкинской премии (за монографию «Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк» (1972).

Ф. П. Филин был награждён орденами Красной Звезды (30 июля 1944), Отечественной войны II степени (22 июля 1945), медалями «За оборону Ленинграда» (вручена 2 июня 1943), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945).

Научные заслуги Ф. П. Филина отмечены орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Знак Почета. В 1977 г. был избран почетным доктором Хельсинкского университета и Краковского (Ягеллонского) университета в 1978 г.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 382.

Иванов В. В., Трубачев О. Н. Федот Петрович Филин. [Некролог] // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 3–9.

Максимов В. И., Сороколетов Ф. П. Федот Петрович Филин: К 70-летию со дня рождения // Научные доклады Высшей школы. Филологические науки. 1978. № 1. С. 124–126.

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Сост. А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Памяти Федота Петровича Филина: к 100-летию со дня рождения. Ред. Г. А. Богатова и др. М.: Вагриус Плюс, 2006.

Сороколетов Ф. П. Федот Петрович Філін // Мовознавство. 1978. № 1. С. 28–32.

Протченко И. Ф. Федот Петрович Филин: К 70-летию со дня рождения // Русский язык в школе. 1978. № 1. С. 119–121.

Федот Петрович Филин / материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия литературы и языка Вып. 12, Вступит. статья Ф. П. Сороколетова и Г. И. Белозерцевой. М.: Наука, 1978.

Интернет-портал «Память народа».

Сайт Института языкознания РАН.

Борис Абрамович ЦИНМАН
(1907 – ?)

«Автобиография.

Я родился в 1907 г. в гор. Казани, в семье мелкого служащего. Моя мать была домохозяйкой. Братьев и сестер у меня не было. В настоящее время мой отец служит. Он — старший инспектор ЦУС НКПС[1] *по г. Ленинграду и Ленобласти. Мать — домохозяйка.*

В 1924 г. я окончил среднюю школу и начал работать в качестве культработника в Татарском областном Совете Профсоюзов. В 1926 г. я поступил в ВУЗ и в 1930 г. окончил его (Пединститут им. А. И. Герцена) по отделению языка и литературы. Во время летних каникул я работал в изыскательских партиях, в 1930 г. одновременно с окончанием института учился на курсах геофизиков-разведчиков. С 1930 года до 1934 г. я работал в геологических экспедициях. С 1934 по 1938 г. — литературным секретарем редакции газеты. Одновременно начал писать для журналов (библиограф. заметки) и читать лекции по нарядам Центр. Лектория. С осени 1938 г. я ушел из газеты, и моя основная работа была выборка для ДРС по июль 1939 г., когда был сокращен объем работ по выборке. Летом 1939 г. я поступил ст. преподавателем в Военно-морское политическое училище. В сентябре 1939 г. был мобилизован в Р.К.К.А., а 1-го дек. 1940 г. демобилизован. 15/I–1941. (подпись)»

(СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. № 444).

---

[1] Народный Комиссариат путей сообщения СССР.

После демобилизации Б. А. Цинман сразу обращается в ИЯМ. В личных документах имеется его заявление от 15 января 1941 г. о прикреплении штатным редактором в отдел Древнерусского словаря. С 16 января 1941 года его зачисляют «временно на 2 месяца (вместо больного мл. науч. сотр. ДРС Иссерлин Е. М.) на должность младшего научного сотрудника Древнерусского словаря с окладом 600 руб. в месяц». Однако Е. М. Иссерлин не смогла выйти на работу, и с 14 апреля 1941 г. Б. А. Цинман остается на ставке «впредь до восстановления ее трудоспособности». В июне 1941 г. ИЯМ составляет по запросу военкомата его характеристику:

«*Младший научный сотрудник Отдела древнерусского Словаря Института языка и мышления им. Н. Я. Марра Борис Абрамович Цинман за короткое время работы в Институте в качестве заместителя заболевшего сотрудника успел зарекомендовать себя как опытный лексикограф, как исполнительный и аккуратный работник с хорошими знаниями истории русского языка и русской культуры, а также как вполне дисциплинированный и отзывчивый товарищ.*

За /Директор Института (подпись: Быховская), Председатель Месткома (подпись: Кацнельсон)».

В конце приписка Цинмана о получении документа на руки 12 июня 1941 г. (СПбФ АРАН. Ф. № 77, оп. 5, д. № 444).

Б. А. Цинман был одним из трех сотрудников ИЯМ, мобилизованных в начале войны (МИ ИЛИ: 797). 23 июня 1941 г. в Институте выходит приказ № 48: «Согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22.VI–41г. о мобилизации военнообязанных увольняется в связи с мобилизацией в РККА тов. Цинман, Б. А. с 23.VI–41 г.»

Будучи призванным в 1941 г., он служил до декабря 1945 года военным переводчиком (старший лейтенант административной службы) в частях особого назначения (398 отдельный радиодивизион особого назначения) на Карельском и Ленинградском фронтах («Память народа»).

После демобилизации Б. А. Цинман преподавал в школе политработников милиции МВД СССР, а затем в Новгородском государственном педагогическом институте (НГПИ), одновре-

менно учился в заочной аспирантуре ЛГУ и защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук. В 1956–1963 годах работал в НГПИ старшим преподавателем кафедры истории, читал курс лекций по новой и новейшей истории стран Запада, США, Востока. Продолжил научную работу: изучал англо-египетские отношения в XIX в. в связи с проблемой Суэцкого канала, исследовал колониальную политику Германии, для чего получил разрешение на доступ к документам архива Министерства иностранных дел. Уволился из НГПИ в связи с переездом в Ленинград (Федорук 2016: 121, 125; 2019: 96; Корпоративный портал Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого).

За участие в Великой Отечественной войне Б. А. Цинман был награждён медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией».

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. № 77, оп. 5, д. № 444.

Корпоративный портал Новгородского государственного университет имени Ярослава Мудрого https://portal.novsu.ru/file/518888

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Интернет-портал «Память народа».

Федорук 2016 — Федорук Н. С. Исторический факультет Новгородского государственного педагогического института в 1950-е гг.: Профессорско-преподавательский состав // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Материалы Пятнадцатой научной конференции историков-архивистов. Отв. ред. Я. А. Васильев; Новгородское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российское общество историков-архивистов». Издательство: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2016. С. 118–128.

Федорук 2019 — Федорук Н. С. Деятельность кафедры истории Новгородского государственного педагогического института в конце 1950-х – начале 1960-х гг. // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Материалы Восемнадцатой научной конференции историков-архивистов. Отв. ред. Я. А. Васильев; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Новгородское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российское общество историков-архивистов». Издательство: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2019. С. 95–106.

Исаак Иосифович ЦУКЕРМАН (1909 –1998)

Исаак Иосифович Цукерман родился 28 апреля (9 мая) 1909 г. в Минске в семье учителя. В 1925 г. окончил в Минске семилетнюю школу, с 1925 по 1929 гг. работал по найму в частной металлообрабатывающей мастерской.

В 1929 г. приехал в Ленинград и до 1931 г. был токарем на заводах «Красный металлист» им. Котлякова. Осенью 1931 г. поступил на английское отделение ЛИФЛИ[1]. Поскольку занятия на английском отделении начинались зимой, нового студента временно направили на курдское отделение, что определило его дальнейшую судьбу.

На выбор будущего курдоведа повлияли его учителя — акад. И. А. Орбели (1887–1961) и будущий акад. Л. В. Щерба (1880–1944), которые «создавали в аудитории атмосферу романтического поиска и того счастья, которое дает человеку интеллектуальная находка». Руководителем практических занятий был курдский писатель Араб Шамилов[2].

---

[1] ЛИФЛИ — Ленинградский институт философии, лингвистики и истории. Гуманитарный вуз университетского типа, существовавший в Ленинграде с 1931 по 1937 гг. Был выделен из ЛГУ и, в конечном счете, снова с ним слит.

[2] Араб Шамоевич Шамилов (1897–1978) — специалист по языку, истории и культуре курдов, писатель (литературный псевдоним — Арабэ Шамо). В конце 1920-х годов совместно с Исааком Марогуловым разрабатывал курдский алфавит на латинской основе. В 1937 г. был репрессирован. После освобождения (1953) продолжил литературную деятельность. В 1967 г. А. Шамилову было присвоено звание Заслуженного деятеля культуры Армянской ССР.

Закончив обучение в 1934 г., Исаак Иосифович вплоть до 1940 г. работал ассистентом и позже старшим преподавателем ЛИФЛИ — филологического факультета ЛГУ, заведовал аспирантурой филфака. Параллельно с 1937 по 1950 гг. он являлся старшим научным сотрудником Кабинета иранских языков Института языка и мышления имени Н. Я. Марра АН СССР (ИЯМ). В 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Склонение имен существительных в говоре курдов ССР Армении».

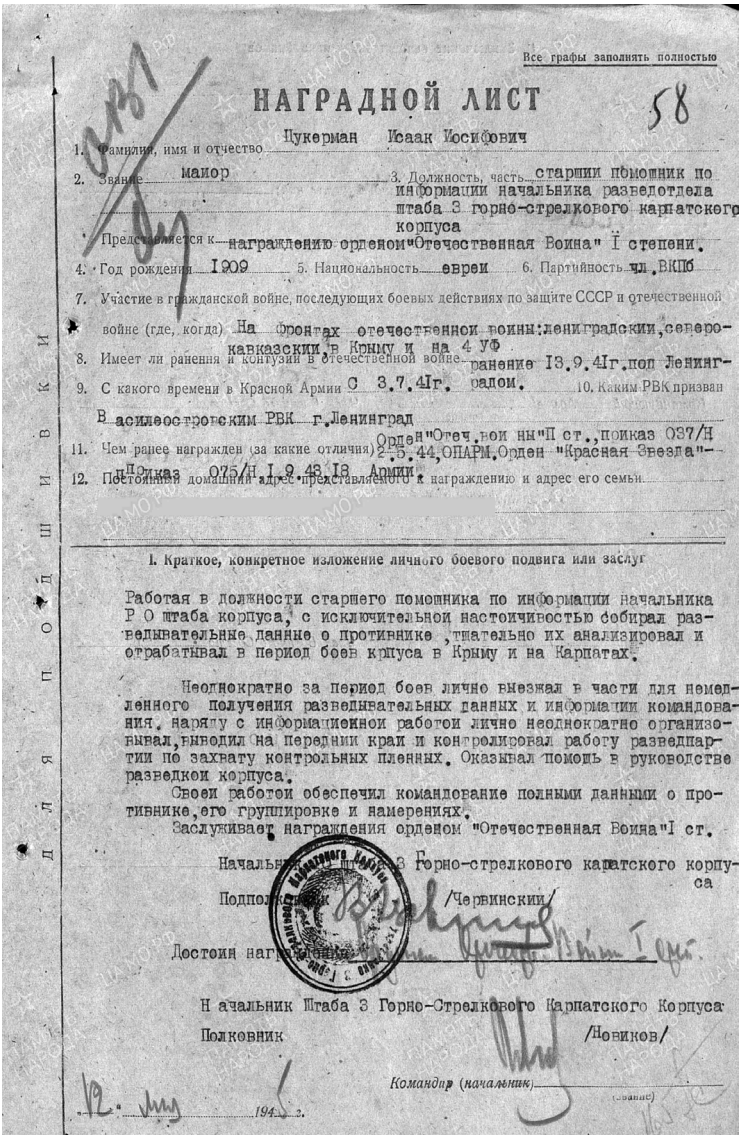
В 1941 г. пошел добровольцем на фронт и был тяжело ранен в грудь в бою на подступах к Пулковским высотам. В начале 1942 г. назначен помощником начальника разведотделения 83-й горнострелковой дивизии, дислоцированной в районе Мешхеда, Иран, в 1943–1945 гг. стал старшим помощником начальника разведотдела штаба 3-го горнострелкового корпуса в составе 18-й и 56-й армий. Воевал под командованием А. А. Лучинского в Туапсе, на Кубани, в Тамани, Керчи, Севастополе. Закончил войну в ноябре 1945 г. на территории Чехословакии в звании майора.

По возвращении с фронта вплоть до 1950 г. продолжал работу в ИЯМе и с 1946 г. параллельно преподавал общее языкознание в 1-м Институте иностранных языков в Ленинграде. После публикации в 1950 г. статьи И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» вместе с рядом других ученых-лингвистов был уволен с работы. Уехал в Вильнюс, где с октября 1951 г. по октябрь 1957 г. был доцентом кафедры русского языка Вильнюсского университета.

В 1957 г. по приглашению академика И. А. Орбели, который в 1956–1961 гг. возглавлял ЛО Института востоковедения АН СССР и не забыл своего ученика, Исаак Иосифович получил возможность вернуться в Ленинград и вновь заняться курдоведением. В ЛО ИВ АН он работал с 1957 по 1978 г. В свой второй ленинградский период он регулярно ездил в Армению и встречался с курдскими друзьями, среди которых особое место всегда занимал Араб Шамилов.

В 1965 г. защитил докторскую диссертацию, тогда же написал свои основные работы по курдскому языку, в том числе две монографии — «Очерк курдской грамматики» (1962) и «Хорасанский курманджи» (опубликована в 1986 г.). Под

псевдонимом «Иское Усыб» он помещал статьи также в изданиях на курдском и армянском языках.

Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

58

1. Фамилия, имя и отчество Цукерман Исаак Иосифович
2. Звание майор
3. Должность, часть старший помощник по информации начальника разведотдела штаба 3 горно-стрелкового карпатского корпуса
4. Представляется к награждению орденом "Отечественная Война" I степени.
4. Год рождения 1909 5. Национальность евреи 6. Партийность чл. ВКПб
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) На фронтах отечественной воины: ленинградский, северо-кавказский, в Крыму и на 4 УФ
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне ранение 18.9.41г. под Ленинг-
9. С какого времени в Красной Армии С 3.7.41г. рядом. 10. Каким РВК призван В асилеостровским РВК г.Ленинград
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Орден "Отеч. вой ны" II ст., приказ 037/Н 2.5.44, ОПАРМ. Орден "Красная Звезда" - Приказ 075/Н 1.9.43 18 Армии
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Работая в должности старшего помощника по информации начальника Р О штаба корпуса, с исключительной настойчивостью собирал разведывательные данные о противнике, тщательно их анализировал и отрабатывал в период боев корпуса в Крыму и на Карпатах.

Неоднократно за период боев лично выезжал в части для немедленного получения разведывательных данных и информации командования, наряду с информационной работой лично неоднократно организовывал, выводил на передний край и контролировал работу разведпартии по захвату контрольных пленных. Оказывал помощь в руководстве разведкой корпуса.

Своей работой обеспечил командование полными данными о противнике, его группировке и намерениях.

Заслуживает награждения орденом "Отечественная Война" I ст.

Начальник [illegible] 3 Горно-стрелкового карпатского корпуса

Подполковник /Червинский/

Достоин награждения

Начальник Штаба 3 Горно-Стрелкового Карпатского Корпуса

Полковник /Новиков/

Командир (начальник) (звание)

12. [illegible] 194[illegible] г.

Для публикации

Наградной лист майора Исаака Иосифовича Цукермана

Скончался И. И. Цукерман 3 февраля 1998 г. в Москве. Урну со своим прахом он завещал похоронить на Богословском кладбище в Санкт-Петербурге.

Награжден орденом Красной звезды, орденами Отечественной войны I и II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Источники:

Сайт Института восточных рукописей РАН.
Интернет-портал «Память народа».

Михаил Павлович ЧХАИДЗЕ (1905–1988)

Михаил Павлович Чхаидзе родился в 1905 году в Грузии в селе Мамати Ланчхутского района в семье крестьянина. По совету своего учителя он поступил в Ланчхутский педагогический техникум, а затем в 1924 г. — в Тбилисский университет на факультет словесности. В том же 1924 году участвовал «в подавлении меньшевистской авантюры в Грузии (Гурия)» в качестве рядового бойца-добровольца.

В 1926 году перевёлся в Ленинград, стал студентом Ленинградского восточного института[1]. Здесь начал слушать лекции акад. Н. Я. Марра. До приезда в Ленинград Михаил Чхаидзе почти не владел русским языком, но за короткое время его освоил. Заметив талант и острый ум студента, Н. Я. Марр предложил ему начать исследовать финно-угорские языки, из множества которых М. Чхаидзе выбрал марийский.

В 1930–1933 гг. М. П. Чхаидзе – аспирант в ИЯМ, именно в тот период он впервые приезжает в Марийскую автономную область, в совершенстве овладевает марийским языком, совершает несколько экспедиций. Его первая научная работа называется «Вторая марийская яфетидологическая экспедиция» (1931).

С февраля 1934 г. научный сотрудник 1 разряда (характеризуется как «начинающий специалист по марийскому языку, ученик Н. Я. Марра»).

В 1936 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Спряжение глаголов в марийском языке». В 1937 г. он

---

[1] Существовал в Ленинграде с 1920 г. по 1938 г. под разными названиями (Центральный институт живых восточных языков, Петроградский институт живых восточных языков, Ленинградский институт живых восточных языков).

организует первую научную языковедческую конференцию (орфография, алфавит, грамматическая норма литературного языка). М. П. Чхаидзе можно считать одним из авторов реформы марийского языка 1937 года. Из монографических его трудов предвоенного времени следует выделить две работы: «Спряжение глаголов в марийском языке в свете стадиального развития речи» (1939) и «Синтаксис лугово-восточного марийского языка» (1941).

В мае 1941 г. заведующий Финно-угорским кабинетом института Д. В. Бубрих пишет отзыв о его научной деятельности: «*М. П. Чхаидзе, являющийся с 1934 года кандидатом филологических наук, имеет 27 печатных трудов по вопросам марийских и других финно-угорских языков (в т.ч. диссертация «Спряжение глагола в марийских языках» изд. 1939 г., «Итоги Тоньшаевской экспедиции 1940, «Синтаксис марийских языков» 1941. Ряд работ (в т. ч. большая работа «20 лет марийских литературных языков») печатается. Закончено написанием обширное исследование по грамматике марийских языков. М. П. Чхаидзе участвовал в 5 экспедициях по изучению марийских языков (1930, 1931, 1935, 1937, 1940 гг.); последними из этих экспедиций он научно руководил. С 1934 г. М. П. Чхаидзе был активным участником научных конференций по вопросам финно-угорских языков (Ижевск в 1934 г., Саранск в 1934, 1935, 1938 г., Йошкар-Ола в 1936 г.). Особенно следует отметить теснейшую связь М. П. Чхаидзе с местами* <sic!>[2] *(фактическое руководство работами по марийским языкам в Марийской АССР) и энергичную работу по подготовке марийских научных кадров (ежегодное чтение курсов в Мар. Пединституте и в Мар. Н.-И. Ите Культуры; выпуск в ЛГУ группы филологов-марийцев в 1936 г. и т. д.).*

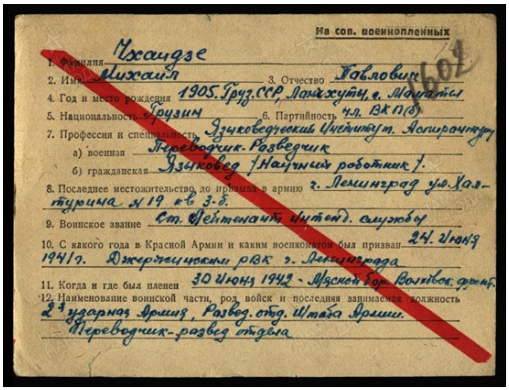
Кроме больших заслуг в области финно-угорской филологии, М. П. Чхаидзе имеет и заслуги в области грузинской филологии. Право М. П. Чхаидзе на звание

[2] Имеется в виду совместная работа с местными властями.

старшего научного сотрудника — вне всяких споров. Зав. кабинетом финно-угорских языков Д. В. Бубрих».

Подписанный М. П. Чхаидзе 18 июня 1941 г. список научных трудов содержит 24 работы (53 печатных листа). Свою деятельность в ИЯМ Чхаидзе завершает в 1941 г. как старший научный сотрудник Финно-угорского кабинета.

24 июня 1941 г. Михаил Павлович Чхаидзе был мобилизован — призван Дзержинским РВК в 191-ю стрелковую дивизию (старший лейтенант интендантской службы, техник-интендант 2 ранга, переводчик разведотдела). В мае 1942 г. был объявлен пропавшим без вести в Чудовском районе Ленинградской области (извещение отправлено жене в Грузию). На самом деле 30 июня 1942 г. на Волховском фронте в составе 2-й ударной армии попал в плен у деревни Мясной Бор[3].

На сов. военнопленных

1. Фамилия Чхаидзе
2. Имя Михаил 3. Отчество Павлович
4. Год и место рождения 1905. Груз.ССР Лайхуты, с. Мацатлы
5. Национальность грузин 6. Партийность чл. ВКП(б)
7. Профессия и специальность Языковедческий Институт т. Аспирантура
а) военная Переводчик-Разведчик
б) гражданская Языковед (Научный работник).
8. Последнее местожительство до призыва в армию г. Ленинград ул. Халтурина д. 19 кв. 3-8.
9. Воинское звание Ст. Лейтенант интенд. службы
10. С какого года в Красной Армии и каким военкоматом был призван 24. Июня 1941 г. Дзержинским РВК г. Ленинграда
11. Когда и где был пленен 30 Июня 1942 - Мясной Бор Волховск. фронт
12. Наименование воинской части, род войск и последняя занимаемая должность 2-я ударная Армия, Развед. отд. Штаба Армии. Переводчик-развед отдела

Карточка советского военнопленного М. П. Чхаидзе.

До середины 1950-ых гг. работал на лесоповале в Коми. Вернувшись, продолжил научную работу. Областью изучения выбрал теперь морфологию, в частности, глагольную. Результатом его работы стала монография «Спаренные глаголы в марийском языке» (Йошкар-Ола, 1960). На основе данного исследования, дополнив его новыми материалами из других

[3] Мясной Бор («Долина смерти») — место к северо-западу от деревни Мясной Бор ныне Новгородской области. В июне 1942 г. Вторая ударная армия под командованием генерала А. А. Власова оказалась здесь в полном окружении — на относительно небольшом участке погибли сотни тысяч воинов.

родственных и неродственных языков, он подготовил докторскую диссертацию на тему «Проблема спаренных глаголов» и успешно защитил её в 1967 г. в Москве на заседании учёного совета Института языкознания АН СССР.

С конца 1960-х годов предметом его исследований стала проблема машинного перевода с одного языка на другой. М. П. Чхаидзе был руководителем группы машинного перевода в вычислительном центре Академии наук Грузинской ССР.

6 апреля 1985 г. был награжден Орденом Отечественной войны II степени.

М. П. Чхаидзе ушёл из жизни в 1988 году на родине, в Грузии.

Источники:

СПб АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 452. Ф. 222, оп. 2, д. 705.

МИ ИЛИ – Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Лаврентьев Г. 110-летию со дня рождения М. П. Чхаидзе (1905–1988) // Linguistica Uralica. LII 2016 (2). С. 155–156 https://www.kirj.ee/public/Linguistica_Uralica/2016/issue_2/ling-2016-2-155-156.pdf.

Сергеева О. А. Чхаидзе Михаил Павлович (1905–1988) // История марийского края в лицах. 1917–1940. Йошкар-Ола, 2017. С. 362–364. (= Сайт национальная библиотека им. С. Г. Чавайна Республики Марий Эл: https://nbmariel.ru/content/oni-proslavili-nash-kray-professor-mihail-pavlovich-chhaidze).

Интернет-портал «Память народа».

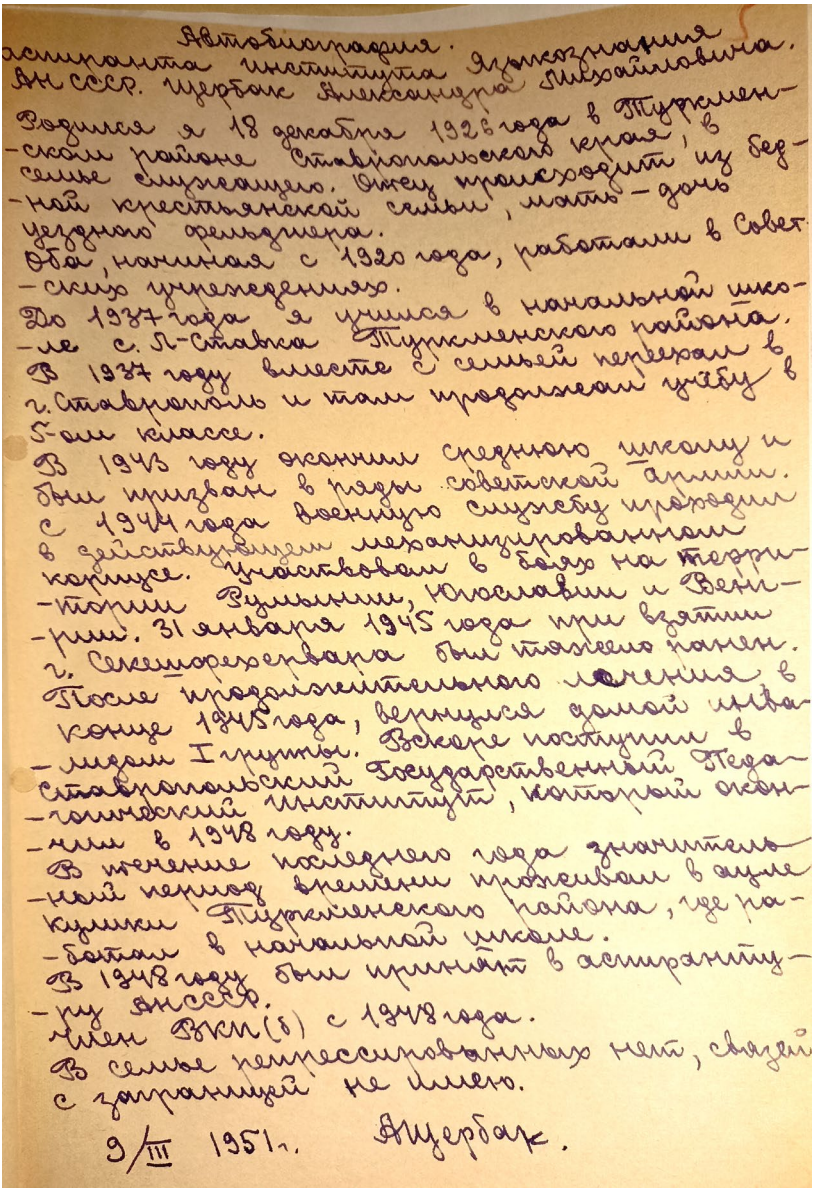
Александр Михайлович ЩЕРБАК (1926–2008)

Александр Михайлович Щербак родился в 1926 г. в Туркменском районе Ставропольского края в семье служащего госбанка. Отец происходил из бедной крестьянской семьи, мать — дочь уездного фельдшера. Семья вначале жила в селе Летняя Ставка, а с 1937 г. в г. Ставрополе. Среднюю школу Щербак окончил там же в 1943 г.

В 1943 г. был призван в ряды Советской армии. С 1944 г. находился в действующем гвардейском корпусе в качестве десантника: рядовой 106 Западного стрелкового полка, рядовой 369 Западного стрелкового полка, гвардии рядовой (затем младший сержант) первого гвардейского механизированного корпуса. Участвовал в боях на территории Румынии, Югославии и Венгрии, принимал участие в штурме Будапешта. 31 января 1945 г. при взятии города Секешфехервар получил ранение в области позвоночника. Спустя несколько месяцев после лечения в госпиталях вернулся в Ставрополь инвалидом (инвалид Отечественной войны II группы).

1 октября 1945 г. А. М. Щербак поступил в Ставропольский пединститут, который окончил в 1948 г. по специальности «учитель русского языка и литературы». В последний год обучения (сентябрь 1947 — май 1948 г.) проживал в ауле Кулики (Куликовы Копани) Туркменского района, работая учителем русского языка национальной школы и собирая материалы по разговорной речи отдельных тюркских языков. Диплом с отличием получен летом 1948 г.

Автобиография.
аспиранта института языкознания
АН СССР. Щербак Александра Михайловича.

Родился я 18 декабря 1926 года в Туркмен-
-ском районе Ставропольского края, в
семье служащего. Отец происходит из бед-
-ной крестьянской семьи, мать – дочь
казачьего офицера.
Оба, начиная с 1920 года, работали в Совет
-ских учреждениях.
До 1937 года я учился в начальной шко-
-ле с. Л-Ставка Туркменского района.
В 1937 году вместе с семьей переехал в
г. Ставрополь и там продолжал учебу в
5-ом классе.
В 1943 году окончил среднюю школу и
был призван в ряды советской армии.
С 1944 года военную службу проходил
в действующих механизированных
частях. Участвовал в боях на Третьем
-тории Румынии, Югославии и Вен-
-рии. 31 января 1945 года при взятии
г. Секешфехервара был тяжело ранен.
После продолжительного лечения в
конце 1945 года, вернувшись домой инва-
-лидом I группы. Вскоре поступил в
Ставропольский Государственный Педа-
-гогический институт, который окон-
-чил в 1948 году.
В течение последнего года значитель-
-ный период времени проживал в ауле
Кушки Туркменского района, где ра-
-ботал в начальной школе.
В 1948 году был принят в аспиранту-
-ру АН СССР.
Член ВКП(б) с 1948 года.
Во время репрессированных нет, связей
с заграницей не имею.

9/III 1951 г. А. Щербак.

Автобиография А. М. Щербака

В августе 1948 г. был принят в аспирантуру ИЯМ, написал и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Язык легенды об Огузе (К истории узбекского языка)». В 1968 г. стал доктором

наук (диссертация «Сравнительная фонетика тюркских языков». Принимал активное участие в составлении фундаментального «Древнетюркского словаря» (Л., 1969), много занимался тюркской руникой. Автор более 80 крупных работ, из которых важнейшими можно считать: Об алтайской гипотезе в языкознании // Вопросы языкознания. 1959. № 6. С. 51–63; Огуз-наме. Мухаббат-наме: (Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности) / Институт языкознания АН СССР. М.: Издательство восточной литературы, 1959; Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961; Грамматика староузбекского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962; Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука. ЛО, 1970; Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 192 с.; Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол) Л.: Ленингр. отд-ние, 1981; Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Наречие….) Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987; Введение в сравнительное изучение тюркских языков СПб.: Наука, 1994; Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб.: Наука, 1997; Тюркская руника: происхождение древнейшей письменности тюрок, границы её распространения и особенности использования. СПб.: Наука, 2001. 152 с.; Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб.: Наука, 2005.

Долгие годы заведовал Отделом алтайских языков, с 1988 г. входил в редакционную коллегию журнала «Вопросы языкознания», многие годы был членом экспертного совета ВАК.

Александр Михайлович Щербак был награжден медалями: «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 93, № 580.

Продолжавшие работу в блокадном Ленинграде

Павел Кузьмич АБАБКОВ (1899–?)

«*Автобиография.*

Я родился в 1899 году в крестьянской семье. Отец занимался сельским хозяйством и отхожими промыслами. В 1911 году отец умер. Мать до 1925 года занималась сельским хозяйством. Я, окончив сельскую школу, с 1912 г. по 1915 год работал в г. Ленинграде каменщиком (мостовщиком у частных лиц). С 1915 г. по 1919 год работал помощником слесаря и слесарем на ленинградских заводах («Охтинский пороховой завод», завод «Динамо», «Механический завод Жестовой»).

В марте 1919 года был мобилизован в Красную Армию и направлен на Северо-Западный фронт (против Юденича). В сентябре 1919 года был принят партийной организацией 169 стр. полка в члены ВКП(б). В январе 1920 года Подив[1] *6 направил меня на работу в Особый отдел 6 стрелковой дивизии, где я и проработал до марта 1923 года в должности уполномоченного. 1920 год провел на Западном фронте.*

После окончания гражданской войны по май 1928 года работал уполномоченным в Особом отделе 6-й стрелк. дивизии и Особом отделе 17 стрелковой дивизии (гор. Горький). В мае 1928 года был признан инвалидом II группы и был демобилизован.

С 1928 года по 1930 год учился в Вечернем рабочем университете (гор. Горький). С 1930 года по 1934 год учился в Горьковском Педагогическом Институте (литературное отделение). В 1934 году был принят

[1] Партийная организация дивизии.

профессором Н. М. Каринским [2] в число аспирантов Горьковского Педагогического института при кафедре русского языка. Специализировался по истории рус. языка, диалектологии и старославянскому языку. После смерти профессора Н. М. Каринского, в марте 1936 года, был переведен в Институт им. Герцена (гор. Ленинград). В 1938 году окончил аспирантуру в Институте им. Герцена. 7/III 39 г. П. Абабков»

(СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, № 489).

В Институте им. Герцена руководителем Абабкова был акад. Б. М. Ляпунов, который отметил, что вследствие болезни диссертацию на тему «Лексика Двинских грамот XV–XVI вв.» не закончил. В феврале 1939 года Павел Кузьмич Абабков был приглашен на работу в Словарный отдел ИЯМ — ученым секретарем «Словаря современного русского языка», а с ноября 1940 г. также и.о. старшего научного сотрудника. Одновременно начал педагогическую работу в Институте им. Герцена.

В 1939 году П. К. Абабков был женат и проживал по адресу: Мойка, дом 48, 9-й корпус — по-видимому, в трудных бытовых условиях. В марте 1941 г. Институт языка и мышления выдает ему справку, подписанную зам. директора института проф. С. Г. Бархударовым и ученым секретарем ИЯМ С. Л. Быховской, в том, что «он работает в Институте в качестве ученого секретаря «Словаря современного русского языка» и «Словаря древнерусского языка» и является членом редакционной коллегии «Словаря современного русского языка». Справка дана для представления в Союз ВШ и НУ для получения разрешения на доп. площадь» (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, № 489). Служебная площадь от Академии наук ему была тогда же предоставлена (Университетская наб., д. 5, кв. 4), что становится ясно из опубликованных в открытом доступе списков эвакуируемых из Ленинграда («Блокада Ленинграда. Эвакуация»).

На начало войны П. К. Абабков — «ограниченно-годный к нестроевой службе, находится в запасе 2-й очереди». 20 августа 1941 г. Директор института И. И. Мещанинов и уче-

[2] Николай Михайлович Каринский (1873–1935) — российский и советский филолог-славист, палеограф, диалектолог, член-корр. РАН (избран в 1921г.), доктор языкознания (1934).

ный секретарь С. Д. Быховская выписывают ему следующую справку: «В связи с эвакуацией Института языка и мышления им. Марра Академии Наук СССР, производящейся согласно распоряжению Правительства, старший научный сотрудник, ученый секретарь Словарного Отдела Абабков Павел Кузьмич подлежит эвакуации 22-го августа 1941 г.» (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, № 489).

Однако судя по документам, П. К. Абабков не выехал тогда из города и первую блокадную зиму провел в осажденном городе, исполняя обязанности заместителя директора Института. 5 февраля 1942 г., в дни, самые трудные для города, его жителей и Института в частности, Павел Кузьмич получает на руки характеристику: «Заместитель Директора Института Языка и Мышления им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР тов. Абабков, Павел Кузьмич окончил в 1938 году полный курс аспирантуры по специальности истории русского языка при Ленинградском Педагогическом Институте им. Герцена. В настоящее время он работает над диссертацией на тему: «Лексика двинских грамот». Тов. Абабков, П. К. — человек с большим жизненным и педагогическим опытом. Он хорошо осведомлён в вопросах истории русского языка, в его источниках и исследованиях, хорошо знает старославянский язык. Вдумчивый и серьезный исследователь, опытный педагог, тов. Абабков, П. К. одновременно является и отличным организатором научно-исследовательской работы, преданным советской науке работником. Своей организаторской работой тов. Абабков, П. К. значительно помогает дирекции ИЯМ в налаживании научно-исследовательской работы Института.

И. о. директора профессор (Е. С. Истрина)[3],
Секретарь партбюро Ленинградских учреждений Академии наук СССР (Н. П. Синельникова)».

(СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, № 489).

В 1942–1944 гг. П.К. Абабков вместе с частью коллектива ИЯМ находился в эвакуации в Алма-Ате.

По возвращении в Ленинград и. о. зам. директора Абабков П. К. считается приступившим к своим обязанностям по Институту 1 июня 1945 г., а 30 июля 1945 г.

[3] Эта подпись поставлена Е. С. Истриной в единственный месяц ее руководства ИЯМ (январь-февраль 1942) — до эвакуации в Алма-Ату.

датирован список 15 сотрудников ИЯМ, представленных к награде медалью «За оборону Ленинграда» (МИ ИЛИ: 820). Абабков награждается за то, что «работал в качестве политрука в Хирургическом отделении при ЦИАГ[4]. Имеет благодарность Лен. Геочасти НКО[5] СССР за участие в организации работ по военной тематике». 23 октября 1945 г. П. К. Абабков был награжден с той же формулировкой медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (там же: 821).

В апреле 1946 г. в Институте выходит приказ за № 44 об освобождении Абабкова от должности зам. директора на основании Распоряжения Президиума АН СССР от 19 марта 1946 г., а с 1 июля 1946 г. Абабков освобождается от работы в ИЯМ на основании Постановления № 614 СНК СССР от 6 марта 1946 г. (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, № 489).

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, № 489.

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Сайт «Блокада Ленинграда. Эвакуация» https://evacuation.spbarchives.ru/.

[4] Центральный Институт акушерства и гинекологии в Ленинграде, именовавшийся так с 1936 года. С августа 1941 по январь 1945 года в Институте был развернут один из крупнейших в Ленинграде эвакуационный госпиталь N1015 на 1800 коек. В настоящее время НИИ акушерства, гинекологии и репродуктологии им. Д. О. Отта.

[5] Народный комиссариат обороны СССР.

Борис Леонидович БОГОРОДСКИЙ (1896–1985)

Борис Леонидович Богородский родился 23.VII. (05.VIII.) 1896 года в Норском посаде Ярославского уезда Ярославской губернии (ныне часть города Ярославля) в семье священника посадского Успенского храма. Окончил местное земское училище, в котором позднее преподавал русский язык и литературу и был директором. Среди его учениц — будущая поэтесса Мария Петровых.

Высшее образование получил в Ленинграде, окончив в 1929 году ЛГПИ имени А. И. Герцена. Преподавал в средних учебных заведениях, в Военно-политической академии РККА имени В. И. Ленина. С 1938 по 1973 годы (с небольшим перерывом в годы войны) вел преподавательскую работу на кафедре русского языка ЛГПИ имени А. И. Герцена. В 1940 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Морская терминология в эпоху Петра».

В Институте языка и мышления имени акад. Н. Я. Марра АН СССР работал с 1934 г. в составе группы Древнерусского словаря. Как участник начального этапа работы по созданию «Словаря русского языка XI–XVII вв.» он занимался пополнением картотеки, составлением словарных статей, редактированием. В 1940–1947 гг. — сотрудник словарного отдела Института русского языка АН СССР.

С началом Великой Отечественной войны Б. Л. Богородский, как и другие сотрудники Института, был занят на оборонно-строительных работах, «работал по трудповинности 57 дней» (из отчета Б. А. Ларина о работе группы за 3-й квартал 1941 г.), нес обязательные дежурства по ПВО. Работы по плано-

вым темам продолжались лишь в остававшееся время, тем не менее, Б. Л. выполнял редакторскую работу по II тому ДРС.

В сентябре 1942 г. вместе с сотрудниками ЛГПИ имени А. И. Герцена эвакуировался в Кыштым, где работал доцентом кафедры русского языка этого института, затем переехал в Ташкент. В Ленинград вернулся в мае 1945 г. и продолжил работу в ИЯМ и одновременно в ЛГПИ им. А. И. Герцена. В 1964 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Русская судоходная терминология в историческом аспекте», с 1965 года — профессор.

Первую работу Б. Л. Богородский написал еще в годы учебы в ЛГПИ им. А. И. Герцена в 1928 г. Она называлась «Норский сгонщик» и была посвящена профессии, исчезнувшей во второй половине XX века. «Норская действительность дала мне темы моей исследовательской работы» — писал он позднее. Ему принадлежит более сорока работ по русской исторической лексикологии, преимущественно имеющих отношение к морской лексике и к путям ее проникновения в русский язык, в том числе «Профессиональная лексика волжского водника», «Итальянский морской термин на Волге»

Б. Л. Богородский участвовал совместно с Б. А. Лариным и акад. Д. С. Лихачевым в разработке проспекта «Словаря-справочника “Слова о полку Игореве”», а впоследствии был одним из редакторов всех шести его выпусков. Редактор словаря «Живая речь кольских поморов», соавтор «Словаря “Моления” Даниила Заточника». В 2006 году (посмертно) издан сборник его основных трудов «Очерки по истории слов и словосочетаний русского языка».

Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Источники:

Творогов О. В. Богородский Борис Леонидович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. 1995.

Снегирёв С. Ф. Герценовцы в годы эвакуации (1942–1944 гг.) // Гуманитарные науки и гуманитарное образование: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2005. lib.herzen.spb.ru

Мелитина Александровна БОРОДИНА (1918–1994)

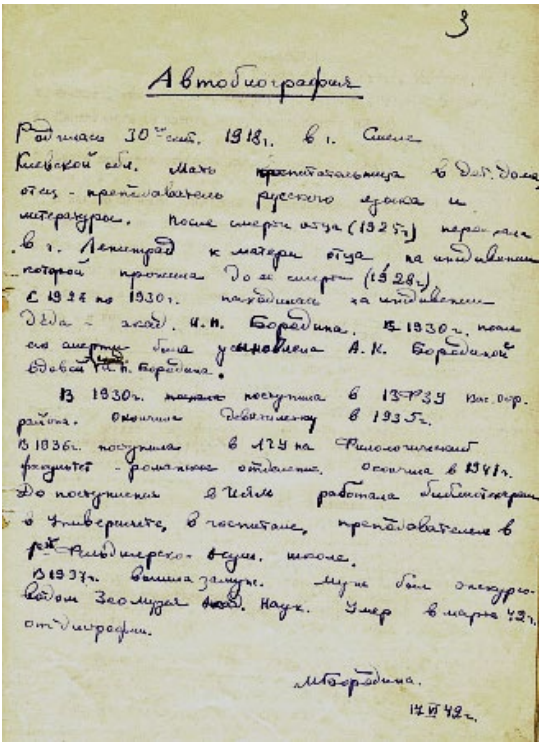

Мелитина Александровна Бородина родилась в г. Смела Киевской губернии в сентябре 1918 г. в семье преподавателей. После смерти отца была отправлена в Ленинград на воспитание деда — академика И. П. Бородина, после его смерти была удочерена его вдовой.

Вследствие болезни долго обучалась дома, только в 12 лет была принята в ФЗУ № 13 Василеостровского района г. Ленинграда. Школу окончила в 1935 г. В 1936 г. поступает на романское отделение филологического факультета Ленинградского университета, которое успешно оканчивает непосредственно перед войной. Она получает направление на работу в школу под Ленинградом, которая вскоре оказывается практически на линии фронта. Мелитина Александровна устраивается работать библиотекарем в библиотеку ЛГУ, трудится в госпитале, расположившемся в его стенах, преподает латинский язык и фармакологию (фармакологическую латынь) в 1-й Фельдшерской школе (при Институте Д. О. Отта).

С трудом пережив первую блокадную зиму, похоронив в марте 1942 г. умершего от голода мужа, в июне Мелитина Александровна подает заявление о приеме на работу в Институт языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра. (см. ее рукописную автобиографию от 17 июня 1942 г., написанную при поступлении на работу). М. А. Бородина была принята на должность научно-технического сотрудника, летом того же года эвакуировалась сначала в Елабугу, затем в Казань, в конечном итоге — в Ташкент.

Уже в Ташкенте была принята в аспирантуру ИЯМ, в которой числилась до мая 1946 г. 28 мая 1946 года защитила кандидатскую диссертацию «Семантико-грамматические группы в глаголе современного французского языка» (руководитель акад. В. Ф. Шишмарёв). С того же года и до конца жизни Мелитина Александровна работала в ИЯМ — ЛОИЯ АН СССР, пройдя путь от младшего до старшего научного сотрудника и старшего научного сотрудника-консультанта.

3

Автобиография

Родилась 30 сент. 1918 г. в г. Смела Киевской обл. Мать преподавательница в Дет. Доме отец - преподаватель русского языка и литературы. После смерти отца (1925 г.) переехала в г. Ленинград к матери отца на иждивение которой прожила до ее смерти (1928 г.) С 1928 по 1930 г. находилась на иждивении дяди - акад. И. И. Бородина. С 1930 г. после его смерти была усыновлена А. К. Бородиной (дядей И. И. Бородина).

В 1930 г. начала поступила в 137-ю Вас. Остр. райшк. Окончила девятилетку в 1935 г.

В 1936 г. поступила в ЛГУ на Филологический факультет - романское отделение. Окончила в 1941 г.

До поступления в ИЯМ работала библиотекарем в Университете, в госпитале, преподавателем в р[айо]н Альбинского-вечер. школе.

В 1937 г. вышла замуж. Муж был электрохимом Зоомузея Акад. Наук. Умер в марте 42 г. от дистрофии.

М. Бородина.

17 VII 42 г.

С 1953 г. М. А. Бородина одновременно преподает в ЛГПИ (1953–1963) и ЛГУ (с 1968 г. она профессор филологического факультета университета). В 1962 г. она защитила докторскую диссертацию на тему «Лотарингский диалект французского языка (К вопросу о лингвогеографическом исследовании диалекта)». На этой основе позднее она выпустила под редакцией акад. В. М. Жирмунского ставшую широко известной книгу

«Проблемы лингвистической географии (на материале диалектов французского языка)». М.; Л., 1966.

В течение десятилетий М. А. Бородина успешно разрабатывала проблемы романской диалектологии, лингвистической географии и ареальной лингвистики. Ею опубликовано свыше 200 научных работ, в том числе несколько монографий, включая «Историческую фонетику французского языка» (1961), «Историческую морфологию французского языка» (1965), «Проблемы лингвистической географии» (1966), «Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Ретороманская подгруппа» (1973) в соавторстве с В. Г. Гаком «К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка)» (1979). Ее работы по ретороманскому языку — четвёртому национальному языку Швейцарии (две монографии и ряд статей) широко известны в Швейцарии. М. А. Бородина принимала активное участие в подготовке и проведении Всесоюзных конференций, посвященных ареальным исследованиям в языкознании и этнографии, в работе многих международных научных конгрессов и мероприятий — в Румынии, ГДР, Швейцарии, Франции. Она неоднократно выезжала для чтения лекций в вузах Махачкалы, Душанбе, Киева, Кишинева, Алма-Аты. Мелитина Александровна вела большую работу по подготовке научных кадров в области романских исследований, ею подготовлено свыше 50 аспирантов, большинство из которых, успешно защитили кандидатские диссертации.

Источники:

Архив М. А. Бородиной в СПбФ АРАН. Ф. 947.
Архив ИЛИ РАН № 18, 677.
Сайт ИЛИ РАН
Убрятова Е. И., Благова Г. Ф., Тенишев Э. Р., Широбокова Н. Н. Мелитина Александровна Бородина. К 70-летию со дня рождения // Советская тюркология. 1989. № 2. 114–115.
Simoni-Auremdou Mari-Rose, Tsaroeva Mariel. Melitina Alexandrovna Borodina (1918–1994) // Revue de linguistique romane (Strassbourg). 1998. T. 62. P. 586–605: Bibliographie des travaux de M. A. Borodina.

Софья Львовна (Сарра Абрамовна) БЫХОВСКАЯ (1887–1942)

«Автобиография.

Быховская Сара Абрамовна (Софья Львовна) родилась в Петербурге в 1887 г. Отец — резак, умер в 1891 г. <...> Поступила в городскую школу в городке Сан-Галли, которую окончила около 1898 г. В 1904 г. поступила в VII класс Петровской женской гимназии, которую окончила в 1905 г. Не могла поступить в вуз за отсутствием средств и поступила только в 1916 г. на б. Бестужевские Высшие женские курсы, которые окончила в 1922 г. по Историко-филологическому факультету, занимаясь преимущественно историей и искусством Финикии и архаической Греции у проф. Б. В. Фармаковского и латинским языком у проф. А. И. Малеина. Была оставлена по окончании курсов при Научно-исследовательском Инте языка и литературы Запада и Востока им. Веселовского по классической филологии. С конца 1922 г. начала заниматься под руководством акад. Н. Я. Марра армянским, грузинским и абхазским языками, по сравнительной грамматике яфетических и семитических языков и новому учению о языке у него же. С 1923 или 1924 г. стала заниматься баскским языком и усиленно работать по общему языкознанию у акад. Н. Я. Марра, сначала как оставленная при Ин-те им.

Веселовского, а затем как внештатный, а с 1930 г. как штатный работник Яфетического института.

В настоящее время работаю в области общего языкознания и яфетических языков специально по даргинскому языку (Дагестан). Имела в 1926 г. командировку в Имеретию. В 1933–1936 гг. командировалась ИЯМ'ом в ВЦКНА в Дагестан для изучения кайтагского и даргинского языков. В настоящее время занимаюсь синтаксисом даргинского языка и продолжаю работать по общему языкознанию в области грамматики.

Трудовая деятельность началась с 1905 г. по окончании гимназии. Давала частные уроки, т. к. на службу не могла попасть как еврейка и также за отсутствием связей. Будучи на курсах, давала уроки по латинскому языку. В 1919 г. поступила преподавательницей в трудовую школу на Моховой, из которой ушла в 1920 г. вследствие перехода на работу в Государственную Публичную библиотеку, где начала работать по выдаче книг в читальном зале и выполняла работу по систематическому каталогу, а с 1924 г. работала заведующей Восточным отд. (теперь отд. Национальностей).

В 1930 г. стала штатным сотрудником Яфетического института, вела занятия по общему языкознанию в Москве в Институте Народов Востока и по истории языкознания. В феврале 1934 г. оставила работу в Государственной Публичной библиотеке из-за трудностей совмещать. В 1935 г. оставила работу в ЛИФЛИ по принципиальным соображениям. В 1935–36 гг. читала лекции по Истории языкознания для аспирантов в Педагогическом Ин-те им. Герцена и вела семинар по этому же предмету в Москве в Научно-исследовательском Педагогическом Институте Национальностей. В 1938–1939 гг. в Институте Востоковедения им. Нариманова в Москве.

Кроме того читала эпизодические курсы по общему языкознанию и истории языкознания. Взысканий не имела.

Была избрана б. Яфетическим институтом делегатом на Орфографический съезд в Москве в 1931 г.
4/VII 1939 г. С. Быховская»

Из личного дела известно также, что С. Л. Быховская окончила Высшие курсы библиотекарей при ГПБ. С приходом в 1924 г. на должность директора Публичной библиотеки акад. Н. Я. Марра Быховская была не просто переведена в Восточное отделение, но осуществляла его реорганизацию, его преобразование в Отдел литературы на языках народов СССР (ОНЛ).

С 1927 г. С. Л. Быховская — внештатный, а с 1930 г. — штатный научный сотрудник Яфетического института (с 1931 г. — Институт языка и мышления АН СССР). С февраля 1934 г. Быховская сосредоточилась на работе в ИЯМ, став одним из его ведущих научных сотрудников. Регулярно печаталась в сборниках «Язык и мышление» (1934–40 гг.), выступала с докладами на научных сессиях и заседаниях Кабинета кавказских языков, исполняла обязанности ученого секретаря Института (эпизодически в 1934 и 1938 гг., постоянно с марта 1939 г. — по решению Президиума АН СССР).

С целью сбора материала совершала научные экспедиции в Грузию (1926) и Дагестан (1933–1936). Историко-лингвистические исследования языков народов Кавказа, их перекрестных связей Быховская сочетала с изучением проблем общего и сравнительного языкознания. Этому способствовала ее основательная лингвистическая подготовка и владение английским, французским, немецким, итальянским и греческим языками. Не оставляла С. Л. Быховская и занятий классической филологией. Она привлекалась к работе Института народов Советского Союза и Института национальностей им. Нариманова (Москва).

С. Л. Быховская — автор более 25 публикаций. Ее работы охватывали широкий круг проблем (классическую филологию и классическую археологию, общее и сравнительное языкознание, кавказоведение и др.): «Имена существительные в даргинском литературном языке» (Язык и мышление. 1940. Т. X. С. 64–102), «Падежи в грузинском и армянском языках» (1928); «К вопросу о происхождении склонения» (1930); «К вопросу о трансформации языка» (1931); ««Пассивная» конструкция в яфетических языках» (1934); «Показатели множественности как

классовые показатели в грузинском и баскском языках» (1935); «Объективный строй verba sentiendi (предварительный очерк)» (1936). В начале своей исследовательской деятельности она отметила отсутствие в падежной парадигме эргативных языков именительного и винительного падежей, замещаемых здесь функционально отличными активным и пассивным падежами. Констатировав совмещение структурных признаков номинативности и эргативности в баскском (эргативное оформление характеризует здесь именные компоненты, а номинативное — глагольный), Быховская привлекла внимание к аналогичным способам совмещения признаков разных языковых типов в нахско-дагестанских (удинский) и в картвельских (грузинский и сванский) языках. В дальнейшем С. Л. Быховская разрабатывала теорию нейтральности эргативной конструкции, повлекшей за собой решительный отказ от ее пассивной интерпретации. Исследуя конкретные особенности эргативной системы, С. Л. Быховская пришла к весьма существенной мысли о зависимости специфики синтаксиса предложения и морфологического оформления его членов от качественных характеристик глагольного сказуемого.

Некоторые работы Быховской на 1941 год остались в рукописях: «Хрестоматия по истории языкознания (Младограмматическая и социологическая школы)»; «Материалы по кайтагскому языку. Тексты и грамматика».

На 1 января 1941 г. С. Л. Быховская числилась старшим научным сотрудником Кабинета кавказских языков и ученым секретарём Института.

Пережив первую блокадную зиму в Ленинграде, Софья Львовна погибла вместе с малолетней племянницей 14 марта 1942 г. на Ладожском озере по время эвакуации сотрудников Академии наук на «Большую Землю».

В личном деле Софьи Львовны Быховской имеется выписка из приказа № 23 по Институту языка и мышления им. Н. Я. Марра от 15 июня 1942 г.: «№2. Отчислить из состава работников Института умерших во время эвакуации в пути след.: 1. Быховскую, Софью Львовну (Сару Абрамовну) старшего научного сотрудника, ученого секретаря Института, с 1 марта 1942 г.» (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. № 316).

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. № 316.

Зеликов М. В. Лингвистическое наследие С. Л. Быховской как важное звено историко-типологических исследований отечественного языкознания // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне. СПб.: Наука, 2005. С. 287–292.

Сайт СПбГУ — раздел «Биографика».

Георгий Логгинович ГЕЙЕРМАНС (1900–1942)

Георгий Логгинович Гейерманс родился 15 января 1900 г. в Санкт-Петербурге в семье полковника русской армии. В 1917 г. окончил Реформатское училище[1] и с января по декабрь 1918 г. работал в правлении Русского страхового общества «Помощь». В том же 1918 г. поступил в Петроградский университет на физико-математический факультет, но в мае 1919 г. был призван в Красную армию. Как рядовой пулеметчик воевал против армии Н. Н. Юденича, а в 1919–1921 гг. как телеграфист участвовал в советско-польской войне.

В сентябре 1922 г. Г. Л. Гейерманс поступил в Севзапвод (Союз водников)[2] на должность табельщика, откуда был уволен по сокращению штатов в 1923 г. От Союза водников он получил направление на поступление в Петроградский университет и в 1923 г. был принят на историко-архивный цикл факультета языкознания и материальной культуры. Одновременно с учебой Г. Л. Гейерманс в июле 1923 г. поступил на работу в Северо-Западную областную контору Государственного банка в отдел

[1] Реформатское училище (Училище при реформатских церквах) – среднее учебное заведение в Санкт-Петербурге, существовавшее в 1818 –1918 гг. В 1863 г. училище получило права правительственных средних учебных заведений. В училище преподавались общеобразовательные предметы, а также политическая география и коммерческая математика. Выпускники имели право поступать на статскую и военную службу, а также в университеты России и других стран. Училище было закрыто в 1918 г.

[2] Севзапвод — Управление работ по водному хозяйству и водным силам Северо-Запада России.

корреспонденции, где работал до 1928 г. регистратором, а с 1933 г. — юрисконсультом того же отдела.

В 1927 г. Г. Л. Гейерманс окончил Ленинградский университет как специалист-археограф (специальность по образованию — Вспомогательные исторические дисциплины). С этого времени он начал работать по совместительству в Историко-археографической комиссии при АН СССР (с 1931 г. — Историко-археографический институт АН СССР, в 1936 г. преобразован в ЛО Института истории АН СССР), занимаясь обработкой и описанием архивных материалов, а также подготовкой их издания. В ноябре 1934 г. уволился из Госбанка и перешел в ИАИ АН СССР на постоянную работу научным сотрудником II разряда.

После ликвидации в 1936 г. ИАИ и создания на его базе ЛО Института истории АН СССР Г. Л. Гейерманс был включен в группу по изданию летописей и был избран ее секретарем, работая одновременно помощником заведующего читальным залом Архива. В это время работу Института проверяла специальная комиссия, присланная из Москвы, результатом деятельности которой стали аресты ряда сотрудников. Г. Л. Гейерманс был снят с должности помощника заведующего читальным залом Архива, но продолжал работу над изданием «Правды Русской» под руководством академика Б. Д. Грекова.

В 1938 г. Г. Л. Гейерманс принят в штат института на должность младшего научного сотрудника, но в том же году опять освобожден от занимаемой им должности «в связи с пересмотром плана работы и сокращением».

После увольнения из Института истории Г. Л. Гейерманс был принят в Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР на должность младшего научного сотрудника. Он был включен в группу древнерусского словаря (ДРС), которой руководил Б. А. Ларин, знавший Г. Л. Гейерманса по работе над изданием «Правды Русской» (ср. публикацию: «Татищевские списки Русской Правды // Проблемы источниковедения. 1940. Сб. 3. С. 163–174).

Во время Великой Отечественной войны Г. Л. Гейерманс оставался в блокадном Ленинграде. Он участвовал в оборонно-строительных работах по гражданской трудовой повинности, нес дежурства по ПВО, с конца сентября

проходил обучение по программе Всеобуча по рабочему отряду Академии наук.

Г. Л. Гейерманс погиб в первую блокадную зиму 4 января 1942 г. Он похоронен на Большеохтинском кладбище Санкт-Петербурга в одном гробу с братом жены С. И. Страховичем и годовалым сыном последнего. Жена Г. Л. Гейерманса — Елена Ивановна Гейерманс (Страхович)[3] и их сын Иван Георгиевич (1925–1993) в марте 1942 г. были вывезены по Дороге жизни, но по пути Е. И. Гейерманс умерла в Угличе на руках у сына.

Г. Л. Гейерманс был специалистом по истории России и по источниковедению, занимался подготовкой публикаций источников и их исследованием. Разобрал и подготовил к описанию архив Ядринской воеводской канцелярии XVII века. Составил карты образования Литовского и Московского государств в XIII–XIV вв.

Значительный вклад Г. Л. Гейерманс внес в издание «Правды Русской», изучив и учтя, в частности, татищевские списки «Русской Правды». Совместно с будущим академиком М. Н. Тихомировым он подготовил для этого издания Розенкампфовский, Ферапонтовский, Толстовский и Музейский виды списков. Для 2-го тома «Русской Правды» Г. Л. Гейерманс перевел работу историографа Г. Ф. Миллера «История Сибири» (1941).

Работая в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра, Г. Л. Гейерманс оказывал «немалую помощь всему коллективу редакторов своими консультациями по историческим вопросам. <…> Он прекрасно показал себя в трудовой редакторской работе» (из отзыва акад. И. И. Мещанинова).

Источники:

Сайт Санкт-Петербургского института истории РАН.
Гейерманс Георгий Логгинович, биография и открытия — РУВИКИ.

[3] Гейерманс Е. И. (1897–1942) филолог-романист, работала в Публичной библиотеке в отделе каталогизации иностранной литературы и на филологическом фак-те ЛГУ. Отказалась эвакуироваться с университетом в Саратов и осталась в блокадном городе.

Вовина-Лебедева В. Г. Историко-Археографический институт и Ленинградское отделение Института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛО ИИ. Сер. Санкт-Петербургский институт истории РАН. Доклады и сообщения. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 6–67.

Гейерманс Георгий Логгинович // Словарь русского языка XI–XVII вв.: Справочный выпуск, Ч. 1. Сост. Л. Ю. Астахина; под общей ред. Г. А. Богатовой. М.: Наука, 2004. С. 97–98. (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН).

Иван Георгиевич Гейерманс // Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая «Майский жук» (https://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=7256).

Стелла Федоровна ГЕККЕР (1907–1997)

Из автобиографии Стеллы Федоровны Геккер, написанной ее рукой:

«Геккер Стелла Федоровна, род. 18 февраля 1907 г. В 1927 г. окончила Ленинградский университет, бывшее Отделение языковедения и литературы Факультета общественных наук по славяно-русской секции. В 1931 г. окончила двухгодичные Высшие курсы библиотековедения при Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

С мая 1927 г. сверхштатный сотрудник Постоянной словарной комиссии АН СССР. 1930–1935 гг. — Основная библиотека Ленинградского ин-та инженеров путей сообщений (позднее: Ленинградского ин-та инженеров ж.-д. транспорта).

1936–1937 гг. — Словарный отдел ИЯМ, помощник редакторов.

1938–1941 гг. — Словарный отдел ИЯМ, мл. науч. сотрудник.

1941–1942 гг. — архивариус Стройтреста № 16[1].

---

[1] По словам А. Н. Герасимова (1905–1982), в годы войны главного инженера стройтреста № 16: Шестнадцатый трест в 40-х гг. являлся крупнейшей строительной организацией города, располагавшей металло- и деревообрабатывающими предприятиями, кирпичными заводами и карьерами по добыче нерудных материалов. Трест вел работы на всех основных судостроительных заводах Ленинграда, возводил комплексы служебных, промышленных и жилых зданий. С началом войны много рабочих и инженеров ушло в армию и народное ополчение. Оставшиеся квалифицированные специалисты выполняли

1942–1944 гг. — мл. науч. сотрудник ИЯМ'а (ДРС)[2].

1944-1950 гг. — мл. науч. сотрудник Ленингр. отделения Ин-та русского языка АН СССР.

1950-1986 гг. — мл. науч. сотрудник Ленингр. отделения Ин-та языкознания АН СССР (в декабре 1984 г. была переведена на должность старшего лаборанта)[3].

Примечание: 7 декабря 1956 г. Ученым советом Ин-та языкознания было присвоено ученое звание младшего научного сотрудника».

Стелла Федоровна научный сотрудник Института языка и мышления с 1936 года.

> В 1941 г. она – младший научный сотрудник. Все годы Великой Отечественной войны оставалась в Ленинграде. Она принимала участие в оборонных работах: рыла окопы, дежурила во время налетов на крыше, охраняя главное здание АН СССР. Весной 1942 г. участвовала в работах по очистке города, в мае 1943–апреле 1944 г. трудилась на лесозаготовках.
>
> Ее усилиями была сохранена библиотека Словарного отдела Института. В 1943 году принимала участие в перевозке в Институт личной библиотеки академика Б. М. Ляпунова, умершего в эвакуации.

Среди ее научных работ фундаментальный труд «Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв.» (М., 1964) и библиография по синонимике русского языка. Особенно велики заслуги Стеллы Федоровны Геккер в создании Малого академического словаря («Словарь русского языка» в 4-х томах под руководством Анастасии Петровны Евгеньевой,

---

различные работы по строительству оборонительных сооружений на подступах к городу и по его подготовке к обороне, оборудованию командных пунктов.

[2] Имеется в виду Картотека древнерусского словаря.

[3] С. Ф. Геккер перешла из научных сотрудников в лаборанты для того, чтобы иметь возможность продолжить работу над «Малым академическим словарем» под руководством Анастасии Петровны Евгеньевой, а ее участие в подготовке всех 4-х томов Словаря было чрезвычайно важным.

Стелла Федоровна Геккер была награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», грамотой Исполкома Ленсовета «За образцовое выполнение заданий при проведении работ по очистке города».

Источники:

См. воспоминания Стеллы Федоровны в этом томе.
Архив ИЛИ РАН № 289.
Сайт ИЛИ РАН.
Сайт БАН http:/www.rasl.ru/library/biograf_blok.php («Военные биографии библиотекарей библиотечной сети») (Архивировано 29.11.2022).

Марк (Мордхе) Моисеевич ГИТЛИЦ (1895–1945)

16 июня 1941 г. М. М. Гитлиц написал в своей автобиографии: «*Родился в гор. Вильно в 1895 году, в семье лесного сторожа, отец умер в 1929. До 13 лет учился в хедере. 13-ти лет поступил в заготовительную мастерскую в качестве ученика. С этого времени начинается моя самостоятельная трудовая жизнь. Заготовщиком работал в течение четырех лет. С 17 до 20 лет занимался самообразованием и частными уроками. В 1915 году (20-ти лет от роду) сделался преподавателем еврейской народной школы. До 1920 г. работал в Вильне и в Виленской области. С 1920 г. по 1926 г. работал в Ковне (в народной школе, в вечерней школе для рабочих и на курсах по подготовке учителей). Среднее образование получил экстерным образом и в 1922 г. поступил в литовский университет, на историко-филологический факультет. За революционную деятельность был несколько раз арестован и в 1926 выслан из пределов Литвы. В том же году был принят в советское гражданство и приехал в Ленинград (с женой и трехлетним ребенком). С 1926 по 1933 г. работал на рабфаке ЛГУ в качестве преподавателя и заведующего еврейского отделения. В 1928 г. поступил в ин-тут им. Герцена (отделение языка и литературы) и окончил в 1931 году. К этому времени относится начало моей научно-иссл. работы. В 1931 г. был зачислен аспирантом института языка и мышления Академии Наук*

СССР и окончил в 1935 г. В том же году защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук и был зачислен старшим научным сотрудником ИЯМ, где работаю и по сей день.
16/VI – 1941 г. Ленинград М. Гитлиц (подпись)»

По документам в дополнение к автобиографии можно добавить следующее: местом рождения Гитлица является не сам город Вильнюс, а хутор Михалишки неподалеку от него; экзамены, сданные экстерном, включали полный курс гимназии; в юности (до 1926 г.) был опубликован сборник его стихов на языке идиш; на еврейском отделении рабфака ЛГУ он читал лекции по истории еврейской литературы, работал также в Ленинградском еврейском доме просвещения («Евдомпросвете») (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5 № 504).

В 1931 году М. М. Гитлиц поступил в аспирантуру Института языка и мышления АН СССР. Тогда же он выпускает первый учебник: «Прозаиш-гезелшафтлехе шпрах (Прозаический деловой язык)» — учебное пособие для еврейской средней и высшей школы (1932); пишет на идише работу «Исследовательский путь Н. Я. Марра», в 1934 г. участвует во Всесоюзном совещании еврейских языковедов. В 1935 г. Гитлиц защитил кандидатскую диссертацию «Проблема славянского слоя в языке идиш» (научный руководитель академик Н. Я. Марр). После защиты диссертации Гитлиц начал работу над темой «Роль религиозной письменности в развитии языка идиш» и был зачислен (до этого работал по договору) старшим научным сотрудником и секретарем Кабинета семито-хамитских языков, делал доклады в Группе германских языков. М. М. Гитлиц свободно владел семью языками: идиш, русским, литовским, польским, немецким, французским, а также древнееврейским и арамейским.

Основные научные интересы М. М. Гитлица лежали в области изучения истории и происхождения языка идиш, а также проблем общего языкознания (статьи: К вопросу о специфике и путях развития еврейского языка // Язык и мышление. М.; Л., 1940. № 9. С. 47–56; О путях проникновения семитских элементов в еврейский язык (идиш) // Памяти акад. Н. Я. Марра. М.; Л., 1938. С. 77–92). Он участвовал в коллективной теме

Кабинета устной литературы первобытного общества «Смерть и рождение в мифе и фольклоре».

Еще до начала блокады в августе 1941 г. Марк Моисеевич Гитлиц пытался выехать семьей из города и подал заявление в дирекцию Института, см. Приказ № 74 от 18 августа 1941 г.: «Освободить временно с 1 сентября 1941 г. от исполнения обязанностей старшего научного сотрудника тов. Гитлиц, Марка Моисеевича по собственному желанию в связи с отъездом вместе с семьей в г. Чебоксары» (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5 № 504.). Однако семья по каким-то причинам не покинула город и первую блокадную зиму провела в Ленинграде.

Жена М. М. Гитлица — Фани Гитлиц (Фрадель Альперт) (1892–1950), выпускница историко-филологического факультета Варшавских Высших Женских курсов (1914), также работала в 1936–1941 гг.[1] в ИЯМ мл. научным сотрудником Словарного отдела (Словарь современного русского языка). В июне 1942 г. их дочь Анна Гитлиц[2] ушла на фронт. 10 июня 1942 г. М. М. Гитлиц был вновь зачислен в штат Института в Кабинет романо-германских языков. В июле 1942 г. супруги Гитлиц вместе с группой сотрудников ИЯМ были эвакуированы в Алма-Ату, где находились до мая 1945 г.

Перед эвакуацией М. М. Гитлиц очень беспокоился о сохранности своей библиотеки. 24 февраля 1942 г. выходит распоряжение Председателя исполкома Ленгорсовета № 313 о неприкосновенности жилья и сохранности имущества ученых, выезжающих в эвакуацию (библиотеки особо не оговорены). М. М. Гитлиц получает в институте удостоверение «для представления в Домоуправление по 10 линии В.О., д. 45, кв. 21 для охраны имущества *и библиотеки,* принадлежащих Гитлиц М. М.».

Во время войны, находясь в Алма-Ате, М. М. Гитлиц пишет докторскую диссертацию на тему «История еврейского

[1] Была принята на работу научным сотрудником 2-го разряда в июне 1936 г.

[2] Анна Гитлиц (1922–1991) — кандидат филологических наук, доцент, переводчик, критик, член Союза писателей СССР; работала в ЛГПИ им. А. И. Герцена (1949–1991) на кафедре испанского языка и на кафедре немецкого языка.

языка (идиш)». Работа была им полностью закончена. Диссертация представляет собой труд, написанный на огромном фактическом материале с привлечением многочисленных памятников письменности XIV–XVIII вв. как на древнееврейском и арамейском, так и на современных языках. Работа раскрывает специфику происхождения языка идиш, который возник и развивался под влиянием в основном трёх источников: немецкого, славянского и семитского.

М. М. Гитлиц был тяжело болен (диабет) и вернулся из эвакуации в Ленинград одним из последних, в мае 1945 г. (см. выписку из приказа № 5 от 15 мая 1945 г. «к.ф.н. ст.н.с. Гитлица, Мордух Моисеевича считать приступившим к работе с 15-го мая с.г.», но был «отчислен ввиду смерти 30.VIII 45 г.» (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5 № 504.).

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, № 504.

Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Энциклопедия Руниверсалис.

Карпез Дариспанович ДОНДУА (1891–1951)

Карпез Дариспанович Дондуа родился 13 октября 1891 г. в г. Кутаиси. Среднее образование получил в Кутаисской Грузинской гимназии, по окончании которой в 1911 г. поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. В том же году был исключен из университета за участие в студенческом движении. В 1914 г. был восстановлен в правах студента и продолжил обучение. С 1918 по 1921 гг. был мобилизован на педагогическую работу.

В 1922 г. окончил университет по факультету общественных наук и был оставлен акад. Н. Я. Марром при университете для подготовки к профессорскому званию. В том же году Н. Я. Марр привлекает К. Д. Дондуа в созданный им Яфетический институт (с 1931 г. — Институт языка и мышления АН СССР) сначала на полставки, а с 1935 г. старшим научным сотрудником, заведующим кабинетом кавказских яфетических языков.

В 1922 г. был приглашен в Институт восточных языков, где до 1930 г. читал кавказоведческие курсы. В том же году был зачислен в Научно-исследовательский институт им. А. Н. Веселовского (позднее преобразованный в Институт языков и литератур Запада и Востока).

В 1924 г. получил квалификацию научного сотрудника 1 разряда и с 1925 по 1932 гг. работал доцентом кафедры армяно-грузинской филологии факультета языкознания и материальной культуры (Ямфака) Ленинградского университета. В 1932–1933 годах был заведующим кафедрой кавказских языков в Ленинградском историко-лингвистическом институте.

В 1934–1935 гг. работал профессором и заведующим кафедрой общего языкознания Тбилисского университета (командирован в Закавказский филиал Института кавказоведения АН СССР). С 1935 г. — доктор филологических наук без защиты диссертации. В 1936–1941 гг. был заведующим кафедрой кавказской филологии филологического факультета ЛГУ.

В 1942 г. эвакуирован в Ташкент, но в том же году перебрался в Тбилиси, где до 1944 г. был деканом филологического факультета Тбилисского государственного университета. В 1942–1945 гг. — сотрудник Академии наук Грузинской ССР, в 1944 г. избран членом-корреспондентом Академии наук Грузинской ССР.

По возвращении в Ленинград К. Д. Дондуа продолжил работать в Ленинградском университете — с 1945 по 1949 гг. как заведующий кафедрой кавказских языков восточного факультета и в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР — с 1945 по 1950 гг. как заведующий сектором кавказских и иранских языков.

К. Д. Дондуа скончался 3 ноября 1951 г., похоронен на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга.

К. Д. Дондуа — видный специалист по общему и кавказскому языкознанию. В разные годы читал курсы по грузинскому языку (древнему и новому), истории грузинской литературы, грузинской диалектологии, сравнительной грамматике кавказских языков. В круг интересов К. Д. Дондуа наряду с грузинским языком и литературой входили занятия абхазским и сванским языками, в том числе и на основе материалов, собранных Н. Я. Марром. Им был составлен большой сванско-русский словарь на основе лашхского диалекта, до сих пор не опубликованный.

Избранные работы К. Д. Дондуа по общему и кавказскому языкознанию были изданы в двух томах (Тбилиси, 1967–1975) с предисловием В. И. Абаева (Т. 1. С. 15–19).

Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Источники:

Дондуа К. Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л.: Наука, 1975.

Карпез Дариспанович Дондуа. Автобиография // сайт ИЛИ РАН

Абаев В. И. Памяти Карпеза Дариспановича Дондуа // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1952. Вып. 6.

Турчанинов Г.Ф. К. Д. Дондуа — ученый и человек // К. Д. Дондуа. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. М.: Наука, 1975.

История отдела кавказских языков на сайте Института языкознания АН СССР. Раздел подготовлен Т. А. Майсаком и Я. Г. Тестельцом.

Харатишвили Г. С. Кавказоведение в Санкт-Петербургском университете (часть 2) // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2014. Вып. 2.

Шамелашвили Р. М. Рец. на книгу: К. Д. Дондуа Статьи по общему и кавказскому языкознанию. М.: Наука, 1975 // Вопросы языкознания. 1976, № 4. С. 141–144.

Биографика СПбГУ [Электронный ресурс] URL: https://bioslovhist.spbu.ru/.

Петербургский некрополь: https://spb-tombs-walkeru.narod.ru/2019/33.htm.

Сергей Александрович ЖЕБЕЛЁВ (1867–1941)

Сергей Александрович Жебелёв родился 23 сентября 1867 г. в Петербурге. Среднее образование он получил во 2-й классической гимназии, по окончании которой в 1886 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Его учителями в университете были профессора Ф. Ф. Соколов, В. К. Ернштедт, В. В. Никитин, И. В. Помяловский. В студенческие годы вместе с М. И. Ростовцевым и Я. С. Смирновым организовал научный кружок «фактопоклонников», — сторонников «вещной античности», опирающейся на памятники античного искусства. После окончания университета не мог поехать в заграничную командировку из-за необходимости содержать семью.

С 1891 по 1899 гг. работал в университете хранителем Музея древностей при историко-филологическом факультете. Преподавательскую деятельность начал в 1899 г. в должности приват-доцента на кафедре классической филологии, а с 1904 по 1927 гг. — в должности профессора. Занимал административные должности: секретаря факультета (1905–1909), проректора университета (1911–1912), декана факультета (1918–1919), ректора университета (1919).

Одновременно с 1891 по 1903 гг. С. А. преподавал историю в Центральном училище технического рисования Штиглица, с 1894 по 1905 гг. был профессором истории древнего искусства в высшем художественном училище при Академии художеств.

С 1894 по 1918 гг. состоял секретарем классического отделения Русского Археологического общества, с 1903 по 1918 гг. был редактором отдела классической филологии «Журнала Министерства Народного просвещения» (ЖМНП). В 1914 г.

С. А. Жебелёв был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

В 1921 г. принял участие в создании Яфетидологического института, где работал нештатным сотрудником и после его переименования в Институт языка и мышления АН СССР, а в 1941 г. числился штатным сотрудником кабинета классических языков ИЯМ.

В 1919 г. был избран действительным членом вновь учрежденной Российской академии истории материальной культуры (РАИМК), переименованной в 1926 г. в ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры. С. А. Жебелёв работал в составе Этнологического отделения этой академии, остававшейся вне структуры Академии наук СССР. В 1937 г. ГАИМК реорганизована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) им. Н. Я. Марра в Ленинграде с отделением в Москве. В том же году Президиум АН СССР утвердил структуру ИИМК, вошедшего в состав Отделения истории и философии АН СССР и определил его задачи.

В 1927 г. С. А. Жебелёв стал действительным членом Академии наук СССР. С 1940 г. — Заслуженный деятель науки РСФСР.

С середины июля 1941 г. началась работа по эвакуации учреждений Академии наук из Ленинграда. С. А. Жебелёв и Н. С. Державин в сентябре выехали на машине на аэродром, но были вынуждены вернуться обратно из-за начавшейся бомбежки.

Руководство оставшимися в Ленинграде академическими учреждениями осуществляла группа членов Президиума АН в составе академиков Л. А. Орбели, П. И. Степанова и И. И. Мещанинова. Группа работала с 25 августа по 18 октября 1941 г. (протоколы №№ 1–24). В начале ноября, после их эвакуации, руководителем всех академических учреждений Ленинграда стал С. А. Жебелёв, работавший на этом посту до дня своей кончины 28 декабря того же года.

С первого же заседания 4 ноября 1941 г. определилось название органа — «Комиссия по делам ленинградских учреждений АН СССР». В состав комиссии с 5 ноября вошли акад. И. Ю. Крачковский, проф. А. Н. Кириченко и кандидат биологических наук Б. В. Павлова (секретарь). Постоянно присутст-

вовал заведующий Ленинградским академическим хозяйственным управлением (ЛАХУ) М. Е. Федосеев.

За полтора месяца под руководством С. А. Жебелёва состоялось 27 заседаний комиссии (протоколы №№ 25–42), из которых 24 он провел лично. В целом Комиссия занималась регламентацией деятельности научных учреждений Ленинграда, решением кадровых вопросов, включая новые штатные расписания, подготовкой к эвакуации отдельных лиц и учреждений, организацией питания и лечения, обеспечением продовольственными карточками.

Комиссия старалась входить в обстоятельства каждого отдельного сотрудника академического учреждения при решении вопросов персонального финансирования, размещения сотрудника при утрате им жилплощади из-за бомбежек, компенсации аспирантам и докторантам средств за неиспользованный в 1941 г. отпуск, принятия срочных мер для сохранения жизни заболевших ученых.

В круг вопросов Комиссии входило также обеспечение сохранности готовившихся к печати академических изданий путем консервации и эвакуации в Казань наборов наиболее ценных матрицированных книг. Решались вопросы сохранения научных трудов тех ученых, у которых уже не оставалось сил на их завершение.

Заседания Комиссии проходили в здании Академии наук на Университетской наб., д. 5. Комиссия собиралась по 2–3 раза в неделю. Последнее заседание, на котором С.А. Жебелёв, видимо, присутствовал, состоялось 12 декабря 1941 г. Последующие 10 дней заседаний не было, 22 декабря Комиссия собралась самостоятельно. 29 декабря И. Ю. Крачковский объявил о кончине С. А. Жебелёва. Последними словами С. А. Жебелёва, которые услышала от него за два-три дня до его смерти историк М. И. Максимова[1], были: «Нет, в Ленинград мы Гитлера не пустим».

Для организации похорон С. А. Жебелёва была образована комиссия в составе И. Ю. Крачковского, М. Е. Федосеева,

[1] М. И. Максимова (1885–1973) — доктор ист. наук, проф., археолог, исследовала историю античного искусства и античного Причерноморья, историю и культуру эллинизма. Зиму 1941–1942 гг. находилась в блокадном Ленинграде.

А. И. Болтуновой и Д. П. Калистова. Затраты по похоронам Академия наук приняла на себя.

С. А. Жебелёв похоронен на Литераторских мостках Волковского православного кладбища Санкт-Петербурга на участке академиков[2].

Весть о кончине С. А. Жебелёва с горечью была воспринята в научном мире. Его памяти было посвящено объединенное заседание Институтов: Истории, Истории материальной культуры, Мировой литературы Академии наук СССР и Института языка, литературы и истории Узбекского филиала Академии наук. Заседание состоялось 31 января 1942 г. в Ташкенте, куда были эвакуированы академические института из Москвы и Ленинграда, в том числе и Института истории, на базе которого и проходило это заседание.

В Ленинграде была создана также специальная комиссия по вопросу сохранения рукописей, научных материалов и библиотеки С. А. Жебелёва. В 1942 г. его библиотека была передана в ЛО Института истории АН СССР, где сохраняется как мемориальное собрание.

С. А. Жебелёв на протяжении полувека вел большую научную, организационную и педагогическую работу. Он автор почти 300 научных трудов в области античной истории и специально политической истории Древней Греции, археологии, истории древнего искусства, классической филологии, эпиграфики. Его труды по истории Северного Причерноморья были изданы посмертно в 1953 г.

С. А. Жебелёв переводил античных писателей — Аристотеля, Платона, Аппиана. В 1915 г. он издал переработанный перевод Ф. Г. Мищенко «Истории» Фукидида. Ему принадлежат также посмертно изданные труды по истории гуманитарной науки в России, ср.: «Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь

[2] Точное место захоронения осталось незафиксированным. В ноябре 1946 г. в Президиум АН СССР обратились академики И. Ю. Крачковский, Н. С. Державин и И. И. Мещанинов с просьбой установить памятник С. А. Жебелёву в устанавливаемом приблизительно месте его погребения. В 1947 г. на этом предполагаемом месте было установлено надгробие С. А. Жебелёву (архитектор Р. И. Каплан-Ингель).

членов РАО (1846–1924) / Отв. ред., сост., вступит. статья И. В. Тункиной. М.: Индрик, 2017.

Награды: С. А. Жебелёв является Заслуженным деятелем науки РСФСР.

Память: В честь С. А. Жебелёва Историческим факультетом СПбГУ и Центром антиковедения СПбГУ с 1997 г. ежегодно проводятся Жебелевские чтения — Международная конференция по истории античности.

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 729.

Тункина И. В. Жебелёв Сергей Александрович // Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. СПб.: Реноме, 2024. С. 324–327.

К 50-летнему юбилею научно-исследовательской и общественно-политической деятельности акад. С. А. Жебелёва // Вестник древней истории. 1940, № 1. С. 169–187.

К 100-летию со дня рождения акад. С.А. Жебелёва // Вестник древней истории. 1968, № 3. С. 145–175.

Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Историографический очерк. СПб., 2006. С. 293–307.

Баженова Н. М. Ученые — герои Ленинградской блокады: председатель Комиссии Президиума АН СССР по делам Ленинградских учреждений академик Сергей Александрович Жебёлев // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). № 7 (16), 2015. С. 33–35.

Карпюк С. Г., Кулишова О. В. Академик С. А. Жебелёв, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. // Вестник древней истории. 2018, Т. 78, № 1. С. 88–112.

Иван Кириллович ЗБОРОВСКИЙ (1902-?)

Иван Кириллович Зборовский родился в селе Левковцы Шликовской волости Брацлавского уезда Подольской губернии в семье псаломщика. В 1919 г. окончил учительскую семинарию г. Каменец-Подольский и преподавал русский и украинский языки в школе д. Кичмань и г. Томашполь, с 1920 г. — в Союзе работников просвещения СССР.

В 1924 г. служил в армии, в 1924–1927 гг. работал заведующим школой и преподавателем русского языка, а также являлся членом месткома Рабпроса и Ревизионной комиссии Райкома Союза работников просвещения Керчи. В 1927–1930 гг. заведовал семилетней школой и преподавал в областной партийной школе в Симферополе, одновременно учился и в 1930 г. окончил Крымский педагогический институт им. Фрунзе по лингвистическому отделению.

С 1930 по 1934 гг. И. К. Зборовский обучался в аспирантуре Института языка и мышления АН СССР по специальности русское и украинское языкознание. Подготовил и в 1935 г. защитил диссертацию на тему «Сокращенно-сложные слова в литературных русском и украинском языках» на соискание ученой степени кандидата языковедения.

В 1934 г. был принят в штат Института языка и мышления, где в 1934–1944 гг. он работал сначала научным сотрудником, затем — старшим научным сотрудником Кабинета славянских языков и Словарного отдела ИЯМ, по совместительству являясь доцентом по кафедре языкознания в Ленинградском гос. педагогическом институте имени А. И. Герцена.

До июля 1942 г. И. К. Зборовский оставался в блокадном Ленинграде, принимал участие в строительстве оборонных

сооружений, в качестве бойца-пожарника МПВО тушил зажигательные бомбы на крыше Пушкинского Дома. В июле 1942 г. решением Президиума Академии наук СССР он был назначен уполномоченным по эвакуации сотрудников Института в Алма-Ату. Первоначально группа из восьми сотрудников ИЯМ (среди которых были И. К. Зборовский с двумя детьми и его супруга, также сотрудник ИЯМ М. А. Каллистрати) приехала в Казань, но из-за трудностей с размещением их перенаправили в Елабугу, куда на специальном пароходе группа сотрудников ИЯМ отправилась 26 июля. Там они были временно размещены в здании местного педагогического училища.

По приезде в Алма-Ату И. К. Зборовский был назначен на должность старшего научного сотрудника сектора нормативной грамматики русского языка и работал там над темами, связанными со словообразованием и синтаксисом. В сентябре 1944 г. Зборовский с семьей вернулся в Ленинград.

В связи с организацией на базе Института языка и мышления Словарного сектора вновь созданного Института русского языка И. К. Зборовский был назначен старшим научным сотрудником и ученым секретарем Словарного сектора, а также членом Главной редакции и Редакционного совета 17-томного «Словаря современного русского литературного языка». Он участвовал в подготовке I, II и III томов этого словаря.

В 1962 г. И. К. Зборовский уволился из Института в связи с выходом на пенсию.

Награды: Медаль «За оборону Ленинграда» (22.12.1942), медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (06.06.1945), Почетная грамота Президиума АН СССР «За отличную работу» в связи с 220-летием Академии наук (1945).

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 2, д. 44.
Архив ИЛИ РАН № 56 и № 67.
Сайт «POISK.RE».

Евгения Самсоновна ИСТРИНА (1883–1957)

Евгения Самсоновна Истрина (урожд. Кузьменко) родилась в Одессе в семье служащего страхового общества. Рано потеряла мать и с пятого класса Одесской городской женской гимназии вынуждена была давать частные уроки. После окончания с золотой медалью гимназии стала преподавать русский язык в г. Сороки Бессарабской губернии.

В 1903 г. Е. С. Истрина поступила на историко-филологический факультет Одесских женских педагогических курсов, продолжая при этом преподавать в гимназиях. Затем вместе со своим мужем, профессором (с 1907 г. академиком) В. М. Истриным, переехала в Петербург и продолжила учебу на Высших женских Бестужевских курсах, которые окончила в 1909 году по специальности «русская филология», где занималась под руководством А. А. Шахматова и И. А. Бодуэна де Куртенэ, а затем до 1916 года вела занятия там же по общему и сравнительному языкознанию и славяноведению. В 1915–1916 годах Евгения Самсоновна сдала при Петроградском университете магистерские экзамены и приступила к работе над диссертацией «Синтаксические явления синодального списка I-й Новгородской летописи» (опубликована в 1923 г.). Тогда же выходит ее «Руководство по истории русского языка с хрестоматией» (Изд. 3, 1923).

С 1919 года Е. С. Истрина преподавала в Петроградском педагогическом институте (затем ЛГПИ им. Герцена), где стала в 1935 г. профессором. Была тогда же избрана научным сотрудником I разряда Постоянной словарной комиссии Академии наук, а также штатным (в 1921 г.) и сверхштатным (по спискам 1928–1929 гг.) научным сотрудником I разряда

ИЛЯЗВ [1]. Она углубленно занималась проблемами нормами русского литературного языка и культурой речи. Еще до войны самостоятельной сферой ее научных разработок стала методика преподавания русского языка в вузе и в школе.

В списке сотрудников Института языка и мышления на 1 января 1941 г. Е. С. Истрина числилась старшим научным сотрудником Кабинета современного русского языка.

До февраля 1942 г. оставалась в блокадном Ленинграде, в январе 1942 г. была назначена постановлением Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР от 16 января 1942 г. исполняющей обязанности директора. В этой должности она проработала месяц, до своей эвакуации в феврале 1942 г. в Алма-Ату, где в 1942 стала профессором Алма-Атинского университета, а 29 сентября 1943 г. Е. С. Истрина была избрана членом-корреспондентом АН СССР по Отделению литературы и языка.

Находясь в Казахстане, Евгения Самсоновна продолжала исследовательскую работу (Субъект и подлежащее как синтаксический термин // Уч. зап. Казахского ун-та 1946. Т. XI. С. 25–37), наблюдала и анализировала процесс составления двуязычных словарей в национальных республиках. Она разрабатывает новые принципиальные установки для двуязычной лексикографии (русско-национальной и национально-русской). В статье «Заметки по двуязычным словарям» (1944) Е. С. Истрина призывала повысить уровень лексикографической работы в республиках, обратив особое внимание на усвоение «русского литературного языка в целом, в его более нормативных формах», а также на повышение культуры своего национального языка.

В конце войны Истрину приглашают в Москву, и в 1944–1947 гг. она была профессором МГУ.

В 1947 году Е. С. Истрина вернулась в Ленинград в ЛГПИ им. Герцена. С 1950 года она участвовала в работе над 17-томным «Словарем современного русского литературного языка» и была удостоена за этот труд Ленинской премии (посмертно в 1970 г.) При жизни Евгении Самсоновны увидели свет первые семь томов этого Словаря.

[1] Научно-исследовательский институт сравнительной истории, литератур и языков Запада и Востока.

Е. С. Истрина (вместе с акад. В. В. Виноградовым и С. Г. Бархударовым) была одним из главных редакторов двухтомной академической «Грамматики русского языка» (М., 1953–1954, переиздана в 1960). Ею было подготовлено второе издание «Синтаксиса русского языка» А. А. Шахматова. Шахматовские традиции нашли свое отражение и в нормативно-описательной академической «Грамматике русского языка» под редакцией В. В. Виноградова, Е. С. Истриной и С. Г. Бархударова. Самой Истриной в этой грамматике принадлежит раздел «Глагол». Общий список научных публикаций Евгении Самсоновны насчитывает 49 работ, первая из которых была напечатала в 1911 году, а последняя — в 1952 г. Последние годы жизни Евгения Самсоновна страдала от тяжелого недуга.

10 июня 1945 г. Евгения Самсоновна Истрина была награждена Орденом Трудового Красного Знамени. За свою научно-общественную деятельность она также была удостоена Ордена Ленина, нескольких медалей и многих почетных грамот.

Источники

Бабкин А. М. Евгения Самсоновна Истрина. Некролог // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1957. Т. 15, вып. 6. С. 56–573.

Кодухов В. В. Евгения Самсоновна Истрина. 1883–1957 // Русская речь. 1983. №1. С. 83– 87.

Коротаева Э. И. Евгения Самсоновна Истрина о преподавании современного русского языка // Русский язык в школе. 1962. № 6. С. 95–98.

Коротаева Э. И. Евгения Самсоновна Истрина (1883–1957) // Русская речь. 1973. №4. С. 96–101.

Сайт СПбГУ «Биографика» https://bioslovhist.spbu.ru/person/2025-istrina-evgenia-samsonovna.html

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 211; ф. 302, оп. 2, д. 315.

Мария Афанасьевна КАЛЛИСТРАТИ (1899– ?)

Мария Афанасьевна Каллистрати, супруга И. К. Зборовского, родилась в Харькове, родители ее неизвестны. Была взята на воспитание из Харьковского детского приюта и удочерена бездетной вдовой Минадорой Паисьевной Каллистрати. В восьмилетнем возрасте поступила в гимназию в Симферополе и окончила ее в 1916 г. В 1919 г. поступила в Крымский государственный университет, который в 1921 г. был реорганизован в Педагогический институт им. Фрунзе. Окончила его в 1926 г. по словесно-историческому отделению. Во время обучения познакомилась там со студентом И. К. Зборовским, за которого вышла замуж. До 1930 г. работала в Крымской областной психоневрологической школе-санатории в Симферополе в должности педагога и зав. учебной частью.

В 1930 г. переехала в Ленинград с мужем, принятым в аспирантуру ИЯМ. Работала преподавателем русского языка и литературы в разных школах.

До 12 июня 1942 г. жила в осажденном Ленинграде с мужем и двумя детьми — сыном Александром и дочерью Валерией. Весной и летом 1942 г. работала в Институте материальной культуры АН СССР старшим лаборантом. Затем была эвакуирована с семьей в Елабугу, а потом в Алма-Ату.

В конце войны М. А Каллистрати возвратилась в Ленинград, где в сентябре была принята в сектор диалектологии Института русского языка АН СССР на должность младшего научного сотрудника, а с его ликвидацией в 1950 г. переведена на должномть младшего научного сотрудникав ЛО ИЯ АН СССР. Работала по выборкам материала для Словаря современного русского литературного языка.

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 2. д. 44.
Архив ИЛИ РАН № 56 и № 67.

Борис Иванович КОПЛАН (1898–1941)

Борис Иванович Коплан родился 22 июля 1898 г. в Петербурге. Начальное образование получил в городском училище, среднее — в гимназии им. Петра Великого, которую окончил с золотой медалью.

С 1917 по 1921 гг. учился на историко-филологическом факультете Петроградского университета, по окончании которого был оставлен при кафедре русского языка и литературы. Одновременно с учёбой, в 1918–1919 годах, работал библиографом в Книжной палате под руководством С. А. Венгерова.

С 1919 г. по 1929 гг. работал в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) в должности хранителя рукописного отдела и ученого секретаря. В 1921 г. учился в Петроградском православном богословском институте, до 1930 г. был регентом хора университетской церкви в память Всех Святых в Земле Российской просиявших. В 1923 г. женился на С. А. Шахматовой, дочери академика А. А. Шахматова.

1 декабря 1929 г. был арестован по «Академическому делу». В начале марта 1930 г. был освобожден, но разрешения работать в академических учреждениях не получил и в Пушкинский Дом больше не вернулся. Перешел на работу корректором в типографию газеты «Красная Звезда», но в октябре 1930 г. был снова арестован. В феврале 1931 г. был осужден на 10 лет лагерей, отбывал наказание на лесоповале в Карелии. Благодаря хлопотам жены и заступничеству акад. С. Ф. Ольденбурга приговор был пересмотрен и срок снижен до трех лет. В 1931–1933 гг. был в административной высылке в Средневолжский край: работал статистиком на крахмальном заводе в Ульяновске, затем в Мелекессе (ныне Димитровград) техническим секретарем в райисполкоме, в учебной части рабфака, библиотекарем.

В 1933 г. вернулся в Ленинград, работал по договорам в «Библиотеке поэта», принимал участие в подготовке издания полного академического собрания сочинений Пушкина (том 10).

В середине 1930-х годов был сотрудником Ю. Н. Тынянова, работал над двухтомным собранием сочинений В. Кюхельбекера.

В 1938 г. принят в штат Института языка и мышления АН СССР им. Н. Я. Марра. В группе Древнерусского словаря выполнял обязанности редактора, с 1940 г. — главного редактора Словаря.

С началом Великой Отечественной войны принимал участие в оборонно-строительных работах, нес дежурства по ПВО, обучался по программе Всеобуча по рабочему отряду Академии наук, прошел 40-часовые районные курсы ПВХО.

В ноябре 1941 г. был арестован по обвинению в ведении антисоветской пораженческой пропаганды, приговорен к ВМН. По одним данным умер 29 декабря 1941 г. в тюрьме от острой сердечной недостаточности, по другим — расстрелян 9 декабря 1941 г.

Лучшее представление о научном облике Б. И. Коплана дает справка, подготовленная руководством Пушкинского Дома в поддержку ходатайства о его освобождении при первом аресте.

ПУШКИНСКИЙ ДОМ
Академия наук СССР
26.XI.1929 г. № 1127

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Борис Иванович КОПЛАН провел на работе в Пушкинском Доме Академии наук СССР или точнее — отдал ему 10 лет своей жизни (с 1919 по 21.X.1929 г.), так как именно на работе в нем и для него он сосредоточил самое близкое участие во всех организационных работах Пушкинского Дома с первых дней существования последнего, как академического учреждения, в особенности же за последние пять лет, неся наряду с обязанностями Ученого Хранителя и сложные обязанности ученого секретаря.

Трудом, знаниями и вкладами он участвовал во всех стадиях развертывания Пушкинского Дома как хранилища, Музея и научно-исследовательского Института; он искал и не упускал случая обогатить собрания Пушкинского Дома, и за 10 лет, путем специальных поис-

ков и научно-коллекторских поездок в разные концы Союза, успел привлечь в Пушкинский Дом свыше тридцати рукописных коллекций и архивов, в том числе — весь архив семьи Аксаковых (свыше 10 000 документов). архив С. Д. Дрожжина, собрание Н. М. Петровского, архив Ф. Е. Будде, 4 автографа А. С. Пушкина, автографы Державина, Львовых, Ознобишина, Бакуниных, Тургенева, Л. Толстого. При его посредстве поступило в Музей Пушкинского Дома свыше 300 ценных экспонатов (портретов, рисунков, меморативных предметов и т.п.), а в библиотеку — свыше 500 томов редких книг XVIII и начала XIX в.

Еще больше проявил он усердия, соединенного с знаниями, в научно-исследовательских работах Пушкинского Дома. Будучи специалистом по истории литературы XVIII — начала XIX века, он единолично описал все рукописи и издания XVIII века, хранящиеся в Пушкинском Доме: реальным памятником этой работы Б. И. Коплана остаются одиннадцать томов сделанного им описания рукописного фонда XVIII века; столь же реальным следом его работы в стенах Пушкинского Дома остаются его многочисленные доклады в научных собраниях Пушкинского дома и, наконец, его печатные труды — текстологического, исследовательского и биографического характера.

Все они, как и вся работа Б. И. Коплана в Пушкинском доме, в общем составляют весьма заметный и ценный вклад в науку истории литературы, в которой он уже успел приобрести свое место; в ряду научных работников, зарегистрированных ЦЕКУБУ СНР [1]*, он состоит по основной группе ученых (В).*

Директор, академик (П. Сакулин)
Старший Ученый Хранитель (И. Кубасов)

[1] ЦЕКУБУ СНР – Центральная комиссия по улучшению быта ученых Секции научных работников.

Жена и сын Коплана умерли в один день 5 января 1942 г. в блокадном Ленинграде от голода и истощения сил.

Библиотека Коплана (около 1500 книг, из них 82 с автографами, и рукописный материал) как бесхозная 15 апреля 1943 г. поступила в Публичную библиотеку.

Источники:

Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. / РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

Молодяков В. Э. [Предисловие] // Коплан Б. Старинный лад. Собрание стихотворений (1919–1940). М.: Водолей, 2012.

Суздальцева Т. Н. Книги из личной библиотеки филолога Б. И. Коплана. // Библиосфера. 2010. № 3. С. 19–25.

Екатерина Петровна ЛААТИКАЙНЕН[1] *(1907–1943)*

Родилась Екатерина Петровна Лаатикайнен (Латикайнен) в крестьянской семье в Петербургской губернии в деревне Старица под Гатчиной. В 1920 г. поступила в Красногвардейский финский техникум[2] и в 1924 г. его окончила, с сентября 1924 г. по сентябрь 1926 г. работала учителем математики и русского языка Карлинской неполной средней школы им. Ленсовета Красносельского р-на Ленинградской области.

В 1926 г. она поступила на отделение финского языка и литературы ЛГПИ, по окончании которого в 1930 г. была оставлена преподавателем финского языка и методики преподавания «по кафедре нацмен языков»; одновременно окончила при этом же институте краткосрочную аспирантуру по методике преподавания. Работала в ЛГПИ до сентября 1936 г. и была отчислена «за неполучением поручения в связи с переводом финской секции в Карельский Педагогический Институт» (СПбФ АРАН. Ф. 2, оп. 19, д. 8).

С 1934 г Е. П. Лаатикайнен — аспирант по специальности финский язык в Ленинградском НИИ языкознания, а после перевода аспирантуры в ЛГУ окончила ее там в 1937 г.

В 1936 г. в связи с переводом финского сектора ЛГПИ в Петрозаводск в соответствии с приказом Наркомпроса РСФСР со 2 курса аспирантуры (после сдачи кандидатского минимума) работала преподавателем Карельского пединститута (сентябрь 1936 — октябрь 1937). С июня 1937 г. по январь 1938 г. Лаатикайнен — научный сотрудник ЛО Института повышения квалификации учителей, а с февраля 1938 г. по январь 1940 г. — учитель русского языка и литературы 3-й средней школы

---

[1] В свидетельстве № 2658 об окончании ЛГПИ им. Герцена в мае 1930 г. ее фамилия значится как Икатти.

[2] Первоначально это была Гатчинская учительская семинария, открытая в 1871 году и переименованная в 1920 г. в Гатчинский финский педагогический техникум, а в 1932 г. — в Красногвардейский областной педагогический техникум им. Н. К. Крупской. Он существует и поныне (с 2001 г. это Гатчинское высшее педагогическое училище (колледж) им. К. Д. Ушинского).

Смольнинского района. Все эти годы выполняла задания Карельского Наркомпроса и Ленинградского Облоно.

С 1933 по 1940 годы Е. П. Лаатикайнен опубликовала несколько учебников и программ по финскому языку: «Программа финского языка для неполной средней и средней школы и объяснительная записка к ней» (Леноблоно, 1933); «Программа финского языка для школы» (Петрозаводск: ГИЗ, 1935); «Краткая методика преподавания финского языка» (ГИЗ, 1933); «Учебник синтаксиса финского языка для средней школы» (ГИЗ, 1934, 1935, 1936); «Учебник финского языка для русских» (ГИЗ, 1940).

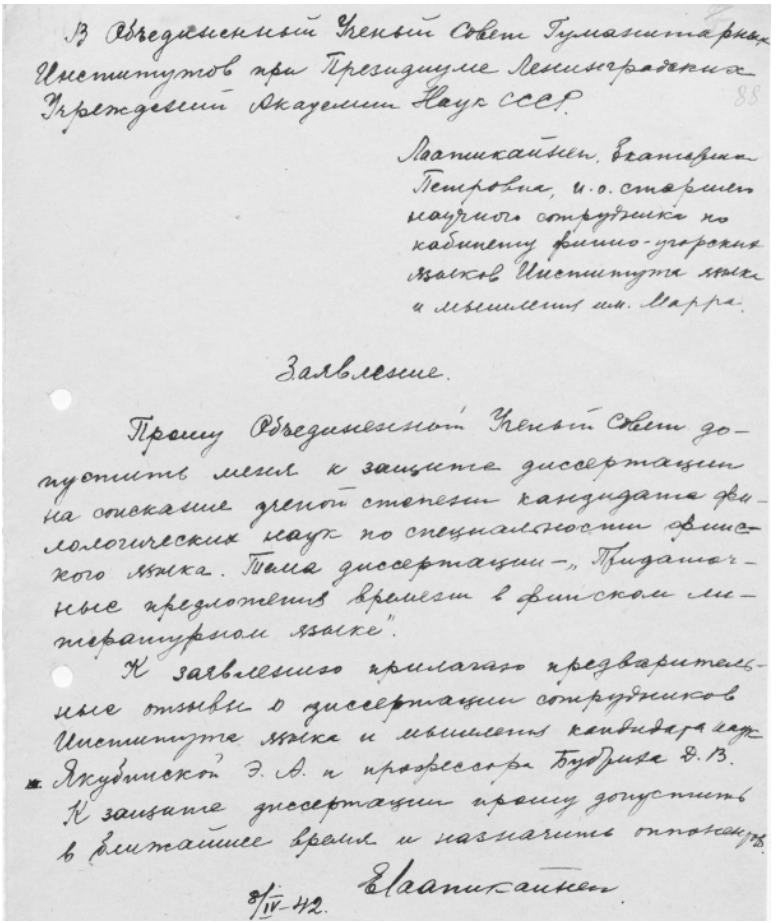
В январе 1940 г. Е. П. Лаатикайнен была принята на работу на должность старшего научного сотрудника финно-угорского кабинета Института языка и мышления им. Н. Я. Марра и была секретарем этого кабинета. В 1940–1941 гг. занималась редактированием финско-русского словаря (45 п. л.), составленного группой сотрудников Института (вышел в свет в 1942 г.), руководила работой по составлению русско-финских словарей в Карельском НИИ культуры (Петрозаводск).

После начала войны Екатерина Петровна не сразу попала под вынужденное сокращение штатов. По отчетам ИЯМ на октябрь 1941 г. значится, что она была одной из трех оставшихся научных сотрудников Кабинета финно-угорских языков, выполняла «задания по оборонной работе» при Геочасти Штаба Ленинградского военного округа и составила русско-финский военный разговорник и «буквы А-Е русско-финского военного словаря». Из характеристики Е. П. Лаатикайнен, подписанной и.о. директора Института Э.А. Якубинской 22 апреля 1942 г.: «… С самого начала Отечественной войны с фашистами тов. Лаатикайнен много работала по специальным заданиям Штаба Северо-Западного фронта. Кроме того ею составлен финско-русский военный разговорник и составляется финско-русский словарь военных терминов» (СПбФ АРАН. Ф. 2, оп. 19, д. 8).

Из отзыва проф. Д. В. Бубриха, зав. кабинетом финно-угорских языков, от 14 августа 1941 г.: «….Е. П. Лаатикайнен является вообще чрезвычайно полезным, деятельным, способным и знающим научным работником и превосходным педагогом» (СПбФ АРАН. Ф. 2, оп. 19, д. 8).

Начало войны помешало ей защитить уже принятую Ученым советом ИЯМ кандидатскую диссертацию. Защита

состоялась 24 июня 1942 г. в Москве на Объединенном Ученом совете институтов языка, литературы и истории АН СССР. Тема диссертации «Придаточные предложения времени в финском литературном языке».

В Объединенный Ученый Совет Гуманитарных Институтов при Президиуме Ленинградских Учреждений Академии Наук СССР.

Лаатикайнен, Екатерина Петровна, и.о. старшего научного сотрудника по кабинету финно-угорских языков Института языка и мышления им. Марра.

88

Заявление.

Прошу Объединенный Ученый Совет допустить меня к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности финского языка. Тема диссертации – „Придаточные предложения времени в финском литературном языке".

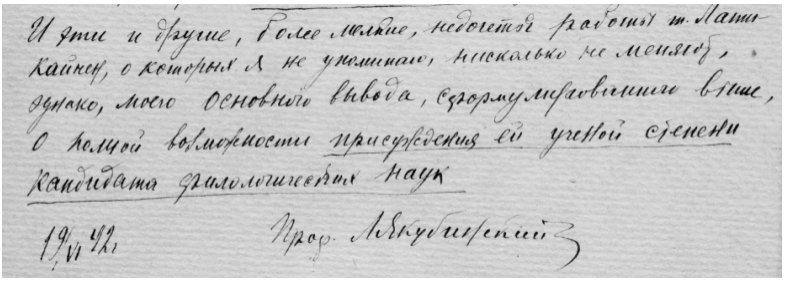
К заявлению прилагаю предварительные отзывы о диссертации сотрудников Института языка и мышления кандидата наук Якубинской Э. А. и профессора Бубриха Д. В.

К защите диссертации прошу допустить в ближайшее время и назначить оппонентов.

8/IV-42. Е. Лаатикайнен.

Заявление Е. П. Лаатикайнен от 8 апреля 1942 г. в объединенный Ученый совет о допуске к защите (СПбФ АРАН. Ф. 2, оп. 19, д. 8, стр. 88).

Сохранился протокол № 6 заседания этого совета, на котором, в частности, присутствовали: И. И. Толстой, В. П. Андрианова-Перетц, Н. В. Пигулевская, С. И. Ковалев, Э. А. Якубинская, С. М. Абрамзон, А. И. Андреев, И. И. Яковкин и др. Официальными оппонентами выступили проф. Л. П. Якубинский и к.ф.н. Э. А. Якубинская. «За» проголосовали 16 человек, «против» — нет, воздержались — 2.

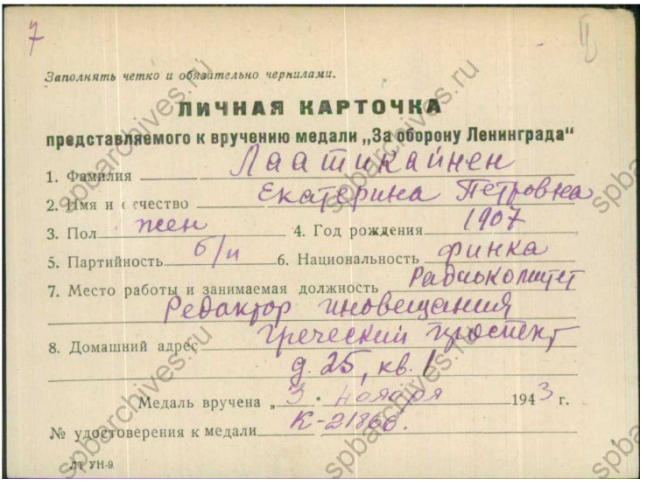

Последняя страница отзыва Л. П. Якубинского на диссертацию (СПбФ АРАН. Ф. 2, оп. 19, д. 8, стр. 115)

Е. П. Лаатикайнен была уволена из Института языка и мышления в июле 1942 г. в связи с его эвакуацией.

В августе 1942 г. она поступила в Публичную Библиотеку на должность библиотекаря 1-го разряда. По воспоминаниям сотрудницы библиотеки М. В. Машковой, Е. П. Лаатикайнен — «замечательный человек, образец человека, матери, друга без назойливой добродетели. Тонкий и крепкий организм, талантливая, скромная, мужественная, честная, организованная. Просто удивляет совершенностью…». Она активно участвовала в спасении бесхозных книг, рукописей, архивов погибших и эвакуированных ленинградцев, в работе бригады по разборке деревянных домов на дрова. С ноября 1942 г. была переведена на полставки в связи с необходимостью «выполнения заданий по специальности». Уволена из библиотеки 14 марта 1943 г. в связи с переходом на работу ответственным редактором финского отдела Ленрадиокомитета.

3 ноября 1943 г. Екатерине Петровне Лаатикайнен была вручена медаль «За оборону Ленинграда», а уже через несколько дней ее не стало.

Заполнять четко и обязательно чернилами.

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА

представляемого к вручению медали „За оборону Ленинграда"

1. Фамилия Лаатикайнен
2. Имя и отчество Екатерина Петровна
3. Пол женск. 4. Год рождения 1907
5. Партийность б/п 6. Национальность финка
7. Место работы и занимаемая должность Радиокомитет Редактор изобретений
8. Домашний адрес Греческий пр. д. 25, кв. 1

Медаль вручена „ 3 ноября 1943 г.

№ удостоверения к медали К-21366.

Умерла Екатерина Петровна 27 ноября 1943 г. от кровоизлияния в мозг вскоре после гибели мужа от осколка во время артобстрела города (проживала семья Лаатикайнен на Греческом пр., дом 25, кв.1). Оставшихся сиротами детей Екатерины Петровны — дочь Вуокко и сына Вальфрида — воспитали сотрудники Публичной библиотеки М. В. Машкова и В. А. Марин.

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 2, оп. 19, д. 8. (материал по защите диссертации 1942); Ф. 2, оп. 19, д. 10 (диссертация).

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Сайт ИЛИ РАН.

Сайт РНБ — https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=941

Исаак Григорьевич ЛИВШИЦ (1896–1970)

Исаак Григорьевич Лившиц родился в 1896 г. в г. Гродно. Отец — личный почетный гражданин, учитель, позже — казенный раввин, мать — учительница. После окончания Нижегородской гимназии в 1915 г. поступил в Московский университет на медицинский факультет, но в 1919 г. перевелся на историко-филологический, в 1921–1923 гг. работал научным сотрудником в Толстовском музее.

В 1923 г., в связи с изучением восточных языков, И. Г. Лившиц перевелся в Петроградский государственный университет на факультет общественных наук, который окончил в 1925 г. В том же году он был принят сотрудником в Институт языка и мышления АН СССР, где работал под руководством акад. Н. Я. Марра и проф. И. Г. Франк-Каменецкого по основной своей специальности — египтологии: сначала, в 1925–1927 гг., вне штата, с 1928 — штатным сотрудником, до 1932 г. научным сотрудником 2 разряда, позже — научным сотрудником 1 разряда Кабинета семито-хамитских языков.

Одновременно с 1926 по 1929 г. обучался в аспирантуре Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока[1] при ЛГУ.

[1] Создан в 1919 при Петроградском университете как Институт имени А. Н. Веселовского, в 1921 году переименован в Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока. В 1930 г. преобразован в Государственный институт речевой культуры.

Известно письмо Н. Я. Марра от 5 января 1926 г. с рекомендацией и просьбой об обеспечении нормальных условий жизни И. Г. Лившица (без адреса):

«Могу удостоверить, если это может иметь значение, что И. Г. Лившиц, по специальности египтолог, мне как молодой научный работник хорошо известен. Ввиду проявленного им интереса к яфетической теории, выразившегося в слушании моих лекций и в прохождении курса грузинского языка, он допущен мною к занятиям в двух группах Яфетического института (в группах жилищных терминов и клинописных языков). В будущем я ожидаю от И. Г. Лившица значительной помощи в лингвистических работах над яфетическими языками и по прослеживанию яфетических элементов в египетском языке, но успешность его работ зависит от материального положения, которое в настоящее время совершенно не обеспечено, так как по Исследовательскому институту языков и литератур Запада и Востока, в каковом он состоит научным сотрудником, он никакого вознаграждения не получает. Поэтому вполне признаю, что обеспечение его в материальном положении представляется вполне желательным» (МИ ИЛИ: 148).

Работы И. Г. Лившица, вышедшие в эти годы, посвящены проблемам египетского языка и письменности, истории египтологии. В мае 1936 г. ему была присвоена ученая степень «кандидата общественных наук по разделу языковедения» по совокупности работ без защиты диссертации.

По данным личного дела, на октябрь 1940 г. Исаак Григорьевич был женат, проживал с семьей на 6-й Красноармейской ул., дом 1, кв. 27 (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 517).

На начало Великой Отечественной войны И. Г. Лившиц — старший научный сотрудник Кабинета семито-хамитских языков.

В личном деле И. Г. Лившица имеется справка, выданная ему в августе 1941: «В связи с эвакуацией Института языка и мышления им. Марра Академии Наук СССР, производящейся согласно распоряжению Правительства, старший научный сотрудник Лившиц, Исаак Григорьевич

подлежит эвакуации 22 августа 1941 года. Дана для представления в Военкомат. Директор Института академик И. И. Мещанинов (подписи нет), ученый Секретарь С. Л. Быховская (подпись). Однако в первую блокадную осень/зиму И. Г. Лившиц оставался в осажденном городе.

Сохранился его отчет за 3-й квартал 1941 г.: «...продолжал работу по теме «Египетские детерминативы (к истории египетского языка)»: занимался систематизацией и пополнением картотеки и проработкой ряда египетских текстов. Оформил к печати статью «К папирусу Harris I 65a. 9 (из области египетской семантики)».

В феврале 1942 г. Лившиц был эвакуирован сначала в Казань, а затем в Ташкент. 27 мая 1943 г. ему было присвоено звание старшего научного сотрудника.

Вернулся Исаак Григорьевич в Ленинград в мае 1944 г. и приступил к работе в Институте. На 1 ноября 1945 г. он числится одним из двух сотрудников Отдела семито-хамитских языков (старший научный сотрудник, кандидат филологических наук).

По распоряжению Президиума АН СССР в апреле 1948 г. И. Г. Лившиц был переведен в Институт востоковедения АН СССР, в связи с сосредоточением там работ по египтологии. В Институте востоковедения он проработал до его реорганизации (август 1950 г.). Затем в течение нескольких лет выполнял работы для АН СССР по договору. В мае 1955 г. он был принят на должность старшего научного сотрудника в ЛО Института истории АН СССР, а в 1959 г. с группой востоковедов, работавших в это время ЛОИИ, был окончательно переведен в Институт востоковедения АН СССР — в Кабинет Древнего Востока. В 1963 г. И. Г. Лившиц по совокупности опубликованных работ был удостоен степени доктора филологических наук.

Главное место в наследии ученого занимают публикации ранних саркофагов из собрания В. С. Голенищева, полный каталог которых так и не вышел в свет. Много работал он и над проблемами египетского языка и письменности, истории египтологии. Его антология произведений классической египетской литературы «Сказки и повести Древнего Египта» остается лучшим собранием переводов древнеегипетских историй на русский язык. Всего им опубликовано более 30 крупных научных работ.

Почти сразу по окончании войны в 1946 г. И. Г. Лившиц был награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «За оборону Ленинграда».

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 969, оп. 1. д. 428 (письмо И. И. Мещанинову 1943 г.); Ф. 77, оп. 5. д. 517 (личное дело).

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Милибанд С. Д. Востоковеды России. XX–начало XXI в. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М.: «Восточная литература», 2008. Том I. С. 810.

Сайт Института восточных рукописей РАН.

Сайт Санкт-Петербургского института истории РАН: http://www.spbiiran.nw.ru/livshiz_i_g/.

Людмила Сергеевна ЛЯПУНОВА (1898–1942)

Людмила Сергеевна Ляпунова родилась в 1898 г. в Петербурге в семье композитора Сергея Михайловича Ляпунова.

Из автобиографии:

«*Отец — Сергей Михайлович Ляпунов, дворянин, композитор, профессор Ленинградской консерватории по классу рояля и классу композиции. Мать — Евгения Платоновна Ляпунова, рождённая Демидова, дворянка, с неоконченным музыкальным образованием.* <…>

В 1922 г. отец привлекался к ответственности по церковному процессу в Ленинграде, был условно приговорен к шести месяцам лишения свободы; вскоре судимость была с него снята. В 1932 г. в Ленинграде был привлечен к ответственности по ст. 58 § 10. Брат — Борис Сергеевич Ляпунов, священник, приговорен к 10 годам концлагеря, каковое наказание и отбывает в настоящее время в 4-м Отделении Сиблага НКВД.

В войсках и учреждениях белых правительств никто из родственников никогда не служил.

В 1923 г. отец был командирован за границу в Германию и Францию. В ноябре 1924 г. он скончался в Париже.

Л. С. Ляпунова окончила в 1915 г. Женскую классическую гимназию в Москве. По окончании занималась на частных курсах стенографии Сапонько в Петербурге, которые бросила в начале 1917 г. в связи с волнениями в городе и произошедшей затем революцией. В 1918 г. поступила в ЛГУ, но вследствие необходимости совмещать учение со службой, занималась с перебоями и выбыла с первого курса. В 1920 г. поступила вторично в ЛГУ на классическое отделение, по закрытии которого перешла на отделение общего языкознания. В 1925 г. окончила ЛГУ по секции языко-

знания этнолого-лингвистического Отделения ФОН. Специализировалась на изучении русского языка.

<…> Работать начала в 1918 г. первоначально в качестве личного секретаря Е. Д. Стасовой, затем машинисткой в Петроградском бюро ЦК ВКП(б) вплоть до его перевода в Москву. В начале 1919 г. перешла на работу в Агит.-Орг. Отделение Военного Комиссариата на должность машинистки. В конце 1919 г. оставила по болезни работу на машинке и перешла в библиотеку Академии истории материальной культуры на должность каталогизатора. Работу в библиотеке оставила в 1920 г. для окончания образования. В апреле 1924 г. поступила в Издательство Российской академии наук на должность ученого корректора. В 1930 г. переведена на должность технического редактора в том же издательстве. В мае 1933 г. перешла на работу в Институт языка и мышления на должность научного сотрудника Словарного отдела. В 1934 г. переведена на должность редактора Словарного отдела. За время работы взысканиям нигде не подвергалась.

В марте 1933 г. премирована за ударную работу почетной грамотой.

<…> В 1934 г. была избрана культуполномоченным по ИЯМ'у. В 1935 г. сдала эту работу, получив от МК АН СССР нагрузку по сектору ликбеза. В настоящее время состою уполномоченным по театральным билетам.

<…> На состояние здоровья не жалуюсь. В дальнейшем хочу продолжать изучение русского языка и на этом чувствую себя наиболее пригодной.

31 мая 1936 г. Л. Ляпунова».

За время работы в ИЯМ в группе «Словаря современного русского языка» Л. С. Ляпунова написала главу «Слитное и раздельное письмо» в «Орфографическом справочнике» (М., 1936. С. 64–85), составила около 80 листов словарных статей и проявила себя «вполне сложившимся работником в области русской лексикографии», принося «большую пользу своими знани-

ями западноевропейских языков и тонким языковым чутьем» (из отзыва И. А. Фалёва).

Одновременно с сентября 1938 г. Л. С. Ляпунова преподавала латинский язык в ЛГПИ им. А. И. Герцена.

Когда началась Великая Отечественная война, Л. С. Ляпунова оставалась в Ленинграде. После эвакуации И. И. Мещанинова, смерти С. А. Жебелёва и эвакуации Е. С. Истриной, последовательно исполнявших обязанности директора ИЯМ, Л. С. Ляпунова была утверждена исполняющей обязанности директора (постановление Комиссии по делам Ленинградских учреждений АН СССР от 19 февраля 1942 г.).

На этом посту Л.С. Ляпунова проработала чуть больше месяца: 27 марта 1942 г. она умерла от голода[1]. Место ее захоронения неизвестно.

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. № 379.

Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005.

[1] В том же 1942 г. в мае месяце скончалась от последствий многомесячного голодания в блокадном Ленинграде и ее старшая сестра Ксения Сергеевна Ляпунова (1895–1942), которая в апреле 1942 г. эвакуировалась в г. Мелекесс (совр. Димитровград) Ульяновской обл. К. С. Ляпунова была искусствоведом, работала в Государственном Эрмитаже. После войны в 1951 г. вышла в свет ее книга «Художественные ткани коптского Египта», подготовленная ею в соавторстве с М. Э. Матье.

Иван Иванович МАЙШЕВ (1904–1942)

Из автобиографии, написанной И. И. Майшевым в ноябре 1940 г.:

«*Родился 5 сентября 1904 г. в дер. Кушкалово, Нолинского уезда, Вятской губернии, в семье крестьянина. В 1904 г. окончил земскую школу, а в 1916 г. двухклассное министерское училище и поступил в 1917 г. во 2-й класс реального училища. В средней школе пробудился интерес к общественным наукам, особенно к истории и истории литературы. По окончании средней школы в 1923 г. поступил в Вятский Педагогический Институт на литературно-лингвистическое отделение. В институте принимал участие в деятельности студенческого этнографического кружка и работал над некоторыми листами этнографической карты Сибири Ак. Наук. Кроме того, принимал деятельное участие в дополнении и исправлении Вятского областного словаря. К 1925 г. относится мое знакомство с учением Н. Я. Марра. Вследствие этого заинтересовался языками нацмен, живущих в Вятской губернии. Занялся изучением коми языка. В 1926 г. состоялась экспедиция Вятского научно-исследовательского Института краеведения в область Коми, в долину реки Летки. Я принимал участие в этой экспедиции и собирал лингвистический материал по коми-пермяцким диалектам. В 1926 и 1927 г. еще предпринял несколько поездок в те места. Следствием этого явилась моя работа «Опыт сравнительного словаря пермяцких диалектов», которую в 1927 г. я защитил как*

дипломную. (Она приобретена Ак. Наук и хранится в рукописном отделе Библиотеки Ак. Наук СССР). Был выдвинут литературно-лингвистической кафедрой и общественными организациями института на научную работу. В институте в течение 2 ½ лет был лаборантом при кабинете этнографии.

В сентябре 1927 г. выдержал аспирантские экзамены в Москве в РАНИОН и в декабре был зачислен аспирантом в ИЛЯЗВ. Но в том же году попросил годичный отпуск и работал преподавателем русского языка и литературы в Вятской губсовпартшколе и Уржумском педагогическом техникуме. С ноября 1928 г. по октябрь 1931 г. вел аспирантскую работу. Будучи аспирантом, интересовался проблемами общего языкознания, в особенности новым учением о языке. Участвовал в семинаре Н. Я. Марра. В 1931 г. окончил аспирантуру, но диссертации не защищал.

С 1931 г. зачислен научным сотрудником в ИРК, впоследствии ЛНИЯ. 1931 и 32 год работал в качестве бригадира в бригаде по учебнику русского языка для немецких рабочих и специалистов, который был окончен, но не издан. С 1933 г. состою доцентом по коми языку на филфаке Ленинградского университета.

С 15 апреля 1937 года по 1 июля 1938 г. состоял старшим научным сотрудником Ленинградского Отделения Центр. Ин-та языков и письменности народов СССР при Президиуме ЦИК СССР, который потом был слит с Институтом языка и мышления Академии Наук СССР. С 1 февраля 1938 года состою старшим научным сотрудником Ин-та языка и мышления Ак. Наук СССР.

29 мая 1937 года защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук и 9 июня 1937 года квалификационной комиссией Института языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра мне присвоена ученая степень кандидата филологических наук.

Моя научная специальность пермские языки: коми, коми-пермяцкий и удмуртский. В настоящее время

веду подготовку к написанию докторской диссертации на тему: «Система глагола в пермских языках», которая будет закончена к концу 1942 года.

Кроме того, веду курс коми языка на филологическом факультете Университета и руковожу аспирантами, специализирующимися по коми языку.

В 1938 году Наркомпрос РСФСР утвердил алфавит и орфографию для коми и коми-пермяков по моему проекту.

В настоящее время консультирую работников Коми исследовательского института по составлению коми-русского словаря.

В 1940 году вышли мои две грамматики для учителей: 1) «Грамматика коми языка» 6 ½ печатных листов и 2) «Грамматика коми-пермяцкого языка» 6 ½ печатн. листов.

Находится в издании моя работа «Происхождение и развитие послелогов в пермских языках» 12 печатных листов. К концу 1940 года закончу грамматику для вузов «Грамматика коми языка сравнительно с коми-пермяцким» 15 печатных листов, которую предполагает издать Наркомпрос Коми АССР.

С 1 февраля 1931 года по настоящее время работаю доцентом по кафедре русского языка и стилистики Ленинградского Государственного Ин-та журналистики им. В. В. Воровского.

19 ноября 1940 г. И. Майшев (подписано)»

(СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 382).

И. И. Майшев — крупный специалист по коми-пермяцкому языку, один из зачинателей советского комиведения. Основной труд И. И. Майшева — «Грамматика коми-пермяцкого языка». М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. (Труды Института языка и мышления имени Н. Я. Марра. Серия Fenno-Ugrica № 2).

Согласно анкете, заполненной 15 июля 1941 г., — женат, имеет двоих детей и проживает: Дворцовая наб., дом 18[1], кв. 6; «военного билета не имеет, есть временная справка для вызова» (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 382).

На начало 1941 г. Иван Иванович Майшев — старший научный сотрудник Кабинета финно-угорских языков ИЯМ. В отчете за третий квартал 1941 г. этого кабинета отмечено, что ст. н.с. И. И. Майшев с начала июля по середины сентября находился на оборонных работах за городом, а по возвращении написал введение к своей монографии «Грамматика коми языка».

Умер от голода в возрасте 37 лет в январе 1942 г.; место захоронения неизвестно. Выписка из приказа № 34 по Институту языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР от 31 декабря 1942 г. «Считать отчисленными из состава сотрудников Института ввиду смерти следующих научных сотрудников: <....> № 3 ст. науч. сотр. Майшева И. И. с февраля с. г.

Э. А. Якубинская (подпись)».

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 382.

Возвращенные имена. Книги памяти России. Книга памяти «Блокада, 1941–1944». https://visz.nlr.ru/blockade/show/1294479

Исследователи коми языка: биобиблиографический указатель / Гуляева Н. И. [и др.]; Министерство национальной политики Республики Коми, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар: Анбур, 2017.

Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Сайт Ассоциации выпускников СПбГУ.

[1] Сейчас это адрес Института истории материальной культуры РАН.

София Венедиктовна МЕЛИКОВА-ТОЛСТАЯ (1885–1942)

София Венедиктовна Меликова-Толстая родилась в 1885 г. в Петербурге. Обучалась в Императорском воспитательном обществе благородных девиц (Смольном институте), который окончила в 1902 г. С 1903 по 1909 гг. была слушательницей Высших женских (Бестужевских) курсов, училась на историко-филологическом отделении у Ф. Ф. Зелинского и М. И. Ростовцева. По окончании была оставлена при курсах для дальнейшей научной деятельности. Получила командировку в Берлинский университет, где определились ее научные интересы — язык ранней греческой прозы и греческая диалектология.

По возвращении из Германии в 1911 г. преподавала древние языки на Бестужевских курсах. В 1912 г. поступила на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и в 1917 г. сдала магистерский экзамен. В 1912 –1918 гг. преподавала на Высших женских курсах и в Женском педагогическом институте[1].

---

[1]Женский педагогический институт (1903–1918) — высшее учебное заведение Российской империи в Санкт-Петербурге. Институт был основан 23 июня 1903 г. на базе Педагогических курсов при Санкт-Петербургских женских гимназиях, открытых в системе Ведомства учреждений императрицы Марии (1859). Целью института была подготовка преподавательниц для всех классов женских учебных заведений. В 1918 г. институт был преобразован в 1-й Петроградский государственный педагогический институт, который в 1922 г. был объединен с 3-м Петроградским педагогическим институтом им. А. И. Герцена с образованием единого Петроградского педагогического института имени А. И. Герцена.

С 1917 по 1920 г. была экстраординарным профессором Саратовского университета на кафедре классической филологии[2]. С именем Меликовой связаны первые шаги в становлении классической филологии в Саратовском университете. Она самостоятельно выстроила учебный план занятий для классического отделения. Помимо лекций, важное место в преподавании занимали семинары (семинарии) и практические занятия по языкам — древнегреческому и латыни. В 1917 г. С. В. читала курс истории греческой литературы, в 1918–1919 учебном году читала «Одиссею» с историко-литературным введением об эпосе и «Эклоги» Вергилия с введением в историю римской литературы эпохи Августа. По просьбе историков вела семинарий по Геродоту, читала «Поэтику» Аристотеля и греческую метрику.

Наряду с преподавательской деятельностью С. В. продолжала и научные исследования, вводя в круг своих интересов новые темы, в частности, исследуя серенаду как жанр греческой литературы.

Здесь, в Саратовском университете у С. В. учились два талантливых студента — А. И. Доватур (1897–1982) и А. В. Болдырев (1896–1941), а ее семинар регулярно посещала уже завершившая классическое образование на Бестужевских курсах М. Е. Сергеенко (1891–1987).

В 1920 г. С. В. вернулась в Петроград, где вскоре вышла замуж за И. И. Толстого (1880–1954). С 1921 по 1923 г. преподавала в Петроградском богословском институте[3]. В 1924 г. поступила на работу в Библиотеку Академии наук, где проработала до 1938 г. Главным итогом ее работы в БАН явился созданный ею систематический каталог по языкознанию и истории литературы, действующий в библиотеке и поныне.

---

[2] Историко-филологический факультет в Саратовском университете был открыт одновременно с физико-математическим и юридическим 1 июля 1917 г. по решению Временного правительства. Его первым деканом был проф. С. Л. Франк, а первыми преподавателями — лучшие выпускники университетов Петербурга и Москвы.

[3] Петроградский православный богословский институт — негосударственное высшее богословское учебное заведение, созданное в 1920 г. преподавателями закрытой Петроградской духовной академии и профессорами светских вузов для обучения духовенства и мирян. Просуществовал недолго и был закрыт большевиками в 1923 г.

В 1932–1936 гг. по приглашению О. М. Фрейденберг работала в должности доцента кафедры классических языков ЛИФЛИ, продолжая научные исследования вопросов литературного стиля и античных теорий речи. Ряд статей этого периода остался в рукописях и черновых набросках.

Была составителем и редактором раздела «Стиль» в книге «Античные теории языка и стиля». В 1938 г. перешла на работу в Ленинградский университет на исторический факультет.

В 1940 г. С. В. была принята на должность старшего научного сотрудника в Кабинет классических языков Института языка и мышления имени акад. Марра АН СССР. Основные интересы этого времени — история греческого синтаксиса, а также проблемы литературных течений в александрийской поэзии.

Во время блокады Ленинграда С. В. с семьей — мужем Иваном Ивановичем Толстым и дочерью Людмилой Ивановной Толстой (сын-студент пропал без вести в августе 1941 г. на Лужских рубежах) находилась в городе. Продолжая свои научные исследования, она подготовила статью об отрицательном сравнении в греческой литературе, рукопись которой захватила с собой, отправляясь в эвакуацию. Семья Толстых эвакуировалась в составе академического эшелона летом 1942 г. Из-за тяжелых условий София Венедиктовна в дороге заболела и через несколько дней по приезде в Казань скончалась 31 июля 1942 г.

С. В. Меликова-Толстая — автор работ по классической филологии, греческой диалектологии, переводов на русский язык произведений Платона, Лукиана и Деметрия. Посмертно были изданы выдержки из ее труда «Будущее время в греческом языке» (Уч. Зап. ЛГУ. 1952. № 152. Вып. 15. С. 219–246).

Архив Софии Венедиктовны Меликовой-Толстой находится в СПб ИИ РАН.

Источники:

Толстой И. И. София Венедиктовна Меликова-Толстая // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. СПб.: «Алетейя», «Дмитрий Буланин», 1997.

Сергеенко М. Е. О С. В. Меликовой // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918: Сб. статей. 2-е изд. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. С. 199–202.

Кащеев В. И. Классическая филология в Саратовском университете: истоки ее изучения и преподавания (1917–1920) // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 12 (2). С. 362–367.

Казанский Н. Н. О Софии Венедиктовне Меликовой-Толстой // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения: Материалы всероссийской конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне, 3–6 мая 2005 г. СПб.: Наука, 2005. С. 303.

Александр Петрович МОГИЛЯНСКИЙ (1909–2001)

«*Автобиография.*

Родился в июле 1909 г. в Киеве (крещен в г. Козельце Черниговской губ.) в семье присяжного поверенного П. М. Могилянского, известного деятеля профессионального движения, секретаря Всероссийского Бюро Профессиональных Союзов в 1905 г., автора книги «Интернационал» (СПб., 1906).

В 1924 г. окончил трудовую школу, а в 1929 г. — Ленинградской Гос. Университет (экстерном) по факультету языка и материальной культуры[1]*. Научную работу начал в 1924 г. С 1925 г. работал над изучением рукописей А. Ф. Писемского и других русских писателей в важнейших книгохранилищах и архивах Москвы и Ленинграда. В 1929–1931 гг. служил в Академии Наук СССР (в Книгохранилище, в Управлении Делами, в Институте Литературы). В 1931–1935 гг. работал в НКВД следователем и представителем оперативно-следственного отдела. С 1934 г. работал нештатным научным сотрудником (по авторским и трудовым договорам) Института Лите-*

[1] Факультет языкознания и материальной культуры ЛГУ (ЯМФАК) был образован в 1925 г. на базе Петроградского Археологического института. В 1929 г. ЯМФАК был преобразован в историко-лингвистический факультет, который в 1930 г. был выделен из состава Университета и образовал самостоятельный Историко-лингвистический институт — вскоре он стал называться Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ).

ратуры, для которого выполнил ряд научных работ общим объемом ок. 100 печ. листов. Из этих работ одна издана в 1936 г. в серии «Литературный Архив»: «Писемский. Материалы и исследования». Остальные работы приняты к печати. В 1939 г. в тот же Институт представил диссертацию на степень кандидата филологических наук под названием «Писемский и его драма «Горькая судьбина» (Проблема изображения крестьянства в русской драматургии эпохи крепостничества)». В 1940 г. эта работа была подписана к защите (последняя должна состояться в ближайшее время). В 1940 г. выдержал испытания по кандидатскому минимуму (за аспирантуру).

Основные научные работы посвящены вопросам эстетики, теории литературы, истории русской литературы XVIII–XIX вв.

В общественной работе принимал живейшее участие со школьной скамьи (в качестве председателя училищного комитета). В 1932 г. был принят в число кандидатов ВКП(б) (не был утвержден Бюро Смольнинского РК ВКП(б) по мотивам регулирования роста партии).

15 марта 1941 г. Могилянский (подпись)»

Судя по анкетным данным, владел многими языками: английский, французский, немецкий, итальянский, сербский, шведский, датский, польский, латинский. В органах НКВД был следователем, экспертом-графологом, преподавателем криминалистических дисциплин на курсах старшего командного состава. В 1934 г. получил благодарность и денежную награду от НКВД «за оперативные мероприятия», а также еще благодарность и книгу — «за руководство партшколой». В отношении к военной службе: «военнообязанный среднего командного состава; должность, по которой состоит на учете — юрисконсульт военной прокуратуры». В 1941 г. проживал по адресу: Большая Посадская, дом 1/10, кв. 24.

История его пребывания в стенах ИЯМ недолгая. 5 мая 1941 г. зам. директора института П. К. Абабков (ученый секретарь редколлегии Словаря современного русского языка) отправляет

директору акад. И. И. Мещанинову заявление о том, что в январе 1941 г. были сняты с работы по составлению словаря редакторы <перечисляются фамилии>, поскольку «представляли в рабочую редакцию материал, не удовлетворявший установленным требованиям». В связи с этим редколлегия словаря просит дирекцию института «разрешить приглашение на должность младшего научного сотрудника для работы по составлению словаря тов. Могилянского взамен т. <фамилия> с испытательным сроком на 2 м-ца и с оплатой 500 р. в м-ц». Приказ о принятии А. П. Могилянского в ИЯМ «для работы по составлению Словаря с испытательным сроком на 2 м-ца» был подписан 9 мая 1941 г. 30 июня 1941 г., еще до окончания этого срока, в дирекцию поступает заявление П. К. Абабкова, в котором он сообщает, что «тов. Могилянский А. П. успешно справился со своей работой по составлению словарных статей» и просит считать испытательный срок законченным и увеличить ему зарплату на 100 руб.

В июле 1941 г. Александр Петрович Могилянский вступил в Народное ополчение и трудился на оборонных работах под Ленинградом.

В конце июля 1941 г. его возвращают к работе в ИЯМ: «Директору Института языка и мышления Академии Наук СССР. Сообщаю, что доброволец техник интендант 1-го ранга тов. Могилянский Александр Петрович направляется по своему прежнему месту работы. По первому требованию Могилянский А. П. должен явиться к месту приписки в В.О. Дивизию Армии Народного Ополчения. Начальник 4 отдела Киризон. Исх. №338. 27.7.41».

6 октября 1941 г. в связи с новым штатным расписанием младший научный сотрудник А. П. Могилянский был уволен без выдачи выходного пособия, однако 7 октября (приказ №89) «как сдавший канд. минимум» был зачислен «аспирантом без отрыва от производства до сдачи кандидатской диссертации». С начала 1942 г. Могилянский в течение 7-ми месяцев находился в больнице на излечении.

5 августа 1942 г. Уполномоченная Института Э. А. Якубинская выдала ему справку о его статусе, и в тот же день он был зачислен в Публичную библиотеку библиотекарем первого разряда. В 1942–1944 гг. Могилянский участвовал

в выявлении бесхозных библиотек, заведовал группой старой книги, а впоследствии был экспертом по старой книге.

В декабре 1943 г. А. П. Могилянский был ранен разорвавшимся снарядом.

В мае 1944 г. на него было возложено руководство работой по содействию комплектованию Публичной библиотеки. Активно участвовал в 1944 г. в ремонтно-восстановительных работах по Главному зданию ПБ, за что получил благодарность. В июне 1944 г. в ЛГПИ защитил кандидатскую диссертацию «Драма А. Ф. Писемского “Горькая судьбина”».

С 1946 г. А. П. Могилянский работал главным библиотекарем Отдела рукописей, где заведовал читальным залом, выполняя обязанности ученого хранителя русских рукописей нового времени. Он составлял научное описание рукописей Н. А. Добролюбова, занимался подготовкой Тургеневского сборника. В 1947 г. был командирован в Ростов Ярославской обл. для приема и перевозки в Ленинград 1400 единиц древнерусского рукописного собрания А. А. Титова. В 1947 г. по представлению Публичной библиотеки утвержден ВАКом в звании старшего научного сотрудника по специальности «библиотековедение». В том же году был переведен в Отдел библиотековедения, работал библиографом. 16 марта 1951 уволился из Библиотеки «по собственному желанию».

В 1951–56 гг. А. П. Могилянский по трудовым соглашениям выполнил ряд работ для ИРЛИ АН СССР (расшифровка автографов басен И. А. Крылова, описание его рукописей и др.), а с 1 октября 1956 г. зачислен в штат ИРЛИ ст. науч. сотр. В 1966 г. А. П. Могилянский защитил докторскую диссертацию на тему «И. А. Крылов. Исследования и разыскания». Работал в ИРЛИ до 1970 г.

Ему принадлежит более 150 публикаций, в том числе подготовка изданий в серии «Литературные памятники»: «Письма» А. Ф. Писемского (1936), «Басни» И. А. Крылова (1956), а также собственные книги в серии «Вопросы научной достоверности»: «Неизданный Пушкин», «Личность Пушкина», «Писемский. Жизнь и творчество» (1991–1995).

Награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945».

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, № 388.

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Сайт РНБ https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1064.

Александр Стефанович НИКУЛИН (1908–1942)

Из автобиографии:

«*Родился в 1908 г. в семье крестьянина-бедняка Вешенской станицы ныне Азово-Черноморского края. Шести лет я остался без отца. В 1914 г. он ушел на империалистическую войну, а затем на гражданскую, а в 1920 г. был убит под Перекопом в рядах Красной Армии. Начальную школу мне удалось окончить с большим трудом, т.к. тяжелые материальные обстоятельства нашей семьи вынуждали меня делать большие перерывы в учебе для того, чтобы хоть немного помочь матери…*». С 1919 г. (с 11-ти лет) Никулин работает по найму. После вступления в комсомол в 1924 г. был направлен райкомом на учебу в профессионально-техническую школу, работал затем слесарем госмельницы в г. Миллерово. Уже в юности вел «большую комсомольскую, профсоюзную и советскую работу». В 1929 г. окружкомом комсомола был направлен в Кубанский педагогический институт, где заинтересовался языкознанием. Был прикреплен к кафедре русского языка под руководством проф. В.Ф. Чистякова. По его поручению летом 1930 г. собирал в донских и кубанских станицах диалектный и фольклорный материал, который в дальнейшем был использован Чистяковым для планировавшегося «Лингвистического атласа Кубани». В библиотеке ИЛИ РАН хранится диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Верхне-донские казачьи говоры» (Л., б.г.).

В 1931 г. Краснодарский горком комсомола направил Никулина в аспирантуру Московского научно-исследовательского института языкознания (НИИЯЗ), там он проучился около двух лет до момента ликвидации института. В 1933 г. Никулин был отправлен в распоряжение Сектора науки Наркомпроса, откуда для завершения аспирантской подготовки его командировали в Институт речевой культуры, впоследствии Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания. В 1934 г.

А. С. Никулин подготовил и защитил кандидатскую диссертацию «Степени сравнения в русском языке» (издана в 1937 г. в качестве 11 тома «Трудов Института языка и мышления им. Н. Я. Марра. Серия Slavica, № 2»), тогда же он был зачислен научным сотрудником первого разряда Словарного отдела АН СССР, но «работу эту вскоре оставил, т. к. был принят в аспирантуру ИЯМ им. акад. Марра» (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 395).

По материалам Института, в 1935 г. Александр Стефанович Никулин — аспирант ИЯМ и одновременно постоянный «договорной сотрудник» Кабинета славянских языков. Он совершает научные диалектологические экспедиции в Ростовскую обл., готовит докторскую диссертацию, выступает с докладами (МИ ИЛИ: 440, 543, 545, 704).

С 1937 года А. С. Никулин — ученый секретарь Института (МИ ИЛИ: 735, 773 и др.). По кадровому списку на начало 1941 г. он — старший научный сотрудник Кабинета истории русского языка. Тема докторской диссертации Никулина, над которой он работал накануне войны — «История донских говоров». По совместительству А. С. Никулин преподавал в Пединституте им. Бубнова (с 1934 г.) и в ЛИФЛИ (с 1936 г.) (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 395).

> В июне 1941 г. ушел добровольцем (см. приказ по ИЯМ от 10 июля 1941). Призван Василеостровским РВК в 1-й стрелковый полк. Однако, по всей видимости, оказался не годен к строевой службе и возвращен по месту работы. Подлежал эвакуации. В его личном деле имеется справка, подписанная директором института акад. И. И. Мещаниновым и ученым секретарем С. Л. Быховской: «В связи с эвакуацией ИЯМ старший научный сотрудник Никулин Александр Стефанович подлежит эвакуации 22 августа 1941 года. Дана для представления в военкомат». При этом он также получил справку о бронировании занимаемой им жилплощади по адресу: Петрозаводская ул., дом 7б, комн. 12, общей площадью 30 кв.м., в которой он проживал вместе с женой, дочерью и матерью.
>
> (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 395).
>
> В эвакуацию Александр Стефанович Никулин не попал, была ли вывезена семья — неизвестно.

15 января 1942 г. в ИЯМ появляется первый приказ об отчислении «в связи со смертью». В нем фигурируют фамилии сотрудников, «скончавшиеся в период с 19 декабря 1941 по 4 января 1942 (МИ ИЛИ: 808). «Выписка из приказа №1 15 января 1942 г.: Отчислить из состава Института по случаю смерти ст. науч. сотр. т. Никулина Александра Стефановича с 3 января 1942 г.» (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 395).

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 395.

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Интернет-портал «Память народа».

Сергей Сергеевич СОВЕТОВ (1902–1958)

Сергей Сергеевич Советов родился в семье гидролога Сергея Александровича Советова (1873–1942), профессора и заведующего кафедрой геофизики физико-математического факультета Университета. Внук Александра Васильевича Советова (1826–1901), выдающегося ученого-агронома, профессора кафедры агрономической химии/агрономии Санкт-Петербургского университета, декана физико-математического факультета, вице-президента Императорского Вольного экономического общества.

В 1920–1922 гг. Сергей Советов работал конторщиком первого разряда в исследовательском отделе Стройсвири[1]. Обучаясь в Географическом институте[2], почувствовал «призвание к словесным наукам». Культотдел Петрогубпрофсовета командировал Сергея Сергеевича Советова для поступления на ФОН Петроградского университета[3].

Из автобиографии С. С. Советова:

«*В 1922 г. поступил в Лен. Гос. Унив. на Фак. Общ. Наук Этнолого-Лингвистического Отделения. По специальности занимался славянскими языками и литературой. В 1925 г. окончил Университет, Фак. языка и*

---

[1] Управление строительством Свирьской ГЭС.

[2] Географический институт в Петрограде был образован в 1 сентября 1918 г. и стал первым высшим географическим учебным заведением в России. 15 мая 1925 г. Географический институт был введен в состав Ленинградского университета на правах самостоятельного географического факультета.

[3] 2 июня 1919 г. юридический, историко-филологический и факультет восточных языков университета были объединены в единый факультет общественных наук (ФОН).

материальной культуры, Славяно-русское отделение. Написал по окончанию дипломную работу из истории польской литературы, на основании которой в 1927 г., после выдержанных испытаний в Московской комиссии РАНИОН'а[4] *по политэкономии, диамату и методологии литературы, был утвержден аспирантом ИЛЯЗВ'а* [5] *(впоследствии ГИРК*[6]*). Одновременно, с 1926 г. работал ассистентом при Славянском кабинете ЛГУ. <...> С 1930 г. начал вести самостоятельные занятия по истории польской литературы в ЛИФЛИ со студентами, продолжая углублять знания по истории польской и сербской литературы. В 1931 г. вел занятия с аспирантами по польскому языку. В учебном году 1931/32 г. был назначен замест. зав. Кабинетом языка и литературы, ведя одновременно семинарий (специальный по Мицкевичу) со студентами ЛИФЛИ. В 1931 г. поступил на работу в Лен. Отд. Центр. Историч. Архива по разработке архивного фонда. С 1932 г. состоял старшим научным сотрудником ГИРК'а, ведя в нем исследовательскую работу по польской литературе в двух группах: антирелигиозной и зав.-европ. литератур, одновременно состоя секретарем Литературного Сектора ГИРК'а. В этом же году вел семинарий по польской литературе для студентов III курса (период феодализма). В настоящее время состою заведующим Славянского кабинета ЛИФЛИ, заведующим библиотекой Института языка и мышления Ак. Наук СССР и старшим научным сотрудником в Гос. Акад. Искусствознания (ГАИС)* [7] *<.... > 21 февраля 1934 г. Сергей Советов*» (СПбФ АРАН. Ф. 4, оп. 4, № 2382).

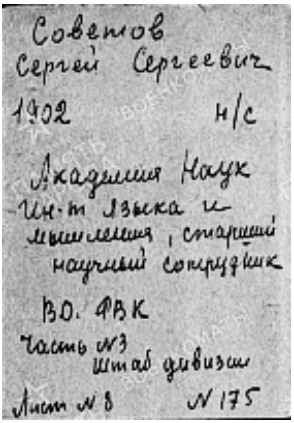
[4] Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

[5] Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока — научное учреждение при университете, существовавшее в 1919–1930 гг.

[6] Государственный институт речевой культуры.

[7] Государственная академия искусствознания (ГАИС) — научно-исследовательское учреждение. Организовано в Москве в 1931 г. на

В архивных документах ИЯМ находим, что С. С. Советов, заведующий библиотекой Института на договорных началах, впервые в 1934 г. выступает здесь с докладом о сербском фольклоре, это происходит на Секторе устной литературы первобытного общества. В январе 1935 г. зам. директора Института акад. И. И. Мещанинов обращается в Библиотеку Академии наук «с просьбой предоставить ИЯМ'у одну полную штатную единицу заведующего Библиотекой, и в свою очередь рекомендует на эту должность тов. С. С. Советова, как проявившего способность в организации Библиотеки и научно связанного с работой Института. Таковой должности до 1935 г. библиотека не имела» (МИ ИЛИ: 400). С. С. Советов был утвержден на должность штатного научного сотрудника I разряда (в 1941 г. – старший научный сотрудник) в «Словарь современного русского языка»; фактически является заведующим библиотекой, прилагает все усилия к ее комплектованию новыми книгами и журналами, параллельно занимается исследованием влияния западнославянских языков на русский язык, делает доклады в Кабинете славянских языков. Адрес проживания в Ленинграде на начало 1941 г.: 5 линия дом 62, кв. 6.

Советов
Сергей Сергеевич
1902 н/с
Академия Наук
Ин-т языка и мышления, старший научный сотрудник
ВО. ФВК
Часть №3
Штаб дивизии
Лист №8 №175

В приказе от 10 июля 1941 г. С. С. Советов перечислен как один из 15 сотрудников Института, ушедших в Красную Армию в качестве добровольцев. Место призыва и место службы — Василеостровский районный военкомат. С. С. Советов выполнял специальные задания Геодезической части Ленинградского военного округа по транскрипции топонимов на военных картах, участвовал в составлении военных разговорников и словарей.

В июне-июле 1942 г., когда возобновились научные заседания, выступал с докладами («Работа

основе ГАХН (Государственная академия художественных наук) и искусствоведческих секторов РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук). В 1933 г. ГАИС была переведена в Ленинград, слившись со своим ленинградским отделением (ЛО ГАИС), бывшим Государственным институтом истории искусств.

М. Ю. Лермонтова над языком “Мцыри”»). В том же году вместе с семьей в составе группы сотрудников ИЯМ был отправлен в эвакуацию в Алма-Ату. Там в 1943 г. тяжело болел. В своем письме И. И. Мещанинову Е. С. Истрина писала 28 декабря 1943 г. из Алма-Аты:

«Был опасно болен С. С. Советов; видимо, на почве стрептокок. ангины у него оказались сильные нарывы в полости живота, охватившие неск. внутренних органов; делали операцию; идет сильное выделение гноя; но положение сейчас нормально и понемногу улучшается. Бедняга, сколько он перехворал в этом году!» (СПбФ АРАН. Ф. 969, оп. 1, № 377).

Однако, несмотря на это, именно в 1943 г. в эвакуации С. С. Советов защитил кандидатскую диссертацию.

30 июля 1945 г. датирован список 15 сотрудников ИЯМ, возвратившихся из эвакуации и представленных к награде медалью «За оборону Ленинграда». Документ имеет графу «Обоснование награды», где отмечено активное участие в работах геодезической части Наркомата обороны: составление военных разговорников и словарей (И. И. Мещанинов, Е. С. Истрина, С. Е. Малов, С. С. Советов), транскрипция топонимов на картах (В. Ф. Шишмарёв, Б. А. Ларин, С. С. Советов, Н. В. Юшманов).

С. С. Советов — сотрудник Института языка и мышления до 1948 г. В 1948–1953 гг. также сотрудник Ленинградской группы Института славяноведения АН СССР. В 1946–1958 гг. доцент кафедры славянской филологии на филологическом факультете ЛГУ, в 1953–1958 гг. заведующий кафедрой славянских литератур.

Сергей Сергеевич Советов известен, прежде всего, как литературовед и поэт-переводчик, автор работ по русской и по зарубежным славянским литературам (польская, сербская), автор монографии «Адам Мицкевич и славянская филология», вышедшей в 1957 году в издательстве ЛГУ. Известны также его работы, посвященные переложениям «Слова о полку Игореве» на польский язык. Значительный вклад в науку внесли работы

Советова о переводе «Слова о полку Игореве» Юлиана Тувима (М.; Л., 1954), а также «Образ древнерусского Бояна в интерпретации польских поэтов-романтиков» (М.; Л.,1958). Подготовленная Советовым книга поэтических произведений одного из старейших польских классиков Яна Кохановского вышла в свет уже посмертно, в 1960 году, в серии «Литературные памятники».

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 4, оп. 4, д. 2382.
Архивный сайт СПбГУ: 1, 2.
Книга памяти блокадного Ленинграда: 1, 2.
МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.
Интернет-портал «Память народа».
Шилова Е. И. Первый в России доктор сельского хозяйства (к 100-летию со дня рождения А. В. Советова) // Вестник Ленинградского университета. 1978. № 15. С. 132–142.

Валентина Степановна СОКОЛОВА (1916–1993)

Валентина Степановна Соколова родилась в г. Кронштадте в крестьянской семье, в 1933 г. окончила школу в Ленинграде. В том же году поступила на филологический факультет ЛГУ «по иранскому разряду», стала ученицей И. И. Зарубина. После окончания обучения в 1938 г. она была оставлена в аспирантуре на кафедре иранской филологии.

С 1936 г. по 1941 г. под руководством Л. В. Щербы и Л. Р. Зиндера занималась общей и экспериментальной фонетикой в фонетической лаборатории ЛГУ. Ее научные командировки в Таджикистан (в 1937 г. совместно с Центральным Комитетом нового алфавита Таджикистана и в 1938 г. совместно с ИЯМ) были посвящены сбору диалектных, фольклорных и фонетических материалов. Во время поездок в Таджикистан также преподавала таджикский язык в ФОН'е (Факультет особого назначения) при ЦК партии Таджикистана.

С 1939 г. до эвакуации и в 1945–1947 гг. по поручению кафедры общей фонетики вела в ЛГУ фонетический семинар и курсы общего языкознания на филологическом и восточном факультетах. С 1941 г. работала (по совместительству) в ИЯМ в должности младшего научного сотрудника в Индо-иранском кабинете под руководством д. ф. н. проф. И. И. Зарубина.

До февраля 1942 г. В. С. Соколова жила в осажденном Ленинграде. С июня 1942 по октябрь 1944 г. находилась в Сталинабаде, где преподавала таджикский язык в Сталинабадском педагогическом институте, а в 1944 г. вела курс общей и таджикской фонетики для аспирантов-филологов Таджикского филиала АН СССР и занималась сбором материалов по памирским языкам для дальнейших

исследований. В декабре 1944 г. она защитила в Москве кандидатскую диссертацию «Фонетика таджикского языка».

По возвращении в Ленинград с февраля 1945 по сентябрь 1947 г. в должности доцента работала на Восточном факультете ЛГУ, преподавала персидский и таджикский языки. Занималась фонетикой живых иранских языков (таджикского, белуджского, курдского, татского, талышского и др.), совершала научные командировки в Туркмению, Азербайджан, Таджикистан; вела преподавательскую работу с аспирантами ИЯМ, ИВ АН СССР, а также Института языка и литературы Таджикской ССР. В ИЯМ (позднее ЛО Института языкознания АН СССР) работала в должности старшего научного сотрудника с осени 1945 г. по 1971 г.

В 1955 г. В. С. Соколовой по совокупности работ была присвоена ученая степень доктора филологических наук. Среди опубликованных ею трудов — монографии «Фонетика таджикского языка» (1949), двухтомные «Очерки по фонетике иранских языков» (1953), «Рушанские и хуфские тексты и словарь» (1959), «Бартангские тексты и словарь» (1960), «Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы» (1967), «Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы» (1973), монографические статьи в изданиях «Языки народов СССР» и «Иранское языкознание». Наряду с изучением живых иранских языков, она успешно занималась исследованиями в области истории иранских языков, в частности — языка Авесты. В последние годы жизни занималась сравнительной грамматикой (восточноиранских) памирских языков, работала старшим научным сотрудником-консультантом сектора Сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. Издала более 30 работ и подготовила многих аспирантов, причем продолжала с ними работать и после 1971 г., когда уволилась из ЛО ИЯ АН СССР.

Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «За оборону Ленинграда».

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 368.
СПбФ АРАН. Ф. 969, оп. 1, д. 518 (письма И. И. Мещанинову).

Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Сост. А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М.: Главная редакция восточной литературы, 1975. С. 521.

Милибанд С. Д. Востоковеды России. XX – начало XXI в. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М.: «Восточная литература», 2008. Том II (Н–Я). С. 384.

Сайт ИЛИ РАН.

Иван Иванович ТОЛСТОЙ (1880–1954)

«Автобиография.

Родился в Ленинграде 26 августа по н.с. 1880 г. Среднее образование получил в Ленинграде же, в историко-филологической гимназии, по окончании которой весной 1899 г. поступил в Ленинградский государственный университет на историко-филологический факультет. По сдаче Гос. экзаменов был оставлен 1 сентября 1903 г. при университете для подготовки к учёной степени и профессорско-преподавательской деятельности по кафедре классической филологии. Одновременно был назначен на должность хранителя Музея Древностей Лен. Гос. Университета на правах лаборанта, каковую и занимал до февраля 1909 г.

В течение весеннего полугодия 1907 г. выдержал магистерский экзамен в историко-филологическом факультете, а 1 июля 1908 г. был допущен к чтению лекций в Университете в звании приват-доцента по кафедре классической филологии. В 1918 г. представил в историко-филологический факультет диссертацию на тему «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте», содержанием которой служит исследование древностей Северного Причерноморья, связанных с культом древнегреческих божеств на Босфоре, в Ольвии и в Херсонесе. По защите этой работы в публичном заседании факультета 17 марта 1918 г., удостоен был учёной степени магистра греческой филологии.

Осенью 1918 г., согласно пунктам 2, 3 и 4 декрета Совета Народных Комиссаров, опубликованного в «Северной Коммуне» 2 ноября 1918, получил звание

профессора Университета (по факультету языкознания и материальной культуры).

Моей основной работой всегда являлось работа в Лен.Гос. Университете, но наряду с ней я вёл преподавательскую и научно-исследовательскую работу и в других учреждениях, а именно с октября 1918 по июль 1922 года я читал лекции по истории Греции и Рима, вёл занятия по греческому языку в Первом Высшем Педагогическом Институте, а с осени 1933 по весну 1942 года читал курс по истории античной литературы в Пединституте им. Герцена.

В сентябре 1921 г. Коллегией Научно-Исследовательского Института Истории Литературы и Языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ, позже ЛНИЯ) был зачислен в состав этого Института, где руководил организованными мною коллективными темами, сперва по исследованию рудиментарной тематики в греческой литературе, а потом по изучению античного мифа в его связях с русской и западно-европейской сказкой.

Читал также публичные лекции на темы по истории античной литературы в военных и рабочих клубах, библиотеках и домах культуры по поручению, главным образом, Ленинградского Лектория.

24 января 1938 года Высшей Аттестационной Комиссией был утверждён в учёной степени доктора филологических наук без защиты диссертации.

26 января 1939 года Общим Собранием Академии Наук СССР утверждён в учёном звании члена-корреспондента Академии Наук СССР, будучи избранным в члены-корреспонденты Отделением Общественных Наук по литературе и языку.

16 марта 1942 г. постановлением комиссии Президиума по делам ленинградских учреждений Академии Наук СССР был утверждён в должности старшего научного сотрудника Института истории литературы Академии Наук, а 1 апреля того же года я, в составе эшелона работников этого института, выехал из Ленинграда в город Казань, где и прожил время эвакуации, вернувшись обратно в Ленинград в конце июля 1945 г.

В Казани, наряду с научно-исследовательской работой по вопросам греческого языка и античной литера-

туры, я вёл и преподавательскую работу с докторантами и аспирантами Академии Наук и читал лекции студентам Казанского Государственного Университета. Кроме того, находясь в Казани, работал в лекционном бюро научной пропаганды Академии Наук СССР, регулярно выступая с публичными лекциями и докладами.

С 1942 г. состою старшим научным сотрудником ИЯМ, с 1947 г. заведую Сектором классической филологии и являюсь членом Учёного Совета.

Институт Языка и Мышления им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР является в настоящее время основным местом моей работы.

14 июля 1945 г. указом Президиума Верховного Совета награждён за научную работу Орденом Ленина и в том же году награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

В избирательную сессию Академии Наук СССР в Москве я 30 ноября 1946 г. Общим Собранием Академии Наук избран в состав её действительных членов.

Ленинград, 15 июня 1949 г.»

(Архив ИЛИ РАН № 154).

Иван Иванович Толстой (Младший) — сын графа И. И. Толстого (Старшего), археолога, нумизмата, с 1893 года вице-президента Академии художеств, известного государственного и общественного деятеля.

Окончив университетское образование и получив звание приват-доцента, с июля 1908 г. И. И. Толстой читал в Петербургском университете лекции: «История греческой литературы»; «Гомер и Гомеровский вопрос»; «Греческая драма»; «Греческая комедия, включая новооткрытые отрывки комедий Менандра». Защитив в 1918 г. магистерскую диссертацию, получил звание профессора Университета по факультету языкознания и материальной культуры, вел курсы, связанные с историей античной литературы в Университете (1908–1954 г.), Первом Высшем Педагогическом Институте (1918–1922 г.), Пединституте им. Герцена (1933–1942), Казанском университете (во время эвакуации). С 1939 г. И. И. Толстой — член-корреспондент АН СССР.

В начале войны он потерял ушедшего в народное ополчение сына-студента Ивана Ивановича Толстого, долго отказывался от эвакуации, надеясь на его возвращение, но после зачисления в марте 1942 г. Президиумом по делам ленинградских учреждений АН СССР на должность старшего научного сотрудника Института истории литературы АН, выехал в апреле с семьей из Ленинграда в Казань вместе с эшелоном Пушкинского Дома. В дороге скончалась его супруга София Венедиктовна Меликова-Толстая.

В Казани, наряду с научной работой по вопросам древнегреческого языка и античной литературы, преподавал докторантам и аспирантам Академии наук и читал лекции студентам Казанского университета. Одновременно с 1942 г. состоял старшим научным сотрудником ИЯМ АН СССР. И. И. Толстой регулярно выступал с публичными лекциями и докладами, которые организовывало Лекционное бюро научной пропаганды АН СССР.

Из эвакуации в конце июля 1945 г. вместе с дочерью Людмилой Ивановной вернулся в Ленинград и возобновил работу в стенах ИЯМ АН СССР, где с 1947 г. заведовал Сектором (позднее Кабинетом) классической филологии, а после превращения ИЯМ в ЛО Института языкознания АН СССР продолжал научную и организационную работу и даже какое-то время исполнял обязанности директора Института.

В 1946 г. И. И. Толстой был избран действительным членом АН СССР. Постановлением Президиума Академии наук от 26 июля 1950 г. был утвержден в должности руководителя группы классических языков Института языкознания, которую акад. И. И. Толстой занимал до своей кончины.

Последние годы Толстой продолжал трудиться над разделами «Истории греческой литературы» и над книгой «Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья» (М.; Л., 1953), обозначившей новое направление в изучении важного пласта народной культуры, а также над монографией «Язык древнегреческого эпоса», часть которой была издана в виде книги «Аэды. Античные творцы и носители древнего эпоса» (М., 1958). Подготовил к печати монографию С. В. Меликовой-Толстой (частично издана: Меликова-Толстая С. В. Будущее время в греческом языке // Ученые записки Ленинградского гос.

университета. Серия филол. наук. 1952. Вып. 15. С. 219–246). В послевоенные годы в аспирантуре подготовил учеников, из которых наиболее известны Н. С. Гринбаум, Б. Б. Ходорковская (Мительман) и Н. А. Чистякова.

Итоговый сборник его статей под ред. В. Я. Проппа «Статьи о фольклоре» опубликован в 1966 г.

В 1945 г. Иван Иванович Толстой был награждён за научную работу Орденом Ленина, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В 1953 году за выслугу лет и безупречную работу был награжден орденом Ленина.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 154.

Иван Иванович Толстой [Некролог] // Вестник древней истории. 1955, № 2. С. 203–204.

Боровский Я. М. Академик Иван Иванович Толстой // Вестник древней истории. 1974. № 3. С. 114–123.

Казанский Н. Н. Толстой Иван Иванович // Русские литературоведы XX века. Биобиблиографический словарь Т. II. (в печати).

Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб., 2005.

Петровский Ф. А. И. И. Толстой [Некролог] // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1954. т. XIII. Вып. 6. С 570–571.

Сайт ИЛИ РАН.

Тронский И. М. Иван Иванович Толстой. (Библиография составлена Е. В. Заикиной). М.: Издательство АН СССР 1958 (= Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия литературы и языка, вып. 3).

Алексей Николаевич УЛИТИН (1900–1942)

«Автобиография.

Родился я в 1900 г. в Колпино Ленинградской области. Отец был рабочий. Работал он на различных заводах (в Колпино, Ленинграде, Москве, Луганске, Мариуполе) свыше 40 лет. Умер он в 1922 г. Учился я сначала в 2-х классном училище в г. Колпино, затем в течение 2 лет (1912–1914 г.) работал мальчиком в магазине «Торг. дом Рыбаков» в Ленинграде. В 1914 г. убежал из «учения» и опять учился, сначала в 2-х классном училище, а потом в Мариупольском технич. училище. Отец в это время работал на Мариупольском металлургическом заводе.

Учился я с 1914 по 1916 г. Не окончив технич. училище, поступил на Мариупольский завод работать. Сначала работал учеником токаря, потом токарем и браковщиком. Работая на заводе, готовился по «Гимназии на дому», собираясь держать экзамен на аттестат зрелости, но вместо этого держал экзамен на звание народного учителя. Во время оккупации Мариуполя немецкими войсками уехал в бывш. Курскую губ. и устроился сельским учителем в Старооскольском уезде. Весной 1919 г. пошел в Красную Армию. Участвовал в боях на южном фронте. Служил рядовым стрелком сначала в 3 стрелковом полку, потом в 58 стр. полку, наконец, в

особом баталионе связи при штабе 14 армии[1]*. В мае 1920 г. был демобилизован как учитель и поехал в Москву учиться. В армии весной 1920 г. был принят в партию*[2]*, а в 1921 г., во время объявления НЭП'а, переживая смутные разочарования, вышел из парии. Учился в Москве в Академии Соц. Воспитания. Не окончив Академии, перешел на пед. работу. С 1923 по 1927 г. работал в качестве педагога в разных учреждениях: заведовал детколонией под Москвой, домом рабочего подростка в Мариуполе и преподавателем русского языка в школе при Мариупольском заводе. В 1926 г. женился на дочери инженера Мариупольского завода Баева. В 1927 г. я поехал в Ленинград и поступил в Лен. Гос. Универ. на славянский цикл историко-лингв. фак. В процессе учебы самостоятельно изучал язык нанайцев (гольдов), для чего ездил в 1929 г. летом на Амур.*

В 1930 г. окончил Университет и был принят в аспирантуру Ак. Наук СССР. В 1933 г. окончил аспирантуру[3] *и был направлен во Владивосток для работы в Д. Восточном филиале Ак. Наук.*

1 марта 1933 г. вследствие закрытия кабинета по изучению народов при <Дальневосточном> филиале был откомандирован в Ленинград и зачислен в Институт Языка и Мышления науч. сотр. 1-го разряда. Начиная с 1931 г. преподаю в вузах общее языковедение, в 1935/1936 году — русский язык. В 1931 г. весной был арестован ГПУ и содержался под следствием три месяца, после чего был освобожден.

Семья моя состоит из меня, жены (учится на гос. муз. курсах) и сына 8 лет. А. Улитин».

(СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 540).

В приеме в аспирантуру в ИЯМ Улитина был очень заинтересован Н. Я. Марр. В аспирантском деле Улитина (СПбФ

[1] Из анкетных данных: попав в 1919 году в плен к белым, был зачислен в пехоту; пробыв там около 2 недель, бежал (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 540).

[2] Из анкетных данных: в 1920 г. был членом Кременчугского совета рабочих и крестьянских депутатов (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 540).

[3] Итоговая аспирантская работа носила название «Личное местоимение «я» и субъектно-объектные отношения — на материалах гольдского языка».

АРАН. Ф. 222, оп. 2, № 700) имеется его развернутый отзыв о нем как о начинающем специалисте: «*Т. Улитин идет в своей смело и зрело продуманный по новому учению о языке работе «Доисторические переживания в гольдском языке» точно сложившийся ученый, от живой речи, изученной не только теоретически, но и практически, притом и сам материал им лично наблюден непосредственно среди гольдов на месте, проверено немногое печатное по его наблюдениям или впервые им собранное <....> . Повторяю, т. Улитин — весьма серьезный работник, который, как дает он своим отношением к занятиям основание утверждать, внесет в изучение и сродных азиатских, палеоазиатских, в первую очередь гольдского языка, совершенно неизведанный здесь новый исследовательский метод*».

Н. Марр. 16 июня 1930 г. Ленинград».

В 1933 г. Улитин сдает в печать «Материалы по гольдскому (нанайскому) языку» и «Гольдский (нанайский) язык в свете нового учения о языке». По возвращении с Дальнего Востока сделал доклад на секторе устной литературы первобытного общества «О работе по фольклору сектора народов севера ДВФ АН». В 1935 г. его принимают в Кабинет славянских языков, где он занимается частными проблемами сопоставительной лексикологии (тунгусо-маньчжурские языки и русский язык), «представлен к степени кандидата наук».

В том же 1935 году в ИЯМ была организована группа по изучению языков народов Советского Севера (иногда называется «группа палеоазиатских языков»), руководителем ее назначен А. Н. Улитин. Тем не менее, в 1936 году он вел словообразовательную тему в Кабинете славянских языков и значился научным сотрудником I разряда.

9 мая 1938 г. А. Н. Улитин защищает в ИЯМ кандидатскую диссертацию на тему «История суффикса *-ство* и его производных» (единогласно, все 8 голосов «за»). С 1941 г. Алексей Николаевич Улитин — старший научный сотрудник ИЯМ.

В июне 1941 г. об А. Н. Улитине и его дальнейшей научной карьере ходатайствует Л. В. Щерба. Он пишет:

«Отзыв о трудах кандидата филологических наук А. Н. Улитина. А. Н. Улитин — русист; но он ученик Н. Я. Марра, а потому занимается и другими языками и притом даже неиндоевропейскими. Он долго и упорно занимался гольдским (нанайским) языком, которым овладел настолько, что опубликовал около двух листов материалов на этом языке. Это обстоятельство сильно расширило его кругозор лингвистический и дает ему возможность не только быть русистом, но и читать лекции по общему языковедению, и притом с полным правом. Ряд статей в «Языке и мышлении», а также в «Русский язык в школе» свидетельствуют об этом объективно. Я могу однако к этому прибавить, что с 1937 г. он ушел далеко вперед по пути углубления в лингвистические проблемы.

Объективное свидетельство его полной зрелости научной лежит, к сожалению, еще неопубликованным: это его диссертация «История суффикса -ство *и его производных», которая будет <нрзб> явлением в истории разработки вопросов русского словообразования*[4]*. Но особое значение имеет отлично сделанный им раздел Академической грамматики русского языка «Словообразование существительных». Он сделан на основании собственных изысканий и сделан максимально грамотно, так что будет служить образцом для всех работ подобного рода.*

Считаю, что А. Н. Улитин весьма достоин присвоения ему звания старшего научного сотрудника.

Чл.-корреспондент АН СССР Л. Щерба. 16 июня 1941».

(СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 540).

Перед войной Алексей Николаевич Улитин проживал с семьей по адресу: Большая Подъяческая ул., дом 7, кв. 26.

---

[4] На 16 июня 1941 в списке научных трудов Улитина 4 печатных работы и 2 рукописных большого объема, кроме того значатся переводы на луоравегланский язык (чукотский) и изданные под ред. проф. В. Г. Богораза два учебника: Книга для чтения (Celgi keli kel). Л.: Учпедгиз, 1933 и Задачник (Aritmetika). Л.: Учпедгиз, 1933.

В августе 1941 г. семья Улитина эвакуируется, он остается в осажденном городе, работает на рытье окопов. В деле А. Н. Улитина имеется ходатайство Института в Василеостровский райсовет: «Институт языка и мышления им. Марра Академии Наук СССР просит отпустить до 20 августа старших научных сотрудников Майшева Ивана Ивановича и Улитина Алексея Николаевича, жены которых с малолетними детьми эвакуируются 19-го августа.

Директор Института академик И. И. Мещанинов,
ученый секретарь С. Л. Быховская».

Из отчета о работе Синтаксической группы грамматики современного русского языка в третьем квартале (июль-сентябрь 1941 г.) (составила его руководитель Е. С. Истрина) следует, что «А. Н. Улитин длительное время был занят «работами на окопах», по плановой теме «обрабатывал материалы дательного падежа; план выполнен частично». Алексей Николаевич Улитин пережил первую блокадную зиму.

Алексей Николаевич Улитин числился в составе эвакуированных сотрудников Института на начало февраля 1942 г. Погиб в поезде по пути к станции Борисова Грива на Ладоге у начала «Дороги жизни».

В его личном деле имеется справка: «Старший научный сотрудник Института языка и мышления Академии Наук СССР Улитин Алексей Николаевич эвакуировался с сотрудниками Института из г. Ленинграда 18 февраля 1942 года и больше о нем ничего не известно.

Секретарь (Большакова Е. К.). 10 августа 1946 г.».

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 222, оп. 2, д. 700 (личное дело).
СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 540 (личное дело).
МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Иван Александрович ФАЛЁВ (1892–1941)

Иван Александрович Фалёв родился в 1892 г. в Ярославской губернии Российской империи.

Высшее образование получил в Петрограде, окончив в 1916 году Петроградский университет. Начиная с 1924 года несколько лет работал в Университете в должности доцента на факультете общественных наук. Одновременно преподавал в ЛГПИ имени А. И. Герцена.

Обращение И. А. Фалёва к лексикографической работе происходит в 1926–1928 гг., когда он был приглашен в «Словарь русского языка» как сверхштатный его сотрудник. В 1928 г. он становится членом Постоянной словарной комиссии, созданной в 1922 г. при Отделении русского языка и словесности как организующего органа для подготовки академических словарей русского языка. В 1930 году И. А. Фалёв был принят в Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР на должность старшего научного сотрудника в группу Словаря современного русского языка, где он участвовал в составлении словарных статей. В связи с изменением принципов Словаря И. А. Фалёв вместе с С. И. Обнорским перерабатывал и дополнял отдельные выпуски Словаря. Он составил список служебных слов, которые следует учитывать при выборке для картотеки.

Много времени И. А. Фалёв уделял пополнению словарной картотеки. Особенно активной эта его деятельность была в 1933–1937 гг., когда он представил для картотеки десятки тысяч карточек, выбранных из произведений советской литературы, из текстов политического характера, газет и журналов за 1932–1934 гг.

Часто публиковал статьи по словообразованию и этимологии в журнале «Русский язык в школе». Совместно с Е. С. Истриной он подготовил Инструкцию для выборщиков, привлекаемых к работе по подготовке будущего словаря («Словарь русского языка. Инструкция для выборщиков». М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936). В отечественной лексикографии это были первые практические рекомендации такого рода.

Как один из ведущих сотрудников словарного отдела И. А. Фалёв выполнял обязанности составителя и редактора первых томов Словаря. Он подготовил кандидатскую диссертацию, но в связи с начавшейся Великой Отечественной войной не успел ее защитить.

Перед войной были подготовлены первые два тома и начата работа над третьим. С начала войны в Институте, как и в других академических учреждениях, проходило сокращение штатов. Сокращение коснулось особенно Словарного отдела, откуда шли массовые увольнения с формулировкой «в связи с сокращением объема работы». Но оставшиеся в блокадном Ленинграде сотрудники продолжали работу, о чем красноречиво свидетельствует составленный И. А. Фалёвым отчет Словарного отдела за 3-й квартал 1941 г. В отчете перечислены: чтение 2-й корректуры 1-го тома; включение дополнительных статей и внесение изменений в текст 2-го тома согласно с замечаниями рецензентов на разосланные отрезки словаря; окончательная лексико-графо-техническая редактура 2-го тома; редактирование отрезков 1–21 3-го тома и предварительное чтение членами редакции еще 12 отрезков; обработка в рабочей редакции отрезков (31–35, 69–72, 75) 3-го тома; составление словарных статей для 4-го и 5-го томов (6 отрезков); составление справочного отдела к 3-му тому (Анфертьева 2021: 801).

С 23 октября 1941 года И. А. Фалёв выполнял обязанности заведующего Словарем современного русского языка.

> Умер И. А. Фалёв, по некоторым источникам, в декабре 1941 года. Его имя упомянуто в приказе от 15 января 1942 г. среди пяти сотрудников, скончавшихся в период с 19 декабря 1941 по 4 января 1942 г. и отчисленных «в связи со смертью». Место захоронения неизвестно.

В истории русской лексикографии И. А. Фалёв останется одним из составителей (на начальном этапе) «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах.

Источники:

Анфертьева А. Н. (сост.). Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IX. Ч. 1. СПб.: Изд-во «Наука», 2013.

Анфертьева А. Н. Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН) во время войны и блокады // Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 789–826.

Сайт СПбГУ — Биографика. База данных «Преподавательский корпус Петроградско-Ленинградского университета, 1914–1934». Отв. ред. Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук.

Рогожникова Р. П. Сокровищница русского слова: история Большой словарной картотеки ИЛИ РАН. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2003.

Рафаэль Михайлович ШАУМЯН
(1894–1942)

«*Автобиография.*

Рафаэль Михайлович Шаумян. Родился я 28-го января 1894 г. в уездн. гор. Казаха (Закавказье) в семье крестьянина из с. Коткенд, впоследствии служащего. Детство до семилетнего возраста я провел в с. Коткенд и г. Казаха, откуда из-за болезни (малярия) был перевезен в г. Тифлис к дедушке по матери, рабочему котельщику по профессии, где и получил дальнейшее воспитание и образование сначала в частной школе, а затем в Тифлисской 5-й гимназии и Московском Государственном Университете (на историко-филолог. фак-те). В 1919 г. оставил Моск. Университет и добровольно вступил в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и вскоре по своему желанию был направлен на Юго-Вост. Фронт в распоряжение I-й Кавк. Красной Кавалерийской дивизии тов. Гая, где я в начале состоял в I-м кавал. полку, а затем из-за слабого состояния здоровья был переведен во вновь организованную Особую продовольств. Комиссию по снабжению I Кавк. Кав. Дивизии т. Гая <...>. После ликвидации деникинского фронта я работал в Опродкомарме X в качестве счетовода, а затем в Ставропольском Гупродкоме <...>. В 1921 г. я по просьбе Азербайдж. Наркомпрода был переведен в Азернаркомпрод, где проработал в качестве военнообязанного инструктора-контролера вплоть до 1923 г. В 1923 г. я переезжаю в Петроград и поступаю в Гос. Университет для продолжения прерванного высшего образования и одновременно работаю рабочим на Монетном дворе. В 1926 г. после окончания Ленинградского Университета по лингвистическому отделению Фак-та Общ. Наук я работал в научных учреждениях Академии Наук СССР: в Азиатском музее, КИПС'е и Институте Языка и Мышления в качестве практиканта, сверхшт. научного сотрудника и аспиранта. После окончания аспирантуры в 1932 г. я был зачислен

в научные сотрудники I-го разряда Института Языка и Мышления Академии Наук, где и работаю в настоящее время в области армянской диалектологии и языков Дагестана. <....> За время работы в Академии Наук принимал активное участие в работе Осоавиахима и ряд лет работаю в качестве члена редколлегии стенгазеты Института языка и мышления.

Ленинград 9/VI–1936. Рафаэль Шаумян»

(СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 454)

Известно, что Р. М. Шаумян в начале своей научной деятельности, будучи учеником Н. Я. Марра, по его поручению занимался разбором древнеармянских рукописей в Азиатском музее (Институт восточных рукописей РАН). Поскольку с детства Шаумян владел не только армянским, но и азербайджанским языком, в 1928 г. он был командирован в Нагорный Карабах для собирания материалов по карабахским диалектам. В 1929 г. занимался сбором балкарских лексических материалов в Кабардино-Балкарии, написал очерк «Балкарская лексика», учитывающий все диалектные особенности в употреблении слов и в этом отношении не знающий себе равных. Участвовал в составлении сванского словаря.

«Я с агульцами в 1934 г.» с надписью Мещанинову от 21 мая 1941 г.: «Дорогому Ивану Ивановичу Мещанинову 21.V.41 г. Р. Шаумян» (СПбФ АРАН. Ф. 969, оп. 1, ед. хр. 686).

Именно по представлению Н. Я. Марра в 1932 г. Р. М. Шаумян был зачислен научным сотрудником в Кабинет кавказских языков ИЯМ. В 1933 и 1934 гг., будучи руководителем «Агульского отряда», исследовал агульский язык в ходе Дагестанской лингвистической экспедиции, организованной Всесоюзным центральным комитетом нового алфавита (ВЦК НА) совместно с Институтом языка и мышления. Из дагестановедческих работ Р. М. Шаумяна особенно интересным был его очерк, посвященный языкам шах-дагской подгруппы, о которых в ту пору было весьма разноречивые сведения и Рафаэль Михайлович был первым, кто дал научное освещение положения этой языковой группы среди языков Дагестана.

15 мая 1936 г. Р. М. Шаумяну присуждена ученая степень «кандидата общественных наук по разделу языковедения» без защиты диссертации. В 1937 г. он проводил полевую работу в северном Азербайджане, где изучал гильский диалект лезгинского языка.

Кроме исследовательской работы Р.М. Шаумян успешно преподавал армянский язык: с 1936 г. — в Ленинградском институте философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ), а с апреля 1939 — в ЛГУ. В 1940 г. был утверждён в звании доцента ЛГУ по кафедре кавказской филологии.

В начале 1941 г. Шаумян опубликовал «Грамматический очерк агульского языка» — первая агульская грамматика после труда А. Дирра (1907). 31 марта 1941 г. Р. М. Шаумян представляет в Учёный совет Института языка и мышления эту работу в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора наук. В апреле 1941 г. были назначены официальные оппоненты (акад. И. И. Мещанинов, проф. Л. И. Жирков, проф. К. Д. Дондуа). 14 апреля проф. Л. И. Жиркову уже было отправлено соответствующее письмо. Защита диссертации не состоялась сначала из-за болезни оппонентов, а затем из-за начавшейся войны.

По анкетным данным на 14 июня 1941 г. Рафаэль Михайлович Шаумян — автор 10-ти печатных работ, 2-х сданных в печать и 3-х рукописных; холост; проживает по адресу: проспект Добролюбова, дом 15, кв. 7 (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 454).

> Уже после начала войны в квартальном отчете (июль-сентябрь 1941 г.) Кабинета кавказских языков значится: «Р. М. Шаумян начерно закончил «Грамматический очерк

лезгинского гильского диалекта» со словарем, объемом около 8 печатных листов. Работу по этой теме пришлось остановить ввиду ухода в Кр. Армию осведомителя студента филфака ЛГУ Магометова. В октябре прочел в Кабинете доклад о книге Гарибяна «Новая ветвь армянских диалектов»» (МИ ИЛИ 2021: 804). «Краткая грамматика лезгинского языка» была завершена, и автор предполагал ее сдать в печать в 1942 г.

В начале февраля 1942 г. началась эвакуация сотрудников Института, Р. М. Шаумян был в составе вывозимых из Ленинграда. В архивных документах сохранилась его характеристика, выданная ИЯМ 4 февраля 1942 г., по всей видимости, в связи с вопросом эвакуации.

10 февраля 1942 г. Рафаэль Михайлович Шаумян погиб (или умер) в поезде по пути к станции Борисова Грива на Ладоге у начала «Дороги жизни». Вместе с ученым предположительно погибли и вывезенные рукописи его работ: «Краткая грамматика лезгинского языка» (132 стр.), описание 50 фрагментов армянских рукописей Института востоковедения (40 стр. на армянском языке), «Об армянской диалектологии» (12 стр.).

1 марта 1942 г. старший научный сотрудник Кабинета кавказских языков Р. М. Шаумян отчислен из Института в связи со смертью «во время эвакуации в пути» (МИ ИЛИ 2021: 356).

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 969, оп. 1, ед. хр. 686.
СПбФ АРАН. Ф. 77 оп. 5, д. 279; оп. 5, д. 454.
СПбФ АРАН. Ф. 222, оп. 2, д. 592.
МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.
Пиотровский Б. Б., Турчанинов Г. Ф. Рафаэль Михайлович Шаумян (К 80-летию со дня рождения) // Историко-филологический журнал (Ереван). 1974 № 4. С. 163–170.

Эрика Антоновна Якубинская (1895–1961)

Автобиография:

«Якубинская (Лемберг) Эрика Антоновна (Гансовна) родилась в 1895 г. в б. Эстляндской губернии. В 1902 г. мой отец, происходивший из крестьян Эст. губ., вместе с семьей, переехал в Тамбовскую губернию (ныне Рязанская область), где служил в качестве управляющего по имениям. После Октябрьской Революции служил в совхозе при селе Сосновка Тамбовской губ. В январе 1921 года был убит бандитами банды Антонова.

Начальное образование получила в 12-классной земской школе. Осенью 1910 г. выдержала экстерном экзамен за 4 класса Шацкой женской гимназии в Рязанской области. Осенью 1912 г. выдержала экзамен за V и VI классы и была принята в VII класс вышеназванной гимназии. К весне 1913 г. закончила курс средней школы в объеме женских учебных заведений с золотой медалью. В 1913/14 уч. году прошла курс дополнительного VIII класса в той же Шацкой гимназии по двум специальностям — русскому языку и математике.

Осенью 1915 г. поступила на Историко-филологический факультет бывших Бестужевских курсов по филологическому отделению, чем с самого начала моих университетских занятий определился интерес к вопросам языкознания. После слияния курсов с Лен. Гос. Университетом продолжала занятия по этнолого-лингвистическому отделению ЛГУ.

Самостоятельным трудом начала заниматься еще во время пребывания в средней школе, зарабатывая частными уроками. Поступив в высшую школу, также давала частные уроки. Осенью 1918 г. поступила на службу, таким образом совмещая университетские занятия со службой в госучреждениях».

Эрика Антоновна Якубинская по происхождению эстонка. С 1922 года была оставлена проф. М. Г. Долобко по кафедре славянских языков в качестве аспиранта при научно-исследовательском институте по кафедре славянских языков. В 1926 г. закончила «аспирантский план работы», на заседании Секции общего языкознания ИЛЯЗВ[1] «была признана достойной квалификации», а 31 декабря 1935 г. утверждена ВАКом в ученой степени «кандидата лингвистических наук, без защиты диссертации». Первая печатная работа появилась в 1927 г. Затем преподавала в Пединституте им. Герцена и ЛИФЛИ.

В те же годы выступала с докладами и принимала участие в работах Яфетического института АН, а также в темах Гос. Института речевой культуры. С 1 января 1928 г. — научный сотрудник I разряда в ИЛЯЗВ (потом ГИРК, ЛИИЯ), с осени 1928 г. — доцент в Пединституте им. Герцена.

Владея с детства эстонским языком, кроме занятий по своей основной специальности, работала по вопросам финно-угорского языкознания. Проработала основные труды по сравнительной грамматике прибалтийско-финских языков, изучала научную литературу по истории и диалектологии эстонского языка».

Читала курсы «Истории эстонского языка», «Сравнительной грамматики прибалтийско-финских языков», полный курс современного русского языка для нацменов, составляла восточнославянскую и финно-угорскую библиографию.

Учебный 1936–1937 год провела в Анкаре (Турция), где ее муж Л. П. Якубинский[2] читал лекции в Университете.

По возвращении преподавала в Пединституте им. Герцена и ЛИФЛИ. В ИЯМ начала работать 1 ноября 1937 г. в должности старшего научного сотрудника Кабинета финно-угорских языков. В ее личном деле сохранился документ от 19 февраля 1941 г., подписанный старшим лейтенантом госбезопасности Драгуновым, где Якубинской выражается благодарность за

[1] Научно-исследовательский Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока, существовал при ЛГУ с 1919 до 1920 года.

[2] Якубинская — фамилия по мужу. Ее супруг Лев Петрович Якубинский (см. отдельный очерк о нем в данном сборнике) был многолетним старшим научным сотрудником ИЯМ, а также профессором Педагогического института им. Покровского.

обучение эстонскому языку курсантов части № 352 НКВД СССР. Другой документ, написанный секретарём партбюро Института 20 августа 1941 г., удостоверяет, что «сомнений в политической благонадежности тов. Якубинской Э. А. в парторганизации ИЯМа нет». Очевидно, вопрос о благонадежности был связан с ее девичьей фамилией Лемберг и настоящим отчеством (Гансовна) (МИ ИЛИ: 813).

Всю блокаду Эрика Антоновна Якубинская провела в Ленинграде. После ухода на фронт и отъезда в эвакуацию большинства сотрудников ИЯМа, а также эвакуации Института в Казань, с лета 1942 года и до весны 1944 года она оставалась в Ленинграде «в качестве уполномоченного Института», исполняя обязанности директора (МИ ИЛИ: 800). На ней лежала ответственность за сохранность помещений, имущества, книжных фондов и документации Института. Большую помощь Э. А. Якубинская оказывала сотрудникам, переживавшим вместе с ней блокаду, и тем, кто возвращался в город после снятия блокады.

После войны и до конца жизни Э. А Якубинская была зав. кафедрой славянской филологии филологического факультета ЛГУ (1948–1961 гг.).

Была представлена к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Источники:

Сайт ИЛИ РАН.
Архив ИЛИ РАН.

Лев Петрович ЯКУБИНСКИЙ (1892–1945)

Л. П. Якубинский родился в Киеве в семье офицера интендантской службы, впоследствии генерал-лейтенанта, а после революции — начальника Военно-хозяйственной академии РККА. Учился в киевской гимназии, затем во Владимирском кадетском корпусе, где тогда инспектором служил его отец. В 1909 году он поступил на историко-филологический факультет Киевского университета св. Владимира, но вскоре (в связи со служебным переводом отца в столицу) перешел в Санкт-Петербургский университет. Ученик И. А. Бодуэна на Куртенэ, который в 1900–1918 гг. преподавал в Петербурге-Петрограде. По воспоминаниям Виктора Шкловского: «Лев Петрович Якубинский, красиволобый, спокойный, тогда любимый ученик Бодуэна» (Шкловский 1966: 100).

В 1913 году Якубинский окончил университет и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Одновременно преподавал в школе (1913–1922), на высших курсах П. Ф. Лесгафта (1915–1916), на высших курсах М. А. Лохвицкой-Скалон[1].

[1] Учреждены в 1903 году под названием «Естественно-научные курсы при гимназии М. А. Лохвицкой-Скалон». Являлись частным учебным заведением. В соответствии с высочайшим указом от 3 декабря 1905 г. получили название «Высшие женские естественно-научные курсы М. А. Лохвицкой-Скалон». В 1907 году причислены к разряду высших учебных заведений, на которых велась подготовка учительниц естествоведения и географии для женских гимназий, прогимназий, епархиальных училищ. Курсы находились в ведении Министерства народного просвещения; переданы в ведение Народного комиссариата просвещения на основании декрета СНК от 5 июня 1918 г.

С 1916 года Якубинский входил в ОПОЯЗ [2] вместе с Е. Д. Поливановым, принимал активное участие в подготовке трех его «Сборников по теории поэтического языка» (1916–1919). В 1918–1919 годах читал лекции в Институте живого слова[3], преподавал в Третьем педагогическом институте[4].

В 1920-х годах он вёл большую организационно-научную работу в наркомпросовских учреждениях, служил почти во всех лингвистических институтах, существовавших тогда в Петрограде-Ленинграде, читал лекции, разнообразные по проблематике, в том числе по общему языкознанию.

С 1921 года Якубинский — сотрудник ИЛЯЗВ, существовавшего при ЛГУ в 1919–1930 гг. научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока; с 1928 г. он занимает там должность председателя секции языка. С 1923 года он — доцент, впоследствии профессор Петроградского (Ленинградского) университета.

В те годы Якубинский исполняет обязанности старшего редактора ленинградского отделения «Учпедгиза» (1923–1933 гг.), заведующего Отделом научных учреждений Ленинградского отделения Главнауки (1924–1927 гг.).

В 1924 г. Институт живого слова был закрыт. Тогда студенты ораторского отделения направили делегацию в Москву с просьбой отменить это решение. При содействии Луначарского

---

[2] «Общество изучения поэтического языка», существовавшее в 1916–1925 гг., объединяло теоретиков и энтузиастов «русского формализма», литературоведов, лингвистов,

[3] Основанный в 1918 под контролем Наркомпроса институт, в задачи которого входила подготовка мастеров живого слова в общественно-политической, педагогической и художественной областях, распространение и популяризация знаний в области живого слова, а также научная работа по вопросам живого слова. В разные года там преподавали С. М. Бонди, Н. С. Гумилев, А. Ф. Кони, А. В. Луначарский, Л. В. Щерба, Б. М. Эйхенбаум и мн. др.

[4] Открыт 17 ноября 1918 г.; имя А. И. Герцена было присвоено в 1920 г. В начале 1920-х годов было принято решение о реорганизации всех педагогических вузов Ленинграда. В качестве базового вуза был выбран Третий педагогический институт. В 1922–1923 годах 1-й и 3-й педагогические институты были объединены в Петроградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, в который затем вошёл и Второй педагогический институт, основанный на базе Петроградского учительского института.

было получено разрешение открыть на его основе новое учебное заведение, которое готовило бы кадры агитаторов — Государственные курсы агитации и техники речи, просуществовавшие в Ленинграде до 1930 г.[5] Л. П. Якубинский до 1926 г. был ректором этого учебного заведения и преподавал на отделении публичной речи. В 1930 году курсы были преобразованы в Институт агитации им. В. В. Володарского, а Якубинский стал профессором этого института.

В 1931–1933 гг. Л. П. Якубинский — учёный секретарь Государственного института речевой культуры (ГИРК)[6], а с 1933 по 1936 гг. — директор Ленинградского научно-исследовательского института языкознания (ЛНИЯ)[7], сформированного на основе сектора языка ликвидированного ГИРКа. Читает лекции в Государственном институте истории искусств (ГИИИ), является секретарем комиссии по изучению языка В. И. Ленина.

Сотрудником Яфетического института Якубинский становится, увлекшись идеями марризма, в 1924 г.: числится сначала внештатным, а с ноября 1925 г. — штатным научным сотрудником II категории (разряда), с 1932 г. — научным сотрудником I разряда; сотрудничает в «группе числительных», ведет семинар «по истории русского языкознания и языка» (МИ ИЛИ: 119, 137, 175, 319, 322).

В архиве сохранилась докладная записка Л. П. Якубинского с просьбой об освобождении от должности научного сотрудника: «*Директору ИЯМ 16 сентября 1932 г. Уже опыт прошлого года показал мне невозможность совмещать работу в двух научно-исследовательских институтах. В ИРК я бываю ежедневно около четырех часов, которые идут на научно-исследовательскую, административную работу, участие в заседаниях, консультации и пр. Такое же количество времени я должен работать*

[5] Статус нового заведения был понижен с института до курсов, однако учебная программа была достаточно обширной, а преподавательский состав отличался высоким уровнем знаний и компетентности. Набор слушателей состоял исключительно из комсомольцев.

[6] Существовал в Ленинграде в 1930–1933 гг.

[7] Существовал в Ленинграде в 1933–1937 гг. После закрытия на его базе организовано Ленинградское отделение Центрального научно-исследовательского Института языка и письменности народов СССР.

на дому по научно-исследовательским темам ИРК. К этому прибавляется преподавание и работа по школе (учебная, редакт<орская> по русскому языку), от которой я отказаться не могу. В этом году работа по ИРК увеличится не только потому, что мы должны вообще интенсифицировать нашу работу, но и в связи с увеличением числа аспирантов по русскому языку (одиннадцать человек), находящихся под моим руководством. Таким образом, мое совместительство в двух научно-исследовательских учреждениях не является обычным совместительством научного работника, поскольку по одному из учреждений я несу большие административные функции (и не могу их не нести). И обычное совместительство бывает трудно, хотя и вполне возможно, а иногда необходимо. Но в данном случае для меня создается совершенно безвыходное положение. В связи с изложенным прошу об освобождении меня от должности научного сотрудника ИЯМ с 16 сентября с. г. Л. Якубинский».

Резолюция Н. Я. Марра внизу текста:

«*Очень жалею о необходимости вторично соглашаться с заявлением Л. П. Якубинского, в этот раз с заявлением для меня неубедительным, но требующим одного четкого ответа: не возражаю.19.9.32. Дир. Н. Марр*».

(СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1 (1932), д. 8, л. 220–221).

Однако свое сотрудничество с Институтом языка и мышления даже после смерти акад. Н. Я. Марра в 1934 г. Якубинский не прекращает: он входил в состав Словарной комиссии, разрабатывавшей план нового академического «Словаря современного русского литературного языка» (МИ ИЛИ: 656), участвовал в создании академической грамматики русского языка, начатой будущими академиками С. П. Обнорским и Л. В. Щербой.

Помимо ЛНИЯ в тот период второй основной работой Якубинского в 1934–1943 годах можно считать педагогический институт им. М. Н. Покровского[8], где он также является про-

[8] Основан в 1932 г. и объединен в 1957 г. с ЛГПИ им. А. И. Герцена. Также с 1941 по 1945 г. ЛГПИ имени М. Н. Покровского был

фессором и одновременно заведующим кафедрой и деканом литературного факультета. В 1936–1937 по командировке Наркомпроса Якубинский преподавал русский язык в Институте языка, истории и географии в Анкаре.

> Всю блокаду Лев Петрович Якубинский провел в Ленинграде. В эвакуационных архивах имеются сведения о том, что «Якубинский Лев Петрович. Педагогич. Ин-т им. Покровского проф., зав. кафедр русского языка» подлежал эвакуации (Северный Кавказ, а оттуда на Южный Урал в г. Кыштым), которую он, тем не менее, не предпринял, а остался с женой в осажденном городе.

Его жена, Эрика Антоновна Якубинская, старший научный сотрудник Финно-угорского кабинета, с марта 1942 г. исполняла обязанности директора ИЯМа, а после эвакуации Института в Казань (лето 1942 г.) работала «в качестве уполномоченного Института» (МИ ИЛИ: 800). Подробнее см. очерк о ней и статью «Директора ИЯМ в годы блокады Ленинграда» в этой книге.

> Не уехав со своим Пединститутом им. Покровского, профессором которого он был, Лев Петрович Якубинский вновь обращается в ИЯМ и до 25 мая 1942 г. упоминается среди 9 оставшихся в Институте сотрудников, имеющих ученую степень кандидата филологических наук (МИ ИЛИ: 810). После реэвакуации ИЯМ в январе 1945 г. Л. П. Якубинский был вновь официально зачислен в штат института (МИ ИЛИ: 816), однако долго работать ему не было суждено: Лев Петрович, выдержавший всю блокаду, умер 23 августа 1945 г. Хорошо знавший его В. Б. Шкловский написал: «Он пережил блокаду Ленинграда, заболел боязнью пространства и умер в депрессии» (Шкловский 1966: 128).

Его супруга Эрика Антоновна по окончании войны еще много лет, до своей кончины, работала в ЛГУ (1948–1961), где заведовала кафедрой славянской филологии.

Основные работы Л. П. Якубинского посвящённые проблемам сравнительно-исторического языкознания, теории языка, истории русского литературного языка:

присоединён к ЛГПИ им. А. И. Герцена и весь профессорско-преподавательский и студенческий состав обоих институтов был эвакуирован в Кисловодск и Кыштым.

Иванов А. М., Якубинский Л. П. Очерки по языку: для работников литературы и для самообразования. Л.; М.: Гос. изд-во худ. лит., 1932; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953; Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986.

Источники:

СПбФ АРАН.Ф. 77, оп. 5, д. 283.

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 1 (1932), д. 8.

Петушков В. П. Лев Петрович Якубинский // Русская речь. 1992. № 6. С. 42–50.

Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Институт речевой культуры и советское языкознание 20–30-х годов // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб., 1999. С. 206–211.

Интернет-портал «Память народа».

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Сайт «Блокада Ленинграда. Эвакуация»: https://evacuation.spbarchives.ru/

Шкловский В. Б. Жили-были. М.: Советский писатель, 1966.

Труженики тыла

Василий Иванович АБАЕВ (1900–2001)

«CURRICULUM VITAE.
Абаев Василий Иванович. Родился в 1900 г. в осетинском ауле Коби по Военно-Грузинской дороге. В 1910 г. поступил в Тифлисскую 6-ую гимназию, которую окончил в 1918 г. Осенью 1922 г. ЦИК-ом Юго-Осетии командирован и принят в Ленинградский Гос. Университет на Этнолого-Лингвистическое отдел. Фак. Общ. Наук. Окончил курс университета 27 июня 1925 г. по иранскому разряду секции культур и языков древнего мира. Помимо того систематически слушал два года курсы акад. Н. Я. Марра по сравнительной грамматике яфетических языков и палеонтологии речи. Самостоятельно занимался грузинским и восточно-горским языками. За время пребывания в университете сделал следующие научные сообщения.

В Яфетическом Институте РАН: 1. «Некоторые осетино-яфетические параллели (весна 1924 г.), 2. «Формы скрытого множ. числа в осетинском» (27 февраля 1925), 3. «Термины «ирон» и «алан»» (тогда же), 4. «Осетинский префикс ӕ-се» (27 марта 1925 г.), 5. «Этнические названия у осетин» (10 апреля 1925 г.), 6. «Четыре ряда смычных в осетинском» (12 июня 1925 г.).

В Общелингвистической секции Исследовательского Инст. при Лен. Гос. Универс.: 7. «Об ударении в осетинском языке» (1924 г.). 8. «Об осетинской фонетике» (28 января 1925 г.).

В Кружке ориенталистов при Университете: 9. «Явление «переживания» в горском быту» (21 марта

1924 г.), 10. «Народы Кавказа в свете яфетической теории» (1925 г.)

В научном кружке студентов-горцев при Университете: 11. «Общие элементы в верованиях кавказских горцев» (20 дек. 1924 г.), 12. «Яфетическая теория» (26 апреля 1925 г.)

Из них напечатаны: «Некоторые осетино-яфетические параллели» (ЯС III[1]) *и «Об ударении в осетинском языке»* (ДРАН[2], 13, 1924. Стр. 152).

В. Абаев» (СПбФ АРАН. Ф. 302, оп. 2, д. № 1).

Из личного дела В. И. Абаева (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. № 183) известно, что в августе 1925 г. он был зачислен аспирантом Института литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ. Во время пребывания в аспирантуре ИЛЯЗВ неоднократно ездил в Осетию и Ингушетию для сбора материалов по осетинской диалектологии. В июне 1928 г. одновременно был назначен сотрудником II разряда Кавказского историко-археологического института АН СССР в Тифлисе (Тбилиси). В январе 1929 г. Абаев оканчивает аспирантуру и переводится из Кавказского историко-археологического института в Яфетический институт АН СССР — сначала сотрудником II разряда, а с июня 1930 — сотрудником I разряда. С 1 июля 1935 г. Абаев назначен и. о. ученого секретаря ИЯМ, а с января 1937 г. — руководителем Кабинета индо-иранских языков ИЯМ.

В 1935 г. ему присвоена степень к.ф.н. (без защиты диссертации), уже после войны в 1963 г. — степень д.ф.н. (также без защиты диссертации), а в 1969 г. — звание профессора.

На начало 1941 г. Василий Иванович Абаев числится в ИЯМ старшим научным сотрудником и заведующим Индо-иранским Кабинетом (МИ ИЛИ: 795).

В начале 1941 г. по специальному заданию Президента АН СССР В. И. Абаев прибыл в Осетию в качестве консультанта для подготовки к изданию нартовского эпоса. Работал он в Юго-Осетинском научно-исследовательском

[1] Яфетический сборник. III. М.; Л., 1925.

[2] Доклады РАН.

институте — ЮОНИИ (г. Цхинвал)[3] и в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте — СОНИИ (г. Владикавказ)[4]. В военные годы, оторванный от Ленинграда военными действиями, ученый активно участвовал в научной и общественной жизни Осетии, работая в этих двух институтах, а в 1944 г. заведовал кафедрой языкознания Северо-Осетинского пединститута. Его доклады и лекции пользовались большим успехом среди учащейся молодежи, среди научных работников, а также в широких кругах осетинской общественности.

В годы войны вышли из печати следующие работы В. И. Абаева:

1941. Рец.: *Миллер Вс.* Осетинско-русско-немецкий словарь Т. III / Под ред. и с доп. А.А. Фреймана. Л., 1934 // Известия ЮОНИИ. 1941. Вып. IV.

1942. Эпос о нартах [Вводная статья к изданию осетинского эпоса (на осет. языке)]. Цхинвали, 1942.

1944. Древнеосетинская Зеленчукская надпись // Сообщ. АН Груз. ССР. 1944. Т. V. №2; Вокруг Армазской билингвы // Сообщ. АН Груз. ССР. 1944. Т. V. № 8.

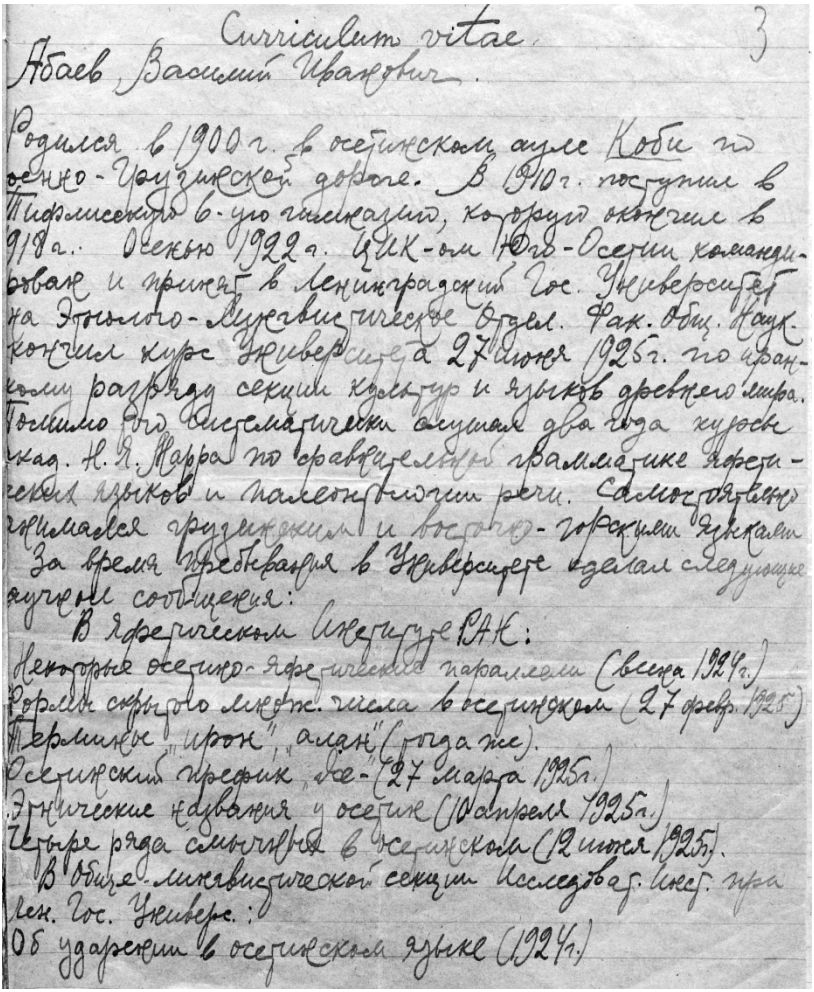
1945. Антидэвовская надпись Ксеркса // Иранские языки. I. М.; Л., 1945; Древнеперсидские элементы в осетинском языке // там же; Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе // там же; [Предисл.] // там же; Нартовский эпос // Известия СОНИИ. 1945. Т.10. Вып.1.

В ноябре 1945 г. Абаев вернулся в Ленинград (Чибиров: 44; Исаев (а): 18). По документам Института на 1 ноября 1945 г. заведующим Отделом индо-иранских языков уже является И. И. Зарубин, а В. А. Абаев работает в нем старшим научным сотрудником (МИ ИЛИ: 823). В 1946 году в институте возобновляется издание сборников «Язык и мышление» (отв. ред. И. И. Мещанинов), и в 11 томе выходит статья В. И. Абаева «Понятие идеосемантики», которая является пере-

[3] Ныне Юго-Осетинский научно-исследовательский институт имени Захария Ванеева (осет. *Уанеты Захары номыл Хуссар Ирыстоны Зонадон-Иртасæн институт*, ЮОНИИ).

[4] Ныне Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и правительства Республики Северная Осетия.

работкой его доклада, сделанного в 1942 г. в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте (МИ ИЛИ: 825).

Curriculum vitae. 3

Абаев Василий Иванович.

Родился в 1900 г. в осетинском ауле Коби по осетино-грузинской дороге. В 1910 г. поступил в Тифлисскую 6-ую гимназию, которую окончил в 1918 г. Осенью 1922 г. ЦИК-ом Юго-Осетии командирован и принят в Ленинградский Гос. Университет на Этнолого-Лингвистическое Отдел. Фак. Общ. Наук. Окончил курс Университета 27 июня 1925 г. по иранскому разряду секции культур и языков древнего Востока. Помимо того систематически слушал два года курс акад. Н. Я. Марра по сравнительной грамматике яфетических языков и палеонтологии речи. Самостоятельно занимался грузинским и восточно-горскими языками.

За время пребывания в Университете сделал следующие научные сообщения:

В яфетическом кабинете РАН:

Некоторые осетино-яфетические параллели (весна 1924 г.)
Корень скрыто множ. числа в осетинском (27 февр. 1925)
Термины „ирон" „аланъ" (тогда же).
Осетинский префикс „хе-" (27 марта 1925 г.)
Этнические названия у осетин (10 апреля 1925 г.)
Четыре ряда смычных в осетинском (12 июня 1925 г.)

В общем лингвистическом секции Исследов. ин-та при Гос. Университете:

Об ударении в осетинском языке (1924 г.)

Автобиография Василия Ивановича Абаева. 1-я стр.

В 1953 г. В. И. Абаев переводится в Москву вместе с Институтом языкознания АН СССР (Сектор иранских языков). Там он проработал до своего ухода на заслуженный отдых.

В. И. Абаев внес существенный вклад в разные области языкознания: общую теорию языка, теорию этимологических и исторических исследований, индоевропеистику, иранистику,

осетиноведение, фольклористику, отдельные вопросы литературоведения, историю культуры и быта иранских народов.

На 1995 год в списке опубликованных трудов В. И. Абаева более 300 работ (Битарти: 401–413). Многотомные избранные труды В. И. Абаева неоднократно переиздавались, см.: В. И. Абаев Избранные труды. В 4-х томах. Т. 1. Религия. Фольклор. Литература. 2-е изд., исправленное; Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. 2-е изд., исправленное; Т. 3. Иранистика и алановедение; Т. 4. Статьи и выступления. Владикавказ: Ир, 2020 (первые два тома выходили также в 1990 г. в том же издательстве).

Венцом плодотворнейшей научной деятельности В. И. Абаева является пятитомный «Историко-этимологический словарь осетинского языка» (т. 1, 1958; т. 2, 1973; т. 3, 1979; т. 4. 1989; т. 5 (указатель), 1995), выходящий далеко за пределы не только осетиноведения, но и иранского языкознания и «над созданием которого автор подвижнически трудился на протяжении более семидесяти (!) лет. Трудился один, без помощников и секретарей, вручную переписывая сотни тысяч карточек, выписывая «иллюстративный материал» из сотен тысяч языковых источников… В Словаре мы находим материал около 190 языков и диалектов мира. <…> О незаурядности этого словаря говорит уже тот факт, что в качестве исключения автору в 1981 г. была присуждена Государственная премия СССР за первые три тома (обычно премию дают за завершенный труд)» (Михальченко, Исаев: 60–61).

За долгие годы В. В. Абаевым прочитан ряд ирановедческих курсов для студентов МГУ и Северо-Осетинского ГУ, он вел многолетние занятия по древнеиранским языковым памятникам с аспирантами МГУ и Института языкознания АН СССР. Под его руководством В. И. Абаева подготовили и защитили кандидатские и докторские диссертации многие специалисты из Осетии и Таджикистана, у него консультировались учёные Кавказа и Средней Азии, Ленинграда и Москвы — по различным проблемам языкознания, фольклористики, этнографии, истории (Исаев 2000 (а): 19; Расторгуева: 3–7). Изданы его лекции: Авеста. Лекции В. И. Абаева с анализом и комментариями. Сост. С. П. Виноградова и З. А. Биарти. Цхинвал, 2016.

Награды: медаль «За оборону Кавказа», Почетная грамота Президиума Верховного Совета РСФСР (1970), Орден Трудового Красного Знамени (1971); Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (1995 — «за заслуги перед государством, успехи, достигнутые в труде»); Орден «За заслуги перед Отечеством» III степени (2000 — «за большой вклад в развитие отечественной науки, подготовку высококвалифицированных кадров и в связи со 100-летием со дня рождения»).

В. И. Абаев — заслуженный деятель науки Грузинской ССР (1980) и Северо-Осетинской АССР (1957), действительный член Азиатского Королевского Общества (академии) Великобритании и Северной Ирландии (1966), Член-корреспондент Финно-угорского общества в Хельсинки (1973), Почетный академик Российской академии естественных наук (секция «Российские энциклопедии») (1992), лауреат премии им. К. Хетагурова (1965) и премии имени А. С. Чикобавы (1998). В 2002 году Указом Президента РСО имя В. И. Абаева присвоено Северо-Осетинскому институту гуманитарных и социальных исследований ВНЦ РАН.

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 302, оп. 2, д. № 1; Ф. 77, оп. 5, д. № 183.

Алпатов В. М. Василий Иванович Абаев — теоретик языкознания // Известия ОЛЯ АН. 2001. Т. 60. № 5. С. 53–58.

Битарти З. А. (сост.) Василию Ивановичу Абаеву 110 лет. Сборник материалов, посвященных творчеству В. И. Абаева. Цхинвал: Дом печати, 2011.

Боголюбов М. Н. Василию Ивановичу Абаеву к Торжественному дню // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 3–7.

Ванеев З. Н. В. И. Абаев и вопросы истории Осетии // Известия Юго-Осетин. науч.-исслед. институт. Вып. 10. 1960. С. 30–43.

Ефимов В. А. Василий Иванович Абаев (1900–2001) // Вопросы языкознания. 2001. №4. С. 156–157.

Исаев М. И. Василий Иванович Абаев. Изд. 2 дополненное. М.: Наука, 2000 (а).

Исаев М. И. Патриарх отечественной филологии: (К 100-летию В. И. Абаева) // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 8–32.

Исаев М. И. Славный путь ученого // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Том XXII, вып. 1 (языкознание). 1960. С. 5–21.

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Михальченко В. Ю., Исаев М. И. Жизнь как история: (К 100-летию В. И. Абаева) // Известия ОЛЯ АН. 2001. Т. 60. № 3. С. 59–62.

Расторгуева В. С. В. И. Абаев — иранист-языковед // Иранское языкознание. История, этимология, типология. (К 75-летию проф. В. И. Абаева). М.: Наука, 1976. С. 3–12.

Чибиров Л. А. Встречи с Васо Абаевым. Владикавказ: Ир, 2000.

Ряд воспоминаний опубликован в томе NARTAMONGAE. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. Т. XV, № 1, 2. 2020. Владикавказ; Париж.

Валентин Александрович АВРОРИН (1907–1977)

Валентин Александрович Аврорин родился в Тамбове в 1907 году. В 1927 году, еще будучи студентом этнографического отделения Ленинградского университета, он поехал на Дальний Восток к орочам, в Хабаровске тогда ему посчастливилось встретиться с В. К. Арсеньевым. В 1930 г. он окончил ЛГУ, а в 1937-м — аспирантуру при научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера в Ленинграде. В 1933–1934 годах по заданию Комитета нового алфавита он работал заведующим сектором народов Севера при президиуме Далькрайисполкома (Хабаровск).

В 1937–1941 гг. В. А. Аврорин работал в Институте языка и мышления АН СССР, в том числе заведующим сектором языков народов Севера. Издал букварь для школ взрослых (Л.: Учпедгиз, 1940).

В июне 1941 г. Валентин Александрович отправился в экспедицию на Дальний Восток, где его и застала война. Его семье с трудом удалось покинуть блокадный Ленинград и добраться до Хабаровска. Во время войны Валентин Александрович и его жена, тоже североведа, Елена Павловна Лебедева, работали сначала в Хабаровске, а затем в Николаевске-на-Амуре. До 1942 г. он — инспектор краевого отдела народного образования Хабаровского края (Хабаровск), в 1942–1944 гг. — директор педагогического училища (Николаевск-на-Амуре)[1], в 1944–1945 гг. — начальник курсов повышения квалификации мореходного училища (там же). В годы пребывания на Дальнем Востоке готовил кандидатскую диссертацию.

[1] В настоящее время Николаевский-на-Амуре педагогический колледж коренных малочисленных народов Севера — филиал Хабаровского педагогического колледжа.

1 сентября 1945 г. В. А. Аврорин с семьей вернулся из эвакуации и был восстановлен на работе как заведующий Кабинетом языков народов Севера, а с 1947 г. — заместитель директора института. В том же 1945 году он защитил кандидатскую диссертацию «Синтаксис нанайского языка».

В 1955–1961 гг. был директором института (ЛО ИЯ АН СССР). Параллельно в 1945–1961 гг. преподавал в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена (в том числе заведовал кафедрой языков народов Севера). В 1956 г. защитил докторскую диссертацию «Грамматика нанайского языка».

В 1961–1968 гг. работал в Новосибирске (в НГУ и в институтах СО АН СССР): заведующий сектором языков народов Сибири, заместитель заведующего отделом гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства (1961–1966 гг.), заведующий сектором этнографии и языков народов Сибири, заведующий отделом филологии Института истории, филологии и философии (1966–1968 гг.). В 1962–1968 гг. работал организатором и первым деканом гуманитарного факультета в НГУ, профессором кафедры общего языкознания, председателем Объединенного ученого совета по общественным наукам НГУ.

В 1964-м году В. А. Аврорин был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1968 г. Аврорин вернулся в Ленинград и был принят старшим научным сотрудником отдела алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР.

В. А. Аврорин — исследователь проблем типологии, сравнительно-исторического языкознания, социолингвистики. Разработал алфавит и основные правила орфографии нанайского языка; внес значительный вклад в исследование грамматики маньчжурских языков, описал (совместно с женой Е. П. Лебедевой) грамматический строй ранее не изученного орочского языка (Орочские сказки и мифы. Новосибирск: Наука, 1966; Орочский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968. С. 191–209; Орочские тексты и словарь. Л.: Наука, 1978), провел сравнительно-историческое и типологическое исследование отдельных структурных элементов грамматики тунгусо-маньчжурских и алтайских языков; инициировал социолингвистические исследования с применением ЭВМ.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 182, 268.

Большая Российская энциклопедия https://bigenc.ru/c/avrorin-valentin-aleksandrovich-cb6fd8.

Известия СО АН СССР. Сер. обществ, наук. 1977. Вып. 2.

Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Наделяев. / Отв. Ред. А. А. Мальцева. Новосибирск: Изд. СО РАН, 2007.

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Певнов А. М., Хасанова М. М. Предисловие к книге: В. А. Аврорин. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб: Наука, 2000. С. 3–15.

Ученые-североведы. Составитель (Н. М. Артемьев). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001.

Библиография трудов чл.-корр. АН СССР В. А. Аврорина // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск, 1981. С. 229–238.

Сайт ИЛИ РАН.

Сайт Новосибирского государственного университета https://www.nsu.ru/n/humanities-institute/60-years/philology/avrorin-va/.

Дмитрий Владимирович БУБРИХ (1890–1949)

Дмитрий Владимирович Бубрих родился в 1890 г. в семье преподавателя русского языка и словесности средних учебных заведений Санкт-Петербурга Владимира Федоровича Бубриха. В 1909 г. окончил с золотой медалью Николаевскую гимназию в Риге, где тогда жила семья, и поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1911 году него в университетских занятиях был перерыв, вызванный арестом за участие в студенческом движении, исключением из университета и высылкой за пределы Петербургской губернии. Однако позднее он был восстановлен в университете, который окончил в срок в 1913 г. с дипломом 1-й степени.

В 1913 г. он был оставлен при университете на кафедре русского языка для подготовки к ученой и профессорской деятельности под руководством акад. А. А. Шахматова. Тогда же совершил диалектологическую поездку во Владимирскую губернию, результатом которой стала большая статья «Фонетические особенности говора г. Пустошей Владимирской губ.».

С 1914 г. Д. В. Бубрих начал работу над диссертацией, посвященной северно-кашубскому ударению. События военного и революционного времени несколько замедлили научную работу. В 1920 г. он сдал магистерские экзамены и закончил написание диссертации. Книга «Северо-кашубская система ударения» была опубликована в 1924 г. и получила высокую оценку А. Мейе. Тогда же вышли его работы «Праславянская акцентологическая система» и «Праиндоевропейская система интонаций слога».

С середины 1920-х годов Д. В. Бубрих полностью перешел к изучению финно-угорских языков. Этому переходу способствовал не только совет А. А. Шахматова, но и внутренняя логика исследований самого Д. В. Бубриха. Работая по славянским и германским языкам, «*столкнулся с проблемой происхождения германцев < … > и провел исследование в направлении испытания финно-угорских возможностей в проблеме происхождения германцев. Результатом была большая статья «О языковых следах финских тевтонов "Чуди"», написанная в 1924 г. и вышедшая в 1926 г. Утвержденный в 1925 г. в качестве профессора по финно-угорскому языкознанию в ЛГУ, отдал финно-угорскому языкознанию все силы*» (из автобиографии).

Д. В. Бубрих работал одновременно в нескольких вузах: с 1920 г. — в должности преподавателя (а с 1921 и по 1935 гг. профессора) в ЛГПИ им. А. И. Герцена; с 1922 г. — в должности доцента Петроградского университета, а с 1925 г. профессора и заведующего основанной им кафедрой финно-угорской филологии в Ленинградском университете; в 1927–1929 гг. — в должности профессора кафедры финно-угорских языков этнологического факультета в 1-м Московском университете; с 1934 г. — в должности старшего научного сотрудника и заведующего финно-угорским кабинетом в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР в Ленинграде.

Начиная с 1937 г. научная деятельность Д. В. Бубриха проходила на два города — Ленинград и Петрозаводск, работу в которых он успешно совмещал. В 1937 г. он начал работу (по совместительству) в должности заведующего кафедрой карельского языка и карельской литературы Карельского гос. педагогического института (КГПИ), преобразованного в 1940 г. в Карело-Финский гос. университет (КФГУ), в Петрозаводске.

Д. В. Бубрих был организатором и участником лингвистических экспедиций к финно-угорским народам — в Мордовию в 1927–1928 гг., в Карелию в 1930 г, в Удмуртию в 1939 г.; он приложил много усилий по созданию кафедр финно-угроведения в России и подготовке специалистов из числа носителей этих языков.

Д. В. Бубрих участвовал в создании письменности для карелов, вепсов, ижоры, мордвы, удмуртов, марийцев, ханты и

манси. Им были написаны грамматики карельского, эрзя-мордовского и коми языков, исследования по исторической фонетике и морфологии финского, удмуртского, коми и других финно-угорских языков, а также работы о происхождении «Калевалы».

В 1932–1933 гг. Д. В. Бубрих фигурировал в документах сфабрикованного нижегородским ОГПУ «дела СОФИН[1]» как «один из ведущих контрреволюционеров, планировавших создание Финно-угорской федерации и переход ее под протекторат Финляндии», однако аресту подвергнут не был.

В начале января 1938 г., как и многие финно-угроведы, он был арестован по сходному обвинению, приговорен к высшей мере наказания и семьдесят суток провел в Ленинградских Крестах в камере смертников, потом в одиночке. Освобожден в 1939 г. после назначения в НКВД Л. П. Берии.

В годы Великой Отечественной войны Карело-Финский университет был эвакуирован в г. Сыктывкар, и Д. В. Бубрих по распоряжению Наркомпроса РСФСР был направлен в Коми пединститут для руководства кафедрой коми языка и литературы. В Сыктывкар он прибыл с семьей 30 сентября 1941 г. и с 1 октября уже приступил к работе. Он быстро овладел разговорным коми языком, разработал и начал читать для студентов Коми педагогического и Учительского институтов курсы «Введение в языкознание», «Введение в изучение угро-финских языков», а для коми группы курс «Сравнительная грамматика угро-финских языков» и в дальнейшем — «Теоретический курс коми грамматики». Стал изучать коми язык и с научной точки зрения, привлекая к этому членов своей кафедры и сотрудников Коми научно-исследовательского института.

Д. В. Бубрих много сделал для объединения научных сил Сыктывкара и оживления их деятельности. На первом заседании кафедры 17 октября он сделал доклад на тему «Из этнонимики Севера». В дальнейшем стало регулярным заслушивание и обсуждение докладов на заседаниях кафедры с участием преподавателей кафедры русского языка, работников Коми НИИ, педучилища, Института усовершенствования учителей, а также студентов.

Д. В. Бубрих регулярно проводил занятия семинара по общему и коми языкознанию для преподавателей Коми пе-

[1] СОФИН — «Союз освобождения финских народностей».

дагогического института, работников Коми НИИ и всех желающих, в течение учебного года проходило 20–25 таких занятий. По заданию Антифашистского комитета советских ученых Д. В. Бубрих подготовил работу на тему «К вопросу об “Арийской чистоте” немцев», выступив на заседании Ученого совета с докладом «“Арийская чистота” германцев перед судом языкознания».

Весной 1943 г. по инициативе Д. В. Бубриха состоялась лингвистическая экспедиция в Усть-Кулонский район, для участников которой он подготовил специальную инструкцию по проведению диалектологических исследований.

Кроме научных статей и методических пособий, Д. В. Бубрих подготовил несколько больших трудов, которые были опубликованы лишь после окончания войны: «Историческая фонетика удмуртского языка» (1948), «Грамматика литературного коми языка» (1949), «Историческая грамматика эрзянского языка» (1955), «Историческая морфология финского языка» (1953). Начиная с 1942 и до 1947 г. он был научным руководителем работы по составлению нормативного «Коми-русского словаря» (издан в Сыктывкаре в 1948 г.).

Как член диалектологической комиссии АН СССР Д. В. Бубрих был командирован в Вологду для участия в конференции по северно-русским говорам (20–29 июля 1943 г.), созванной по распоряжению Всесоюзного комитета по высшей школе при Совнаркоме СССР и Академии наук СССР.

Наряду с другими преподавателями, сотрудниками и студентами института Д. В. Бубрих регулярно привлекался к работам в подсобном хозяйстве института, для работы в парниках, для выполнения прополочных работ, для уборки урожая, для заготовки дров и др.

В августе 1944 г. Д. В. Бубрих, как и другие сотрудники Карело-Финского университета, вернулся в Петрозаводск, продолжая выполнять обязанности заведующего кафедрой финно-угроведения этого университета.

В 1945 г. он вернулся к заведованию кафедрой финно-угорской филологии ЛГУ и стал работать в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР. На базе ЛГУ была подготовлена и проведена первая Всесоюзная научная конфе-

ренция по вопросам финно-угорской филологии (23 января — 4 февраля 1947 г.), на которой он сделал восемь докладов.

Д. В. Бубрих как видный представитель сравнительно-исторического языкознания, основатель отечественного финно-угроведения, заслуженный деятель науки Карело-Финской ССР в 1946 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1947 г. он был назначен директором Института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) Карело-Финской базы АН СССР[2].

В 1948–1949 гг. в ходе кампании по борьбе с космополитизмом Д. В. Бубрих вновь подвергся идеологическим обвинениям в «буржуазной контрабанде», а фактически травле со стороны марристов во главе с Ф. П. Филиным и при участии некоторых его бывших учеников, в том числе В. И. Алатырева. Последний выступил с докладом «Идеализм и формализм в финно-угорском языкознании» на заседании Сектора общего языкознания ИЯМ, состоявшемся 17–18 мая 1949 г. На совещании научных сотрудников Карело-Финской базы АН СССР 27 июня 1949 г. аналогичная критика прозвучала в докладе Е. С. Гардина, после чего Д. В. Бубрих написал заявление об отставке с поста директора ИИЯЛ.

30 ноября 1949 г. во время лекции в ЛГУ по марийскому языку для марийского потока финно-угроведов Дмитрий Владимирович почувствовал себя плохо и через 20 минут скончался от инфаркта в деканате восточного факультета.

Похоронен на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга.

Награды: орден Трудового Красного Знамени; медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Заслуженный деятель науки Карело-Финской ССР (1945).

В представлении к награждению медалью написано следующее: «Принимал участие в подготовке военных словарей (июль-август 1941 г., Ленинград). Принимал участие в дежурствах в качестве пожарника (июль-сентябрь 1941 г.). Много сделал в подготовке национальных кадров за время своей эвакуации (1942–1944 гг.)».

[2] Ныне Институт языка, литературы и истории в составе Карельского Научного центра РАН.

Источники:

Д. В. Бубрих: К 100-летию со дня рождения / Отв. ред. Г. М. Керт. СПб.: Наука, 1992.

Керт Г. М. Дмитрий Владимирович Бубрих. 1890–1949. Очерк жизни и деятельности. Л., 1975.

Керт Г. М. Величие и трагедия таланта // Север. 1990. № 7. С. 143–153.

Источник: люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.

Попов В. А. Деятельность Д. В. Бубриха в Коми пединституте (к 125-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха // cyberleninka.ru — Концепт (научно-методический электронный журнал), 2015, № 09 (сентябрь). URL: http://e-koncept.ru/2015/15309.htm.

Прибалтийско-финское языкознание. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с иносистемными языками. К 80-летию чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха. М.; Л.: Наука, 1971.

Дубровина З. М. Дмитрий Владимирович Бубрих как исследователь финно-угорских языков. Уч. Зап. ЛГУ. 1962. Вып. 63. С. 5–18.

Вера Августовна ГОРЦЕВСКАЯ (1906–1991)

Вера Августовна Горцевская (Вельтман), известный тунгусовед, родилась в г. Луге Петербургской губ. В 1930 г. окончила северное отделение Ленинградского педагогического института им. Герцена (специальность: «преподаватель эвенкийского языка»), затем была направлена преподавателем в Иркутскую область (село Ербогечен Восточно-сибирского края).

В 1934 г. поступила в аспирантуру при Институте народов Севера им. Смидовича в Ленинграде и окончила её по специальности «тунгусовед» в 1938 г. Кандидатская ее диссертация «Формы отрицания в эвенкийском языке» была издана в 1941 году.

С 1939 В. А. Горцевская работала младшим научным сотрудником Института языка и мышления им. Марра. В начале 1941 г. — и. о. старшего научного сотрудника в Кабинете языков народов Севера.

С 1941 по 1945 находилась в эвакуации, работала преподавателем и завучем средней школы села Тихвинка Павлоградского района Омской области.

Вернулась в Ленинград и с 1945 по 1953 гг. — старший преподаватель ЛГУ, с 1953 г. — доцент, преподаватель эвенкийского языка общественно-лингвистического факультета Педагогического института им. Герцена (кафедра тунгусо-манчжурских языков), преподаватель Института народов Севера, с 1954 года — младший научный сотрудник Сектора языков народов Севера ЛО Института языкознания, с 1957 — Сектора алтайских языков ЛО ИЯ АН СССР, где в это время началась работа по созданию «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков», одним из составителей которого и стала Горцевская.

С 17 марта 1959 г. до 5 марта 1962 г., когда она вышла на пенсию, она — старший научный сотрудник того же сектора. Автор книг «Формы отрицания в эвенкийскоя языке» (Л., 1941), «Очерк изучения тунгусо-маньчжурских языков» (1959), статей «Изучение тунгусо-маньчжурских языков Советского Союза за 40 лет // Уч. Зап ЛГПИ им. Герцена. 1960. Т. 167. С. 3–45.

Вера Августовна — автор нескольких учебников для эвенкийских школ, составитель эвенкийско-русского словаря (около 10 000 слов, Л.: Учпедгиз, 1958, соавторы В. Д. Колесникова и О. А. Константинова). Научные труды Горцевской — весомый вклад в дело исследования грамматической и лексической систем эвенкийского языка. Всего ею написано 33 работы.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 38.

Сайт ИЛИ РАН.

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Милибанд С. Д. Востоковеды России. XX — начало XXI в. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М.: «Восточная литература», 2008. Книга I. С. 354–355.

Агния Васильевна ДЕСНИЦКАЯ (1912–1992)

Агния Васильевна Десницкая родилась 23 августа 1912 г. в местечке Седнев Черниговской губернии. Ее отец Десницкий (Строев) В. А. (1878–1958) был известным ученым-литературоведом, заслуженным деятелем науки. Влияние отца на выбор жизненного пути А. В. было значительным.

С 1928 по 1931 гг. А. В. училась в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена (ЛГПИ), где под руководством проф. В. М. Жирмунского и проф. В. А. Брима занималась германской филологией. С 1931 по 1933 гг. проходила обучение в аспирантуре Ленинградского государственного института речевой культуры. По окончании аспирантуры была принята в Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания. В 1935 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Чередование гласных в германских языках (аблаут)».

В 1935–1938 гг. — докторант Института языка и мышления АН СССР (ИЯМ), с 1938 г. по 1950 г. работала старшим научным сотрудником этого института. В эти же годы А. В. вела преподавательскую работу в вузах Ленинграда — Педагогическом институте им. А. И. Герцена, Ленинградском университете, 1-ом Ленинградском педагогическом институте иностранных языков, где читала лекционные курсы по общему языкознанию, сравнительной грамматике и.-е. языков, по германистике.

В декабре 1941 г. Агния Васильевна вместе с сотрудниками ЛГПИ им. А. И. Герцена эвакуировалась сначала в Кировскую область (г. Молотовск), а в декабре 1942 г. — в Челябинскую область (г. Кыштым), где до июня 1944 г. работала доцентом кафедры иностранных языков этого института. В 1944 г. возвратилась в Ленинград и продолжила работу в Институте языка и мышления.

В 1946 г. она защитила докторскую диссертацию на тему «Развитие категории прямого дополнения в индоевропейских языках». В 1964 г. избрана членом-корреспондентом АН СССР.

С 1950 г. Агния Васильевна работала в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР [1] старшим научным сотрудником, с 1963 г. — директором Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, с 1976 г. — заведовала отделом сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальной лингвистики, в 1988 г. назначена советником при дирекции ЛО Института языкознания АН СССР.

С 1946 по 1992 гг. (с перерывами) Агния Васильевна работала профессором Ленинградского государственного университета. Здесь на филологическом факультете по ее инициативе в 1957 г. было открыто отделение албанского языка и литературы, на котором она читала основные теоретические курсы и вела практические занятия. А. В. является основателем отечественного албановедения, которое она развивала как комплексную дисциплину, включающую исследования албанского языка, фольклора, и художественной литературы.

А. В. Десницкая — автор трудов по индоевропеистике, теории языкознания, балканистике, истории языкознания. В числе монографий: «Вопросы изучения родства индоевропейских языков» (1955), «Албанский язык и его диалекты» (1968), «Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка» (1970), «Сравнительное языкознание и история языков» (1984), «Албанская литература и албанский язык» (1987).

[1] В 1950 г. ИЯМ был объединен с Институтом русского языка (Москва) и на их базе в Москве создан Институт языкознания. Деятельность прежних отделов ИЯМ продолжалась в форме ленинградских секторов Института языкознания АН СССР.

А. В. Десницкая была инициатором создания в Институте серии «История лингвистических учений», а также автором целого ряда работ об основоположниках сравнительно-исторического языкознания и о выдающихся отечественных и зарубежных лингвистах современности. В 1952 г. она перевела на русский язык «Краткую грамматику хеттского языка» И. Фридриха, снабдив ее обширным предисловием. В 1964 г. была редактором и автором предисловия к вышедшей на русском языке книге В. Порцига «Членение индоевропейской языковой области».

А. В. Десницкая имеет награды: медаль «За оборону Ленинграда» (1945), медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», орден Трудового Красного Знамени (1975), орден Дружбы народов (1982).

Источники:

Сайт ИЛИ РАН.
Архив ИЛИ РАН.
А. В. Жугра. Агния Васильевна Десницкая (1912–1992) — Российская Академия наук. Материалы к биобиблиографии ученых. Литература и язык. Вып. 38. СПб.: Наука, 2012.

Виктор Максимович ЖИРМУНСКИЙ (1891–1971)

Виктор Максимович Жирмунский родился 2 августа 1891 г. в Петербурге в семье врача. Окончив в 1908 г. Тенишевское училище, с 1908 по 1912 гг. он учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета по отделению романо-германской филологии. По окончании университета был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. В 1912–1913 гг. он был командирован в Германию для специализации в области германской и английской филологии. По возвращении из заграничной командировки в 1914 г. сдал магистерские экзамены.

Когда в 1914 г. началась Первая мировая война, В. М. Жирмунский отправился вольноопределяющимся в действующую армию, где служил на фронте санитаром и был награжден Георгиевским крестом.

Осенью 1915 г. В. М. Жирмунский вернулся в Петроградский университет и был утвержден в звании и должности приват-доцента по кафедре романо-германской филологии. С 1917 по 1919 гг. он работал в должности профессора и заведующего кафедрой романо-германской филологии недавно открывшегося Саратовского университета.

С 1919 по 1949 гг. был профессором Ленинградского университета, заведующим кафедрой германской филологии. В 1921 г. защитил магистерскую, а в 1924 г. — докторскую диссертацию.

С 1921 по 1935 гг. состоял действительным членом Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ); с 1923 по 1931 гг.

был профессором, заведующим кафедрой западноевропейских языков ЛГПИ им. А. И. Герцена.

В 1925, 1927 и 1929 гг. был командирован в Германию Наркомпросом РСФСР для научной работы по немецкой диалектологии и фольклору.

В 1933, 1935 и 1941 гг. арестовывался органами Госбезопасности в связи с работой над диалектами советских немцев (освобождался через один-два месяца после ареста).

В 1935–1950 гг. был заведующим Западным отделом Института литературы (Пушкинский Дом) АН СССР; в 1934–1935 гг. работал старшим научным сотрудником Института языка и мышления АН СССР; в 1939 г. избран членом-корреспондентом АН СССР.

> Когда началась Великая Отечественная война, В. М. Жирмунский в ноябре 1941 г. был эвакуирован в г. Ташкент, где оставался до октября 1944 г. Здесь он вел напряженную научную и педагогическую работу, состоял профессором Среднеазиатского государственного университета по кафедре западноевропейских литератур и был директором Научно-исследовательского историко-филологического института при этом университете; работал профессором и заведующим кафедрой Ташкентского государственного педагогического института.
>
> В институте языка и литературы АН Узбекской ССР он заведовал отделом фольклора и на общественных началах возглавлял секцию иностранных языков Высшего учебно-методического совета при Народном комиссариате просвещения Узбекской ССР. За свою плодотворную научную и общественную работу в годы Великой Отечественной войны В. М. Жирмунский был удостоен почетного звания Заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.
>
> Находясь в Ташкенте, В. М. Жирмунский занялся тюркскими языками и обратился к изучению узбекского героического эпоса, и уже в 1943 г. появились его первые статьи об «Алпамыше».

В октябре 1944 г. В. М. Жирмунский вернулся в Ленинград и продолжил работать в Институте литературы (Пушкинский Дом), где возглавлял Западный отдел. В Ленинградском университете он оставался заведующим кафедрой западноевропейских литератур.

В 1949 г. во время кампании по «борьбе с космополитизмом» подвергся гонениям — резкой критике за работу как заведующего Западным отделом, ликвидированным в это время, и был уволен из университета. В 1950 г. В. М. Жирмунский был принят во вновь созданный Институт языкознания (в настоящее время Институт лингвистических исследований РАН) на должность старшего научного сотрудника, а с 1957 г. — заведующего сектором индоевропейских языков.

К преподавательской деятельности он мог вернуться только в середине 50-х годов, сначала в ЛГПИ им. А. И. Герцена, затем — в ЛГУ, где в 1963–1965 гг. заведовал кафедрой немецкой филологии.

С 1957 года входил в состав редколлегии книжной серии «Литературные памятники», с 1964 года — заместитель главного редактора журнала «Вопросы языкознания»; незадолго до смерти был назначен исполняющим обязанности главного редактора.

В 1966 г. В. М. Жирмунский был избран действительным членом Академии наук СССР.

Умер 31 января 1971 г., похоронен на кладбище в Комарово.

В. М. Жирмунский — выдающийся филолог-языковед, литературовед, фольклорист, основатель и глава отечественной школы германистики. Его работы в области языкознания посвящены сравнительной грамматике германских языков, проблемам социальной и территориальной дифференциации языка, истории немецкого языка и его диалектов.

Значительное число работ посвящено проблемам фольклора, — сопоставительному анализу устной традиции с книжным германским эпосом. В центре внимания стоял тюркоязычный эпос, на базе которого разрабатывалась сравнительно-историческая типология эпического творчества.

В трудах по истории литературы В. М. Жирмунский рассматривал художественное произведение как целостную систему, базирующуюся на единстве содержания и формы. Ему принадлежат исследования творчества Гете, Байрона и других классиков немецкой и английской литературы, работы по истории германско-русских литературных связей. Важное место в литературоведческой деятельности ученого занимают стиховедческие исследования, построенные на сопоставлении различных национальных систем с учетом их взаимовлияния.

В. М. Жирмунский был почетным членом Баварской, Британской, Саксонской и других академий, почетным доктором многих университетов, в том числе Оксфордского.

В. М. Жирмунский награжден орденами Трудового Красного Знамени (1945) и (1961), орденом Ленина (1954), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946), медалью «В память 250-летия Ленинграда» (1957).

Источники:

Академик Виктор Максимович Жирмунский: биобиблиографический очерк. Издание третье, исправленное и дополненное. Вступительная статья П. Н. Беркова и Ю. Д. Левина. Составление библиографии: Л. Е. Генин, В. А. Житникова, Р. И. Кузьменко, К. В. Прохорова. Описание архивных материалов: А. Н. Анфертьева. СПб.: Наука, 2001.

Академик В. М. Жирмунский как языковед // Вопросы языкознания. 1971. № 4. С.–3–14.

Берков П. Н. В. М. Жирмунский как литературовед // Русская лит. 1961, № 3. С. 233–238.

Десницкая А. В. Об историко-типологической теории эпоса. К 90-летию со дня рождения В. М. Жирмунского // Вестник АН СССР. 1981, № 9. С. 113–122.

Кононов А. Н. В. М. Жирмунский как тюрколог // Советская тюркология. 1971, № 2. С. 102–107.

Путилов Б. Н. В. М. Жирмунский как фольклорист (к 70-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1962, № 1. С. 107–110.

Вера Викторовна ЗАМКОВА (1920–1997)

Вера Викторовна Замкова родилась в 1920 г. в г. Смоленске в семье военнослужащего. В 1929 г. поступила в школу в Ленинграде и окончила ее в 1938 г. Тогда же была принята на филологический факультет ЛГУ на русское отделение.

После начала войны В. В. Замкова прервала учебу, поступила на работу в военный научно-исследовательский институт и вместе с ним эвакуировалась из Ленинграда в Горьковскую область. В 1944 г. она возвратилась в Ленинград и восстановилась на 4 курсе филологического факультета ЛГУ, который окончила в 1946 г.

В том же году она поступила в аспирантуру ЛГУ на кафедру русского языка, одновременно работала по совместительству в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в качестве редактора-специалиста отдела систематизации по языкознанию. В 1949 г. по распределению государственной комиссии была направлена на работу в Карело-Финский государственный университет в г. Петрозаводск — там преподавала на кафедре русского языка. В 1952 г. возвратилась в Ленинград и осенью того же года была принята младшим научным сотрудником в Институт языкознания АН СССР. В марте 1954 года она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Лексика притч А. П. Сумарокова». Она автор статей по исторической лексикологии XVIII в. и монографии «Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в.» (1975). Эта работа была защищена в качестве диссертации на степень доктора наук в 1976 г.

В. В. Замкова все годы работала в Словарном секторе института, являясь активным сотрудником группы историчес-

кой лексикологии XVIII в., была соавтором-составителем словарных статей в четырехтомном «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (ок. 40 а. л.), редактором части 4 тома этого словаря, участвовала в составлении инструкции словаря.

В. В. Замкова принимала участие в подготовительной работе по «Проекту Словаря русского языка XVIII в.» (сбор материалов и выработка рекомендаций по составу словника и интерпретации отдельных разрядов лексики). Под ее редакцией вышел сборник научных трудов «Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Значителен вклад В. В. Замковой в картотеку словаря XVIII в.

Вера Викторовна Замкова награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 301.
Сайт ИЛИ РАН.
Башурова О. А. Вера Викторовна Замкова // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Библиографический словарь.

Иван Иванович ЗАРУБИН (1887–1964)

Иван Иванович Зарубин родился в Петербурге в семье врача, среднее образование получал в гимназиях Санкт-Петербурга и Одессы. В 1907 г. поступил в Петербургский университет, где окончил в 1912 г. историко-филологический факультет (дальневосточное отделение), а юридическое образование завершил в Харьковском университете. Еще будучи студентом, в 1910 г. принял участие в экспедиции на Дальний Восток и тогда же был принят на работу в Музей этнографии.

И. И. Зарубин занимался исследованием таджикского языка, малоизученных в первой половине XX века памирских языков (шугнанского с его бартангским, рушанским и орошорским диалектами, язгулямского, ваханского, ишкашимского, мунджанского), а также белуджского языка. Но И. И. Зарубин проявил себя не только как исследователь, но и как администратор, непосредственно принимавший участие в управлении Памирским районом. Был также участником переписей населения Средней Азии, которые оказали большое влияние на процесс становления наций в современных центрально-азиатских республиках.

С 1918 по 1920 г. он числится заведующим Отделом мусульманских народов Средней Азии Музея антропологии и этнографии (впоследствии переименован в отдел Передней и Средней Азии); с апреля 1920 г. по октябрь 1922 г. работал научным сотрудником 1 разряда Азиатского музея. Для музея лично им было собрано 450 ценнейших экспонатов, которые составили две большие коллекции (№ 2352 и № 2674). В 1926–1931 гг. И. И. Зарубин ведет напряженную работу по дальнейшему сбору экспонатов и материалов силами сотрудников своего отдела.

Судя по протоколу № 8 заседания ОИНФ[1] об утверждении штата сотрудников Института яфетидологических изысканий от 12 октября 1921 г., И. И. Зарубин был приглашен для работы в качестве «сотрудника 1-й категории как исследователь иранских наречий Припамирья, первый русский собиратель материалов Припамирского вершикского языка[2]» (МИ ИЛИ: 30–31). Однако, поскольку одновременно трудился в других научных учреждениях (Институт этнографии, Университет), год проработал вне штата Института, а с октября 1922 по февраль 1931 работал в должности штатного научного сотрудника 1 разряда. С марта 1933 г. по май 1934 г. — старший этнограф в Институте антропологии и этнографии; 22 мая 1934 г. был переведен старшим ученым специалистом в Институт языка и мышления (ИЯМ) в Кабинет индоиранских языков ИЯМ; в 1935 г. был руководителем этого кабинета.

В 1923–1927 гг. параллельно работал научным сотрудником НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ. В 1931–1937 гг. одновременно преподаватель ЛИФЛИ (Ленинградского института философии, лингвистики и истории). С 1938 года доктор филологических наук (без защиты), с того же года профессор филологического факультета ЛГУ.

На 1 января 1941 г. И. И. Зарубин — старший научный сотрудник Индо-иранского кабинета ИЯМ (заведующий — В. И. Абаев) и автор изданий «Население Самаркандской области» (1926), «Бартангские и рушанские тексты и словарь» (1937), «Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным» (1932).

В начале Великой Отечественной войны 17 августа 1941 г. уволен «в связи с новым штатным расписанием» (МИ ИЛИ: 798).

В 1942–1944 гг. Зарубин находился в эвакуации в Сталинабаде (Душанбе, Таджикская ССР), преподавал в Сталинабадском педагогическом институте. Из сохранившегося

[1] Отделение исторических наук и филологии РАН.

[2] Вершикский диалект (вершиквар) — диалект изолированного языка бурушаски, на котором говорят в местности Ясин в отрогах Каракорума. В 1931 году число говорящих на собственно бурушаски составляло около 20 тысяч человек, а на вершикском диалекте — около 7,5 тысяч человек.

письма И. Н. Винникова [3] С. М. Абрамзону [4] из Борового (Казахстан) в Ленинград: «7.VII. 1942…. Зарубин устроился в Пединституте в Сталинабаде профессором. На мой запрос о теме научной работы он пока не ответил….» (Решетов 1996: 13).

12 сентября 1944 г. И. И. Зарубин вернулся в Ленинград. С 1 октября 1944 г. вновь назначен заведующим Отделом Передней и Средней Азии в Институте этнографии АН СССР. С того же времени и до 1949 г. — профессор Восточного факультета ЛГУ.

10 июня 1945 г. среди 96 сотрудников Академии наук в связи с 220-тилетием АН СССР был награжден орденом «Знак Почета» за участие в подготовке кадров (МИ ИЛИ: 821).

По списочному составу ИЯМ на 1 ноября 1945 г. д. ф. н., проф. И. И. Зарубин числится заведующим Отделом индоиранских языков (МИ ИЛИ: 823), где (ЛО Института языкознания АН СССР) он и проработал до своей кончины в 1964 г.

Очень интенсивной была экспедиционная деятельность И. И. Зарубина, он внес много нового в методику описания и исследования живых иранских языков. Зарубин был известен также как этнограф, специалист в области памирского фольклора и языков, ср. «Шугнанские тексты и словрь (1960). С 1914 по 1949 г. совершил ряд научных экспедиций на Памир и в Среднюю Азию с целью изучения ираноязычных народностей. Первые длительные поездки (1914[5], 1915–1916 гг.) были организованы «Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии»; далее (1918–1919 гг.) — «Комиссией по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран».

[3] Исаак Натанович Винников (1897–1973) — профессор, доктор филол. наук, в 1941–1943 гг. директор Института этнографии АН СССР.

[4] Саул Менделевич Абрамзон (1905–1977) — доктор ист. наук, в 1941–1942 гг. и. о. директора Института этнографии АН СССР, в 1943–1977 гг. старший научный сотрудник этого института.

[5] В некоторых районах И. И. Зарубин и Р. Готио (руководитель той экспедиции) были первыми европейцами, в частности в июле 1914 г. они прошли к образовавшемуся после землетрясения 1911 г. Сарезскому озеру в верховьях Бартанга (Стеблин-Каменский 1993: 143).

Следующая этнографическая и диалектологическая экспедиция в Среднюю Азию, которой уже руководил сам И. И. Зарубин, была организована АН СССР в 1926 г. Целью ее, а также последующих выездов в 1927 г., было углубленное изучение языка и быта таджиков. Во время длительных поездок в Туркмению 1928–1929 гг. И. И. Зарубин сосредоточился на белуджском языке.

В 1948–49 гг. И. И. Зарубин (совместно с В. С. Соколовой) руководил диалектологической экспедицией Института истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР в Кулябе, по материалам которой его учениками были защищены три диссертации и опубликовано несколько работ.

И. И. Зарубин был прекрасным педагогом, стоявшим во главе целого научного направления в нашей стране, которое занималось сбором и научной обработкой лингвистических и этнографических материалов по живым иранским языкам, распространённым на территории России, а позднее — Советского Союза. Результатом деятельности И. И. Зарубина и его учеников явились публикации текстов, словарей и грамматических описаний таких иранских языков, которые до этого были известны исследователям только в виде небольшого списка слов. Большинство иранистов в нашей стране начиная с 20-х годов были учениками И. И. Зарубина (В. С. Соколова, В. С. Расторгуева, А. З. Розенфельд, Т. Н. Пахалина, И. М. Оранский, А. Л. Грюнберг и мн. др.) или учениками его учеников.

Источники:

Гафферберг Э. Г., Кисляков Н. А. И. И. Зарубин — этнограф и музейный работник // Иранский сборник. К семидесятипятилетию профессора И. И. Зарубина. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 17–21.

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Милибанд С. Д. Востоковеды России. XX — начало XXI в. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М.: «Восточная литература», 2008. Том I. С. 520.

Расторгуева В. С. И. И. Зарубин-лингвист // Иранский сборник. К семидесятипятилетию профессора И. И. Зарубина. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 3–16.

Расторгуева В. С. И. И. Зарубин. Некролог // Страны Азии и Африки. 1964. № 4. С. 273–275.

Рахимов Р. Р. Иван Иванович Зарубин (1887–1964) // Советская этнография. 1989. № 1. С. 111–121.

Решетов А. М. Отдание долга. Часть III. Институт этнографии АН СССР во время Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 3–14.

Решетов А. М. Институт антропологии и этнографии — Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 24–42.

Розенфельд А. З. Личный фонд проф. И. И. Зарубина // Страны и народы Востока. Под общей ред. Д. А. Ольдерогге. Вып. XVI. М.: Наука, 1975. С. 296–297.

Соболев В. Г. Роль И. И. Зарубина в процессах национального размежевания в Средней Азии в 1920-е годы // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2015. Вып. 2. С. 141–151.

Стеблин-Каменский И.М. Первое путешествие И.И. Зарубина на Памир летом 1914 года // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 1. СПб., 1993. С. 139–150.

Стеблин-Каменский И. М. Памяти А. Л. Грюнберга-Цветиновича (1 марта 1930–3 марта 1995) // Петербургское востоковедение. 1996. Вып. 8. С. 640–668;

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН https://ranar.spb.ru/persons/442381459

Сайт ИЛИ РАН: https://iling.spb.ru/persons/zarubin-ivan-ivanovich

Сайт СПбГУ: https://bioslovhist.spbu.ru/person/3124-zarubin-ivan-ivanovic.html

Вера Дионисьевна КОЛЕСНИКОВА (1909 –1991)

В. Д. Колесникова — специалист по эвенкийскому и негидальскому языкам. Родилась в Харьковской губернии в г. Енакиево в семье служащих. Школу окончила в Ростове в 1926 г., в 1928 г. поступила в Ростовский государственный университет, а в 1930 г. перевелась на учебу в Ленинград в ЛИФЛИ на романо-германское отделение, которое окончила в 1932 г. как германист, после чего поступила на работу преподавателем в Ленинградский Институт Народов Севера. Вера Дионисьевна — ученица Г. М. Василевич и В. И. Цинциус. В 1935 г. Колесникова поступила в том же институте в аспирантуру, продолжая одновременно педагогическую деятельность и работу над созданием литературы на эвенкийском языке. Аспирантуру окончила в 1940 г.

С началом войны была эвакуирована с матерью и двумя детьми на станцию Инская (г. Новосибирск), где служила с 1942 по 1946 гг. в конторе треста «Сибстройтрест», одновременно работая над кандидатской диссертацией. Во время войны в 1942 г. потеряла на фронте брата.

4 мая 1946 г. вернулась с семьей в Ленинград и 16 мая 1946 г. была зачислена на работу ассистентом на Северное отделение Восточного факультета ЛГУ. В апреле 1947 г. защитила кандидатскую диссертацию.

В ЛГУ работала до 1953 г. сначала ассистентом, затем старшим преподавателем эвенкийского языка на кафедре тунгусо-маньчжурских языков на факультете Народов Севера. В связи с закрытием этого факультета в ЛГУ была переведена

на работу старшим преподавателем на факультет Народов Севера в Ленинградский гос. пединститут им. Герцена.

В 1954 г. зачислена младшим научным сотрудником в сектор языков народов Севера (позднее — Отдел алтайских языков) Института языкознания АН СССР, была ученым секретарем отдела. С 1967 г. утверждена в ученом звании старшего научного сотрудника.

С 1961 по 1965 гг. В. Д. Колесникова участвовала в работе над коллективным трудом «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков».

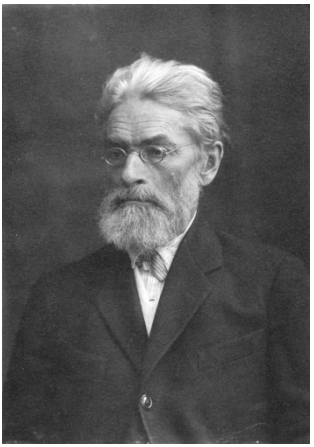
Наиболее значимым ее научным вкладом является книга «Синтаксис эвенкийского языка» (1966) — первый опыт специального исследования простого и сложного предложений этого языка, а также составленные ею словари «Эвенкийско-русский» (совместно с В. А. Горцевской, 1958 г.) и «Русско-эвенкийский» (совместно с О. А. Константиновой, 1960 г.). Несколько работ посвящены сравнительно-историческому изучению лексики алтайских языков, ее этимологизированию. В своих исследованиях в значительной мере использовала большой и ценный материал, самостоятельно собранный ею во время пяти научных экспедиций в Эвенкийский национальный округ и в районы Приамурья.

Работала в ЛО Института языкознания АН СССР до 1973 г.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 311.
Сайт ИЛИ РАН.

Борис Михайлович ЛЯПУНОВ (1862–1943)

Борис Михайлович Ляпунов родился в 1862 г. в с. Болобоново Курмышского уезда Симбирской губ. (ныне — Нижегородская обл.), в родовом имении отца — Михаила Васильевича Ляпунова. Б. М. Ляпунов был одним из представителей интеллектуальной династии Ляпуновых: его братья — математик А. М. Ляпунов (1857–1918) и композитор С. М. Ляпунов (1859–1924).

С 1873 г. Б. М. Ляпунов учился в Нижегородской мужской гимназии, а с 1878 г. продолжал обучение в 5-й мужской гимназии в Москве.

С 1881 по 1885 гг. Б. М. Ляпунов учился на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета, по окончании которого был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Из-за резкого ухудшения здоровья был вынужден уехать в Харьков, где посещал лекции А. А. Потебни, А. Л. Дринова и других лингвистов.

В 1887 г. переехал в Москву, где занимался у Ф. Ф. Фортунатова, участвовал в работе над болгарским словарем А. Л. Дювернуа. Через некоторое время вновь уехал в Харьков, где в 1896 г. сдал магистерские экзамены и в 1897 г. был утвержден приват-доцентом Харьковского университета. После защиты в 1899 г. магистерской диссертации «Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи» получил степень магистра славянской филологии.

С 1901 по 1924 гг. работал экстраординарным профессором по кафедре славяноведения в Новороссийском университете (г. Одесса), читал лекции по всему циклу дисциплин, входящих

в область славянского языкознания, издал «Введение в историю русского языка» (Одесса, 1911).

В 1907 г. был избран членом-корреспондентом Отделения русского языка и словесности Петербургской Императорской академии наук, а в 1923 г. — академиком Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук по отделению славянской филологии.

В 1924 г. переехал в Ленинград и с 1924 по 1928 гг. работал профессором на кафедре русско-славянской филологии филологического факультета Ленинградского университета.

В 1933 г. стал сотрудником Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР, где выполнял обязанности заведующего Сектором русского и других славянских языков.

Когда началась Великая Отечественная война, летом 1941 г., как и другие старейшие академики, был эвакуирован в Алма-Ату[1].

В эвакуации Б. М. Ляпунов продолжал работать по ранее начатым темам, в частности, по вопросам истории языкознания. Последней его работой, написанной за две недели до смерти, была статья о научном творчестве А. М. Селищева. В 1944 г. вышли его «Воспоминания об И. М. Сеченове».

В феврале 1943 г. Б. М. Ляпунов заболел воспалением легких и 22 февраля скончался. Он похоронен на «академическом участке» местного кладбища.

Научные интересы Б. М. Ляпунова касались вопросов истории праславянского языка, формирования его диалектов, проблем сравнительной грамматики славянских языков. Специальные работы посвящены истории русского языка, этимологии, диалектологии, лексикографии.

Б. М. Ляпунов проявлял глубокий интерес к истории науки. Им подготовлены развернутые очерки о словенском лингвисте Ватрославе Облаке, об И. Добровском, И. В. Ягиче, А. А. Кочубинском, А. А. Шахматове, В. Вондраке, П. А. Лаврове, Я. Лосе и о многих других. Эти очерки содержат интересные и важные

[1] В общей сложности в санаторий «Боровое» (Акмолинская область, Казахстан) прибыло более 300 академиков и докторов наук вместе с семьями. Все они продолжали активно работать и образовали там казахскую группу академиков.

сведения по истории языкознания, по истории разработки отдельных научных проблем.

Он являлся редактором серии «Slavia», «Трудов Института языка и мышления им. Н. Я. Марра» [АН СССР].

Б. М. Ляпунов был избран действительным членом Польской Академии наук (1930), членом-корреспондентом Болгарской Академии наук (1932), членом-корреспондентом Чешской Академии наук (1934).

Источники:

Обнорский С. П. Памяти академика Б. М. Ляпунова // Изв. ОЛЯ. 1944. Т. 3. № 5. С 228–231. (переиздано в кн.: Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960).

Памяти Б. М. Ляпунова // Наукови зап. ін-та мовознавства АН УССР. 1946. Т. 2–3. С. 246–247.

Бернштейн С. Б. Борис Михайлович Ляпунов // ВЯ, 1958, № 2.

Пакшина Н. А. Академик Борис Михайлович Ляпунов: малоизвестные факты биографии ученого // НОО «Профессиональная наука». Практические и теоретические подходы к решению проблем общественных наук. Сб. научных трудов по материалам VII международного общественно-научного форума молодых ученых. www.scipro.ru М., 2018. С. 20–30.

Сергей Ефимович МАЛОВ (1880–1957)

Сергей Ефимович Малов родился в 1880 г. в Казани в семье профессора-протоиерея Казанской духовной академии. По окончании средней школы по желанию отца поступил в 1900 г. в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1904 г. Во время учебы в академии занимался восточными языками у Н. Ф. Катанова[1]. Затем он поступил в Петербургский университет (Институт восточных языков), который окончил в 1909 г. по арабско-персидско-турецкому разряду. В годы учения в университете произошла встреча с акад. В. В. Радловым, под влиянием и при непосредственном участии которого формировался интерес С. Е. к языку древнейших тюркских памятников, а также к мало изученным тогда тюркским языкам Восточного Туркестана и Центральной Азии.

В 1909–1915 гг. С. Е. Малов работал научным сотрудником в тюркском отделе МАЭ, в 1916 г. получил степень магистра турецкой словесности.

В 1909–1911 и 1913–1915 гг. был командирован РКСВА[2] в этнолингвистические экспедиции в Западный и Центральный

[1] Н. Ф. Катанов (1862–1922) — первый хакасский ученый, российский тюрколог, профессор Императорского Казанского университета и Казанской духовной академии, этнограф, фольклорист, общественный деятель. Его научные работы продолжают издаваться и переиздаваться в XXI веке.

[2] РКСВА — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении — востоковедческая организация, созданная в 1902 г. в Петер-

Китай (Восточный Туркестан). Здесь он собирал материал по живым тюркским языкам, а также по фольклору и этнографии уйгуров, желтых уйгуров, лобнорцев, салар. Параллельно собрал ценную коллекцию древних рукописей.

В 1917 г. С. Е. Малов стал приват-доцентом Казанского университета и директором Нумизматической коллекции, а с 1918 г. — профессором Высшего института народного образования в Казани, изучал этнографию и диалекты поволжских татар.

В 1922 году С. Е. Малов вернулся в Петроград, был избран доцентом Петроградского университета, в котором работал до 1929 г., и также — в 1934–1939 и 1945–1948 гг. Одновременно в 1923–1927 гг. С. Е. Малов выполнял обязанности профессора Центрального института живых восточных языков (ЦИЖВЯ), преобразованного позже в Ленинградский восточный институт (ЛВИ), в котором он продолжал работать в 1927–1938 гг. Там он читал курсы по общей тюркологии, чагатайскому, узбекскому, ойротскому и другим языкам, курс по изучению языка памятников древнетюркской письменности.

В период 1931–1933 г. С. Е. Малов работал библиотекарем в Восточном отделении Публичной библиотеки, где занимался приемкой книг, их каталогизацией, составлял библиографические справки.

После восстановления в 1934 г. института ученых степеней С. Е. Малов в мае 1935 г. утвержден в степени доктора языковедения без защиты диссертации, в 1939 г. избран членом-корреспондентом АН СССР.

В 1935 г. он начал работать в Институте языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра: в 1935–1937 гг. был старшим научным сотрудником, в 1937–1951 гг. — заведующим кабинетом тюркских языков, в 1951–1957 гг. — заведующим сектором языков народов СССР.

Во время Великой Отечественной войны С. Е. Малов был эвакуирован в Алма-Ату, где возглавлял эвакуированную часть Института и в 1943–1945 гг. работал профессором Казахского университета и Казахского педагогического института.

бурге по постановлению XII международного конгресса ориенталистов в Риме и просуществовавшая до 1914 г.

С. Е. Малов скончался в 1957 г., похоронен на Шуваловском кладбище Санкт-Петербурга.

С. Е. Малов известен как блестящий знаток живых и мертвых тюркских языков России и сопредельных стран. Он является автором ок. 170 научных работ по языку, фольклору, истории и этнографии тюркских народов Центрального и Западного Китая, Монголии, Средней Азии и Казахстана, Сибири и Поволжья. Он дал первые описания каракалпакского, ногайского, казахского, туркменского, уйгурского и других тюркских языков.

С. Е. Малов работал по расшифровке, переводу и публикации древних тюркских памятников, итогом чего явились монографии «Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования» (1951), «Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы» (1952), «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии» (1959). В течение длительного времени он составлял картотеку по тюркским памятникам, ставшую основой «Древнетюркского словаря» (1969).

С. Е. Малов опубликовал ряд работ этнографического характера в области духовной культуры тюркоязычных народов с особым вниманием к народным верованиям и проблеме шаманизма. Как подлинный этнограф он собрал шесть этнографических коллекций, поступивших в 1911, 1912 и 1914 годов в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого в Петербурге. Часть предметов из этих коллекций экспонируется ныне в музее.

Отдельной страницей научного наследия С. Е. Малова являются его работы в области тюрко-славянских языковых связей. В своей интерпретации тюркизмов в древнем и современном русском языке он мог опираться на свои разнообразные и глубокие знания тюркской лексики и фонетики.

С. Е. Малов принимал активное участие в языковом строительстве, возглавлял работы по составлению алфавитов и орфографических правил для ранее бесписьменных языков народов СССР.

В своих экспедициях в Китай С. Е. Малов собрал ценную коллекцию древних рукописей, среди которых самое важное произведение средневековой уйгурской буддийской литературы рукопись сутры «Алтун ярук» («Золотой блеск»), позднее изданная им вместе с В. В. Радловым. Им были приобретены

китайские, санскритские и хотано-сакские рукописи, а также коллекция тибетских документов на дереве из района оз. Лобнор. В начале 1931 г. С. Е. Малов передал часть коллекции в Азиатский музей Института востоковедения и в МАЭ.

С. Е. Малов вел широкую педагогическую работу. Им было воспитано большое количество специалистов, работавших в тюркоязычных республиках и областях Советского Союза и Российской Федерации. В память о С. Е. Малове в Алма-Ате регулярно проводятся Маловские чтения.

Награды: орден Трудового Красного знамени (1945), орден Ленина (1953), Заслуженный деятель науки КазССР (1945), Серебряная медаль Русского Географического общества (1912).

Источники:

Юдахин К. К. О С. Е. Малове // Белек [Подарок] С. Е. Малову: Сб. статей. Фрунзе, 1946.

Убрятова Е. И. О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова // Тюркология, 1. М.-Л., 1951 (библиография). С. 5–30.

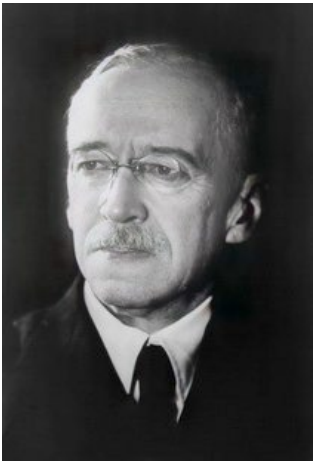
Убрятова Е. И. С. Е. Малов: к 70-летию со дня рождения // Изв. АН СССР, серия лит-ры и языка. 1955, т. 14, вып. 1.

Кормушин И. В. Памяти члена-корреспондента АН СССР С. Е. Малова // Изв. ОЛЯ. 1968. Т. 27. Вып. 4. С. 381–383.

Кормушин И. В., Насилов Д. М. О жизни и творчестве С. Е. Малова // Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 5–12. [Сборник посвящен памяти Сергея Ефимовича Малова. Здесь приведена библиография трудов С. Е. Малова, краткий обзор архива С. Е. Малова, список публикаций о С. Е. Малове].

Абрамзон С. М. Этнографические исследования С. Е. Малова // Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 12–26.

Иван Иванович МЕЩАНИНОВ (1883–1967)

«Автобиография.

Родился в 1883 г. в Петербурге. Окончил с золотою медалью VI Петербургскую гимназию, в 1902 году поступил на Юридический факультет Петерб. Университета. В 1905 году был студентом в Гейдельбергском университете, а в 1907 году окончил Петерб. Университет, защитив дипломную работу. Одновременно занимался в Петерб. Археологическом Институте, взяв специальностью археологию и письменность древнего Востока. Работал под руководством проф. Н. И. Веселовского. В 1911 году за издание древних текстов получил звание почетного члена Петерб. Археологического Института и с 1912 года принял в свое заведывание вновь организованный исторический архив этого Института. Одновременно состоял членом Правления этого Института, и для материального обеспечения (по Институту мне полагалось 50 р.) служил в Канцелярии Сената. С 1914 года получил по Институту в свое заведывание коллекцию эламских древностей, которую и опубликовал в 1918 году. Издание (не состоявшееся) собрания клинописных табличек из той же эламской коллекции потребовало знакомства с древними языками Передней Азии, что и привело к сближению с акад. Н. Я. Марром, занимавшимся ново-эламским языком.

Совместно с Н. Я. Марром работа началась с 1919 года, когда он предложил мне, для углубления языковых

знаний, поступить вольнослушателем на Восточный факультет Университета, где я и занимался три года, пройдя курс по грузинскому языку, по урартскому и частично по хеттскому. Мои занятия над урартским (халдским) языком закончились предложением взять на себя чтение курса по этому языку на Восточном факультете, куда в связи с этим я был в 1922 году зачислен. В то же время я был привлечен к работе во вновь открытом Яфетическом Институте Академии Наук научным сотрудником I разряда, где вскоре я занял должность ученого секретаря.

Археологические занятия в это же время привели меня к работе в Археологической Комиссии, вскоре преобразованной в академию Истории Материальной Культуры, где я последовательно занимал должности делопроизводителя по научной части, Правителя канцелярии, ассистента, действительного члена, Председателя Хозяйственного комитета (Зам. председателя Академии) и ученого секретаря. Собираясь проводить раскопки на Кавказе, я предварительно под руководством проф. Б. В. Фармаковского знакомился с раскопочным делом в Ольвии близ Николаева, где провел четыре летних периода в качестве научного сотрудника, зам. начальника экспедиции, а затем, начальника её.

С 1926 года начались мои работы в Закавказье (в летние месяцы). Я был избран почетным членом Общества изучения Азербайджана, преобразованного в научно-исследовательский Институт, а затем в филиал Академии Наук, послуживший базой для открытия Академии Наук Аз. ССР, почетным членом которой я был избран при ее организации. В Азерб. Университете я прочел курс по урартскому (халдскому) языку, опубликованный в Баку в 1927 году («Халдоведение»). Интерес к археологическим памятникам того же периода встретил поддержку, и мне представилась возможность организовать ряд экспедиций и руководить ими: в Нагорный Карабах (Ходжалы), в Мильскую

степь[1] (Уран-Кала[2]) и на северный берег Аралья. Для ознакомления с однородными памятниками совершил ряд поездок по Армении.

В 1932 году был избран в академики и директором Института Этнографии, а в 1934 году был избран директором Института языка и мышления. В 1937 году избран академиком-секретарем Отделения литературы и языка. С образованием Института языкознания остался в нем старшим научным сотрудником по Кавказскому сектору. В 1931 г. заведывал сектором в Гос. Эрмитаже.

По научно-педагогической линии: был деканом филологического факультета Лен. Гос. Университета, профессором которого (вне штата) продолжаю состоять и в настоящее время, состоя членом Ученого Совета. Вел занятия по введению в языкознание на факультете народов Севера, одно время заведовал кафедрой общего языкознания на филологическом факультете (до 1951 года). В течение пяти лет был профессором Восточного Института в Ленинграде (1929–35 года). Во время эвакуации был профессором Университета в Алма-Ата, принял участие в организации Казахской Ак. Наук, почетным членом которой избран при ее открытии. Был Председателем Филиала Ак. Наук в Дагестане.

В 1932 и 1935 годах был в краткосрочной командировке в Стамбул для участия в научном съезде; 1948 г. участвовал в Конгрессе мира во Вроцлаве; в 1949 году состоял в делегации на Конгрессе дружбы в Берлине и Чехо-Словакии. Был председателем месткома в Академии Истории Материальной Культуры, членом В.О. райсовета (1-го созыва), депутатом Верховного Совета РСФСР и членом его Президиума.

---

[1] Мильская степь (равнина), часть Кура-Араксинской низменности на правобережье р. Кура, расположенная к западу от низовья р. Аракс, в восточном Закавказье (Азербайджан).

[2] Орен-Кала (Örənqala), городище в Мильской степи, на территории с. Кебирли (Бейлаганский р-н, Азербайджан).

Состоял Председателем Ленинградского Отделения Общества распространения политических и научных знаний (до 1951 года) и Председателем Пушкинского общества (закрыто в 1952 году).

В связи с допущением ряда грубых ошибок по пропаганде порочных положений т. н. «нового учения» о языке я был в 1950 году освобожден от должности академика-секретаря Отделения литературы и языка Академии Наук СССР, а в 1951 году освобожден от заведования кафедрой общего языкознания на филологическом факультете Лен Гос. Университета.

И. Мещанинов 17 апреля 1953 года»

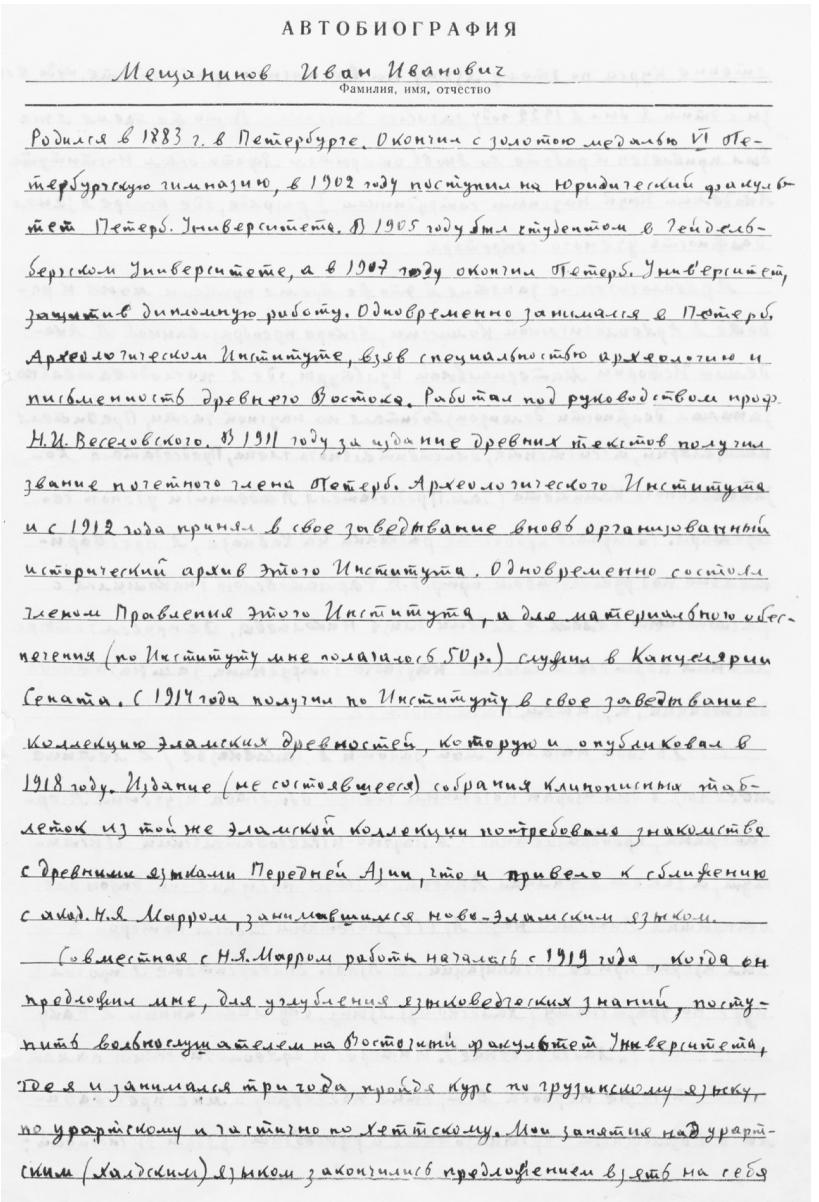
(СПбФ АРАН. Ф. 2, оп. 17, д. № 214).

Из дополнительных сведений, отраженных в личной анкете. Происхождение — из дворян. Отец — дворянин Иван Васильевич Мещанинов, родом из Казани — до революции служил, был судебным деятелем, сенатором. «Был арестован в 1918 году как председатель общества «Маяк»[3] и умер через месяц». Мать — Мария Дмитриевна (дев. Чернова) — дворянка по мужу, родилась в Елабуге (там же).

Иван Иванович Мещанинов проживал в Ленинграде по адресу: 7 линия В.О., дом 2[4], кв. 17. Сам академик Н. Я. Марр жил в этой квартире вплоть до своей смерти в 1934 г., затем она была поделена, причём значительная её часть досталась И. И. Мещанинову. Он продолжал работать за столом своего учителя (Шилин 2016: 294).

[3] «Маяк» — общество содействия нравственному, умственному и физическому развитию молодых людей, основано в Петербурге в 1905 году. Одна из известных дореволюционных организаций с уклоном в физвоспитание. Было закрыто большевиками на основании распоряжения областного Петроградского комиссара по просвещению от 19 октября 1918 года.

[4] Так называемый «Дом академиков».

АВТОБИОГРАФИЯ

Мещанинов Иван Иванович
Фамилия, имя, отчество

Родился в 1883 г. в Петербурге. Окончил с золотою медалью VI Петербургскую гимназию, в 1902 году поступил на Юридический факультет Петерб. Университета. В 1905 году был студентом в Гейдельбергском Университете, а в 1907 году окончил Петерб. Университет, защитив дипломную работу. Одновременно занимался в Петерб. Археологическом Институте, взяв специальностью археологию и письменность древнего Востока. Работал под руководством проф. Н.И. Веселовского. В 1911 году за издание древних текстов получил звание почетного члена Петерб. Археологического Института и с 1912 года принял в свое заведывание вновь организованный исторический архив этого Института. Одновременно состоял членом Правления этого Института, и для материального обеспечения (по Институту мне полагалось 50 р.) служил в Канцелярии Сената. С 1914 года получил по Институту в свое заведывание коллекцию эламских древностей, которую и опубликовал в 1918 году. Издание (не состоявшееся) собрания клинописных табличек из той же эламской коллекции потребовало знакомства с древними языками Передней Азии, что и привело к сближению с акад. Н.Я. Марром, занимавшимся ново-эламским языком.

Совместная с Н.Я. Марром работа началась с 1919 года, когда он предложил мне, для углубления языковедческих знаний, поступить вольнослушателем на Восточный факультет Университета, где я занимался три года, пройдя курс по грузинскому языку, по урартскому и частично по хеттскому. Мои занятия на урартским (халдским) языком закончились предложением взять на себя

1-я страница автобиографии И. И. Мещанинова.

На 1940 год И. И. Мещанинов — автор 135 опубликованных работ в области археологии, истории, урартологии (включая исследование урартского языка), яфетидологии, а также по вопросам глоттогенеза.

Летом 1941 г. И. И. Мещанинов как академик подлежал первоочередной эвакуации, но долго не соглашался уезжать. Вместе с академиками Л. А. Орбели и П. И. Степановым, которые как Ленинградская группа членов Президиума АН руководили в первые месяцы войны ленинградскими научными учреждениями, он оставил город лишь в конце октября 1941 г. По крайней мере, 10 октября 1941 г. он еще числится в составе ИЯМ в Ленинграде, а подпись академика С. А. Жебелёва как директора института впервые появляется под приказом № 91 по институту 23 октября 1941 г. Мещанинов был «отозван» из города специальным распоряжением правительства (МИ ИЛИ: 798–799) и направлен в эвакуацию в Алма-Ату. Точную дату выезда установить трудно[5].

В период Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации в Алма-Ате, продолжал активную научную работу. В 1941 году увидели свет публикации, начатые, скорее всего, еще до июня 1941 года. Это «Глоттогонический прогресс и проблема стадиальности» (Известия Академии наук. Отделение Языка и Литературы. 1941. № 3. С. 8–28); рецензия на книгу: «Урартские памятники Музея Грузии». Издал Г. В. Церетели. Тбилиси, 1939 (Вестник древней истории. 1941. №1. С. 107–116). В 1942 году по вполне объяснимым причинам (начало ленинградской блокады, тяготы эвакуации) не выходит ни одной работы, но Мещанинов работает и публикует их, начиная с 1943 года: «Итоги изучения казахского языка и казахской литературы за 25 лет и перспективы их дальнейшего развития» (Сб. Труды юбилейной научной сессии Казахского филиала АН

[5] Ф. П. Филин, как ни странно, вообще пишет о том, что первую блокадную зиму Иван Иванович Мещанинов проводит в Ленинграде: «Надо было видеть, с какой стойкостью он переносил невероятные лишения, обстрелы и бомбёжки, как он ободрял оставшихся с ним сотрудников. И его ослабевшая от голода рука не выпускала перо, мысль неустанно работала над решением научных проблем. Только подчиняясь приказу руководства, он в феврале 1942 г. покидает осаждённый город» (Филин 1967: 9).

СССР. Алма-Ата, 1943. С. 191–209); «Выступление на чествовании академиков И. П. Бардина и И. И. Мещанинова 7 декабря 1943 г. в Президиуме АН СССР» (Вестник АН СССР. 1944. № 1–2. С. 85–86); «История Азербайджана по археологическим памятникам» (Известия Азербайджанского филиала АН СССР. 1944. №71. С. 58–67, совместно с А. Г. Черновым); «Владимир Леонтьевич Комаров. Краткий очерк научной деятельности» (М.: ОГИЗ; Сельхозгиз, 1944, совместно с А. Г. Черновым); «Владимир Леонтьевич Комаров. Краткий очерк научной деятельности» (Наука и жизнь. 1944. № 10. С. 2–11, совместно с А. Г. Черновым); «Достойный преемник выдающихся русских ученых» (Вестник АН СССР. 1944. № 10. С. 73–79). Две главные работы Мещанинова этого периода: «Понятийные категории в языке» (Труды Военного института иностранных языков Красной Армии. 1945. №1. С. 5–15); «Члены предложения и части речи» (М.: Издательство АН СССР, 1945. 319 с.).

Продолжая научную работу, Иван Иванович одновременно организовал подготовку военных переводчиков для нужд Красной Армии. Он инициировал создание авторских коллективов по написанию различных специализированных словарей и пособий для переводчиков с языков всех стран-противников (немецкого, финского, венгерского, румынского, словацкого и некоторых народов, представители которых чаще всего мобилизовались в гитлеровскую армию), а также некоторых государств-союзников (английского, французского, польского и других). И. И. Мещанинов сам стал автором ряда пособий для переводчиков с немецкого и венгерского языков (Виноградов, Шауб 2022: 627). Кроме того, его привлекали для перевода наиболее важных трофейных документов (там же). Военный институт иностранных языков, в котором И. И. Мещанинов был членом Учёного совета, вынес ему благодарность «за оказанное им содействие и помощь в постановке научной работы и за участие в подготовке офицеров-специалистов по иностранным зыкам» (Лысенко 1977: 449).

В эвакуации И. И. Мещанинов продолжает и преподавательскую деятельность, готовит местные научные кадры: в 1942–1943 гг. он в Алма-Ате проводит специальные семинары в Казахском государственном университете, читает лекции в Казахском педагогическом институте им. Абая,

сам занимается практической тюркологией (СПбФ АРАН. Ф. 2, оп. 17, д. № 214)[6]. Как академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, и во время войны продолжил организационную работу, часто вылетая из Алмы-Аты в Москву. Даже во время войны он не забывал и своих археологических интересов: в 1944 году он участвовал в археологической экспедиции в Дагестан.

В 1943 г. И. И. Мещанинов получил Сталинскую премию, а 23 ноября этого года был награждён орденом Ленина. На чествованиях, устроенных по этому поводу, академик И. Ю. Крачковский сказал, что Иван Иванович «оказался действительно тем, что англичане называют настоящим человеком на настоящем месте» (Вестник Академии наук СССР. 1944. № 1–2: 85). И. И. Мещанинов в ответном выступлении заявил, что его работа теснейшим образом связана с деятельностью большого коллектива, так что это торжество не только лично для него, но «в значительной степени — праздник филологии вообще» (Виноградов, Шауб 2022: 628).

Из эвакуации И. И. Мещанинов вернулся в 1944 г. в свою квартиру № 17 в «Доме академиков», которая, по воспоминаниям Б. Шилина, племянника Ивана Ивановича, оказалась в полном порядке (Шилин 2016: 293).

В июне 1945 года наряду с еще 10 академиками Иван Иванович Мещанинов был удостоен звания Героя Социалистического Труда — с обоснованием: «За выдающиеся заслуги в области филологических наук, исследования синтаксиса и морфологии русского языка, а также за плодотворную многолетнюю работу по подготовке кадров филологов». В газете «Известия» о Мещанинове тогда говорилось: «Его труды в области языкознания проложили новые пути развития этой науки. Талантливый ученик создателя нового учения о языке, замечательного учёного Марра, он обогатил советскую куль-

[6] «Следует в особенности отметить активную и плодотворную деятельность И. И. Мещанинова по подготовке кадров специалистов по языкам Советского Союза — кавказским, северным (палеоазиатским), тюркским (в период эвакуации вместе с Институтом в Алма-Ата, в 1941–1944 гг.), притом в особенности кадров национальных, из числа самих представителей соответствующих советских народов» (Жирмунский, Аврорин: 11).

туру оригинальными исследованиями языков народов Крайнего Севера и Северного Кавказа. Академик И. И. Мещанинов своими трудами принёс неоценимую пользу развитию национальных языков и по-новому решил многие проблемы в изучении языка великого русского народа».

В 1946 г. И. И. Мещанинову была присуждена Сталинская премия первой степени за выдающийся труд в области историко-филологической науки — монографию «Члены предложения и части речи» (1945). В постановлении по этому вопросу, в частности, было сказано, что автор, развивая учение Н. Я. Марра, распространил его на область синтаксиса и морфологии. После разоблачения марризма именно эта книга И. И. Мещанинова была подвергнута разгромной критике (Виноградов, Шауб 2022: 629).

После войны И. И. Мещанинов становится почетным доктором Тегеранского (1947), Карлова (Пражского, 1947) университетов, а также почетным академиком Академий наук Азербайджанской и Казахской ССР.

В 1950 г. после критики идей Н. Я. Марра И. В. Сталиным Мещанинов был снят со всех руководящих постов (см. *Автобиографию*), но не был репрессирован, а продолжил научную деятельность. Занятия халдским (урартским) языком И. И. Мещанинов считал своей основной лингвистической специальностью и вновь вернулся к его исследованию в последние 15 лет жизни, опубликовав в эти годы детальное описание его грамматического строя («Грамматический строй урартского языка». Ч. I. Именные части речи. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958; Ч. II. Структура глагола. М.; Л., 1962) и оставив в рукописи «Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка» объемом около 20 авт. листов (Панфилов 1967: 395), который был опубликован уже после кончины ученого в 1978 году в Ленинградском издательстве «Наука».

Академик И. И. Мещанинов — один из пионеров типологии в России. Не выдерживающие критики положения марризма им были отброшены. Мещанинову принадлежит теория соотношения частей речи с членами предложения, работы по инкорпорирующим языкам, идея так называемых «понятийных категорий», лежащих в основе языковых.

Награды: Герой Социалистического труда (1945); 2 ордена Ленина (1943; 1945), золотая медаль «Серп и молот» (1945), Орден Трудового Красного Знамени, 2 Сталинские премии I степени (1943; 1946).

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 2, оп. 17, д. № 214.

Аврорин В. А., Щербак А. М. Иван Иванович Мещанинов (к 75-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1958. Т. XVII. №5. С. 461–467.

Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю. Иван Иванович Мещанинов (1883–1967) // Отцы-основатели РАИМК. СПб: Институт истории материальной культуры РАН, 2022. С. 606–633.

Жирмунский В. М. Памяти академика И. И. Мещанинова // Вопросы языкознания. 1967. №3. С. 18–27.

Жирмунский В., Аврорин В. Академик И. И. Мещанинов // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.; Л., 1960. С. 3–11.

Красухин К. Г. Мещанинов Иван Иванович // Отечественные лингвисты XX в. Часть 2 (М-С) /отв. Ред. Ф. М. Березин. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 4–17.

Лысенко Т. И. И. И. Мещанинов и его архивное наследие // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 5. С. 447–451.

Материалы 1945 — Герой Социалистического Труда академик И. И. Мещанинов. Материалы под редакцией проф. М. М. Гухман и проф. Н. С. Чемоданова. М.: Военный институт иностранных языков Красной Армии, 1945.

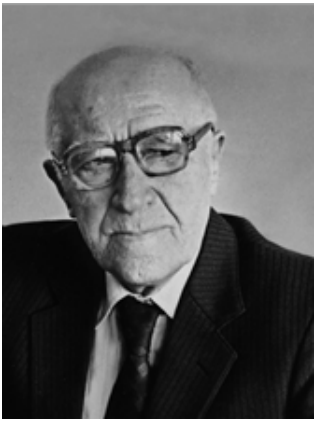
МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Панфилов В. З. Иван Иванович Мещанинов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1967. № 4. С. 394–398.

Филин Ф. П. И. И. Мещанинов (1883–1967) // Русская речь. 1967. № 2. С. 7–9.

Шилин Б. О квартире № 17 // Дом академиков. История и судьба. Авт.-сост. В. Б. Наумов. СПб.: Тип. «НП-ПРИНТ» СПб., 2016. с. 293.

Гаджи Бадавиевич (Бадовиевич) МУРКЕЛИНСКИЙ (1908–1998)

«Автобиография».

Родился в 1908 году в семье кустаря-ювелира в Кумухе (Лакского района Дагестанской АССР)[1]*. Отец мой был бывшим красным партизаном, принимавшим активное участие в борьбе с контрреволюцией в 1917–1921 годах в Дагестане. Умер в 1937 году. В 1917 году я поступил в Кумухскую сельскую школу. Через год перевелся в Дагестанскую национальную школу в г. Темирхан-Шуре (ныне Буйнакск). Учился в этой школе 1 ½ года на тюркском языке. В 1920 году я вернулся в Кумух и стал заниматься крестьянством, помогая в этом своему отцу. В 1923 году поступил в Дагестанский педтехникум и окончил его в 1926 г. Здесь же вступил в комсомол. С 1926 года по 1927 год включительно работал в лакской районной милиции, а в 1928 /29 году работал учителем Кулинской школы 1-й ступени в том же районе*[2]*; в 1929/30 году — учителем 7 летней школы им. Н. Нариманова в гор. Буйнакске. В этом же году в мае месяце поступил на курсы по подготовке в вузы, а потом через три месяца — на 4 курс Дагестанского рабфака. Окончил рабфак в начале 1931 года.*

После окончания рабфака работал в Лакском педтехникуме учителем и одновременно зав. учебной

---

[1] В то время — Казикумухский округ Дагестанской области.

[2] Село Кули.

частью. Был заочником пединститута 2 года[3]*. В конце 1932 года поступил в Кавказский Горский Историко-лингвистический научно-исследовательский институт*[4] *на лингвистическое отделение в качестве аспиранта, закончил курс аспирантуры 1 ноября 1935 года. С 1935 по 1937 год работал в названном институте и одновременно в Ком[итет]е Нового Алфавита в качестве научного сотрудника.*

За время учебы в аспирантуре и работы в Историко-лингвистическом научно-исследовательском институте проделана следующая работа: 1. написана пьеса «За новую жизнь» в 1933 году; 2. издал сборник лакских стихов под заглавием «Вперед» в 1934 г.; <....>; 4. составлен учебник по лакскому языку — часть 1-я (4 п. л.); 5. написана диссертация «Вихлинский диалект» (4 п.л.); 6. написана статья о диалектах лакского языка для Лакского институтского сборника (1 ½ п.л.); 7. составлен проект лакской орфографии (2 п.л.); 8. программа по лакскому языку.

В ИЯМ'е с 1937 года.

Состою кандидатом ВКП(б) с 1930 г. <...> Работал в Буйнакском райкоме ВКП(б) в качестве зав. отделом пропаганды при Культпропе, был внештатным инструктором райкомов (Лакский и Буйнакский) ВЛКСМ; был делегатом районного съезда в Лакском районе и делегатом 1-й дагестанской орфографической конференции.

11/IX–37 г.

Подпись (Гаджи Бадавиевич Муркелинский)».

В 30-е годы Г. Б. Муркелинский участвовал в создании нового алфавита при переводе дагестанских литературных языков на кириллицу. Работал над написанием и переизданием школьных грамматик, орфографических, переводных, терминологических словарей лакского языка. Им были написаны первые

[3] По документам в личном деле: речь идет о Ростовском государственном педагогическом институте (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 389).

[4] Речь идет о Кавказском Горском Историко-лингвистическом научно-исследовательском институте им. С. М. Кирова (1926–1937), располагавшемся в гор. Пятигорске.

школьные учебники лакского языка почти для всех классов, которые раз за разом переиздавались на протяжении более полувека.

В 1935 г. еще в Пятигорске Г. Б. Муркелинский защитил кандидатскую диссертацию «Говор аула Вихли в Дагестане», которая явилась первой кандидатской диссертацией по филологии в Дагестане.

В 1937 г. Горский Историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. С. М. Кирова ликвидируется, но ходатайствует о принятии Муркелинского в ИЯМ в Ленинграде, и 12 августа 1937 г. Муркелинский подает заявление о зачислении его в «аспирантскую докторантуру». По всей видимости, возможностей для открытия для него докторантуры в ИЯМ не было — он просит принять его временно на должность научного сотрудника до начала приема в докторантуру; в октябре 1937 г. его зачисляют на эту должность в Фино-угорский кабинет, а в январе 1938 г. переводят в штат Кавказского кабинета. Летом 1938 г. он отправляется на два месяца в научную командировку в Лакский и Кулинский районы Дагестана.

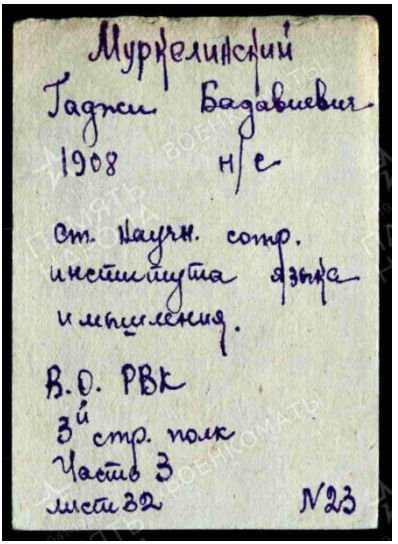
В ноябре 1940 г. ИЯМ по запросу военкомата дает ему характеристику, подписанную директором института И. И. Мещаниновым и секретарем партбюро П. К. Абабковым. В ней говорится, что «т. Муркелинский, первый и единственный из лаков, имеет степень кандидата филологических наук и работает по лакскому языку. В настоящее время тов. Муркелинский работает над грамматикой лакского языка и по описанию диалектов лакского языка, до сих пор не описанных».

В 1940 году Г. Б. Муркелинский имеет три опубликованных монографии (Грамматика лакского языка для лакских школ. Махач-Кала, 1937; Орфография лакского языка. Махач-Кала, 1938; Орфографический словарь лакского языка. Махач-Кала, 1940) и несколько крупных рукописей («Аштикулинский диалект лакского языка», «Прилагательные в лакском языке», «Словообразование в лакском языке», «Показатели множественного числа в лакском языке» и др.)

19 мая 1941 г. зав. Кабинетом кавказских языков К. Д. Дондуа дает отзыв о научной работе Г. Б. Муркелинского: «Муркелинский Гаджи Бадагиевич, один из немногих специалистов-лаковедов в Союзе, изучающих литературный лакский язык с точки зрения его генезиса и развития. Обращено внимание на

то, что некоторые диалекты лакского языка впервые были изучены тов. Муркелинским. Владея в совершенстве родным лакским языком практически (тов. Муркелинский — лак по национальности), он вместе с тем овладел и его теоретическими основами, — и в настоящее время заканчивает большую монографию, посвященную вопросам грамматики лакского языка. Из работ Гаджи Бадагиевича Муркелинского важнейшими являются: 1) Краткие сведения о вихлинском диалекте лакского языка, 2) Аштикулинский диалект лакского языка, 3) Вихлинский диалект лакского языка (6 п. л.). Большое участие принимал и принимает т. Муркелинский также и в практике языкового строительства в Дагестане. Ему принадлежит ряд пособий и учебников. В прошлом году Гаджи Бадагиевич Муркелинский был приглашен в качестве преподавателя лакского языка по кафедре кавказской филологии филфака ЛГУ, где он читает ответственный теоретический курс по грамматике лакского языка. Все вышеизложенное дает основание полагать, что Г.Б. Муркелинский вполне заслуживает быть утвержден в звании научного сотрудника ИЯМ. 19/V– 1941. К. Дондуа (подпись)».

Проживал по адресу: Ленинград, ул. Петрозаводская, дом 7Б.

Муркелинский
Гаджи Бадавиевич
1908 н/е
ст. научн. сотр.
института языка
и мышления.
В.О. РВК
3й стр. полк
Часть 3
листов 2
№23

В приказе Института от 10 июля 1941 г. Муркелинский числится среди 15 сотрудников, ушедших в Красную Армию в качестве добровольцев» (МИ ИЛИ: 797). Призван Василеостровским РВК в 3-й стрелковый полк.

Из справки, выданной военкоматом 20 июля 1941 г., видно, что он находился в 3-м стрелковом полку с 5 июля по 21 июля 1941 г., а затем был направлен «по месту работы». 5 августа 1941 г. Институт направляет его в поликлинику для «освидетельствования на предмет установления возможности посылки его на трудовые работы», а 15 августа 1941 г. Мурекли-нский Г. Б. снимается с зарплаты и командируется в распо-

ряжение Наркомпроса Дагестанской АССР «для использования по специальности» (СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5 д. 389).

В 1942–1943 гг. Муркелинский трудился директором и преподавателем Кумухского педагогического училища, продолжая и научную работу: 30 июня 1944 г. им защищена докторская диссертация на тему «Очерки грамматики лакского языка». Защита проходила в Дагестанском государственном педагогическом институте, на ученом совете присутствовал 21 человек, а также два оппонента: проф. Н. Ф. Яковлев и акад. И. И. Мещанинов. 19 человек проголосовали «за», двое воздержались (СПбФ АРАН. Ф. 969, оп. 1, д. 249). Муркелинский стал первым доктором филологических наук на Северном Кавказе.

В 1943–1986 гг. Г. Б. Муркелинский работал в Институте истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР (с 1992 г. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН) старшим научным сотрудником (1943–1953).

В 1951 г. защитил докторскую диссертацию «Очерк грамматики лакского языка», составил русско-лакский словарь (1953) В своем институте он был врио директора (1953–1954), заведующим сектором дагестанских языков (позже — литературных языков) (1954–1981), старшим научным сотрудником (1982–1986). Ряд лет по совместительству преподавал в Дагестанском государственном университете (с 1963 г. профессор). При его участии разрабатывались вопросы, связанные с созданием Дагестанской базы АН СССР, преобразованной позже в Дагестанский филиал АН СССР, с 1992 г. — в Дагестанский научный центр РАН.

Около 30 лет Г. Б. Муркелинский заведовал сектором дагестанских языков. В эти годы проводилась научно-организационная работа по выработке основных направлений развития дагестанского языкознания, подготовке и подбору научных кадров. Была развернута большая работа по исследованию проблем грамматического строя, лексикологии, диалектологии дагестанских языков, созданию русско-национальных и национально-русских словарей. Он известен как автор лакского орфографического словаря (1940).

Г. Б. Муркелинский был членом ряда научных советов по языкознанию при Отделении литературы и языка АН СССР,

Северокавказского координационного совета по гуманитарным наукам, специализированных советов по присуждению ученых степеней при Институте языкознания АН СССР, Дагестанском государственном университете и Институте ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР (ДНЦ РАН). Являлся членом постоянного Оргкомитета по проведению региональных научных сессий по иберийско-кавказским языкам, членом редколлегии «Ежегодника иберийско-кавказского языкознания». Под его редакцией вышел ряд научных сборников по дагестанским языкам. Им подготовлено около 30 кандидатов наук и опубликовано около 100 научных работ по вопросам лакского и дагестанского языкознания.

Гаджи Бадовиевич Муркелинский награжден орденом «Трудового Красного Знамени», семью медалями, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ДАССР и Президиума АН СССР. Заслуженный деятель науки ДАССР.

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 77, оп. 5, д. 389; Ф. 969, оп. 1, д. 249.

МИ ИЛИ – Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Лакскийсайт.рф https://lakskysite.ru/o-laktsakh/izvestnye-laktsy/lakskie-uchenye/murkelinskij-gadzhi-badavievich.html

Сайт Национальной библиотеки Республики Дагестан им. Расула Гамзатова https://www.lib05.ru/vystavki/uchenyy-filolog/

Интернет-портал «Память народа».

Сергей Петрович Обнорский (1888–1962)

Сергей Петрович Обнорский родился в 1888 г. в Санкт-Петербурге в семье железнодорожного служащего. Рано лишившись отца, он воспитывался матерью на средства подросших двух старших братьев, с 12–13 лет он и сам начал подрабатывать, занимаясь репетиторством, давал уроки младшим учащимся.

В 1896–1905 гг. учился в 10-й СПб. гимназии. Окончив ее с медалью, поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, где его учителями были академики И. А. Бодуэн-де-Куртене и филолог-славист П. А. Лавров, один из основателей исторического изучения русского языка, академик Петербургской Академии Наук А. И. Соболевский, исследователь древнерусской литературы и русского летописания, историк, педагог, академик Петербургской АН А. А. Шахматов.

После сдачи магистерских экзаменов Сергей Петрович начал педагогическую деятельность в качестве приват-доцента Петербургского университета и Высших (Бестужевских) женских курсов.

В 1931 г. Обнорский был избран членом-корреспондентом, а спустя 7 лет — действительным членом Академии Наук СССР.

Главные исследования С. П. Обнорского были посвящены диалектологии и лексикографии русского языка.

Академик Обнорский внёс большой вклад в изучение истории русского литературного языка как самостоятельной отрасли языкознания. Им написано свыше 80-ти научных работ. К числу крупнейших его исследований, повлиявших на развитие отечественной и мировой науки, относятся: «Именное склонение в современном русском языке» (Вып. 1–2. 1927–1931),

«Культура русского языка» (1948), «Очерки по морфологии русского глагола» (1953), «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (1946).

В Институте Языка и мышления работал с 1936 года над «Словарем русского языка» под общим руководством акад. Е. Ф. Карского. В конце войны после эвакуации из блокадного Ленинграда Сергей Петрович переехал в Москву, но его научные связи с сотрудниками сектора 17-томного Академ. словаря не прерывалась. С. П. Обнорский стал главным редактором «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (1949), а в качестве члена редколлегии продолжал работу над академическим «Словарем современного русского литературного языка» (Т. I. 1948) в 17-ти томах, а также над малым 4-томным академическим «Словарем русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (Т. I. 1957).

Награжден орденами Ленина (1944, 1945, 1953), медалями: бронзовой медалью «В память 300-летия царствования Дома Романовых» (1913), «За победу над Германией в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.» (1945) и «За доблестный труд в период Великой Отеч. войны 1941–45 гг.» (1946). Лауреат Сталинской премии (1946) и Ленинской премии (1970, посмертно).

Сергей Петрович Обнорский скончался 13 ноября 1962 г. и похоронен в Москве.

Зинаида Михайловна ПЕТРОВА (1922–2005)

Зинаида Михайловна Петрова родилась в 1922 году в селе Ножкино Чухломского района Костромской области в семье крестьян, переехавших в 1930 г. в Ленинград. Окончила школу в Ленинграде в 1941 г., поступила в ЛГУ.

С первых дней войны она работала на строительстве оборонных сооружений под Новгородом, затем в Пулкове и на станции Песочная. В ноябре 1941 г. поступила на военный завод и трудилась разнорабочей.

В марте 1942 г. в состоянии тяжелой дистрофии вся семья была эвакуирована на Северный Кавказ (хутор Кубань Отрадненского района Краснодарского края). В августе 1942 г. эта территория была оккупирована фашистами — в январе 1943 г. освобождена Советской Армией. З. М. Петрова работала в совхозе «Урупский».

В 1944 г. вновь поступила в ЛГУ на филологический факультет, окончила его в 1949 г. и получила распределение на работу в школу Восточно-Сибирской железной дороги.

В 1958 г. окончила аспирантуру в ЛГПИ им. Герцена и в 1960 г. защитила кандидатскую диссертацию «Особенности сказуемостного употребления страдательных причастий прошедшего времени в псковских памятниках письменности и в современных псковских говорах». С апреля 1961 г. – в штате ЛО ИЯ АН СССР. Была женой д. ф. н. Игоря Александровича Попова, которому посвятила очерк в сборнике «Лексический атлас русских народных говоров» (2001).

Принимала активное участие в теоретической разработке проблем исторической и диалектной лексикологии XVIII века.

В 1983 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Развитие лексического состава русского языка XVIII века (имена прилагательные)». Была одним из ведущих авторов Словаря русского языка XVIII века, главным редактором выпусков 16–20, а также редактором многих книг. Список научных работ Зинаиды Михайловны Петровой включает более 40 названий.

Источники:

Архив ИЛИ № 629, № 657

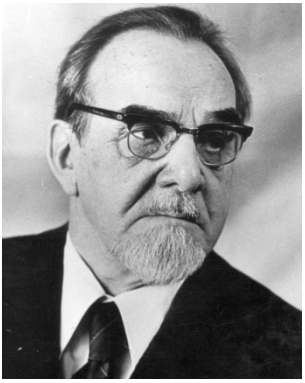
Зинаида Михайловна Петрова (1922–2005) // Русский язык в школе. 2006. № 1. С. 110.

К юбилею З. М. Петровой. Библиография. СПб.: Наука, 2002.

«Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность». Сборник научных трудов памяти З. М. Петровой (к 85-летию со дня рождения / Отв. ред. И. А. Малышева. СПб.: Наука, 2007.

Круглов В. М. Зинаида Михайловна Петрова. Биографический очерк. «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность». С. 9–20.

Георгий Федорович ТУРЧАНИНОВ (1902–1989)

Георгий Федорович Турчанинов родился в Петербурге, сын художника Ф. А. Турчанинова. Начал свою трудовую биографию мальчиком для поручений при конторе пробочного завода «Гринберг и К.» в Петрограде. В 1920 г. Турчанинов ушел добровольцем в Красную Армию, где по 1925 г. был рядовым (в городах: Псков, Ленинград, Кропоткин [1]). Остался в Кропоткине Армавирского округа Северо-Кавказского края, где служил работником райисполкома, председателем районного союза «Рабпрос».

В 1927 г. Турчанинов поступил в Краснодаре в Кубанский пединстиут, а в 1928 г. перешел на 2-й курс в Ленинградский университет на славяно-русское отделение факультета языка и материальной культуры ЛГУ. В 1930 г. окончил его и с сентября 1930 г. по май 1932 г. Турчанинов — аспирант Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИФЛИ) по специальности «общее языкознание». Уже в октябре 1931 г. был принят Н. Я. Марром в ИЯМ в качестве научного сотрудника 2 разряда (как специалист-славист). В 1932 г. назначен заведующим Словарно-терминологическим отделом ИЯМ. Тогда же Г. Ф. Турчанинов начинает вести свои первые занятия — семинар по общему языкознанию в ЛИФЛИ.

Сначала Турчанинов занимался русским и славянским языками, а в 1934 г. перешел к изучению кабардино-черкесского языка и был переведен в Кабинет кавказских языков. Основными его научными интересами становятся язык и мифология, история и культура, эпиграфика и этнонимика абхазо-адыгских языков. В 1938 г. он возглавил первую кабардинскую диалектологичес-

[1] До 1921 г. хутор Романовский на реке Кубань.

кую экспедицию, а в 1939 г. защитил диссертацию по грамматике кабардино-черкесского языка. В том же году выходит первая грамматика кабардинского языка: Г. Турчанинов, М. Цагов. Грамматика кабардинского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Вслед за кабардинским в круг изучения Турчанинова постепенно вошли адыгейский, абхазский, абазинский, а из иранских — осетинский язык.

Г. Ф. Турчанинов одновременно по совместительству вел большую преподавательскую работу: был доцентом кафедры русского языка Кабардинского пединститута (Пятигорск) (1936–1938), с 1939 по 1941 гг. и с 1947 по 1950 гг. читал курсы кабардинского языка и литературы на филологическом факультете Ленинградского университета.

На начало 1941 г. Турчанинов числится старшим научным сотрудником Кабинета кавказских языков ИЯМ.

Из отчета института за третий квартал 1941 г. следует, что «Г. Ф. Турчанинов почти весь август был занят подготовкой библиотеки Института к эвакуации (отбор книг, инвентаризация и упаковка). В том же месяце закончил статью «Малоизвестная русская поэма о восстании 1822 г. в Кабарде» объемом в полтора листа. Плановая тема по подготовке к публикации «Кабардинской грамматики 1843 года Шоры Бек Мурзы Ногма» отложена, так как требует работы в архивах Грузии. Поэтому в сентябре он работал над «Очерками по диалектологии кабардинского языка». Полностью написал главу «Язык моздокских кабардинцев» (два с половиной листа) и подготовил картотеку для главы «Кабардинский глоссарий 1688 г. д-ра Дрешера (к истории моздокского диалекта)». В октябре написал по этой теме три печатных листа из пяти предполагаемых. В октябре же прочел в Кабинете доклад о языке моздокских кабардинцев» (ИМ ИЛИ: 804).

Эвакуировался из Ленинграда в Нальчик.

С октября 1942 г. по май 1943 г. — зав. кафедрой русского языка и языкознания Горийского пединститута (г. Гори Грузинской ССР), с мая по 1943 г. сентябрь 1947 г. — зав. кафедрой русского языка Кабардинского пединститута (г. Нальчик). На 1 ноября 1945 г. числился в Отделе кавказских языков ИЯМ.

В 1947 получил научное звание «старший научный сотрудник» по специальности «северо-кавказские языки». К этому времени за примерно 15 лет работы над черкесским языком, литературой, историей и культурой издал более 60 статей и книг по черкесоведению.

После официального осуждения марризма в 1950 г. был уволен из института, выехал в Адыгею, где с 1950 г. по 1952 г. занимался адыгейским языком и заведовал кафедрой русского языка и литературы Майкопского учительского института (ныне Адыгейский государственный университет). 15 апреля 1952 г. был отозван правительственными организациями в Кабарду для работы над изданием трудов кабардинского просветителя Шора Ногмова.

Осенью 1952 г. Турчанинов вернулся в Ленинград, работал старшим преподавателем-почасовиком на кафедре кавказской филологии ЛГУ, в 1953 г. закрытой; бы принят сотрудником БАН, затем научным сотрудником и ученым секретарем Сектора новой русской литературы Пушкинского дома АН СССР, где занимался черкесскими поэмами Пушкина, готовил к публикации тексты собрания сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В 1958 г. Г. Ф. Турчанинов вернулся в ЛО Института языкознания АН СССР в качестве старшего научного сотрудника, где и проработал до пенсии в 1973 г. В 1966 г. ему был присуждена ученая степень доктора филологических наук.

С начала 1960-х Турчанинов занялся абхазоведением. В 1964 г. он становится автором гипотезы о протокавказской письменности, не признанной большинством лингвистов. Исследователь заявил об открытии и дешифровке так называемого ашуйского письма. В его книге «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа» исследуются надписи, устанавливающие существование на Кавказе доселе неизвестной цивилизации (середина III тыс. до н. э. — IV–V вв. н. э.) и созданного в ее недрах силлабического письма, принадлежащего, по мнению автора, предкам абхазо-адыгов.

Основными трудами являются монографии «Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы» (Л., 1971); «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа» (М., 1999).

После окончания войны Турчанинов получил награды: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945); орден Трудового Красного знамени — за успешную работу в области науки (1946); медаль «За оборону Ленинграда» (1946). Награждался также почетными грамотами Президиума Верховного Совета Кабардинской АССР — за успешную работу в области науки (1945) и Президиумом Академии наук почетной грамотой — за отличную работу (1946).

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 380.

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Сайт «100 КБР».

Вера Ивановна ЦИНЦИУС (1903–1983)

Вера Ивановна Цинциус родилась в пригороде Петербурга — Лигово в семье печатника-хромолитографа, в 1912–1918 гг. училась в женской Луговской гимназии Никитиной-Подобед. В 1923 г. поступила на этнографическое отделение географического факультета/института ЛГУ, который закончила в 1929 г. Со студенческих лет В. И. Цинциус участвовала в этнографических экспедициях, больше года провела на реке Амгунь, изучая быт и язык негидальцев. В 1929 г. она защитила диплом первой степени «Животные и растения по воззрениям негидальцев».

Уже в 1927 г. Цинциус начала преподавать тунгусо-маньчжурские языки в Институте Народов Севера; с 1930 г. — на северном отделении ЛГПИ. Там она ведет занятия по эвенкийскому, эвенскому, позднее — по орочскому, негидальскому и удэгейскому языкам. В 1930–1932 гг. — аспирантка ЛИФЛИ/ЛГУ, затем преподаватель, доцент ЛИФЛИ/ЛГУ. В октябре 1932 г. она завершила работу над диссертацией «Эвенский язык (опыт сравнительно-фонетического и морфологического описания)». В Институте Народов Севера она руководила тунгусо-маньчжурской секцией Научно-исследовательской ассоциации, заведовала кафедрой национальных языков. С 1936 г. она стала известна как лексикограф.

21 мая 1937 г. В. И. Цинциус была арестована и обвинена по ст. 58–6, 10, 11 УК РСФСР; согласно измышлению следователей, «являясь участницей шпионской КРО, проводила вредительские, контрреволюционные установки по введению латинизированной письменности для северных народностей и проводила среди студентов Института Народов Севера контрреволюционную пропаганду против социалистического строительства на Севере». 13 октября 1938 г. постановлением ОСО при НКВД

СССР осуждена на 5 лет исправительно-трудовых лагерей и направлена в СибЛаг (г. Мариинск, Кузбасс, Кемеровская обл.). В 1939 г. дело заключенной Цинциус было пересмотрено, и в сентябре ее освободили из лагеря. По свидетельству очевидца, она вернулась в Ленинград в тяжелом психическом состоянии, «не могла сказать двух слов без слез» (Н. Поппе).

20 июня 1941 г. Вера Ивановна Цинциус блестяще защитила кандидатскую диссертацию «Эвенский (ламутский) язык». Любопытно, что первоначально Вера Ивановна планировала представить к защите свой труд по сравнительной фонетике тунгусо-маньчжурских языков, однако, когда она показала эту работу профессору Л. В. Щербе, тот воскликнул: «Так это же докторская диссертация!» Тогда В. И. Цинциус представила к защите эвенскую грамматику, а уже через три года в апреле 1944 г. в АН СССР она успешно защищает докторскую диссертацию «Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков» (опубликована в 1949 г.). Этот труд вносит большой вклад в дело сравнительного изучения языков тунгусо-маньчжурских народностей, и книга ее по сей день является основополагающим трудом для исследователей в области тунгусо-маньчжурских языков.

Вместе с Ленинградским университетом Вера Ивановна была эвакуирована в Саратов. В 1942–1944 гг. она исполняет обязанности зав. кафедрой этнографии ЛГУ в должности профессора, в 1944–1948 гг. заведует кафедрой языков Северо-Восточной Азии восточного факультета ЛГУ, созданной по ее инициативе в конце 1941 г. и переименованной затем в кафедру тунгусо-маньчжурских языков. В 1944–1947 гг. Цинциус — зам. декана Восточного факультета ЛГУ по учебной и научной работе.

В 1948 г. ректором ЛГУ проф. А. А. Вознесенским ей была поручена организация — именно на базе руководимой ею кафедры тунгусо-маньчжурских языков — университетского факультета народов Крайнего Севера (с отделениями русского языка и литературы и языков народов Севера, историко-этнографическим и экономико-географическим). Нужна была недюжинная энергия, организаторский талант, а также душевность, чтобы поднять североведение не только до уровня 1941 г., но и на уровень послевоенной науки. Ее гражданским подвигом

можно считать деятельность по восстановлению разрушенного войной учебного процесса, начиная от подготовки помещений, учебных пособий, формирования библиотеки, подбора коллектива преподавателей и кончая самой студенческой аудиторией. В 1948–1949 гг. В. И. Цинциус — декан факультета народов Крайнего Севера ЛГУ.

В августе 1949 г. инициатор создания этого факультета ректор ЛГУ А. А. Вознесенский был арестован по обвинению в измене Родине, участии в контрреволюционной организации и антисоветской агитации («Ленинградское дело») и расстрелян в октябре 1950 г. (реабилитирован в 1954 г.), а факультет (Северный институт ЛГУ) в 1953 г. был упразднен, а его коллектив влит в ЛГПИ им. Герцена в качестве факультета народов Крайнего Севера (ФНКС), профессором и деканом которого становится опять В. И. Цинциус. Она воспитала несколько поколений ученых-северян, исследователей по эвенскому, удэгейскому, эвенкийскому, нанайскому, мансийскому, корейскому и юкагирскому языкам.

В. И. Цинциус пришла на работу в сектор алтайских языков ЛО ИЯ АН СССР и с июля 1962 г. в качестве ст. науч. сотрудника начала заниматься сравнительно-исторической алтаистикой. В декабре 1975 г. за общую редакцию и разработку основных разделов «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» — единственного в мировой практике лингвистического труда, охватывающего лексику одиннадцати младописьменных и бесписьменных языков тунгусо-маньчжурских народностей на территории Сибири и Дальнего Востока, постановлением Главного Комитета ВДНХ СССР ей была присуждена медаль.

С 1926 по 1981 гг. В. И. Цинциус опубликовала 82 исследования, а также 22 учебника эвенского языка для начальной школы и методические разработки. Основные работы В. И. Цинциус: Учебник эвенского языка для начальной школы. М.; Л., 1935; Сравнительные таблицы по морфологии тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1936; Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949; Русско-эвенский словарь. М., 1952 (совм.

с Л. Д. Ришес); Эвенско-русский словарь. Л., 1957 (совм. с Л. Д. Ришес); Исторический фольклор эвенков. М.; Л., 1966; Обрядовый фольклор негидальцев, связанный с промыслом // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974; Негидальский язык: Исследования и материалы. Л., 1982.

Вера Ивановна Цинциус была награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За оборону Ленинграда», «За трудовую доблесть», знаком «Отличник народного просвещения РСФСР». Ей была присуждена премия Индианского университета г. Блумингтон (США) с вручением Золотой медали.

Источники:

Архив ИЛИ, дело № 387.

Бурыкин А. А. В. И. Цинциус — ученый и педагог // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Веры Ивкановны Цинциус (13–14 октября 2003 г.). СПб: Наука, 2003. С.12– 17.

Гладкова Н. И. В. И. Цинциус — ученый и педагог // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Веры Ивановны Цинциус (13–14 октября 2003 г.). СПб: Наука, 2003. С.17–23.

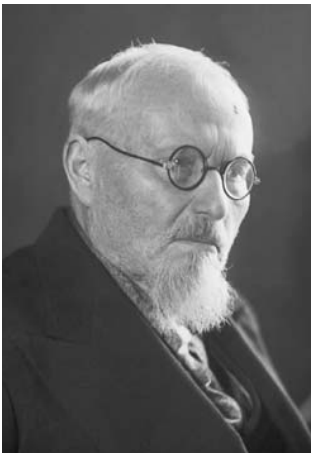
Милибанд С. Д. Востоковеды России. XX — начало XXI в. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М.: «Восточная литература», 2008. Том II (Н–Я). С. 594–595.

Решетов А. М. Репрессированная этнография: Люди и судьбы (часть 2) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5–6. СПб., 1994. С. 345–346.

Роббек В. А. Эпоха Веры Ивановны Цинциус // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Веры Ивановны Цинциус (13–14 октября 2003 г.). СПб: Наука, 2003. С. 5–12.

Биоблиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период 1917–1991 гг. «Люди и судьбы». Сост. Я. В. Васильков и М. Ю. Сорокина.

Василий Ильич ЧЕРНЫШЁВ (1867–1949)

Василий Ильич Чернышёв родился в с. Алексино Юрьевского уезда Владимирской губернии в семье художника-ремесленника, бывшего крепостного. В 1885 г. окончил Киржачскую учительскую семинарию, получил звание учителя начального училища. После этого работал учителем сначала в сельских училищах Владимирской губернии, с 1888 по 1912 годы преподавал русский язык в сельских, уездных и городских училищах Нижегородской и Калужской губерний.

В эти годы у него складывается интерес к живой речи окружающих его людей, и появляются первые исследования: за время пребывания учителем в г. Мещовске он детально изучил говор и быт горожан. Тогда же он направил в Отделение русского языка и словесности Академии наук подготовленный им «Проект некоторых преобразований в дальнейшей обработке академического словаря».

В 1898 г. при содействии А. А. Шахматова был переведен на работу в Петербург учителем городского училища, что позволило участвовать в словарной работе при Петербургской АН. С 1912 г. В. И. Чернышёв полностью посвятил себя научной деятельности — составлению словаря и диалектологическим исследованиям. Им опубликован целый ряд статей о территориальных и социальных говорах сельского и городского населения. В 1931 г. избран членом-корреспондентом АН СССР[1].

[1] Это, видимо, единственный случай в истории Академии наук, когда ее член-корреспондент при заполнении анкеты в графе «образование» должен был писать «низшее».

В первые годы после революции жил и работал в Москве, уезжая в Петроград, передал в Отдел редких книг библиотеки МГУ книги с автографами А. С. Пушкина.

В Институт языка и мышления В. И. Чернышёв был принят в 1931 году, выполнял обязанности заведующего Словарным отделом, а с 1936 года являлся главным редактором «Словаря современного русского литературного языка».

Во время Великой Отечественной войны был эвакуирован в Алма-Ату. Здесь он продолжал редактировать академический словарь русского языка, а также работал профессором Казахского педагогического института и заведовал кафедрой русского языкознания.

В ИЯМ вернулся в 1944 году, где под его руководством была закончена работа над первыми двумя томами 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» и в 1948 году вышел в свет первый том. За создание этого словаря В. И. Чернышёв в 1970 году (посмертно) удостоен Ленинской премии.

Помимо научной работы в Академии наук, В. И. Чернышёв продолжал и научно-педагогическую деятельность в Ленинградском университете и в Педагогическом институте им. Покровского.

Основные работы В. И. Чернышёва посвящены лексикологии, диалектологии, орфографии, орфоэпии, стилистике и методике преподавания русского языка. Издан двухтомник его работ: Чернышёв В. И. Избранные труды. Том 1–2. М., 1970.

Его книга «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» (1914), неоднократно переиздавалась, последнее издание в 2022 г.

В 1945 году был награжден орденом Ленина.

В 1949 г. в ознаменование памяти Василия Ильича Чернышёва его имя было присвоено Киржачской средней школе № 2.

Источники:

СПбФ АРАН.

Сайт Российской педагогической энциклопедии: rus-pedagog-enc.slovaronline.com

Виноградов В. В. О трудах В. И. Чернышёва по русскому языку // Чернышёв В. И. Избранные труды. Том 1. М., 1970.

Иорданский А. М. В. И. Чернышёв — выдающийся педагог-методист и ученый-языковед // Ученые Записки Владимирского пед. ин-та, серия «Русский язык», вып. 2, 1969. С. 3–120.

Приемышева М. Н. «Сокровища родного слова …» (К 150-летию со дня рождения В. И. Чернышёва) // Русский язык в школе. 2017. № 1. С. 59–65.

Николай Владимирович ЮШМАНОВ (1896–1946)

Николай Владимирович Юшманов родился в Петербурге, в семье палестиноведа Владимира Дмитриевича Юшманова (1870 — после 1930), работавшего директором библиотеки, зав. канцелярией и управляющим делами Императорского (с 1918 г. — Российского) Православного Палестинского Общества[1].

Николай Юшманов начал свою научную деятельность в 15 лет как интерлингвист-любитель. В 1911 г., когда он еще учился в петербургской гимназии Т. К. Штенберга (1903–1913 гг.), были опубликованы его первые 40 статей, посвящённые вопросам создания искусственного международного языка, первым же его печатным опытом был перевод пушкинского «Пророка» на язык идо. В 1913–1923 гг. (с перерывами на военную службу) Юшманов учился в Петербургском (Петроградском) университете и окончил факультет восточных языков по специальности семитские языки. Дополнительно он занимался на историко-филологическом факультете фонетикой и сравнительным языкознанием. Он рос и развивался как языковед под руководством гебраиста акад. П. К. Коковцева и арабиста акад. И. Ю. Крачковского.

В 1916 г. в связи с войной Юшманов был мобилизован «... и на долгие годы остался на военной работе, где его исключительные дарования были сейчас же замечены и по достоинству признаны очень ценными. Конечно, и здесь он расширил свой горизонт, имея дело с самыми разнообразными языками, самыми неожиданными шифрами, в разгадке которых обнаруживал изумлявшее специалистов мастерство. Но от только что обри-

[1] Именно благодаря его усилиям выходил «Палестинский сборник» и другие издания по палестиноведению.

совавшейся специальности он был оторван на семь долгих лет, и здесь его здоровье сильно пострадало от отравления газами, оставившего следы на всю жизнь» (Крачковский: 159–160).

С марта 1917 по август 1921 гг. Юшманов — переводчик военной радиостанции Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Таврическом дворце; в 1921–1923 гг. — переводчик и радиотелеграфист службы связи Балтфлота морской радиостанции «Новая Голландия», имел дело со многими европейскими языками и разнообразными шифрами. В 1924–1929 гг. Н. В. Юшманов уже научный сотрудник 2-го разряда и аспирант Института литературы и языков Запада и Востока при ЛГУ; 1928–1937 гг. — член научного совета ВЦК нового алфавита (Москва), 1928–1929 гг. — старший ассистент, а в 1929–1930 гг. доцент на кафедре арабской филологии ЛГУ (с 1938 г. — профессор этой кафедры). В мае 1929 г. он защитил диссертацию «Семитские корневые разновидности». В 1930–1933 гг. — доцент кафедры языков Советского Востока Института истории, лингвистики и философии (ЛИФЛИ), с 1933 — профессор кафедры семито-хамитских языков и литератур ЛИФЛИ.

В Институт языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра был принят в 1934 г., сначала ученым специалистом 1 разряда, затем старшим научным сотрудником. Одновременно с марта 1936 г. по январь 1937 г. — действительный член Ленинградского научно-исследовательского института языкознания.

Николай Владимирович Юшманов — основоположник научного изучения арабского языка в СССР, автор трёх грамматик арабского языка. Помимо этого он занимался более широкими аспектами семитологии, историей семитских языков. Им была предложена новая теория развития корня в семитских языках. Н. В. Юшманов стал первым в СССР исследователем амхарского языка («Строй амхарского языка». Л., 1936) и языка хауса («Строй языка хауса». Л., 1937). Бесконечно широка тематика научных работ Н. В. Юшманова. В 1934–1936 гг. это: «Греческий слой в айсорском языке», «Множественное число повелительного наклонения в урмийском», «Сингармонизм урмийского наречия», «Сибилянтная аномалия в числительных новоабиссинского языка тигринья», «Пережитки шипящего слоя в новоабиссинском языке тигринья», «Схождения в фонетике африканских и яфетических языков», «К проблеме классифи-

кации семито-хамитских языков», «Назализация в хамитоидном языке хауса как черта стадиальной характеристики», «Структура семитского корня в связи с вопросом о классовом показателе в семитских языках», «Местоимения и классовые показатели в семито-хамитских языках», «Множественное число в языке хауса», «Соотношение семитских и хамитских элементов в амхарской лексике», «Об изучении языка среднеазиатских арабов», «Грамматика ассирийского (айсорского) языка». Н. В. Юшманов — автор более 200 работ, включая книги «Грамматика литературного арабского языка» (1928), «Строй амхарского языка» (1936), «Грамматика иностранных слов» (1933), «Ключ к латинским письменностям земного шара» (1941), «Определитель языков» (1941); «Краткая грамматика арабского языка» была издана в 1964 г. Многие годы преподавал в ЛГУ языки хауса и амхарский.

«... наряду с арабским и африканскими он занимался языками американских индейцев и эскимосов, мальтийским и скандинавскими языками, но прежде всего — теми, в которых его знания могли принести немедленную пользу обществу. … Юшманов до конца 20-х гг., перегруженный академическими обязанностями, активно работал и в Центральном Комитете Нового Алфавита. Здесь, в творческом коллективе, он кропотливо разрабатывал научно обоснованные азбуки и грамматики для бесписьменных народов окраин нашей страны» (Шумовский 1977: 6).

24 января 1938 г. постановлением ВАК Н. В. Юшманов был утвержден, без защиты диссертации, в ученой степени доктора филологических наук.

Н. В. Юшманов был крупным специалистом в области общей фонетики. Перед войной, в 1941 г., в «Известиях АН СССР» (Отделение литературы и языка №1) появилось сообщение о том, что в 1941 г. выйдет из печати 1-я (описательная) часть предполагавшейся к изданию «Общей фонетики» Н. В. Юшманова. К сожалению, война помешала выходу этой книги. Последними опубликованными в 1941 г. его работами были практические пособия «по полиглотии»: «Ключ к латинским письменностям земного шара» М.; Л., 1941; «Определитель языков» М.; Л., 1941.

По архивным документам его личного дела перед войной Юшманов проживал по адресу: Лермонтовский пр., дом 8а, кв.

43; отношение к военной службе: рядовой военнообязанный, запас второй очереди, род войск — части связи, должность — радист.

С 3 сентября 1941 г. Юшманов вместе с семьей эвакуировался в Вологду, где преподавал общее языкознание в Вологодском педагогическом институте. Летом 1942 по вызову акад. И. И. Мещанинова был переведен в Казань, затем в Алма-Ату (*см. письма Н.В. Юшманова*). Во время его пребывания Казахстане в ноябре 1943 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР по Отделению литературы и языка (семитология).

В Казахстане Н. В. Юшманов увлекается вопросами узбекского и казахского языков, участвует в научной работе, выступает оппонентом при рассмотрении диссертаций (даже по польскому языку), но для главных работ материал у него, в отрыве от крупных библиотек, отсутствует (Крачковский: 161).

В Алма-Ате Юшманов читал, в частности, лекции по фонетике. В 1946 г. в некрологе, посвященном памяти Юшманова, казахские ученые, среди которых такие видные языковеды, профессора и академики АН Казахской ССР как С. К. Кенесбаев, Н. Т. Сауранбаев, М. О. Ауэзов писали о нем: «Мы, научные работники столицы Казахстана, имели счастье прослушать великолепный курс лекций Николая Владимировича по общей фонетике и очень сожалеем, что этот труд до сих пор не увидел света... Николай Владимирович был прекрасным педагогом, воспитавшим многочисленные кадры научных работников. Во время своего пребывания в г. Алма-Ата в годы Великой Отечественной войны он очень много сделал для воспитания молодых научных кадров, особенно казахских. Многие из нас пользовались его научными советами, консультациями. Он оказал большую помощь при подготовке диссертаций С. К. Кенесбаеву, Н. Т. Сауранбаеву, В. Н. Зиновьеву, Сабитову и другим. Казахское правительство по достоинству оценило большие заслуги Н. В. Юшманова в деле подготовки научных кадров, наградив его в 1945 г. Почетной грамотой Верховного Совета Казахской ССР» (Кенесбаев и др.: 86–87).

По окончании войны Юшманов вернулся в Ленинград и с 1 июня 1945 г. и до своей смерти 2 апреля 1946 г. работал старшим научным сотрудником ИЯМ, заведовал Отделом

семито-хамитских языков, возобновил чтение лекций в ЛГУ.

10 июня 1945 г. Николай Владимирович Юшманов был награжден Орденом Трудового Красного Знамени. В связи с 220-летием АН СССР был посмертно награжден орденом «Трудового Красного Знамени».

Источники:

СПбФ АРАН. Ф. 302, оп. 3, д. 47 (личное дело); Ф. 302, оп. 2, д. 303; Ф. 302, оп. 2, д. 304.

Беляев Е. Памяти Н. В. Юшманова // Ученые записки Военного института иностранных языков. 1946. № 2 Вып. 3. С. 64–67.

Информационная система «Архивы Российской Академии наук» https://isaran.ru/?q=ru%2Fsearch&str=юшманов%20николай%20владимирович

Кенесбаев С. К. и др. Н. В. Юшманов [Некролог] // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия Филология. 1946. Вып. 4/29. С. 86–87.

Крачковский И. Ю. Востоковедный путь Юшманова // Вестник ЛГУ. 1947. №3. С. 158–161.

Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917–1991). Изд. подготовили Я. В. Васильков и М. Ю. Сорокина. СПб: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 439.

Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Составители А. Н. Анфертьева и Л. Б. Вольфцун. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Милибанд С. Д. Востоковеды России. XX — начало XXI в. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М.: «Восточная литература», 2008. Том II (Н–Я). С. 713–714.

Ольдерогге Д. А. Из истории отечественного языкознания: Н. В. Юшманов // Вестник СПбГУ. 1997. Вып. 1. С. 68–74.

Шумовский Т. А. Воспоминания арабиста. Л.: Наука, 1977.

Шумовский Т. А. Свет с Востока. СПб: Издательство СПбГУ, 2006.

Большая советская энциклопедия. Т. 30. С. 424.

Взрослевшие в военные годы

Нина Ивановна Андреева-Васина (1926 –?)

Нина Ивановна Андреева-Васина родилась в 1926 году в Ленинграде.

В годы блокады Ленинграда работала в артели «Швейница».

В 1947 году Нина Ивановна поступила в Ленинградский государственный университет. По окончании университета в 1952 году пришла на работу в качестве научно-технического сотрудника в Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР. В 1975 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Глаголы с приставкой *при-* в русских народных говорах (в сопоставлении с литературным языком)». Принимала участие в составлении «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах, «Словаря названий жителей РСФСР», «Словаря названий жителей СССР». Была старшим научным сотрудником в группе «Словаря русских народных говоров» и на протяжении многих лет была одним из основных авторов-составителей этого словаря (всего составила ок. 200 а. л.).

За труд в блокадном Ленинграде Н. И. Андреева-Васина была награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Источники:

Архив ИЛИ РАН.
Сайт ИЛИ РАН.

Людмила Ивановна БАЛАХОНОВА (1928–2010)

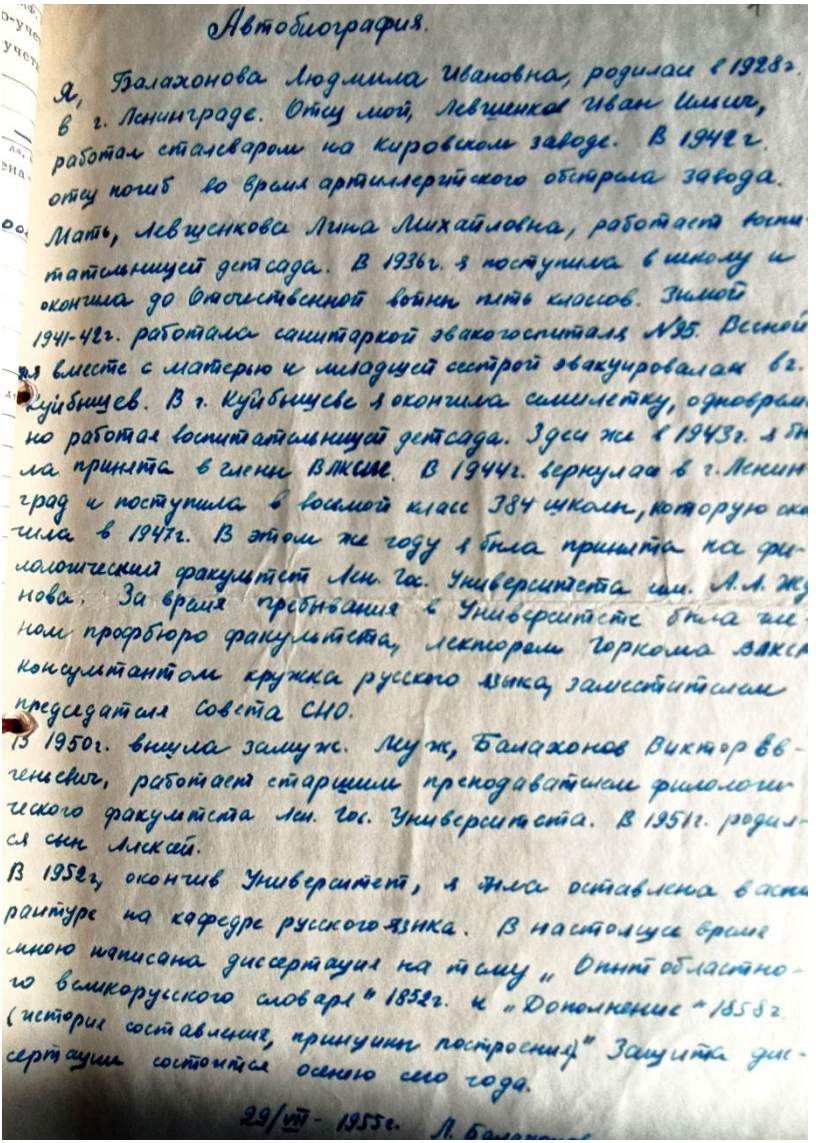

Балахонова (Левшенкова) Людмила Ивановна родилась в 1928 г. в Ленинграде. Отец ее, Иван Ильич Левшенков, работал сталеваром на Кировском заводе и в 1942 г. погиб по время артиллерийского обстрела завода.

К началу войны окончила пять классов школы. С ноября 1941 г. по март 1942 г., в возрасте 13 лет работала вольнонаемной санитаркой в эвакогоспитале № 95 («Дом учителя» на Мойке, Юсуповский дворец). Весной 1942 г. вместе с матерью и с младшей сестрой была эвакуирована в Куйбышев. Там окончила семилетку, одновременно работая воспитательницей детского сада. В 1944 г. вернулась в Ленинград и поступила в восьмой класс школы № 384, которую окончила в 1947 г.

В том же году была принята на филологический факультет ЛГУ. В 1950 г. вышла замуж за Виктора Евгеньевича Балахонова (1923–1994), специалиста по зарубежной литературе, профессора ЛГУ, декана филологического факультета (1969–1973). В 1952 г. завершив с отличием обучение, была оставлена в аспирантуре на кафедре русского языка. К 1954 г. ею была подготовлена диссертация на тему «Опыт областного великорусского словаря 1852 г. (история составления, принципы построения)», защита которой состоялась в 1955 г.

Опубликовала многочисленные статьи об использовании диалектной лексики в литературном языке и по истории отдельных слов русского языка. В «Словарь русских народных говоров» Л. И. Балахонова пришла уже известным специалистом в области лексикографии и истории языка, в качестве составителя она принимала участие в его 10-ти выпусках.

Автобиография.

Я, Балахонова Людмила Ивановна, родилась в 1928 г. в г. Ленинграде. Отец мой, Левщенков Иван Ильич, работал сталеваром на Кировском заводе. В 1942 г. отец погиб во время артиллерийского обстрела завода. Мать, Левщенкова Лина Михайловна, работает воспитательницей детсада. В 1936 г. я поступила в школу и окончила до Отечественной войны пять классов. Зимой 1941-42 г. работала санитаркой эвакогоспиталя №35. Весной я вместе с матерью и младшей сестрой эвакуировалась в г. Куйбышев. В г. Куйбышеве я окончила семилетку, одновременно работала воспитательницей детсада. Здесь же в 1943 г. я была принята в члены ВЛКСМ. В 1944 г. вернулась в г. Ленинград и поступила в восьмой класс 384 школы, которую окончила в 1947 г. В этом же году я была принята на филологический факультет Лен. Гос. Университета им. А.А. Жданова. За время пребывания в Университете была членом профбюро факультета, лектором горкома ВЛКСМ, консультантом кружка русского языка, заместителем председателя совета СНО.

В 1950 г. вышла замуж. Муж, Балахонов Виктор Евгеньевич, работает старшим преподавателем филологического факультета Лен. Гос. Университета. В 1951 г. родился сын Алексей.

В 1952 г, окончив Университет, я была оставлена в аспирантуре на кафедре русского языка. В настоящее время мною написана диссертация на тему „Опыт областного великорусского словаря" 1852 г. и „Дополнение" 1858 г. (история составления, принципы построения)" Защита диссертации состоится осенью сего года.

29/VII - 1955 г. Л. Балахонова

Автобиография Людмилы Ивановны Балахоновой.

С января 1956 г. работала младшим научным сотрудником ЛО Института языкознания АН СССР и была ученым секретарем Словарного сектора, а с 1958 г. на нее была

возложена составительская работа в «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах; готовила его второе издание, а также принимала участие в издании «Большого толкового словаря русского языка».

Принимала активное участие в качестве редактора и составителя в работе над фундаментальными словарями «Большой академический словарь русского языка» (участвовала как составитель в томах 1–16 и как редактор в томах 13–16).

Источники:
Архив ИЛИ РАН (дело б/н).
Сайт ИЛИ РАН.

Петр Алексеевич БАРАННИКОВ (1925–2007)

Петр Алексеевич Баранников родился 11 июля 1925 г. в Ленинграде. В июле 1941 г. вся семья академика А. П. Баранникова [1] была эвакуирована в Боровое Кокчетавской области Казахской ССР.

Там в 1943 г. П. А. Баранников окончил среднюю школу и в марте того же года был призван в ряды Советской Армии. До августа 1945 г. он был курсантом Ленинградского военного училища связи в городе Уральске в Казахстане.

В августе 1945 г. училище вернулось в Ленинград, а в январе 1946 г. П. А. Баранников окончил его в звании младшего техника-лейтенанта.

В августе 1947 г. поступил на Восточный факультет ЛГУ, который окончил в 1952 г. как филолог-индолог. С ноября того же года был зачислен в очную аспирантуру по кафедре индийской филологии, с марта 1954 г. переведен в заочную аспирантуру и принят на должность преподавателя этой кафедры. Работал в Индии в представительстве Всесоюзного общества культурных связей в Дели. В сентябре 1959 г. зачислен в штат ЛО Института востоковедения АН СССР на должность младшего научного сотрудника. В 1963 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Основные черты лексической синонимии современного хинди». С августа 1965 г. по май 1992 г. —

[1] Алексей Петрович Баранников (1890–1952) — советский индолог, основатель школы изучения современных индийских языков в СССР. Доктор филологических наук, профессор ЛГУ, академик (1939), в 1938–1940 гг. — директор Института востоковедения АН СССР.

научный сотрудник и старший научный сотрудник ЛО ИЯ АН СССР.

Многие годы преподавал язык хинди в индийской школе-интернате. Автор учебника «Хиндустани (хинди и урду)» (1956) совместно с А. П. Баранниковым, а также монографий «Проблемы хинди как национального языка» (Л.: Наука, 1972); «Языковая ситуация в ареале языка хинди» (1984) и др., в том числе на хинди) и около ста статей, посвященных лексике, синонимике и стилистике хинди. Лауреат международной премии Джавахарлала Неру, международной премии имени Джорджа Грирсона. В 1978 г. организация Сахитья Саммелан (Аллахабад) присвоила П. А. Баранникову высшее звание Сахитья Вачаспати.

Похоронен рядом с отцом на Комаровском кладбище.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 675.
Сайт ИЛИ РАН.
Сайт Института Восточных рукописей РАН.

Нонна Захаровна БУТАРОВА (1928–?)

Из автобиографии (4.07.1955):

«*Я родилась 28-го февраля 1928 года в д. Лыза Монастырщенского р-на, Смоленской обл. В 1934 году на Дальнем Востоке погиб мой отец. Мать с двумя детьми приехала в Ленинград, где продолжала педагогическую деятельность. Восьми лет я поступила в школу. В 1941 году мое обучение было прервано войной. В тяжелые дни блокады умер мой брат. Мы с матерью оставались в Ленинграде и принимали участие в обороне города, за что награждены медалями.*

С 1942 г. по 1943 г. я работала в Банно-прачечном комбинате № 3, где была принята в ряды ВЛКСМ. В 1943 году вновь поступила в 118 школу Сталинского р-на и в 1948 году окончила ее. В том же году поступила в Университет. После окончания Университета в 1954 году окончила одногодичные курсы преподавателей языковедческих дисциплин при ЛГУ им. Жданова».

(Из личного дела, хранящегося в архиве ИЛИ РАН).

С 1954 г. Нонна Захаровна Бутарова работала в Словарном секторе ЛО ИЯ АН СССР в должности научно-технического сотрудника, а с 1974 г. — в должности младшего научного сотрудника. Она участвовала в больших коллективных темах Словарного отдела: «Словарь современного русского литературного языка» (I издание — техническая обработка рукописей, составление; II издание — составление), «Новые слова и значения» (изд. 1971 и 1984 гг.), систематически занималась

пополнением Большой картотеки и картотеки «Словаря новых слов» (ею написано более 10 тыс. карточек).

Кроме того, принимала участие в составлении «Словаря названий жителей РСФСР» (1964 г.) и «Словаря названий жителей СССР» (1975 г.); писала статьи для журнала «Русская речь», письменно консультировала читателей этого журнала по вопросам лексики и фразеологии русского языка; работала над кандидатской диссертацией «Фразеологизмы в первой русской революционной газете А. И. Герцена и Н. П. Огарева “Колокол”».

Н. З. Бутарова неоднократно получала благодарности, премии, грамоты, в том числе грамоты Президиума АН СССР и Ленинградского отделения АН.

Как участник Великой Отечественной войны и ветеран труда награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда», «30 лет победы над Германией», «40 лет победы над Германией», «250-летие Ленинграда».

Источники:

Архив ИЛИ РАН.
Сайт ИЛИ РАН.

Лидия Адольфовна ВОЙНОВА

(1924–2007)

Лидия Адольфовна Войнова родилась в 1924 г. в г. Пушкине Ленинградкой области, училась в школе № 8 Василеостровского района.

В феврале 1942 г. после смерти отца была эвакуирована с матерью в Самарканд Узбекской ССР, где в 1943 г. окончила среднюю школу при Академии художеств СССР. В том же году переехала в г. Фрунзе Киргизской ССР и поступила на литературный факультет Киргизского государственного педагогического института.

В 1946 г. вернулась из эвакуации в Ленинград, перешла на 4 курс литературного факультета ЛГПИ им. Герцена, в 1947 г. его окончила и тогда же была принята в аспирантуру при кафедре русского языка, специализировалась по истории русского литературного языка. В 1954 г. защитила кандидатскую диссертацию «Лексика поэзии Г. Р. Державина». С 1954 г. — в штате ЛО ИЯ АН СССР. Участвовала в создании «Словаря современного русского литературного языка» (ССРЛЯ) и была редактором его 14 тома (1963 г.). С 1963 г. — один из авторов «Проекта Словаря русского языка XVIII века» и один из основных сотрудников группы исторической лексикологии русского языка XVIII в., составитель статей в «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова.

Автор статей «“Новый словотолкователь” Н. Яновского и его источники» (Словари и словарное дело в России XVIII века. Л., 1980. С. 45–69); «Эмоционально-психологическая и морально-этическая лексика в повествовательной прозе последней трети XVIII века» (Процессы формирования лексики современного русского литературного языка. М.; Л., 1966. С. 205–236).

В соавторстве с Е. Э. Биржаковой и Л. Л. Кутиной выпустила монографию «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования» (Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1972).

В 2000 г. вышла на пенсию из-за ухудшения зрения.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 787.

Сайт ИЛИ РАН.

Инна Леонидовна ГОРОДЕЦКАЯ (род. в 1930 г.)

Инна Леонидовна Городецкая родилась в 1930 году в Ленинграде в семье служащих.

В первый год блокады в возрасте 12 лет работала на совхозных огородах, помогала взрослым в ПВО. В июле 1942 г. была эвакуирована сначала в г. Рыбинск, а затем в Новосибирск. В июне 1944 г. после снятия блокады вернулась в Ленинград, где продолжила учебу в школе 218 Куйбышевского района.

В 1948 г. после окончания школы поступила на филологический факультет Ленинградского гос. университета. В штате ЛО ИЯ АН СССР с 1954 г. И. Л. Городецкая была составителем IX, XIV, XVI и XVII томов «Словаря современного русского литературного языка». Работала в группе фразеологического словаря, где разработала и описала 1200 фразеологических единиц, а также в группе словаря синонимов. Участвовала в составлении «Словаря к трилогии М. Горького» в ЛГУ — как составитель и как один из авторов «Инструкции по составлению словаря М. Горького».

И. Л. Городецкая — автор-составитель «Словаря названий жителей СССР», «Словаря названий жителей РСФСР», «Словаря к “Молению Даниила Заточника”», «Словаря-справочника для школьников», «Краткого толкового словаря русского языка» (совместно с Т. Н. Поповцевой и М. Н. Судоплатовой; пятое издание 1987 г.). В 1980-е гг. участвовала в подготовке переиздания «Словаря современного русского литературного языка». Вышла на пенсию в 1988 г.

Источник:

Архив ИЛИ РАН № 291.

Антонина Васильевна ГРОШЕВА (1935–2022)

Антонина Васильевна Грошева родилась в Ленинграде 24 марта 1935 г. Пережила в Ленинграде всю блокаду и тогда же начала учиться в школе.

К началу войны ей исполнилось 5 лет, и она посещала детский сад при Металлическом заводе им. И. В. Сталина (Кондратьевский пр., 13), где в то время работал ее отец. Во время воздушной тревоги детей отправляли в бомбоубежище, сооруженное на территории детского сада. Летом 1942 г. девочку перевели в работающий круглосуточно детский сад при заводе «Арсенал» (ул. Комсомола, 1–3), куда перешла на работу ее мать.

Осенью 1943 г. Антонина начала посещать занятия, которые вела в одной из пустующих квартир дома № 13 по ул. Комсомола учительница по имени Людмила Александровна, предположительно, преподаватель школы № 138 [1] (ул. Комсомола, д. 4), переоборудованной во время войны в госпиталь. Вместе с другими детьми ходила в этот госпиталь навещать раненых, читать им стихи, оказывать посильную помощь. Со второго класса Антонина училась в 212-й женской средней школе, которую окончила в 1953 г.

С 1953 по 1958 гг. училась на филологическом факультете Ленинградского университета по специальности «классическая филология» и «русский язык и литература». В 1958 г. была принята на работу в ЛО Института языкознания АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН) сначала

[1] На портале газеты «Санкт-Петербургские ведомости» помещен материал о школе № 138 в годы блокады (spbvedomosti.ru).

на должность научно-технического, затем младшего научного и старшего научного сотрудника.

В 1971 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Статистические исследования в области латинской фонологии (позиции начала и исхода слова)». С 1975 г. принимала активное участие в разработке коллективных тем «Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования», «История лингвистических учений», «Латинская лексика в языках балканского ареала».

В 90-е годы занималась изучением латинской ботанической, ландшафтной и земледельческой лексики. Работы этого цикла были обобщены в монографии «Латинская земледельческая лексика на индоевропейском фоне», защищенной в 2009 г. как диссертация на соискание степени доктора филологических наук.

Начиная с 1972 г. регулярно принимала участие в проходящих в ИЛИ РАН ежегодных Чтениях, посвященных памяти проф. И. М. Тронского, выступая в качестве докладчика и редактируя публикуемые материалы. Периодически консультировала сотрудников Словарного отдела по вопросам латинской и греческой этимологии.

В 2019 г., когда отмечалось 70-летие полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады, Антонина Васильевна написала свои воспоминания (приводятся в этом томе).

Источники:

Сайт ИЛИ РАН.

Жугра А. В., Крючкова Е. Р. Антонина Васильевна Грошева (1935–2022) // Индоевропейское языкознание и классическая филология, XXVI. СПб.: Наука, 2022. С. 1359–1372.

Людмила Васильевна ДМИТРИЕВА (1924–1997)

Л. В. Дмитриева родилась 7 ноября 1924 г. в городе Ельце Орловской губернии (ныне Липецкой области).

Первую блокадную зиму провела в Ленинграде, окончила в 1942 г. 10-й класс средней школы, была эвакуирована.

В 1943–48 гг. училась на тюркском отделении Восточного факультета Ленинградского государственного университета (до 1944 г. — тюрко-монгольском отделении Филологического факультета), сначала в Саратове, потом вместе с университетом вернулась в Ленинград.

После окончания Университета Л. В. Дмитриева поступила в аспирантуру кафедры Тюркской филологии Восточного факультета ЛГУ, где училась в 1948–51 гг. (научный руководитель — акад. А. Н. Кононов).

В 1946 г. участвовала в Таджикско-Согдийской экспедиции ИИМК под руководством А. Ю. Якубовского, в 1947 г. принимала участие в Туркменской диалектологической экспедиции Туркменского филиала АН СССР под рук. А. П. Поцелуевского. В 1951 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Язык татар Западной Сибири (барабинцев и тобольских татар)». С 1953 г. младший научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР, где описала коллекцию тюркских рукописей и была ответственным хранителем рукописных фондов; с 1962 г. — старший научный сотрудник Тюрко-монгольского кабинета. В 1966 г. перешла на работу в Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР, где продолжала работать над исследованиями в области лексики тюркских языков (фитонимия) и литературы. Автор более 30 научных работ, включая монографию «Язык барабинских татар» (1981).

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 449.

Милибанд С. Д. Востоковеды России. XX — начало XXI в. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М.: «Восточная литература», 2008. Том I. С. 431.

Сайт Института восточных рукописей РАН.

Анатолий Иванович ДОМАШНЕВ
1927–2001

Анатолий Иванович Домашнев родился в г. Ленинск-Кузнецкий (ныне Кемеровской обл.). После окончания средней школы в 1944 г. служил в рядах РККА (1944–1946).

В 1950 г. окончил Алма-Атинский педагогический институт иностранных языков. Учёбу на последнем курсе института совмещал с преподавательской деятельностью в школе и в Институте физической культуры. С 1950 года — аспирант МГПИ им. В. П. Потёмкина по кафедре немецкого языка. В 1952–1953 годах работал референтом-переводчиком МИД СССР. Преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка МГПИИЯ им. М. Тореза в 1954–1955 гг.

В 1954 году А. И. Домашнев защитил кандидатскую диссертацию «Синтаксические наблюдения над городской (деловой) прозой Германии XIII–XV вв.: местоположение главных членов самостоятельного повествовательного предложения». С 1955 года — старший преподаватель кафедры немецкого языка, затем декан факультета иностранных языков Павлодарского государственного педагогического института (ПГПИ). В 1958 году Домашнев перешёл на работу в Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков (ГГПИИЯ): заведующий кафедрой немецкой филологии (1958–1960), проректор по учебной работе (1960–1964), ректор института (1964–1968).

С 1968 года работал в ЛГПИ им. А. И. Герцена в должности профессора, а затем заведующего кафедрой немецкой филологии и декана факультета иностранных языков. В 1970 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Национально-региональная вариативность немецкого литературного языка и австрийский национальный вариант современного немецкого литературного языка»).

На протяжении четверти века, с 1976 года и до смерти, Анатолий Иванович Домашнев возглавлял ЛО Института языкознания АН СССР. При нем Институт получил самостоятельность и новое название Институт лингвистических исследований РАН (1991). Одновременно был заместителем директора Санкт-Петербургского отделения Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ).

Член-корреспондент АН СССР с 15 декабря 1990 года по Отделению литературы и языка (языкознание), член Международной ассоциации германистов.

Под руководством А. И. Домашнева было защищено более 30 кандидатских диссертаций. Основные монографии А. И. Домашнева: «Очерк современного немецкого языка в Австрии» (1967), «Лингвистическая карта Швейцарии» (1974, редактор), «Романо-германские языки и диалекты единого ареала» (1977, редактор), «Современный немецкий язык в его национальных вариантах» (1983), «Интерпретация художественного текста: немецкий язык» (1983, 2-е изд. 1989; в соавт. с Е. А. Гончаровой и И. П. Шишкиной), «Романоязычные и германоязычные ареалы» (1983, редактор), «Романо-германская контактная зона» (тт. 1–3, 1988–1993, редактор), «Языковые отношения в ФРГ» (1989), «Типология сходств и различий языковых состояний и языковых ситуаций в странах немецкой речи» (2001, в соавт. с Л. Б. Копчук).

Обобщающий его исследования том издан посмертно: А. И. Домашнев. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб.: Наука, 2005 (Полная библиография — с. 15–28; очерк научной деятельности — Л. Б. Копчук. С. 5–14).

Источники:

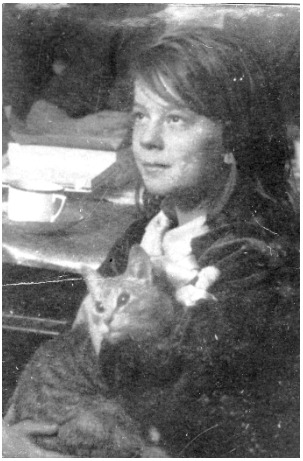
Архив ИЛИ РАН № 795. Сайт ИЛИ РАН.

Копчук Л.Б. Анатолий Иванович Домашнев // Отечественные лингвисты XX века / Отв. ред. В. В. Потапов. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 151–164.

Смирницкая С. В., Сытов А. П. А. И. Домашнев (к 70-летию со дня рождения) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3.

Кузнецов С. А., Сытов А. П. Член-корреспондент РАН А. И. Домашнев // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 3.

Кира Александровна ЛОГИНОВА (1928 – ?)

Кира Александровна Логинова родилась в Ленинграде в 1928 году. В 1936 г. поступила в 163 школу Смольнинского района, которую окончила в 1946 г.

Всю блокаду провела в осажденном городе. Во время блокады потеряла отца (в 1941 г.) и брата (1942 г.). В составе отряда ПВО дежурила на крышах, гасила зажигательные бомбы; работала на общественных огородах; вела шефскую работу в госпиталях.

В 1946 г. поступила на филологический факультет ЛГУ, который окончила в 1951 г. по специальности «русский язык и литература». Была направлена в Таганрогский учительский институт в качестве преподавателя русского языка и общего языкознания. В связи с предстоящим закрытием Института вернулась в Ленинград. С октября 1952 г. — научно-технический сотрудник ЛО Института языкознания АН СССР в группе Большой картотеки словарного сектора. Принимала активное участие в создании «Словаря современного русского литературного языка», занималась разработкой вопросов лексикологии и стилистики, особенностями деловой речи и проблемами неологии, подготовила более двадцати статей и заметок для журналов (в первую очередь «Русская речь») и разделов в монографиях и в учебнике по стилистике русского языка. Кандидатскую диссертацию «Лингво-стилистическое исследование официально-деловой речи за период с 1967 по 1975 г.» защитила в 1975 г.

Уволена в 1992 г. по сокращению штатов.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 694.

Ирина Михайловна МАЛЬЦЕВА (1930–2015)

Ирина Михайловна Мальцева родилась в 1930 г. в Белгороде. В 1935 г. семья переехала в Ленинград, где до войны она закончила 3 класса.

В июле 1941 г. с интернатом АН СССР, в котором воспитателем работала ее мать, была эвакуирована в г. Тетюши Татарской АССР. В 1944 г. они вернулись в Ленинград.

В 1948 г. она окончила среднюю школу и поступила на филологический факультет ЛГУ, который окончила в 1953 г. и поступила в аспирантуру ЛО Института языкознания АН СССР (рук. А. М. Бабкин).

По окончании аспирантуры с 1956 г. работала младшим научным сотрудником в ЛО ИЯ АН СССР. Участвовала в составлении словарных статей с IX по XIII т. «Словаря современного руссского литературного языка». Участвовала в создании «Проекта словаря русского языка XVIII века», монографии «Лексические новообразования в русском языке XVIII века» (в соавторстве с З. М. Петровой и А. И. Молотковым). В 1964 году защитила диссертацию на тему «“Общий церковнославянский словарь” П. Соколова (1834 г.)» и работала над вопросами стилистики и изменений словарного состава русского языка XVIII века, опубликовав, в частности, статьи: «Журнал Путешествия 1697–1698 годов» и его издание в 1788 г. (изменения в языке и стиле). (Литературный язык XVIII века: Проблемы стилистики. М., 1982. С. 169–195); «Из истории развития лексического состава русского языка» (Развитие словарного состава русского языка XVIII века. Л., 1990. С. 6–37). И. М. Мальцева была составителем и редактором ряда выпусков «Словаря русского языка XVIII века».

Источник: Архив ИЛИ РАН № 201.

Людмила Александровна ПОКРОВСКАЯ (1925–2009)

Людмила Александровна Покровская родилась в Ленинграде в семье историка религии А. М. Покровского. Ее отец был арестован в августе 1936 г. по делу Н. М. Маторина[1] и отправлен в исправительно-трудовой лагерь, где погиб. Летом 1937 года Л. А. Покровская вместе с матерью была выслана в пос. Янаул Башкирской АССР.

Именно здесь, в годы войны проявился ее интерес к будущей профессии: она выучила башкирский и татарский языки, в 1944 г. с отличием окончила среднюю школу в пос. Нуриманово. В это время филологический факультет ЛГУ находился в Саратове, и именно там она начала обучение. В 1945–1949 гг. по возвращении университета из эвакуации в Ленинград Людмила Александровна училась на тюркском отделении Восточного факультета.

В 1948 г. в Южной Бессарабии она изучала гагаузский язык. В 1952 г. окончила аспирантуру, а в 1953 г. защитила кандидатскую диссертацию «Песенное творчество гагаузов». В 1951–1954 гг. преподавала турецкий язык в вузах Ленинграда. В 1954 г. переехала в Москву и приступила к работе в Институте языкознания АН СССР. В 1974 г. защитила докторскую диссертацию «Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении». В 1977 г. вернулась в Ленинград, став сотрудником ЛО ИЯ АН СССР.

Монографии Л. А. Покровской посвящены фонетике, морфологии и синтаксису современного гагаузского языка. Ее заслугой является разработка кириллического алфавита для

[1] Николай Михайлович Маторин (1898–1936) — этнограф, религиовед, фольклорист, поэт.

гагаузского языка; этот алфавит действовал в Молдавии с 1958 по 1995 г. Новый гагаузский алфавит (на базе латинской графики) был разработан ею же в 1992 г. и утвержден Народным собранием Гагаузии и Парламентом Республики Молдовы в 1996 г.

С 1991 г. одновременно с работой в ИЛИ РАН занимала должность профессора кафедры гагаузской филологии факультета национальной культуры Комратского государственного университета (Молдова). Л. А. Покровская — почетный гражданин Гагаузии (Комрат, 1999).

Научные изыскания Л. А. Покровской сделали гагаузский язык достоянием современной мировой тюркологии.

Смерть в 2009 г. прервала работу ученого над подготовкой к переизданию в виде монографии под эгидой Института лингвистических исследований РАН двух её учебных книг по современному гагаузскому языку.

24 октября 2009 г. прах Л. А. Покровской по её завещанию был погребен в селе Бешалма Автономного Территориального Образования Гагаузия в Республике Молдова. Там же 18 марта 2015 г. был установлен бюст Л. А. Покровской, скульптор А. Д. Карачобан.

Источники:

Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в период (1917–1991). Изд. подготовили Я. В. Васильков и М. Ю. Сорокина. СПб: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 306.

Милибанд С. Д. Востоковеды России. XX — начало XXI в. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М.: «Восточная литература», 2008. Том II (Н–Я). С. 253–254.

Сайт Кунсткамеры https://www.kunstkamera.ru/events-calendar/lyudmila-aleksandrovna-pokrovskaya/

Ольга Григорьевна ПОРОХОВА (1924–1985)

Ольга Григорьевна Порохова родилась в Ленинграде. В 1941–1942 гг. училась в школе. Участвовала в противопожарной обороне; была дружинницей местной дружины ПВО Дзержинского района.

В 1943 г. вместе с матерью и сестрой (отец умер от истощения в марте 1943 г.) была эвакуирована из Ленинграда в Марийскую АССР. Там сначала работала в колхозе, потом поступила учиться в Марийский государственный педагогический институт им. Н. К. Крупской на факультет языка и литературы. В августе 1944 г., окончив 2 курса, вернулась в Ленинград, где поступила на 2 курс филологического факультета ЛГУ.

Окончила его с отличием и была рекомендована в аспирантуру Института русского языка АН СССР (в 1950 г. переведена в Институт языкознания АН СССР). В 1952 г. О. Г. Порохова защитила диссертацию «Лексика сибирских летописей XVII в.» и была принята в институт на должность младшего научного сотрудника. К концу 70-ых годов она — автор около 60-ти публикаций.

О. Г. Порохова — лексикограф, специалист в области русской исторической и диалектной лексикологии, автор монографий: «Лексика сибирских летописей XVII века» (1969), «Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах» (1988). За эту последнюю книгу в 1989 г. ей была присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Принимала участие в составлении «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах и «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Подготовленные ею как автором-

составителем словарные статьи вошли в двадцать два выпуска «Словаря русских народных говоров». Была редактором 25-го выпуска этого словаря.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 345.
Сайт ИЛИ РАН.

Эльвира Рудольфовна САЛЬМИН
(1928– ?)

Эльвира Рудольфовна Сальмин родилась 21 сентября 1928 г.

В 1941 г. окончила 3-й класс школы. С 6 июня по 26 сентября 1942 года и лето 1943 года в составе отряда школьников работала в поле и на огородах на ст. Пискаревка. Всю блокаду Ленинграда прожила в осаждённом городе.

За работу в сельхозотряде и за активную общественную работу Эльвира Сальмин — ученица 5-го класса — награждена медалью «За оборону Ленинграда».

В 1954 г. окончила филологический факультет ЛГУ по специальности классическая филология.

В 1957 г. поступила на работу в ЛО ИЯ АН СССР. Принимала участие в технической подготовке к печати XIV и XVII томов «Словаря современного русского литературного языка», выполняла работу научно-технического сотрудника в четырехтомном «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, участвовала в составлении «Словаря названий жителей РСФСР» (1964) и «Словаря названий жителей СССР» (1975), а также двух словарей-справочников «Новые слова и значения» 60-х и 70-х гг., «Словаря новых слов русского языка середины 50-х — середины 80-х гг.» и отдельных выпусков «Новое в русской лексике. Словарные материалы». Публиковала отдельные этюды по неологии.

Источники:

Сайт ИЛИ РАН.
Сайт «Победители» https://www.pobediteli.ru/russia/severo-zapad/st-peterburg/s/sal-sac/index.html

Лидия Ивановна СЕМ (1926–2006)

Лидия Ивановна Сем (урожденная Гуляева) родилась в деревне Рычково Угличского района Ярославской области.

В 1941 г. она окончила пять классов в одной из ленинградских школ. Пережила первую блокадную зиму в городе. В апреле 1942 г. была вывезена из Ленинграда в Ярославскую область, а в апреле 1944 г. вернулась в Ленинград.

С мая 1944 г. по сентябрь 1948 г. работала телефонисткой военизированной пожарной охраны Ленинграда УМВД ЛО.

С сентября 1948 по июль 1953 г. — студентка маньчжурского отделения Восточного факультета ЛГУ, затем лингвистического отделения Северного факультета ЛГУ. Университет окончила с отличием.

В системе АН СССР работала с января 1956 г., сначала на Дальнем Востоке, а с 1977 г. — в ЛО Института языкознания АН СССР (сектор алтайских языков). Защитила диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук по теме «Язык бикинских (уссурийских) нанайцев» (1961).

Лидия Ивановна — крупный специалист по нанайскому языку, автор более 140 научных публикаций по этнографии, фольклору и языку нанайцев, ульчей, удэгейцев, негидальцев, ороков, тазов и айнов, в том числе монографии «Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект» (1976). С 1978 по 2002 год по совместительству, а затем и на полную ставку работала в должности доцента на факультете народов Севера в ЛГПИ им. Герцена на кафедре

алтайских языков и методики их преподавания, вела занятия по нанайскому, ульчскому, орокскому и удэгейскому языкам и фольклору, читала лекции по алтаистике.

Награждена 4 медалями, в том числе «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне» (вручена 29 августа 1949 г.).

Источники:

Архив или РАН № 211, 713.

Сайт РГО «Отечественные этнографы и антропологи. XX век».

Ученые-североведы. Сборник био-библиографических очерков. 70 лет факультету народов Крайнего Севера. / Отв. ред. А. А. Петров. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. С. 166–170.

Мария Ниловна СУДОПЛАТОВА

(1920– ?)

Мария Ниловна Судоплатова родилась в 1920 г. В 1938–1946 гг. (с перерывом в военные годы) училась на филологическом факультете ЛГУ (специальность «филолог-русист»).

Всю блокаду жила в Ленинграде по адресу: Московское шоссе, дом 42, кв. 37, работала электромонтёром на Вагоностроительном заводе им. И.Е. Егорова. 3 июня 1943 г. представлена к медали «За оборону Ленинграда» — с формулировкой: «обеспечивала своевременное восстановление телефонной сети во время артиллерийских обстрелов 30 июня и 14 июля 1942 г.». Медаль вручена 28 июня 1943 г.

В 1950 г. приступила к работе в ЛО Института языкознания АН СССР. Была старшим научным сотрудником, участвовала как составитель в создании V, VI, XIII, XIV, XVI тт. «Словаря современного русского литературного языка», была составителем и редактором трех первых томов четырехтомного «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, автором-составителем двух выпусков «Синонимического словаря русского языка», а также одним из редакторов ряда его выпусков. Является одним из авторов «Краткого словаря русского языка для иностранцев» (под ред. В. В. Розановой), «Словаря русской фразеологии» (под ред. А. М. Бабкина). В работе над ежегодными изданиями «Новое в русской лексике. Словарные материалы» стала одним ведущих составителей в выпусках за 1979, 1980, 1981, 1982, 1984, 1985, 1986, 1987, 1989, 1990 гг.

Источники:

Архив ИЛИ РАН № 370. Сайт ИЛИ РАН.
Архив «Медаль «За оборону Ленинграда» medal.spbarchives.ru

Письма И. И. Мещанинову

Предисловие к публикации

Великая Отечественная война и блокада Ленинграда оставили глубокий след в жизни нескольких поколений, в памяти людей, переживших ее. Об этом написаны книги, сняты фильмы, опубликованы многочисленные документы, но и сейчас появляются новые и новые свидетельства.

Бóльшая часть из них о тех, кто сражался на фронте, боролся и трудился в блокадном Ленинграде. Значительно меньше известно о тех, кто жил в эвакуации. Эвакуация в сознании воспринимается как спасение от бомбежек и обстрелов, от жестокого голода и холода. В целом так и было. Но эта жизнь вдалеке от родного дома также была трудной и тяжелой, исполненной лишений.

В этом разделе помещены письма ученых-лингвистов, чьи судьбы были связаны с Институтом языка и мышления — ИЯМом. Все они адресованы Ивану Ивановичу Мещанинову, который возглавлял Институт с 1934 по 1950 г.[1] Он был той центральной фигурой, к которой в годы войны сходились все нити жизни ИЯМа и иямовцев, разбросанных по разным уголкам страны. К нему обращались за помощью, за советом, за указаниями, и письма ярко иллюстрируют эту связь между директором и сотрудниками, не только служебные, но и человеческие отношения.

В эвакуацию прибывали разными путями: кто был вывезен из Ленинграда специальными воздушными рейсами, кто добирался вместе с коллегами в эшелонах, кто отправлялся самостоятельно. Перед отъездом нужно было уволиться, взять с места работы соответствующие бумаги, чтобы оформиться на новом месте. Руководство академическими учреждениями в основном находилось в Казани[2], но многие вопросы нужно было согласовывать с Президиумом АН в Москве.

---

[1] И. И. Мещанинов находился в эвакуации с октября 1941 г. по сентябрь 1944 г. Обязанности директора ИЯМ на местах исполняли так называемые уполномоченные, которые координировали с ним планы и действия.

[2] Часть руководства АН находилась в Свердловске, оно, в основном, курировало вопросы обороны и технических наук. С августа 1941 г. по май 1942 г. в Казани работал Президиум АН СССР во главе с вице-президентами О. Ю. Шмидтом и Е. А. Чудаковым. Затем была создана

Эвакуация не всегда проходила по графику. Нередко лишь тогда, когда появлялась возможность выезда, и часто для сборов в дорогу оставалось мало времени. Уезжали вместе с семьями. Разрешалось брать до 20 кг на человека, но истощенные и измученные блокадной зимой люди не всегда были в силах довезти до места свой багаж, если он у них был. Кроме того, уже с 23 июня 1941 г. и до января 1944 г. были введены ограничения на выдачу наличных средств из сберегательных касс (один раз в месяц не более 200 р.). Поэтому многие из уезжавших, у кого были сбережения, не смогли взять с собой достаточно средств. Сама дорога до «Большой земли» представляла большую опасность: машины и поезда бомбили. В феврале 1942 г. по пути к железнодорожной станции Борисова Грива, откуда начиналась «Дорога жизни», погибли многолетний сотрудник и ученый секретарь Института С. Л. Быховская вместе с племянницей, кавказовед Р. М. Шаумян, главный бухгалтер ИЯМа В. Г. Звейнек; не доехали до места назначения и скончались в дороге лингвист А. Н. Улитин, филолог и историк Г. Л. Гейерманс.

По прибытии к месту эвакуации ленинградцам предоставляли жилье, и чаще всего это были относительно приспособленные для этого помещения школ, домов культуры и т. п. Но мест хватало не всем, и приходилось снимать жилье, которое стоило недешево. Условия жизни были тяжелыми. В тех городах, особенно крупных (Казань, Алма-Ата, Ташкент), куда были эвакуированы академические институты, жить было несколько легче. Там была возможность продолжения работы по тематике Института, были научные библиотеки, можно было дополнительно устроиться в местные пединституты. Вопрос заработка стоял остро, т. к. это был единственный источник существования. Жилье и продукты на рынке стоили дорого, а многие эвакуированные не получали зарплаты, потому что гибель главного бухгалтера на какое-то время вызвала задержку в финансовых делах.

Значительно тяжелее было тем, кто попал в эвакуацию в небольшие города самостоятельно, не в составе Института.

казанская группа учреждений АН СССР под руководством Абрама Фёдоровича Иоффе и Леона Абгаровича Орбели. В середине 1943 г. Президиум и часть академических институтов начали возвращаться в Москву.

Перед отъездом из Ленинграда нужно было уволиться и уже на месте искать заработок. Это создавало очень большие трудности. «*Теперь какая-то нелепая ситуация: часть работников Института находится в Ташкенте, часть в Казани… Неясно, как и куда мне стремиться для воссоединения с Институтом… В Вологде я имею лишь 60 часов в год, читая общее языкознание («Введение» на I курсе) местного пединститута; сверх этого небольшого заработка ничего не получаю, а из Академии Наук, как Вы знаете, с сентября прошлого года мне денег не высылают*», — писал в апреле 1942 г. Н. В. Юшманов. Материальные проблемы были практически у всех. «*Мы выехали почти что без вещей. Единственное, что я мог продать — это мои серые брюки. Это уже и сделано, и на брюки посажен картофель. Деньги, которые я мог мобилизовать в Ленинграде, все канули на обзаведение мелкой хозяйственной утвари и на приобретение запасов*» (Л. В. Щерба). Картофель, о котором упомянул Щерба, был главным источником питания. Учитывая, что ученые отправились в эвакуацию с семьями, никаких пайков не хватало. Да и размеры этих пайков сильно различались в зависимости от ученой степени и положения. Огород был главным кормильцем. «*Без огорода здесь существовать нельзя. Если бы нашлось на свете место, где огород не очень связывал бы, я бы оставил Сыктывкар… Произойдет ли возвращение ИЯМ'а в Ленинград к июню [1944]? Это очень важный вопрос, т. к. он связан с вопросом о посадке картофеля… Мечтаю о скором возвращении в Ленинград Института Языка и Мышления*», — писал Д. В. Бубрих.

О возвращении в Ленинград, воссоединении разбросанных по стране сотрудников Института можно прочитать во всех опубликованных письмах. «*Очень, очень хотелось бы где-нибудь снова соединиться в мирных условиях, но когда это будет? … Единственное, чем спасаемся — это другой мыслью…: а каково на фронте, а главное каково всем тем, кто остался на оккупированной территории. Ведь это кошмар, сплошной кошмар…*» (Л. В. Щерба). «*О, если бы это могло осуществиться!! Лишь на короткое время перед самой войной получил я возможность подышать воздухом научной работы. Война отняла у меня эту возможность и забросила в невероятную глушь, где ярко светит лишь одно солнце, а в остальном царит страшная тьма*» (А. П. Алявдин).

«*Живу главным образом надеждами и верой в наше счастье. Во всяком случае, не хотелось бы умереть, пока не увижу разгрома гитлеризма и не выпьем из Ваших прекрасных бокалов… Целиком разделяю Вашу тоску по Ленинграду и Ваши мечты о скорейшем возвращении на милый север… Ведь кончится когда-нибудь эта проклятая война и трижды проклятый гитлеризм*!» (С. Г. Бархударов)

Всех «иямовцев» объединяло чувство любви к разбросанному по стране институту и ностальгия по нему, стремление вернуться в его творческую атмосферу. Несмотря на все тяжелые условия существования, ученые не переставали заниматься наукой в доступных им формах. Это хорошо видно даже в письмах с фронта.

«Отсутствие лингвистики вокруг себя ощущаю временами очень болезненно. Все-таки нелегко оторваться от любимого дела, которому была отдана чуть ли не вся сознательная жизнь. Иной раз такая тоска по лингвистической книге, что удовлетворение находишь в перелистывании немецкой грамматики или орфографического словаря Ушакова… Недавно в нашу часть попала студентка МИФЛИ, теперь пулеметчица. После разговоров с ней я несколько дней не мог опомниться, так живо это напомнило мне мою старую работу над диссертацией. Мы оба не удержались, чтобы не создать здесь подобие института: начал читать ей курс лекций по общему языковедению», — писал с фронта Е. А. Бокарёв.

«*Далек я сейчас от ИЯМ, и тем не менее не могу себя мыслить вне его…*» (О. Л. Вильчевский)

«*С тех пор как мы расстались, дорогой Иван Иванович, утекло уже немало времени для такого заядлого лингвиста как я; быть два года вне науки вещь, конечно, довольно трудная… Признаюсь, что в редкие минуты досуга я иногда достаю что-либо лингвистическое и просматриваю, как нечто сохранившееся от мирных времен любимого труда*» (С. Д. Кацнельсон).

Еще одной особенностью писем является любовь к родному городу, преданность науке, тревога и забота о товарищах.

О жизни, быте, проблемах, о научных трудах, созданных в годы эвакуации, обо всем этом письма ученых И. И. Мещанинову, которые являются частью эпистолярного наследия лингвистов.

Л. Б. Вольфцун

От Павла Кузьмича Абабкова

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 267)

1.

30 ноября 1943 г.
Алма-Ата

Многоуважаемый Иван Иванович

Поздравляю Вас с высокой наградой правительства и желаю Вам здоровья для плодотворной работы в области советской лингвистики.

Все мы рады, что Ваша работа получила должную оценку высших организаций. Отблеск сияния ордена Ленина частично падает и на нас (слова Сергея Ефимовича[1]). Награждение Вас вызывает радость не только у сотрудников Вашего института, но и у всех алмаатинцев, знавших Вас. Вас, Иван Иванович, долго не забудут в Алма-Ата. Вас здесь уважают как ученого, любят как человека. Часто справляются о Вас, о Вашем приезде в Алма-Ата.

Многоуважаемый Иван Иванович, посылаю Вам второй экземпляр Отчета работы Института за 1943 г. На основании дополнительных сведений, полученных мною от отдельных сотрудников, сделаны чернилами некоторые уточнения, совершенно незначительные. От Зарубина И. И. сведений нет. Первый экземпляр отчета мною выслан Вам с научным сотрудником Института географии АН СССР Леонидом Александровичем Чубуковым[2], с человеком аккуратным. Получили ли Вы отчет? К Отчету прилагаю дополнения и незначительные изменения к плану работ Института на 1944 г. Частично эти дополнения уже выслал на адрес Бархударова С. Г.

Знаю, что план Вы уже составили, и эти сведения уже запоздали. Пусть они будут служить дополнительной информацией о работе сотрудников Института.

---

[1] С. Е. Малов.

[2] Леонид Александрович Чубуков (1906–1980), ученый-климатолог.

На днях получили телеграмму от Чаплиева[3] с требованием срочно выслать сведения для академического справочника. Высылаю эти сведения Вам как материал. Непосредственно в Секретариат этих сведений не направляли, т. к. Вы сами решите, в каком виде нужно представить эти сведения (о лицах и структуре Института).

Отчет о бронировании и военнообязанных непосредственно выслал в Военный Отдел т. Зотову, как Вы и приказали. Представление (по Вашей телеграмме) о бронировании себя, Зборовского, Советова и Юшманова за подписью Сергея Ефимовича. Следовательно, быть нужна Ваша подпись. Колебался в отношении себя. Поставил дублет — ученый секретарь Словарного отдела (бронируют же и ученых секретарей), в должности которой я утвержден Президиумом АН СССР в 1939 г. Что будет позже, не знаю. Сейчас подбираю все трудовые книжки на учет. Требуют отчет о их выдаче, но мы трудовые книжки не получали и не выдавали. Думаю составить акт с указанием особых условий наших сотрудников, эвакуированных из Ленинграда (многие трудовые книжки не взяли, сотрудников вновь принятых почти не было — 1–2 человека). Выделенное приказом лицо, ведающее учетом этих книжек и т. д., тоже составляет акт, у них не было учета за эти годы. Книжек нет, дают справки взамен трудовых книжек. На требования Отдела кадров наладить учет специалистов мы составляем формуляры на каждого, заводим дело и выделяем ответственное лицо. Отдел кадров обещает дополнительно прислать формы. Будем ждать. Часто они сведения требуют к такому-то числу, а запрос приходит позднее этого срока. Циркуляров присылают много.

Составляем сведения о производственных занятиях за 1943 г. в нашем Институте. Вышлю Вам для подписи, а Степан Григорьевич[4] их передаст. Мне хочется на некоторых бумагах иметь Вашу подпись как Директора Института, а Сергей Ефимович ревнив. (В отчете за 1943 г. я хотел поставить Вашу подпись, чтобы Вы в Москве подписали, но Сергей Ефимович относит это, видимо, к своему престижу. Он чуть не обиделся). Он считает, что мы живем в трудовой республике, а поэтому он

[3] В. П. Чаплиев, начальник канцелярии Президиума АН СССР.
[4] С. Г. Бархударов.

думает, что ему нужно получать разницу в окладе между зав. отделом и и. о. директора.

Иван Иванович, прошу Вас через Бархударова передать бухгалтеру ИЯМ мое письмо, вернее записку и сведения о сотрудниках Института на предмет вычета налогов. Надо выслать бухгалтеру авансовый отчет на 2 000 р., но не знаю его фамилии. Денежные документы боюсь послать по адресу только бухгалтера ИЯМ без фамилии.

Просил Степана Григорьевича телеграфно сообщить его фамилию. Денег у нас осталось 500 р. Если будет возможность выслать нам 1 000 р. на расходы, если они есть у Вас в бухгалтерии. Это, конечно, при дальнейших нормальных условиях. Отчет за них уже в январе. Я все сведения буду представлять бухгалтеру и буду запрашивать в хозяйственных отчетах его сам, не беспокоя по этим вопросам Вас.

Присылаю два протокола ученого совета Вам для сведения. Сергей Ефимович хочет на ученом совете возбудить ходатайство (вернее возобновить) о присвоении ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации Г. С. Виноградову[5]. Я предложил сначала по этому вопросу снестись с Вами. Он же считает, что мы здесь дадим направление делу, а если Вам [неугодно], то можно и не представлять дальше. Отзывы старые (копии) у Виноградова Г. С. имеются С. П. Обнорского, Зеленина[6] и некоторых других. Не знаю, имеются ли все документы у Г. С. Виноградова. Убеждать Сергея Ефимовича, чтобы он повременил, я не стал. Представляю Вам письмо от Ирины Петровны Ивановой[7] и Леонида Борисовича Богородского[8], в

[5] Георгий Семенович Виноградов (1886–1945), филолог, фольклорист, этнограф. В 1923–1929 годах был редактором журнала «Сибирской живой старины», работал на кафедре этнографии Иркутского университета, с 1934 — в Пушкинском Доме. Подготовил большой труд «Судьбы славянского племени в Сибири», но эта рукопись, как и другие погибла при бомбежке. В тяжелом состоянии был эвакуирован сначала в Углич, затем в Алма-Ату.

[6] Димитрий Константинович Зеленин (1878–1954), этнограф, языковед, чл.-корр. АН СССР.

[7] Ирина Петровна Иванова (1904–1993), профессор ЛГУ, лингвист, историк английского языка.

[8] Вероятно, имеется в виду Борис Леонидович Богородский (1896–1985), лингвист, специалист в области русской исторической лексикологии.

которых оба просят о командировке. Кроме того, досылаю Вам 4 поздравительные телеграммы. Ваше письмо получил (получили Евгения Самсоновна и Сергей Ефимович). Все мы очень рады, что Вы здоровы и бытовые условия сносные — особенно не мерзнете, как в прошлую зиму. Коптилки и у нас распространены больше, чем в прошлом году. Зима у нас ранняя. Относительно выделения русистов в особый Институт ни Сергей Ефимович, ни Василий Ильич[9] толком не рассказали. Только Обнорский С. П. вместе с Евгенией Самсоновной пишет, что «выделение задерживается не известно по какой причине: по ведомственной проволочке или еще по каким-то причинам ему неизвестным…» Он пишет, что он на это махнул рукой и относится к этому спокойнее. По смежности вспомнил. Ардентов[10], аспирант Евгении Самсоновны, пишет к ней, что ему Исаева-Матвеева[11] говорила, что Якубинский Л. П.[12] сейчас заведует кафедрой русского языка в Герценовском институте (там начались занятия со студентами). Работать Матвеевой-Исаевой в Институте с ним он не дал, говоря, что у них разные установки, что она проповедовала Марра, который тянул на 50 лет назад, что совместная работа невозможна у них. Я думаю, что верить можно этому. Он опять делает вылазку. А мало ли Якубинских?

Мне бы, Иван Иванович, если будет какая-либо возможность, хотелось бы остаться в Вашем Институте. Все равно кем — младшим ли научным сотрудником, даже в роли <нрзб.>. Сейчас я немного читаю по теме, которую я поставил на будущий год, поправлюсь, пойду в библиотеку делать выборки (сейчас там адский холод).

Ритман[13] перестал надоедать, видимо, успокоился; Сауранбаеву[14] и Жубанову[15] я передал причины задержки рассмотре-

---

[9] Василий Ильич Чернышёв.

[10] Борис Петрович Ардентов (1911–1984?), филолог, языковед. В годы войны участвовал в боях под Ленинградом, с 1946 по 1952 г. зав. кафедрой русского языка в Петрозаводском университете, затем в Педагогическом институте в Кишиневе.

[11] Любовь Васильевна Матвеева-Исаева (1889–1954), филолог-славист.

[12] Лев Петрович Якубинский (1892–1945), филолог, лингвист.

[13] Михаил Иванович Ритман-Фетисов (1907–1960), литературовед, доктор филологических наук. В годы войны был зав. кафедрой Казахского Педагогического института.

ния их ученых степеней. К сожалению, у многих наших сотрудников нет документов, всех требуемых для представления в Президиум АН для утверждения в звании старших научных сотрудников. У нас только протоколы Ученого Совета, а всевозможные справки не захватили из Ленинграда. Пытаюсь достать, и тогда дела на оформление можно направить Вам.

Пятницы [16] у нас продолжаются. Последние доклады: В. М. Жирмунский — О частях речи в тюркских языках, Евгения Самсоновна [17] — О двуязычных словарях, Василий Ильич [18] — Обособленные члены предложения в учении Пешковского[19]. Повестка загружена на целый месяц. Конечно, нам хотелось бы, чтобы Вы приехали в Алма-Ату, но, видимо, это Вам сложно — нет времени.

У нас все благополучно. Евгения Самсоновна несколько изменилась — воспрянула духом, голос тверже, императивность в разговоре стала резче, понятно и требования увеличились. Делаем все, чтобы создать ей условия, положенные ей по рангу. Николай Владимирович [20] остался все тем же Николаем Владимировичем. Ничем не изменился. Переехал в другую комнату — меньше, но лучше. Сергей Ефимович[21] священнодействует в роли и. о. Директора. Примеряет, высчитывает, осторожность и осторожность на каждом шагу. Я умиляюсь его «мудрости» и учусь типу русского чиновника с примесью восточности. Василий Ильич доволен поездкой в Москву (выполнил все хозяйственные дела), ругает порядки в Алма-Ате и отношение к

---

[14] Нигмет Тналиевич Сауранбаев (1910–1958), тюрколог, доктор филологических наук, академик Казахской ССР (1946). С 1939 по 1946 г. — директор Института языка, литературы и истории Казахского филиала АН СССР, с 1951 г. — вице-президент АН КазССР.

15 Ахмет Куанович Жубанов (1906–1968), композитор, исследователь казахской народной музыки, этнограф, академик АН Казахской ССР (1946). Младший брат талантливого филолога, тюрколога Кудайбергена Куановича Жубанова (1899–1938).

[16] Обычно доклады проводились по пятницам.

[17] Е. С. Истрина.

[18] В. И. Чернышёв.

[19] Александр Матвеевич Пешковский (1878–1933), лингвист.

[20] Н. В. Юшманов.

[21] С. Е. Малов.

специалистам. Здоров, бодр. Сатпаев[22] недавно всем нашим членам-корреспондентам выдал яблок, картофеля, капусты. Все наши специалисты обеспечены всем; хуже с кандидатами — нет дров. Людмила Варламовна Павленко[23] с сестрой Евгении Самсоновны получает комнату, кроме того, видимо, получит литерный паек. Сатпаев хлопочет в Совнаркоме.[24]

2.

21 марта 1944 г.

Многоуважаемый Иван Иванович

Предварительный отзыв рецензентов о докторской диссертации С. К. Кенесбаева[25] — С. Е. Малова и Н. В. Юшманова — положительный. Третий, предполагаемый рецензент (оппонент), Мухтар Ауэзов[26] мне вчера сообщил, что он не может просмотреть быстро работу Кенесбаева, ввиду загрузки его работой по заданию ЦК. Я говорил вчера с Исабековым по этому вопросу. Он обещал поговорить с М. Ауэзовым и разгрузить его от работы по заданию ЦК.

Конечно, желательно было бы, чтобы третий оппонент был М. Ауэзов, специалист в области литературного языка. В крайнем случае, его можно заменить кандидатом филологических наук — Джумалиевым[27], который прочел уже всю работу и дает положительный отзыв.

Убедительно прошу Вас сообщить телеграфно о Вашем согласии или несогласии защиты диссертации С. К. Кенесбаева в нашем Институте. Боюсь, что Сергей Ефимович самоустранится. У него уж такой характер. Сегодня прошу от имени

[22] Каныш Имантаевич Сатпаев (1899–1964), ученый-геолог, академик АН Казахской ССР (1946) и АН СССР (1946), первый президент Академии наук Казахской ССР. В годы войны председатель Президиума КазФАН СССР.

[23] Людмила Варламовна Павленко (Омельянович-Павленко) (1901–?), языковед-русист, младший научный сотрудник ИЯМ.

[24] Продолжение письма отсутствует.

[25] Смет Кенесбаевич Кенесбаев (1907–1995), лингвист-тюрколог, академик АН КазССР (1946).

[26] Мухтар Омарханович Ауэзов (1897–1961), писатель, филолог, академик АН КазССР (1946).

[27] Хажим Джумалиевич Джумалиев (1907–1968), поэт, литературовед, академик АН Каз ССР (1967).

дирекции Евгению Самсоновну дать отзыв о поступившей кандидатской диссертации преподавателя из Казани Белоусовой[28]. Мнение рецензента Ивана Кирилловича Зборовского, что работа носит преимущественно методический характер, мнение же Василия Ильича иное, хотя и предварительное.

Просил бы я Вас, Иван Иванович, прислать что-нибудь успокоительное Сергею Ефимовичу. Иначе придется все заседания вести под председательством Василия Ильича (по старшинству), если Сергей Ефимович откажется. Важна его персона, а не работа, в местных условиях.

Желаю здоровья и сил Вам для дальнейшей работы в трудных условиях нашего времени.

Глубоко уважающий Вас Павел Кузьмич.

P. S. Представляю Вам, Иван Иванович, список тем, прочитанных докладов, на научных заседаниях ИЯМа.

П. К.

Научные доклады, читанные в ИЯМ
(по пятницам преимущественно) за 1943–1944 год

№ п/п	Темы докладов	Докладчик	Дата
1	Функции определения	Проф. Е. С. Истрина	31. 01. 1943
2	Слово и словосочетание в якутском языке	Ст. н. с. Е. И. Убрятова[29]	15. 01. 1943
3	Проблема сложения еврейского народного языка («идиш»)	Ст. н. с. М. М. Гитлиц	12. 03. 1943
4	Инфинитив в безличных предложениях	Проф. Е. С. Истрина	26. 03. 1943
5	Происхождение еврейских диалектов	Ст. н. с. М. М. Гитлиц	16. 04. 1943
6	Разоблачение фашистских методов в языкознании	Проф.-доктор Н. В. Юшманов	14. 05. 1943
7	Язык Кантемира. I часть	Чл.-корр. В. И. Чернышёв	21. 05. 1943
8	Классификация тюркских языков	Чл.-корр. С. Е. Малов	28. 05. 1943

[28] Не удалось установить.

[29] Елизавета Ивановна Убрятова (1907–1990), лингвист-тюрколог, специалист в области грамматики и диалектологии якутского языка и тюркских языков, доктор филол. наук.

9	Язык Кантемира. II часть	Чл.-корр. В. И. Чернышёв	9. 07. 1943
10	Письма местных владетелей Центральной Азии к Китайскому двору	Проф.-доктор Н. В. Кюнер[30] и чл.-корр. С. Е. Малов	23. 07. 1943
11	Обособление второстепенных членов предложения	Доц. Е. В. Кротевич[31]	30. 07. 1943
12	Модально-вводные слова	Чл.-корр. В. И. Чернышёв	6. 08. 1943
13	Прямое дополнение в якутском языке	Ст. н. с. Е. И. Убрятова	3. 09. 1943
14	Экстранормальная фонетика	Проф.-доктор Н. В. Юшманов	10. 09. 1943
15	Морфологические основы индоевропейских языков	Ст. н. с. А. В. Десницкая	15. 09. 1943
16	Корневые основы индоевропейских языков	Ст. н. с. А. В. Десницкая	17. 09. 1943
17	О развитии индоевропейской морфологии	Ст. н. с. А. В. Десницкая	20. 09. 1943
18	Определительные комплексы (из области общего языкознания)	Проф.-доктор Н. В. Юшманов	24. 09. 1943
19	Учение академика Шахматова о предложении	Чл.-корр. Е. С. Истрина	1. 10. 1943
20	О графемах	Чл.-корр. Н. В. Юшманов	8. 10. 1943
21	А) О работе Абакумова[32] «Синтаксис русского языка» Б) Вологодский «Диалектологический сборник»	Л. П. Григорьева Чл.-корр. Н. В. Юшманов	15. 10.1943
22	О книге Поцелуевского[33] «Синтаксис современного туркменского литературного языка»	Ст. н. с. Е. И. Убрятова, доц. С. К. Кенесбаев, чл.-корр. Е. С. Истрина	22. 10. 1943
23	По вопросу проникновения арабских и персидских слов в казахский язык	Негмет Сабитов[34]	30. 10. 1943

[30] Николай Васильевич Кюнер (1877–1955), востоковед, историк, этнограф.
[31] Евгений Владимирович Кротевич (1901–1979), языковед, педагог. В 1931 г. был сослан в Казахстан как бывший офицер.
[32] Сергей Иванович Абакумов (1890–1949), языковед.
[33] Александр Петрович Поцелуевский (1894–1948), тюрколог, основатель советской школы туркменоведения.
[34] Нигмет Сабитович Сабитов (1895–1955), филолог, этнограф.

24	Некоторые вопросы истории казахской печати XX века	Е. С. Исмаилов[35]	12. 11. 1943
25	Части речи в узбекском языке в сравнении с индоевропейскими	Чл.-корр. В. М. Жирмунский	23. 11. 1943
26	К вопросу о двуязычных словарях (по материалам «русско-казахского», русско-узбекского» и «русско-азербайджанского» словарей)	Чл.-корр. Е. С. Истрина	3. 12. 1943
27	О русской общелингвистической транскрипции (к ее 55-летию)	Чл.-корр. Н. В. Юшманов	10. 12. 1943
28	Безличные предложения со страдательным причастием в сказуемом в русском и украинском языках	Ст. н. с. И. К. Зборовский	17. 12. 1943
29	В память акад. Н. Я. Марра — к 10-летию его смерти. А) Вступительное слово. 20 декабря 1934 Б) О стадиальной фонетике В) Функциональная семантика (по материалам якутского языка)	 Чл.-корр. Е. С. Истрина Чл.-корр. Н. В. Юшманов Ст. н. с. Е. И. Убрятова	24. 12. 1943
30	Учение А. М. Пешковского «Об обособлении второстепенных членов предложения в русском языке»	Чл.-корр. В. И. Чернышёв	31. 12. 1943
31	К вопросу о происхождении частей речи в тюркских языках (дополнение к докладу чл.-корр. Жирмунского)	Ст. н. с. Е. И. Убрятова	7. 01. 1944
32	Учение А. М. Пешковского о соотношении сходных прилагательных и наречий	Чл.-корр. В. И. Чернышёв	14. 01. 1944
33	Субъект и подлежащее как синтаксические термины	Чл.-корр. Е. С. Истрина	21. 01. 1944
34	Учение А. М. Пешковского об обращении	Чл.-корр. В. И. Чернышёв	28. 01. 1944
35	Алишер Навои и его значение в истории тюркских языков и литератур Средней Азии	Канд. филол. н. А. Х. Маргулан[36], чл.-корр. С. Е. Малов	4. 02. 1944

[35] Исмаилов Есмагамбет Самуратович (1911–1966), филолог, литературовед.

36	Категория состояния в русском языке	Чл.-корр. В. И. Чернышёв	11. 02. 1944
37	Корейские материалы Пушкинской библиотеки в Алма-Ате	Проф.-доктор Н. В. Кюнер	18. 02. 1944
38	В память академика Бориса Михайловича Ляпунова в годовщину его смерти (23. 02. 1943). Воспоминания и характеристики: Научная деятельность и жизнь акад. Б. М. Ляпунова	Докладчик чл.-корр. В. И. Чернышёв; Содокладчики — к. ф. н. С. С. Советов, ст. н. с. П. К. Абабков, ст. н. с. И. К. Зборовский	25. 02. 1944
39	Русские лексические заимствования в якутском языке	Проф. Г. С. Виноградов[37]	3. 03. 1944
40	Галлицизмы в сочинениях Фонвизина	И. о. ст. н. с. В. В. Омельянович-Павленко	10. 03. 1944
41	Проблема слова (критические замечания на кн. проф. В. В. Виноградова[38] «Грамматика русского языка». Ч. I.	Чл.-корр. В. И. Чернышёв	17. 03. 1944
42	Устная музыкально-поэтическая традиция казахского народа	К. ф. н. С. Д. Магид[39]	

Зам. Директора Института Языка и Мышления АН СССР Абабков.

20 марта 1944.

[36] Алькей Хаканович Маргулан (1904–1985), литературовед, этнограф археолог, академик АН КазССР (1958)

[37] Георгий Семенович Виноградов (1886–1945), филолог, фольклорист, этнограф.

[38] Виктор Владимирович Виноградов (1894–1969), лингвист, литературовед, академик АН СССР (1946).

[39] Софья Давидовна Магид (1892–1954), этномузыковед, фольклорист.

От Анатолия Павловича Алявдина[1]

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 278)

1.

3 ноября 1943

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Недавно я узнал по одному письму из Москвы, которое, думается мне, написано после разговора с Вами, о возможности возвратиться к работе в ИЯМ. О, если бы это могло осуществиться!! Лишь на короткое время перед самой войной получил я возможность подышать воздухом научной работы. Война отняла у меня эту возможность и забросила в невероятную глушь, где ярко светит лишь одно солнце, а в остальном царит страшная тьма[2].

---

[1] Анатолий Павлович Алявдин (1885–1965), сириолог, семитолог, историк раннего христианства. Преподавал в Петербургском университете, Лазаревском институте восточных языков в Москве, в Богословском институте и др. учебных заведениях, действительный член ИЛЯЗВ. С 1924 г. — научный сотрудник I разряда Азиатского музея АН (ныне ИВР РАН), хранитель сирийских рукописей. В 1929 г. арестован по делу «Воскресения», приговорен к 5 годам лагерей. Наказание отбывал в Беломоро-Балтийском и Соловецком лагерях. За Алявдина ходатайствовал Н. Я. Марр, и в 1932 г. он был досрочно освобожден.

[2] С 1933 г. по 1936 г. по договорам работал в Кабинете семито-хамитских языков ИЯМ, начал огромную работу по составлению Словаря сирийского языка. *«Я предполагал бы составить словарь в объеме приблизительно 40/45 печатных листов, который заключал бы в себе по возможности все употреблявшиеся в письменности слова с кратким описанием их значения и указанием для глаголов их форм, делая ссылки на места, где употребляется данное слово, только для побочных его значений»* (*Ф. 77, оп. 1 (1936), д. 4, л. 30, 31 об. Автограф).* За эти годы он подготовил работы: «Элементы языка и мышления арамеев» (7,5 печ. л.), «Христианский миф о рождении божества. Опыт истолкования легенд о рождении Христа на основах новой теории языка Н. Я. Марра» (2 печ. л.), «Грамматика сирийского языка» (15 печ. л.). В 1937 г. «ввиду отсутствия штатов»

Несмотря на расшатанное переживаниями последнего времени здоровье, все же хочу сделать попытку изменить свое положение к лучшему. Не знаю только, как мне удастся выбраться отсюда. Уж очень ограничены у меня средства, а продавать совершенно нечего. Это Вы, конечно, хорошо понимаете, т. к. и сами принадлежите к разряду «эвакуированных». Не сможет ли в этом отношении институт оказать мне некоторую денежную помощь для «реэвакуации»? На Северный Кавказ я тоже приехал не на свои средства. Если бы это было возможно, в остальном я надеюсь преодолеть отделяющее меня от Алма-Аты пространство.

С искренним уважением к Вам.

А. Алявдин.

P.S. Вместе с этим письмом посылаю и заявление о восстановлении в должности.

Директору
Института Языка и Мышления
им. Н. Я. Марра АН СССР
бывшего сотрудника Института
А. П. Алявдина

[Заявление]

Вынужденный обстоятельствами военного времени в марте (25-го) 1942 г. выехать из Ленинграда, я взял увольнение из

прошение Алявдина о зачислении в ИЯМ было отклонено. Преподавал историю в школах для взрослых. После первой блокадной зимы получил постановление УНКВД ЛО от 7 марта 1942 г. о высылке из Ленинграда в административном порядке (без указания срока). Однако сумел избежать немедленной высылки, эвакуировался на Сев. Кавказ в с. Турумовка Кизлярского р-на Грозненской обл. В октябре 1945 г. арестован, обвинен в проповеди загробной жизни, квалифицированной как антисоветская агитация (ст. 58–10, ч. 2), и в марте 1946 г. приговорен Судебной коллегией по уголовным делам Грозненской обл. к 10 годам ИТЛ. Отбывал срок в лагере неподалеку от Грозного. Освобожден в 1954 г. Некоторое время работал в системе АН. Бóльшая часть трудов Алявдина пропала, сохранились лишь названия.

ИЯМ[3] для того, чтобы иметь при себе необходимые документы. Направлялся я в Западную Сибирь в г. Славгород, где предполагал найти на первое время приют у живущего там родственника. Но поток эвакуации принес меня на Северный Кавказ. Здоровье мое было крайне расстроено, так что о каком-либо дальнейшем передвижении не могло быть и речи. В настоящее время здоровье мое в значительной мере восстановилось, и мне хотелось бы принять участие в работе Института. Поэтому я прошу Вас восстановить меня в должности ст. сотрудника Института и выслать мне вызов, по которому я мог бы получить пропуск на проезд в Алма-Ату или другое место, где будет находиться Институт, для меня и двух членов семьи, жены Р. Д. Алявдиной и дочери В. А. Алявдиной.

2 ноября 1943 А. Алявдин

Адрес: п/о Тарумовка Ставропольского края, Кизлярского района, Горячеводская ул., д. 5.

[3] Вероятно, Алявдин перед войной работал в ИЯМ, но документальных свидетельств пока не нашлось.

От Степана Григорьевича Бархударова[1]
(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 299)

1.

22 июня 1942

Дорогой Иван Иванович!

Сегодня я Вам отправил телеграмму с просьбой телеграфировать Федосееву[2], чтобы он оказывал посильную материальную помощь моей маме. Отправил я Вам эту телеграмму после долгих и мучительных колебаний. Дело в том, что мама моя живет в очень тяжелых условиях, хотя я отправляю ей регулярно деньги. Отправлял ей и посылки с делегацией от Узбекистана, но эти посылки до нее не дошли. Вчера я получил от нее письмо, в котором она сообщает, что продовольственное положение в Ленинграде улучшилось, что иждивенцам академических работников, эвакуированных из Ленинграда, Академия наук выдает какие-то дополнительные пайки, прикрепляет к столовой и т. п. Маме моей даже удалось выхлопотать себе в Академии наук ½ пайка, но просит телеграфировать в

---

[1] Степан Григорьевич Бархударов (Бархударянц) (1894–1983), лингвист, специалист по грамматике и лексике русского языка, чл.-корр. АН (1946). Преподавал в различных вузах Ленинграда: Коммунистическом университете, ЛИФЛИ, ЛГПИ им. Герцена, Ленинградском университете, Педагогическом институте им. Покровского. После войны переехал в Москву. В 1960-1970-х гг. возглавлял словарный сектор в Институте русского языка АН СССР. С ИЯМом Бархударов был связан с начала 1930-х годов, когда был аспирантом, а затем сотрудником и секретарем Кабинета славянских языков. Выполнял плановые работы Кабинета, в том числе был ответственным за «Собирание материалов по библиографии изучения русского языка». В марте 1935 г. на него было возложено сверх основной работы по Кабинету славянских языков руководство Группой по синтаксису в Кабинете общего языкознания. В конце октября 1935 г. Бархударов подал прошение об освобождении его от работы в ИЯМ.

[2] Михаил Ефимович Федосеев (1891–после 1957), начальник ЛАХУ с 1936 г., с 1942 по 1944 г. — уполномоченный Президиума АН СССР в Ленинграде.

Академию, чтобы не забывали ее. Я отправил телеграмму Якубинской и Большаковой[3]. Вас попросил телеграфировать. Простите, что беспокою Вас моей просьбой.

Ваш Бархударов.

Адрес: Ташкент, Пушкинская ул., 31, комната 17. ИЯМ АН

2.

18 июня 1942

Дорогой Иван Иванович!

Пользуясь случаем, что профессор Тимофей Иванович Райнов[4] едет по вызову В. Л. Комарова[5] в Алма-Ату, пишу Вам это письмо.

Вчера получил Вашу открытку. Большое спасибо. Ларин с семьей завтра выезжает в Яранск (Кировская обл.), где находится Кировский педагогический институт. Я прилагал все свои усилия к тому, чтобы удержать его в Ташкенте, но ничего из этого не вышло. Откровенно говоря, мне до сих пор не ясно до конца, почему он так рвется отсюда. Живет он здесь не хуже нас, даже в некотором отношении лучше: в жилищном отношении он устроился очень сносно, кроме Академии наук, он еще работает в местном Пединституте, где получает ½ ставки, жена устроилась на какую-то работу, дочери учатся. А он с первых же дней рвется отсюда то в Ростов, то в Майкоп (там Одесский университет), то в Уфу (Украинская АН)[6], то в Яранск. Основная причина его отъезда, я думаю, его слишком активный и потому беспокойный характер. Он хочет иметь кафедру, подчиненных, хочет организовать экспедиции, шуметь. А всего этого сделать здесь нельзя. Кроме того, здесь жарко, душно, пыльно, а сердце у него плохое. Потому рвется на север, ближе к Ленинграду. В этом отношении я ему сочув-

[3] Елена Константиновна Большакова (1899–не ранее 1959), зав. канцелярией ИЯМ, референт.

[4] Тимофей Иванович Райнов (1888–1958), философ, литературовед, историк науки, библиограф.

[5] Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945), ботаник, академик (1920), президент АН СССР 1936–1945.

[6] Б. А. Ларин был чл.-корр. АН УССР.

ствую. А заманивают его в Яранск его ученицы Евгеньева[7] и Скворцова[8]. Мне как-то больно, что он уезжает: ленинградцев здесь не так много и каждый из них мне очень дорог.

В жизни моей ничего нового нет, живу главным образом надеждами и верой в наше счастье. Во всяком случае, не хотелось бы умереть, пока не увижу разгрома гитлеризма и не выпьем из ваших прекрасных бокалов в вашей просторной ленинградской квартире чудесное шамхорское вино.

Меня из Наркомпроса зовут в Москву (без семьи) на работу в Учебно-методическом совете и в Институте школ. Но душа моя к такой работе, в особенности в наши дни, не лежит. Все же, мне хочется работать с Вами, Сергеем Петровичем[9], Львом Владимировичем[10], Евгенией Самсоновной[11]. Лучших людей я в своей жизни не встречал и добровольно расстаться с ними я не хочу.

О нашей ташкентской жизни подробно можете узнать от профессора Райнова.

Привет Чернышёву, Истриной, Абабкову.

От всей души желаю Вам благополучия и успеха.

Ваш С. Г. Бархударов

3.

28 июля 1942

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович!

Вашу открытку я получил. Целиком разделяю Вашу тоску по Ленинграду и Ваши мечты о скорейшем возвращении на милый север. Но увы! Обстоятельства складываются так, что нам еще раз придется зимовать на юге.

Я не особенно хотел бы зимовать в Ташкенте. Здесь не уютно и не симпатично. А самое главное, чувствую себя одиноким. Да и работа в ИЯПе[12] меня очень мало интересует.

---

[7] Анастасия Петровна Евгеньева (1899–1985), лингвист. С 1932 по 1941 — сотрудник отдела Древнерусского словаря ИЯМ.

[8] Не удалось установить.

[9] С. П. Обнорский.

[10] Л. В. Щерба.

[11] Е. С. Истрина.

[12] Институт языка и письменности народов СССР.

Правда, я обязан Петросяну[13] тем, что он быстро зачислил меня в штат своего института и этим оформил мое положение в Ташкенте, где жила моя семья. Но мне кажется, что удерживать особенно меня он не будет, если Вы обратитесь к нему с соответствующим предложением.

Если Вам удастся устроить меня в Алма-Ате с работой и комнатой, то я с удовольствием переехал бы с семьей к вам. Я уверен, что среди вас алмаатинских ленинградцев иямовцев, мне будет легче и работать, и жить. С удовольствием работал бы и в Наркомпросе Казахстана. Продолжаю надеяться и на то, что рано или поздно в Алма-Ату приедут Сергей Петрович и Лев Владимирович. Это maximum моих пожеланий и чаяний.

Но если мое устройство в Алма-Ате сопряжено с очень большими трудностями, то Вы можете не беспокоиться: в конце концов, я могу продолжить жить и в Ташкенте. Ведь кончится когда-нибудь эта проклятая война и трижды проклятый гитлеризм! Я очень жалею, что Сергей Петрович связался с этим халтурным Малым толковым словарем. Добросовестность и научная честность Сергея Петровича так мало соответствуют стилю и характеру этого словаря, что предвижу большие моральные страдания Сергея Петровича, когда он примется за его редактирование. Я об этом приблизительно писал ему и рекомендовал привлечь в качестве члена главной редколлегии Евгению Самсоновну, которая своими обширными знаниями и огромным опытом в области словарной работы окажет ему, Сергею Петровичу, огромную помощь и поддержку.

Связь со Львом Владимировичем я окончательно потерял и даже не знаю, где он сейчас находится.

Почти ежедневно вижу Василия Васильевича[14]. Он такой же очаровательный, каким был в Ленинграде, а м. б. еще лучше. Увлечен организацией своего института. Из Ленинграда к нему собирается приехать большая группа востоковедов. Местные власти относятся к нему очень предупредительно и с большим

[13] Вартан Аветович Петросян (1895–1968), партийный и государственный деятель, директор ИЯП в 1936–1947 гг. В июне 1940 г. возглавил Комиссию по составлению «Малого толкового словаря» (председатель).

[14] Акад. В. В. Струве.

уважением. Виктор Михайлович[15] процветает: работает много в Союзе писателей (по узбекскому эпосу) и работает как всегда успешно. Неплохо чувствует себя и Владимир Федорович[16]. Одним словом, жизнь идет своим чередом, и каждый из академических работников по мере своих способностей и сил работает на благо своей родины в тяжкие дни ее испытаний и страданий.

Страна наша никогда не забудет этих тружеников науки.

Желаю Вам успеха, благополучия и удачи.

Привет Евгении Самсоновне[17], Василию Ильичу[18] и Павлу Кузьмичу[19].

Ваш Ст. Бархударов.

[15] Вероятно, имеется в виду Виктор Максимович Жирмунский, который одновременно с Бархударовым находился в Ташкенте и подготовил книгу «Узбекский народный эпос» (совм. с Зарифовым Х. Т., М., 1947).
[16] В. Ф. Шишмарёв.
[17] Е. С. Истрина.
[18] В. И. Чернышёв.
[19] П. К. Абабков.

От Николая Ивановича Богданова[1]

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 310)

1.

22 мая 1942

Уважаемый Иван Иванович!

Был несказанно рад, когда далеко от Вас, в условиях боевой фронтовой жизни прочитал в газете об избрании Вас в члены президиума Академии Наук СССР.

Искренне поздравляю Вас, дорогой друг и учитель, желаю Вам плодотворной работы в области науки, которой Вы посвятили свою жизнь. Стройте нашу социалистическую культуру на зло средневековым варварам, посягнувшим на наши культурные завоевания и на благо нашей Родины.

Пройдут тяжелые дни упорной борьбы, враг будет разбит и уничтожен, и мы снова вернемся к мирному труду и снова под Вашим руководством будем творить светлое, культурное, полезное.

Давайте больше Ваших трудов, Иван Иванович! Они крайне необходимы культурному человечеству. Мы же пока будем там, куда нас послала Родина. Передайте привет всем научным сотрудникам ИЯМ, в частности: Д. В. Бубрих[у], С. Г. Бархударову, М. Д. Мальцеву, М. П. Чхаидзе, Льву Владимировичу Щерба, Екатерине Федоровне Стариковой[2]. Ни от кого я никаких писем не имею. Далек от всех, да не до науки сейчас.

---

[1] Николай Иванович Богданов (1904–1959), языковед, диалектолог, автор первой в СССР диссертации по вепсскому языку: «История развития лексики вепсского языка» (1952). С 1938 г. работал в Петрозаводске: в 1938–1941 гг. — зав. лингвистической секцией Карельского Научного центра, в 1947–1951 гг. — ученый секретарь, с 1952 г. — зав. сектором языкознания ИЯЛИ. В 1930-е годы принимал участие в создании вепсской письменности на основе латинского алфавита, подготовке учителей для вепсских школ, написании и редактировании школьных учебников по вепсскому языку.

[2] Сотрудник канцелярии ИЯМ.

До свидания, уважаемый Иван Иванович. Желаю Вам здоровья, горю желанием встретить Вас бодрым и жизнерадостным.

Николай Иванович Богданов

Мой адрес: Полевая почта 617. 1061 стрелковый полк, штаб.

2.

30 августа 1942

Дорогой Иван Иванович!

Каждое письмо, которое я получаю от близких и знакомых мне людей, вселяет в меня бодрость и радость. Но я не нахожу слов передать то чувство безграничной радости и благодарности к Вам, когда получил Вашу открытку, дорогой мой друг и учитель. Ваш знакомый почерк и самый текст воспроизвели в моей памяти Ваш славный образ, воспоминания о недалеком прошлом, когда мне приходилось работать под Вашим руководством, учиться у Вас, хлынули волной, а то, что Вы вспомнили обо мне в краю далеком, влило в меня бодрость и энергию, надежду на то, что после победы над коварным врагом, при благополучном для меня исходе, я вновь увижу Вас, доброго, прекрасного, дорогого для меня человека.

Как бы мне хотелось сейчас вновь очутиться где-то возле Вас, заняться именно тем полезным трудом, трудом, направленным на поднятие культуры нашего народа, но сейчас Родина в опасности, и мы должны честно выполнять свой долг на другом поприще и этим самым дать возможность в будущем мирно цвести и строить жизнь нашему народу.

Настроение у меня бодрое.

Дорогой Иван Иванович, Ваше письмо для меня было еще радостью и тем, что в лице Вас я нашел одного из тех глубокоуважаемых людей, с которыми имел связь в недалеком прошлом. О всех остальных я ничего не знаю. Я ничего не знаю о Дмитрии Владимировиче[3], о друзьях по студенческой скамье в Университете (а их я любил, уважал и ценил). Война, затеянная по милости фашистских разбойников, разбросала всех по лицу земли российской. Одни уехали, возможно, в

[3] Д. В. Бубрих.

глубь страны и трудятся на оборону в тылу, другие, как и я, по фронтам обретаются, многие, возможно, уже сложили свои буйные головы, пали смертью храбрых и вечная им память, дорогим друзьям.

Вот уже опять прошло лето, лес, кажется, меняет цвет и желтые листья несутся по ветру. Лето на нашем участке было дождливое, грозы, и наступающая осень желательно, чтобы была получше. Правда, за последнее время погода как бы стала лучше, но дожди все же не перестают нас навещать.

Сейчас, Иван Иванович, адрес мой несколько изменился, и если найдете время мне написать, то пишите по адресу:

ППС 617, штаб дивизии, 4 отдел.

Желаю Вам, Иван Иванович, здоровья, бодрости и успехов в работе.

Искренне преданный Вам Николай Богданов.

3.

11 июня 1945

Дорогой Иван Иванович!

Только сейчас по радио услышал о награждении Вас высоким званием «Герой Социалистического труда». От всего сердца рад за Вас, за нашу социалистическую науку. Примите от меня искренние поздравления. Желаю Вам дальнейших успехов в работе.

Пару слов о себе. Жив, здоров. Нахожусь в Германии. Отгремел гром войны. Победа. Мир. Мечтаю попасть на родину, но боюсь, что это случится не скоро.

С почтением к Вам.

Н. И. Богданов

Очень хотелось бы увидеть Вас таким же бодрым, каким я видел Вас последний раз в 1941 году.

От Евгения Алексеевича Бокарёва
(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 310)

4 июля 1943

Дорогой Иван Иванович!

Давно мне хочется написать Вам, узнать, как живете Вы, ИЯМ, иямовцы, поздравить Вас с получением Сталинской премии. Очень жалею, что делаю это только теперь, с таким большим запозданием. Присуждение Вам Сталинской премии для нас, иямовцев, большая радость. Это не только признание Ваших личных заслуг перед наукой, но и показатель внимания к часто забываемой лингвистике, для развития которой Вы так много сделали.

Временами так хочется повидать кого-нибудь из языковедов, поговорить, услышать что-нибудь новое. На днях встретил Болдырева[1] из ИВАНа. Все они работают сейчас в старом помещении ИЯМа. Рассказал кое-что об Эрике Антоновне[2], Мальцеве[3]*. Очень захотелось их навестить. Мне в Ленинграде бывать приходится очень редко (1–2 раза в год). Каждый раз захожу в ИЯМ, кого-нибудь вижу. После выхода из госпиталя был несколько раз. Видел многих: Быховскую, Шаумяна[4], Елену Константиновну Синельникову[5], Зарина[6],

---

[1] Александр Николаевич Болдырев (1909–1993), востоковед-иранист. Преподаватель, проф., зав. кафедрой иранской филологии ЛГУ, сотрудник ЛО ИВ АН СССР. Изданы его дневники: «Осадная запись: (Блокадный дневник)». СПб., 1998.

[2] Э. А. Якубинская.

[3] Примечание Е. А. Бокарёва: *Мальцев демобилизовывался.

[4] Рафаил (Рафаэль) Михайлович Шаумян (1894–1942), лингвист, кавказовед, ст. научный сотрудник ИЯМ. Погиб во время эвакуации из Ленинграда в феврале 1942 г.

[5] Данных нет.

[6] Иван Иванович Зарин, аспирант, мл. научный сотрудник ИЯМ.

Улитина[7], Расторгуеву[8], Кретову[9], Советова, Истрину, Звейнека, Толстую[10]. О печальной судьбе многих слышал. С интересом прочитал целый ряд писем, которые иямовцы заботливо собирали: Карпеза Дариспановича[11], Юшманова, Снегирёва, Ваши* [12] *, Жирмунского и мн. других. Случайно как-то встретил на улице Филина. Он загорел, погрубел, но в общем вид неплохой. Работает в политотделе Армии. В последний приезд был у Кацнельсона. Провел с ним очень неплохой вечер. Хорошо поговорили, делились воспоминаниями о прошлом, впечатлениями от нового. Работа Кацнельсона частично связана с его довоенной специальностью. Поэтому не могу ему не завидовать. Переписываюсь вообще мало. Нередко получаю письма от Агнии Васильевны[13]. Об Анатолии ничего достоверного нет. Надежд, что он остался жив, очень и очень мало: он был на очень опасном участке фронта. Последнее письмо от него было в ноябре [19]41 г. Но расстаться с надеждой на то, что мы с ним еще встретимся, будем делиться мыслями, впечатлениями, для меня слишком трудно.

Немного о себе. Ранен был серьезно. В госпитале пробыл 4½ месяца. После того опять попал в действующую часть. Работаю по своей воинской специальности (помните ли Вы ее?). Много приходится бывать на свежем воздухе, бродить по лесу. Поэтому быстро окреп, поздоровел и последствий ранения почти не ощущаю. Нашей части много пришлось поработать. Особенно во время прорыва блокады. Я имел возможность потом обойти территорию, освобожденную от немцев, и полюбоваться на результат работы нашей артиллерии. Неплохая работа! Разбитые блиндажи, вспаханная снаряда-

[7] Алексей Николаевич Улитин (1900–1942), филолог, лингвист, ст. научный сотрудник ИЯМ, доцент каф. славяно-русской филологии филфака ЛГУ. Погиб во время эвакуации из Ленинграда.

[8] Вера Сергеевна Расторгуева— иранист, совместно с Д. И. Эдельман автор первых трех томов «Этимологического словаря иранских языков» (2000–2007), в то время аспирант, мл. научный сотрудник ИЯМ.

[9] Данных нет.

[10] С. В. Меликова-Толстая.

[11] К. Д. Дондуа.

[12] Примечание Е. А. Бокарёва: *В Ваших письмах встретил вопрос обо мне. Спасибо, что не забыли.

[13] А. В. Десницкая, жена Анатолия Алексеевича Бокарёва.

ми земля, вывороченные деревья и исковерканные трупы фрицев. Когда подумаешь, что в этом частица и моего труда, то не можешь не чувствовать некоторого удовлетворения. Над своей военной специальностью я немало поработал. Думаю, что стал неплохим специалистом. Увлекаюсь даже. Но отсутствие лингвистики вокруг себя ощущаю временами очень болезненно. Все-таки нелегко оторваться от любимого дела, которому была отдана чуть ли не вся сознательная жизнь. Иной раз такая тоска по лингвистической книге, что удовлетворение находишь в перелистывании немецкой грамматики или орфографического словаря Ушакова. Страшно [нрзб.] меня письма Агнии Васильевны и моего приятеля русиста Калинина. Они мне писали о своей преподавательской работе. Жаль, таких писем за все время я получил всего два-три. Иногда о работе пишет мне и жена. Она работает в Буйнакске методистом. Пишет о школе, учителях. Недавно в нашу часть попала студентка МИФЛИ, теперь пулеметчица. После разговоров с ней я несколько дней не мог опомниться, так живо это напомнило мне мою старую работу над диссертацией. Мы оба не удержались, чтобы не создать здесь подобие института: начал читать ей курс лекций по общему языковедению. Без литературы и подготовки не особенно гладко. Но лекции все же идут.

Меня очень пугает то, что в моей памяти сейчас огромный изъян. Лакский язык, которому я уделял последнее время больше всего внимания, я почти забыл. Интересно, быстро ли я смогу вспомнить его, когда снова сяду за тексты. Очень испортилось у меня как-то настроение, когда я попытался про себя дать исторический обзор падежным теориям и увидел, что и здесь многое забыл. Мне кажется, что я с остервенением возьмусь снова за работу, когда эта возможность снова вернется. Есть положение, что студенты и аспиранты последнего курса подлежат демобилизации. Кажется, о докторантах были кроме того и специальные указания. Я считал до сих пор, что воспользоваться возможностью демобилизоваться я не имею морального права. Но искушение во мне так велико, что если события на фронтах пойдут быстро и успешно, то я осенью подам о себе рапорт. Не смогла бы Академия со своей стороны что-либо сделать в этом направлении. С каким бы увлечением принялся за свою диссертацию, которой так не повезло. Простите, Иван Иванович, что я так много о себе. Кончаю.

Что сейчас с ИЯМом? Десницкая писала, что Вы собираете старые кадры иямовцев и предполагаете восстановить ИЯМ. Может быть, он уже существует? Прошу Вас передать привет всем иямовцам и пожелание успешной работы. Буду рад, Иван Иванович, если получу от Вас хотя бы коротенький ответ с новостями о Вас, ИЯМе и жизни иямовцев вообще.

Всего хорошего! Крепко жму руку.

Е. Бокарёв.

От Мелитины Александровны Бородиной
(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 312)

1.

17 августа 1942
г. Елабуга

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Думаю, Вы будете немного удивлены получить письмо от Вашей слушательницы — романо-германистки Бородиной. В данное время я, как Вам уже известно, являюсь младшим научным сотрудником ИЯМ'а и вместе с ним отдыхаю в живописном уютном городке — Елабуге. Проработав всю зиму в библиотеке им. Горького[1], я весной поступила в ИЯМ, воспользовавшись новым набором. Работая под руководством Кричевского[2], я начала составлять библиографию по синтаксису исп. языка. В план моей работы входило продолжение разработки темы моей курсовой работы — «Семантика возвратного глагола» и подготовка к сдаче кандидатского минимума. Если первое невозможно продолжать в условиях Елабужской или Алма-Атинской жизни, то второе и третье вполне возможны, тем более что для работы над возвратным глаголом я взяла полное издание Раблэ, а т. к. в курсовой работе я рассматриваю возвратные глаголы французского языка сравнительно с русским языком (где он также мало разработан, как и во фр. языке), то в моем распоряжении могут быть все русские классики. Думаю, что этой работы мне на зиму хватит. Тревожит меня немного другой вопрос. Т. к. в Ленинграде я работала еще в Фельдшерско-акушерской школе (преподавала латинский язык и фармакологию), в ИЯМ'е я числилась на половинной ставке — 250 р. И так с этой ставкой и уехала. Сейчас, принимая во внимание мое положение, если хотите беженки, не имеющей поддержки из Ленинграда, — мой муж умер весной

[1] Библиотека Ленинградского университета.
[2] Высказывалось предположение, что имелся в виду испанист Эдгар Леонидович Кричевский (1921–1997), основатель факультета испанского языка Пятигорского государственного университета.

от дистрофии, я нахожусь в довольно затруднительном материальном положении. Найти дополнительную работу, особенно такую, кот. не мешала бы моим занятиям — невозможно, но жить на ставке 250 р. тоже невозможно, особенно после сумасшедших трат в дороге и голодной зимы в Ленинграде. Поэтому я и обращаюсь к Вам с просьбой перевести меня, если Вы сочтете это нужным и возможным, на полную ставку. На всякий случай прилагаю к этому официальное заявление. Перевод этот был бы желателен и в том случае, если Вы вызовете ИЯМ в Алма-Ата, поскольку предстоящий путь будет связан с большими трудностями.

Примите уверения в глубочайшем уважении от Вашей ученицы

М. Бородиной

2.

14 ноября 1942
Ташкент

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Зная, что Вы уехали в Свердловск, не спешила написать Вам. Теперь же, думаю, мое письмо дойдет как раз к Вашему приезду в Алма-Ата. К сожаленью, вынуждена обращаться к Вам письменно, т. к. наш поезд так неожиданно быстро проскакал Алма-Ата, что мне не удалось выйти, как я это предполагала, на несколько часов для переговоров с Вами. Из Елабуги я Вам писала о своем положении, но не уверена, получили ли Вы мое письмо — я не знала Вашего точного адреса. Поскольку в Ташкенте находится Владимир Федорович Шишмарёв, я, переговорив с С. П. Обнорским, решила ехать сразу же в Ташкент. Обнорский меня очень обнадежил в смысле возможности работы при Академии, если не младшим научным сотрудником, каковым я сейчас являюсь, то аспиранткой, и я, бросив все возможности работы в Воронежском Университете (эвакуированном в Елабугу), решила ехать. Сейчас мне мое положение не совсем ясно. Для меня лично самым приятным и плодотворным было бы остаться просто сотрудником. Работая по плану, я одновременно подготовляла бы кандидатский минимум. За зиму сдала бы минимум по основам марксизма-ленинизма, к

лету же попросила бы у Вас командировку в Алма-Ата, чтобы заняться под Вашим руководством общим языкознанием. Если почему-либо невозможно остаться сотрудником, хотя бы на половинной ставке, мне хотелось бы поступить в аспирантуру. Сергей Петрович говорил, что места есть. На всякий случай я прилагаю к этому письму заявление. Т. к. жизнь в Ташкенте очень трудная, а я одна, мне необходимо как можно скорее определить свое положение, и поэтому я с нетерпением жду Вашего решения и ответа.

Попала я в Академию почти что случайно — благодаря новому весеннему набору. Но на протяжении пяти университетских лет это было моим заветным желанием, мечтой, неожиданно, в силу разыгравшихся событий, осуществившейся быстрее, чем я это думала. Я согласна на многие трудности и лишения, чтобы остаться и работать в системе Академии, и со своей стороны приложу все усилия к тому, чтобы оправдать свое положение и остаться на должной высоте. Я прекрасно понимаю, что работать по романской лингвистике в Ташкенте трудно, но, просмотрев библиотеки, я убедилась в том, что кое-что все же можно сделать. Кроме того, я это время употреблю еще на изучение узбекского языка, — знать же язык другой системы я считаю совершенно необходимым и еще в большей степени интересным для каждого лингвиста.

С уважением

М. Бородина

3.

23 декабря 1942

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Получила вашу радостную телеграмму — держу экзамены. Сдала основы марксизма-ленинизма, завтра сдаю языки. Т. к. срок просрочен, тороплюсь сдать возможно быстрее, чтобы отослать бумаги в Свердловск.

Я Вам очень благодарна за внимание, оказанное мне, несмотря на то, что я, правда, не совсем по своей вине, но все же сделала ошибку, не заехав в Алма-Ата. Не знаю, как Вы предполагали аспирантуру, отрывную или безотрывную, не

знаю, как можно, но мне хотелось бы подать в отрывную и, если Вы не будете возражать, я так и сделаю.

Еще один вопрос, беспокоящий меня, — в Елабуге и Казани я получала зарплату, по-видимому, ее и продолжают выписывать на меня. Кроме того, я не все суточные получила. А, между тем, вот уже два месяца, как я в Ташкенте и в деньгах нуждаюсь. Как мне быть?

Шлю Вам сердечный привет и еще раз благодарю за телеграмму. Надеюсь, моя мечта быть аспиранткой — осуществится.

С уважением

М. Бородина

4.

10 мая 1943

Многоуважаемый Иван Иванович!

Недавно узнала об утверждении в аспирантуре и считаю необходимым сообщить Вам план моей работы, тем более что Вы в предыдущей открытке спрашиваете о моих связях с В. Ф. Шишмарёвым.

Но прежде всего разрешите от души поздравить Вас с получением столь высокой и заслуженной Вами награды как Сталинская премия. Я жалею, что не могла присоединиться ко всем ИЯМ'овцам в тот памятный вечер, когда Истрина делала доклад «Безличные конструкции в русском языке».

На днях я вышлю Вам официальный план моей работы, утвержденный Вл. Фед.[3] Задержка получилась из-за отсутствия программы по общему языкознанию. Сейчас же я хочу просто сообщить Вам о моей работе в неофициальном плане, что гораздо интересней. У нас в Ташкенте увлечение персидским языком. И мимо меня оно не прошло. Преподает нам наш бывший ленинградский студент — теперь аспирант ИВАН'а — Тагирджанов[4]. Кроме аспирантов (в основном литературоведов)

[3] В. Ф. Шишмарёв.

[4] Абдурахман Тагирович Тагирджанов (1907–1982), тюрколог, доктор филологических наук. В аспирантуру ИВ АН СССР поступил в 1943 г. В 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «"Хосров и

занимается также Жирмунский. Из языков я занимаюсь еще латынью — раз в неделю синтаксис — раз чтение авторов. Занимаюсь немного и английским. Работая над языками, я все время стараюсь извлечь для себя максимальную пользу в смысле уяснения разных теоретических вопросов. Особенно удобен в этом отношении персидский язык. С одной моей теорией о связи в персидском языке категории определ.-неопр. с категорией косвенных падежей (I, и частный случай изафета — обозначение род. падежа) наш преподаватель никак не желает соглашаться. Он, конечно, имеет все данные не соглашаться. Принимая во внимание его знания восточных языков, а также их историй, но меня он пока не сумел разубедить. По многим теоретическим вопросам беседую часто с проф. Миртовым[5] — это лучшие часы моих занятий в Ташкенте.

В июне на заседании лингвистической сессии Ташкентской группы отделения лит. и языка будет рецензироваться сборник Ученых Записок Московского Пед. Института. Примут участие Драгунов[6], Миртов и я. На мою долю выпал вопрос о «залогах в современном русском языке» — статья А. Б. Шапиро [7] — вопрос, всегда интересовавший меня больше всего. Принимая во внимание невероятную противоречивость, которую очень

Ширин" Хутба», 1969 г. — докторскую диссертацию на тему «Рудаки». Работал на Восточном факультете ЛГУ и в ЛО ИВАН СССР. Автор 54 опубликованных работ о таджикских и персидских рукописях.

[5] Алексей Василькович Миртов (1886–1966), методист и лингвист, профессор, доктор филологических наук, специалист в области истории русского языка, диалектологии, современного русского языка. В 1941–1945 гг. заведовал кафедрой русского языка Среднеазиатского университета.

[6] Александр Александрович Драгунов (1900–1955), ученый-китаист, специалист в различных областях китайского языкознания, ученик акад. В. М. Алексеева. Преподавал китайский язык в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева, Восточном институте им. А. С. Енукидзе, ЛГУ, с 1930 г. и до конца жизни был сотрудником Азиатского музея АН (ЛО ИВАН). Входил в состав Научного совета Всесоюзного центрального комитета нового алфавита при Совете Национальностей ЦИК СССР. Принимал участие в работе комиссии по латинизации китайской письменности.

[7] Абрам Борисович (Беркович) Шапиро (1890–1966), лингвист, лексикограф, профессор МГУ, автор работ по теории залога.

хорошо подает и уясняет (но отнюдь не разрешает) Шапиро, мне хотелось бы подойти к этому вопросу следующим образом:

1) Что такое грамматическая категория и средства ее выражения?

2) Является ли залог грамматической категорией и если является, то что и какими средствами он выражает?

3) Какие соответственно этому существуют залоги в современном русском языке.

Кроме всех этих занятий я слушаю у Владимира Федоровича курс «Введения в романскую филологию» и чтение старофранцузских текстов. И то и другое начала, к сожалению, очень недавно.

В Университете проводятся занятия для аспирантов по основам. Я принимаю в этих занятиях активное участие. Сделала в апреле доклад «Общественное бытие и общественное сознание» в произведениях Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Доклад вызвал ожесточенные прения, продолжавшиеся два занятия. Возможно, в июне мы сдадим историю философии и диамат, оставив на осень истмат и историю русской философии.

Иван Иванович! Простите, что я так долго задерживаю Ваше внимание, но кроме того, что мне просто захотелось написать Вам о своих занятиях, чтобы Вы не думали, что я бездельничаю, у меня угрызения совести, что я никак не могу собраться выслать Вам план работы.

Шлю сердечный привет

М. Бородина

Приписка.
Мне страшно хочется летом приехать в Алма-Ата.

От Дмитрия Владимировича Бубриха
(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 316)

1.

22 января 1943

Дорогой Иван Иванович!

Продолжаю работать над коми языком. Овладел я им лучше, чем каким-либо другим ранее мною изучавшимся языком. Прочел, можно сказать, всю коми литературу. Составил картотеку в 25 000 карточек. Написал ряд работ, в частности, весной «Фонетику коми языка» и, в 1-й редакции весной же, а во 2-й, очень расширенной, теперь, «Части речи в коми языке» (морфологию с заострением внимания на категориях). Созданием сравнительных грамматик удается заниматься сравнительно мало. Удалось развить проблему вокализма первого слога слова в пермских языках, которая в науке уже 50 лет считается неразрешимой. Работаю также по вопросу о языковых свидетельствах против «арийской чистоты» германцев. Одну статью[1] по этому вопросу послал Н. С. Державину[2]. Работу по этому вопросу продолжаю.

В последние месяцы я стал получать зарплату из ИЯМ, следовательно, я там числюсь. Буду Вам чрезвычайно благодарен, если Вы сообщите мне, как собственно я там числюсь и какие собственно работы от меня ожидаются.

В Сыктывкаре я засел как будто плотно. В минувший теплый сезон меня связывал огород: надо было собрать «жатву», а эту «жатву» можно было использовать только на месте; ехать куда-нибудь, значит оставить эту «жатву». В предстоящий теплый сезон огород опять свяжет меня. Нельзя будет не засадить огород, засадив, нельзя будет не собрать «жатвы», а

---

[1] Текст этой статьи находится в Архиве КНЦ УрО РАН // Попов В. А. Деятельность Д. В. Бубриха в Коми пединституте (к 125-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха) // Концепт. 2015. № 9 (сентябрь). URL: http://e-kon-cept.ru/2015/15309.htm

[2] Николай Севастьянович Державин (1877–1953), филолог-славист и историк, академик АН СССР.

собрав ее, нельзя будет от нее ехать. Без огорода здесь существовать нельзя. Если бы нашлось на свете место, где огород не очень связывал бы, я бы оставил Сыктывкар. Но, кажется, на это рассчитывать не приходится. Казань, кажется, меня устроила бы.

Сердечный привет!

Ваш Д. Бубрих.

2.

20 октября 1943

Дорогой Иван Иванович!

Как Вы уже знаете, я собрался было перебираться из Сыктывкара в Темников (Мордва). Но, с одной стороны, мордовские предложения оказались малосолиднее, чем это казалось, а с другой стороны, мое положение здесь улучшилось. Новая дирекция здешней <нрзб.> не считает мою командировку[3] 38–39 годов, и моральная обстановка моей работы здесь оказывается вполне нормальной. Улучшились и продовольственные обстоятельства, что весьма существенно, т. к. я и моя семья стали совсем сдавать. Совнарком освободил жену, которая совершенно сошла на нет, от картофельных работ, приравняв ее к иждивенцам. Обещают начать печатать мои работы по коми языку. Первый выпуск коми грамматик направляется в печать. Он посвящен фонетике. Другие выпуски будут посвящены морфологии в связи с синтаксисом.

Работа моя по иямовскому производственному плану идет вперед. Фонетика — та самая, что направляется в печать — окончательно оформлена; объем с предисловием 6–7 печ. листов. Остальное — в разных стадиях оформления. Собственно говоря, написано и остальное, но я это остальное сейчас снова расширяю. Коми явления я беру в пермской перспективе. Поэтому приходится вносить и удмуртские материалы. Кроме того коми явления я беру с некоторых новых статей. Считать такой коми литературу не приходится, и требуется, можно сказать, <использовать> всю коми оригинальную и первобытную литературу, весь доступный коми фольклор.

[3] В 1938 г. Бубрих был арестован, заключен в тюрьму и приговорен к расстрелу, но после смещения Н. И. Ежова с должности в начале 1940 г. освобожден.

Думаю, что в жизни этого [нрзб.] и сделаю все, что здесь можно сделать по коми языку, и успею еще порядочно поработать по удмуртскому языку (сейчас я читаю больше по-удмуртски, чем на коми языке). По линии отделения Научно-исследовательского института[4] я двигаю коми-русский словарь. Кажется, к новому году он будет готов.

Летом 1944 г. я ожидаю, несмотря на улучшение положения, постараться выбраться. Здесь исключительно мало книг. К тому же в конце концов работы только над пермскими языками, которые мало кому интересны. Три года работы над этими языками будет совершенно достаточно.

Часто, очень часто вспоминаю ИЯМ, где всегда так сильно бьется творческая мысль. Совершенно не знаю, над какими проблемами ИЯМ сейчас работает, что в ИЯМ'е сделано нового, что нового сделали Вы. Очень неполны мои сведения о судьбах работников ИЯМ. Ничего не знаю о Софье Львовне[5]. Никаких сведений у меня нет о Мише Чхаидзе. Ничего не слышал об Аркадии Ивановиче Емельянове[6]. О Якубинской и Латикайнен до меня доходили сведения, что они работали в Ленинграде; не знаю, верно ли это.

Шлю Вам сердечный привет! Ваш Дм. Бубрих.

---

[4] С весны 1942 г, Д. В. Бубрих исполнял обязанности ученого секретаря в Коми НИИ и осуществлял научное руководство всеми исследовательскими работами.

[5] С. Л. Быховская.

[6] Аркадий Иванович Емельянов (1879–1942), этнограф, лингвист, финно-угровед, тюрколог. С 1917 г. преподавал марийский и финский яз., этнографию финно-угор. народностей и введение в финно-угроведение в Казанском Северо-Восточном археологическом и этнографическом ин-те, читал лекции по этнографии в Казанском высшем инте народного образования. Состоял членом Востоковедческой комиссии Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В 1921/22 гг. — профессор по финно-угорским языкам в Саратовском ун-те, в 1922/23 гг. — в Самарском, в 1923–25гг. — Пермском ун-те, где вел различные курсы по языкам и этнографии финно-угорских народов, а также русской этнологии. В 1925–1931 гг. преподавал на кафедре финнологии ЛГУ и Ленинградского Историко-лингвистического ин-та. Занимался также изучением языков малых народов Севера. В 1931–1938 гг. (с перерывом) сотрудник ГПБ. Составитель грамматики удмуртского (вотяцкого) языка, один из основателей мансийской письменности. Умер во время эвакуации.

3.

8 ноября 1943

Дорогой Иван Иванович!

Я писал Вам в Москву, но т. к. мне неизвестно, где Вы находитесь в настоящее время, то пишу на всякий случай и в Алма-Ату.

Мои работы по коми языку заканчиваются. Оформление последних выпусков происходило уже прежде, так что все прежнее собрание и все детали продуманы. Оканчиваются в 1943 г. проводившиеся под моим руководством работы по коми-русскому словарю. Сейчас я перехожу на работу по удмуртскому языку. Удмуртский обком ВКП(б) и удмуртский Наркомпрос предложили мне написать научную грамматику удмуртского языка. Это дело я сделаю к концу 1945 г. Кое-что мною уже подготовлено. С удмуртской лексикой и основами удмуртской грамматики я уже знаком, насколько можно быть знакомым на основании существующей литературы и исследовательской разработки некоторых отдельных вопросов. Сейчас я изучаю удмуртскую литературу. Начинаю задумываться и о марийских языках. Временами возвращаюсь к карело-финским темам (я сейчас заведую на кафедре финно-угорских языков в пребывающем здесь Карело-Финском Госуниверситете), равно как и мордовским. Я, кажется, забыл сообщить Вам, что в лето 1940 г., спасаясь в [дачной] местности, а затем под грохот орудий я проделал там большую дополнительную работу по мордовским языкам, использовав большую мордовскую литературу, и большим фонетическим материалом (в моем личном распоряжении есть отличный неопубликованный материал по мордовскому фольклору — объемом свыше 100 печ. листов).

Отчет о работе 1943 (по конец октября я уже послал в Алма-Ату Абабкову).

Сердечный привет!

Ваш Д. Бубрих.

4.

18 декабря 1943

Дорогой Иван Иванович! [7]

Поздравляю Вас с заслуженной высокой правительственной наградой!

Здесь оказались люди из Алма-Аты. От них я знаю, что Вы в Алма-Ате успешно занялись и овладели казахским языком. Теперь Вы и турколог. Таким образом, подтверждается, что нет худа без добра.

Я почти ощущаю на себе правильность этой пословицы. Из крупных угрофинских языков я пока не занимался по-настоящему только марийским. Думаю начать заниматься и им. Жду литературу из Марийской АССР. По коми языку мне уже мало что осталось делать. Только что закончено, под моим руководством и при моем участии, составление коми-русского словаря. Моя коми грамматика все растет. Придется заняться ее сокращением листов до 40. Совершенно оформлена фонетика, остальное пока борется между дополнениями и необходимостью сокращений. Фонетика это как раз то, что составляет мои обязательства перед ИЯМ. Эту фонетику хотят печатать здесь, но пока дело невероятно задерживается в стадии переписки на машинке. Коми диалектами я занимаюсь маловато. Да они и не возбуждают во мне того острого интереса, какой возбуждают во мне карельские или мордовские диалекты: между коми диалектами различия очень невелики, и в этих различиях нет ничего особенно интересного с исторической точки зрения.

Не знаю, где Вы сейчас, в Алма-Ате или в Москве. Поэтому пишу письмо в двух экземплярах и направляю его по двум адресам.

Привет!

Ваш Д. Бубрих
Сыктывкар, Советская, 37.

Поздравляю Вас с Новым Годом!

У меня нет никаких сведений об Аркадии Ивановиче Емельянове и Мише Чхаидзе.

Д. Б.

[7] Второй экземпляр был направлен И. И. Мещанинову 20 декабря 1943 г.

5.

14 марта 1944

Дорогой Иван Иванович!

Живу сейчас надеждой в скором времени вернуться в Ленинград. Здесь я в сущности сделал уже все, что мог сделать. Направляется в печать составленный под моим руководством и при моем участии коми-русский словарь, который пришлось сильно сжать в объемном отношении. При словаре выходит моя «Краткая научная грамматика коми слова», где я разъясняю, какие грамматические категории свойственны коми языку в действительности, а не в индоевропеизированном восприятии (особенных архаизмов в коми грамматической структуре нет, но все очень не индоевропейски). Отдельно, в составе сборника Коми Н. И. Института должен выйти первый выпуск моей большой «Научной грамматики коми слова», содержащий фонетику. Остальные выпуски вчерне готовы и во всяком случае не требуют моего сидения в Сыктывкаре.

Скорейшее возвращение в Ленинград для меня сейчас считаю тем более острым вопросом, что в Сыктывкаре нет базара и снабжение научных работников не совсем полное, своя же картошка вот уже месяц как вышла. Остаться[8] в Сыктывкаре еще на год значит не вернуться в Ленинград. Новый директор Коми Пединститута меня жестоко надул — надул в отношении питания, как и в отношении издания моих работ («забыл» заявить в издательство издательский план, так что первый выпуск «Научной грамматики коми слова» приходится пустить по линии Коми Н. И. Института, где и рассчитываю пустить второй выпуск).

В связи с острыми трудностями моей работы в Сыктывкаре очень прошу Вас, Иван Иванович, в момент, когда произойдет возвращение ИЯМ'а в Ленинград направить [9] мне самые жесткие требования вернуться к работе в ИЯМ'е, оформиться так, чтобы меня не могли задержать здесь, и согласованием с ВКВШ[10].

[8] Зачеркнуто: было жить.
[9] Зачеркнуто: устроить.
[10] Всесоюзный комитет по делам высшей школы.

Произойдет ли возвращение ИЯМ'а в Ленинград к июню? Это очень важный вопрос, т. к. он связан с вопросом о посадке картофеля.

Если бы оказалось, что к июню возвращение ИЯМ'а в Ленинград не произойдет, мне трудно было бы к этому времени выбраться из Сыктывкара в какое-нибудь другое место.

За годы пребывания в Сыктывкаре я, кроме коми языка, занимался и общими вопросами. Много читал по психологии [нрзб.], по истории [нрзб.] культуры. Постарался [нрзб.] в Ваши работы.

Мне кажется, я нашел, с какого конца надо подходить к вопросу о возникновении и общих линиях развития речи и мышления. Суть вопроса в конце концов в том, в чем же собственно дело, и к этой сути мне, кажется, удалось подойти. Вопрос разрешился без гипотез. Я оформил на эту тему работу страниц в 40. Очень трудно здесь переписывать на машинке. Я уже добился переписки работ на машинке и даже послал один экземпляр в Ленинградский университет в связи с его юбилеем. Но уже в момент посылки этого экземпляра я обнаружил некоторые недоработанности в статье и воздержался от отправки другого экземпляра, уже упакованного, Вам. Пошлю Вам первый экземпляр второго исправленного[11] «издания». Я кое в чем не согласен с Н. Я.[12] В статье мне приходится коснуться этого, но я стремлюсь сделать это с максимальной осторожностью и на фоне моей идеологической зависимости от Н. Я. Это самое трудное в статье. Другая трудность — первая глава «Существо речи и мышления»; из трудностей я выхожу путем изложения мыслей Ф. Энгельса по предмету главы. С Вами у меня нет и тени несогласий.

Сердечный привет!

Ваш Д. Бубрих

[11] Зачеркнуто: неизданного старого.
[12] акад. Н. Я. Марр.

Приписка на полях: В. И. Алатырев[13] (удмуртист), работающий сейчас в Удмуртском Пединституте, просит меня запросить Вас относительно возможности устроения его в докторантуру при ИЯМ. Алатырева Вы, возможно, знаете: не совсем [зрелый], но весьма работящий нац. работник не без способностей. Разумеется, [нрзб.], как Вы считаете про докторантуру для Алатырева?

6.

28 марта 1944

Дорогой Иван Иванович!

Одновременно с настоящим письмом посылаю Вам свою статью «Происхождение речи и мышления».

По внешнему виду посылаемого Вам экземпляра Вы можете судить, как трудно здесь размножить статьи в более или менее значительном числе экземпляров. В связи с этим у меня к Вам громадная просьба: распорядиться размножить мою статью и поручить переслать один экземпляр в Алма-Ату и один экземпляр в Саратов (ЛГУ), а также передать один экземпляр Л. В. Щерба и один экземпляр С. П. Обнорскому.

С нетерпением жду Вашего письма с отзывом на мою статью.

Мечтаю о скором возвращении в Ленинград Института Языка и Мышления и Ленинградского университета. Я возвращусь, конечно, с семьей (жена, дочь-студентка, сын). Вероятно, лучше будет 1) согласование моего переезда в Ленинград с центральными институтами и 2) соответствующий вызов для меня с семьей*.

На следующий год здесь я уже никак не могу остаться, ибо здесь ряд местных трудностей. Обещания, которые мне здесь были даны осенью, в Пединституте, не исполнены. В сущности говоря, если бы нужно было выехать отсюда не позднее второй половины мая, [нрзб.], что до этого времени [нрзб.] Приходится, между прочим, ждать, что здесь будут созданы все препятствия для выезда.

Сердечный привет! Ваш Д. Бубрих

[13] Василий Иванович Алатырев (1908–1984), лингвист, специалист по удмуртскому и финно-угорским языкам. В 1937 г. защитил канд. диссертацию под руководством Д. В. Бубриха на тему: «Сложносочинённые слова в удмуртском языке», несколько лет работал в ИЯМ.

*На всякий случай сведения о семье:
1) жена Мария Федоровна, род. 1893;
2) дочь Вера Дмитриевна, род. 1924 (студентка II курса филологического факультета Карело-Финского гос. Университета);
3) сын Владимир Дмитриевич, род. 1933.

7.

14 мая 1944

Дорогой Иван Иванович!

По совету П. К. Абабкова шлю Вам экземпляр своей части списка по реэвакуации. Посланный в Алма-Ату экземпляр может прогулять совершенно неограниченное время.

Реэвакуация для меня — вопрос острейший!!![14]

Моя научная работа идет своим чередом.

Тороплюсь на почту и поэтому откладываю остальное до следующего письма.

Привет!

Ваш Д. Бубрих

[14] В 1944 г, Д. В. Бубрих переезжает из Сыктывкара в Петрозаводск, где заведует кафедрой фино-угорской филологии в Петрозаводском университете. (Г. М. Керт. Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949). Очерк жизни и деятельности. Л.: Наука, 1975. С. 27.

От Олега Людвиговича Вильчевского

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 324)

1.

1 апреля [*1943*]

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Пользуюсь случаем выразить Вам свою глубокую радость и гордость в связи с получением Вами достойной награды — Сталинской премии. Помимо того, что я не могу скрыть свою радость в отношении Вас [нрзб.] во мне говорит чувство и старого иямовца, с именем ИЯМа ведь Ваше имя связано неразрывно, и наконец, радость одного из учеников Николая Яковлевича[1].

Далек я сейчас от ИЯМ и, тем не менее, не могу себя мыслить вне его, и хочется просить Вас передать коллективу иямовцев мою радость и [нрзб.] гордость их своим руководителем.

Очень хотелось бы знать о работах как Ваших, так и всего нашего коллектива, героически перенесшего тяжесть войны и сумевшего сохранить традиции русского и советского языкознания.

Что касается до меня — то вот уже почти два года как я сменил перо на другие виды оружия [нрзб.]. Сейчас вернувшись из-под Новороссийска и Краснодара, при взятии которого мне пришлось [присутствовать], снова засел за штабную работу — не знаю, надолго ли.

Итак, привет Вам, дорогой Иван Иванович, и всем иямовцам, в частности Сергею Ефимовичу, Евгении Самсоновне, Николаю Владимировичу Юшманову, Василию Ильичу[2] и всем…

Ваш Вильческий

Адрес: полевая почта № 33175-р[3]

---

[1] Акад. Н. Я. Марр.

[2] С. Е. Малов, Е. С. Истрина, В. И. Чернышёв.

[3] Адрес Политуправления Закавказского фронта.

2.

13 июня [*1943*]

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Получил Ваше очень тронувшее меня письмо как раз тогда, когда только что расстались с Василием Ивановичем [4], с которым встретились случайно, долго вспоминали о Вас и о нашем иямовском коллективе. По совести говоря, я [немного могу сообщить Вам], нашему коллективу, так как вот уже два года как я не лингвист. Хоть использовать [нрзб.] к языкам имеет мое применение в военной работе. Мои лингвистические навыки мне очень пригодились, больше приходится иметь дело с языком и мышлением [неприятеля] (с последним в большей степени).

Последнее время прошло почти сплошь в интересных, но утомительных [поездках], в работе, где [нрзб.] идут бои и отражаются атаки и контратаки противника. Где-то недалеко от меня находится и другой иямовец — Цукерман. Иногда получаю от него [пахнущие огнем] боя письма.

Итак, еще раз примите мое самое и искреннее поздравление, ибо, если как Вы пишите, работа велась всеми нами правильно, то и в этом случае, если понимать награду расширительно, все же Вы направляете и возглавляете эту работу.

Ваш В.

[4] В. И. Абаев.

От Ивана Кирилловича Зборовского

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 365)

1.

[*авг. 1942 Елабуга*]

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

По приказу Президиума Академии наук (вице-президента Орбели[1]) все Институты Академии наук, в том числе и ИЯМ в составе 4 старших научных сотрудников (Гитлиц М. М., Зборовский И. К., Убрятова Е. И., Иванова И. П. кандидат филологических наук — специальность английский язык, принята Э. А. Якубинской), 2-х и. о. научных сотрудников (Советов С. С., Павленко Л. В.), 2-х младших научных сотрудников (Шипова Е. Н., Бородина М. А. по романо-германскому кабинету, зачислена Э. А. Якубинской) и технический секретарь Цвибак А. (принята в Институт взамен Большаковой Е. К. (Большакова за 2 дня эвакуировалась из Ленинграда, из Института получила увольнение в связи с устройством на работу в одном из железнодорожных учреждений) с 12 июля эвакуированы из Ленинграда в г. Казань в распоряжение Президиума. В пути до Казани мы пробыли 12 дней. Питание и обслуживание в дороге эшелона Академии было организовано вполне удовлетворительно: получали горячую пищу, хлеб, сухой паек и т. п. Всего по Институту было эвакуировано вместе с членами семьи 24 человека. Прибыли благополучно без заболеваний в Казань 24 человека. В Ленинграде остались на охране имущества: 1) Якубинская Э. А. (ст. научный сотрудник, уполномоченный по охране; настаивала на оставлении ее в составе охраны временно до улучшения состояния здоровья мужа; 2) Тамань В. М. (вновь принятая Якубинской Э. А., мл. научный сотрудник русист; настаивала на оставлении ее в охране временно до улучшения состояния здоровья матери; кроме этого, по другой работе ее не отпускал

[1] Леон Абгарович Орбели (1882–1958), физиолог, академик (1935), вице-президент АН СССР (1942–1946).

райком; 3) Геккер С. Ф., мл. научный сотрудник по древнерусскому словарю и два техслужащих. Всего 5 человек.

27 июля нас встретили представители Президиума. Днем 24 июля состоялось специальное совещание и. о. директоров и уполномоченных директоров под председательством академика Орбели. На совещании вице-президент академик Орбели заявил, что Президиум предполагал все эвакуированные учреждения Академии наук сосредоточить в Казани и Татарской АССР, согласно с решением вышестоящих органов. Однако многие академики-директоры просят о разрешении им организации работы институтов в других городах в пределах других республик. Для этого требуется специальное разрешение, которое, быть может, и будет получено через недели две-три по приезде (Орбели) из Москвы (предполагал он выехать во вторник 28). В этой связи, сообщил академик Орбели, мы решили все эвакуированные учреждения задержать в Казани и Татарской АССР, дать усиленное питание сотрудникам, а затем (через 1–1½ месяца) решить окончательно о месте и организации работы институтов. По определению Президиума в связи с невозможностью получить помещение в Казани, институты, представляющие гуманитарные науки, и Зоологический институт, направляются в г. Елабуга Татарской АССР. Это решение и было принято 25 июля, и нас в специальном пароходе 26 июля отправили.

Несколько слов о г. Елабуга: расположен в 3-х км от реки Камы; районный центр; в городе имеется Учительский институт, пед. училище и другие учебные заведения; намечается организация Пед. института. Елабужские организации нас приняли приветливо-хорошо. Нашему институту временно предоставили 3 большие комнаты в здании Пед. института — пед. училища общим метражом до 200 квадратных метров. В дальнейшем намечено переселение научных сотрудников с семьями в отдельные комнаты квартир и домов граждан города. В Елабугу, кроме академических учреждений, переехали в прошлом году отдельные факультеты (точных наук) Ленинградского университета. Других эвакуированных учреждений и граждан пока мало. В смысле жизни, цен на продукты питания — город почти всех академических работников удовлетворяет. Кроме обычных столовых без выреза талонов, на рынке все можно купить не по очень дорогой цене. Продуктов питания много:

картофель по 3–4 руб. за кг, яйца по 50–60 руб. за десяток, рыба 45–50 руб. кг, масло — 80–100 руб. 400 г, молоко 10–12 руб. литр и т. д. Много смородины, малины, огурцов и другой зелени. Хлеб ст. научный сотрудник получает 700 г + хлеб в столовой к обеду и ужину. Такой паек дает возможность быстро в 1–1½ месяца восстановить силы и здоровье.

С собой почти все научные сотрудники по своей теме привезли рукописи и необходимые материалы для научной работы. К сожалению, книг и бумаги, карточек почти не удалось захватить. 5–3 ящика обещали послать через день-два по нашим следам в адрес Президиума. Уверенности в пересылке пока нет. В краткой беседе с академиком Обнорским С. П., заинтересованным не в меньшей мере в пересылке некоторых рукописей и книг, было выяснено, что в Ленинград из Казани Президиум направляет по ИЯМу за книгами и рукописями 2-х человек. Кто поедет, пока неясно. Перед отъездом из Ленинграда все главнейшие рукописи и дела Института научными сотрудниками перенесены и сданы на хранение в Архив. Опись переданного должна переслать Вам Э. А. Якубинская. В связи с тем, что Якубинская Э. А. не смогла поехать с нами, научные сотрудники Института и лично она просили меня принять на себя заботу об отправлении-эвакуации Института и научных сотрудников, представлять, как уполномоченный, Институт в Президиуме, проявить заботу об устройстве научных сотрудников в пути, по связи и выполнению Ваших и Президиума Академии распоряжений. По мере моих сил и умению это поручение я выполняю.

Несколько слов о финансовых делах Института: все расчеты, штатное расписание, отчеты, как должно быть Вам известно, по Институту производил после отъезда Звейнека, бухгалтер Института истории материальной культуры Алферов. Он же вел дела и Института Востоковедения. К несчастью, в пути он с опасностью для жизни получил ушибы при разгрузке спецкатеров на Ладожском озере и оставлен в больнице. Его личные вещи и финансовые дела в пакетах захватила администрация Института истории материальной культуры. Сейчас по договоренности с академиком Обнорским, я веду переговоры с и. о.

директора ИИМК — Бибиковым[2] о вскрытии пакетов по акту и о выделении финансовых дел нашего Института и передачи их пока нашему секретарю Цвибак, с одной стороны, и, с другой — в основном в ведение бухгалтерии Президиума Академии наук. Печать Института почему-то осталась у Якубинской Э. А., хотя научным сотрудникам она несколько раз подчеркивала, что передаст в Президиум. Институт законсервирован. Об этом всем объявили. Здесь в Елабуге сегодня было первое совещание прибывших научных сотрудников. Выяснили, что каждый будет работать над выполнением своего производственного плана по мере возможностей. Библиотека в Елабуге — (Учительский институт) сможет только в малой мере удовлетворить русистов. Есть возможности пересылать книги из Казани. От имени всех научных сотрудников прошу Вас, как можно скорее определить жизненное местопребывание, организацию работы и руководство научно-исследовательской работой Института. Коллектив просит сообщить о Вашей жизни и работе в Алма-Ате. Интересуются и ждут писем от товарищей, живущих и работающих вместе с Вами в Алма-Ате. Ждем Вашего ответа в Елабуге и в Президиуме Академии наук. Ждем Вашего распоряжения о работе и руководство работой здесь в Елабуге.

P.S. Сегодня вскрыли по акту пакеты бухгалтера Алферова В. В. Никаких финансовых дел в пакетах не оказалось. Многие научные сотрудники не имеют денег: зарплату получили по 15 июля и в пути израсходовали все деньги и сейчас очень озабочены тем, как и кто перешлет зарплату. По предположениям и. о. директора ИИМК Бибикова пакет с финансовыми делами оставлен в больнице на одном из пунктов после Ладожского озера или в Ленинграде, с делами Института. Чтобы выйти как-либо из этого положения по договоренности с С. П. Обнорским, секретарь Института Цвибак А. Л. составила ведомости с указанием лиц и получаемой зарплатой только для эвакуированных в Елабугу и оставшихся в Ленинграде. Вчера вечером по ИРЛИ получено печальное сообщение о смерти

[2] Сергей Николаевич Бибиков (1908–1988), археолог, ученик Г. А. Бонч-Осмоловского. По окончании ЛГУ в 1931 поступил на службу в ГАИМК, где проработал на разных должностях до 1955 г. В 1955–1968 гг. — директор Института археологии АН УССР, ответственный редактор сборника «Археология» в 1957–1970 гг.

Толстой С. В. Скончалась она в больнице г. Казани от гемоколита. Из Института она попросила увольнение перед отъездом в Казань. Вчера вечером состоялось совещание и. о. директоров и уполномоченных директоров. Вынесли решение: просить Президиум утвердить по примеру жизни в Ленинграде межакадемический орган — Совет и. о. директоров и уполномоченных по административно-хозяйственной жизни в Елабуге и ученый совет — по организации научно-исследовательской работы.

Еще раз: Ждем Ваших распоряжений о местопребывании и научной работе Института, жизни тут или выезде, о финансовых делах и т. д.

С приветом уполномоченный И. К. Зборовский, М. М. Гитлиц, Сергей Советов, Е. Шипова, Е. Убрятова, М. Бородина, Л. Павленко.

Письма Евгении Самсоновны Истриной[1]

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 377)

1.

23 марта 1943,
Алма-Ата

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

По всей стране торжественно звучало сегодня Ваше имя. И весть о присуждении Вам высшей сталинской премии радостно слушали и повторяли тысячи и тысячи людей, кто работает и работал с Вами, кто у Вас учился, кто знает Ваши учёные труды, кто встречался с Вами на научном и жизненном пути.

И среди этих тысячей так ясно выделяются — радостными и гордыми улыбками — десятки «иямовцев», разбросанных волею судьбы сейчас по всем краям и далям…

Я приветствую в этой торжественной вести прежде всего — признание и закрепление за Вами того крупнейшего научно-общественного положения, которое несомненно Вы занимаете — положение первого представителя Всесоюзной научно-лингвистической мысли, глубоко идейной, живой, неустанно ищущей, вбирающей в себя и претворяющей в широкую научную теорию все языковые богатства нашей многоязычной страны. Центр этой мысли — ИЯМ, и Вы — ее признанный первый представитель и глава.

И я вижу, как радостно гордые улыбки иямовцев сменяются строгими чертами сознания своего высокого долга перед руководимым Вами Институтом, на который ведь тоже падает луч славы от сегодняшней вести.

Пусть же новое почетное звание послужит для Вас источником силы и бодрости в переживаемое нами тяжёлое и тревожное время, в трудных условиях житейской обездоленности, — как для меня общение с Вами все это время служило лучшим источником живых научных интересов и душевной радости.

Е. Истрина.

---

[1] Евгения Самсоновна Истрина (1883–1957), лингвист, чл.-корр. АН СССР.

2.

10 октября 1943,
Алма-Ата

Дорогой Иван Иванович!

Пользуюсь оказией — полетом в Москву А. А. Гухмана[2], чтобы поскорее переслать полученные на Ваше имя письма. В КазГУ получила вчера для Вас ещё 520 р. за 2-ю половину августа, но пока не посылаю их; найду случай послать с сентябрьскими.

Третьего дня я отправила Вам заказное письмо, ответ на телеграмму. Оно придет еще нескоро, но тогда я не знала об отъезде А. А. Не буду повторять его содержание.

Ждем Сергея Ефимовича[3] и, м. б., Виктора Максимовича[4]. Василий Ильич[5], по нашим сведениям, направляется еще в подмосковный дом отдыха.

Вчера в Каз. Правде[6] был напечатан список академиков и чл.-корреспондентов. Алма-Ата очень довольна. КазФАН и КазГУ ревниво учитывают свои достижения, припоминая и Вашу Сталинскую премию.

Сейчас лунные вечера. Как хорошо, если бы Вы пришли обедать… У меня к тому же весь стол в чудесных цветах.

Жду обещанного Вами «игривого описания» Вашего путешествия.

Привет от всех иямовцев и от всего пятничного состава. Очень хочется знать, как Вы живете в Москве, хорошо ли?

Всего-всего доброго, жму Вашу руку.

Е. Истрина.

---

[2] Александр Адольфович Гухман (1897–1991), физик, доктор физико-математических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Автор работ в области термодинамики. Двоюродный брат лингвиста-германиста Мирры Моисеевны Гухман, бывшей аспиранткой в ИЯМ в 1934–1936 гг.

[3] С. Е. Малов.

[4] В. М. Жирмунский.

[5] В. И. Чернышёв.

[6] Газета «Казахстанская Правда» (несколько раз меняла название), главная официальная газета республики, начиная с 1920 г.

3.

25 ноября 1943 г.
[*Алма-Ата*]

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович!

Горячо приветствуем Вас ко дню Вашего шестидесятилетия — знаменательной, по установленному обычаю, даты человеческой жизни и человеческой деятельности.

Эта дата становится знаменательной именно тогда, когда жизнь и деятельность сливаются воедино, как слились воедино Ваша жизнь и ваша большая научно-общественная работа в области археологии и лингвистики. Именно тогда эта дата — не только праздник прожитых плодотворно годов, не только мера для оценки научных достижений и общественных заслуг в прошлом, — она знаменует собою большую научную высоту, богатую сокровищницу знаний и опыта, всю силу человеческой личности, которым еще предстоит дать свои плоды, претвориться в новые достижения и заслуги.

Приветствуя Вас, глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович, как долголетнего директора всем нам родного Института языка и мышления, мы, Алма-Атинская группа Института, с особенно горячими чувствами приветствуем Вас как руководителя, закрепившего научное значение Института в трудных условиях военного времени и далекой эвакуации.

Поздравляя Вас с праздником Вашей жизни, мы выражаем свое глубокое уважение перед Вашими научными и общественными заслугами, получившими в этот год двоякое почетное признание, и от всей души желаем Вам здоровья и долгих еще лет творческой работы, новых высоких достижений и высоких заслуг перед наукой и перед культурным развитием нашей Страны.

Искренне преданные.

4.

28 декабря 1943
[Алма-Ата]

Алма-Ата, засыпанная снегом и залитая солнцем — точно сказочное царство с серебристо-дымчатыми очертаниями гор.

Дорогой Иван Иванович!

Только что заходил ко мне в 29-ю комнату Николай Павлович Галичий[7]: сегодня неожиданно представляется «оказия» в Москву, которая побуждает меня написать Вам. Очень трудно сейчас писать из Алма-Аты: нет света дома, нередки перебои в КазФАН, и дорожишь каждой минутой возможности работать. Вечная коптилка (хотя и коптилка — «молния», усовершенствованная) действует удручающе, и при ней никак не пишется письмо…

С предыдущей оказией я просила Вас, елико возможно, посодействовать Ник. Павловичу в его предприятии. Подательница этого письма н. сотр. АН Елена Георгиевна Соколова — большой друг Ник. Павловича. Она будет стараться продвинуть задуманное Н. П. дело поступления в дипломатическую школу. Поэтому будьте добры сообщить ей, если Вам пришлось беседовать с А. Е. Корнейчуком[8] или что-либо другое по этому поводу. Очень бы хотелось посодействовать Ник. Павловичу в этом. Мне кажется, что для деятельности писателя у него чего-то не хватает, хотя и есть хорошие данные образного мышления. Может быть, не хватает широты образования и кругозора, а стремления у него широкие и свойства души прекрасные. Он сейчас как будто на перепутье, и мне кажется, что положительное решение вопроса о дипломатической школе твердо поставит его на ноги. Работать он умеет хорошо и настойчиво. Я позволяю себе обращаться к Вам по этому

[7] Николай Павлович Галичий (псевдоним Жуковский Николай), дипломатический работник, писатель-мемуарист, автор книг о советских дипломатах.

[8] Александр Евдокимович Корнейчук (1905–1972), писатель, драматург, журналист, общественный и политический деятель, академик АН СССР(1943). С мая 1943 г. по февраль 1944 г. — зам. наркома иностранных дел СССР, с февраля 1944 г. до июля 1945 г. нарком иностранных дел Украинской ССР.

поводу, потому что помню — Вы рассказывали мне о своем знакомстве с Корнейчуком, и думаю, что маленькая рекомендация Николая Павловича перед ним не стеснит Вас, — если я не ошибаюсь в своих предположениях.

Перехожу к другому. Отчет по ИЯМ. Пятницы проходят без перерывов. Признаться, мы сами себе удивляемся: нас так мало, и среди <нрзб> немногих в последние месяцы всегда несколько больны, — и все-таки справляемся. 24 декабря — очередная пятница была посвящена памяти Н. Як.[9], о чем мы довели уже до Вашего сведения телеграммой. Повестка: 1. Вступит. слово — мое (по настоянию Сергея Ефимовича[10]); 2. Стадиальная фонетика — Н. В. Юшманов; 3. Некоторые якутские лексические материалы в свете учения о функциональной семантике — Ел. Ив. Убрятова. Заседание прошло как очередное в 29-й комнате.

Четвергов — нет. В Университете тоска смертная, точнее — на «кафедре». Формализм или «футляризм» зав. кафедрой дошел до небывалых пределов. <Нрзб> ходит только на лекции. И только Любовь Петровна Григорьева[11] по-прежнему и даже м. б. больше прежнего живет ИЯМ-ом, продолжает работать, активно участвует в пятницах.

Из-за тьмы кромешной и поредения наших рядов, работавших над модальными словами, эта работа приостановилась. Но скучно, потому что пятницы не проникнуты все же единой живой идеей. И мы надумали организовать в нашем русском отделе ИЯМ семинар по историческому и диалектному синтаксису с основной тематикой — модально-вводных слов и безличных предложений. Григорьева с нами, но группа очень небольшая (по крайней мере — пока). Это и будет как раз по четвергам. Начинаем работать после 15 января, когда солнце пойдет на лето. Исторические и диалектные материалы должны дать что-нибудь интересное. Хорошо это, правда?

Немножко возвращаясь к пятницам, сообщаю Вам с радостью, что Зборовский прочел доклад о безличных предложениях на -но и -то в русском и украинском языках — очень неплохой. Вообще он сейчас работает совсем неплохо, много и усидчиво.

---

[9] акад. Н. Я. Марр.
[10] С. Е. Малов.
[11] Данных нет.

Казахским языком занимаемся только мы с Ел. Ив. Убрятовой. Перешли на консультации и на чтение литературных образцов — переводов с русского, т. е. препарированные Магазинде, Доктордын, Кабинетінде и т. п. стали много ниже наших сил. Занимаемся немного, но все же более или менее систематически (свет!). Я немало поработала над русско-тюркскими словарями, читая доклад. Сергей Ефимович официально стал причислять меня к тюркологам !!... Даю консультации по переводу Ауэзовского Абая[12] на русский язык, каждую среду, встречаясь с Ауэзовым в Университете, веду беседы по русско-казахским лексическим отношениям, переписываюсь с Поцелуевским… Только, пожалуйста, не говорите об этом Сергею Петровичу[13]: боюсь.

Был опасно болен С. С. Советов; видимо, на почве стрептококковой ангины у него оказались сильные нарывы в полости живота, охватившие несколько внутренних органов; делали операцию; идет сильное выделение гноя; но положение сейчас нормально и понемногу улучшается. Бедняга, сколько он перехворал в этом году!

Недавно мы получили письмо от Вильчевского: одно очень милое — «всем сотрудникам», и несколько индивидуальных открыток. Видимо, тоска по родине овладевает всеми и хочется общения. И мы разослали вчера три коллективные новогодние телеграммы: Вам в Москву, в Ленинград, в Ташкент.

Кажется, все по ИЯМ — имущественный и финансовый отчет Вам лично — на особом листке (храните его в несгораемом шкафу).

Теперь о том, с чего я, конечно, начала бы, если бы не объяснения по поводу доставки письма с оказией.

Этот год для Вас — год неисчерпаемых наград, приветственных торжеств и адресов! Что могу я к этому прибавить? Только одно пожелание: да послужит всё это крепкой основой

[12] Роман-эпопея в 4-х томах «Путь Абая» — главное произведение в творчестве М. О. Ауэзова. Первый перевод на русский язык под наблюдением автора был сделан уже в 1945 г. Тетралогия неоднократно переиздавалась, была переведена более чем на двадцать языков.

[13] акад. С. П. Обнорский.

полного благополучия и большого жизненного удовлетворения на долгие будущие годы.

Надеемся, что Вы получили наш Алма-атинский адрес (посланный с оказией), а не только отправленную вслед за ним на всякий случай телеграмму. Из Ваших писем неясно. По всему видно, что Вы живете в Москве совсем хорошо, и «это очень хорошо». Призовите при встрече к ответу Н. Н. Баранского[14], приславшего сюда просто зловещее письмо о московской жизни вообще и о Вас в частности. Оно очень встревожило не одну меня.

С живейшей радостью узнала из вашего письма о Вашем докладе, о том, как встречены были «понятийные категории». Лев Владимирович[15] совершенно прав, говоря о преодолении психологизма и живом направлении. Я не раз об этом думала в прошлом году, но уж очень горячо все здесь воспринималось и обсуждалось, чтобы задумываться над такими общими оценками. Это «понятийно-грамматическое направление» преодолевает психологизм и логизм, мне кажется, тем, что ставит грамматическое (или вообще языковое) выражение в связь не с психологическими процессами и представлениями и не с логическими законами мышления, а с понятиями как отражениями бытия, с понятиями, отражающимися в языке, но выходящими за пределы того, что входит в психологию и логику. Категории идут вслед за понятиями, а в лингвистической литературе они уже давно занимают свое место. Вот почему мне кажется, что «понятийно-грамматическое» — лучше определяет сущность дела. Это — мои фантазии в ответ на Ваш вопрос о названии.

«Ну, вроде все», — так заканчивала письма ко мне одна молодая представительница фамилии Истриных. Будьте здоровы и не забывайте Алма-Ата. Жму Вашу руку.

Е. Истрина

[14] Николай Николаевич Баранский (1881–1963), экономико-географ, чл.-корр. АН СССР.
[15] Л. В. Щерба.

5.

15 января 1944
[*Алма-Ата*]

Дорогой Иван Иванович!

Я уже совсем собралась в дорогу, как пришла телеграмма о перенесении сессии на 14 февраля. Сегодня вместо меня выезжает в Москву Айдарова[16]. Посылаю с ней отчет о своей работе за 1943 г. — один на имя Президиума (по телеграфному запросу акад. Бруевича[17]), другой (с индивидуальными темами на 44-й год) — на Ваше имя.

Теперь я предполагаю выехать заблаговременно, не позже 1 февраля, а м.б. и несколько раньше. Надеюсь, что это не будет с моей стороны оплошностью? Ведь дел в Москве наберется немало; надо немного поработать и в Ленинской библиотеке.

Мне очень хотелось бы прочитать в Отделении свой доклад «Заметки о двуязычных словарях (по материалам русско-азербайджанского, русско-казахского, русско-узбекского словарей). Я читала его в ИЯМ'е, но хотелось бы поделиться еще со специалистами по этому вопросу. В Москве сейчас и проф. Юдахин[18]; м. б. на сессию приедет кто-нибудь из тюркологов-националов. Кстати, на днях было совещание у К. И. Сатпаева

[16] Хадиче (Хадише) Галимовна Айдарова (1909–1978). По окончании в 1938 г. Лен. коммунистического политико-просветительского института им. Н. К. Крупской (с 1941 г. Библиотечный институт им. Н. К. Крупской), занималась в аспирантуре ЛО Института истории АН СССР. С 1942 г. зав. сектором истории, заместитель директора, в 1945–1947 гг. директор Института языка, литературы и истории (КазФАН). Занималась историей Казахстана XIX — начала XX вв. В 1945 г. в Москве защитила канд. диссертацию на тему «Чокан Валиханов».

[17] Николай Григорьевич Бруевич (1896–1987) — ученый в области машиноведения и вычислительной техники, генерал-лейтенант инженерно-технической службы, академик. В 1942–1949 гг. — академик-секретарь АН СССР.

[18] Константин Кузьмич Юдахин (1890–1975), тюрколог, киргизовед, чл.-корр. АН Узбекской ССР, академик АН Киргизской ССР, составитель Киргизско-русского и Русско-киргизского словарей.

на тему о лексикографических работах ИЯЛИ: Жиенбаев[19], Сауранбаев, Сергей Ефимович и я; беседа шла около 2-х часов. Сатпаев зовет Сергея Ефимовича и меня в КазФАН по совместительству. — Поздно.

Кроме этого я беру с собой материалы для 3-х докладов: 1. Субъект и подлежащее как синтаксические термины (переработка моего «четвергового» сообщения; сдаю его как статью, небольшую, в сборник КазГУ, который готовится к 10-летнему юбилею КазГУ в марте), 2. Проблема определения предложения у Шахматова (тоже обработанный прежний) и 3. Материалы по главе о безличных предложениях (как раздел Синтаксиса). 3-ий для беседы с московскими иямовцами, а два первые по Вашему усмотрению, но я хотела бы в ИЯМ'е или 1-й в Вашем семинаре. Ваша статья, сданная в прошлом году в КазГУ, идет в юбилейный сборник.

Кончаю, надо сдавать почту. Да ведь скоро увидимся, — надеюсь.

Всего доброго. Душевный всем привет.

Ваша Е. Истрина

Алма-Ата (в снегу, в солнце, в длинных сосульках и в лужах).

P. S. Третьего дня у меня, наконец, засиял свет. Как это чудесно!

6.

5 апреля 1944
Алма-Ата

Дорогой Иван Иванович!

Какая у нас сейчас расчудесная весна! В цвету урюк, зеленеют перед моим окном (за забором, конечно) «высокие до неба тополя», небо сине, солнце ярко, — а между тем в нашем ИЯМовском мирке — маленькие бурьки, «бури в стакане воды». О них я и хочу немного порассказать Вам, «довести до Вашего сведения», только не в официальном плане, а по добрым нашим Алма-Атинским отношениям. Считаю, что Вам нужно о них

[19] Сеил Сарыкулович Жиенбаев (1896–1945), педагог, филолог. В 1942–1945 гг. зав. сектором Института языка, литературы и истории КазФАН.

знать. Павел Кузьмич[20] Вам уже и сообщал основной факт, а я хочу несколько шире осветить положение (совсем не плохое при этом).

Его легко осветить сразу: Сергей Ефимович, наш коренник, закусил удила, а Вы лучше меня знаете, что это значит, и помните, как это с ним бывает — по прошлогодней истории с Пединститутом. Дело началось с моего приезда. Его первый вопрос был, что Вы мне сказали о его положении и о возвращении в состав ИЯМ Алявдина[21]. Я ничего не могла ответить ему на эти вопросы кроме того, что из-за болезни руки Вы не могли написать ему, а о содержании его письма к Вам я и не знала, т. к. ни он сам, ни Вы мне об этом не говорили. — «Ага. Ага», — сказал он, а через два дня издал приказ о сложении с себя звания и. о. директора с возложением своих обязанностей на замдиректора.

Первые моменты были неприятные и тревожные. Но дело наладилось, и все идет благополучно. Не могу не сказать, что Павел Кузьмич оказался на высоте положения и держит себя с безукоризненным тактом. Беда только в том, что Сергей Ефимович продолжает свою линию по некоторым отдельным вопросам, в которых его участие имеет огромное значение. Так он упорно упрямится относительно своего участия в деле Ауэзова: признает его безусловно достойным степени доктора, но ссылается на свою занятость (на защиту Кенесбаева) и на «болезни». — «Не знаю, не знаю» — вот и весь сказ. Третьего дня у нас снова было совещание у К. И. Сатпаева по русско-казахскому словарю. К.И. произнес вступительное слово о великих заслугах ИЯМ и о признании их Казахским правительством. А после обсуждения словарных вопросов обратился к нам с просьбой о деле Ауэзова. — «Не знаю, не знаю, болею» — и больше ничего. Это, вероятно, своеобразный ответ — за Алявдина…

Однако, кажется, что в этом упорном настроении как будто есть какой-то маленький сдвиг, и его приходится всячески поддерживать. Ведь нельзя же провести Ауэзова без Сергея Ефимовича! На этом совещании пришла мысль о привлечении к этому делу В. М. Жирмунского. Мне она кажется очень удач-

[20] П. К. Абабков.
[21] См. письмо А. П. Алявдина И. И. Мещанинову.

ной: фольклор, которым как раз занимается в эти годы Виктор Максимович — среднеазиатский фольклор; вообще следует привлечь литературоведа, а не только лингвистов. Кенесбаева м. б. не совсем удобно, т. к. одновременно Ауэзов приводит Кенесбаева (он — оппонент). Вероятно, присоединим еще дополнительный отзыв кого-либо из местных казахских литературоведов или писателей. Как Ваше мнение и распоряжение? Но дело, видимо, затянется из-за Сергея Ефимовича.

По вопросам русско-казахского словаря мы с ним оказались на резко различных точках зрения. Сергей Ефимович признает наличный словарь (Аманжолова[22]) «браком», но настаивает на его напечатании в Академии, с частичными поправками, устраняя всякие принципиальные изменения, в частности просмотр словника. Я думала, что мне придется отказаться совсем от участия в этом деле, что было бы очень неудобно с точки зрения наших ИЯМовских заслуг и нашего внутреннего положения. Но вчера на нашем маленьком с ним совещании он явно пошел на примирение, убеждал меня, что между нами нет принципиальных разногласий и его слова неудачно поняты. Я сочла это за некоторый сдвиг в общем настроении и очень этому рада.

Материалу еще немало бы нашлось для письма, особенно если писать в таком повествовательно-эпистолярном, а не деловом стиле. Но я так и хотела написать, тем более что все-таки Сергей Ефимович имеет основания по-своему протестовать и добиваться. Но авось «образумится». Ждем для этого ваших распоряжений. Надеюсь, что Вы еще не на Кавказе!

Жму Вашу руку, надеюсь тоже — уже вполне здоровую и действующую.

Е. Истрина.

[22] Сарсен Аманжолович Аманжолов (1903–1958), лингвист-тюрколог, чл.-корр. АН КазССР (1954), один из основоположников казахского языкознания. Разработал основы казахской письменности, грамматики, составитель и редактор орфографического, русского-казахского, русско-казахского военного и русско-казахско сельскохозяйственного словарей.

От Соломона Давидовича Кацнельсона

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 386.)

25 марта 1943

Дорогой Иван Иванович!

С тех пор как мы расстались, дорогой Иван Иванович, утекло уже немало времени для такого заядлого лингвиста как я; быть два года вне науки вещь, конечно, довольно трудная. Но как и Филин, как и Евгений Бокарёв, которого я недавно видел, я твердо решил быть в рядах нашей Армии до того счастливого момента, когда мы прогоним проклятого врага из нашей страны и окончательно обеспечим возможность независимого существования нашей родины и нашей науки. Признаюсь, что в редкие минуты досуга я иногда достаю что-либо лингвистическое и просматриваю, как нечто сохранившееся от мирных времен любимого труда. Такие минуты только усиливают боль от сознания того, что проклятые враги помешали нам заниматься мирным трудом и усиливают желание поскорее избавиться и избавить страну от врага. <…> Настанет час, когда, сняв погоны с шинели, можно будет снова засесть за письменный стол и продолжить свои исследования. Тем яростнее будет тогда мое plume![1]

Из ИЯМ'овцев видел Филина, Евгения Бокарёва и Мальцева. Они все живы и здоровы. Мальцев демобилизовался и работает сейчас в ИЯМ'е. Как-то заходил в ИЯМ. Видел там Якубинского. Грустно заходить в ИЯМ, с которым связаны другие впечатления и воспоминания.

Прошу Вас, Иван Иванович, передать привет всем ИЯМ'овцам живущим в Алма-Ате. При наличии свободной минуты черкните, пожалуйста, пару строк. Очень прошу высылать все, что печатаете.

Снова поздравляю Вас.

Ваш С. Кацнельсон.
Мой адрес: Полевая почта 22245[2].

---

[1] Перо (фр.)
[2] Адрес Политуправления Ленинградского фронта.

От Бориса Александровича Ларина[1]

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 423)

1.

26 мая 1942 [*Ташкент*]

Глубокоуважаемый Иван Иванович,

от Л. И. Пономарева[2] я узнал, что Вы предполагаете собрать хотя бы немногих из уцелевших работников ИЯМ в Алма-Ата. Не знаю, хотите ли Вы вернуть и меня в лоно ИЯМ'а, жду Вашего письма.

---

[1] Борис Александрович Ларин (1893–1964), лингвист, лексикограф, специалист в области истории русского языка, социолингвистики, санскрита, литуанистики. Чл.-корр. АН УССР (1945), академик АН Литовской ССР (1949). В начале 1930-х годов в ИЯМ он возглавил группу Древнерусского словаря, которая должна была выявлять материалы по языку за период с XV в. по середину XVIII в. Кроме штатных сотрудников и учеников в эту работу были широко вовлечены историки, искусствоведы, этнографы, библиотекари. Через несколько лет была создана уникальная картотека, насчитывающая около 1,5 миллионов слов. Помимо грандиозного ДРС Ларин в 1936 г. предложил подготовить Малый исторический словарь русского языка XI–XIX вв. (в одном томе объемом около 200 печ. л.). Подготовил публикацию трех иностранных источников по русскому языку: «Грамматика Лудольфа [1696 г.]» (1937), «Парижский словарь московитов 1586 г.» (1948) «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса [1618–1619 гг.]» (подготовлен к печати в 1948, издан в 1959).

[2] Леонид Ипполитович Пономарев (1885–1962), филолог, литературовед, архивист, музеевед. Начиная с 1909 г. преподавал в различных учебных заведениях: на Высших женских курсах Казани, в Казанском и Иркутском университетах. С 1921 г. — ректор Петроградского пед. института им. Н. А. Некрасова. В 1925 г. переехал в Москву. Преподавал на пед. отделении 2-го МГУ, в Московском пед. институте; с 1926 г. зам. председателя Правления Гос. Исторического музея (ГИМ), зав. филиалом ГИМ «Собор Василия Блаженного», с 1928 г. зам. директора ГИМ, в 1936–1937 гг. — директор. Одновременно принимал участие в организации Всесоюзной Пушкинской юбилейной выставки, с 1938 г. возглавлял созданный Музей Пушкина. В 1940–1944 гг. — и. о. директора ИМЛИ им. А. М. Горького, директор Музея А. М. Горького.

Здесь в Ташкенте я перенес очень много крайних лишений в первые 2½ месяца по приезде. Сейчас быт немного лучше, но все же настолько тяжел, что я ни минуты не думаю о возможности длительного здесь пребывания и в июне непременно отсюда уеду. Квартира у меня совершенно нетерпимая: чердачная надстройка, где во время дождя текут потоки с потолка на постели, стол и головы, плечи, — во время мороза эту комнату не согреть, в жару — как в духовой печке (крыша жесть, потолок на вершок над моей головой). Питание «организованное» — скудно и слишком недостаточно, а рыночное почти совсем для меня недоступно из-за высоких цен (со мной семья — трое дочерей и жена, — зарплаты академической не хватает даже на казенное снабжение (на руки 600 руб. в мес.), приработок здесь есть в пед. Институте, но маловато и его.

В последнее время у меня возобновились сильные сердечные припадки (а их не было с лета), и при наступлении здешнего летнего зноя мне грозит «беда конечная».

Если в Алма-Ату мне ехать нечего, если там нет возможности устроиться с семьей лучше, чем здесь, то я поеду либо в Майкоп (меня зовут в находящийся там Одесский университет и Одесский пед. Институт), либо в Яранск (Кировский Пед. Институт). В этих двух местах я буду обеспечен работой, квартирой и лучшим питанием, чем в Ташкенте. Уехать надо не позже средины июня.

Жду Вашего письма с указаниями как поступить. Привет!
Б. Ларин

2.

9 июня 1942

Глубокоуважаемый Иван Иванович,

Сегодня отправил Вам срочную телеграмму из Института Мировой Литературы с просьбой разрешить мне отъезд из Ташкента в Казань. Я не могу больше выносить и жестокого ташкентского климата, здоровье мое совсем расстроилось здесь, и длительного недоедания, т. к. я не имею здесь заработков, достаточных, чтобы прокормить мою большую семью. Я хочу вывезти семью отсюда и устроить ее в Яранске под Кировым, сам поработаю летние месяцы в Казани над своей докторской диссертацией, а осенью, если еще нельзя будет вернуться в

родной Ленинград, я тоже поехал бы в Яранск, поработать там зиму в пед. Институте. Там много моих друзей, и мне будет легко дышать, хорошо работать.

По старым иямовским планам я начал здесь составление литовско-русского словаря. Продолжать это можно в Казани, а здесь нет нужных книг и материалов. По этой причине тоже мне необходимо как можно скорее перекочевать на Север.

Я не надеюсь на возможность устроить сносно свой быт в Алма-Ате, там тоже трудно будет кормить семью, как здесь, и также мало материалов и книг для работы по моей тематике. Поэтому предположения Л. И. Пономарева о предпочтительности переезда в Алма-Ату мне кажутся неосновательными.

Очень прошу Вас (не надеясь на телеграмму) как можно скорее прислать Ваше согласие и разрешение на мой отъезд сначала в Казань, а осенью в Яранск.

Привет всем алмаатинским иямовцам.

Ваш Б. Ларин

3.

16 июня 1942

Глубокоуважаемый Иван Иванович,

От всего сердца благодарю Вас и за телеграмму о командировке в Казань и за получение вслед за ней второй, с приглашением приехать (одному) в Алма-Ату.

Я уже ответил Вам по телеграфу, что изменить свое давно созревшее решение: перекочевать на Север — в Яранск, к друзьям и ученикам, мне было бы очень трудно, особенно в виду тяжелого положения семьи. Здесь мы в отчаянии жили [нрзб.] и постоянно страдали от недоедания, на границе полуголодного существования.

Завтра (17 июня 1942) я надеюсь выехать через Куйбышев — Инзу — Кировск — Казань — Йошкар-Ола в Яранск.

Было бы крайне огорчительным для меня и материально тяжелым — лишение связи с Академией Наук и лишение зарплаты. Поэтому я усердно прошу Вас дать указания академику Обнорскому, как Вашему заместителю в Казани, не отчислять меня, а наоборот — добиться принятия меня на зарплату в Казани при условии выполнения плана, но разрешить мне про-

живать и работать в г. Яранске, приезжая в Казань для отчетов и пополнения материалов.

Я не могу, конечно, нигде кроме Ленинграда продолжить работу над ДРС, поэтому прошу до возвращения в Ленинград разрешить мне заниматься составлением малого Литовско-русского словаря (на 50 печ. листов). Я захватил самые необходимые материалы для этого, а кое-что найду еще в Казани. Литовско-русский словарь намечен был в плане работ Балтийского кабинета[3] на 1942 г. Если Вы утвердите за мной эту тему, то я надеюсь, в Казани не будет никаких возражений против моего отъезда в г. Яранск.

Ваш Б. Ларин

Приписка на полях: Живу одной надеждой на возвращение в Ленинград и восстановление всей полуразрушенной системы наших работ.

Привет Е. С. Истриной, В. И. Чернышёву и П. К. Абабкову.

4.

19 июля 1942

Глубокоуважаемый Иван Иванович,

В последние дни среди сборов к отъезду из Ташкента я отправил Вам 2 телеграммы, — в одной благодарность за предложение приехать в Алма-Ату без семьи, в другой просил Вас послать С. П. Обнорскому, если возможно, телеграфное разрешение поручить мне в качестве плановой работы по ИЯМ'у составление литовско-русского словаря как наиболее актуальной темы из тех, какие намечались на 1942 г. по балтийскому кабинету. В Казани я выяснил, что Вы не присылали этого своего разрешения. Для ускорения зачисления меня в Казанскую группу ИЯМ'а, для получения мною зарплаты, для разрешения выполнять свой план, проживая в Яранске (ввиду невозможности сколько-нибудь сносно устроить семью в Казани), — необходимо Ваше утверждение темы (Литовско-русский словарь) и Ваша санкция на продолжение моих работ без обязательного проживания в Казани, но с обязательством

[3] Балтийский кабинет ИЯМ был основан 13 февраля 1941 г. и включал Б. А. Ларина, И. И. Зарина и С. И. Груздеву.

приезжать туда не реже чем раз в 3 месяца (квартал), чтобы отчитываться перед ак. Обнорским в проделанной работе и для пополнения своих материалов. Очень прошу Вас послать С. П. Обнорскому официальные указания по этому вопросу. Он пошел мне навстречу и начал хлопотать об указанном и желательном для меня решении вопроса. Не встретило возражений и со стороны вице-президента ак. Л. А. Орбели, но до Вашего разрешения и санкции — это дело не будет решено окончательно, а в силу этого я буду в неопределенном и затруднительном положении. Прецедентов таких в Казани, по словам С. П. Обнорского, было много. Остановка только за Вашим разрешением и утверждением темы.

Если не горевать о некоторых жертвах, каких потребовал этот дальний переезд, осуществленный в самое неблагоприятное время, то можно считать мое решение бежать из Ташкента на Север оправдавшим себя. Я нашел здесь дружественную среду, атмосферу напряженной и здоровой работы, гораздо более подходящий климат и вполне сносные бытовые условия для всей семьи. Если моя долголетняя и очень дорогая для меня связь с ИЯМ'ом не будет прервана, если я смогу не прекращать работы по балтистике, то душевное равновесие будет обеспечено надолго, восстановится и моя расшатанная работоспособность.

Я не знаю, какие соображения побудили Вас не уважить моей просьбы, м. б. неясность телеграммы, м. б. желание направить мою работу к другой цели: во всяком случае, я очень Вас прошу написать и мне и С. П. Обнорскому, какое решение Вы приняли по моему вопросу.

Всего лучшего.

Б. Ларин

5.

22 сентября 1942
(открытка)

Глубокоуважаемый Иван Иванович,

Мне действительно ничего не известно о Вашем утверждении моей темы. Спасибо за поддержку в этом. Вероятно, Вы знаете, что еще в конце июля я разрубил себе ногу на лесозаготовках. Ранение оказалось очень тяжелое, состояние организма

очень ослабленным, к тому же я попал в больницу с очень слабыми кадрами, почти без медикаментов. Поэтому я пережил мучительные два месяца в Яранской больнице и не знаю, когда я вырвусь из нее. Заживление раны (после двух последовательных операций) происходит очень медленно, о ходьбе нечего и думать пока, но общее состояние несколько улучшилось[4]. В последнее время я могу полулежа-полусидя читать и писать, начинаю понемногу работать. Очень жаль, что бесплодно уходит месяц за месяцем в больнице, похожей на тюрьму. Еще более грустно, что с 1 октября начинаются занятия в Пед. Институте, а я не смогу участвовать в этом, хотя провожу уже, как зав. Кафедрой, всю подготовительную работу к организации занятий в этом учебном году[5]. Л. В. Щерба

[4] Историк Б. А. Романов (1889–1957), хорошо знавший Б. А. Ларина по работе над Древнерусским словарем, во время эвакуации находился в Ташкенте. В своих письмах жене он рассказывал о встречах с Лариным в Ташкенте, о его жизни в Яранске. «На днях приехали Ларины. Семья очень милая. С трудом устраиваются, и встречи пока у меня с Борисом Александровичем случайные». (4. 02. 1942) <…> «Боясь для себя туберкулеза летом (70º!), охотится в Уфу, куда зовет его Украинская АН» (15. 02. 1942) <…> «Вчера уехал Ларин в Яранск, здесь истомился и голодал с семьей, хотя и имел приработок в Пед. Институте. Думаю, что когда-нибудь поработаем еще с ним» (20 июня 1942) <…> «Сегодня письмо от Ларина. Б. А. в Яранске на лесозаготовках рубанул себе ногу — и 20-й день в глухой провинциальной больнице мучится жуткими болями. Ласковое, дружеское письмо, потрясающее. Страшится злой зимы. В пути пропал портфель с материалами к диссертации — но второстепенными. Инвалид еще на месяц» (3. 09. 1942) <…> «От Ларина — все мучается с рубленой своей ногой (теперь флегмона), да и все больны чем-нибудь. Весь год бедствий в Яранске» (10. 03. 1943) <…> «Письмо от Мещанинова в благодарность за поздравление с Сталинской премией: мечтает собрать в ИЯМе «всех», кто там работал до войны (moi y compris, очевидно). Я тоже мечтаю о Ларинском словаре. Ларин тоже мечтает об этом. Только бы дожить до этого. Ему очень трудно в Яранске». (28 мая 1943)

[5] Об условиях жизни и учебы в Яранске вспоминала студентка первого выпуска факультета иностранных языков Кировского государственного педагогического института Л. Е. Кирилина: «Условия жизни тяжелые, идет организация работы на месте. Наш факультет разместили в здании дома культуры. Здание почти не отапливается, а на улице -40°. Но занятия идут полным ходом, как ни странно, но почти никто не болеет. В общежитии нет света, нет частенько в

[нрзб.] собирался в Яранск, но раздумал, он в Молотовске Кировской обл., никуда оттуда не выезжал; наверное, Вы уже получили от него письмо.

Привет.

Ваш Б. Ларин

P. S. Прошу Вас передать мой привет Е. С. [6] и другим ИЯМ'овцам.

Адрес Ларина: Яранск, Киров. Обл., ул. Свободы, 16)

6.

14 апреля 1943
Яранск

Глубокоуважаемый Иван Иванович,

Давно хочу написать Вам, накопилось много всяких нужд и дел.

Прежде всего, позвольте выразить радость, что в Вашем лице наша общественность и правительство отметили и увенчали высшей наградой работу по лингвистике, которую Вы возглавляете с таким успехом. Редко бывает на нашей улице праздник, тем сильнее мы этот праздник переживаем.

После переезда в Яранск мне удалось связаться с большинством диалектологов, участников или сторонников большого плана работ иямовской диалектологической ячейки. Выяснилось, что в ряде ВУЗ'ов и во время войны не прерывалась работа как по собиранию новых материалов по обследованию отдельных районов с нашим иямовским вопросником в руках, так и по обработке ранее накопленных материалов (создание карт, хрестоматий, словарей, подготовка к публикации сборников), наконец и в плане теоретических исследований о принципах диалектической работы и о состоятельности или несостоятельности унаследованных положений. Отсюда родилась мысль об организации небольшого, немноголюдного съезда диалектологов, продолжающих свои работы во время войны. Дали санкцию на [нрзб.] малую конференцию — в г. Яранске при Кировском Пединституте, летом 1943 (15–20 июля) и Л. В. Щерба,

институте, да и в городе вообще. Занимаемся при маленьких керосиновых коптилках» // https://www.vyatsu.ru/internet-gazeta/na-fakul-tete-lingvistiki-vyatgu-rasskazali-o-tom.html

[6] Е. С. Истрина.

С. П. Обнорский и Наркомпрос. Прошу и Вас высказаться о желательности (или нежелательности) этой конференции. Яранск избран и как место «затишное» и относительно уютное и центральное для заинтересованных лиц, а также и потому, что здесь в Кировском Пединституте все время велась и ведется интенсивная диалектологическая работа. Дали согласие приехать проф. Р. И. Аванесов[7], проф. В. А. Малаховский[8], проф. Н. И. Гринкова[9], проф. С. А. Копорский[10], доц. Бахмутова[11], доц. Генкель[12], доц. Орлова[13], А. С. Ягодинский[14] и другие. Я написал Ф. П. Филину, — быть может и его отпустят на неделю с фронта для участия в этой конференции. Было бы чрезвычайно желательно участие бóльшего числа представителей ИЯМ'а. Не могу ли я просить Вас откомандировать на эту конференцию Б. Л. Богородского из Ташкента?

Месяца два тому назад я просил С. П. Обнорского исхлопотать вывоз из Ленинграда одного из двух оставленных там экземпляров картотеки Библиографического сборника «Русский

---

[7] Рубен Иванович Аванесов (1902–1982), лингвист, фонолог, диалектолог, чл.-корр. АН (1958).

[8] Всеволод Антонович Малаховский (1890–1966), лингвист, диалектолог. Занимался историей русского языка, диалектами Сибири и Забайкальского края.

[9] Надежда Павловна Гринкова (1895–1961), филолог, этнограф, профессор РГПИ им. Герцена. Занималась изучением фольклора, диалектов и исторической лексикологией русского языка. Сохранились письма к ней Евгении Эдуардовны Бломквист (1890–1945) «...твои письма — документ незабываемого времени...». СПб.: Реноме, 2013.

[10] Сергей Алексеевич Копорский (1899–1967), языковед. Исследовал проблемы русской диалектологии, социальной лингвистики.

[11] Елена Константиновна Бахмутова (1897– не ранее 1955), лингвист, диалектолог.

[12] Мария Александровна Генкель (1910–2001), лингвист, специалист по диалектологии и стилистике художественной речи. Зав. кафедрой русского языка и общего языкознания филологического факультета Пермского университета (1958–1971).

[13] Елизавета Порфирьевна Орлова (1899–1976), этнограф, лингвист, сибиревед.

[14] Александр Семенович Ягодинский (1895–1949), языковед, диалектолог, зав. кафедрой языкознания и русского языка Вологодского педагогического института, организатор и зав. Межобластным научным кабинетом Атласа русских народных говоров. С ноября 1948 г. — зав. кафедрой русского языка в Псковском педагогическом институте.

язык. 1880–1940», а также одного из трех экземпляров напечатанного на машинке I т. ДРС. С. П. заколебался было (как он мне писал) в последний момент, получив от Э. А. Якубинской телеграфный запрос, отправлять ли указанные материалы. С. П. обратился к Вам за окончательным решением. Я бы очень просил Вас дать согласие на вывоз этих запасных экземпляров и для того, чтоб возобновить здесь работу по этим материалам, и для гарантии их сохранения ввиду очень усилившихся бомбежек и обстрелов.

Третья просьба, нельзя ли облегчить участь больного и крайне павшего духом В. В. Виноградова[15], добившись переезда его из Тобольска в Алма-Ату для живейшего и более непосредственного участия в работах ИЯМ'а, а также и для восстановления сил, т. к. в Алма-Ате несравненно лучше условия существования, чем в Тобольске. Я, как и многие друзья В. В., опасаюсь за его жизнь, если он вынужден будет остаться в Тобольске до конца войны.

[15] Уже в первые месяцы войны, ввиду быстрого наступления немецких войск, было принято решение об очищении Москвы и Ленинграда от «социально-опасных элементов». В их число входили лица с неснятой судимостью. В. В. Виноградов, как имевший неснятую судимость, получил административное предписание покинуть Москву и перебраться в Тобольск. В Тобольске он преподавал в учительском институте. Условия жизни были суровые. Из воспоминаний Н. М. Малышевой-Виноградовой: «Дома пришлось освещаться скипидаром, налитым во флакончики от одеколона. Были сделаны какие-то крохотные фитильки, которые отчаянно коптили. Но потом, не помню откуда, появились кусочки нарезанного круглого стекла, которые надевались на фитилек, и копоти было меньше, т.к. она оставалась на стекле. Вместо чернил В. В. кто-то дал лепешки чернильные. Они разводились водой. Бумагу В. В. тоже давали со склада — оберточную желтую. Давали огромные листы. Мы расстилали ее на полу и резали, сначала пополам, потом еще пополам и т, д. Писать можно было только на одной стороне бумаги, т.к. чернила растекались. К отъезду В. В. из Тобольска у него уже были горы рукописей, писанных на этой оберточной бумаге <…> Он всегда ходил в институт в белых рубашках и в костюме. Когда читал лекции, снимал пальто. Институт не отапливался. В институте все ходили в шубах». Весной Виноградов был послан на разгрузку плотов на Иртыше и тяжело заболел. В 1943 г. судимость была снята, и он получил возможность вернуться в Москву.

Меня усиленно вызывали в Саратов, работать в ЛГУ, даже повторный приказ НКПр[16] был прислан, — но я в конце концов склоняюсь к тому, чтобы остаться в Яранске в Кировском Пединституте до конца войны, если не будет Вашего распоряжения всем ИЯМ'овцам собраться в одно какое-нибудь место.

Всего лучшего.

Ваш Б. Ларин.

7.

29 июня 1943

Глубокоуважаемый Иван Иванович,

Я направляю Вам по совету С. П. Обнорского и Ив. Ив. Толстого официальное ходатайство о Вашем распоряжении для зачисления меня в постоянные работники Казанской группы ИЯМ. Без Вашего приказа, по словам С. П. Обнорского, нельзя и начинать хлопоты о жилплощади, питании и пр. Очень прошу Вас возможно скорее прислать сюда такое распоряжение на имя И. И. Толстого, т. к. С. П. Обнорский собирается в ближайшее время уехать в Москву.

Мне было бы крайне печально остаться в Яранске еще на год, т. к. там можно успешно заниматься только диалектологией и огородничеством. Я это добросовестно делал до сих пор, но пора уже перейти и к более важным и отрадным для души делам. Мои бедствия и мое отставание по плану исследовательской работы всецело объясняются идиотизмом яранской жизни.

С. П. Обнорский уверяет, что для успеха моего внедрения в Казань надо получить еще санкции Президента АН, который как раз находится сейчас в Алма-Ате; а потому — только Вы и только сейчас могли бы окончательно узаконить, оформить, словом, устроить это дело: возвращение в Казань на постоянную работу из временной командировки в Яранск. Очень хочу зимовать в Казани, тогда мои научные планы начнут быстро осуществляться не только к моей большой радости, но, надеюсь, и к Вашему удовольствию.

Очень остро ощущается и отсутствие наших материалов, именно той части, какая могла бы быть перевезена из Ленин-

[16] Наркомпроса.

града, какая уже подготовлена там к перевозке в Казань, но задержана вследствие отсутствия Вашего прямого указания (дублетные картотеки Библиографического указателя «Русский язык», машинописные рукописи I тома ДРС и кое-какие книги). В этом деле С. П. тоже отстранился, ожидая Вашего решения.

Привет всем дорогим друзьям в ИЯМ’е.

Ваш Б. Ларин.

8.

Заявление

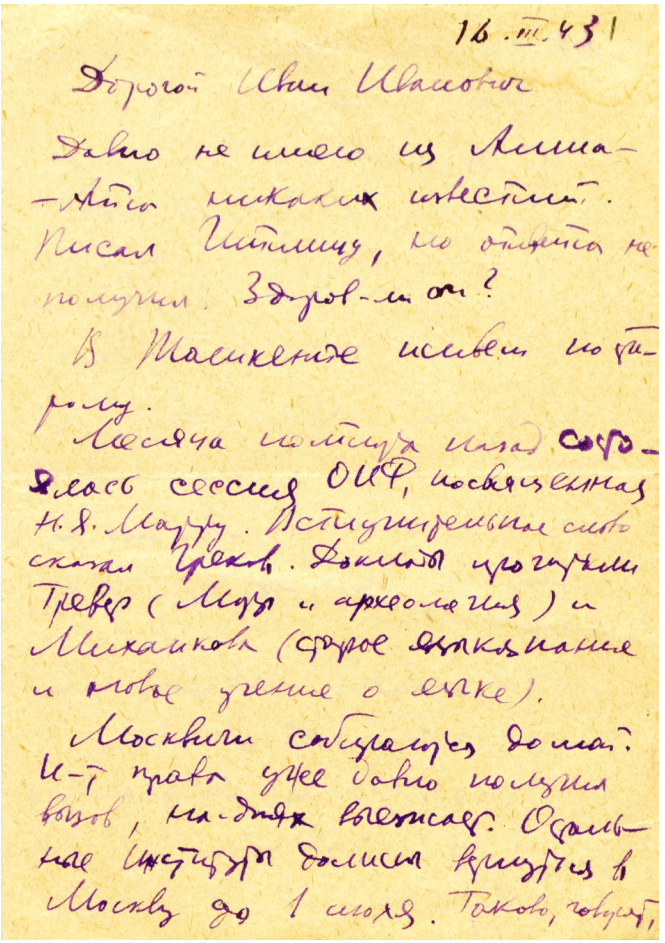
Ст. сотр. ИЯМ,
зав. Отделом ДРС и кабинета балтийских языков
проф. Б. А. Ларина

В связи с тем, что я исчерпал все местные ресурсы для своей научной работы в г. Яранске, Кировской обл., куда я был командирован год тому назад из Казани, а также с тем, что в Казани миновал острый жилищный кризис и есть все необходимые условия для спокойной плодотворной работы, — прошу Вашего распоряжения о моем возвращении в г. Казань на постоянную работу в составе имеющейся здесь группы работников ИЯМ. Семью свою я предполагаю пока оставить в г. Яранске.

26.06.1943. Проф. Б. Ларин

От Исаака Григорьевича Лившица

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 428)

16 марта 1943 г. [*Ташкент*]

Дорогой Иван Иванович!

Давно не имею из Алма-Аты никаких известий. Писал Гитлицу, но ответа не получил. Здоров ли он?

В Ташкенте живем по-старому. Месяца полтора назад состоялась сессия ОИФ [1], посвященная Н. Я. Марру. Вступительное слово сказал Греков[2]. Доклады прочитали Тревер[3] (муз. и археология) и Миханкова[4] (старое языкознание и новое учение о языке).

Москвичи собираются домой. Институт права уже давно получил вызов, на днях выезжает. Остальные институты должны вернуться в Москву до 1 июля. Таково, говорят, постановление СНК, подписанное в начале марта.

Как Вы живете? Как идет работа ИЯМ? Как здоровье Юшманова? В Вологде у него был очень плохой вид. Имеете ли какие-нибудь сведения о Симе?

Знаю, что Вы не любите писать, да и времени у Вас, вероятно, мало. Все же хотелось бы получить от Вас ответ.

Вам, очевидно, известно, что у нас организована Ташкентская группа Отделения языка и литературы в составе двух секций. По секции языка состоялся доклад Колпакчи[5] (Генезис страдательного залога в древне-японском языке). Ближайший доклад — Б. Л. Богородского (Язык Суворова).

Людмила Петровна Вам кланяется. От меня привет всем.

Ваш И. Лившиц.

Ташкент, Главный Почтамт, до востребования.

Недавно получил письмо от Дондуа. По-видимому, не очень доволен условиями жизни в Тбилиси. Пишет, между прочим, что с окт. 1942 г. не получает зарплаты по ИЯМ.

Есть ли у Вас сведения об Алявдине?

---

[1] Отделение истории и философии АН.

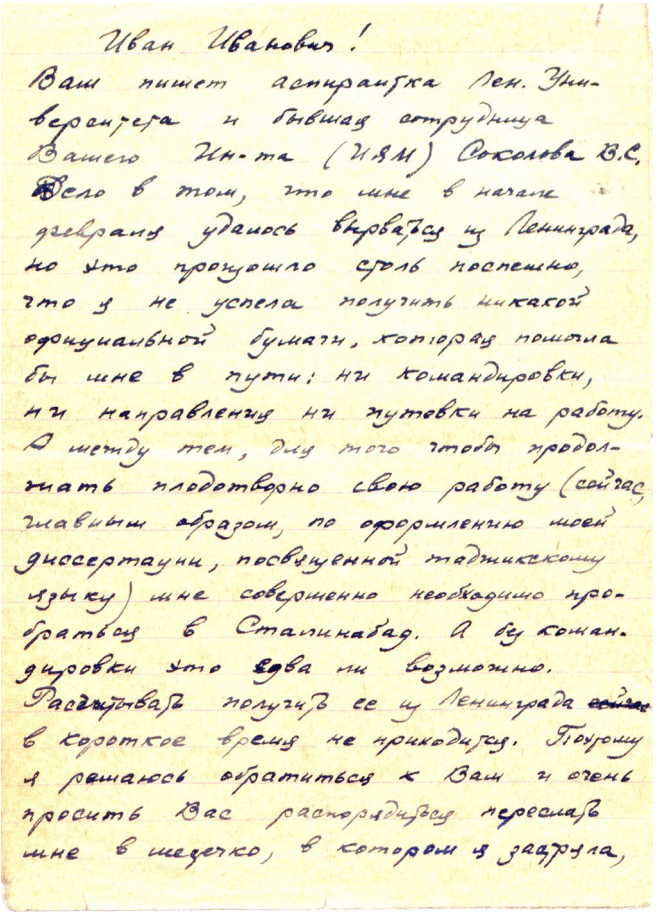
[2] Борис Дмитриевич Греков (1882–1953), историк, профессор ЛГУ и МГУ, академик (1935), зав. ЛОИИ (1936–1938), директор Института истории АН СССР (1953).

[3] Камилла Васильевна (Вильгельмовна) Тревер (1892–1974), историк и искусствовед, сотрудник Эрмитажа, член-корреспондент АН СССР (1943 г.). В 1941–1943 — сотрудник Узбекского филиала АН СССР, 1943–1945 сотрудник Армянского филиала АН СССР.

[4] Вера Андреевна Миханкова (1892–1952), сотрудник ГАИМК-ИИМК, биограф Н. Я. Марра.

[5] Евгения Максимовна Колпакчи (1902–1952), востоковед-японист, доктор филологических наук, с 1936 г. профессор ЛГУ, с 1942 г. — научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

От Валентины Степановны Соколовой
(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 518)

Иван Иванович!
Вам пишет аспирантка Лен. Университета и бывшая сотрудница Вашего Ин-та (ИЯМ) Соколова В.С.
Дело в том, что мне в начале февраля удалось вырваться из Ленинграда, но это прошло столь поспешно, что я не успела получить никакой официальной бумаги, которая помогла бы мне в пути: ни командировки, ни направления ни путевки на работу. А между тем, для того чтобы продолжать плодотворно свою работу (сейчас главным образом, по оформлению моей диссертации, посвященной тадж[икскому] языку) мне совершенно необходимо пробраться в Сталинабад. А без командировки это едва ли возможно. Рассчитывать получить ее из Ленинграда сейчас в короткое время не приходится. Поэтому я решаюсь обратиться к Вам и очень просить Вас распорядиться переслать мне в мешечко, в котором я зашила,

1.

15 февраля 1942 [*Кольчугино*]

Иван Иванович!

Вам пишет аспирантка Лен. Университета и бывшая сотрудница Вашего Института (ИЯМ) Соколова В. С. Дело в том, что мне в начале февраля удалось вырваться из Ленинграда, но это

произошло столь поспешно, что я не успела получить никакой официальной бумаги, которая помогла бы мне в пути: ни командировки, ни направления, ни путевки на работу. А между тем, для того чтобы продолжать плодотворную свою работу (сейчас, главным образом, по оформлению моей диссертации, посвященной таджикскому языку) мне совершенно необходимо пробраться в Сталинабад[1]. А без командировки это едва ли возможно. Рассчитывать получить ее из Ленинграда в короткое время не приходится. Поэтому я решаюсь обратиться к Вам и очень просить Вас распорядиться переслать мне в местечко, в котором я застряла, командировку в Сталинабад, в филиал Таджикской Базы Академии Наук. Все дело ведь в печати и в имени, которые всегда действуют магически, а для меня в настоящих условиях это, быть может, вопрос жизни.

Разрешаю себе надеяться на положительный и быстрый ответ на мою просьбу.

Заранее благодарная

В. Соколова.

Кольчугино, Ивановской области, главный почтамт до востребования. Соколовой Валентине Степановне.

2.

4 мая 1944 [*Сталинабад*]

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Получив после большой задержки по вине почты письмо от Б. В. Миллера[2], в котором по согласованию с Вами он выражает согласие на защиту моей диссертации в Институте языка и письменности[3], я поспешила выслать диссертацию в Москву. Поскольку почтой высылать опасно, я отправила ее с оказией, с артистом переезжающего из Сталинабада в Москву Ленинград-

[1] Душанбе — столица Таджикистана (1929–1961 гг. — Сталинибад).

[2] Борис Всеволодович Миллер (1877–1956), иранист. В 1903–1917 гг. на дипломатической службе, зав. каф. восточных языков (в чине комдива) в академии им. М. И. Фрунзе, проф. МГУ, зав. сектором иранской филологии Института языкознания АН СССР.

[3] Институт языка и письменности народов СССР в 1950 г. вошел в состав Института языкознания АН СССР.

ского театра комедии Савостьяновым[4]. Очень прошу телеграфировать мне, если к моменту получения этого письма диссертация не будет доставлена (Савостьянов уехал 29 апреля).

Если по ознакомлению оппонентов с диссертацией, она будет допущена к защите, то я просила бы выслать мне вызов (если возможно, телеграфный) как можно быстрее, безотносительно к дате защиты.

Во-первых, я бы хотела привезти для представления оппонентам приложения к диссертации (диаграммы и фотографии), которые не удалось здесь размножить, а оригинал посылать я не рискнула. Во-вторых, по окончании диссертации, мое пребывание в Сталинабаде начинает тормозить мою работу, поскольку здесь совершенно нет литературы, необходимой для моих дальнейших работ (я хочу начать работу в области исторической фонетики иранских языков. В настоящее время я занимаюсь разработкой плана). В Сталинабаде же я ничем не связана и могу уехать отсюда в любое время. (В пединституте, где имею часы по таджикскому языку, учебный год кончился).

Ив. Ив. Зарубин[5], который был очень рад тому, что Б. В. Миллер соглашается принять на себя обязанности официального оппонента, очень приветствует предполагаемую форму приглашения его на защиту. Он тоже хотел бы выехать в Москву как можно раньше (жилище обеспечено), так что для нас обоих был бы желателен одновременный вызов.

Уважающая Вас

В. Соколова.

[4] Алексей Владимирович Савостьянов (1909–1993), актер Ленинградского театра комедии.

[5] И. И. Зарубин — научный руководитель В. С. Соколовой.

От Василия Васильевича Струве[1]

(СПб АРАН Ф. 969. Оп. 1. Д. 525)

1.

23 июня 1942
Ташкент, Пушкинская ул. 84, комната 20

Дорогой Иван Иванович!

Пользуясь любезным посредством милейшего Александра Владимировича [нрзб.], пересылаю Вам письмо с ответом на Вашу, столь обрадовавшую меня открытку от 13 июня 1942 г. Я был счастлив узнать из Вашей открытки, что наш общий друг И. Г. Лившиц приезжает в Ташкент. Конечно, самое лучшее для И. Г. поселиться в Ташкенте. Здесь имеются хорошие библиотеки и даже по специальности можно здесь найти кое-что, особенно среди книг, вывезенных из Москвы библиотекой Академии. Кроме этого мы здесь рассчитывали и уповаем на Ваш переезд из Алма-Аты в Ташкент. Здесь будет удобнее для ИЯМ'а, нежели в Алма-Ате. Вам здесь в Ташкенте будет легче руководить отделением Вашим. Лингвистика в Ташкенте имеет весьма сильных представителей и [нрзб.] в лице Вашем достойнейшего руководителя. Я хотел бы Вас в связи с организацией отделения языка и литературы просить о следующем: в Ташкенте пребывает не у дел Мария Львовна [Вершинина], Ваш секретарь. Я приспособил ее у себя, но у меня с единицами очень туго (Ленинград имеет 20 единиц). Поэтому я предложил бы сделать ее помощницей Владимира Федоровича Шишмарёва, а мы бы ее использовали в качестве машинистки

[1] Академик Василий Васильевич (Вильгельм Вильгельмович) Струве (1889–1965), историк, египтолог и ассириолог, академик (1935). В 1918–1933 гг. — хранитель и зав. отделом классического Востока Эрмитажа, а также — Египетским (1937–1941 гг.), директор ИАЭ АН СССР (1941–1950 гг.), директор ЛО ИВ АН СССР (1950–1958 гг.), сотрудник ЛО ИИ АН СССР, профессор кафедры Древнего Востока ЛГУ с 1920 г. Струве был связан с ИЯМ с момента основания, а в 1930-е гг. являлся сотрудником Кабинета семито-хамитских языков и руководил Кабинетом языков родового общества.

(таковая единица у нас имеется). Если это предложение реализуемо, то мы бы могли предоставить гавань Марии Львовне, которая весьма и весьма пострадала в последний год.

На днях я получил длинное письмо от Анатолия Павловича Алявдина. Он живет с семьей в колхозе Северного Кавказа (п/о Тарумовка, Орджоникидзовского края, Кизлярского района, колхоз им. 17-го съезда, хутор Димитровский). Он мечтает вернуться в лоно ИЯМ'а, которое он оставил, опасаясь смерти в Ленинграде. Юшманов в Вологде также мечтает работать в восстановленном ИЯМ'е. Наш отъезд в Ленинград, надо думать, несколько задержится, и поэтому переезжайте скорее в Ташкент. В Ташкенте Вы будете пастырем своего осиротевшего стада.

Пока. До скорого свидания, передавайте привет всем нашим друзьям и знакомым.

Искренне преданный Вам

В. Струве.

От Натальи Митрофановны Терещенко[1]

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 533)

21 января 1943

Уважаемый Иван Иванович!

Очень долго не решалась затруднить Вас своей просьбой, но, к сожалению, никакого иного выхода найти мне не удалось.

Муж мой — А. П. Пырерка до ухода в ряды Народного ополчения работал в Институте языка и мышления в качестве научного сотрудника Северного кабинета. При уходе в ополчение Пырерка оставил мне доверенность на получение его зарплаты. В связи с эвакуацией из Ленинграда в декабре прошлого года я не смогла получить его зарплаты за 2-ю половину ноября, 2-ю половину декабря и январь месяц нынешнего года.

Я писала об этом в Ленинград в ИЯМ, но оттуда мне ответили, что деньги увез с собой бухгалтер Звейнек, и посоветовали обратиться в Академию Наук в Казань. Писала в Казань, но оттуда ответили, что Звейнек по дороге скончался, и посоветовали обратиться в Ленинград в ИЯМ. Снова неоднократно писала и телеграфировала в ИЯМ, но ответа так и не добилась.

В моем теперешнем положении зарплата за 2 месяца является крупной суммой. Из Ленинграда мы[2] были эвакуированы в

---

[1] Наталья Митрофановна Терещенко (1908–1987), лингвист, специалист по самодийским языкам, жена Антона Петровича Пырерки. С 1930 г. работала в Тельвисочном сельсовете Ненецкого автономном округа, в 1931–1933 гг. училась на Северном отделении Пед. института им. Герцена, с 1933 г. — преподаватель ненецкого яз., затем науч. сотрудник в Институте народов Севера, в 1941 г. секретарь отдела в Смольнинском райкоме ВКП(б) Ленинграда. Январь-июль 1942 г. — воспитатель детсада (Кировская обл.). Август 1942 г. — май 1945 г. — доцент, зав. кафедрой, декан факультета Омского педагогического института, по возвращении из эвакуации заведовала кафедрой угро-самодийских языков факультета народов Севера ЛГУ, стала доктором филологических наук.

[2] Н. М. Терещенко с сыновьями Борисом (1930 г. р.) и Валерием (1939 г. р.) Пырерка.

таком состоянии, что не могли взять с собой никакого багажа, и теперь находимся в очень тяжелом материальном положении.

От мужа я не получала никаких известий с августа месяца прошлого года. Очевидно, он уже отдал свою жизнь за родину.

Прошу Вас, Иван Иванович, оказать мне помощь в моем деле.

Извините, пожалуйста, что я обращаюсь к Вам, но я не знаю, кто бы еще мог мне помочь.

Будьте здоровы.

Заранее благодарна Вам.

Н. Терещенко.

Мой адрес: г. Тобольск Омской обл., ул. Розы Люксембург, д. 11, Омский Пединститут.

От Ивана Ивановича Толстого

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 538)

1.

7 октября 1942

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Сердечно признателен Вам за Ваше сочувствие в постигшем меня тяжелом горе и за хранимую Вами и всем, как Вы пишете мне в Вашем теплом, душевном письме, Институтом добрую память о Софии Венедиктовне[1], как работнике и человеке. Тем дороже для меня делаемое Вами мне предложение ближе войти в работу руководимого Вами Института: глубоко благодарен Вам и спешу ответить Вам полным с своей стороны согласием.

С. П. Обнорской сказал мне, что Вы склонны пригласить меня занять должность заведующего классическим кабинетом ИЯМ'а. Это очень мне лестно, но немного и страшно, поскольку я не являюсь чистым лингвистом в прямом смысле этого слова. Впрочем, по общему характеру своих научных интересов, я конечно гораздо ближе к ИЯМ'у, чем к ИЛИ[2], и я с радостью готов переключиться и служить в меру сил своих именно ИЯМ'у. Думаю даже, что смогу не только выполнять в нем организационную, но в какой-то мере и исследовательскую работу: в частности, я мог бы предложить на 1943 год, в случае если бы Вы приняли меня в состав работников Вашего Института, небольшую работу (которую я хотел бы в таком случае оформить в виде статьи) на тему «основные черты гомеровского диалекта».

Сейчас я занят писанием монографии (рассчитанной листов на 6 или 7) «античная сказка», поставленной в производствен-

---

[1] С. В. Меликова-Толстая.

[2] Имеется ввиду Историко-лингвистический институт (ИЛИ), образованный в 1930 г., с 1933 г. вошедший в состав Лен. института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). С 1937 г. на базе его лингвистического и литературного ф-тов был открыт филологический ф-т ЛГУ.

ный научный план Института Литературы по его фольклорному отделу. Я занимаюсь в ней вопросом реликтов сказки в древнегреческой литературе, преимущественно со стороны сюжета, но отчасти говорю и о форме, о сказочных формулах, о сказочном синтаксисе, об языковом, а не только сюжетном, стиле античной сказки. Если бы такого рода тематику Вы нашли приемлемой и для ИЯМ'а, то я бы с радостью перенес завершение своей монографии из ИЛИ в ИЯМ. Строю я эту работу как на чужих, так и на собственных своих, и новых и старых, частью уже опубликованных, наблюдениях. Смущает меня, однако, то обстоятельство, что для выполнения как этой, так и *гомеровской* темы мне необходимо пользоваться книгами академического большого книгохранилища, т. е. оставаться в Казани, а значит и заручиться Вашим разрешением мне не ехать в Алма-Ату, а продолжать жить здесь, в Казани, и работать в библиотеке Казанского университета: не знаю, сочтете ли Вы также и это возможным.

Письменное разрешение с просьбой разрешить мне оставаться в Казани, а не ехать в Ташкент, в виду тех же самых соображений и по состоянию моего ослабленного серьезной, перенесенной мною болезнью, здоровья, я направил не так давно в Москву П. И. Лебедеву-Полянскому [3], за несколько дней до того, как я получил через Сергея Петровича Обнорского Ваше любезное предложение. Ответ от него я еще не получил. Что касается Л. А. Орбели, то он не ехать мне в Ташкент разрешает.

Буду счастлив получить от Вас несколько коротких строк: я знаю, как Вы завалены работой.

---

[3] Павел Иванович Лебедев-Полянский (1882–1948), литературовед-марксист, академик (1946). Занимал посты комиссара Литературного издательства отдела Наркомпроса, председателя Всероссийского Совета Пролеткульта. В 1922–1930 гг. — начальник Главлита. В 1934–1939 гг. — главный редактор «Литературной энциклопедии», издательства «Литература и марксизм», председатель экспертной комиссии по филологическим наукам во Всесоюзном Комитете по делам Высшей школы (1936–1942), зам. академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР (с 1939 года). В 1937–1948 годах — директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.

За Ваше письмо и за Ваше дружеское мне предложение взять на себя работу в ИЯМ'е, прошу Вас, примите еще раз мою глубокую признательность.

Искренне желаю Вам всего доброго.

Ваш, глубоко уважающий Вас,

Ив. Толстой

2.

7 декабря 1942

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

С. П. Обнорский сообщил мне, вернувшись из Свердловска, что Вы приглашаете меня работать, начиная с декабря месяца, в ИЯМ'е, в должности заведующего классическим кабинетом. Прежде всего, прошу Вас принять мою глубокую, искреннейшую признательность. Принимая на себя Ваше почетное для меня поручение, приложу, конечно, всяческое старание оправдать Ваше ко мне доверие. Не скрою, однако, что дело представляется мне не из легких: будь ИЯМ в Ленинграде, я бы прекрасно знал, что надлежит мне делать; заведывать же кабинетом в Алма-Ате, а проживать в Казани, это не так-то, пожалуй, просто! Но — alea iacta est[4]. Буду поэтому душевно Вам благодарен, если Вы пришлете мне несколько слов директивного характера. Пока же я с своей стороны представляю Вам на Ваше усмотрение собственное предположение о том, в каких, по моему мнению, формах могла бы в настоящий момент частично выразиться, при теперешнем положении вещей, моя работа.

1) Я бы мог, как я помнится, уже и писал Вам, объявить на 1943 год тему «Гомеровский язык» или «Язык гомеровского эпоса». Имею в виду не поэтику, а грамматику, языковую картину гомеровского текста, реликты древнейших форм, искусственные формы, хронологическую дифференцию синтаксиса и т. д. Цель работы: представить вниманию лингвистов, не являющихся филологами-классиками, новые научные установки, далеко отстоящие сейчас от старых взглядов на язык Илиады и Одиссеи. Доклад, который мог бы отлиться потом в

[4] Жребий брошен (лат.)

статью, составил бы, примерно (статья, а не доклад, разумеется), полтора, два листа.

2) На собрании Отделения или в ИЯМ'е я бы мог прочитать доклад Софии Венедиктовны, ею приготовленный для ИЯМ'а перед самым отъездом нашим из Ленинграда, на тему «Отрицательное сравнение» [5], предпослав ему свое собственное небольшое введение о творческом научно-исследовательском пути Софии Венедиктовны.

3) В случае, если бы ИЯМ'у была кем-либо представлена к защите диссертация по классической филологии, то я мог бы принять на себя поручение по ее рецензированию.

4) Само собой разумеется, что я буду рад, если смогу быть полезен ИЯМ'у и другой какой-либо своей работой.

К Лебедеву-Полянскому я обратился в Москву с письмом, в котором прошу его не отчислять меня от Института Литературы [6], а разрешить мне продолжать в нем бесплатно мою работу: основной своей работой буду считать работу в ИЯМ'е, по которому я буду получать зарплату. Числиться в составе работников ИЛИ мне важно в том отношении, что это дает мне возможность закончить и продвинуть к печати включенную в годовой план ИЛИ мою монографию «Античная сказка»; которую мне очень хотелось бы увидеть напечатанной. А кроме того, это же позволит мне не порывать связи с месткомом ИЛИ, что жизненно интересно в смысле картофеля, папирос, страховки и т. п.

Примите еще раз, дорогой Иван Иванович, мою самую сердечную благодарность за Ваше исключительно доброе ко мне отношение и самые добрые пожелания к наступающему Новому году.

Ваш, глубоко уважающий Вас,

Ив. Толстой.

---

[5] Работа С. В. Меликовой-Толстой «Отрицательное сравнение: Опыт сравнительно-исторической реконструкции» сохранилась в Арх. СПбИИ РАН. ЗЕС. Фонд. 17, д. 207. См. также: Библиография С. В. Меликовой-Толстой / Сост. И. Б. Микиртумов // Древний мир и мы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 151–154.

[6] Имеется в виду Институт русской литературы (Пушкинский Дом).

3.

23 октября 1943[7]

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Сердечно Вас благодарю за присылку мне Вашего распоряжения о назначении меня уполномоченным Казанской группы Института языкознания и мышления. Эта, полученная мною от Вас бумага, легализовавшая мое положение, существенно облегчила всяческие мои разговоры с руководителями КАХУ[8], и подпись моя под различного рода к ним обращениями сразу же приобрела в их глазах должный авторитет и законную, так сказать, силу.

Шлю Вам искреннейший привет. Сегодня отправил Вам молнию с извещением Вас о проведенной среди казанских сотрудников ИЯМ'а подписке на денежно-вещевую лотерею. Как здоровье Сергея Петровича? Он давно уже ничего мне не пишет, и это беспокоит меня.

Глубоко уважающий Вас,

Ваш Ив. Толстой.

4.

7 января 1944

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Посылаю Вам, согласно полученной мною телеграммы, свой годовой отчет Отделению за 1943 г. Буду глубоко признателен Вам, если Вы, или уважаемый Степан Григорьевич, черкнете мне два слова о том, находит ли Отделение возможным принять этот мой отчет и утвердить обе, намечаемые мною на начавшийся 1944 год, темы: «Гомеровский язык» и 2) «Античная сказка». Промедление с представлением мною Вам своего отчета вызвано было у меня моею болезнью: пролежал в гриппе и только вчера начал выходить. Злосчастный грипп порядком меня потрепал, вызвав осложнения со стороны моего locus minoris resistentiae[9], т. е. желудочно-кишечного тракта.

---

[7] На почтовом бланке.

[8] Административно-хозяйственное управление АН СССР в Казани.

[9] Место наименьшего сопротивления (лат.).

В связи с этим обстоятельством я склонен был бы не ехать на Сессию, если в присутствии моем на ней нет особой необходимости. К тому же, поездка в Москву, вещь весьма и весьма расходная, а я сейчас как раз поиздержался. Поэтому, если и с Вашей стороны против намерения моего не ехать нет возражений и если, иначе говоря, я не получу от Вас специальной, нарочито приглашающей меня непременно приехать в Москву телеграммы, я буду считать, что могу спокойно остаться в Казани до следующей Сессии Академии.

От всей души желаю Вам на Новый, начавшийся, Год, как всегда загадочный, но ныне, несомненно, сулящий всем нам много светлых надежд и на военном фронте, всего самого хорошего. В искренности этих моих пожеланий Вам Вы, конечно, не сомневаетесь.

Сердечно Ваш

Ив. Толстой.

5

16 января 1945

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Несмотря на то, что я хорошо знаю всю меру Вашей занятости, я решаюсь, тем не менее, отрывать у Вас время следующего рода просьбой.

При переезде из Ленинграда в Казань, в условиях эвакуации, скончался в пути, заболевший еще в Ленинграде, ст. бухгалтер ИЯМ тов. Звейнеке[10], оставивший после своей смерти вдову, Прасковию Яковлевну Звейнеке, и двух малолетних ребят.

Оказавшись в Казани, вдова скончавшегося, П. Я. Звейнеке, нашла для себя здесь же, в Казани, работу в руководимом ак. А. Ф. Иоффе Физико-техническом институте Академии наук, возвращающемся в ближайшее время в Ленинград обратно. По технического характера причинам она не может быть включена в число работников, реэвакуируемых по Физ.-тех. Институту, как не состоящая в его штате, и моя просьба к Вам заключается в том, чтобы Вы, если бы Вы находили это возможным, дали

[10] Вольдемар Гедертович Звейнек (Звейнеке) (1893–1942), главный бухгалтер ИЯМ с 1934 г.

распоряжение о включении Прасковии Яковлевны Звейнеке вместе с ее детьми в списки лиц, имеющих быть реэвакуируемыми в Ленинград по ИЯМ, как вдову бывшего его ст. бухгалтера, скончавшегося в дороге. Может быть, для нее нашлась бы потом какая-нибудь работа в ИЯМ в самом Ленинграде.

Дополнительно удостоверяю, что положение т. Звейнеке в отношении городской жил. площади в Ленинграде совершенно благополучно и что, в случае Вашего принципиального на то разрешения, все необходимые анкетные сведения, касательно П. Я. Звейнеке, будут доставлены М. Е. Федосееву тов. Большаковой, которая хорошо знает тов. Звейнеке и с которой последняя тотчас же снесется.

Очень хотелось бы помочь Звейнеке, добросовестной, честной ленинградской работнице, лично и мне известной, вернуться в наш общий с нею родной город, и это, собственно, и дало мне решимость отнять у Вас время настоящим письмом.

Надеюсь, что Вы простите меня.

С глубоким искренним уважением

Ваш Ив. Толстой.

Буду горячо признателен Вам за два слова ответа открыткой.

От Людмилы Ивановны Толстой[1]

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 537)

Казань, 1 февраля [1944]

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Вчера я получила от Вас и от Сергея Петровича телеграмму, в которой Вы спрашиваете о здоровье Ивана Ивановича. Думаю, что ко времени получения этого письма Вы уже будете иметь те сведения, которые я написала в письме Сергею Петровичу. Операция у папы прошла благополучно, хотя была сделана почти в последний момент (через 5 часов после прободения). Оперировал его видный казанский хирург, директор клиники, проф. Соколов[2]. Это было в ночь с 19-го на 20-е января. После операции папа медленно, но верно поправляется, хотя и теперь, на 13-й день чувствует сильную слабость. До сих пор он находится в больнице, откуда я не тороплюсь его перевозить домой, несмотря на то что всю пищу приходится ему приносить из дому, стремясь сохранить ее в горячем виде. Все же думаю, что в конце этой недели или в начале будущей он осторожно на автомобиле переберется домой. Я рассказала ему вчера о Вашей телеграмме, он был очень тронут и просил передать Вам свой горячий привет. Мне очень неудобно обременять Вас длинным письмом и всякими просьбами, т. к. я знаю, что Вы всегда так заняты Вашей огромной научной и административной работой. Но, зная Ваше исключительно отзывчивое и внимательное отношение к И. И., я все же позволю себе изложить все, что касается нужд папы в отношении питания.

Отнюдь не думайте, Иван Иванович, что этим я в какой-нибудь мере прошу Вас заняться всеми подобными делами: об

---

[1] Людмила Ивановна Толстая— дочь акад. И. И. Толстого.

[2] Николай Владимирович Соколов (1882–1963), хирург, доктор мед. наук. Специалист в области военно-полевой и неотложной хирургии, острой хирургической инфекции, гнойному перитониту.

этом я уже писала Сергею Петровичу, приняла все зависящие от меня меры в Казанском филиале АН и т. д. Дело же заключается в том, что все врачи в один голос говорят о необходимости очень длительной диэты, т. к. рана будет заживать целых 8-9 месяцев. В Казани, хотя и не без труда, но все же можно было бы добиться и лимитного пайка, на все это я уже получила согласие зав. управ. делами [Ботвинника]; но необходимых-то продуктов (сахара и масла) в Казани не хватает, поэтому получать их можно мне очень нерегулярно и неопределенно. А также необходимого для больного продукта, как манная крупа, нет совсем. Это обстоятельство вызвало необходимость поставить вопрос о получении продовольственной посылки из Москвы, которая, как будто, и должна прибыть сюда завтра[3].

[3] Далее Л. И. просит, чтобы Отделение языка, если это возможно, могло бы подать специальное ходатайство в лечебный сектор о том, чтобы на каждую посылку не нужно было давать специальную телеграмму.

От Веры Ивановны Цинциус

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 558)

1.

22 апреля 1944 [*Москва*]

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Не имея возможности поблагодарить Вас лично, я хочу хотя бы в письме выразить Вам всю мою глубокую признательность за участие в защите и ее организации. Я отчетливо сознаю, что без Вашего доброго расположения вряд ли бы уже был на счету в моей жизни этот день, этот большой для меня праздник, каким было 18-е апреля — день моей защиты в Академии[1].

Самым радостным является сознание, что мои скромные заслуги перед северной лингвистикой принимаются как материальный вклад в общее большое дело — дело советского языкознания.

Мне хочется надеяться, что моя дальнейшая научная работа оправдает то большое доверие, которое мне оказали крупнейшие лингвисты нашей родины.

Еще и еще раз горячо — благодарю Вас.

С глубоким уважением

В. Цинциус.

2.

15 сентября 1944

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Я получила вчера выписку из протокола ВАК от 19 августа об утверждении меня в ученой степени доктора филологических наук. Ваша помощь в организации защиты и личное участие в ней всегда будут вызывать во мне чувство глубокой признательности. Хочется надеяться, что в самом недалеком

[1] Защита докторской диссертации на тему «Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков» (издана в 1949).

будущем я буду иметь возможность поблагодарить вас лично, в Ленинграде.

Очень хотелось бы побеседовать с Вами о наших «северных» лингвистических задачах и перспективах. Меня чрезвычайно беспокоит поредение наших палеоазиатских рядов, и здесь вся надежда только на Вашу помощь и руководство. Так как «северные» нашли себе приют на Восточном факультете, то соответствующую кафедру и отделение я предложила наименовать «кафедрой языков Северо-востока Азии» (как это имело место в 30-х годах нашего столетия). Учебный план тоже готов. Дело за кадрами преподавателей и студентов. Я могу обеспечить только тунгусо-манчжуроведов, может быть — самоедов и остяковедов; как быть с палеоазиатоведами — не знаю. А это участок едва ли не самый интересный. Жду Вашей помощи.

Еще раз искренне выражаю Вам свою признательность.

В. Цинциус.

От Исаака Иосифовича Цукермана

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 559)

1.

26 апреля 1942

Дорогой Иван Иванович.

Не откажите сообщить мне, не известно ли Вам, где некоторые сотрудники ИЯМ, выехавшие 17 марта из Алма-Ата в Самарканд. Мне известно, что Завьялова[1] в числе других сотрудников, выехала 17 марта (или собиралась выехать?) из Алма-Ата в Самарканд через Ташкент. И все. Дальше все нити обрываются.

Вам, конечно, пишут отовсюду. Может быть, Вам известен адрес Завьяловой или хотя бы город, в который она поехала.

Не затруднит ли Вас в таком случае сообщить туда мой адрес.

У меня ничего интересного. После выздоровления попал в часть — собираюсь еще разок повоевать.

Будьте здоровы.

Передайте, пожалуйста, привет всем нашим сотрудникам.

Буду счастлив получить ответ.

Ваш И. Цукерман

Обратный адрес: 208-полевая почта[2], Штаб дивизии, 2-е отделение. Цукерману.

---

[1] Валентина Ивановна Завьялова (1918–?), иранист, жена И. И. Цукермана. Преподавала в ЛГУ на кафедрах иранской филологии (Восточный факультет) с 1944 г. и фонетики (Филологический факультет), с 1970-х гг. на пенсии, жила в Москве. Канд. филол. наук, тема диссертации «Фонетика иранских языков».

[2] Это адрес 128-й гвардейской горнострелковой дивизии.

2.

24 апреля 1942

Дорогой Иван Иванович.

Я Вам очень благодарен за письмо, содержащее интересные сведения о нашем Институте и его работниках. С Завьяловой я уже связался, и, начиная с 1-го мая, мы ведем регулярную переписку.

Индо-иранский наш кабинет оказался самым выносливым. Все его работники живы и здоровы — Ив. Ив. Зарубин со всеми его ученицами в Сталинабаде, В. И. Абаев на родине, Вильчевский в Тбилиси, а я вот здесь.

Я как-то на днях беседовал с нашим комиссаром. Он мне сказал, что если бы было соответствующее отношение со стороны Института, то мне дано было бы разрешение мимоходом немного позаниматься исследованием местных курдов, которые для меня сравнительно досягаемы.

Что требуется для этого?

Меня здесь, как научного работника, совершенно не знают. У меня даже нет соответствующих документов. Поэтому требуется прежде всего характеристика моей особы как научного работника, моя роль в курдоведении, несколько штрихов из области моего общественного лица (Абабков около Вас) и наконец просьба разрешить мне по мере возможности заниматься научной работой по курдскому языку. Абабков тоже мог бы подписать этот документ.

Местные курды — это только в большой массе то, что я уже однажды обследовал во время пребывания в Туркменской ССР в 1936 г. К сожалению, моих десяти листов записей фольклора со мной, конечно, нет.

Приходилось ли Вам читать мою статью, написанную по Вашей просьбе? Она помещена в «Советской науке» № 4 (или 3?) за прошлый год. Я ее как-то мельком видел.

Иван Иванович, скажите, пожалуйста, не могла ли бы Завьялова продолжить свои занятия в качестве аспирантки при Таджикском филиале? Там с работой туговато, и у нее положение, в этом смысле, незавидное. Правда, там очень плохо с соответствующими пособиями, но зато там находится их руководитель Зарубин. Или, может быть, я, отстав от граж-

данской жизни, спрашиваю о невозможном. Мне казалось, что Ваша власть секретаря Отделения простирается на филиал?

Будьте здоровы.

Я вместе с Вами жду восстановления наших работ в Ленинграде после нашего торжества.

А пока, конечно, основное и единственное — разгром фашизма.

Привет всем сотрудникам.

Ваш И. Цукерман

3.

25 июня 1942

Дорогой Иван Иванович.

Простите, что я Вам еще раз надоедаю с одним и тем же. Я забыл приписать: само собой разумеется, что если бы Вы сочли нужным прислать мне характеристику и т. д., то на мой адрес. Я бы отдал или не отдал бы ее начальству в зависимости от обстановки. А то ведь может так случиться, что совсем не до того будет, и тогда это произвело бы совсем нехорошее впечатление.

И еще, Иван Иванович, если Вы сочтете неудобным просьбу о разрешении на научную работу, то можно было бы ограничиться одной характеристикой.

И повторяю, что отстал от гражданской жизни, и многое в этом смысле мне не ясно.

Еще раз привет Вам и всем нашим сотрудникам.

Ваш И. Цукерман

4.

30 июня 1943

Дорогой Иван Иванович.

Совсем случайно узнал, что Вы удостоены правительственной награды. В письме Завьяловой промелькнула <…>[3] «Это было еще тогда, когда мы послали приветственную телеграмму Мещанинову по случаю его награждения Правительством»… Это всё, что я знаю. Они, сталинабадцы, по-видимому, думают, что я регулярно читаю центральные газеты… Увы! Такая роскошь мне доступна бывает очень редко.

[3] Кусочек письма оторван.

Так или иначе — с душевной радостью присоединяю и свои приветствия, должно быть, запоздалые.

Я получил более или менее полную информацию о жизни и работе сталинабадцев, зато совершенно не знаю, как наши работают в Алма-Ата. Знаю из Вашего письма, что в Алма-Ата вместе с Вами работают еще Истрина, Абабков. Больше мне ничего не известно.

Не знаю, известно ли Вам, что я уже в течение 9 месяцев нахожусь на фронте. Проделали с нашими войсками три времени года: держали хорошо оборону, гнали немцев в наступательных боях, отчаянно дрались весной.

Я выехал на фронт вместе со своей частью и теперь нахожусь там же. Работаю помощником начальника разведки соединения. Работа, конечно, очень интересная и мне по душе. В феврале командование наградило меня медалью. Стараюсь не посрамить наш Институт, Университет и ученую нашу братию. Не для похвальбы, а по совести скажу, что кадровики наши должны были составить себе неплохое мнение о иямовцах.

Направляясь на фронт, я проезжал мимо хорошо знакомых Вам мест. Но сойти повидать Дондуа и других наших друзей я, к сожалению, не имел возможности.

Имеете ли Вы сведения о других наших фронтовиках? — О Кацнельсоне, Филине, Чхаидзе? — Если они Вам пишут, очень прошу Вас сообщить мне их адреса.

Прошу Вас также передать мой привет Истриной и Абабкову, а также всем другим сослуживцам и знакомым. Они могут быть уверены: что касается меня, то честь Института будет на должной высоте не только «в миру», но и на фронте.

Мечтаю о возвращении в Академию с победой. Ну, а если не придется, что ж, не поминайте лихом…

Еще раз приветствую Вас с заслуженной наградой и желаю долгие годы работать на благо нашего советского языкознания.

Дело прошлое — как котируется моя статья «Проблемы нового учения о языке»?

Будьте здоровы.

Ваш И. Цукерман.

От Льва Владимировича Щербы[1]

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 581)

1.

19 августа 1942 Молотовск

Многоуважаемый и дорогой Иван Иванович,

Очень Вам благодарен за Ваши заботы обо мне, за Вашу телеграмму, на которую я ответил довольно неопределенно из-за того, что в телеграмме не может быть более 20 слов. Дополнительно пишу вот это письмо.

Мне очень хотелось бы поехать в Алма-Ата, к товарищам, и подальше от фронта. Молотовск [2] — это ужасная дыра, из которой ведь не выбраться в зимние месяцы. Кроме того, мне кажется, что в Алма-Ате и свежее, чем здесь? Наконец — и это самое главное — ведь я связан с Академией, а не с Институтом школ. Весной я мечтал — безумец —, что к осени Институт школ переведет меня в Москву, где я и соединюсь с остатками Академии и куда понемногу соберутся и все прочие. Теперь эти надежды разбиты, и мне теоретически, конечно, надо ехать туда, где находится наше Отделение и лингвистический Институт со своим директором.

И если такова директива директора, то я и поеду. Однако у меня есть <u>большие субъективные</u> «но». Сын[3] мой с семьей остается здесь, т. к. он здесь ст. научный сотрудник, имеет отсрочку от призыва, получает ученый паек на себя и на всю семью:

---

[1] Лев Владимирович Щерба (1880–1944), лингвист, лексикограф, фонолог, академик АН СССР (1943). Специалист по общему языкознанию, русскому, славянским и французскому языкам.

[2] Речь идет о г. Нолинске Кировской обл., который с 1940 г. до 1957 г. носил название Молотовска, в честь уроженца города В. М. Молотова.

[3] Дмитрий Львович Щерба (1906–1948), филолог-романист, старший сын Л. В. Щербы. В 1942 г. эвакуировался из Ленинграда вместе с семьей — женой Ириной Андреевной (1903–1997) и дочерьми Лидией и Татьяной. В Молотовске он преподавал в Институте школ Наркомпроса.

трогаться ему отсюда не имеет смысла. Отсюда вытекает, что нам старикам придется ехать одним в такой далекий путь, да и дальше жить одним без физической и нравственной помощи. Это меня страшит, т. к. я, хоть и поправился от моего заболевания (потеря возможности мочеиспускания), но сил у меня маловато, да и от заболевания остались следы: ночью приходится вставать несколько раз и вообще держаться поближе к уборной. Жена[4] моя тоже очень и очень сдала за это время. В Алма-Ате же у нее нет решительно никаких связей женских. Свет, конечно, не без добрых людей, но в нашем возрасте трудно налаживать новые связи и желательно иметь под рукой хоть кого-либо из близких людей. Это главное и самое серьезное препятствие: мы старые и больные!

Кроме того у меня абсолютно нет денег: у меня только долги (правда небольшие, в пределах одной тысячи), и выехать мне не с чем. Между тем путешествие при нашей беспомощности будет стоить очень дорого. Продать же нам нечего, т. к. — Вы сами знаете — мы выехали почти что без вещей. Единственное, что я мог продать — это мои серые брюки. Это уже и сделано, и на брюки посажен картофель. Деньги, которые я мог мобилизовать в Ленинграде, все канули на обзаведение мелкой хозяйственной утвари и на приобретение запасов. Не только на дорогу нужны деньги, но и на устройство в Алма-Ате и на приобретение некоторых запасов (здесь у нас будет некоторое количество картофеля на зиму, получаю и получу некоторое количество крупы и муки в качестве важной персоны, какой я здесь являюсь, все это, не считая ученого пайка, который мы аккуратно получаем).

Кроме того я вероятно должен буду вывезти старушку (70 лет), сестру[5] моей жены (следовательно три старика поедут) или выслать сюда деньги на ее содержание, да и сыну придется помогать немного, т. к. его и жены его заработки просто смехотворны.

Все вместе мы все же что-то зарабатываем.

Я имею здесь: 500 (академическое обеспечение) + 1 200 руб. (ИЯМ'овской зарплаты) + 1 000 (Институт школ) + 350 (за

[4] Татьяна Генриховна Щерба (урожд. Тидеман) (1881–?).
[5] Анна Генриховна Курмоярова (урожд. Тидеман) (1870–?).

консультации по другому Институту). Все это конечно с грандиозными вычетами.

Таким образом, если не считать, что нам придется эвакуироваться, то материально нам правильнее отсидеться здесь до восстановления в той или другой форме нормальной жизни, и ехать туда, где уже всегда будут находиться ИЯМ и Отделение; путешествовать нам не под силу.

Но на это надо конечно Ваше официальное разрешение. Если все же я должен переехать куда-нибудь, где находятся Академические Учреждения, то нам легче перебраться в Казань. Нас здесь посадят, а там, в Казани, уже как-нибудь. В Казани живет приятельница Татьяны Генриховны и мои две племянницы, которых я, правда, плохо знаю, но все-таки Щерба. В Казани меня страшат дороговизна и вопрос топлива (кстати, напишите, пожалуйста, как с этим делом в Алма-Ата; еще напишите, пожалуйста, барометрическое давление Алма-атинское: я ведь гипертоник, а в здешних словарях не нахожу данных о высоте Алма-Ата над уровнем моря).

Так вот вручаю Вам мою судьбу теперь: как Вы решите, так и сделаю, а пока жду от Вас телеграммы (1. Сидите Молотовск, 2. Переезжайте Казань, 3. Поезжайте Алма-Ата).

Если ехать в Алма-Ату, то нужен форменный перевод со стороны высших начальств из Института Школ в Алма-Атинский университет, вызов на три человека (я, Т. Г. Щерба и Анна Генриховна Курмоярова), какое-то облегчение пути и деньги на дорогу.

Если ехать в Казань, то в общем от Вас мне ничего не нужно, кроме телеграммы.

Если оставаться в Молотовске, то нужно от Вас (а может и от Президиума?) гарантия, что мне будут продолжать платить ИЯМ'овскую зарплату не только в 1942, но и в 1943 г.

Я обязуюсь, конечно, работать на ИЯМ, что прикажете. С моей стороны, в 1942 г. я обязуюсь (и выполню обязательство, у меня уже написано более 2/3) написать новую книгу: *Теория русского правописания* (листов 10), которая будет состоять из 1) Теории русского алфавита, 2) Теории русского правописания в узком смысле и 3) Теории русской пунктуации.

Книга будет ученая и практическая, хотя никакой конкретной реформы предлагать не буду. Она будет заключать в себе и кое-что новое и во всяком случае не будет повторять сущест-

вующих книжек. Она нужна будет для всякого реформатора, т. к. вскроет всю систему нашего правописания и лежащие в ее основе принципы и противоречия. Книга не [нрзб.] (конечно с учетом истории). Она будет годиться и для умного учителя (для массовика надо будет сделать из нее облегченное извлечение).

За 1943 обязуюсь написать *Русскую грамматику для нерусских* (нечто вроде учебника, но посолиднее) и обработать виды и залоги русского глагола (м. б. частично). Все это я могу сделать без книг или с minimum'ом книг. Для всего другого нужны книги.

Мог бы предложить и другое: 1) на фоне подробного разбора новой книги Трубецкого о фонологии (одна из двух книг, которые мне удалось захватить) написать свои соображения по этому поводу. 2) на фоне подробного разбора новой книги Grammont[6] по общей фонетике изложить свою собственную теорию общей фонетики (Grammont — другая захваченная книга).

Обе статьи листов по 5 [листов], и они могли бы быть написаны без книг.

Все остальное (Курс общей фонетики, Введение в языкознание, Сравнительная грамматика русского и церковнославянского языков, Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков, Продолжение моего опыта теории лексикографии, Этюды по общему языкознанию) требует книг, которые можно иметь лишь в Ленинграде или в Москве.

Работать по академической грамматике я лишен возможности, т. к. не мог взять с собою материалов: они остались в моей квартире в Ленинграде. Кажется, что тоже случилось и с материалами Обнорского. Если бы мне их доставили, то я конечно взялся бы отредактировать Фонетику, и глагол, и второстепенные части речи. Но без книг довести дело до точки невозможно (Прилагательное и существительное должен был отредактировать Обнорский). Кроме книг мне нужен был бы Бархударов, как советчик и критик.

[Полагаю] с окончанием редактирования надо ждать окончания войны и военных внешних сообщений.

---

[6] Maurice Grammont (1866–1946), французский лингвист, ученик Г. Париса и Ф. де Соссюра. Возглавлял кафедру грамматики и филологии на факультете литературы в Монпелье, редактор журнала «Revue des langues romanes», основатель лаборатории экспериментальной фонетики. Речь идет об его книге «Traité de phonétique» (1933).

Пока прошу Вашего официального разрешения сидеть мне в Молотовске до лета [19]43 г. и не менее официального утверждения моего индивидуального плана на 1942 и [19]43 годы (т. е. на 1942 — Теорию русского правописания, а на 1943 — Русскую грамматику для нерусских). Психологически и физически это решение для меня проще всего и легче всего: не двигаться с насиженного места.

Если в Казани дали бы (не мне, конечно, а другим лицам) вагон до Алма-аты и если бы меня снабдили деньгами на дорогу, а в Алма-ате дали бы полную ставку в Университете (без чрезмерной нагрузки лекциями, т. к. я скоро устаю), то я поехал бы к Вам, если в Алма-ате обеспечен свет, тепло и пища для меня и моих иждивенцев. И если это диктуется высшими соображениями: я боюсь беспорядочной эвакуации.

Простите, что вышло так длинно; но я давно собирался написать Вам длинное письмо на эти темы. Простите также, что [резко] и оппортунистически ставлю вопрос — [нрзб.] и сам и жена, не можем уже больше [чересчур] на себя надеяться.

Да, в виде отчета за 1-ю половину [19]42 г. могу сообщить, что в Журнале «Советская педагогика» набраны и сверстаны две большие мои статьи: «Русский литературный язык»[7] (мой доклад в О.С.А.Н) и «Общеобразовательное значение иностранных языков и место их в системе учебных предметов в средней школе»[8].

Кроме того написано две главы Основ методики преподавания иностранных языков.

Ну еще раз простите за болтовню. Крепко жму Вашу руку. Привет Е. С.[9], В. И.[10], Бархударову и др.

Искренне Ваш Л. Щерба.

---

[7] Эта статья вышла под названием: «Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку» // Советская педагогика. 1942. № 3–4. С. 48–53.

[8] Под названием: «Общеобразовательное значение иностранных языков и место их в системе школьных предметов» // Советская педагогика. 1942. № 5–6. С. 30–40.

[9] Е. С. Истрина.

[10] В. И. Чернышёв.

Приписка на полях первой стр.: Молотовские цены: 12 р. литр молока, 14 р. фунт масла, 1 000 р. пуд муки или крупы, 60 р. кило мяса, 250 пуд картофеля.

Приписка на полях последней стр: Не может ли быть речи о переезде и сына с семьей, конечно с сокращением всех его здешних выгод? Нас было бы 7 человек: 3 старика, 2 детей и 2 взрослых.

2.

1 сентября 1942

Дорогой Иван Иванович,

Посылаю Вам мои официальные отчеты — один [оборотный] для сведения, так сказать, а другой — как директору и как академику-секретарю. Так было сказано в циркулярной бумаге, которую я недавно получил из Свердловска.

Копии обоих отчетов послал Обнорскому в Казань (он вызвался — в открытке — направить их дальше).

Надеюсь, что Вы скоро получите мое длиннющее и довольно несуразное письмо, отражающее и мою нерешительность.

Итак, ожидаю от Вас телеграммы.

Я, может быть, приехал бы с женой (это несомненно), с сестрой жены (70 лет) и с женой племянника (находящегося на фронте), молодой женщиной, которая чудом не умерла в Ленинграде от голода, но которая теперь поправляется. Могу ли я рассчитывать, что их также будут кормить. Племянница была бы для нас важна как физическая сила. А то надо сказать, что Татьяна Генриховна сильно сдала физически: страшно исхудала и постарела, так что ее просто не узнать.

Но все это в общем пустяки. Самое главное, как военные дела будут! Так напряженно [нрзб.] из-за этого, как никогда!

Привет Евг. Самс.[11] и всем товарищам.

Искренне Ваш Л. Щерба.

[11] Е. С. Истрина.

3.

26 сентября 1942

Дорогой Иван Иванович,

Получил Ваше такое милое письмо от 4 сентября, из которого убеждаюсь, что Вы не настаиваете на моем приезде в Алма-Ату, тем более, что ИЯМ'овцев, прибывших недавно из Ленинграда, Вы предлагаете, как мне пишет Обнорский, оставить в Елабуге.

Поэтому я решаюсь просить у Вас позволения работать в Молотовске над ИЯМ'овскими темами, которые при этом и предлагаю.

Хотя психологически мне и очень не нравится, что отсюда не выбраться в течение зимних месяцев, однако двигаться на [нрзб.] Обнорский зовет в Казань; но жилищные условия там тяжелые, да и с приработком совершенно неясно: лучше уж зимовать здесь еще один раз.

Посылаю Вам официальную бумагу с темами и с просьбой разрешить мне и впредь оставаться в Молотовске. Не знаю, надо ли это. Обнорский поехал в Москву, откуда имею уже открытку.

Вы телеграфировали, что Бархударов собирается тоже в Алма-Ату; но в письме об этом ничего нет. Я написал ему в Ташкент.

Очень, очень хотелось бы где-нибудь снова соединиться в мирных условиях, но когда это будет?

Будьте здоровы. Привет алма-атинцам.

Искренне Ваш Л. Щерба.

4.

29 января 1943
Молотовск Кировская обл.
Институт школ

Многоуважаемый Иван Иванович,

Давно не писал Вам; между тем накопилось довольно много матерьялу [sic!] для письма. Надо, впрочем, сказать, что очень расхолаживает медленность продвижения письма: ведь чуть не месяц идет письмо из нашей дыры в Вашу прекрасную «яблоч-

ную страну». Кстати сказать, яблок здесь нет и в глаза не видели, и это было для меня большим лишением.

Пользуясь Вашим разрешением, я остался в Молотовске и не очень расстраиваюсь. Мы жили до сих пор — вот уже пошел второй год — хоть и тесновато, но безусловно в тепле, и были в общем сыты. Пища однообразная и надоела смертельно: все едим собственную картошку. Рынок недоступен; в столовой кормят неважно. Помогает делу паек, который получаем довольно регулярно.

Недавно, однако, в нашей жизни произошла большая перемена, о которой и хочу рассказать. Я бы и давно написал Вам, если бы не все эти события, о которых я хотел рассказать post factum и окончательного выяснения положения.

Институт школ Наркомпроса перевели обратно (в Москву), однако только в лице его сотрудников; семьи остались здесь до весны. Сын мой уехал, а я попросил позволения остаться здесь с женщинами и детьми до весны, т. е. до открытия навигации, когда переезд не будет так затруднен. Таким образом, предполагаю, что в середине мая я буду со всей своей семьей в Москве. Написал Павлу Ивановичу[12] с просьбой содействовать мне в подыскании помещения и вообще в нашем устройстве в Москве. Полагаю, что с Вашей стороны возражений не будет против такого переселения и что даже наоборот Вы будете сочувствовать ему с точки зрения интересов Отделения, поскольку я воссоединюсь с его московскими обломками и с [нрзб.] Каковы бы ни были дела на фронтах, едва ли Университет и ИЯМ поедут на будущий учебный год в Ленинград. Что касается меня, то я связываю свою судьбу с ИЯМом.

Если ИЯМ возвращается в Ленинград, то я конечно тоже с восторгом поеду к пенатам и буду только просить АН квартиру (моя, если и не разгромлена, то требует большого ремонта, высока для сердца и холодна). Если же ИЯМ переведут в Москву, то, пожалуй, я расстанусь с Университетом, как мне это ни жаль и как это ни тяжело моей жене, которая, как Вы знаете, большая патриотка Ленинграда. Но думается, что будущую зиму во всяком случае придется провести в Молотовске и что летом нам придется заниматься огородом (а

[12] П. И. Лебедев-Полянский.

без этого с семьей будет не прожить), почему и важно все переселение сделать весной.

Напишите, что Вы думаете на этот счет. Теперь несколько слов о моей деятельности в Молотовске: в учебном году я напечатал в «Советской педагогике» две статьи и написал третью. Но главное, я принимал деятельное участие в выработке новых учебных планов для средней школы, написал для них вводный содоклад, и все это нашло себе в М. большое сочувствие. Главные мои усилия были направлены на то, чтобы восстановить языки в школе, и это, по-видимому, в какой-то степени удастся. Кроме того я написал докладную записку о преподавании филологии в школе, которую [нрзб.] посылаю Вам для сведения (покажите ее, пожалуйста, Евгении Самсоновне) и которая встретила сочувствие со стороны Наркомпроса. Вообще я не чувствую, чтобы год провел праздно и летом у меня был большой подъем. Меня даже вызывали для доклада по всем этим вопросам в Москву, но пожалели и позволили сидеть на месте: ведь выезд из Молотовска — это целая история.

Возвращаюсь к переезду в Москву: если там меня с семьей не устроит и если ИЯМ будет зимовать еще в Алма-Ата, то мне придется, пожалуй, переселиться к Вам весной или в Казань, или в Саратов. Напишите, что Вы об этом думаете.

Шлю привет всем ИЯМ'овцам и крепко жму Вашу руку.

Искренне Ваш Л. Щерба.

Дела на фронтах [нрзб.] радуют![13]

5.

1 мая 1943
Молотовск Кировская обл.
Институт школ

Дорогой Иван Иванович,

Прежде всего, поздравляю Вас как лауреата Сталинской премии: помимо чести и деньги сейчас как нельзя более кстати. А при деньгах сейчас можно жить, не думая все время чем завтра «набить свое чрево» — мысль, по совести, надоедливая и

[13] Часть текста внизу страницы размыта и не читается.

унижающая человеческое достоинство. Единственное, чем спасаемся — это другой мыслью, гораздо более надоедливой [ибо нрзб.], но по крайней мере не унизительной: а каково на фронте, а главное каково всем тем, кто остался на оккупированной территории. Ведь это кошмар, сплошной кошмар…

Второе — я получил Вашу телефонограмму о высылке Лебедеву-Полянскому нужных для восстановления [нрзб.] документов[14]. Я очень тронут Вашей памятью и благодарю Вас. Бумаги я выслал, хотя очень опасаюсь, что это будет опять и опять зря: почему это дано только два места на этот раз, хотя имеется столько незамещенных мест: Розанов[15], Покровский[16], Щербатской[17], Ляпунов[18], не говоря о Луначарском[19] и Самойловиче[20].

Кстати, скажите, жив ли П. К. Коковцев[21]? Я что-то о нем ничего не слышу. Про Крачковского[22] я только что читал в Протоколе Президиума, который недавно получил. Жебелёв[23], к сожалению, скончался — мне об этом писали.

Третье — я получил Вашу телеграмму с предложением переехать в Алма-Ату. Я ничего не ответил еще, т. к. жду извещения из Москвы.

---

[14] В 1943 г. состоялись выборы в АН СССР, Л. В. Щерба был избран академиком.

[15] Матвей Никанорович Розанов (1858–1936), литературовед, академик (1921).

[16] Михаил Михайлович Покровский (1868/69–1942), филолог-классик, лексиколог, литературовед, академик (1929). Умер в эвакуации в Казани.

[17] Федор Ипполитович Щербатской (1866–1942), востоковед, академик (1918). Умер в эвакуации в Боровом Акмолинской обл. Казахской ССР.

[18] Борис Михайлович Ляпунов (1862–1943), лингвист, академик (1923). Умер в эвакуации в Боровом Акмолинской обл. Казахской ССР.

[19] Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933), первый нарком просвещения РСФСР, академик (1930).

[20] Александр Николаевич Самойлович (1880–1938), востоковед, академик (1929).

[21] Павел Константинович Коковцев (1861–1942), востоковед. Умер в блокадном Ленинграде.

[22] Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951), востоковед-арабист, академик (1921).

[23] Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941), историк и филолог-классик, академик (1927). Умер в блокадном Ленинграде.

Я сам давно мог бы туда ехать; но не решаюсь на это в единственном числе и прошу прислать еще пропуски для меня и внучки[24] 12 лет, которую беру для физической помощи нам старикам как в дороге, так и в Москве. Если в конце концов я получу пропуска для них, то рассчитываю увидеться с Вами в начале июня в Москве, и тогда мы с Вами вместе, если позволите, решим вопрос о том, где мне быть, оставаться ли в Москве или ехать в Алма-Ату.

Основной вопрос, конечно, военный. А затем вопрос моего хвоста. Нас всего 8 человек, и разъединиться нам трудно. На моем непосредственном иждивении находятся 6 человек (стар и мал). Сын и невестка кормятся сами, но на детей у них пока не хватает пороху. Кроме того опекать детей приходится все же бабушкам (жена моя и ее сестра), которые впрочем и сами требуют какой-то физической помощи в определенных случаях. Одним словом, моя ситуация сложная.

В Москве меня ждет Институт школ, Наркомпрос, предлагают кафедру и даже на выбор. Но как с квартирой будет — еще неясно. Неясно тоже, сможем ли мы с сыном, который уже несколько месяцев в Москве, прокормить наш хвост. Неясно.

В Алма-Ата меня смущает очень дорогой рынок (по слухам), квартира, дрова, а затем высота над уровнем моря (говорят, гипертоникам там тяжело — правда ли это? — в словарях не нахожу данных об уровне над морем). Для меня одно ясно, что в Молотовске я оставаться не хочу; но если не в Москву, то куда деваться?

Над темами своими я понемногу работаю, и конец виден. Но главное, что меня волнует и заставляет хотеть в Москву — это разные большие общие темы, с которыми хотел бы выступить в Отделении. Надеюсь, обо всем этом говорить в Москве, если увидимся. Если не встретимся, по моей или Вашей вине, то напишу о моих мечтах. Пока только назову главнейшие: 1) О языковой политике (с практическими выводами); 2) О назревшем повороте в историографии русской филологии (громадный вопрос); 3) О пересмотре понятия «филологии»; 4) Об освобождении из плена немецкой науки.

[24] Лидия Дмитриевна Щерба (Буланина) (1931–2007), ученый-химик.

Ну вот пока кончаю. Привет всем алма-атинцам. А Вас еще раз благодарю за заботу и внимание.

Надо бы помочь Виноградову: он страшно томится в Тобольске, томится и болеет.

Будьте здоровы.

Ваш Л. Щерба.

6.

25 июня 1943[25]

Дорогой Иван Иванович,

Сегодня уезжаю с Т. Г.[26] в Москву, вырвавшись наконец из полуторагодового Молотовского пленения. Письмо Ваше получил и благодарю за него. Надеюсь, что и Вы получили мое (кроме того писал я еще Абабкову). Из Москвы буду писать подробнее, а пока просьба: Б. А. Ларин хочет зимовать в Казани, где он сейчас в командировке и наслаждается прекрасной библиотекой (по старым книгам). Я поддерживаю его в этом, т. к. очевидно, что в Казани он сделает для Академии гораздо больше, чем в Яранске. Он хочет жить в Казани, но делать наезды в Яранск, где остается зимовать его семья, для несения части преподавания. Для всего этого нужна Ваша санкция. Не откажите оформить, т. к. Обнорский уезжает, м. б. в Москву, то официальную реализацию нового положения Ларина не откажите выслать в Казань на имя И. М. [Толочко].

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Л. Щерба.

[25] Почтовая открытка послана из Казани.
[26] С женой Татьяной Генриховной Щерба.

От Николая Владимировича Юшманова

(СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 586)

1.

28 апреля 1942 г., Вологда

Дорогой Иван Иванович!

После своего отъезда из Ленинграда я писал Вам два раза — заказное письмо 19 октября в Ленинград и открытку 27 ноября в Казань. По-видимому, оба отправления до Вас не дошли, так как я не получил никакого ответа. В настоящее время, списавшись с С. П. Обнорским, я получил Ваш нынешний адрес и пишу уже по нему, надеясь, что письмо наконец дойдет до Вас.

Когда я уезжал из Ленинграда, мы договорились, что при эвакуации Института языка и мышления в другой город Вы меня выпишете для воссоединения с институтом. Теперь какая-то нелепая ситуация: часть работников Института находится в Ташкенте, часть в Казани, а Вы совсем в другом городе и я совсем в другом городе… Неясно, как и куда мне стремиться для воссоединения с Институтом. Надеюсь, что Вы мне сообщите, как лучше поступить. В Вологде я имею лишь 60 часов в год, читая общее языкознание («Введение» на I курсе) местного пединститута; сверх этого небольшого заработка ничего не получаю, а из Академии Наук, как Вы знаете, с сентября прошлого года мне денег не высылают. Другие работники ИЯМа находятся в лучшем положении, так как получают содержание от казначея АН СССР, хотя и не работают по плану Института, я же работаю над темой 1941–1942 гг. «Общая фонетика», и в черновике эта работа могла бы быть готова, если бы я получал средства и не нуждался бы в самых насущных вещах. Между тем я живу в плохих условиях, улучшить которые без помощи Академии Наук невозможно — нужно уехать в другой город или восстановиться в штате (я «временно отчислен из штата» и у меня в паспорте штамп ИЯМ'а)[1].

[1] Вплоть до 1974 г. в паспорте отмечалось место работы.

Работа над «Общей фонетикой», несмотря на отсутствие здесь нужной литературы, идет вперед и обещает дать очень оригинальные и интересные результаты в области стадиальной фонетики и даже в области исторической фонетики русского языка. К сожалению, в Вологде некому читать доклады по моей тематике, и я работаю обособленно; здесь очень слабый коллектив работников — нет ни одного профессора-языковеда и даже ни одного кандидата филологических наук!

И. Ю. Крачковский пишет мне, что моя новая арабская грамматика набрана и подписана им к вёрстке, но академическое издательство замерло… Между прочим, это издательство так и не заключило со мной договоров на сверхплановые «Определитель языков» и «Ключ к латинской письменности», которые до сих пор не оплачены.

Желая работать под Вашим руководством столь же плодотворно и общественно-полезно, как было до эвакуации, надеюсь, что Вы поможете мне воссоединиться с Институтом.

С приветом Ваш Н. Юшманов

Вологда, Гасиловская ул., 7, кв. 1.

2.

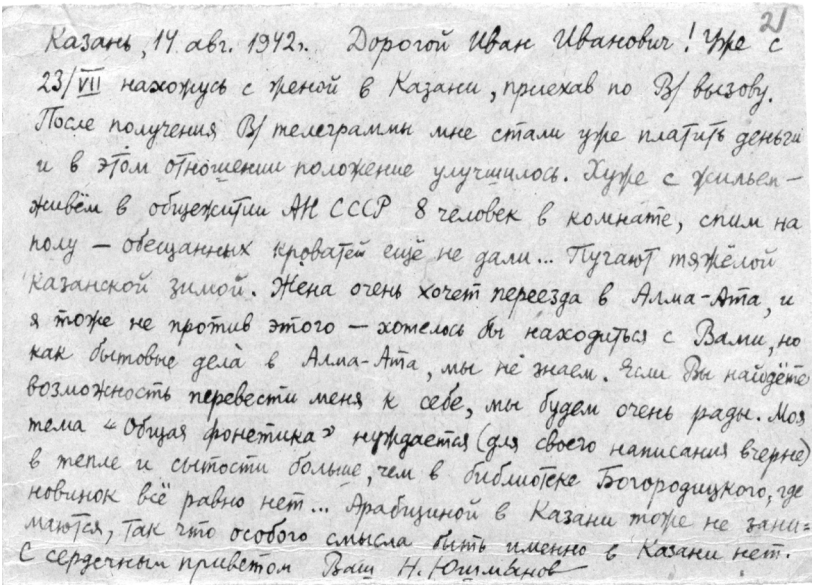
14 августа 1942 г., Казань

Дорогой Иван Иванович!

Уже с 23 июля нахожусь с женой в Казани, приехав по Вашему вызову. После получения Вашей телеграммы мне стали уже платить деньги и в этом отношении положение улучшилось. Хуже с жильем — живем в общежитии АН СССР 8 человек в комнате, спим на полу — обещанных кроватей еще не дали … Пугают тяжёлой казанской зимой. Жена очень хочет переезда в Алма-Ата, и я тоже не против этого — хотелось бы находиться с Вами, но как бытовые дела в Алма-Ата, мы не знаем. Если Вы найдёте возможность перевести меня к себе, мы будем очень рады. Моя тема «Общая фонетика» нуждается (для своего написания вчерне) в тепле и сытости больше, чем в биб-

лиотеке Богородицкого[2], где новинок все равно нет... Арабщиной в Казани тоже не занимаются, так что особого смысла быть именно в Казани нет.

С сердечным приветом. Ваш Н. Юшманов

Казань, 14 авг. 1942. Дорогой Иван Иванович! Уже 21 с 23/VII нахожусь с женой в Казани, приехав по В/ вызову. После получения В/ телеграммы мне стали уже платить деньги и в этом отношении положение улучшилось. Хуже с жильем — живём в общежитии АН СССР 8 человек в комнате, спим на полу — обещанных кроватей ещё не дали... Пугают тяжёлой казанской зимой. Жена очень хочет переезда в Алма-Ата, и я тоже не против этого — хотелось бы находиться с Вами, но как бытовые дела в Алма-Ата, мы не знаем. Если Вы найдёте возможность перевести меня к себе, мы будем очень рады. Моя тема «Общая фонетика» нуждается (для своего написания вчерне) в тепле и сытости больше, чем в библиотеке Богородицкого, где новинок всё равно нет... Арабщиной в Казани тоже не занимаются, так что особого смысла быть именно в Казани нет. С сердечным приветом Ваш Н. Юшманов

[2] Василий Алексеевич Богородицкий (1857–1941), лингвист, языковед, один из основателей Казанской лингвистической школы, член-корр. (1915).

Воспоминания о войне

Владимир Михайлович ПАВЛОВ

Из воспоминаний

А в 1941 году я по окончании 9 класса 216 школы (сначала она называлась 13-ой школой Куйбышевского района) примерно за десять дней до начала войны приехал на летние каникулы в Одессу.

<…> 22-го июня началась война. Это было воскресенье. Мы <…> были на дневном спектакле в театре (помню, что это был русский драматический театр из Минска). Узнали мы о том, что началась война, во время антракта после первого действия. Театр моментально опустел. Отмечу одну из характерных реакций на такое известие: город бросился в магазины за солью и спичками. По радио передали, что немцы бомбили ряд городов, и в этом списке была и Одесса. Должен сказать, что, во всяком случае, на сам город и на порт в течение первого месяца войны налетов не было. Первые бомбы посыпались 22 июля, и налеты стали ежедневными.

А 29 июля дед, бабушка и я в порядке эвакуации совершили в порту (с десятком «мест» багажа) посадку на теплоход «Кубань». Это была совместная эвакуация Одесского университета и Одесского пединститута. «Кубань» тащила за собой плавучий док, и поскольку это было очень ответственное дело, караван имел прикрытие с воздуха и его сопровождали катера охранения. До этого уже были случаи, когда суда, вывозившие из Одессы людей, были потоплены. У нас плавание прошло благополучно мимо берегов Крыма в Керчь. Оттуда «Кубань» направилась в Новороссийск, а эвакуируемых пересадили на палубу дока и отбуксировали док через Азовское море в Мариуполь. Из Мариуполя же нас через несколько дней перебросили, тоже морем, вдоль берега в Бердянск. Первоначально

Бердянск и считался конечным пунктом эвакуации. Но немцы за то же время так продвинулись на восток по территории Украины, что Бердянск как место размещения одесских вузов начисто отпадал. Дальнейший путь вел (железной дорогой) на Северный Кавказ, в Краснодарский край, и закончился в Майкопе, главном городе Адыгейской автономной республики (или автономного округа?) в составе Краснодарского края. Симпатичный город, небольшой, чистенький, в основном одноэтажный, кроме, пожалуй, одной центральной улицы. Там нашлось место для одесских вузов, они провели дополнительный прием студентов и начали работу. Сама эвакуация, наше пребывание «на колесах» длилось почти два месяца, потому что мы неделями застревали то в одном, то в другом месте, дожидаясь решения «в верхах» вопроса «Куда дальше?» и в ожидании транспорта. Жили при этом под открытым небом, например, в Бердянске в городском парке, благо было лето. В Майкопе наша семья сняла на окраине города комнату в практически деревенском доме. Дед работал, читал лекции. Весной 1942 года он защитил в ученом совете Одесского университета кандидатскую диссертацию по аналитической геометрии. Дело в том, что до середины 30-х годов еще не было современной системы научных степеней и званий, и дед считался «профессором» по должности и выполняемой работе, а когда упомянутая система была введена, ему присвоили звание доцента (без степени). Степень же кандидата наук открывала путь к дальнейшему продвижению по «карьерной» лестнице (от чего зависел уровень зарплаты). Бабушка занималась хозяйством, а в Майкопе в те месяцы, что мы там были, накормить нас было сравнительно нетрудно, Краснодарский край не страдал отсутствием продовольствия. Я пошел в школу, которую и успел окончить, прежде чем снова пришлось сниматься с места.

Немцы уже наступали в направлении Волги, к Сталинграду, а в самом начале августа двинули войска из Ростова в Краснодарский край, на Кубань и дальше по Северному Кавказу (дошли, кажется, до курортного Пятигорья: Пятигорска, Кисловодска, Минеральных вод, Ессентуков, подошли вплотную к Чечено-Ингушетии (город Грозный оккупирован не был). Покатились они обратно сами, так как после разгрома 6-ой армии под Сталинградом их армия на Кавказе легко могла быть отрезана и уничтожена. В начале же августа 1942 года наш

фронт под Ростовом был мгновенно прорван, и немцы двинулись, не встречая серьезного сопротивления, как раз в том направлении, где мы находились. 5-го августа университету и пед. институту дали два (больших) товарных вагона и одну открытую платформу, и этот транспорт двинулся на запад, в направлении Черного моря, к Туапсе. Ехали сотрудники с семьями, а из студентов только инвалиды, остальные вышли из Майкопа пешей колонной через горные перевалы тоже в направлении моря. 5-го августа мы покинули Майкоп, 7-го немцы его заняли. В этот же день на сортировочной станции Туапсинского желдорузла, где наш поезд был на время остановлен, случилось несчастье. Надо упомянуть, что дед и бабушка находились две ночи подряд (и один день) в товарном вагоне, где было такое скопление людей и вещей, что спать там было невозможно (я с несколькими парнями моего возраста устроился в прицепленном к нашему составу снегоочистителе). Было раннее утро. Дед отправился в станционный ларек за хлебом (перед отъездом всем были выданы дорожные продовольственные карточки). Бабушка около вагона поливала мне из ковшика воду на руки, чтобы я мог умыться, когда раздался чей-то вопль: «Старый профессор под паровозом!». Им оказался дед. Когда я подбежал к месту, где случилась беда, маневровый паровоз, один, без вагонов, медленно отъезжал назад. Я пощажу читающего эти строки и не буду рассказывать в деталях, что я увидел, когда паровоз отъехал. Деда увезла «скорая». Мы с бабушкой нашли больницу и морг. Похоронили с помощью добрых людей в тот же день на одном из туапсинских кладбищ (поезд с нашими ушел дальше, и надо было догонять, чтобы не потеряться, не остаться одним, что могло бы кончиться чем угодно). На могиле остался колышек с дощечкой, на которой я написал имя деда. Конечно, найти могилу, когда мы с Людмилой в 1948 году при посещении Туапсе попытались это сделать, оказалось невозможно. В колумбарии московского крематория установлена табличка с именем деда. Дедушке Исаю Давидовичу Дубу было 64 года, и он ничем не болел. Они с бабушкой были одногодки, оба родились в 1878 году и рано поженились.

Мы с бабушкой застали бродячий университет и пединститут в Гаграх, городе, до которого тогда уже доходила прибрежная железная дорога (ее продолжали строить). Нашли весь

табор в центре города, в парке (Гагры вытянуты вдоль моря узкой полосой в несколько километров). Эвакуация продолжилась морем в Сухуми, далее в товарных вагонах через Закавказье в Баку, оттуда через Каспийское море в Красноводск, из Красноводска пару тысяч километров железной дорогой до станции Чирчик севернее Ташкента, а оттуда обратно в Туркмению, в районный город Байрам-Али неподалеку от областного центра Мары. Там некий административный центр, может быть, в самой Москве, решил разместить два эвакуированных одесских вуза. Я еще в дороге, которая длилась в общей сложности два месяца, был зачислен студентом на первый курс факультета русского языка и литературы педагогического института. Проучился я (на курсе было человек десять) до апреля 1943 года. Жили мы с бабушкой в одной общей большой комнате вместе с еще несколькими семьями сотрудников пединститута, кроватей не было, располагались на тючках, в которых были сложены наши вещи, частично то, что удалось вывезти еще из Одессы. Было голодно. Приходилось, выйдя на базарную площадь, продавать там туркменам свои вещи, например, отрез какой-то материи и т. п. Чтобы заглушить голод, я грыз хлопковый жмых — твердые зеленоватые пластины спрессованных семян, остающиеся после выжимания хлопкового масла.

7 апреля 1943 г. меня призвали в армию. Мне было 17 лет и 4 месяца от роду. С небольшой группой других парней я был доставлен в Киргизию, в станицу Беловодскую (с почти сплошь русским населением), это на железной дороге к Фрунзе, нынешнему Бишкеку, столице республики. Там я стал курсантом ШМАС — 51-ой Школы младших авиационных специалистов (эвакуированной в Беловодскую из украинского города Овруча). Четыре месяца обучения специальности «мастер по авиавооружению» (бомбы, пулеметы, авиапушки и т. д.). По окончании мне присвоили звание младшего сержанта и в составе небольшой группы отправили в Москву в штаб Авиации дальнего действия (размещался в Академии им. Жуковского) для дальнейшего распределения. АДД, сформированная в начале 1942 года, была особым авиационным соединением, которое подчинялось непосредственно Ставке главного командования. Я был направлен в 455 бомбардировочный авиаполк, который базировался на аэродроме Туношное вблизи Ярославля и которым

командовал около года после моего прибытия туда 1-го сентября 1943 г. подполковник Чеботаев. Начал я с чисто аэродромной службы: подготовка самолетов к боевым вылетам — уход за пулеметами, их проверка, снабжение боеприпасом, подвеска бомб и т. п. Полк выполнял только ночные полеты, так как самолеты ИЛ-4 в начале войны не выдерживали столкновений с немецкими истребителями в дневное время и массово сбивались. После перехода на ночную «работу» потери резко снизились. Зачастую за ночь производилось по два и даже по три вылета, если расстояния до целей были сравнительно невелики, и это означало для аэродромных служб дежурства с вечера до утра. Общая численность полка составляла примерно 150 человек (при 32 летных экипажах: три эскадрильи по 9 машин плюс самолеты командира полка и его заместителей), на «наземников»-солдат приходилась едва ли пятая часть состава полка, а на них возлагалась и вся караульная служба, наряды на кухню («картошку чистить») и тому подобное. Результат: спать удавалось лишь урывками. В середине 1944 г. я был переведен в летный состав — в воздушные стрелки и включен в экипаж зам. командира полка майора Бориса Исааковича Азгура (брат известного минского скульптора). Летать доводилось, правда, с разными экипажами. Экипаж состоял из четырех человек: пилота, штурмана, стрелка-радиста и воздушного стрелка. Я был, так сказать, четвертой спицей в колесе.

К середине 1944 года полк приобрел в результате ряда наград и благодарностей командования звучное наименование: 30-ый Гвардейский Краснознаменный Смоленский бомбардировочный полк Авиации Дальнего Действия. Я стал гвардии сержантом, в каковом звании навсегда и остался. При перебазированиях вслед за продвигающейся на запад линией фронта мы побывали на аэродромах Мигалово под Калинином (Тверью), Шаталово в Смоленской области, в каком-то месте в Белоруссии, название которого я забыл, и на аэродроме под западнобелорусским городом Лида. С этого аэродрома состоялся мой последний вылет. В течение января 1945 г. вылетов почти не было, не позволяли метеоусловия. Каждый день ставилось и прорабатывалось задание, а затем следовал отбой. В ночь на 27 января команда на вылет (с большим опозданием, около 2-х часов ночи) была дана. Экипаж: пилот старший лейтенант Михаил Михайлович Куприянов (1923 г. рожд.), штурман

капитан Василий Александрович Хорьков (30-ти с небольшим лет), стрелок-радист Алексей Клюшников (род. в 1927 г.) и я. Цель.– ж.-д. узел Хойнице, что на юго-запад от Данцига. Вылетели самолетом-осветителем, бомбовая нагрузка — САБы, светящие авиабомбы (загораются на высоте примерно 1000 метров и спускаются на парашютиках, довольно медленно, освещая при этом местность для прицельного бомбометания другими самолетами полка). Было минус 25°. Полет начался при ясном, лунном небе. Через час стала наплывать облачность, сначала снизу, потом и сверху, так что при подлете к району цели, часа через два с половиной, мы оказались между двумя слоями сплошных облаков. Самолет вел себя до этого времени нормально. Штурман на пробу сбросил три бомбы, но из-за облаков мы даже не увидели свечения. Офицеры приняли решение возвращаться. И тут пилот совершил ошибку: по привычке, уходя от цели, пошел на снижение. На высоте порядка 3500 метров машина вошла в густой снегопад и начала обледеневать. Обледенение привело к дальнейшему, уже вынужденному снижению, и затем, на высоте 500 метров, встал вопрос, выбрасываться ли на парашютах или совершать вынужденную посадку почти вслепую и на незнакомой местности. Да семь бомб еще не были сброшены. Летчик решил сажать, в общем, со смертельным риском. Повезло, успел заметить деревья на фоне снега, когда еще оставались секунды, чтобы выпрямить самолет, и при этом он оказался над полем. Сели «на живот», как в авиации было принято говорить. До рассвета оставалось еще часа два, и до рассвета нам удалось дойти до леса, оставляя, кстати, следы в глубоком снегу. Почему нас по этим следам не начали сразу же преследовать, остается загадкой. Лесами мы шли на восток, в направлении фронта. Мы находились на территории так называемого Польского коридора (полоса вдоль нижнего течения Вислы), отделявшего собственно Германию от Восточной Пруссии, а в Восточной Пруссии с 12 января шло наступление Красной Армии (с опережением ранее намечавшихся сроков в связи с просьбой союзников о помощи, так как немцы в Арденнах предприняли последнюю в этой войне попытку переломить ее ход своим отчаянным наступлением). В ночь на 31 января мы добрались до берега Вислы. Река, на нашу беду, оказалась незамерзшей, и мы двинулись вдоль берега на юг, надеясь найти где-нибудь лодку. На немецкий заградпост

натолкнулись совершенно неожиданно, часовой у небольшого одиноко стоящего домика поднял тревогу, и мы были окружены солдатами. С одной стороны Висла, с другой стороны поле со снегом выше колена. Нетрудно было доказать, что четырьмя дураками стало на свете меньше, выполняя сталинский наказ «советский солдат не сдается», но мы этот наказ выполнять не стали.

Этапы плена. 31-го доставили в Данциг. 4-го февраля самолетом Ю-52 перебросили в город Штольп на побережье западнее Данцига километрах в 100–120. 8-го февраля нас четверых присоединили к колонне советских военнопленных, которую вывели из-под Кенигсберга, она прошла уже не одну сотню километров (и потеряла по дороге чуть не половину своего первоначального состава). Марш продолжался шесть недель. Колонна еле ползла, со скоростью километра три в час, не больше. Конвойная команда состояла из пожилых солдат и отчасти из инвалидов. Помню конвоира с одним глазом. Были грубы, даже очень, но садистов я среди них не приметил. Впрочем, отставших в живых, видимо, по приказу, не оставляли. И на телеги, сопровождавшие колонну, ослабевших не брали. Так что ситуация диктовала: шагай, или тебе конец. Интересно, что несмотря на условия, далекие от человеческих, ни я, ни мои товарищи, насколько я помню, за все время плена ни разу не чихнули. Отмечу здесь же важный момент везения. Он состоит в том, что мы четверо все это время оставались вместе. Немцы, как правило, содержали пленных офицеров и солдат-сержантов-старшин раздельно, но сначала обстановка пешей колонны, а потом содержание в лагерной тюрьме, да и всеобщий развал рейха в последние недели войны, не до того им было, чтобы строго соблюдать собственные порядки.

12-го или 13-го марта колонна, оставив за собой Померанию и восточную часть Мекленбурга, остановилась на окраине какой-то деревни. Ее разместили в двух или трех сараях. Остановка длилась неделю. Двое пленных предложили нам бежать вместе с ними. Одного из них помню: Орлов, бывший майор (скрывал свое офицерское звание), нач. тыла некоей крупной воинской части, в плену с осени 1941 года. Второй (не помню, как он себя назвал) сказал, что он ленинградец. В ночь на 19-ое, тихо раздвинув доски, образующие боковую стену сарая, мы поочередно выбрались и собрались поодаль у заранее

намеченного дерева. Часовой ничего не заметил. Шли ночь, прятались следующий день, шли еще ночь, под утро опять укрылись. Места безлесые, прятаться пришлось в сараях на краю деревень, под сеном и соломой. На второй день нас учуяли дети, игравшие в том же сарае, где мы по разным углам спали, зарывшись в солому. Выкопали нас из-под нее крестьяне, причем солому они разбрасывали вилами. Хорошо еще, что не прошили вилами насквозь.

Было это 21-го марта. Те, которые нас «поймали», наверное, убили бы нас. Мне кажется, хотя понимал я их плохо, что нечто в этом духе звучало в их переговорах. Я забыл упомянуть, что с детства занимался немецким языком, года три имел частные уроки, а потом столько работал с книгой и неотступно со словарем, что к шестнадцати годам мог читать прозу Гете, к словарю почти не прибегая (в школе же был английский, с которым я тоже неплохо справлялся и много занимался дополнительно). «Поймали» нас старики-«ландштурмовцы», одетые в полувоенное, с допотопными винтовками, а немецкая пропаганда была полна сообщений о том, как русские безжалостно уничтожают на дорогах бегущих от них немецких детей, женщин и стариков. На наше счастье в той же деревне был молокозаводик, на нем работала команда военнопленных, а при них были караульные, и нас передали им. Думаю, что некоторую осмотрительность в обращении с нами вызывало то, что на нас были летные комбинезоны, а это все же нечто для простого военнопленного необычное. Наверное, посещала мысль о нашей особой важности. Последовал (22–23 марта) пеший конвой в лагерь военнопленных на окраине столицы Мекленбурга города Шверина. Посреди территории лагеря находился отдельный кирпичный одноэтажный барак, обнесенный забором из колючей проволоки, лагерная тюрьма, в которую нас и поместили, по двое в трех камерах с двухэтажными нарами (меня вместе с Мишей Куприяновым). На следующий день вызывали по отдельности на допрос, но проводили его как-то и не очень заинтересованно, больше всего офицера занимал вопрос о том, не убили ли мы кого-нибудь при побеге. Видимо, убедился в том, что в этом мы неповинны. Пробыли мы в шверинском лагере четыре дня. Был один интересный эпизод. Сначала унтерофицер-охранник обращался с нами подчеркнуто грубо, а потом почему-то сменил интонации на более человечные. На

третий день нашего пребывания в этом месте он вызвал из камер в коридор нас четверых, без Орлова и второго «старого» пленного, и провел нас в свое помещение у входа в тюрьму. Там сидел какой-то человек, явно один из пленных, крепкий, с черной шевелюрой и с веселыми глазами. Представился на несовершенном русском, не называя своего имени, как француз и бывший боец на стороне республиканцев в гражданской войне в Испании (1935–1938), а сейчас руководитель подпольной организации военнопленных лагеря. Да еще и посылал во время испанской войны корреспонденции в московскую газету «Комсомольская правда». Вот такое было чудо. А немецкий унтер упомянул, что он сын социал-демократа, репрессированного после прихода Гитлера к власти, и теперь сотрудничает с комитетом пленных. Еще он сказал, что вначале принял нас за дезертировавших власовцев (сформированная в Германии из военнопленных РОА — «Русская освободительная армия»). Жаль, что не знаю его имени, он мог бы еще и сейчас быть жив. Беседовали примерно час, немец все время выходил, «стоял на стреме» у входа, чтобы обеспечить безопасность. Француза живо интересовало то, что более или менее свежие люди «с той стороны» могли рассказать о положении на восточном фронте. Это был второй случай, когда немецкий солдат, которому Гитлер стоял поперек горла, проникался к нам доверием. Еще когда мы шли по Мекленбургу, один конвойный рассказал мне, что после разгрома и во время отступления под Курском и Орлом (лето 1943 г.) он спрятался в каком-то окопе и хотел сдаться в плен, но был обнаружен и уведен дальше вместе с отступавшими, чудом ушел от расстрела.

Рано утром 28-го марта нас четверых вывели из камер, посадили в грузовик, крытый тентом, на поперечную скамейку за кабиной водителя, лицом к кабине. На другой скамье уселось трое солдат (в униформе люфтваффе), тяжелые парабеллумы эти идиоты держали почти всю дорогу в руках. Ехали часов пять. Привезли нас в лагерь военнопленных (помню его номер: «11-B») в городке Альтенграбов (Altengrabow) примерно в 70 км. восточнее Магдебурга. Из машины сразу в лагерную тюрьму, в одну камеру всех вместе. На просьбу пустить в уборную через запертую дверь послышалось: «Piss in die Hosen!». Тот же унтер через две недели показал нам пустую кобуру, приговаривая: «Keine Waffe! Wozu brauche ich eine Waffe?». Начали бояться

нас больше, чем следовало бы пленным бояться своих надсмотрщиков.

Мы страдали в основном от двух бед — от голода и от вшей. Но были и некоторые удовольствия. Первое и главное: мы наблюдали с каждым днем усиливавшийся развал Третьего рейха. Во второй половине апреля перестали запирать камеру, и мы могли выходить в коридор, а из него во внутренний дворик перед входом в тюремный барак, когда нам вздумается, чтобы погреться на солнце (тюрьма была обведена «своим» двойным забором из колючей проволоки, по которому все время кружил часовой с винтовкой). Потом часовой перестал отгонять нас от забора, когда с другой стороны к нему подходили пленные, свободно гулявшие по лагерю, чтобы с нами поговорить. Лагерь был разделен непроницаемой (охранявшейся дополнительными вышками) внутренней перегородкой на две части — русскую и, так сказать, интернациональную. Тюрьма находилась в пределах последней и была окружена бараками, в которых размещались французы, голландцы с бельгийцами, интернированные в 1943 г. итальянцы, югославы (сербы), поляки, англичане и американцы и кого там еще только не было (помню одного индуса). Общались мы через забор главным образом с поляками и с сербами, и нашего русского языка было достаточно, чтобы устанавливалось взаимопонимание. Западных пленных подкармливал Международный Красный Крест (его помощь получали, в свою очередь, немцы, попавшие в плен к союзникам). Помощь выражалась в пакетах с продовольствием, получаемых, кажется, два раза в месяц. Русские пленные этого не имели, потому что по сталинским установкам они почитались «предателями родины», соответственно Красный Крест не мог помогать выживать и немецким пленным в СССР. Наши новые знакомцы немного облегчали в последние две недели наше положение тем, что иногда перебрасывали через забор что-нибудь съестное, а для курящих Куприянова и Хорькова — пару-другую сигарет.

В 20-х числах апреля пошли слухи, что американцы, перейдя Эльбу, находятся уже в паре десятков километров к западу от Альтенграбова и что фронта там практически нет. И вот любопытный эпизод. 28-е или 29-е апреля. Прохожу внутренним коридором здания к выходу во дворик. Вижу в одной из камер через открытую дверь сидящего на нарах американского офицера, нога на ногу, а перед ним навытяжку немецкий

офицер из комендатуры лагеря. Потом выяснилось: американец был послан в лагерь для переговоров (а переговоры состоялись в нашем «доме», потому что формально он был «взят в плен»). Обернулось все это тем, что комендатура вывесила белые флаги. Рано утром 2-го мая перед лагерем появилась колонна американских грузовых машин. Начали вывозить пленных. Дело в том, что у союзников были причины беспокоиться о безопасности пленных, так как в последние дни войны по Германии слонялись отдельные отряды эсэсовцев, которые по принципу «пропадать, так с музыкой» расстреливали всех, кто был им ненавистен, и нападали, в том числе на пленных. Это с одной стороны. С другой стороны, они старались увести своих к себе из-под носа у русских, которые по предварительным соглашениям должны были занять территорию будущей советской оккупационной зоны. К середине следующего дня западных пленных в лагере не осталось (мы, пока все это происходило, были в основном заняты тем, что варили себе ведрами кашу из припасов, которые были вынесены из разгромленных немецких складов). К вечеру 3-го мая американские грузовики снова появились на площади перед воротами лагеря. Ко мне подошел русский пленный офицер и попросил выступить в роли переводчика в переговорах с американцами (кто-то ему указал на меня как на человека, который «может по-английски»). Американцы собрались вывозить и русских пленных. Не помню содержания переговоров, посредничать в них мне как-то худо-бедно удалось. Эта моя деятельность обернулась тем, что меня взяли сопровождать колонну. Я лишь выговорил условие: на следующий день вернуть меня обратно. Был посажен к трем американцам в «виллис», и он привез меня в город Цербст, на юг от Альтенграбова, город, из которого родом Екатерина Вторая (принцесса Ангальт-Цербстская). По дороге колонна грузовиков пропала из виду, и на вопрос о том, куда именно американцы вывезли русских пленных, я впоследствии (допрашивал сотрудник СМЕРШа — военно-нквдшной контрразведки под названием «Смерть шпионам»), я не мог ответить. Оказался я в каком-то особняке, полном американских военных, был обильный ужин за общим столом, за которым я и наелся досыта, и усвоил, что читать по-английски и понимать американцев, когда они разговаривают, — две, как говорят в Одессе, большие разницы. Самое же радостное состояло в том,

что я, еще до ужина, вымылся под горячим душем, а мою одежду вместе со всей живностью, которая в ней гнездилась и которую никакими стараниями невозможно было до конца уничтожить, американский солдат вынес, брезгливо держа ее в вытянутой руке, чтобы где-то сжечь. Мне выдали новехонькое американское солдатское обмундирование, из мягкой шерстяной ткани скорее светло-коричневого цвета, чем цвета хаки, плюс куртку на молнии, чуть светлее, чем все остальное, гладкую и глянцевитую (я так и был одет вплоть до возвращения в Ленинград, на фотографии, сделанной примерно в октябре, на мне американская гимнастерка; куртка прослужила мне особенно долго, еще несколько лет, в институт я ходил, кроме зимы, в ней).

На следующий день, 4-го мая, меня вернули в лагерь, к своим, но колонна автомашин повернула обратно пустой, вывоз пленных не состоялся. Около полудня в город въехали наш «виллис» и несколько конных и установили советскую оккупационную власть, а за ними через некоторое время вошли регулярные армейские части. Первое, что надо было сделать, это написать письмо в Ленинград, чтобы там узнали, что я жив. Письмо «треугольник» полевой почты мама вынула из почтового ящика на двери нашей квартиры 24-го мая. А мы продолжили нашу жизнь в лагере, уже свободными. С офицерами, Мишей Куприяновым и Васей Хорьковым, вскоре пришлось расстаться, их увезли, как я потом узнал, в специальный офицерский лагерь куда-то на Урал (или за Урал), и там они провели несколько месяцев, пока их «проверяли»; ничего дурного не найдя, отпустили, Куприянова отправили «в запас», и он вернулся в родные места, а Хорькова даже на некоторое время возвратили на службу в полк и лишь потом уволили из армии. Моя же дальнейшая судьба сложилась, учитывая обстоятельства, сравнительно благополучно. В мае, чтобы не изнывать от безделья, я напросился дежурить на городской телефонной станции, втыкал штыри в отверстия, соединяя друг с другом абонентов. Самое же главное в том, что в этом лагере контрразведка проводила из бывших пленных набор солдат для восполнения потерь в частях оккупационной армии (тогда как из многих других лагерей нашего брата просто вывозили в Сибирь на тяжелые принудительные работы и держали их там не один год прежде чем освободить). Мой контрольный разговор с лейтенантом «госбезопасности» продолжался минут пятнад-

цать, на меня у него явно не было никаких компрометирующих «материалов», и на следующий день (дело было уже в середине июня) я нашел свою фамилию в списке бывших пленных, из которых формировалась маршевая колонна. Я попал в 288 стрелковый полк, сначала располагавшийся к югу от Берлина, затем маршем через восточную часть ночного Берлина (жуткие развалины) нас провели к какой-то железнодорожной станции и поездом доставили в город Эберсвальде (90 км. северо-восточнее Берлина). Здесь в бывшем немецком гарнизоне (каменные казармы, просторная территория, высокие заборы, ограждающие ее со всех сторон) я провел два месяца, июль и август, пехотным рядовым, в нормальной армейской форме и с красноармейской книжкой в нагрудном кармане. Книжка эта (с записью о плене) сохраняется у меня до сих пор. Как одного из немногих грамотных командир батальона, гвардии капитан Ижбулатов, украшенный десятком орденов, сделал меня батальонным писарем, и я был к счастью хоть чем-то занят. А солдатам было совершенно нечего делать, офицеры с нами ничем не занимались, даже пресловутых политинформаций не проводили.

Я написал несколько писем в свой прежний полк, на имя начальника штаба полка, майора Виктора Григорьевича Погорецкого, превосходный был человек (умер впоследствии в Киеве от рака). Ответа я не получил, но 31-го августа в расположении части неожиданно появился фототехник моего авиационного полка старший сержант Аркадий Шуваев. Погорецкий, организовав письмо с просьбой откомандировать такого-то в распоряжение его прежней воинской части за подписью нач. штаба нашей, 48-ой, авиадивизии полковника Захаренко, прислал Шуваева за мной. Тот в два счета получил необходимые разрешения и бумаги (кому я там был нужен!), и мы в тот же день отправились в путь. Аркадий предложил не торопиться «домой» (полк стоял в Малашевичах в 15 км. на запад от Брест-Литовска, на польской территории), а поездить по Германии («Когда мы еще сюда попадем?»). Поездили. Останавливались на день-два в Берлине, в Лейпциге, Дрездене, Котбусе, а потом в Польше — в Катовицах, Кракове, Лодзи, Варшаве. Проездили в общей сложности две недели. В комендатурах нам давали талоны на сухой паек, направляли на постой: то в казарму, то на частную квартиру (помню в Дрездене пожилую семейную пару, муж был раньше школьным

учителем), нигде не спрашивали, откуда мы и куда направляемся и почему оказались именно там.

Прибыл я в свой прежний полк, встретился с Погорецким, и он сразу сказал, что возникла новая проблема. Поступило распоряжение удалить из авиационных частей тех, за кем числилось пребывание в немецком плену, отправив их на пересыльные пункты. Поэтому он не может вернуть меня в штат полка. И вообще пока не знает, что со мной делать. Я с месяц провел в полку на, так сказать, птичьем положении. Повезло в очередной раз. Командиру полка, полковнику Василию Алексеевичу Трехину, понадобилось переслать брату, бедствовавшему в деревне под Псковом, теплые вещи. Мне оформили отпуск на целых сорок дней, и я в 20-х числах октября приехал в Ленинград, в котором не был почти четыре с половиной года. Три дня было потрачено на поездку в Псков и в деревню к Трехиным, поручение я выполнил. Остальное время провел дома. Уже после дня рождения пустился в обратный путь. Когда вернулся в полк, Погорецкий выписал мне направление на гарнизонную медицинскую комиссию, работавшую в Бресте. Со словами: «Дай мне хоть какое-нибудь основание тебя демобилизовать!». Получилось, врач-женщина, по-моему, просто приняла решение отправить парня домой и определила мне статью, подводящую под демобилизацию по состоянию здоровья, что-то там с сердцем. 26-го декабря я отправился домой, через Брест, Минск и Москву. 31-го, под самый Новый год, был в Ленинграде. Встречал Новый год в компании школьных друзей. Выяснилось печальное — из восемнадцати мальчиков, которые учились в нашем классе, с войны вернулись шестеро. Две трети погибли. Из вернувшихся один, Андрей Хлебников, умер на следующий год (ранения доконали), один, Юра Дюженко, инвалид, с трудом ходил. Вообще мало кто уцелел из поколения, родившегося в первой половине 20-х годов.

Орест Петрович СУНИК

Дорога жизни

В составе войск Ленинградского фронта действовало Управление военно-восстановительных и заградительных работ (УВВР-2). В него входило две железнодорожных бригады и несколько спецподразделений, сформированных по Постановлению СНК СССР из железнодорожников-инженеров, техников, рабочих различных профессий. В одном из них — Мостопоезде № 15/28, а затем в Головном ремонтно-восстановительном поезде № 3-бис — мне довелось служить сначала рядовым бойцом-монтажником, потом техником и инженером по планированию и учету.

Ленинградцы, и не только они, знают, какую роль в борьбе города-фронта сыграла легендарная Дорога жизни, связывавшая осажденный город на Неве со страной через воды или льды Ладожского озера. В дни вражеской блокады именно на Ладоге находился один из важных и трудных участков Ленинградского фронта.

Большой вклад в создание и расширение этой коммуникации (водной, а затем сухопутной) внесли военные железнодорожники. На них командование фронта возложило задачу — построить зимой 1942 года 30-километровую свайно-ледовую переправу — железнодорожный мост, по которому пошли бы составы поездов через Ладогу с Большой земли в блокированный город и обратно. В ладожском льду мы долбили большие лунки, опускали в них на тросах деревянные сваи и забивали их с помощью механизированных копров в дно озера. На сваи крепились балки, шпалы, а затем укладывались рельсы. Строительство велось круглосуточно в очень трудных условиях.

Когда строительство переправы близилось к концу, до нас морозным утром 12 января 1943 года донесся длительный грохот артиллерийской канонады. В сильно укрепленном гитлеровцами районе — Шлиссельбург — Невская Дубровка — наши войска перешли в наступление. В результате очень тяже-

лых боев на узкой полосе земли 18 января соединились части Ленинградского и Волховского фронтов.

Блокада была прорвана!

После этого большинство спецподразделений, в том числе и наше, было срочно переброшено на строительство двух мостов через Неву в районе освобожденного Шлиссельбурга (ныне — Петрокрепость). Один из них (свайно-ледовой) был сооружен в начале февраля. Ночью по нему прошли первые товарные поезда. Второй мост (капитальный) был открыт для движения поездов в мае. Так по узкому коридору под постоянным вражеским огнем пошли через эти мосты поезда с востока, груженные продовольствием, танками, снарядами. Огонь противника подавлялся с земли и с воздуха.

Трасса Дороги жизни, именовавшаяся теперь чаще Дорогой победы, существенно изменилась, став сухопутной. Ее пропускная способность резко возросла. Автодорога через Ладогу («ледянка») к марту 1943 года прекратила перевозки. Но и на действовавшей прифронтовой «железке» было много помех — она часто выходила из строя. Особенно уязвимым оказался мост через реку Волхов. В июле 1943 года наши подразделения были направлены в район Волховстроя (станция Мурманские Ворота). Здесь было приказано построить второй мост (дублёр). Разрушения узлов старого моста тоже ликвидировались силами спецформирований УВВР Ленинградского и Волховского фронтов.

А тяжеловесные поезда (с двумя паровозами каждый) шли и шли, причем уже не только ночью. Через конец прорыва они доставляли в Ленинград всё, что нужно было фронтовому городу. Ведь впереди были еще тяжёлые бои за полный разгром гитлеровских дивизий, окопавшихся под Ленинградом.

В начале 1944 года я был переведен на службу в аппарат УВВР-2 (Фонтанка, 117), но День Победы в 1945-м встречал в своем головном поезде 3-бис, находившемся на переформировании в районе Охты.

Ныне на берегу Ладоги создан мемориальный музей. О Дороге жизни написаны очерки и книги, стихи и песни.

Многих из моих военных друзей и товарищей уже нет, другие — на заслуженном отдыхе.

Дорога жизни сохранила в свое время жизнь многим тысячам ленинградцев. Но сколько тысяч во имя этого расстались с жизнью…

В День Победы склоним головы и отдадим должное их героическим делам.

И пусть дороги нашей жизни будут только мирными.

1 марта 1985 г.

Лев Владимирович МАЛАХОВСКИЙ

В бухте Cold Bay

Весной 1945 года в бухте Cold Bay, которая находится на самом юго-западе Аляски, была создана военно-морская база для передачи американских кораблей Советскому Союзу, чтобы укрепить его Тихоокеанский флот в предстоящей войне с Японией. Это было предусмотрено секретным соглашением, подписанным лидерами трех союзных держав, по которому СССР должен был вступить в войну с Японией после поражения германской армии. Я был одним из рядовых участников этой операции. Был сформирован специальный отряд Тихоокеанского флота со штабом во Владивостоке. Именно туда я и прибыл из Москвы вместе с 30 другими студентами Военного института иностранных языков. Мы должны были работать переводчиками при передаче кораблей.

Штаб отряда вместе с группой военно-морских специалистов (штурманов, радистов, артиллеристов и др.), а также — переводчиков отправился в конце марта из Владивостока на «Свободе» — грузовом судне, переделанном для перевозки людей. Через 7 дней мы приплыли в Петропавловск-Камчатский. После долгого пребывания там двинулись, наконец, на восток, и через 7 дней пути прибыли в Dutch Harbor. Это было 12 апреля, памятный день смерти Рузвельта. В тот же день мы отправились дальше и вскоре достигли места нашего назначения, Cold Bay. Это уже не материковая Аляска, а один из островов Алеутской цепи. Довольно много тут русских географических названий: вулкан Павлова, залив Моржевой, залив Белковский).

Это длинный широкий залив, очень удобный для стоянки кораблей: он окружен плоскими пустынными холмами, защищающими его от ветров. Поэтому во время сильных штормов, которые случаются там очень часто, море в заливе остается сравнительно спокойным. К северо-востоку, на расстоянии примерно 25 миль мы могли отчетливо видеть вулкан Павлова, испускающий в небо каждые 7 минут облако дыма. Гавань

маленькая, с одной длинной пристанью. На берегу только несколько небольших домиков, в которых располагалась штаб-квартира базы. Нас поселили в маленьких домиках, рассчитанных на 6 или на 30 человек каждый. Они были собраны прямо на наших глазах. Дома были оборудованы плитами, работавшими на нефти. Мы с удивлением увидели, что бак, из которого мы должны были брать нефть, совсем не охраняется.

Командиром базы был капитан 1-го ранга Максвелл, русский по происхождению. В то время ему было 58 лет. По его рассказам, он убежал в Америку из Одессы в возрасте 8 лет, пробравшись на корабль.

Передача кораблей началась в самые первые дни. Американские корабли прибывали в Cold Bay группами каждые две недели, в каждой группе по два десятка кораблей. Это были главным образом небольшие противолодочные корабли (охотники) и траулеры, с командой 25–50 человек. Но были и более крупные: фрегаты с командой более 200 человек. Как только прибывала группа кораблей, советская команда поднималась на борт каждого судна. В течение всего времени передачи — две недели — на корабле было по две команды. Каждый специалист должен был за это время понять все инструкции и освоить оборудование. Беда была в том, что ни один советский моряк не знал английского (образование у большинства было 4–5 классов), и ни один американский моряк не мог говорить по-русски. Кроме того, на каждом корабле было только по одному переводчику. Нам приходилось работать также и в штабе, в порту, в госпитале и т. д., так как у американцев собственных переводчиков не было.

Чтобы научить советских моряков новым для них специальностям, гидроакустике и радиолокации, был организован специальный курс, на котором они слушали лекции и практиковались в поиске подводных лодок на специальном тренажере. Курсы вел Hendersson, сорокалетний профессор Массачусетского технологического института (MIT). Я был назначен постоянным переводчиком на этих курсах из-за некоторого опыта в радиотехнике, который я приобрел, будучи радистом на фронте. За четыре месяца моей работы на курсах я хорошо познакомился с Хендерсоном, который оказался очень умным и милым человеком, а также с двумя его помощниками, Диком Чемплином и Бобом Эмблером. Дик был из Филадельфии, где

его отец работал банковским служащим. После занятий мы с Диком проводили долгие часы в разговорах и дискуссиях. Но это уже другая история.

После двух недель совместной работы передача кораблей заканчивалась. Американские моряки улетали обратно в Штаты. Русские отправлялись на полученных кораблях в Петропавловск. Оттуда приезжали новые команды из США, прибывали новые корабли, и все начиналось заново. В течение всего периода работы было примерно десять таких перемещений.

После 8 августа, когда СССР объявил войну Японии, работа продолжалась. Советские специалисты и переводчики оставались на базе непрерывно в течение пяти с половиной месяцев.

3 сентября война закончилась. И в тот же день американская сторона по распоряжению президента прекратила все поставки по ленд-лизу. Они перестали нам поставлять не только военные корабли, но и продукты питания, и другие предметы первой необходимости. Возникла катастрофическая ситуация: на камбузе не осталось продуктов, и мы не могли больше брать их со склада. Нужно было как можно скорее возвращаться домой. Но не было транспортных средств опять же из-за прекращения ленд-лиза.

В этот критический момент нас выручил командир базы Максвелл. Он приказал под свою личную ответственность обеспечивать нас провизией и помог с транспортировкой. Однако только три недели спустя, 27 сентября мы, наконец, отплыли на большом американском корабле «Карл Шурц», который доставил нас в Петропавловск. Там нас распределили по маленьким судам, принятым ранее от американцев, и мы отправились во Владивосток.

Когда мы проплывали мимо Курильских островов, разразился тайфун. Крен наших перегруженных кораблей достигал 45 градусов. Однако все обошлось, и мы благополучно прибыли во Владивосток. Оттуда, после двухнедельного путешествия поездом прибыли в Москву. И вскоре возобновили занятия в институте.

В памяти осталось еще многое. Образ жизни американских моряков, экскурсия на узкий перешеек, откуда одновременно видны были Берингово море и Тихий океан, старое заброшенное кладбище с русскими надписями на могильных камнях, печальный День Победы, когда мы слышали звуки ликования

из Москвы и особенно остро почувствовали, как далеки мы от родины.

Эпопея Cold Bay произвела глубокое впечатление на всех ее участников, особенно — на переводчиков. Ведь мы дольше всех — в течение нескольких месяцев! — тесно общались с представителями другой великой державы, культура которой нам была почти незнакома. Железный занавес (о существовании которого мы тогда не подозревали) раздвинулся для нас. И если наших моряков привлекал заокеанский уровень техники и незнакомый образ жизни, то американские моряки, особенно офицеры, были впечатлены нравственной чистотой, добросовестностью и дружелюбием советских матросов, профессионализмом, который позволил им, даже при нехватке переводчиков, быстро овладеть новой техникой. Почти полвека прошло с тех пор…

1995.

Воспоминания о блокаде

Мелитина Александровна БОРОДИНА[1]

Воспоминания

Мне 23 года, но я уже сформировавшийся взрослый человек, которого постигло немало трудностей, который уже многое пережил, продумал, но не потерял ни грамма жизненной силы. Только этим я объясняю то, что я выдержала, вынесла блокаду, эвакуацию, войну, стойко все пережила, похоронив многих и лишившись многого. Но сколько полезных уроков, воспоминаний, впечатлений от этих тяжелых лет украсило мою жизнь. И я горжусь тем, что я блокадница.

Не я первая пишу о том, что война началась внезапно, средь бела дня (во всяком случае, для нас, жителей Ленинграда). Мы менее всего думали о войне. Я только-только сдала государственные экзамены в Лен. гос. Университете и отдыхала в ожидании диплома[2] и назначения за обычными мелкими хозяйственными и жизненными делами.

Назначение все еще было неясно, и, так как денег даже на самое скудное пропитание не хватало, мне пришлось самой о нем позаботиться. Я пошла в Университет и выхлопотала себе хоть что-нибудь. Это было преподавание французского языка в средней школе в тогда еще пригороде Ленинграда, точнее, кажется, в Ленинградской области в школе в Володарке[3]. Школы летом не работают, и я поэтому туда не торопилась.

---

[1] По машинописи 1984 года, также вставки по ее более поздней рукописи конца 1980-ых — начала 90-ых гг.

[2] Ленинградский институт философии, лингвистики и истории — факультет, существовавший в 1931–1937 гг. Был выделен из ЛГУ и в конечном счёте снова с ним слит.

[3] Исторический район Сергиево (Сергиева Пустынь) в современном Красносельском районе Санкт-Петербурга, с 1919 по 2010 гг. носил название Володарский (ж/д. станция Володарская).

В день начала войны, 22-го июня 1941 года, я, как обычно, утром вышла с бидоном для керосина и сеточкой или сумочкой в другой руке за покупками, которые совершала в начале Невского (жили мы с мужем на чердаках Зоологического музея, т. е. по правому берегу Невы около Дворцового моста). Перейдя через мост, я увидела быстро увеличивающуюся толпу людей у рупора радиоточки. Передавали о начале войны с Германией, точнее о вероломном нападении на наши границы. У другого рупора толпа нарастала со стремительной быстротой, повторялась та же передача — и народ валил, в недоумении, к звукам рупора.

Война войной, а пить чай и завтракать надо было, и я, подавив первое движение своих ног и души бежать домой, понеслась за керосином, в булочную и лишь затем домой.

Дома Сергей Петрович[4] и соседи уже всё знали, и в нашем длинном коридоре была необыкновенная сумятица: вместо того, чтобы разжигать примуса и кормить детей, все обсуждали только начало войны.

Постепенно день вошел в свой ритм. Каждый занялся своим делом.

Газеты и радио и в последующие дни и недели не приносили сколько-нибудь радостных известий. На улицах начали обсуждать создавшуюся угрозу нашей жизни. Экскурсии в Зоологическом музее, на которых хоть как-то зарабатывал Сергей Петрович, мой муж, становились все реже. Я не могла найти себе хотя бы временной работы: в августе ближе к началу школьного года поехала со своим направлением отыскивать школу в Володарке.

Один из трамваев, которые в то время ходили по Университетской набережной (эти трамвайные пути в дальнейшем от Дворцового моста до 1-й линии были сняты с целью сохранения исторического облика этой части Ленинграда),

[4] Муж М. А. Бородиной Сергей Петрович Вяжлинский, род. в 1894 г. в г. Липецке, сын земского ветеринарного врача. Обучался 3 года в МГУ, 1 год в Казанском университете. Аспирант АН СССР в 1932–1933 гг. по специальности «Палеозоология». Работал экскурсоводом в Зоологическом музее Зоологического института АН СССР. Дело закрыто в 1941 г. [умер от голода] (Из Архива Российской Академии наук, Санкт-Петербургский филиал. Фонд 55 Зоологического института Академии наук СССР (1829–1951), опись 004 дело 22).

довез меня длинным и долгим путем (около 1,5–2-х часов) до Володарки. Но что это был за путь! Первое страшное воспоминание об этой Великой войне: по дороге не раз мы попадали в обстрелы, трамвай был почти пуст — внутри и снаружи мрачная обстановка; кондуктор и вагоновожатый недоумевали, куда и зачем я еду, уговаривали меня выйти — я показывала направление на работу. И чем страшнее был путь, тем более добивалась цели: а вдруг война продлится долго и я останусь без работы… И так нечего есть. А в школу у меня всё же направление.

По дороге где-то ближе к цели и наш трамвай попал под обстрел, что-то кругом горело. Мы неслись через дым и чуть ли не огонь. И вдруг в каком-то пригороде, в дыму и сумятице, кондуктор объявляет мне, что мы в Володарке: вон там школа, видишь, она горит, дымится. Куда тебе идти? Мне стало страшновато, но все же я выпрыгнула из трамвая, попросив кондуктора меня подождать, и понеслась по направлению к своей горящей школе. Меня по приближении схватили солдаты и, узнав, в чем дело и зачем я несусь, отправили обратно с нелестными выражениями о ненужной храбрости.

Мне все стало ясно. Стало немного страшно, но в душе впервые осознанно по-взрослому я поняла общую беду, отчаяние и необходимость всеми силами бороться с ней, с этой бедой.

От этой бесконечно долгой поездки осталось впечатление от трещащего, бьющегося, задымленного огненным чадом трамвая, дышать было почти невозможно. Немногим лучше было снаружи, но из-за дыма мало что видно. Зелень вся серая, поблекшая. Конечно, ни один пассажир не садился в этот трамвай, было угрожающе пустынно. Путь обратный был совсем не похож на путь в Володарку: окружение неожиданно изменилось, патрули на обратном пути, проверка — куда, зачем мы едем, растерянность на улицах. Кондуктор то и дело говорил, что из-за меня и он погибнет, и всё добросовестно вез меня обратно, и всё-таки довез. Кто был этот первый герой в моей жизни? Так я и не знаю.

Домой я вернулась другим человеком — повзрослевшим, возмужавшим. Я поняла, что нам угрожает. Васильевский остров, Нева, по сравнению с районом, куда я стремилась, показались мне буквально мирным тылом, и это несмотря на обстрелы и вскоре начавшиеся «затемнения» — под этим словом понима-

лось занавешивание всех окон, чтобы никакие щели света не выдавали шнырявшему вокруг по земле и в небе врагу наши расположения домов, улиц. Все окна стали заклеивать бумагой крест-накрест и наискосок, чтобы сохранить стекла. Еще долго после войны можно было видеть такие окна…

Война стала ежеминутной реальностью, которую мы все встретили без уныния, в полной душевной готовности ее отразить, без слез и стонов, охов и ахов, деловито — по-русски, по-советски.

Мой муж, бывший почти в тот день уверен, что я не вернусь, не вырвусь из пекла, в которое я попала, так мне обрадовался, как будто я воскресла из мертвых. Иносказательно оно так и было… С той минуты, пожалуй, началась моя осознанная взрослая жизнь. Я поняла, что дело вовсе не в том, что я должна работать — мне хотелось активно участвовать в жизни, и я пошла в свой родной Университет, на филфак, чтобы посоветоваться, куда же мне деться с данной мне путевкой в жизнь. Рассказала о своей поездке в Володарку в школу. Моей наивности удивились, и мне показалось, что мне даже не очень поверили. В конечном счете, мне предложили работу в главной университетской библиотеке, но там я пробыла недолго — потянуло на филфак, и я попросилась в филфаковскую родную библиотеку, где и была принята с распростертыми объятьями. Я занималась каталогами, сверкой и упорядочением фондов, иногда — выдачей книг. Эта среда была близка моей душе.

Сергею Петровичу, моему мужу, изредка выпадали отдельные экскурсии по Зоологическому музею, где он был нештатным экскурсоводом. Так мы сводили концы с концами. Прекратились ежедневные в студенческие годы походы в Мариинку и Филармонию. Вся обстановка была против них. Замолчал мой вечно не умолкавший рояль.

Беззаботная студенческая жизнь на копейки сменилась мыслями о том, что же мы будем есть, как жить — надвигалась страшная огромная черная туча на наше беззаботное существование, и я где-то ранней осенью подсчитала свои ресурсы: килограмма полтора-два какой-то крупы, две пачки суррогатного кофе, немного сахара. Пайки карточные становились столь угрожающе меньше, что я поняла, что больше нельзя беззаботно варить кашу, пить сладкий кофе, что все это надо строго рассчитать по зернышкам и добавлять к карточкам. Совершен-

но отчаянное сознание того, что в период, когда хоть что-то еще можно было купить, не было тех совсем немногих денег, которые для этого были нужны. Стипендия кончилась уже летом, а с тех пор были заработаны нами обоими буквально гроши — еле выкупался паек. И все же, кажется, мне удалось купить впрок сколько-то гороху (килограмма полтора-два), сухарей (около 1 кг) и, как сейчас помню, немного вафель. На конфеты денег не было.

Война разгоралась не на шутку. После некоторых колебаний, библиотекарь, знавший меня издавна как освобожденную по какой-то болезни сердца от физкультуры и всех иных физических нагрузок, с некоторым стеснением сообщила мне, что больше работы нет, разве что я останусь носить книги в госпиталь (на историческом факультете) и проводить беседы с ранеными. Это был один из немногих радостных дней моей жизни этого периода. С большим волнением — справлюсь ли я с этой работой — я радостно согласилась.

Пребывание в госпитале, подчас с очень тяжело раненными молодыми бойцами — одно из самых ярких и радужных (несмотря на все физические и моральные окружавшие меня страдания) воспоминаний периода моей жизни, о котором я пишу. Я впервые поняла, насколько я нужна, что я делаю поистине большую и очень полезную работу. Ежедневно меня нагружали посильным количеством книг, которые мы с библиотекарем отбирали вместе, я их доставляла до палат, в период отдыха раненых проводила беседы не только об этих книгах, но и на самые различные темы. Это было истинной школой жизни, и мне казалось, что я впервые в жизни живу как надо, приношу настоящую пользу, что я действительно нужна людям. Беседы, всегда интересные, даже с очень тяжело раненными бойцами были не только интересны, но и приносили большое удовлетворение.

В госпитале я встретила знакомую мне студентку — Иру Дунаевскую[5], проводившую, кажется, аналогичную работу, что

[5] Ирина Михайловна Дунаевская (1919–2014) — советский российский хеттолог, кандидат исторических наук. Кавалер ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны I степени. Летом 1941 года записалась добровольцем в части Народного Ополчения, но уже в сентябре была направлена в город. В октябре узнала о гибели мужа. После эвакуации университета осталась в Ленинграде, работала санитаркой в госпитале № 1012, где по совпадению её начальником был

весьма ободрило меня — я не почувствовала себя одинокой. Иногда даже не хотелось возвращаться домой, но сознание, что меня ждет пассивный, бездеятельный муж — Сергей Петрович Вяжлинский — к тому же голодный и как бы затухающий… Жизнь в госпитале была огромным диссонансом жизни дома. Из чего она складывалась? Рано утром я бежала выкупать по карточкам суточный паек хлеба; за ним надо было постоять; затем из Невы надо было принести воды; последнее было особенно сложно в мороз, когда прорубь замерзала, общими усилиями ее разрубали. Жителей вокруг Зоологического музея и Института было немного. Мой муж был экскурсоводом этого музея, внештатным, т. е. если не было экскурсий (а их, естественно, не было), он не получал денег, других доходов не было — мы ютились на чердаках. Желающих разрубать прорубь фактически было весьма мало. Как только это удавалось сделать, все бежали за водой, пока прорубь снова не замерзнет. Надо было вскипятить воду на «буржуйке». Дрова быстро кончились. Книги С. П. В. не разрешал жечь. Это были его любимые собрания сочинений Майн Рида, Буссенара, Жюля Верна, много книг по музыке, по искусству — словом, книг хороших было предостаточно, и ясно — жечь нельзя. Но каково было мне — жене и хозяйке…

Сделав необходимое дома, я бежала на 7 линию дом 2 к моей воспитавшей меня Альмхен[6], так как я и ее паек выкупала.

Лишь затем я уходила в госпиталь, где-то к 12–13 часам, забрав предварительно пачку книг с филфака, бежала наискосок через двор главного здания Университета и попадала прямо на

имевший медицинское образование антиковед и гебраист И, д. Амусин. В апреле 1942 года И. М. Дунаевская вновь попала на фронт. Служила переводчицей в разведотделе, в стрелковых соединениях на Ленинградском, 1 и 2 Прибалтийском, 2 и 3 Белорусском фронтах, дошла до Кёнигсберга. Войну закончила в звании младшего лейтенанта. Трижды была ранена. В 1957–1979 годах работала в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Являлась автором более 40 научных работ, в том числе монографии «Язык хеттских иероглифов» (1969). Самым существенным вкладом была дешифровка хаттского языка, реликтового языка древней Передней Азии.

[6] Альма Константиновна Векман, взявшая на воспитание рано осиротевшую М. А. Бородину (после смерти в 1930 г. ее приемного отца академика И. П. Бородина).

истфак. Это был период обеда в госпитале — надо было покормить сначала тех, кому самому с этим трудно было справиться, поговорить, пошутить с ранеными, обязательно ободрить и улыбнуться, перед тихим часом рассмотреть принесенные книги самой. После тихого часа наступало время для бесед, если оно не уходило на перевязки и лечение, в чем мы, библиотекари, помогали как могли сестрам.

Время бежало быстро. Было интересно, живо, не утомительно. И откуда только силы брались! Нас не кормили, и брать что-либо у больных строго запрещалось. Но горячую воду мы могли пить — а это было уже так много! И, тем не менее, я уходила обычно с кусочком хлеба, иногда и сахара или еще чего-нибудь, за что щедро благодарила «ворованными» из семейной библиотеки книгами.

Я так пристрастилась к этой работе, к этому общению, что забывала про все на свете, про домашние трудности, про обстрелы и даже… про войну. Хотелось в госпитале быть как можно дольше, сделать как можно больше, но где-то через час–два после тихого часа кончался наш срок пребывания, больных нельзя было так долго тревожить, и мы с грустью расставались и вновь окунались в тяжелую блокадную жизнь. Я шла, естественно, домой, т. е. на чердак Зоологического института, в полутьме что-то пыталась делать, утешить страдавшего и бездействовавшего от слабости супруга, найти пищу.

Однажды наша дружная коммунальная квартира, точнее коридор, разделала кошку из Зоомузея и честно эту «тушу» поделила. Как сейчас помню тот кусок хребта (!), который нам достался. Лучшие части ушли в семьи с детьми. «Бульон» вышел отличным, а вот второе не получилось. На третье был кофе — точнее, несколько раз переваренная все та же кофейная гуща. И кусочек малюсенький хлеба прикладывался к этому поистине роскошному обеду. Вечер мы проводили «культурно», довольно долго до наступления больших морозов, звучал мой рояль — дивный Мюльбах — один из ранних номеров этой немецкой фирмы, располагавшейся в Санкт-Петербурге на углу современных 8-ой Красноармейской и Измайловского проспекта. Сначала мы играли в 4 руки, потом муж так ослабел, что я играла одна, но и книги продолжали, хотя бы в небольшой мере, быть нашим развлечением, вернее отвлечением. Общались с соседями по коридору.

А вот уж знакомые и друзья вне квартиры оставались вне поля зрения.

В редких случаях я оставалась на вечер и ночевать у Альмхен, моей приемной матери, которую в душе я не признавала матерью и ни разу не назвала ее таковой, несмотря на все ее упорные требования. Там я отсыпалась в тепле и немного отъедалась, но с собой (если мне не удавалось что-нибудь утаить) на вынос я от этой черствой немки ничего не получала. Мои отлучки плохо влияли на С. П., и я ими не злоупотребляла.

Но вот грянул страшный мороз, и вся жизнь смешалась. Мы были очень бедные, и одета я была очень плохо и до войны. Подобие зимнего пальто, сшитого из неясных тканей и мехов еще в студенческие годы, было; а вот ноги, голова — целая проблема. Все же я ухитрялась разным тряпьем и несусветными платками так все опутывать, что серьезных обморожений у меня не было, несмотря на постоянное курсирование к 7-й линии. Я старалась бежать, стучать ногами, дышать в какие-то грязные тряпки, укутывавшие шею и руки, и главное — не останавливаться даже во время обстрелов. Последнее мне не всегда удавалось — патрули меня иногда запихивали в холодные подъезды; довольно часто я попадала в Академию художеств со сверхледяной лестницей и коридорами. Но все это было близко от Альмхен, у которой я все же запасалась тепловой энергией.

Удивительная была психология: голод был мне не страшен, да и есть не хотелось, как это известно, при полном голодании не хочется есть!

Жизнь была заполнена, день насыщен, некогда было переживать свой голод, а поскольку вода была, то, может быть, голод и не был таким страшным?

Довольно быстро, еще осенью, я обнаружила, насколько хуже меня справляется с жизнью мой муж — это было мучительно. Никакие мои разговоры на эту тему с черствой Альмхен не помогли, она наотрез отказала ему в помощи. Я чуть не отказалась от ее помощи мне — относительном тепле и пище, но быстро сообразила, что это ничему не поможет.

Каким-то чудом к нам пробралась из центра города «Зоринька», первая жена Сергея Петровича — милая, хорошая женщина его возраста, с которой он меня познакомил: мы почти не виделись, но злых чувств к ней не было.

Короче говоря — пришлось мне хоронить, то есть вынести из дома умерших от голода и Зориньку (очень скоро) и впоследствии С. П. Добрая толстая дворничиха, жившая через две комнаты от меня и любившая меня и С. П., решила помочь мне действительно «похоронить» С. П. и показать, как это делается. Я получила фанерку и большую веревку. Мы с ней вдвоем дотащили на этих «салазках» С. П. примерно до 1-й линии около Большого проспекта. Далее Настя отказалась тащить, сказав, что далее путь ясен — надо по Среднему свернуть и идти дальше — в конце увижу склад для умерших, сброшу труп С. П., а фанерку и веревку ей верну.

Это было страшно — остаться одной в таком положении. Я поплелась, завернула на Средний проспект, пошла по его правой стороне… и скоро поняла, что эту безумную затею я не выдержу и сама тут же замерзну. Ради чего? С отчаянным чувством я свернула на одну из линий направо (3-я или 5-я) и в просторной подворотне с ужасом преступника, убивающего свою жертву, все бросила и побежала назад. В лицо дул сильный ветер. Я еле-еле, чуть живая дошла домой, боясь Настиного гнева. Добрая Настя сказала: «И хорошо сделала». Долго уже после войны мы с ней дружили, пока я не переехала в другую квартиру.

Существуют же какие-то неведомые нити случайностей: после возвращения из эвакуации я в эту подворотню в течение ряда лет бегала чуть ли не ежедневно; во дворе дома жили известные филологи — Драгуновы — Екатерина Николаевна [7] (англист) и Александр Александрович [8] (известный китаевед, специалист по дунганскому языку), в дальнейшем мои большие друзья и одновременно реальные научные руководители, с

[7] Екатерина Николаевна Беккер (Драгунова) (1901–1964), специалист в области преподавания английского языка, автор учебника китайского языка для вузов, диалектолог. В 1942–1946 г. работала на кафедре иностранных языков Академии наук СССР, с 1947 по 1964 г. — в Институте восточных языков при Московском государственном университете.

[8] Александр Александрович Драгунов (1900–1955) — советский филолог-востоковед, исследователь китайского языка, тибетолог. Занимался изучением дунганского языка, диалектов китайского языка, открыв неизвестную до того времени группу диалектов в Центральном Китае.

которыми я познакомилась и подружилась в Ташкенте, в эвакуации, и продолжала эту дружбу и по возвращении оттуда… Сила привязанности к Драгуновым была столь велика, что после возвращения из эвакуации я преодолела себя на пути к ним; но всякий раз, проходя эти дома, я вспоминала с ужасом описанные выше события…

С. П. умер уже после Нового года, в январе-феврале, еще до увеличения хлебного пайка. Я не приняла предложение Альмхен переселиться к ней под предлогом, что ближе работа: меня вполне устраивал коммунальный коридор, прекрасное бомбоубежище в сводах Зоомузея, куда с С. П. мы почти не ходили; я же одна потом там отлично высыпалась.

И вот настало время отъезда университета в эвакуацию, и я потеряла свое место библиотекаря[9]. Уезжать из Ленинграда я не хотела, спрятавшись за необходимость ухаживать за «матерью», я осталась, решив отдаться воле судьбы и, если надо, — умереть.

***

Всю блокаду я была крайне активна, переквалифицировалась в медсестру и фармаколога (в этих функциях работала в клинике Отто и на курсах медсестер при клинике Отто[10]).

Бегая от Зоомузея (на чердаках которого мы наблюдали обстрелы, гасили зажигалки, а в подвалах — прятались при обстрелах; хотя я жила на чердаке, куда часто попадали фугаски, я редко поддавалась панике, т. к. мне надо было выспаться дома для следующего деятельного дня) к 7 линии д. 2., кв. 4, т. е. от мужа к своей приемной матери и обратно, выкупая пайки и для

[9] Это было в феврале месяце [1942]. Все мои были еще живы, и я не могла их бросить. Я пришла на проводы. Встретила Р. А. Будагова и др. Это был радостный день. *Сноска М. А. Бородиной.*

[10] «Императорский клинический повивальный институт ведомства учреждений императрицы Марии» (директор Дмитрий Оскарович Отт, выдающий российский акушер-гинеколог, лейб-акушер семьи Николая II). В 1918 году Институт получил название «Дворец материнства и детства» и поступил в ведении Наркомздрава РСФСР. Во время Великой Отечественной войны в 1941—1944 гг. в институте находился госпиталь Ленинградского эвакопункта. Ныне это Научно-исследовательский институт акушерства, гинекологии и репродуктологии им. Д. О. Отта.

нее, я однажды вычитала на стенах университета объявление, что *требуются преподаватели фармакологии и медицинской латыни* для курсов медсестер, которые организовывались при клинике Отта.

Тут же я понеслась в БАН, читателем которой я была со студенческих лет, и набрала книг 6–8 по фармакологии. Сознаюсь, что я не имела никакого представления о значении слова «фармакология». Изучив их и составив конспект для занятий и по медлатыни, я пошла наниматься на эти курсы, прихватив диплом отличника университета, где была зафиксирована пятерка по латыни (я очень боялась, что меня не возьмут преподавателем). Это был вызов судьбе: возможность получать паёк. Я тогда получала карточку служащего, у С. П. была карточка иждивенца, а у Альмхен как у вдовы академика тоже была карточка служащего — существовать можно было! И вполне! Но на курсах давалась карточка рабочего!

Я предъявила свой университетский диплом, и была весьма хорошо встречена и мгновенно принята[11].

Всего выпустила только два-три курса (курсы были сначала трехмесячные, потом двухмесячные, потом закрылись — было не до них). Практику, которую я считала нужным ввести для этих курсов, мы, естественно, проходили в клинике Отто с ранеными бойцами с фронта, помогая в уходе за ними, дежуря ночами, кормя подчас из капельницы и с ложечки. У меня буквально крылья выросли: к тому же зима начала подходить к концу.

Но настал довольно скоро момент, когда закрылись курсы; я осталась без рабочей карточки, без работы. Но еще короткое время я была оформлена в штате госпиталя при Отто.

***

Я могла эвакуироваться в феврале с университетом, но мне не хотелось уезжать из Ленинграда: отчасти держала Альмхен, но после смерти С. П. мои чувства к ней, зло торжествовавшей — она не одобрила этот брак и упорно не принимала нас вместе — сильно изменились, и не это было главным, я бы бросила ее, как потом мне это и пришлось сделать. Но какое-то чувство подсказывало мне, что не может быть, что я умру, я

[11] Приказ от 16.03.42 г., по которому вольнонаемная Бородина М. А. была зачислена на должность библиотекаря клуба.

должна жить и помогать в этой несправедливой войне чем могу. И я жила, но жила в жуткой дистрофии, с которой боролась силой духа, т. е. настроения. Я дожила до тепла, когда все стало легче, весной раскопала и засадила на отведенном мне участке между рельсами перед университетом редиску и лук (почти не выросли), собирала лебеду. Как ни голодно было (к лету пайки значительно увеличились, но ненасытность, жажда к еде была неимоверная, значительно больше, чем в блокадной зиме), а лебеда почему-то в супы не прививалась.

К весне впервые с начала блокады открылась академическая столовая[12], и в том же помещении, где и теперь, но, насколько помнится, только в ее левой части. (Она была основана незадолго до войны; мы с С. П. ходили туда есть знаменитые свиные отбивные). А теперь обеды из двух блюд! Жиденький суп, в котором если что найдешь, то это большое счастье! Плюс настоящее, но несколько миниатюрное второе. И за это из карточек вырезались какие-то талоны. Не очень были «выгодные» обеды, но все же лучше, чем дома (ведь топлива все еще не было, готовить было трудно).

Впервые идя в столовую, мне пришлось на пороге ее перешагнуть через труп — окостенелый, замерзший, замученный голодом и страхом. Отпечаток этой ужасающей картины навеки сохранится в моих глазах!

В столовой встречались знакомые, часто неузнаваемые. Началось общение за столиками. Пожалуй, это было первое «общество» — соединение людей в мирных целях за одним делом после длинной одинокой зимы, если не считать обществом компанию тушивших «зажигалки» на крышах Зоомузея и окружающих зданий или спускавшихся в бомбоубежище, куда я старалась не спускаться (чтобы не нарушать сон! — спать очень хотелось, так что сон казался дороже жизни). Спускались с подстилками, одеялами и т. д., кто как мог. Под мощными петровскими сводами располагалась красочная беспорядочная картина лежанок и их владельцев — больше всего женщин с детьми и пожилых людей (женщин — мужчины вымерли).

Нарисовал бы какой-нибудь художник эту картину!

---

[12] «Академичка» — столовая, которая располагалась в полуподвальном этаже на углу Биржевого проезда и Таможенного переулка.

Голод настиг наш город только потому, что немцы сожгли наши знаменитые Бадаевские склады, в которых хранилось снабжение города.

Удивительно, казалось бы, но мы легко переживали голод, как я уже писала, мы его ни умственно, ни психически, ни физически не ощущали; и мы не говорили слов «мы голодаем, какой голод», мы с благодарностью принимали то немногое, что нам перепадало, и что самое главное — зайди хоть кто ожиданно или неожиданно в дом, в гости, или попутно, или проведать, или случайно по дороге и т. д. и т. п. — первое, что делалось — гостю или зашедшему предлагалась горячая (как минимум теплая) вода и хотя бы малюсенький кусочек хлеба. Это предлагалось от всей души — ведь пришел путник, замерзнувший, проведать («*живы* ли они?», а не «*как поживают*?»), поделиться, просто так посидеть вместе. В такие-то времена и это *человеческое* не было чуждо нашему народу, точнее ленинградцам. Я вношу это уточнение, потому что думаю, что в некоторых городах, где обстановка была получше и еды значительно побольше, люди не сохраняли того благородства гостеприимства, которое сохранили мы в осажденном, гибнущем, но не погибшем городе.

Вот этот настрой, это состояние, благородное, честное, дружественное состояние, *человеческое* состояние ленинградцы, как правило, сохраняли и старались передать его всем нас окружавшим, пресекая, прерывая и наказывая малейшие проступки, непроявления дружбы, доверия, гостеприимства.

Естественно, что, диктуемые голодом, бывали и некоторые, увы, недружелюбные поступки, включая воровство. Так, когда умер Сергей Петрович, его хлебную карточку кто-то (видимо, соседка, помогавшая мне) себе забрала. Я не осуждаю эту соседку — у нее был ребенок, лет шести, и его надо было спасти. Ребёнок действительно уцелел, и если карточка С. П. тому способствовала, то слава богу.

Значительно чаще вспоминаются сцены гостеприимства, когда кусочек чего-то, что несколько напоминало наш мирный хлеб, делили на столько частей, сколько человек сидело за столом. И никогда зашедшего не отпускали без горячей/теплой воды (хоть немного) и хотя бы миниатюрного кусочка хлеба — темного, тяжелого, вязкого, но … удивительно нам казавшегося ароматным и вкусным. Как приятно было нести этот кусочек

домой и нюхать его — даже как-то есть не хотелось, точнее съедать, чтобы больше нюхать, как будто бы запах этот питательный!

Большинство хозяек были очень расчетливыми (в хорошем смысле этого двусмысленного слова), делили дневную (суточную) порцию на соответствующие части: завтрак (немножко хлеба), обед (побольше), ну и желательно было хоть что-нибудь оставить на ужин — это не всегда получалось, к тому же вечером начинались бомбардировки и ужинать-то было некогда и негде. Детей, конечно, кормили в бомбоубежищах, а уж сами — как придется.

Если хоть какие-нибудь сухари или печенье были дома, их старались не съедать, не добавлять к хлебу, так как у каждого было в сознании, что может наступить день и час, когда и такого-то хлеба не будет, тогда начнем делить оставшиеся сухари.

Почти у всего населения выработалась четкая, устойчивая система самосохранения, и умирали в основном лишь те, кто не выдерживал ее, а также те, у кого исчезали (крали, терялись) эти небольшие *бумажки жизни* — хлебные карточки.

Увы, несмотря на огромную осознанную помощь друг другу, сочувствие и т. д., как всегда в жизни, бывали и дурные стороны.

По-видимому, некоторые поступки (проступки) совершались неосознанно; это, прежде всего, относится к обезумевшим от голода людям, особенно мужчинам, которые, мне кажется, и физически и морально менее стойко переживали голодуху. Так, бывали случаи, не очень частые, когда на улице, особенно в очереди за хлебом, человек (чаще мужчина) вырывал из рук карточку и стремительно убегал. Обычно догнать его было невозможно.

Когда умер С. П., тут же исчезла его карточка, на что я ничего окружающим не сказала, подумав: … может быть, благодаря этому спасется один ребенок.

Кроме голода одолевала цинга: одна луковица на человека, выданная столь своевременно, к началу весны, плюс природная зелень, которая, невзирая на войну и обстановку, повсюду прорезается весной, — спасли город, точнее его жителей. Сначала появился хлеб, плюс граммы круп, потом зелень, дарованная природой, кроме самых трудных месяцев, когда человек питался собственными запасами жиров, либо жирами кошек,

собак, чуть ли не крыс, мышей; сколько-то в пайках перепадало и жиров. А Нева с ее прекрасной водой плюс каналы и дожди давали столь нужную человеку воду. Но вот не всегда хватало у нас, блокадников, сил, чтобы всем этим воспользоваться, разумно разделить: страх за жизнь, боязнь умереть с голода приводили к тому, что люди непомерно «наедались», съев сразу весь паек, напившись в неимоверных количествах «чаю», т. е. теплой, может быть, полусырой воды — от того они опухали, перегружали пустой желудок глинистым хлебом… Увы, результат был плачевным: невыдержанных, жадных, неразумных людей искала смерть и беспощадно их убивала.

Не все блокадники разумно относились и к проблеме тепла: ясно, что отопления не было, а морозы, как это часто бывает в Ленинграде, на этот год оказались (или показались) особо свирепыми, ветреными, длительными и беспощадными. Нужно было особое мужество, особая сила воли, которая у семейных бралась из сознания, что *нужно* кормить мать, отца, ребенка, мужа и т. д.; но было столько бессемейных людей или ставших бессемейными, с трагедией в душе за погибших и находящихся на фронте, с рано покинувшими их в блокаде стариками и другими членами семьи, вплоть до детей… Каково было этим одиночкам, одиноким людям пускаться в тяжелый, сложный, холодный путь для сохранения своей, казавшейся многим никчёмной, жизни!

Не знаю, проведена ли для погибшего ленинградского блокадного населения статистика таких и аналогичных случаев; думаю, что цифры могли бы подтвердить, что хоть и не единым духом жив человек, но «дух» в виде моральной стороны, в холодную и голодную, морозную и ветреную, с абсолютным отсутствием транспорта (т. е. с невозможностью повидать, навестить, зайти к кому-либо ближнему, на бывшую или даже настоящую службу) сыграл немаловажную роль в спасении хоть части населения; «дух», безудержное желание дожить до конца, т. е. до победы над врагом, *необходимость* заботиться о ближних, дождаться возвращения с фронта членов семьи; необходимость (моральная, не материальная) увидеть ненавистного немца побежденным, необходимость работать, служить — этот дух сыграл немалую роль.

Спасать из-под руин домов детей и стариков, продавать хлеб, его покупать («моральная» необходимость), как-то кормить,

тушить «зажигалки», дожить до победы, уничтожить врага, спасти детей, спасти замечательный город, его дома, памятники — все эти моральные долги перед собой, государством, жизнью, *ненависть к врагу.*

У нас, у каждого по-своему, *почти у всех* блокадников было много дела, такого неотложного, что не́когда (или не к чему) было думать о себе: сколько матерей погибло, все отдававших детям…; сколько погибло под обстрелами, только от отсутствия самодисциплины, невнимания к себе; сколько погибло от невоздержания, когда пища стала появляться.

Но одновременно какая нужна была выдержка, чтобы одну луковицу, полученную впервые за зиму где-то весной, бесконечно долгое время делить на кусочки, чтобы избавиться от цинги, вылечить себя.

Человек есть человек: он состоит из физической стороны и из моральной, духовной.

Блокадный человек, в основном, в этом плане не отличался от человека мирного времени, за некоторыми исключениями, естественно. Так, мы с С. П. долго продолжали читать, пока хватало сил, несколько ранее заглох мой Мюльбах (не хватало ни физических сил, ни моральных), конечно все интересовались политикой, обсуждали, добывали сведения, делились, верили в благополучный исход. Все старались помочь соседу. Конечно, были и страшные случаи невыдержанности (но как осудить людей, буквально терявших рассудок от голода?) — но ведь они бывают и в мирное, благополучное время.

А сколько нужно было физических сил, чтобы откапывать превратившиеся в руины жилые дома: бомбардировки были чуть ли не ежедневными, а то и по нескольку раз в день, событиями. Иногда было неясно, что, как и почему гибнет, кто, как и каким чудом спасся. Бывали дни, когда казалось, что мир и мы все идем ко дну (это «казалось» ко мне не относится: свой извечный оптимизм я никогда не теряла), но психология людей от этого не портилась, наоборот — все нутро, весь внутренний мир, все в человеке восставало и боролось с врагом. Эта духовная, душевная борьба тоже, в конечном счете, сыграла свою немаловажную роль.

В тот период нами, молодежью, еще очень остро помнились и ощущались громадные достижения первых десятилетий нашей страны, первых пятилеток. Мы знали, что эти достижения мы

не отдадим. Пусть мы и не на фронте (хотя, как теперь пишут, весь Ленинград был фронт — это истина), но мы так же нужны, как те, кто на фронте: спасти город, его население, его архитектуру, спасти от бомбежек, налетов, голода. Разве это не есть выиграть битву, быть на войне победителем: каждый ленинградец в той или иной мере был участником войны, солдатом на фронте и победителем в этой войне.

Как и в каждой войне, увы, в Ленинграде пало немало таких воинов, тем большая слава тем, кто выжил, не умер по дороге при эвакуации, остался честным советским человеком.

***

Однажды, опять же бегая от Зоомузея к 7 линии дом 2, на торце «Академического дома» вычитала объявление, что Институту языка и мышления им. Н. Я. Марра требуются научно-технические сотрудники. Это было после лютой зимы 1941/1942 года, унесшей от голода и *холода* (замерзания) многих сотрудников этого института; некоторых из них я знала по университету. Конечно, я немедля забежала по пути узнать, не возьмут ли меня? Взяли. Научно-техническим сотрудником. Временно короткое время там была зам. директора Якубинская[13], зам. И. И. Мещанинова. Она меня приняла с радостью, увидев мой красный диплом отличника и убедившись в моих интересах к языкознанию.

Так неожиданно свершился в моей жизни перелом — к Академии наук, к науке — пока единственный и окончательный, несмотря на постоянное дублирующее стремление и призвание к музыке. Видимо, у каждого есть своё.

Я стала сотрудницей Академии наук, чем очень гордилась, вспоминая своего деда, которого я провожала в эти же коридоры… Разговоров о работе, что надо что-то делать, я не помню, ходить мне было легко, т. к. я жила рядом на чердаке Зоомузея.

Одно из первых сильных и радостных впечатлений от ИЯМа — я там встретила Елену Константиновну Большакову[14] — зав.

[13] Э. А. Якубинская.

[14] Елена Константиновна Большакова (род. в 1899 г.) работала с 1924 г. в Академии наук в качестве секретаря. По возвращении из эвакуации с Печоры в 1944 г. и по 1959 г. — зав. канцелярией Института языка и мышления им. акад. Марра.

канцелярией, которая меня принимала, точнее оформляла. Я ее хорошо знала и помнила, по словам моего деда — эту «прекрасную Елену», молодую, красивую женщину, которая всегда провожала домой академика И. П. Бородина[15], в его восьмидесятилетнем возрасте еще работавшего зав. Гербарием. Дело в том, что с 1930-го года, до постройки нового здания Ботанического института Гербарий помещался в коридорах главного здания Академии наук, в которых И. И. Мещанинов и расположил свой ИЯМ, Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра. Такое неожиданное совпадение меня очень обрадовало, я не почувствовала себя чужой в этих стенах (хотя вернувшийся из командировки И. И. Мещанинов и был несколько озадачен появлением западника). И. И. Мещанинов — человек, мне знакомый по университету по курсу общего языкознания, по «Марровскому чтению» и, видимо, не очень был доволен приему в штат человека, которого он не знает. Вызвал меня на беседу ознакомиться с романистом по узкой специальности, может быть, и не очень ему нужному. Но беседа прошла благополучно, доброжелательно. Я ему рассказала о нашем студенческом научном кружке по общему языкознанию, о нашей «публикации» сборника трудов этого кружка тиражом в несколько машинописных экземпляров. И с доброй улыбкой была принята в ИЯМ. На мой вопрос, что же я буду делать, я поняла, что вряд ли буду делать «романистику». Короче говоря, я была принята не только формально, но по сути дела, Елена Константиновна Большакова оформила меня по всем правилам, и я стала полноправным сотрудником знаменитого ИЯМ'а. Я была отдана в руки В. Ф. Шишмарёву[16], у которого долго была научно-техническим сотрудником; я рвалась к науке и не понимала, что я лишь

[15] Иван Парфеньевич Бородин (1847–1930) — русский ботаник, популяризатор науки, зачинатель российского природоохранного движения, один из основателей этико-эстетического подхода в заповедном деле и охране дикой природы, ординарный академик Петербургской академии наук, Российской академии наук, академик Академии наук СССР, действительный член Академии наук Украины. По инициативе Бородина в 1915 году было организовано Русское ботаническое общество, бессменным президентом которого он был до конца жизни. Удочерил Мелитину Александровну после смерти ее родных.

[16] Фёдорович Шишмарёв Владимир (1874–1957) — академик, выдающийся филолог-романист, создатель современной российской романистики.

научно-технический сотрудник… (но это вопрос будущего). Я в общем ничего не делала и не знала, что же надо будет делать в дальнейшем.

Я сообщила о приеме в Институт моему опекуну известному историку Инне Ивановне Любименко[17], которая весьма приветствовала мой новый образ жизни, сказав, что я иду «по стопам семьи — в науку, и это надо ценить». Да и мне самой стало ясно, что не случайно меня потянуло в Академию наук… Но все же в те месяцы, к моему большому огорчению, совсем как-то неясно было, чем же я буду заниматься. Мое положение тяготило меня: и семью потеряла, и дома делать нечего, и на фронт не берут, даже на окопы не посылают: любое приложение трубки врача к моему сердцу и к легким всегда меня мгновенно освобождало с раннего детства от любой физической нагрузки, которая заменялась умственной даже в дни блокады. А идти явно на смерть или инвалидность, зная, что я нужна в тылу и тут тоже многое могу сделать, я не хотела.

Но в Институте в ту пору явно делать было нечего, и все же я в нем числилась по доброте И. И. Мещанинова и вместе с другими институтами попала в общую волну эвакуации АН СССР (см. ниже).

***

Итак, меня оформили научно-техническим сотрудником в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра[18]. И очень, очень скоро увезли (эвакуировали)…

Видимо, это поступление в Институт спасло мне жизнь: кроме факта новой работы, новых интересов я попала в очередную струю эвакуации.

Казалось, мы побеждали все трудности, и не к чему было нас эвакуировать. И многие, как известно, не хотели эвакуиро-

[17] Инна Ивановна Бородина (Любименко) (1878–1959), дочь академика Ивана Парфеньевича Бородина, — российский и советский историк, архивист, доктор исторических наук, профессор, специалист по российско-британским отношениям. Она получила степень доктора наук в Париже и регулярно ездила в Лондон и Москву во время своих исследований, публикуя статьи в англоязычных и французских журналах; была единственной женщиной, выступившей на Международном конгрессе исторических исследований в Лондоне в 1913 году.

[18] 10 июня 1942 г. в Кабинет романо-германских языков.

ваться, покидать свои родные места, библиотеки, расставаться с налаженным, казалось бы, образом жизни военных времен.

Но враг был близок, а люди, ленинградцы — те, что выжили, были истощены, и почти от всех мало было бы толку для спасения города и его цивилизации.

Нас повезли не из Ленинграда, не от войны, а от охватившего нас голода: стало лучше, пайки больше… И все равно, сколько людей — нужных стране — погибло бы (и погибло по дороге), если бы мы остались. Сколько друзей-городов получил Ленинград благодаря этой эвакуации: Казань, Ташкент… Какой огромный заряд — физический и моральный — получили эвакуированные ленинградцы, не ожидавшие, что их скромные усилия помочь наступившей беде будут так щедро вознаграждены правительством и народом. Появление эшелонов ленинградцев, отдельных ленинградцев было в те времена праздником для всей страны, символом победы.

Память человеческая недолговечна, как часто говорят и пишут. Нет, память человеческая в отношении войны и Ленинграда опровергает это положение. И это основное для дальнейших событий…

<…> Впервые я столкнулась лицом к лицу с эвакуацией, когда около филфака встретила Р. А. Будагова[19], сообщившего мне, что он вскоре уезжает с университетом в Саратов, и спросившего, когда же мы уедем, имея в виду Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра и в целом Академию наук.

<…> Поначалу я сопротивлялась эвакуации, решила вернуться в клинику Отта, вернее попроситься туда на работу. Сохранился документ о том, что очень короткий срок я была оформлена в штат этого эвакогоспиталя.

Я твердо решила остаться до конца в Ленинграде, тем более, что стало лучше, пайки прибавлялись, постепенно, хотя голод мы ощущали больше и больше, как ни странно. И тоже ведь нельзя оставить Альмхен, а она-то совсем не собиралась уезжать из Ленинграда из своей благоустроенной квартиры и от академического пайка…

[19] Рубен Александрович Будагов (1910–2001), член-корр. АН СССР, советский и российский лингвист, специалист в области общего и романского языкознания.

Неожиданно, однако, все мои намерения прервала появившаяся на моем чердаке Инна Ивановна Любименко (моя родственница по отцу и деду — дочь академика Бородина, который усыновил («удочерил») меня) с ее твердым приказом: «Ты должна эвакуироваться вместе с Академией (в Казань)».

Я несколько «ошалела» и от появления И. И., и тем более от такого приказа и резко отказала, почувствовав свою правоту и самостоятельность в решении своей судьбы. Тогда последовали врезавшаяся в мою память фраза и последующий диалог: «Ты обязана ехать со мной, так как я всю жизнь давала Альмхен (моя приемная мать) деньги на кормление, лечение и воспитание тебя. Мне одной ехать трудно, и я требую, чтобы ты уехала — хотя бы для помощи мне и в знак благодарности». Она говорила, что я обязана ей своим воспитанием и обучением, так как она все время материально весьма помогала Альмхен, а когда я вышла замуж — защитила меня. Еще она требовала моей эвакуации, заявив, что более я никогда не смогу поступить в Академию, в Институт языкознания, а это надо ценить, это — главное в моей жизни. Откровенно говоря, это бы меня не убедило, так как я продолжала мечтать о музыке. Почувствовав мои колебания, тетя Инна твёрдо заявила, что я *обязана ее сопровождать* — она человек в возрасте и ей одной трудно будет справиться, никого у нее кроме меня нет.

Историк Инна Ивановна Любименко с Институтом истории АН СССР эвакуировалась в Казань. В конечном счете, составился один эшелон из разных академических институтов (тоже остатки этих институтов — многие умерли, многие были при смерти). Это было еще зимой, так как переправлялись через Ладожский лед, который был не очень крепким; то там, то здесь ехали по воде, надо льдом, по трещинам[20].

Меня официально присоединили, кажется, к историкам и археологам-палеонтологам (Институт археологии), возможно, благодаря хлопотам или просто по просьбе тети Инны — уже тогда доктора наук (в том числе и Оксфордского университета). Мне пришлось поехать, тем более, что, видимо, скудные остатки нашего института, сотрудники которого сильно пострадали от войны — кто на фронте, кто от голода — тоже эвакуировались. Нас присоединили к оставшимся реликтам Академии наук. Все

[20] М. А. Бородина могла эвакуироваться не ранее лета-осени 1942 г.

ехали нагруженными, с тюками, чемоданами. У меня не было ничего, и я отправилась налегке, но «тючки» тети Инны пришлось все же тащить, а сил не было… Все же пришлось, хоть как-то надрываться: ведь тетя Инна спасала меня от голодной смерти.

Запоминающимся был момент переезда через Ладогу, когда ступили на твердую, мирную землю, встреча нас местными жителями, встреча с едой — прежде всего хлебом, круглым черным хлебом, свежим и мягким. Нет радости без печали. Некоторые так наедались, что гибли от вздутья живота тут же или же, когда мы уже сели в эшелон, направлявшийся в Казань — какими-то долгими, сложными путями с остановками, сутками на далеких запасных путях — дорогах, почти без питьевой воды, еды и т. д.

Все мы как-то выкручивались, меняли одежду на кусочек чего-нибудь съестного. Многие ехали в теплушках, мне же, из-за тети Инны — доктора наук, дочери академика — сильно повезло: мы ехали в купированном вагоне! Но попали не в одно, а в два соседних купе. Напротив меня расположилась мать с дочерью лет шести, милые, но тощие до невозможного. Спастись им не удалось: сначала умерла девочка, а следом за ней и мать. Умирали тихо, спокойно, без физических страданий или душевных переживаний, как-то просто угасали: тихо лежали, иногда пили или что-то съедали — изголодавшемуся организму этого, видимо, было более чем достаточно.

Особенно трудно в теплушках было с водой: эшелон часто стоял на остановках или по пути весьма долго — путешествие длилось неделями, все перезнакомились, привыкли к этому новому статусу: ведь мы никуда не торопились, еда разными способами нам перепадала, ночью мы хорошо спали, как-то нас уберегало от бомбежек. За водой с разными более или менее для этого приспособленными сосудами приходилось вечно куда-то бежать: добыв ее надо было бережно хранить. Я охотно выполняла эту функцию — опасную, ведь можно было случайно отстать (и некоторые отставали… кто догонял, а чаще устраивались по дороге). Короче говоря, ехали мы «комфортабельно» и даже интересно.

Не успели мы доехать до Казани (первый пункт остановки), как И. И. сказала: «Ты человек взрослый и можешь быть свободна для своих действий и в выборе места и образа жизни;

я тебя так категорически увезла с собой только для того, чтобы ты не погибла от голода».

Привезли нас в Казань, где академические институты приписали к Педагогическому институту, вроде как бы на работу туда — преподавать, поместили в какое-то холодное, весьма неблагоустроенное общежитие. Работы, естественно, не было, соответственно и с едой надо было продолжать выкручиваться. Все получалось нескладно, и многие, в том числе и мы, переехали в Елабугу, куда подалась и тетя Инна, которую суровая, непривлекательная обстановка Казани мало устраивала, тем более, что там и работы не было: ни мне, ни тете Инне.

Казань и Елабуга — это день и ночь. И по природным условиям, и по бытовым, хотя в Елабуге тоже не было работы. Но нас приняли радушно, хорошо кормили. Что-то вроде пединститута было и в Елабуге, но, видимо, студентов, там не было. Всё же мы числились — для хлебных карточек. Я тщетно пыталась найти аудиторию, т. е. все же рвалась поработать! Но моя разведка обнаружила, что все разъехались: кто на фронт, кто куда, либо болеют. Все же несколько человек, правда, не в закрытом здании пединститута (кажется, дело было к окончанию учебного года, и все говорили, что и студенты и преподаватели все разъехались), а по домам я нашла и из разговора с ними поняла всю свою наивность.

Короче говоря, делать в Елабуге было нечего. К счастью, нас довольно скоро оттуда снова посадили в эшелон, и в несколько ином составе, в котором были не только остатки Академии наук, но и Консерватория, повезли куда-то в Среднюю Азию. В конечном итоге это оказался Ташкент. Путь был далекий и длительный. В какой-то мере это было торжественное «шествие» героических ленинградцев по плодородным местам южных районов. Длилось путешествие бесконечно долго. Но никто по дороге не умирал, хотя и были больные.

Я познакомилась с некоторыми консерваторцами, в частности, навеки подружилась с «Женькой» Иоффе (в дальнейшем — Евгения Борисовна Блум), оказавшей на меня в поезде, да и во всей моей дальнейшей жизни весьма благотворное влияние. И по сей день горжусь этой дружбой. (Впрочем, я не уверена в том, что консерваторцы приехали одновременно с нами в Ташкент, вероятно, все здесь описанное случилось не в поезде, а уже в Ташкенте). Потрясающее терпение у этой

женщины, выдержка и верность, благородство и умение вести себя, преданность близким, умение дружить. И до сих пор перед этой моей подругой я как-то чувствую неловкость, ибо, очень ее любя и адски желая дружить, ощущаю, что веду себя как-то не так. Но это уже дело сегодняшнего дня, а не воспоминаний…

Эта Женя Иоффе (в дальнейшем — известный педагог в детской музыкальной школе г. Ленинграда), увидав у меня в руках вафельное полотенце, вывезенное с чердака Зоомузея, казалось бы ни к чему не годное, ибо от ветхости напоминало марлю (но не из тонких ниток, как настоящая марля, а из толстых), сказала, что его нужно «починить». Я поинтересовалась: как это — починить? Да и чем? Ответ простой: возьми катушку белых ниток, нитку вдвойне и штопай — ведь умеешь штопать? Как не уметь, когда у Альмхен выросла?! Вот я покорно сидела и с интересом покрывала кисею вафельного полотенца замысловатыми узорами. Когда закончила — оказалось, только полкатушки белых ниток осталось.

Долго я хранила это полотенце, им любовалась, пользовалась, хотела даже обратно в Ленинград везти, но Женечка вовремя вставила: «Куда ты такую тряпку возьмешь?» И с грустью я оставила одно из немногих достижений своего швейного искусства.

***

Приезд в Ташкент был праздничным: встреча жителями, тепло природы, отсутствие войны, которая осталась где-то.

Мы — АН СССР, ИЯМ им. Н.Я. Марра и другие институты — отнюдь не единственные беженцы из прифронтовой зоны. Таковых было, по-видимому, весьма много, и подготовить всем хорошие помещения было невозможно.

Тем не менее, мы для первых дней расположились весело и не так уж плохо, кто как мог, в зале консерватории им. Тамары Ханум[21], или, как мы говорили сокращенно, — в зале Тамары Ханум, или просто «у Тамары Ханум», естественно, вповалку, естественно, без одеял, подушек, постелей, белья, матрацев,

[21] Тамара Ханум (Тамара Артёмовна Петросян) (1906–1991) советская, узбекская танцовщица, реформатор исполнительского стиля узбекского женского танца, певица, актриса, хореограф, Народная артистка СССР.

умывальников, чая. Вид наш был, наверное, весьма усталым и плачевным, тем более от такой длительной поездки. Но кое-как «кучками» — большинство в самом зале на полу, кое-кто в аудиториях — благополучно разместились, и удалось впервые за длительное время, что-то съев, спокойно выспаться, ни о чем не думая.

Было совсем очевидно и ясно, что мы находимся в благодатном Узбекистане, среди хороших людей.

Довольно скоро началось наше расселение — кто куда. Многие, в том числе и я, остались в зале Тамары Ханум и потом, лишь спустя некоторое время, стали снимать квартиры. Я попала по чьей-то рекомендации к знаменитой (в моей жизни) «тете Арише», милой старушке, жившей очень близко от «Тамары Ханум». Это была небольшая, типа украинской, «мазанка», в которой, кроме крошечной передней, была кухонька, где расположилась моя тетя Ариша, за кухонькой — жилая комнатка, которую я и занимала. Все в ней было: кровать, стол, за которым можно было сидеть, занавеска, за которой висела одежда. И стоило это, не помню сколько, но недорого — по карману.

Сразу по приезде тетя Инна, снявшая в нормальном доме тоже небольшое помещение, сообщила мне, что теперь пора стать самостоятельной: отдельно жить и питаться, не рассчитывать особенно на нее, работать и т. д.

Но «ходить на работу» было как-то некуда, хотя я и числилась в Институте языкознания, точнее в ИЯМ — Институте языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра. Якубинская, принявшая меня в Институт в 1942 г. и представившая И. И. Мещанинову по его возвращении из командировки, полагала, что я как человек, хорошо обученный, имеющий красный диплом отличника, слушавший курсы И. И. Мещанинова (т. е. его ученица по ЛИФЛИ, в студенческой интерпретации — Лен. Институт Флирта, Любви и Истерии), председатель студенческого научного общества (СНО) филфака, займусь общими марровскими теориями, а знание иностранных языков поможет разобраться в общих теориях языкознания. Но со своими коллегами, весьма малочисленными (от силы человек 15–20) я мало успела познакомиться: кто был на фронте, кто умер, кто болел, просто не ходил.

В конечном счете, я была представлена в Ташкенте тоже ставшему сотрудником этого института В. Ф. Шишмарёву, смутно помнившему меня на филфаке и обрадовавшемуся моему

появлению в Ташкенте. Но что надо и что можно было делать по работе, было совсем не ясно. Владимир Фёдорович сказал мне тогда (это, кажется, было уже в Ташкенте, в Ленинграде я не помню беседы с ним), что нужно спасать свою жизнь, что меня несколько удивило, так как я пришла работать, а не спасаться.

Короче говоря, естественно, что никто, в том числе и я, на работу не ходил, но изредка мы, по мере сил и возможностей, как-то появлялись, и какие-то деньги и карточки — тоже.

В Ташкенте моей работой руководил В.Ф. Шишмарёв, я слушала лекции, курсы, доклады В.М. Жирмунского. По его же настойчивому совету я начала учить узбекский язык в группе молодых сотрудников ИЯМ'а и сотрудников других институтов АН СССР, желающих познакомиться с тюркскими языками. Я постепенно стала осознавать свои интересы к филологии, точнее к лингвистике, которые все же весьма активно разделяла с музыкальными интересами. В те времена моя душа еще не лежала абсолютно полностью к тюркологии и к академической науке — я стремилась к музыке, в Консерваторию, которая к тому же следом за нами приехала в Ташкент. Этому помогало соседство и дружба с эвакуированной Консерваторией, деятельность Малышева — талантливого рано погибшего пианиста, воспитанника Ташкентской консерватории, часто и много игравшего.

Начала готовиться к поступлению в Консерваторию, тренироваться у одного из педагогов, с семьей которой до сих пор сохраняю дружбу. Я мечтала быть «ансамблистом», создать свой квинтет, быть аккомпаниатором, организатором в музыке, уже тогда связывала проблему слова с проблемами музыки. Вообще в ЛГУ на филфак я попала случайно: «переиграла», готовясь к поступлению в Консерваторию, т. е. мышцы рук временно отказали мне, и, чтобы не терять год жизни, поступила временно в ЛИФЛИ, тем более что рядом жила. Однако такие люди как Марр, Мещанинов, Кацнельсон, Будагов, Бокарёв, факультетское СНО, которое я организовала, — всё это настолько меня увлекло, что я решила сначала окончить филфак, а потом — Консерваторию. К счастью, я «переиграла» руки и в Ташкенте, и они отказали мне, а теоретические курсы в Консерватории меня не интересовали, и я предпочла аспирантуру в ИЯМ'е.

Постепенно в Ташкентской части академии наук налаживалась жизнь. Пополнялись ряды спасавшихся ученых.

Здание Тамары Ханум оставалось до конца в распоряжении Академии наук: классы служили кабинетами, зал — местом для общих собраний. Академиков и много старших поселили в специально отведенном правительством Узбекистана здании неподалеку от здания Тамары Ханум. Жили там В. М. Жирмунский, Вл. Ф. Шишмарёв, В. В. Струве и мн. др.

Постепенно возник вопрос и о научной деятельности, о поисках работы. Именно в этот период В. М. Жирмунский и начал заниматься тюркскими языками и тюркским эпосом. Где-то к концу нашего пребывания в Ташкенте в ИЯМ'е появились вакантные места в аспирантуру, и В. Ф. Шишмарёв выдвинул мою кандидатуру (март 1943 г.). В. Ф. Шишмарёв помнил мою увлеченность в университетские годы, хотя и предупредил, что в условиях Ташкента написать диссертацию невозможно. Я не поверила. В. М. Жирмунский поддержал мою кандидатуру. (Я училась вместе с ним в кружке по изучению узбекского языка, по его настойчивому предложению. Всю жизнь потом сожалела, что всё же музыка в тот период перевесила, так я и не обучилась этой узбекской грамоте… Зато завоевала известный авторитет у этого великого ученого и человека. Многому, очень многому и в науке, и в жизни, и во взаимоотношениях между людьми, и в тактике поведения и мышления я научилась у Виктора Максимовича. Да и не я одна, а почти все, кто его окружал, кто с ним сталкивался).

Что такое аспирантура, чему и как нужно учиться, что сдавать, что писать в те времена мне было неясно. Обследовав все ресурсы библиотек университета, академии, я поняла безнадежность положения, но не стала унывать. Занялась сдачей кандидатских экзаменов по второму языку (немецкому), историографии, припомнив университетские курсы романской и французской филологии, сдала и специальность. С горя я занялась и английским языком в группе, которую вела Екатерина Николаевна Драгунова. Это было во всех отношениях интересно, особенно в методическом плане.

Именно в эту решающую в моей жизни минуту, как это часто бывает, появились мои спасители — замечательная чета Драгуновых — Екатерина Николаевна Драгунова (методист и англист) и Александр Александрович Драгунов (крупнейший языковед, специалист по дунганскому языку) (о них см. выше).

Я поняла, что на простых языковых наблюдениях обычных текстов что-то можно было сделать, даже на двух-трех книгах художественной литературы на современном французском языке.

Неожиданным затруднением оказалось отсутствие какой бы то ни было бумаги — ни обычных листов, ни писчей бумаги для писем, ни оберточной — просто никакой. О карточках тогда речь не шла: мы их просто не знали, ни в студенческие годы, ни позже.

И все же выход был найден: я предложила использовать для сбора материала поля газет, которые издавались и были доступны. На них я и делала «карточки». Материалом послужила первоначально книжечка Е. Н. Драгуновой «Небеллетристические тексты французского языка», которую *всю* я разложила на карточки по теме «Семантико-грамматические группы глаголов современного французского языка».

Публикации по теме были не обязательны в то время, кроме автореферата, который был напечатан в виде небольшой статьи под названием «Семантико-грамматические группы в глаголе современного французского языка» в Известиях АН СССР, но автором оказалась М. С. Бородина, вместо М. А. Бородина. На тит. листе «Издательство АН СССР, Москва, 1947», но печаталось в Ленинграде на В. О., 9 линия, дом 12. И вышел он после защиты!

Для моего руководителя — Владимира Фёдоровича Шишмарёва — такая тема была не по душе. Но ведь, действительно, в Ташкенте больше нечего было делать, как заниматься тем, что в будущем стало называться структурной лингвистикой. И Вл. Ф. Шишмарёв допустил меня к защите, но это было уже в Ленинграде. Защита проходила в нашем старом конференц-зале в ИЯМ’е.

***

В Ташкенте же дружба с семьей Драгуновых завязалась и через музыку, которую они боготворили. Оказывается, они издавна следили за моей ташкентской карьерой; их внимание было привлечено прежде всего моей музыкальной деятельностью — сольными концертами (фортепиано), которые я давала в зале «Тамары Ханум» (нашем общежитии), а также концертами, которые я организовывала по приезде в Ташкент консерваторским силам эвакуированных. Иногда я решалась высту-

пать в качестве аккомпаниатора, ансамблиста, дважды выступала с сольными концертами.

Однажды в программах концертов оказался квинтет Танеева, организованный мною силами консерваторцев. Как известно, этот квинтет состоит из квартета + пианиста. Пианистом, естественно, выступала не я, так как этот квинтет очень сложный, а некая пианистка (фамилии ее не буду называть), с которой я сохраняю дружбу по сей день. Тем не менее, на следующий день я услышала по всем этажам «Тамары Ханум»: «Вчера был квинтет Ляли (мое детское имя) Бородиной». Так обозвал этот квинтет Танеева один шустрый шестилетний мальчик, присутствовавший на концерте. Он мне создал такую славу, что я, в конечном счете, вынуждена была солировать, т. е. дать сольный концерт. В него входили инвенции, фуги и прелюдии Баха, «Патетическая» соната Бетховена, «Фантазия-экспромт», прелюдии и мазурки Шопена. Некоторые востоковеды долго помнили мой сольный фортепианный концерт, который я сама смутно помню, так как увлекалась ансамблями.

Один из этих концертов мои организаторы сделали платным — в пользу появлявшихся непрерывно голодными беженцев из разных городов Союза. Мы составили оргкомитет, сотворили платные входные билеты, собрали какую-то сумму и вместе с продуктами питания передали все это появившимся в Ташкенте консерваторцам.

На этом, в общем, и закончилась моя исполнительская музыкальная жизнь.

Меня окружало слишком много интересных людей науки, чтобы не увлечься делом, т. е. наукой. Мои организаторские способности были замечены и «перекантованы» на более жизненно-нужные дела: секретарство (протоколы), организация и научных заседаний, и жизнеспасающих пайков, проблемы жилья, особенно для вновь прибывающих и т. д.

***

К сожалению, мои занятия узбекским языком не были успешны: диссертация, музыка, непривычный Узбекистан, с его столь необычной культурой и природой, легкомыслие молодости, а главное — поступление в аспирантуру — все вместе взятое не привело к нужным результатам в усвоении узбекского языка, который, однако, казался мне куда интереснее англий-

ского. Да и Владимир Фёдорович — мой руководитель — не считал это обязательным для романиста, хотя, естественно, и не запрещал. И все же пребывание в этом интересном краю, занятия в кружке с Виктором Максимовичем, дружба с Драгуновыми (китаеведами), и с Колпакчи[22] (японский), дружеская обстановка общения с широким кругом специалистов по другим языкам (В. В. Струве, А. Н. Кононов[23], Колпакчи, Пучнев, специалистами-этнографами), поездки в окрестности (в тот период я, к сожалению, не попала в Самарканд из-за очередной болезни сердца) — все это заложило основы более широкого кругозора и интереса, чем узкая специализация «западника».

***

Великим Праздником и событием была весть об окончании войны. Однажды очень рано утром как бы эхом, кличем пронеслась по зданию Тамары Ханум весть об окончании войны, и пока не вышли газеты, мы были в бесконечном волнении: что? как? так ли? Выстроились очереди в киосках. Газеты с убедительными крупными, жирным шрифтовыми известиями положили конец всем вопросам, и первое, что промелькнуло в головах, умах и устах: в Ленинград, домой!

Постепенно началась реэвакуация, сначала старших, потом нас, которая, естественно, происходил в куда более благоприятных условиях и темпах, чем эвакуация. Это было уже торжественное шествие по стране.

Полная жизненных сил, энергии, окружённая друзьями, я возвращалась вместе с Институтом в Ленинград, где и продолжила аспирантуру.

До сих пор забыть невозможно, как наше радостное «шествие» по стране (медленное, на колёсах, но куда быстрее поездки в Ташкент) радовало глаз: видеть наши города, природу, просторы — было истинным триумфом, который нарастал по мере приближения к Ленинграду. Особенно после сухих пейзажей

[22] Евгения Максимовна Колпакчи (1901–1952) — востоковед-японист, профессор ЛГУ (с 1936 г.). С 1942 г. научный сотрудник Института востоковедения АН СССР. Докторская диссертация 1946 г. «Древнеяпонский язык по памятникам эпохи Нара».

[23] Андрей Николаевич Кононов (1906–1986) — лингвист-тюрколог, доктор филологических наук, профессор, академик АН СССР, председатель Советского комитета тюркологов, заслуженный деятель науки Узбекской ССР.

Узбекистана воспринимались наши безграничные, бесконечные леса, и мне так казалось, что горделивые веточки наших елочек и елок, приподнятые вверх — все они торжественно возвещают: «А мы победили, а мы победили!» — и возвещают это без конца и вечно.

С тех пор, когда я еду в наших поездах сквозь хвойные леса или просто по ним гуляю, я как бы «слышу» это: «А мы победили!». Как бы про себя радуюсь и торжествую. Это мое личное торжество и наша победа, победа моей страны, моих елочек, которые вечно будут повторять эту правду: «А мы победили!». Это чувство для меня настолько святое, что оно навеки осталось во мне, и впервые я его выдаю на бумаге.

Но страшно было возвращение в родной город. Такого мы не ожидали… Тем более после нетронутого Ташкента.

Приезд в Ленинград — и радость, и торжество, но как страшно, какой страдающий больной город встретил нас. При одной этой мысли слезы показываются, и перед глазами следы таких страданий, непередаваемых. Страдали не только люди, но и камни, искусство… вся жизнь!

Наш институт начал свою новую жизнь в, к счастью, мало пострадавшем здании АН СССР на Университетской набережной дом 5 (второй этаж).

Закончила я диссертацию уже в Ленинграде и защитила ее весной 1946 г. в Ученом совете Института языкознания. Моим оппонентом был Р. А. Будагов, тогда еще кандидат филологических наук. Вторым оппонентом была профессор Н. А. Катагощина[24] (Москва).

Защита моей кандидатской диссертации была первой защитой после эвакуации. Была весна, почти лето. Моя одинокая, пустая, довоенных времен комнатушка (вернее, чердак Зоомузея — потолок можно было достать рукой) была заполнена буквально ведрами цветов…

[24] Нина Алексеевна Катагощина (1908–1994) — доктор филологических наук, профессор, специалист по истории и фонологии романских языков. В годы войны преподавала в Московском государственном институте иностранных языков (1-й МГПИИЯ), в 1963–1974 гг. руководила сектором романской филологии в Институте языкознания АН СССР; в 1974–1994 гг. — профессор кафедры романской филологии Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской.

Людмила Ивановна ТОЛСТАЯ[1]

Блокада… блокада… для всех одна и для каждого её пережившего, своя…[2]

Сегодня это кажется странным, почти непонятным; в нашей семье, семье профессора, члена-корреспондента Академии наук Ивана Ивановича Толстого, которому к началу войны было 60 лет, не было радио. Читали газеты и любили тишину в доме.

В воскресенье поздним утром пошли в магазин купить черешню, пошли почему-то всей семьей. Вышли из дому и все узнали — война. Черешню купили, удовольствия не было, сразу вернулись домой. Так для нас начались дни войны.

Учебный год закончился. Мы оба с братом окончили первый курс, я в Институте им. Герцена, он — в университете на химфаке, не успев еще сдать последний экзамен — почему-то затянулась сессия. Брат был удивительно способным, был первым учеником всей школы и глубоко штатским юношей. Свою будущую профессию он избрал задолго до окончания школы и, конечно, стал бы настоящим крупным ученым.

В первые же дни войны он с товарищами был отправлен на окопные работы под Белоостров, с которых вернулся уже участником народного ополчения. Помню, мы ездили на свидание с Ваней в Красное село, потом он приехал к нам в военной форме на два часа из-под Тосно, а потом — пропал. Очевидно, погиб он где-то в районе Пулковских высот, хотя сведения эти ненадежные, никакого извещения об этом так и не было.

В свою новую и трудную военную жизнь штатский юноша Ваня Толстой, так и не успевший стать Иваном Ивановичем, вошел легко, приняв её как единственно возможный для него путь, больше всего боясь каких-либо поблажек, хотя среди

---

[1] Дочь Ивана Ивановича Толстого Людмила Ивановна Толстая.

[2] Воспоминания опубликованы в книге: Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: 2005. С.304–307.

ополченцев-командиров были и ученики нашего отца, которые рады были бы скрасить какой-нибудь мелочью нелегкую фронтовую жизнь сына их любимого учителя.

От Вани осталась тоненькая пачка пожелтевших писем-треугольничков, написанных карандашом и затершихся по краям. Нет в них ни одной громкой фразы, но в каждой строчке, полной заботы о родных, за простыми будничными словами стоит человек, готовый в трудную минуту без колебаний отдать свою жизнь.

В конце октября сорок первого года в таком же письме-треугольничке пришло стандартное извещение о гибели Вани смертью храбрых. Извещение безответственное и лживое. А что оно стоило семье? Какое неизбывное горе оно принесло!

В Университете, куда спустя два дня отец пошел читать лекции, его коллеги сразу заметили в извещении какое-то непонятное вранье: местом смерти брата был назван населенный пункт в Прибалтике, которая была занята немцами в первые дни войны, хотя названа была более поздняя дата.

Началась переписка. Ответов на письма отца долго не было, затем пришло письмо: да, у нас служил какой-то сержант Толстой, имени не знаем, вот и написали, что Иван Иванович. Разумеется, не извинились. Той же осенью отца дважды вызывали в Смольный, где он по полтора часа убеждал высокопоставленных чиновников, что остается в городе, отказываясь от эвакуации самолетом, продолжает работать и не верит в возможность сдачи родного Ленинграда врагу. Беседы были трудные, тяжелые. Но уехать — значило для нас окончательно потерять надежду на возможность связи с Ваней. Мы еще надеялись.

А жизнь в городе становилась все труднее.

Зима наступила на редкость морозная. Холод, голод, отсутствие воды, электричества, транспорта. В быту появились два новых понятия — «довесочек» и «горючее». Хлеб выдавался в булочной через маленькое окошечко в фанерной перегородке. Какой это был хлеб, все знают. Сколько-нибудь точно взвесить его было невозможно, приходилось для точности веса добавлять маленькие кусочки — довесочки, грамм по 20.

А рядом стоит человек и робко просит этот довесочек. Ясно, что он от слабости упал на улице, может быть, потерял на время сознание, а карточку у него украли. Как быть? Отдать или снести весь хлеб домой? Я решала через раз.

А второе понятие — горючее. Дома вечерами горела баночка-коптилка с фитильком. А за «горючим» (керосином) надо было идти на рынок, довольно далеко по сильному морозу. Там с рук продавали по 30 рублей пол-литровую бутылку. Приносили домой эту бутылку, и вдруг (а это случалось нередко) «горючее» не горит: керосин разбавлен водой. Завтра снова в мороз на рынок.

В конце декабря Иван Иванович слег с тяжелой дистрофией, а в первые дни нового 1942 года у матери случился тяжелый инсульт. Мы с тетей еще как-то держались. Через день я нашла хорошего специалиста, профессора-невропатолога. Осмотрев больную, он сказал, что следует наблюдать ее ежедневно. Мы рассчитались с ним маминой дневной порцией хлеба (200 гр.). Так и ходил профессор ежедневно и получал хлеб в виде гонорара. Но мать он вылечил. К весне родители были уже на ногах. Настала моя очередь — тяжелая цинга, наверное, месяца на полтора. Это было сложно, потому что до того все внешние функции были на мне.

Вот какая была НАША блокада.

И еще: ведь нас было не четверо, а пятеро — был еще кот Аякс. Еще осенью решили его усыпить. Кот был любимый, поэтому решение было трудным. Завтра надо нести Аякса в лечебницу. Я не выдержала и как ни было мне стыдно, горько заплакала. И всем стало легче. Кота оставили, делились с ним всю зиму скудным пайком. Он почти ослеп, шерсть, густая и пушистая, почти вылезла. А к лету, когда жизнь стала чуть полегче, он прозрел и обшерстился.

Летом 1942 года все-таки пришлось уехать, с последним эшелоном Академии наук.

Эта страница оказалась самой тяжелой: в дороге, из-за чудовищных антисанитарных условий все члены семьи, кроме меня, заболели дизентерией. В Казани их сняли с поезда, через три дня мама в больнице скончалась.

Дальше уже другое, также не легкое, а главное — грустное.

И еще, своего рода P.S.

Когда мы уезжали, кота Аякса взяла к себе Мария Ефимовна Сергеенко, профессор-античник, наш очень близкий друг. Прожил он у нее до 1949 года. До конца блокады она меняла часть своего хлебного пайка ему на молоко. После войны мы встретили его роскошным пушистым котом, лишить Марию Ефимовну которого мы, естественно, не решились.

Стелла Фёдоровна Геккер

Заметки к истории ИЯМ[1]

Публикуемые ниже заметки были сделаны С. Ф. Геккер (1907–1997) в последние годы жизни.

«... До войны в Библиотеке ИЯМ'а на Университетской набережной дом 5[2] (Главное здание) работали: А. С. Стрелина, Э. А. Козак, М. А. Витман, Мудрова (?). <...>.

Конец июня 1941 г.: нас вызывают из Словарного отдела, т. е. из Пушкинского дома[3], и по конвейеру, возглавленному И. И. Мещаниновым, мы спускаем вниз книги из чердачного помещения. В это время словарники были заняты тем, что на носилках эвакуировали картотеки двух словарей в помещение Архива Пушкинского дома. Когда я была восстановлена на работе (с 1 июля 1942 г.), то оказалось, что ИЯМ потеснили: в части кабинетов, выходящих на Университетскую наб., были сделаны амбразуры — готовились к возможному штурму города. Пришлось убрать из кабинетов книги и стеллажи, перенесенные сверху. Книги, без нарушения порядка, лежали на столах, подоконниках, частично на полу в кабинетах, окна которых выходили на двор или на соседнее здание (Таможенный пер., 2). Подсобная библиотека Словарного отдела в здании Пушкинского дома занимала одну комнату — вторую справа от входа.

---

[1] Подготовка публикации В. А. Житниковой. Полный текст статьи опубликован в: Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том I, часть 1. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб: Наука, 2003. С. 45–54. В данной публикации мы остановились на отражении Стеллой Федоровной событий и лиц 1941–1945 гг.

[2] С 1938 г. ИЯМ (кроме Словарного отдела) размещается на Университетской набережной, дом 5.

[3] С 1938 г. Словарный отдел ИЯМ'а размещается в Пушкинском доме, по адресу: наб. Макарова, дом 4. По воспоминаниям С. Ф. Геккер: «…вход со двора, верхний этаж, в левой части здания, здесь помещают оба словаря вперемежку с жильцами… В Библиотеке словарного отдела работали Ида Александровна Лившиц, Циля Чеховер, Елена Ивановна Боцяновская…» (стр. 50, 52).

После появления дирекции Ленинградского отд. Ин-та русского языка в этой комнате разместилась канцелярия Ин-та. <...>.

В 1942 г. в Библиотеке ИЯМ'а я встретила А. В. Петровскую, б. преподавательницу немецкого языка (кафедры иностр, языков АН СССР?). Затем вернулась из эвакуации А. С. Стрелина. Появились Е. А. Кумпен, З. Я. Воронкова, недолго работала Ф. С. Портнова (моя однокурсница по ВКБ). Когда я познакомилась с А. С. Стрелиной — не помню. Когда она уехала из Ленинграда в 1941 г. — не знаю: мы ведь работали в разных зданиях, начались оборонные работы. Николай Иванович, муж А. С., воевал, уехала она, по-видимому, с учреждением брата (Гавриила С.). Когда она вернулась из эвакуации, то хотела, конечно, работать в ИЯМ'е, но первоначально этому воспротивился И. И. Яковкин (директор БАН'а). Кончилось это дело для нее благополучно, она стала разбирать, приводить в порядок книжные фонды ИЯМ'а.

Дальнейшие перемены в библиотеке, очевидно, известны без привлечения моих воспоминаний. Теперь лучше расскажу об А. В. Петровской, с которой я познакомилась после своего восстановления на работе в ИЯМ'е, т. е. после 1 июля 1942 г. она была в штате БАН'а, откомандирована для обслуживания ИЯМ'а, наблюдения за сохранностью фондов ИЯМ'а, приходила в ИЯМ только в определенные дни.

В подсобную библиотеку Словарного отдела вернулась Циля Чеховер. Когда — не помню! (Кажется, еще на наб. Макарова). После того, как она была уволена, очевидно, этот фонд перешел в ведение Елизаветы Акимовны. Позднее появилась Александра Митрофановна Коноплева, а затем Н. Д. Перевозчикова. Происходили перемещения книг! Отнимали площадь (1 комнату) для размещения стенографистов (?), обслуживающих собрания в Большом конференц-зале.

Чеховер Цецилия? (Циля) работала в Словарной библиотеке, послевоенная работа на Университетской наб., д. 5, куда мы переехали из Пушкинского дома, продолжалась недолго. Начались какие-то придирки к ней. Была проверка наличия книг. Увольнение! Передача библиотеки Елизавете Акимовне?

1) Когда она вернулась из эвакуации? Когда мы еще не переехали с наб. Макарова в Главное здание? 2) Когда она встретилась с С. Ф. Беляевым? Ведь она однажды (на Унив. наб., 5) сказала, что в академической столовой встретила

Беляева. По ее словам, он был аспирантом Института антропологии и этнографии?! Ведь Беляев покинул ИЯМ до переезда на Университетскую наб. После него был Ухин!

Тамань Вера (Вероника) Матвеевна поступила в ИЯМ в 1942 г., примерно за месяц до меня. Жила с матерью, отказалась от эвакуации в июле 1942 г. Нас двоих оставили в ИЯМ'е для наблюдения за сохранностью материалов двух словарей (т. е. ДРС и ССРЛЯ). В. М. собиралась заниматься диссертацией, но ее вызвали в Райком (?) и поручили возглавить партийную организацию оставшихся академических учреждений. По моим воспоминаниям, в какое-то время В. М. была зам. директора БАН. Какое-то время В. М. имела отношение к библиотеке Словарного отдела. В библиографическом указателе «Славянское языкознание», 1918–1960 гг. Ч. 7. М., 1963. за № 1551 читаем описание АКД Веры Матвеевны: «О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII вв. Л., 1953 (ЛГУ). По моим воспоминаниям, защита В. М., которая должна была произойти в институте им. Герцена, сорвалась из-за А. Курбского. А сотрудники БАН пришли с букетами! Последние годы В. М. провела в Пушкине, в доме для престарелых сотрудников АН СССР[4] <...>.

В 1944 г. в системе АН СССР появился Институт русского языка, возглавляемый акад. С. П. Обнорским. С 1 XI 1944 г. меня переводят из ИЯМ'а в Ленингр. отделение Ин-та русского языка (см. запись в трудовой книжке).»

[4] В. М. Тамань в 1943 г. в течение некоторого времени была зам. директора БАН. Библиотека Словарного отдела в августе 1944 г. была передана в ведение ЛО Ин-та русского языка АН СССР (ИРЯЗ). Документальная передача состоялась в апреле 1949 г. В. М. Тамань была назначена зав. библиотекой ИРЯЗ и оставалась в этой должности до 1950 г., до объединения библиотек ИЯМ и ИРЯЗ в одну, получившую название Библиотека языкознания при Ленинградских секторах ИЯ АН СССР. При объединении должность зав. библиотекой ИРЯЗ была ликвидирована (прим. В А. Житниковой).

Антонина Васильевна Грошева

Мое блокадное детство

– Я жила в Ленинграде
В декабре сорок первого года…
О. Берггольц[1].

Те, кто пережил блокаду, не всегда любят о ней рассказывать. Они застали те страшные дни маленькими детьми, и память о том времени осталась более всего на уровне ощущений — холод, голод, ужас. Но отдельные эпизоды моя детская память, тем не менее, сохранила: о них и пойдёт здесь рассказ.

Я родилась 24 марта 1935 г. в г. Ленинграде. Мой отец, Грошев Василий Васильевич, по профессии столяр-краснодеревщик, в то время работал на Металлическом заводе им. И. В. Сталина, находившемся на Кондратьевском пр. Моя мать, Гусарова Пелагея (Полина) Георгиевна, была буфетчицей в столовой на том же заводе. Наша семья жила на Выборгской стороне в одном из маленьких одноэтажных деревянных домиков на пр. Карла Маркса, которому ныне возвращено первоначальное название Большой Сампсониевский пр. Двухкомнатная квартира была коммунальной, наша семья занимала тесную комнатку с одним окном, выходящим во двор. В младенческом возрасте за мной ухаживала одна из родственниц отца, а когда я подросла, меня отдали в детский сад при заводе И. В. Сталина. Сохранились три чёрно-белые фотографии того времени. Одна сделана в помещении моей группы во время обеда: дети сидят за столиками, уставленными тарелками, едят суп. Я подняла голову и смотрю в сторону фотографа. Все дети, и мальчики, и девочки, одеты в одинаковую форму — белые кофточки с коротким рукавом, на шее — шелковый тёмный бант в белый горошек: так было принято в этом детском саду. Возможно, этот снимок относится к 1940 году, когда нам было около пяти лет. На другой фотографии, сделанной очевидно во время

[1] Второе письмо на Каму. Из книги «Ангел благого молчания». Стихотворения и поэмы. Санкт-Петербург. Лениздат. 2013. С. 135.

какого-то праздника, в просторном зале заснят наш детский коллектив вместе с молодой воспитательницей (её имя за давностью лет, увы, выпало из моей памяти). Мы сфотографированы на фоне висящего на стене огромного портрета И. В. Сталина с девочкой на руках и с букетом цветов: в то время этот портрет был широко известен, было известно и имя девочки[2]. И, наконец, третье фото нашей группы, сделанное в новогодние праздники. Стена в зале затянута большим полотном, на котором нарисован зимний пейзаж: в центре его возвышается заснеженная ёлка (без украшений и звезды на макушке, как тогда было принято), вокруг неё водят хоровод животные — заяц, баран, лиса, свинка; на небе — россыпи звёзд и яркий полумесяц, а в правом углу картины — волк, играющий на гармони. Все дети, одетые в нарядные белоснежные костюмы, сидят на полу и слушают Деда Мороза, который беседует с девочкой, сидящей у него на коленях.

Несмотря на свой детский возраст, я прислушивалась к тревожным разговорам взрослых, в которых часто речь шла о надвигающейся войне. Так отец однажды, вернувшись с работы, сказал, что их завод получил новое задание — строить самолёты: очевидно, речь шла уже о войне с Германией, несмотря на заключённый между нашими странами мирный договор (в 1939–1940 была ещё русско-финская война).

Приближался первомайский праздник 1941 года, когда в нашей семье случился разлад. Отец предлагал встретить праздник со своими друзьями, жившими где-то в отдалённом районе на Пороховых; мать же наотрез отказывалась от этой компании больших любителей выпить. Отец уехал один, а мама со мной, скорее всего, поехала на Лахту, пригород Ленинграда, где жили вместе все её многочисленные родственники — отец Георгий, сестра Нюра (Анна) с дочерью Ниной (1933 г. р.), брат Коля с женой Настей и их дочерью Тамарой (1929 г. р.) и сестра Лида:

[2] Вскоре после того, как я описала здесь этот портрет, в романе «Казус Кукоцкого» Людмилы Улицкой мне встретилось следующее ироничное описание того же портрета И. В. Сталина: «… великий вождь всех времён и народов, сунув левую парализованную за пазуху, деятельной правой принимал бессмертный букет из рук белокурой девочки, впоследствии и под следствием оказавшейся еврейкой, и мудро улыбался…». (Улицкая Л. Казус Кукоцкого. М., Эксмо, 2011. С. 49).

самая младшая сестра Шура очень рано вышла замуж и жила со своей семьёй где-то в городе. Моя мать была старшей из детей отца Георгия и жены его Прасковьи, моей бабушки, которой уже не было в живых (скончалась в 1938 г.). У этой большой семьи на Лахте был отдельный земельный участок и деревянный домик, где нередко и я гостила летом. Мне очень нравилось качаться в гамаке, висевшем у них в саду. Хорошо помню, как я бегала со своими сестрёнками купаться на залив (мы его почему-то называли *море*: «Пошли на море!»): наш домик находился совсем близко от залива.

Вернувшись после майских праздников в Ленинград, мы не застали отца дома: он лежал в больнице с переломом ноги. По его словам, на Пороховых он шёл ночью по деревянному мостику и одна его нога угодила в дыру между досками, отсюда тяжёлая травма – перелом берцовой кости.

Однажды мама взяла меня с собой в больницу навестить отца. Меня ожидало жуткое зрелище, осевшее в памяти: в большой палате, заполненной больными, на одной из кроватей лежал отец, одна его длинная забинтованная нога была высоко подвешена на каком-то специальном аппарате. Больше мама не брала меня в ту больницу, где отец находился до начала войны, откуда он был выписан с незалеченной ногой, оставшись навсегда инвалидом, ходившим на костылях по улице и с палочкой дома. Сделанный много лет спустя ортопедический сапог имел каблук высотой около 10 см, настолько короче стала со временем больная нога по сравнению со здоровой.

А мой детский сад при заводе И. В. Сталина жил своей обычной жизнью, и в начале лета дети были вывезены на дачу за город — на станцию Хвойное Московской железной дороги. Мне кажется, мы пробыли там совсем недолго, так как уже шла война с Германией и детей нужно было срочно вернуть домой. Поезд, на котором мы ехали в Ленинград, вёз нас, как помнится, только ночью, чтобы не попасть под бомбёжку или артобстрел: уже были известны несколько случаев прямого попадания немецких снарядов в поезда с детьми и их гибелью. А по возвращении в город, в детском саду во время воздушной тревоги нас подымали среди ночи и отправляли в бомбоубежище, где-то наскоро сооруженное на территории детсада; хорошо помню, как я однажды с группой ребят бежала без обуви в полной темноте к этому укрытию, причём носок был у

меня только на одной ноге, второй носок, наверное, я не успела надеть или не смогла в темноте найти.

В это тревожное время принимались различные меры, чтобы по возможности обеспечить безопасность жителей города. Так, например, было решено выселить людей из всех деревянных домиков на пр. Карла Маркса, находившихся в опасной близости с заводами на противоположной стороне проспекта, которые подвергались обстрелам и падению зажигательных бомб. Не знаю, что сталось потом с этими опустевшими домиками. Наверняка жители других домов в блокаду разобрали их на дрова для отопления. Теперь мне известно, что в настоящее время на месте нашего прежнего дворика находится сквер; несколько лет тому назад я с внуком Никитой побывала летом в этом сквере, мы посидели на одной из скамеек. Я рассказывала Никите о моём прошедшем здесь раннем предвоенном детстве, о наших играх во дворе в прятки, в лапту, в штандер[3], о том, как я ходила с родителями смотреть кино в Выборгский Дом культуры, где тогда показывали фильмы с участием Чарли Чаплина. При написании этих воспоминаний о блокаде в феврале-марте 2019 г. мне вдруг захотелось ещё раз взглянуть на то место, где прошли мои младенческие годы. Я поехала на Выборгскую сторону. Одной своей стороной просторный сквер, обнесённый чугунной оградой, выходит на ул. Комиссара Смирнова (историческое название — Ломанский переулок, сохранявшееся в довоенное время — А. Г.), доходя до Выборгского Дворца культуры; в центр этой ограды вклинивается здание школы № 560. Другая сторона сквера тянется также далеко вдоль Большого Сампсониевского пр. Таким образом, по моим представлениям, площадь этого квадратного сквера примерно равна гектару. Меня удивило необычное зрелище: за массивной чугунной оградой сквера я увидела глыбы нерастаявшего снега, горы песка, какие-то доски, машины. Дойдя до запертых входных ворот, я прочла объявление, что «Выборгский сад (!) закрыт для переустройства зелёных насаждений до 30 октября 2019 г.». Будет посажено 60 различных пород деревьев, множество кустарников, будут разбиты цветочные клумбы. Значит, этот

[3] «… до войны самая любимая игра была — в штандер» (Долинина Н. «Разные люди». Лениздат 1976. С. 244).

памятный для меня участок земли, превращённый в сад, будет благоустроен наилучшим образом.

Нашей семье для переселения была выделена комната в одном из бревенчатых строений на окраине города, в Лесном, на Малой Объездной улице, недалеко от Лесотехнического парка: там мы и прожили первый, самый страшный год блокады — с осени 1941 по весну 1942.

Помнится, как мы с мамой и тётей Лидой впервые приехали летом 1941 г. осмотреть наше будущее жилище. Мы шли по зелёной улице, заросшей с обеих сторон высокими деревьями, и когда приблизились к Серебряному пруду, вдоль южного берега которого и располагались бревенчатые строения, мне очень понравились нарядные молоденькие сосенки возле одного из домов. Понравилась и выделенная нам комната в двухкомнатной квартире, с большим окном, залитая солнцем. Не знаю, кто в ней жил до нашего переселения. Возможно, хозяева этой комнаты эвакуировались из города, забрав с собой лишь самое необходимое и оставив мебель. Потом выяснилось, что жильцом второй комнаты был инженер, работавший на одном из оставшихся в городе заводов. Во время блокады он практически не жил в своей комнате и только изредка наезжал сюда. Однажды я его видела в коридоре с велосипедом, на котором он, должно быть, доехал с места работы до своего жилища.

Итак, с началом войны и блокады (с 8 сентября 1941г.) многое изменилось в жизни нашей семьи. Как уже сказано, отец, с недолеченной ногой, вместе с другими пациентами был выписан из больницы, которая стала госпиталем, куда начали поступать как раненые с фронта, так и пострадавшие в черте города. Моя мама перешла на работу в столовую завода «Арсенал» (на ул. Комсомола; он и сейчас находится там же), поскольку здесь трудились её ближайшие родственницы: Нюра и Настя в цехах, Лида — охранницей в проходной завода. Меня перевели в детский сад при «Арсенале». Это деревянное строение находилось в развилке улицы Комсомола и Кондратьевского проспекта, в небольшой рощице, скрытое деревьями. В памяти осталось только его «бомбоубежище» – наспех вырытое в земле укрытие (нора), куда детей отправляли при объявлении по радио воздушной тревоги. Но очень скоро в этот дом попала бомба (к счастью, это случилось в воскресенье, детский сад был пуст, дети дома), и от детсада не осталось и следа. Единственным

пристанищем для моей семьи стала комната на Малой Объездной ул. Я не раз пыталась представить себе, каким путём моя мама добиралась пешком на работу с Малой Объездной до завода «Арсенал» (трамваи уже не ходили, по крайней мере, с января 1942 г.) и сколько времени ей на это требовалось. Теперь этого уже не узнать (мамы не стало в октябре 1984 г.).

В начале блокады из-за недостатка продовольствия для разных категорий жителей были введены продовольственные карточки на самые необходимые продукты и главное — хлеб; к концу 1941 г. «паёк» постепенно уменьшался: работающие получали в день 250 граммов, прочие категории — 125. Очень выразительно об этой норме сказано О. Берггольц: «бедный ленинградский ломтик хлеба – он почти не весит на руке…» («Разговор с соседкой», дата написания 5 декабря 1941 г. С. 132 ук. соч.). Так как моя мама большую часть времени проводила на работе и в пути, а отец не мог выходить из дома, иногда мне приходилось идти в булочную, чтобы отоварить хлебные карточки. Когда подвозили хлеб, на улице выстраивалась длинная очередь. Бывали случаи воровства хлеба у тех, кто только что вышел из булочной. Поднимался страшный крик, воришку избивали. Однажды я была свидетелем такого происшествия, тогда вором был мальчишка-подросток.

Не могу не рассказать здесь об одном случае, навсегда запечатлевшемся в моей детской памяти. Дело было ещё «до войны» (или «в мирное время», как было принято тогда говорить). Мой трудолюбивый отец, помимо основной работы на заводе, подрабатывал ещё в одной школе, занимаясь ремонтом парт, столов и прочей мебели. Школа находилась на Петровской набережной в большом красивом здании, где теперь помещается Нахимовское училище, открытое ещё в 1943 г. Иногда я бывала у отца в мастерской и прогуливалась одна по школьным лестницам. И вот однажды я была свидетелем сцены, которая навсегда врезалась в мою память. Прозвенел школьный звонок с последнего урока; ребята, собираясь идти домой, высыпали на лестницу. И тут между двумя группами учеников возникла ссора, и они ничего лучше не придумали, как бросаться друг в друга несъеденными бутербродами с маслом! Я была поражена и испугана таким их некрасивым поведением, наверное, поэтому мне и запомнился этот инцидент. О, если б эти дети знали, что скоро начнётся война, блокада, голод, они бы так не относились к хлебу! У

меня, как у блокадницы, всю жизнь сохраняется трепетное, благоговейное отношение к хлебу. Читая вышеупомянутую книгу Л. Улицкой, я отметила у одного из героев точно такое же отношение к пище, как у меня: «с едой (Сергей) обращался бережно и скупо — блокада поставила свою печать, хотя его, больного мальчонку, вывезли в тот год по льду…»[4].

Продолжу описание жизни нашей семьи в суровую блокадную зиму 1941–1942 гг. Все жильцы бревенчатых домов на Малой Объездной брали воду из Серебряного пруда, где была проделана незамерзающая полынья. Как-то я пошла туда с чайником. Я легла на лёд, зачерпнула полный чайник воды, но вытащить его у меня не хватало сил, а бросить его и остаться и без воды, и без чайника я не решалась, представляя, как мне за это влетит от отца. Я подняла отчаянный крик. На моё счастье к полынье шла женщина, услышала мои вопли и поспешила на помощь. Как я была ей благодарна! Она вытащила чайник из полыньи, сказав, что мне надо было его отпустить, пусть бы он шёл на дно. Представляю, с каким трудом я дотащила до дома этот чайник с водой.

Зима 1941–1942 гг. была необычайно суровой. Для обогрева нашей комнаты и в качестве плиты нам служила так называемая «буржуйка» — маленькая железная печка, в которую клали дрова. Дров, конечно, не хватало, и в печку пихали всё, что могло гореть, и в том числе … книги. У бывших хозяев комнаты книг было немало, и я помню, как отец со слезами на глазах вырывал из книг страницы и совал их в печку. В возрасте шести лет я читать ещё не умела и не помню, что это были за книги, хотя иногда отец говорил мне их названия и имена авторов. И всё-таки такое вынужденно варварское обращение с книгами меня, как и отца, очень огорчало.

Я любила греться у печурки, а ещё придумала такую забаву. Натянув на голову одеяло и оставив в нём подобие окошка, в которое проникал свет от печурки, я представляла, что нахожусь в бомбоубежище, где вместе со мной сидят разные куколки, игрушки, и мне делалось тепло и уютно.

Где-то в кладовой нашей квартиры обнаружились небольшие лыжи и лыжные палки. Не знаю, кому пришла в голову эта идея (скорее всего, отцу), но я хорошо помню, как один раз я

[4] Улицкая Л. Казус Кукоцкого. С. 668.

ковыляла недалеко от нашего дома по снегу на этих лыжах, надетых на валенки, хотя раньше лыж у меня никогда не было, обычно меня возили на санках. А вот у дедушки на Лахте «до войны» были очень модные в то время финские сани; взрослые, встав сзади на длинные узкие полозья, катали на этих санях детей, сидящих спереди, как на стуле.

Проблемой было и освещение жилья: надвигались самые темные зимние месяцы. Как у большинства блокадников, у нас была «коптилка», горевшая на керосине; её фитилёк едва освещал помещение. Не могу сказать, было ли у нас тогда радио. Кажется, в годы блокады, радио служило в основном для оповещения о воздушной тревоге, призывая жителей укрыться от бомбежки или обстрела.

Помню, как-то раз к нам с ночёвкой пришли «в гости» мамина сестра Нюра с дочкой Ниной. Среди ночи я была разбужена криками: тётя Нюра ругала свою дочь, которая, не выдержав голода, проснулась, полезла искать спрятанный хлеб и разбудила мать. Увы, моей тёти Нюры и тёти Насти, работавших в цехах завода «Арсенал», не стало в январе 1942 г., обе умерли от истощения, а дедушка Георгий, по словам Нины, повесился ещё в декабре 1941 г., чтобы оставить свою продовольственную карточку внучкам — Тамаре и Нине. Девочки остались одни в домике на Лахте, и скоро их забрали в детский дом, а потом эвакуировали в Горьковскую (Самарскую) область. Тётя Лида раньше, «в мирное время», тоже жившая со всей роднёй на Лахте, неизвестно где и когда нашла себе мужа, сменив фамилию *Гусарова* на *Атаян*, и родила дочку Симочку, умершую в десятимесячном возрасте. После этого тётя Лида перестала ездить на Лахту: она работала охранницей на заводе «Арсенал» и ей дали койку в заводском общежитии. А наш уютный семейный домик на Лахте в блокаду разобрали на дрова оставшиеся в живых жители соседних домов. Матери Тамары и Нины были захоронены в братской могиле на Лахтинском кладбище. (Примечание. После войны бывший наш земельный участок перешёл в руки новых владельцев, а сёстры Тамара и Нина остались жить в тех областях России, куда они были эвакуированы; иногда они приезжали в Ленинград и посещали места захоронения своих матерей).

Недостаточное питание, отсутствие овощей, фруктов, ягод, содержащих разные витамины, препятствовало нормальному

развитию детского организма и привело, в том числе и меня, к заболеванию цингой. Десны опухали и кровоточили, было больно жевать. Болели цингой и дети, и взрослые, но ни к каким врачам нельзя было обратиться, помощи ждать было неоткуда.

Вот так протекала самая суровая и страшная блокадная зима 1941–1942 гг., из которой я помню лишь отдельные эпизоды. Возможно, иногда наш отдалённый от центра города район тоже обстреливали, но бомбоубежища у нас не было, а если оно и было, то с обездвиженным отцом я не могла бы туда спускаться. Один обстрел мне ясно запомнился: с группой жильцов я стояла в парадном нашего дома с распахнутой настежь дверью, а над нами с воем и свистом пролетали снаряды, так низко, что мы их видели, и сердца наши замирали от ужаса. Поползли слухи, что немцы засекли в Лесотехническом парке зенитную батарею, вот поэтому и начались здесь обстрелы. Наше пребывание недалеко от парка становилось небезопасным, и было принято решение о расселении всех бревенчатых домов у Серебряного пруда.

Весной 1942 г. здоровье отца заметно ухудшилось, развилась сильная дистрофия, а может быть и ещё какие-либо сопутствующие заболевания. Беспокоила и незалеченная нога. Боли были такие мучительные, что отец не выдерживал и громко кричал. Мы с мамой отвезли его в больницу, и вот тогда я увидела стоявший возле больницы грузовик, кузов которого был доверху набит, как брёвнами, оголёнными смёрзшимися трупами. Это страшное зрелище никогда не исчезнет из моей памяти.

Всем жильцам бревенчатых домов было предложено подбирать себе для переселения новое местожительство в черте города, где из-за эвакуации и смерти жителей пустовало немало комнат. Для моей матери, как и для многих людей в то время, не имело значения, куда именно переселяться, в какой район: ведь никто не знал, удастся ли выжить в жутких условиях блокады («сегодня живы, завтра нет»). Поэтому мама поручила поиск другого жилья для нашей семьи своей одинокой сестре Лиде. Лида выбрала небольшую комнату в коммунальной квартире на Пушкинской улице, выходившей на Невский проспект и кончавшейся у Кузнечного переулка. Летом 1942 г. мы простились со своим бревенчатым домом у Серебряного пруда. За долгую блокадную зиму там были вырублены на дрова все

молоденькие сосенки, которыми я любовалась при переезде с Выборгской стороны: от них остались одни пеньки, а весной на многих берёзах у пруда были сделаны надрезы для сбора в банки берёзового сока.

Лирическое отступление. Образ Серебряного пруда никогда не исчезал из моей памяти. Я до сих пор люблю прогуливаться летом возле этого пруда и в его окрестностях. Большой, вытянутый в длину с востока на запад пруд является центром обширного сада, на южном берегу которого есть благоустроенная детская площадка, стоят скамейки для отдыхающих, проложены дорожки для прогулок. Летом в хорошую погоду всегда можно видеть на берегу пруда любителей загара. Появляются и новые объекты — например, фигура мальчика, сидящего на камне с согнутыми коленями, подтянутыми к лицу; как будто о чём-то задумавшись, он смотрит на пруд с высоты своего холмика. С трудом удалось разобрать фамилию скульптора (Ротанов Е. Н.) и дату установки (2002?). Деревья в саду — настоящие гиганты, здесь и берёзы, и липы, и много других … У восточной ограды стоят несколько громадных елей. Неужели это те же деревья, что росли здесь в блокаду 75 лет назад? Есть и новые, молодые посадки. Но самые необычные — это сакуры, посаженные у западной части пруда: однажды я наблюдала их в пору недолгого цветения: ветки были усыпаны розовыми лепестками. За западной оградой сада в красивом здании находится Генеральное консульство Словацкой республики.

Недавно я пришла посмотреть на Серебряный пруд зимой. Он был ещё весь покрыт слоем льда (зима в этом году холодная, снежная и долгая), и только в его восточной части видна огромная полынья, где плавает целая стая уток — настоящее утиное царство. При мне подошёл к пруду мужчина и стал кидать на землю корм уткам. Они тут же взлетели с полыньи и принялись на берегу клевать пищу. Несмотря на холод (– 4 градуса), на детской площадке играли дети, по дорожкам прогуливались любители свежего воздуха. И тут мне пришла в голову мысль: надо было бы отметить Серебряный пруд как спасительный водоём для живших поблизости в блокаду людей. Ведь установлены же памятные знаки для таких источников, как, например, артезианский колодец в Политехническом парке. Там стоит на камне стеклянная глыба зеленоватого цвета, похожая на замёрзшую воду; металлическая табличка на глыбе

сообщает, что зимой 1941–42 гг. этот колодец снабжал водой семьи сотрудников Политехнического института и два расположенных поблизости военных госпиталя. На стене дома № 6 (или 8?) по пр. Непокорённых имеется памятный барельеф в виде большого круга, где изображена женщина с ведром в правой руке; на левой руке она держит маленького ребёнка. Текст внизу гласит: «Здесь в суровые годы блокады был колодец — источник жизни». И даты — 1941–1945. У барельефа всегда лежат цветы. (Конец).

Продолжу свои блокадные воспоминания. Так как мой отец находился ещё на лечении в больнице, мать устроила меня в работающий круглосуточно детский сад на территории завода «Арсенал» (здание сохранилось?). Условия содержания детей можно было бы считать приличными (у нас была воспитательница и даже музработник), если бы не голод! Питание было очень скудным. Нас кормили «ужином» и рано укладывали спать — в 8 вечера, но пустой желудок не давал заснуть, мы долго вертелись в своих кроватках. Из всей небольшой группы ребят я помню, пожалуй, только одного мальчика лет семи, моего ровесника: его звали Гена. Одет он был в рубашку и короткие штанишки, на ногах — чулки. А запомнился он мне своей привычкой согревать руки, зажимая ладони между плотно сжатыми коленями: это была его обычная поза. Иногда на выходные мать забирала меня из детсада, и мы посещали свою комнатушку на Пушкинской ул. Коммунальная квартира была трёхкомнатной, с длинным коридором, в конце его находились туалет, просторная кухня с огромной старомодной дровяной плитой и чёрный вход, выводящий во двор. Однако в то время прихожая и наша комната были почему-то отделены от остальной части квартиры наглухо заколоченной дверью. Отопление у нас было печным, а воду можно было брать в соседнем помещении, где стоял водомер. Мне никогда не нравилась эта наша маленькая тесная каморка (а пришлось мне прожить в ней 20 лет!): низкий первый этаж, окно в углу узкого двора, в которое никогда не заглядывало солнце, разве что отражавшееся от окон в доме напротив. С какой тоской я вспоминала наше залитое солнцем жилище в доме у Серебряного пруда!... Но чаще тётя Лида оставляла меня ночевать на своей постели в общежитии, если она в это время дежурила в проходной завода.

Хотя в марте 1942 г. мне уже исполнилось 7 лет, я всё ещё не умела читать. И вот, находясь в это время в детском саду, я стала интересоваться книгами, нашла какую-то азбуку с картинками и начала самостоятельно осваивать алфавит, а потом складывать буквы в слова. Сначала у меня ничего не получалось, пока я не догадалась, что нужно складывать не названия букв, а звуки, которые эти буквы передают, например, не «эм», а «м». Тогда всё пошло гладко, и я прочла первую фразу: «Мама мыла раму». Это занятие доставляло мне большое удовольствие. Постепенно я научилась сама читать небольшие тексты, сказки. В заводском общежитии в одной комнате с тётей Лидой жила одна женщина-украинка, и я несколько раз наблюдала, как она читает какую-то довольно толстую книгу в чёрном переплёте, иногда вслух, и горько плачет. Как выяснилось, это был «Кобзарь» Тараса Шевченко на украинском языке, и я очень сожалела, что эта книга мне недоступна для чтения; на русском языке никаких других книг в их комнате не было.

В январе 1943 г. блокада Ленинграда была прорвана, но до полного освобождения города от блокады оставался ещё целый год. Враг усилил свои попытки покорить не сдающийся город: об этом красноречиво свидетельствуют и строки из одного стихотворения О. Берггольц 1956 г., где говорится о «свирепости обстрелов» и «ужасе бомбёжек в сорок третьем. Вся земля городская пробита» (О. Берггольц. ук. соч. С. 200). Я по-прежнему посещала детский сад при заводе «Арсенал» и ночевала то в заводском общежитии, то в комнатке на Пушкинской ул. Однажды летом мы с мамой приехали туда на трамвае (трамвайное движение было восстановлено) и шли по нечётной стороне улицы к нашему дому № 7. И вдруг на третьем этаже одного из домов на противоположной стороне улицы мы увидели огромную дыру в стене, пробитую неразорвавшимся снарядом; скорее всего, это произошло совсем недавно, во время последнего артобстрела. Была видна как на ладони вся обстановка комнаты, красивая мебель, в том числе пианино. Хорошо, если жильцы отсутствовали и никто не погиб. И это был не единственный случай на нашей улице: пострадали ещё несколько жилых домов, например, соседний с нашим дом № 9. Кроме жилых домов, на Пушкинской улице, в самом её центре, находился небольшой сквер с памятником А. С. Пушкину: думаю, во время войны как всякий объект, представляющий истори-

ческую ценность, он был надёжно защищён от неприятельских бомб и снарядов и без ущерба пережил 900 дней блокады.

Петербурженка Ольга Ушакова, рассказывая блокадную историю своей семьи, в частности, вспоминает: «Мои родные всю блокаду в госпиталях проработали. В конце января 1942 г. квартира на Пушкинской (улице; № дома не указан – А. Г.) сгорела от зажигательной бомбы. Целый год жили в мечети на «Петроградской», где был склад медикаментов, и пешком ходили на Староневский, к Лавре, в госпиталь. Мама всю жизнь считала 27 января Великим днём» («Российская газета» от 31 января 2019 г. Статья «День Ленинградской Победы». Стр.18).

Начало блокады Ленинграда (сентябрь 1941 г.) совпало со временем, когда обычно начинались занятия в школах и других учебных заведениях. Существенные изменения в жизни города и его жителей неизбежно должны были коснуться и сферы образования. Трудно сказать, какие школы были просто закрыты или переоборудованы под другие нужды. Недавно в повести Натальи Долининой «Разные люди» (Лениздат 1976) я прочла такую фразу: «Даже в условиях блокады <…> наша школа, одна из немногих (!), продолжала функционировать» (С.129). Местонахождение этой «нашей школы» не уточняется.

Как-то осенью 1943 г. одна знакомая тёти Лиды сообщила, что в сентябре в квартире одного из жилых домов на ул. Комсомола (сейчас это дом № 13) начались занятия с первоклассниками. Расставшись с детсадом, мы с мамой немедленно отправились туда. Действительно, в пустующей квартире на 2-м этаже учительница Людмила Александровна вела занятия с девочками-первоклассницами. Это была пожилая седоволосая женщина, одетая поверх тёплой одежды в просторный халат, отчего она казалась полной. Учиться в первом классе мне было легко, ведь я самостоятельно научилась читать ещё в детском саду. Трудно сказать, сколько учениц было в нашем классе — явно немного, но лица и имена некоторых из них чудесным образом сохранились в моей памяти. Наташа Щербакова жила в этом же подъезде, где находился наш класс. Лида Давыдова, самая близкая моя подруга, жила во 2-м корпусе того же дома, там во дворе находилось и бомбоубежище, где мы скрывались во время воздушной тревоги. Но особенно мне запомнилась маленькая серьёзная девочка с очень светлыми волосами и необычным именем — Аля Соо (эстонка). Из окон нашего

«класса» была хорошо видна бывшая школа № 138, обнесённая чугунной оградой; во время войны школа была переоборудована в госпиталь. Мы ходили туда навещать раненых, читали им стихи, оказывали посильную помощь.

Не могу не упомянуть об одном запомнившемся мне постыдном эпизоде, где я была главной участницей. Как-то пришли к нам в класс две медсестры, чтобы сделать прививки детям (от какой болезни, не помню). Я с раннего детства панически боялась уколов и наотрез отказалась от прививки, несмотря на всяческие уговоры. Чтобы меня насильно не укололи, я встала у двери чёрного хода, ведущего на лестницу, и сказала, что убегу, если медсестра ко мне приблизится. В конце концов, меня оставили в покое — медсёстры ушли.

Осенью 1944 г., уже после полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады 27.01.1944, открылась (частично) 138-я школа, и в сентябре я пошла учиться во второй класс, сидела, как положено, за обычной партой. Но, насколько я помню, это продолжалось недолго. Опять изменились семейные обстоятельства. Отец, долгое время находившийся в Доме инвалидов на Расстанной улице, где он обучался новой профессии — ремонту часов, наконец вернулся домой. Мне пришлось проститься со 138-й школой и своими подругами: теперь меня записали во второй класс 212-й женской средней школы на Лиговском проспекте. Школа находилась рядом с громадным домом, известным, возможно по имени бывшего владельца, под названием «Перцевский». Дом состоял из нескольких корпусов. Многие мои соученицы жили в этом доме — Тамара Кривоносова, Женя Снырёва, Люся Лашкова и др.; а всего в классе, судя по сохранившейся фотографии, было 40 (!) человек. В центре фото — наша молодая красавица-учительница Анна Абрамовна, которую мы очень любили. Специальная школьная форма ещё не была введена, все девочки одеты по-разному. Я сижу в нижнем ряду на полу, первая справа, рядом с очень миловидной блондинкой с толстой косой, уложенной на макушке, — Эллой Журавлёвой (её мама была завхозом в нашей школе). Кормили нас обедами и чаем в школьной столовой по каким-то специальным талонам. Также выдавались нуждающимся ученицам талоны на одежду и обувь. Помню, директор школы дала мне талон на покупку галош, увидев меня на улице в сырую погоду в одних туфлях. Поскольку война ещё продолжалась, в женских

школах проводились занятия по оказанию первой медицинской помощи, например, перевязки, в то время как в мужских школах занимались военной подготовкой. И всё-таки мы были совсем ещё детьми и очень любили всякие коллективные игры, известные нам ещё с довоенного времени, например, «Воротики», «Каравай-каравай», «А мы просо сеяли, сеяли»: играли и на переменах, и после уроков в школьном дворе.

Завершение моей учёбы во втором классе школы в мае 1945 г. почти совпало с окончанием Великой Отечественной войны, с победой СССР над фашистской Германией. О блокадной трагедии очень коротко и точно сказала Ольга Берггольц, будучи непосредственным свидетелем бедствий и страданий, переживаемых гражданами осаждённого города: «небывалый опыт человечества»; по официальным данным умерло около двух миллионов человек. Долгое время история блокады Ленинграда всячески замалчивалась, но постепенно этот неоправданный запрет был снят, и поток информации о блокаде стал увеличиваться. В Ленинграде на пр. Непокорённых было открыто Мемориальное кладбище, куда в блокаду свозили умерших и погибших граждан. В памятный день 75-летия полного освобождения города от вражеской блокады — 27 января с. г. — Пискарёвское кладбище посетил наш президент В. В. Путин (его старший брат, умерший во время войны, захоронен в братской могиле на этом кладбище) и возложил венок к мемориальному памятнику с фигурой Матери-родины, где начертаны пророческие слова О. Берггольц «никто не забыт, и ничто не забыто»[5]. На площади Мужества, возле Академического дома (пр. Мориса Тореза, д. 9) долгое время стоял закладной камень, напоминающий о погибших в блокаду жителях Ленинграда; около камня всегда лежали цветы. Не так давно на том же месте был воздвигнут грандиозный монумент из чёрного камня с фигурами блокадников и с надписью: «Мужеству ленинградцев, отстоявших наш город»; указаны даты 1941–1944. В просторном сквере на углу

[5] Я со своей младшей дочерью отправились в этот торжественный, солнечный день к Мемориалу и были очевидцами всего происходящего. Территория Мемориала была до отказа заполнена людьми, многие пришли вместе с маленькими детьми. На память мы сделали несколько фотографий, в том числе засняли прибытие на вертолёте В. В. Путина и момент возложения им траурного венка.

пр. Непокорённых и Меншиковского пр. несколько лет тому назад появился памятник под названием «Дети войны» (скульптор Владимир Шплет). Основание памятника — два куба из светлого камня. На первом кубе — три фигуры: девочка со скакалкой и мальчик с девушкой (возможно, пионервожатой) держат вдвоём модель самолётика. На втором кубе — фигуры двух юношей — красноармейца и моряка; надпись на этом кубе — известные строки из стихотворения Ю. Воронова: «Нам в 43-м выдали медали и только в 45-м паспорта». Надпись на маленькой табличке — «от Вагифа Мамышева. 2013» — сообщает имя заказчика памятника и дату установки. Принято решение воссоздать некогда уничтоженный Музей обороны и блокады Ленинграда, создать его филиалы — Музей трамвая, Музей хлебозавода, когда-то имени Бадаева, а ныне — «Каравай»…

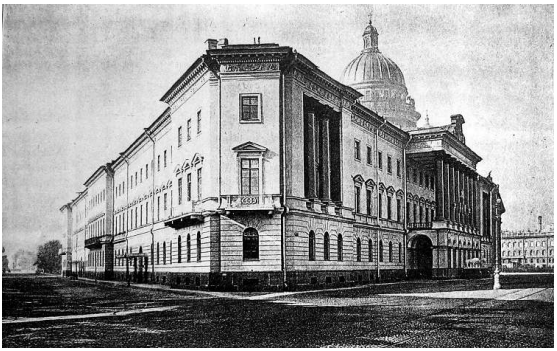
На этом завершается мой рассказ о том, как волею судеб я провела все 900 дней блокады в своём родном многострадальном городе. Это испытание не прошло для меня даром, отразившись впоследствии на моём здоровье; но главное — я выжила, вместе со своими родителями. Закончу собственным четверостишием; «И пусть потом совсем не гладко, / Не просто жизнь моя текла: / Я оставалась ленинградкой: / Всё одолела, всё смогла».

Написано в феврале-марте 2019 г. Последняя вычитка — 20 ноября 2019 г.

Людмила Васильевна Дмитриева

Воспоминания

В блокадную зиму 1941–42 гг. я училась в 10 классе 239 средней школы Ленинграда. Она находилась в бывшем особняке на Исаакиевской площади напротив Александровского сада[1]. Занятия начались в октябре, когда удалось собрать несколько человек из нашего класса, в котором раньше было 42 человека (многие эвакуировались, мальчики пошли работать на заводы).

«Дом со львами (Адмиралтейский проспект, 12),
где в блокадную зиму 1941–42 гг. располагалась школа № 239.

К середине зимы нас осталось 4 человека: 2 девочки и 2 мальчика. К этому времени мы похоронили многих своих учителей и товарищей, погибших от бомбежек, обстрелов и голода. Занимались чаще в подвале школы, в верхней одежде, закутанные сверху платками или одеялами. Писали мало и только карандашами. Наши учителя (преимущественно женщины) и мы были очень слабы, двигались с трудом, на большой пере-

[1] Школа № 239 была организована в 1918 году. Первоначально она располагалась в доме № 1 по Черноморскому переулку. Затем, в 1923 году, школа переехала в особняк Лобанова-Ростовского, «дом со львами», на углу Адмиралтейского проспекта и Исаакиевской площади (Адмиралтейский проспект, 12).

мене с удовольствием пили кипяток. Но очень хотелось учиться и жить.

Утром по дороге в школу (по наб. Мойки от ул. Дзержинского до Исаакиевской площади) я видела запорошенные снегом тела умерших вечером накануне от голода ленинградцев. На обратном пути из школы (днем) я замечала, что они уже были убраны. Идти было тяжело — часто бомбили, обстреливали, да и просто не гнулись ноги. После школы мы часто ходили по поручению комсомольско-пионерского отряда района по близлежащим домам, где в холодных квартирах искали осиротевших детей. Нередко их приходилось вынимать из-под груды лохмотьев возле тел умерших от голода матерей, бабушек, старших сестричек и братьев. Потеплее завернув их во что только было под рукой, мы несли их в ближайший детский приёмник. Делали мы это вместе с комсомольцами различных предприятий района. Весной мы убрали город вместе со всеми ленинградцами: скалывали лёд, убирали нечистоты. К маю весь город был очищен. Когда в Александровском саду появилась трава, мы рвали ее и добавляли к своему «рациону».

В начале весны нас слили с довольно большой по тем временам (более 15 чел.) группой десятиклассников бывшей 1-й образцовой средней школы района (среди них оказались десятиклассники и из других школ города и даже пригородов). Жить и учиться стало веселее, грело солнце. Мы ждали прорыва блокады и очень любили свой город. В августе 1942 г. нас, выпускников ленинградских школ 1942 г. (38 чел.), вывезли на Большую землю (по Ладоге) и далее в разные города.

По дороге на Ладоге (мы плыли на барже, за нами на баржах плыли маленькие дети из детсадов и детдомов Ленинграда) нас бомбили и с бреющего полета обстреливали немецкие самолёты. Затем мы добрались до Вологды, где получили направления на учебу в выбранные нами вузы с правом поступления в них без конкурса, с местом в общежитии и с правом на дополнительное питание. Мы с еще одной девушкой добрались до Саратова, где поступили в ЛГУ: я на тюркское отделение филфака, она на истфак.

Летом 1942[2] г. вместе с университетом мы вернулись в родной город, приняли участие в очистке его здания от защитных сооружений, очистке территории. С 1 сентября 1944 г. начались занятия. Они проходили регулярно, только занимались мы в верхней одежде в нетопленых аудиториях. Но с каким интересом слушали лекции наших профессоров: Н. К. Дмитриева (тюркологические курсы), И. Ю. Крачковского (Коран), А. А. Фреймана (введение в иранистику), Н. В. Пигулевской (история Ближнего Востока), А. Ю. Якубовского (история стран Средней Азии), В. М. Жирмунского (тюркский эпос), А. П. Рифтина (языкознание), А. А. Вознесенского (политэкономия), В. В. Струве (история Древнего Востока) и др.

Л. В. Дмитриева (сектор алтайских языков), к.ф.н., ст.н.с.

[2] Здесь в воспоминаниях Л. В. Дмитриевой, вероятно, ошибка: ЛГУ вернулся из Саратова в июне 1944 г.

УКАЗАТЕЛИ

ИНДЕКС ИМЕН

Абабков П. К. 75, 94, 98, 101, 102, 138, 139, 240-243, 304, 305, 398, 453-462, 468, 470, 487, 492, 509, 515, 544, 546, 558

Абаев В. И. 76, 104, 106, 266, 267, 345-351, 373, 494, 544

Абакумов С. И. 460

Абрамзон С. М. 285, 374, 385

Аванесов Р. И. 519

Аврорин В. А. 77, 103, 104, 352, 393, 395

Адамович А. 9

Адмони В. Г. 43, 44, 54, 58, 68, 59, 173

Адмони-Красный И. Г. 43

Азадовский М. К. 14, 16, 54, 59

Азгур Б. И. 566

Айдарова Х. Г. 507

Аймермахер К. 53

Аиндинова А. А. 94, 100, 102

Акулянц С. А. 91, 97, 105

Алатырев В. И. 359, 491

Алексеев А. А. 152

Алексеев М. П. 63

Алексеев П. А. 77, 89

Алексеева В. М. 482

Алексеев-Попов В. С. 30

Алпатов В. М. 350

Алферов В. В. 497,498

Альмхен (см. А. К. Векман) 602, 603, 606

Алявдин А. П. 86, 451, 463-465, 509, 524, 529

Алявдина В. А. 465

Алявдина Р. Д. 465

Аманжолов С. А. 510

Андреев А. И. 285

Андреев Н. Д. 111-113

Андреев Ф. А. 75

Андреева (Кисиль) Л. Д. 114-115

Андреева-Васина Н. И. 422

* В список не включались имена, представленные в названиях учреждений и произведений.

Андрианова-Перетц В. П. 285

Антонов А. С. 336

Анфертьева А. Н. 5, 6, 70, 330, 331

Апенко Е. М. 62, 65

Ардентов Б. П. 456

Арендт Х. 10

Арсеньев В. К. 352

Ауэзов М. О. 420, 458, 505, 509

Ахматова А. А. 13, 44, 63

Аякс 616

Бабкин А. М. 277, 440, 448

Баев (тесть А. Н. Улитина) 325

Баженова Н. М. 272

Балахонов В. Е. 423

Балахонова (Левшенкова) Л. И. 423-425

Баранников А. П. 79, 426-427

Баранников П. А. 426-427

Баранский Н. Н. 506

Бардин И. П. 392

Бармич М. Я. 16, 65

Барнхарт Р. 153-154

Барская Т. Э. 20, 22, 24, 25, 34, 45, 48, 49, 63, 69

Бархударов С. Г. 74, 80, 94, 102, 103, 138, 163, 183, 218, 241, 277, 453, 454, 466-470, 471, 536, 550, 551, 553

Басистов Ю. В. 32

Бать М. И. 29

Бахмутова Е. К. 519

Башурова О. А. 371

Бедеранов А. И.

Беккер М. И. 33, 69

Беляев Е. 421

Беляев С. Ф. 618

Бенвенист Э. 113

Берг Л. С. 79

Берггольц О. Ф. 44

Бергельсон Г. Ю. 36, 37, 39, 56

Бережной А. Ф. 30, 39, 65

Березина см. Зайчикова О. Е.

Берия Л. П. 357

Берков П. Н. 14, 60, 66, 75, 79, 174, 369

Берковский Н. Я. 62

Берлин Е. Л. 117

Берлин С. А. 8, 75, 104, 116-118

Бернштейн С. Б. 79, 381

Биарти З. А. 349

Бибиков С. Н. 498

Биржакова (Изигкейт) Е. Э. 119-120, 152, 431

Биркан В. П. 69

Биркан П. Р. 20, 21, 23, 55, 62

Благова Г. Ф. 248

Бломквист Е. Э. 10

Блум см.: Иоффе Е. Б.

Блюмберг М. (корр.) 182

Бляхер Е. И. 75

Богданов Н. И. 471-473

Боголюбов М. Н. 350

Богораз В. Г. 327

Богородский Б. Л. 76, 83, 84, 99, 245, 455, 519, 524, 561

Бодуэн-де-Куртене И. А. 275, 402

Бокарёв А. А. 8, 76, 78, 104, 121-125, 128, 475

Бокарёв А. И. 121

Бокарёв Е. А. 123, 126-129, 452, 474-477, 511, 608

Бокарёва (Лопатина) Л. Е. 128

Болдырев А. Н. 9, 44, 300, 474

Болтунова А. И. 92, 271

Большакова Е. К. 90, 97, 328, 467, 495, 538, 599, 600

Бондарко А. В. 57, 66

Бондарко Л. В. 57, 66

Бондарко Н. А. 146

Боровский Я. М. 9, 105, 323

Бородин И. П. 600, 601

Бородина И. И. см.: Любименко И. И.

Бородина М. А. 91, 99, 246-248, 478-483, 495, 499, 583-613

Ботвинник (управ. делами) 540

Боцяновская Е. И. 617

Браве Л. Я. 74, 85

Брауде Л. Ю. 48, 66, 69

Брим В. А. 71, 363

Бруевич Н. Г. 507

Бубрих В. Д. 80

Бубрих Вера Дм. 492

Бубрих Вл. Дм. 492

Бубрих Д. В. 76, 78, 101, 102, 104, 105, 106, 234, 235, 284, 355-360, 451, 471, 472, 484-492

Бубрих М. Ф. 485, 492

Будагов Р. А. 77, 79, 97, 105, 106, 592, 602, 608, 613

Булак-Балахович С. Н. 217

Буланина см.: Л. Д. Щерба

Бурова И. И. 62, 65

Бурцев М. И. 36, 66

Бурыкин А. А. 161, 413

Бутарова Н. З. 428-429

Быховская С. Л. 7, 74, 89, 138, 210, 226, 241, 242, 249-253, 290, 309, 328, 450, 474, 486

Бычков П. 27

Ванеев З. Н. 350

Василевич Г. М. 377

Васильков Я. В. 442, 413, 421

Ведякина Н. 22

Векман А. К. (Альмхен) 588-590, 593 602, 603, 606

Венгерова С. А. 279

Вербицкая Л. А. 57, 66

Вершинина М. Л. 528

Вильчевский О. Л. 76, 78, 130-132, 452, 493-494, 505

Винников И. Н. 374

Винницкий Л. Г. 30, 66

Виноградов В. В. 74, 80, 163, 277, 416, 462, 520, 558

Виноградов В. Н. 75

Виноградов Г. С. 75, 91, 99, 455, 462

Виноградов Ю. А. 392, 393, 395

Виноградова С. П. 349

Витман М. А. 617

Владимирцева Л. Н. 76

Владимирцов Б. Я. 71

Власов А. А. 235

Вовина-Лебедева В. Г. 257

Вознесенский А. А. 411-412, 638

Войнова Л. А. 120, 152, 430

Вольфцун Л. Б. 5, 6, 12, 70

Вондрак В. 380

Воронкова З. Я. 618

Воронцова Е. 22

Вяжлинский С. П. 478, 584-586, 590, 591

Гак В. Г. 248

Галичий Н. П. 503

Гардина Е. С. 359

Гарибян 335

Гаффербер Э. Г. 375

Гейерманс (Страхович) Е. И. 256

Гейерманс Г. Л. 76, 83, 89, 254-257, 450

Гейерманс И. Г. 256

Геккер С. Ф. 9, 76, 83, 91, 94, 95, 96, 108, 258-260, 496

Генкель М. А. 519

Герасимов А. Н. 258

Гинзбург Л. Я. 63

Гитлиц Анна (дочь) 263

Гитлиц М. М. 77, 78, 91, 99, 261-264, 459, 495, 499

Гитлиц Ф. М. (Фани, Фрадель Альперт) 75, 263

Гладкова Н. И. 413

Глинка В. М. 8

Гнедич Т. Г. 43, 44

Головенчиц М. 26

Гольденберг С. И. 36

Гончарова Е. А. 438

Горбачевич К. С. 133-134

Городецкая И. Л. 432

Горцевская (Вельтман) В. А. 77, 361, 378

Гранин Д. А. 9

Грацианский В. И. 15, 16, 41

Греков Б. Д. 255, 524

Грехова Е. И. 60, 66

Григорьева Л. П. 460, 524

Гринбаум Н. С. 323

Гринкова Н. П. 10, 74, 94, 97, 106, 519

Грошев В. В. 620, 626, 628, 630, 633,

Грошева (Гусарова) П. Г. 620, 628

Грошева А. В. 433-434, 620-635

Груздев С. И. 78, 515

Груздева Е. Н. 10

Грюнберг А. Л. 375

Гуковский Г. А. 14, 16, 54

Гусарова (Атаян) Л. Г. 627, 628-632

Гухман А. А. 501

Гухман М. М. 501

Давидович О. Г. 75, 89

Давидович Ю. 64

Давидсон А. Б. 200, 201

Давыдова Л. 632

Демидова см.:
Ляпунова Е. П.

Державин Н. С. 71, 79, 101, 141, 269, 271, 484

Десницкая А. В. 77, 94, 97,100, 102, 105,122, 138, 363-365, 369, 460, 475, 476, 477

Джумалиев Х. Д. 458

Дзен Е. И. 75, 94

Дикман М. И. 24, 25, 26, 52, 53, 63, 67

Дмитриев Н. К. 124, 638

Дмитриева Л. В. 166, 435-436, 636-638

Добровский И. 380

Доватур А. И. 300

Долинина Н. Г. 632

Долобко М. Г. 94, 337

Домашнев А. И. 437-438

Домосилецкая М. В. 12

Дондуа К. Д. 71, 76, 85, 86, 101, 102, 104, 265-267, 334, 398, 399, 475, 524, 546

Драгунов А. А. 337, 482, 591, 609, 610

Драгунова Е. Н. 591, 609, 610

Драгуновы 610, 612

Дринов А. Л. 379

Дуб И. Д. 172, 563, 564

Дубровина З. М. 360

Дунаевская И. М. 15, 19, 40-42, 45, 47, 61, 66, 69, 588

Дьяконов А. М. 16

Дьяконов И. М. 16, 18, 29, 34, 37, 38, 39, 49, 50, 51, 55, 61, 66, 201

Дьяконова Н. Я. 44

Дювернуа А. Л. 379

Дюженко Ю. 575

Евгеньева А. П. 83, 120, 135, 147, 150, 151, 163, 259, 371, 403, 445, 448, 468

Евгеньев-Максимов В. Е. 14

Елоева Ф. А. 63, 66

Емельянов А. И. 76, 486, 488

Еремия Н. Л. 155

Ернштедт В. К. 268

Ефимов В. А. 350

Жданова Вл. 19, 35, 66

Жебёлев С. А. 9, 71, 77, 81, 87, 79, 104, 107, 268-272, 294, 391, 556

Жиенбаев С. С. 508

Жирков Л. И. 122, 124, 334

Жирмунский В. М. 10, 14, 30, 54, 60, 247, 366-369, 393, 395, 457, 461, 470, 475, 482, 501, 510, 608, 609, 612, 638

Жирмунская С. И. 92

Житникова В. А. 617

Жост М.-Л. 164

Жубанов А. К. 456, 457

Жубанов К. К. 456, 457

Жугра А. В. 12, 434

Журавлева Т. Ю. 185

Завьялова В. И. 80, 97, 543, 544, 545

Зайчиков Е. Р. 135

Зайчикова (Березина) О. Е. 135-136

Замкова В. В. 370-371

Зарин И. И. 8, 74, 78, 80, 90, 104, 137-140, 474, 515

Зарубин И. И. 76, 80, 101, 102, 104, 316, 347, 372-376, 527, 544, 453

Захарова Е. А. 12

Зборовская В. И. 278

Зборовский А. И. 278

Зборовский И. К. 75, 91, 93, 273-274, 278, 454, 459, 461, 462, 495, 499, 504

Звейнек (Звейнеке) В. Г. 90, 450, 475, 497, 537

Звейнеке П. Я. 538

Зеленин Д. К. 455

Зеликов М. В. 253

Зелинский Ф. Ф. 299

Зиндер Л. Р. 18, 29, 30, 31, 34, 57, 65, 66, 69, 316, 344

Зиновьев В. Н. 420

Зотов (?) 454

Иванов А. М. 344

Иванов В. В. 224

Иванова И. П. 91, 105, 455, 495

Ижбулатов (капитан) 574

Изигкейт см.: Биржакова Е. Э.

Икатти см.: Лаатикайнен Е. П. 283

Ильиш Б. А. 18, 23, 34, 61, 66

Инбер В. 44

Иорданский А. М. 416

Иоффе (Блум) Е. Б. 605, 606

Иоффе А. Ф. 450, 537

Исабеков (ЦК Компартии КазССР) 458

Исаев М. И. 128, 349, 350, 351

Исмаилов Е. С. 461

Иссерлин Е. М. 76, 226

Истрин В. М. 275

Истрина (Кузьменко) Е. С. 74, 81, 82, 84, 98, 101, 103, 104, 107, 242, 275-277, 294, 314, 328, 330, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 468, 469, 470, 475, 481, 493, 500-510, 515, 518, 551, 552, 555, 546

Казанский Н. Н. 12, 69, 70, 302, 323

Казанский Б. В. 9

Каксин А. Д. 214

Калгут М. Г. 27

Калинин (русист) 476

Калинин М. И. 185

Калистов Д. П. 271

Каллистрати М. А. 274-278

Канев Ю. В. 16, 66, 187

Кантор Ю. З. 10

Канторович М. Я. 78

Каплан-Ингель Р. И. 271

Караев Г. Н. 219

Каратаева Э. И. 163

Карачобан А. Д. 442

Каринский Н. М. 241

Карпюк С. Г. 272

Карская Т. С. 141-142

Карский Е. Ф. 142, 403

Касаткин А. А. 34, 37, 39, 50, 56

Катагощина Н. А. 613

Катанов Н. Ф. 382

Кацева Е. 35, 66

Кацнельсон С. Д. 7, 8, 18, 32, 48, 56, 57, 60, 64, 77, 78, 104, 123, 125, 143-146, 226, 452, 475, 511, 546, 608

Кащеев В. И. 302

Кенесбаев С. К. 420, 421, 458, 460, 509

Керт Г. М. 360

Кирилин Л. Е. 517

Кириченко А. Н. 269

Кисиль см.: Андреева Л. Д.

Кисляков Н. А. 132, 375

Клейнер Ю. А. 146

Клеман М. К. 75, 89

Клименко Е. И. 18, 23, 24, 62

Климов Г. А. 128

Клубков П. А. 146

Клюшников А. 567

Князев Г. А. 9

Кобеко П. П. 100

Ковалев С. И. 285

Кодухов В. В. 277

Козак Э. А. 617

Коковцов П. К. 104, 417, 556

Колесников Е. Г. 74, 87, 89, 91, 94

Колесникова В. Д. 362, 377-378

Колесов В. В. 205

Колпакчи Е. М. 524, 612

Кольцов А. В. 73, 79, 81

Колюбакина Н. И. 75

Комаров В. Л. 392, 467

Комарова В. П. 65

Кононов А. Н. 166, 369,612

Коноплева А. М. 618

Конрад Н. И. 207

Константинова М. Т. 94

Константинова О. А. 362, 378

Конусов А. П. 80, 88, 89

Копелев Л. 52, 66

Коплан Б. И. 76, 83, 89, 279-282

Копорский С. А. 519

Копчук Л. Б. 438

Кормушин И. В. 385

Корнейчук А. Е. 503, 504

Коростовцев М. А. 200

Коротаева Э. И. 74, 80, 84, 277

Короткевич З. Т. 147-148

Котович А. Н. 76, 89

Кочубинский А. А. 380

Красухин К. Г. 395

Крачковский И. Ю. 81, 92, 100, 107, 269, 270, 271, 417-418, 421, 556, 560, 638

Кретова 475

Кржевский Б. А. 91

Кривоносова Т. 633

Кричевский Э. Л. 478

Криштофович А. Н. 75

Кротевич Е. В. 460

Круглов В. М. 405

Кружков С. В. 94

Крылова О. Н. 205

Крючкова Е. Р. 12, 434

Кубасов И. 281

Кузьменко
см.: Истрина Е. С.

Кузнецов П. Ф. 83

Кузнецов С. А. 438

Кузнецова О. Д. 205

Кукулевич А. М. 16

Кулишова О. В. 272

Кумпен Е. А. 618

Куприянов М. М. 566, 567, 571, 573

Курдоев К. К. 131

Курмоярова А. Г. 548, 549

Курылев В. П. 132

Кутин Л. С. 149

Кутина Л. Л. 120, 149-152, 431

Кутина М. И. 149

Кюнер Н. В. 460, 462

Лаатикайнен Вальфрид (сын Е. П. Лаатикайнен) 286

Лаатикайнен Вуокко (дочь Е. П. Лаатикайнен) 286

Лаатикайнен Е. П. 11, 76, 86, 91, 92, 108, 283-287, 486

Лаврентьев Г. И. 236

Лавров Б. В. 74, 80

Лавров П. А. 380, 402

Ланда Е. В. 20, 22, 23, 48, 62, 66, 69,103

Ларин Б. А. 76, 78, 82-84, 101, 138, 163, 177, 218, 245, 255, 314, 467, 512-522, 558

Латикайнен Е. П. см.: Лаатикайнен Е. П.

Лашкова Л. 633

Лебедева Е. П. 187, 353

Лебедев-Полянский П. И. 533, 535, 554, 556

Левашов Е. А. 183

Левин Ю. Д. 24, 26, 52, 53, 63, 67

Левина С. 23

Левшенков И. И. 423

Левшенкова см.: Балахонова Л. И.

Лемберик И. Г. 75

Лившиц Д. Д. 75

Лившиц И. А. 617

Лившиц И. Г. 77, 86, 99, 105, 288-291, 523, 524, 528

Линдрос И. А. 75

Лихачев Д. С. 13, 14, 67

Логинова К. А. 439.

Лось Я. 380

Лотман В. М. 45

Лотман Л. М. 44, 45, 69

Лотман Ю. М. 14, 44, 45, 49, 51, 52, 53, 59, 67

Лотманы 51, 67

Лоховиц А. Б. 36, 37, 38

Луначарский А. В. 340, 556

Лучинский А. А. 230

Лысенко Т. И. 392, 395

Любименко И. И. 601, 602, 603, 604, 605, 607 610

Ляпунов А. М. 379

Ляпунов Б. М. 74, 79, 104, 241, 259, 292, 379-381, 556

Ляпунов М. В. 379

Ляпунов С. М. 292, 379

Ляпунова (Демидова) Е. П. 292

Ляпунова К. С. 294

Ляпунова Л. С. 75, 82, 108, 292-294

Магид С. Д. 462

Магометов (студент ЛГУ) 335

Майна Кырнухтукович (1905-1948) учитель-эскимос 160

Майшев И. И. 6, 76, 86, 89, 295-298, 328

Максвелл (капитан 1-го ранга, США) 580, 581

Максимов В. И. 224

Максимова М. И. 270

Малаховский Л. В. 153-155, 519, 579-581

Малеин А. И. 249

Малов С. Е. 10, 77, 80, 87, 101, 102, 105, 314, 382-385, 453-461, 493, 501, 504, 505, 508-510

Малышева И. А. 405

Малышева-Виноградова Н. М. 520

Мальцев В. М. 157

Мальцев М. Д. 8, 74, 78, 95, 96, 109, 156-157, 221, 471, 474, 511

Мальцева И. М. 440

Мамышев Вагиф 635

Мануйлова Л. Н. 197

Марголис см.: Чистова Б. Е.

Маргулан А. Х. 461, 462

Марецкая А. Ф. 158-159

Марин В. А. 286

Марр Н. Я. 6, 16, 70, 72, 103, 130, 196, 197, 221, 249, 251, 233, 262, 265-266, 288, 289, 295, 296, 325, 326, 327, 333, 334, 343, 345, 386, 389, 394, 406, 456, 490, 493, 504, 524, 608

Марузо Ж. 113

Маслов А. С. 17

Маслов Ю. С. 17, 18, 42, 60, 67

Маслова-Лашанская С. С. 60, 61

Матвеев И. И. 84

Матвеева-Исаева Л. В. 456

Маторин Н. М. 441

Матье М. Э. 294

Махонина А. И. 75

Машкова М. В. 286

Мейе А. 355

Меликова-Толстая С. В. 299-302, 322, 532, 535, 475, 499, 616

Мельников Г. И. 106

Меновщиков Г. А. 160-161

Мещанинов И. В. 389

Мещанинов И. И. 10, 72, 74, 79-81, 82, 93, 100, 101, 103, 106, 107, 110, 138, 139, 194, 206, 210, 241, 256, 269, 271, 290, 291, 294, 305, 309, 313, 314, 328, 333, 334, 347, 386-395, 400, 420, 449, 452, 475, 517, 545, 599, 600, 601, 607, 608, 617

Мещанинова (Чернова) М. Д. 389

Милибанд С. Д. 167, 201, 208, 291, 318, 375, 413, 421, 442

Миллер Б. В. 526, 527

Миллионщиков М. Д. 121

Миртов А. В. 482

Михальченко В. Ю. 349, 351

Миханкова В. А. 524

Могилянский А. П. 78, 80, 303-307

Могилянский П. М. 303

Молодяков В. Э. 282

Молотков А. И. 162-164, 430, 440

Мудрова (?) 617

Муратов С. Н. 165-167

Муркелинский Г. Б. 76, 78, 94, 396-401

Мухин А. М. 168-169

Мызников С. А. 205

Найдич Л. Э. 8

Найдич Э. Э. 17

Насилов Д. М. 385

Немировский М. Я. 122

Низамутдинова К. 39, 67

Никитин В. В. 268

Никулин А. С. 6, 74, 78, 87, 89, 94, 308-310

Никулин Н. Н. 8

Обнорский С. П. 14, 74, 82, 83, 84, 93, 95, 97, 101, 110, 138, 221, 329, 342, 381, 402-403, 455, 456, 468, 469, 479, 480, 491, 497, 498, 505, 515, 516, 516, 519, 521, 532, 533, 534, 536, 540, 550, 553, 558, 559, 619

Огрызко В. В. 215

Ожегов С. И. 403

Окладников А. П. 87

Ольденбург С. Ф. 279

Ольдерогге Д. А. 200, 421

Омельянович-Павленко В. В. 462

Омельянович-Павленко Л. В. 458 см.: Павленко

Оранский И. М. 375

Орбели И. А. 100, 229, 230

Орбели Л. А. 79, 81, 107, 269, 391, 450, 495, 496, 516, 533

Орлов (майор) 568

Орлов А. С. 14, 79

Орлова Е. П. 519

Орлова О. П. 174

Павленко Л. В. 75, 99, 458, 495, 499

Павленко П. И. 170-171

Павлов В. М. 18, 54, 59, 67, 172-174, 562-575

Павлова Б. В. 269

Пакшина Н. А. 381

Панфилов В. З. 395

Панфилов Е. Д. 27, 28, 34, 63

Панченко Н. Т. 97

Паулюс 48

Пахалина Т. Н. 375

Певнов А. М. 354

Пеньковская Н. П. 175-176

Перевозчикова Н. Д. 618

Перепёлкин А. С. 178

Перепёлкин Н. С. 178

Перепёлкин С. В. 178

Перепёлкин С. С. 8, 74, 78, 84, 94, 104, 177-180

Перепёлкина Е. С. 178

Перепёлкина Л. С. 178

Петров А. А. 447

Петров С. В. 44

Петрова З. М. 404-405, 440

Петровская А. В. 618

Петровский Ф. А. 323

Петровых М. 244

Петросян В. А. 469

Петушков В. П. 181-183, 344

Пешковский А. М. 457

Пещерова Е. М. 132
Пигулевская Н. В. 285, 638
Пиотровский Б. Б. 197, 200, 201, 335
Пиотровский М. Б. 8
Плавскин З. И. 15, 16, 67
Погорецкий В. Г. 574, 575
Позен Н. Л. 49
Покровская Л. А. 441
Покровский А. М. 441
Покровский М. М. 556
Поляков Е. корреспондент 182
Полякова С. В. 44
Померанц Г. С. 52, 67
Помяловский И. В. 268
Пономарева Л. И. 512, 514
Попов В. А. 360
Попов И. А. 91, 404
Попова-Велева И. 190
Поповцева Т. Н. 432
Поппе Н. Н. 411
Порецкая Р. Э. 75, 94
Порохова О. Г. 443
Портнова Ф. С. 618
Порциг В. 365
Потебня А. А. 379
Поцелуевский А. П. 460
Приемышева М. Н. 416
Прицкер Д. В. 29, 36, 38
Прокофьев А. 44
Прокофьев Г. Н. 185
Пропп В. Я. 14, 59
Протченко И. Ф. 224
Прошкина Е. П. 65
Путилов Б. Н. 369
Путин В. В. 634
Пучнев (?) 612
Пушкаревич К. А. 80, 87
Пырерка А. П. 8, 16, 77, 78, 94, 104, 184-187, 530
Пырерка Б. А. 530
Пырерка В. А. 530

Рааб Х. 52
Радиевская М. Г. 29
Радлов В. В. 382, 384
Райнов Т. И. 467
Расторгуева В. С. 80, 349, 351, 375, 376, 475
Раутиан Т. Г. 155
Рафальсон Г. 23
Рахимов Р. Р. 376
Репина Т. А. 56, 67
Реферовская Е. А. 8, 18, 34, 61, 67, 188-190

Решетов А. М. 376, 413
Ржевская Е. А. 19, 67
Ритман-Фетисов М. И. 456
Рифтин А. П. 14, 218, 638
Ришес Л. Д. 413
Роббек В. А. 413
Рогожникова Р. П. 142, 192, 331
Родэ Н. Н. 75
Рождественская Т. С. 91
Розанов М. Н. 556
Розанова В. В. 448
Розенфельд А. З. 375, 376
Романов Б. А. 517
Ростовцев М. И. 268, 299
Ротанов Е. Н. 629
Рубашкин А. И. 182, 183

Сабитов Н. С. 420, 460
Савицкая А. В. 60, 67
Савостьянов А. В. 527
Садиков П. А. 83
Сакулин П. Н. 281
Сальмин Э. Р. 445
Самойлов Д. С. 15, 65, 67
Самойлович А. Н. 556
Сатпаев К. И. 458, 507, 508, 509
Сауранбаев Н. Т. 420, 456, 457, 508
Северинова Ю. М. 75
Селищев А. М. 380
Сем (Гуляева) Л. И. 446
Семериков А. В. 75, 191-192
Сенгепов А. М. 214
Сербина К. Н. 93
Сергеева О. А. 236
Сергеенко М. Е. 11, 92, 300, 301, 616-617
Серман И. З. 14, 67
Сеченов И. М. 380
Сидорченко Л. В. 65
Сильман Т. И. 43, 68
Симонов К. М. 46
Синельникова Е. К. 474
Синельникова Н. П. 74, 242
Синюхаев Г. Т. 75
Сквирская Р. И. 75
Скворцова 468

Скорик П. Я. 7, 104, 193-195
Слободянюк А. А. 68
Слуцкий Б. А. 35, 46, 68
Смирницкая С. В. 438
Смирнов Я. С. 268
Смирнова А. С. 76, 83

Смолянская Т. И. 39, 69

Смолянский И. М. 36, 39, 40, 57, 64, 67

Смурова Н. Д. 55

Снегирёв И. Л. 77, 78, 196-201, 475

Снегирёв С. Ф. 245

Снегирёва Т. И. 197

Снеткова Н. П. 68

Снырёва Е. 633

Соболев В. Г. 376

Соболевский С. И. 97, 101

Советов А. В. 311

Советов С. С. 75, 78, 82, 91, 99, 101, 311-315, 454, 462, 475, 495, 499, 505

Советов С. А. 311

Соколов Н. В. 539

Соколов Ф. Ф. 268

Соколова В. С. 11, 102, 104, 316-318, 375, 525-527

Соколова Е. Г. 503

Соо А. 632

Сорокина М. Ю. 413, 421,442

Сороколетов А. П. 202

Сороколетов Ф. П. 202-205, 224

Сталин И. В. 28, 47, 144, 230, 394

Старикова Е. Ф. 94, 471

Стасова Е. Д. 293

Стеблин-Каменский И. М. 9, 376

Стеблин-Каменский М. И. 93

Степанов Г. В. 15, 17, 58, 59, 68

Степанов П. И. 79, 81, 107, 269, 391

Стрелин (?) Н. И. 618

Стрелина А. С. 617, 618

Строева Т. В. 30, 57, 65, 344

Струве В. В. 71, 196, 198, 200, 469, 528, 529, 609, 612, 638

Судоплатова М. Н. 432, 448

Суздальцева Т. Н. 282

Суник О. П. 90, 103, 105, 206-208, 576-578

Сытов А. П. 438

Тагирджанов А. Т. 481

Таимов А. 78, 209-211

Талеева В. А. 187

Тамань В. М. 91, 94, 495, 619

Тан-Богораз Г. А. 193

Творогов О. В. 245

Тенишев Э. Р. 248

Терёшкин Н. И. 212-215

Терёшкин С. Н. 215

Терещенко Н. М. 103, 105, 184, 185, 530, 531

Терновская А. И. 75

Тихомиров М. Н. 256

Ткаченко Б. В. 47

Толочко И. М. 558

Толстая Л. И. 105, 301, 322, 539, 614-616

Толстая (Меликова) С. В. 77, 87, 89, 91

Толстой И. И. (старший) 321

Толстой И. И. (мл.) 14, 97, 101, 102, 105, 285, 300, 301, 319-323, 521, 532-539, 614-616

Толстой И. И. (самый мл.) 301, 322, 614-616

Томашевская З. Б. 9

Томашевский Б. В. 9

Топорова О. В. 23

Тревер К. В. 524

Трехин В. А. 575

Троицкая Л. 41, 68

Тронский И. М. 11, 323, 434

Трубачев О. Н. 224

Трубецкой 550

Тункина И. В. 272

Турчанинов Г. Ф. 76, 85, 104, 267, 335, 406-409

Тынянов Ю. Н. 280

Тюменев А. И. 79

Убрятова Е. И. 77, 87, 91, 99, 102, 105, 248, 385, 459-461, 495, 499, 504, 505

Узилевский А. Н. 63, 68

Улитин А. Н. 6, 74, 84, 90, 324-328, 475, 450

Успенский В. В. 216

Успенский Л. В. 40, 76, 83, 216-220

Ухин (?) 619

Ухтомский А. А. 81, 104

Ушакова О. 632

Фаворский А. Е. 79

Фалёв И. А. 75, 82, 89, 294, 329-331

Фармаковский Б. В. 387, 249

Федоров А. В. 18, 40, 41, 55

Федорова Н. А. 40

Федорук Н. С. 228

Федосеев М. Е. 99, 109, 270, 466, 538

Филин Ф. П. 74, 78, 94, 163, 204, 221-224, 359, 391, 395, 475, 511, 519, 546

Филиппов Н. Н. 75, 89

Фишкис Е. А. 75

Флейшер В. 54

Фортунатов Ф. Ф. 379

Франк С. Л. 300

Франк-Каменецкий И. Г. 71, 288

Франкфурт Д. З. 24, 27

Фрейденберг О. М. 301

Фрейман А. А. 71, 638

Фридлендер Г. М. 44

Фридрих И. 365

Фрингс Т. 48

Фролов Э. Д. 272

Хабло Е. П. 134

Хазанович А. П. 55

Хайдаков С. М. 128

Халтурин В. И. 155

Харатишвили Г. С. 267

Хасанова М. М. 354

Хлебников А. 575

Ходорковская (Мительман) Б. Б. 323

Хорьков В. А. 567, 571, 573

Храковский В. С. 161

Цагов М. 407

Цвибак А. Л. 495, 498

Цеслиньская В. 164

Цинман Б. А. 78, 83, 225-228

Цинциус В. И. 11, 377, 410-413, 541, 542

Цукерман И. И. 76, 78, 94, 104, 229-232, 494, 543-546

Цунзер З. А. 75

Чаплиев В. П. 454

Чеботаев 566

Чемплин Д. 580

Чернобаев В. Г. 74, 80

Чернов А. Г. 392

Чернова см.: Мещанинова М. Д.

Чернышёв В. И. 75, 99, 101-103, 116, 414-416, 456, 457, 459, 460-462, 468, 470, 493, 501, 515,551

Чернявская С. Л. 76, 83

Черняев А. С. 16, **68**

Чеховер Ц. И. 75, 94, 617,618

Чибиров Л. А. 351

Чистов К. В. 14-15, 17, 54, 55, 59, 68

Чистов Ю. К. 68, 69

Чистова (Марголис) Б. Е. 20, 54, 55, 68

Чистяков В. Ф. 308

Чистякова Н. А. 323

Чубуков Л. А. 453

Чудаков А. А. 23

Чудаков Е. А. 449

Чхаидзе М. П. 76, 78, 233-236, 471,486, 488, 546

Шавель Е. Е. 174

Шайович Л. Л. 30, 66

Шалгинская Е. 22

Шамелашвили Р. М. 267

Шамилов А. Ш. 131, 229, 230

Шапиро А. Б. 482, 483

Шапиро Н. 16, 41, 68

Шаралапова Е. 40, 68

Шауб И. Ю. 392, 393

Шаумян Р. М. 6, 76, 86, 89, 332-335, 450, 474

Шахматов А. А. 355, 275, 277, 279, 356, 380, 402

Шахматова С. А. 279

Шилин Б. О 393, 395

Шилова Е. И. 315

Шипова Е. Н. 75, 99, 495, 499

Широбокова Н. Н. 248

Шишкина И. П. 438

Шишмарев В. Ф. 14, 77, 80, 101, 102, 105, 188, 247, 314, 470, 479, 481, 483, 600, 607, 608, 609, 610, 612

Шишмарева В. Ф. 528

Шкловский В. Б. 339, 343, 344

Шмидт О. Ю. 449

Шмырев П. 20, 68

Шнейдер К. Н. 219

Шнитке А. 46, 68

Шплет В. 635

Штедтке К. 53

Штейниц В. 213, 215

Штенберг Т. К. 417

Штерн Л. А. 75

Штрелов К. 33

Шуваев А. 574

Шумовский Т. А. 419, 421

Щерба (Буланина) Л. Д. 557

Щерба Д. Л. 547, 554

Щерба И. А. 547

Щерба Л. В. 10, 14, 74, 80,104,326,327, 218, 229, 316, 340, 342, 411, 451, 468, 469, 471, 491, 506, 517, 518, 547-558

Щерба Т. Г. 548, 549, 552, 558

Щерба Т. Д. 547

Щербак А. М. 237-239, 395

Щербакова Н. 632

Щербатской Ф. И. 104, 556

Эйхенбаум Б. М. 14, 54, 340

Эмблер Б. 580

Энгельс Ф. 490

Эренбург И. Г. 47, 52

Эткинд Е. Г. 18, 36, 37-39, 43, 45,50, 51, 55-56, 68

Юдахин К. К. 385, 507

Юматова И. Н. 18, 55, 68

Юшманов Н. В. 77, 99, 101, 102, 105, 314, 417-421, 454, 475, 493, 504, 524, 529, 451, 457-561

Ягич И. В. 380

Ягодинский А. С. 519

Ягодинский А. С. 96

Яковкин И. И. 618

Яковлев Н. Ф. 124, 400

Яковлева Н. П. 75

Якубинская (Лемберг) Э. А. 76, 82, 86, 90, 91, 93, 94, 95, 96, 98, 99, 100, 102, 105, 108, 109, 110, 284, 285, 305, 336-339, 343, 467, 474, 486, 495, 497, 498, 520, 599, 607

Якубинские 456

Якубинский Л. П. 91, 93, 97, 177, 218, 285, 337, 339-344, 456

Якубовский А. Ю. 638

Янкельсон И. С. 49

Янко Т. Е. 6

Ярцева В. Н. 77, 80, 97, 101, 105

Čistov Kirill V.
(см.: Чистов К. В.) 55, 68

Čistova Bella E. (см.:
Чистова Б. Е.) 55, 68

Grammont M. 550

Hendersson 580

Ilyish Boris A.
(см.: Ильиш Б. А.) 62

Schirmunski V. M. 54

Simoni-Auremdou M.-R. 248

Tsaroeva M. 248

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДД — авиация дальнего действия

АКД — автореферат кандидатской диссертации

АН СССР — Академия наук СССР

АРА — Фонд АРА (American Relief Administration, ARA), продовольственные посылки которого спасли многих ученых от голода.

БАН — Библиотека Академии наук

Белдорстрой — Белорусское дорожно-строительное объединение Главного управления шоссейных и грунтовых дорог и автотранспорта (Главдортранса) БССР

ВАК — Высший аттестационный комитет

ВКБ — Высшие курсы библиотековедения при Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ВКВШ — Всесоюзный комитет по делам высшей школы

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи

ВМН — высшая мера наказания

ВНЦ РАН — Владикавказский научный центр Российской академии наук

Всевобуч — всеобщее военное обучение

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЦК НА — Всесоюзный центральный комитет Нового алфавита

ВШ — высшая школа

ВЯ — Вопросы языкознания

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ГАИС — Государственная академия искусствознания

ГИИИ — Государственный институт истории искусств

ГИМ — Государственный исторический музей

ГИРК — Государственный институт речевой культуры

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ГПУ — Государственное политическое управление

ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей

ДНЦ РАН — Дагестанский научный центр РАН

ДПИ — Дагестанский педагогический институт

ДРАН — Доклады РАН

ДРС — Древнерусский словарь, (отдел) Древнерусского словаря

Земотдел — земельный отдел

Зенартполк — зенитно-артиллерийский полк

ЗЕС — западноевропейская секция

ИАИ — Историко-архивный институт АН СССР

ИВАН — Институт востоковедения АН СССР

ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР

ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы (Карело-Финской базы АН СССР)

ИЛИ — Историко-лингвистический институт Наркомпроса РСФСР (1930-е годы)

ИЛИ (РАН) — Институт лингвистических исследований РАН

ИЛЯЗВ — Институт языков и литератур Запада и Востока при ЛГУ

ИНС — Институт народов Севера

ИРК — Институт речевой культуры АН СССР

ИРЛИ /ИЛИ (3) — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

ИЯЛИ — Институт языка, литература и искусства (Казахской ССР)

ИЯМ — Институт языка и мышления АН СССР

ИЯП — Институт языка и письменности народов СССР

КазГУ — Казахский государственный университет

КазФАН — Казахский филиал Академии наук СССР

КарНЦ — Карельский научный центр Российской академии наук

КАХУ — Административно-хозяйственное управление АН СССР в Казани

КГПИ — Карельский государственный педагогический институт

КИПС — Комиссия по изучению племенного состава АН СССР

КНЦ УрО РАН — Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук

Комвуз — Коммунистическое высшее учебное заведение (партийное учебное заведение)

Коми Н. И. Институт — Коми научно-исследовательский институт краеведения (КНИИК)

КРО — контрреволюционная организация

КУВТ — Коммунистический университет трудящихся Востока

Кульсанштурм — «культурно-санитарный» штурм (по ликвидации безграмотности и малограмотности)

Культпроп — отдел культуры и пропаганды ленинизма

КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока при Коминтерне

КФГУ — Карело-Финский государственный университет

ЛАНО — Ленинградская армия народного ополчения

ЛАХУ Ленинградское административно-хозяйственное управление

ЛВИ — Ленинградский восточный институт им. А.С. Енукидзе

ЛВО — Ленинградский военный округ

ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена

ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова

Лен. библиотека — Государственная библиотека имени В.И. Ленина

ЛИФЛИ — Ленинградский институт истории, философии и лингвистики

ЛНИЯ — Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания

ЛО — Ленинградское отделение

ЛО ИВАН СССР — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР

ЛО ИИ АН СССР — Ленинградское отделение Института истории АН СССР

ЛОИКФУН — Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей

ЛО ИЯ АН СССР — Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР

ЛООНТИ — Ленинградское объединение научно-технических издательств

ЛОЦИЯП — Ленинградское отделение Центрального института языка и письменности народов СССР

ЛЭТИ — Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина)

МАПРЯЛ — Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы

МАЭ — Музей антропологии и этнографии Российской академии наук

МВО — Московский военный округ

МГПИ — Московский государственный педагогический институт

МГПИИЯ — Московский государственный педагогический институт иностранных языков

МГЛУ — Московский государственный лингвистический университет

МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МИ ИЛИ — Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН

МИФЛИ — Московский институт истории, философии и литературы

МК — местный комитет

МПВО — местная противовоздушная оборона

МТС — машинно-тракторная станция

Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения РСФСР

НГПИ — Новгородский государственный педагогический институт

НГУ — Новосибирский государственный университет

НИИЯЗ — Московский научно-исследовательский институт языкознания

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР

НКО — Народный комиссариат обороны СССР

НКПр — Народный комиссариат просвещения РСФСР

НКПС — Народный комиссариат путей сообщения СССР

НУ — научные учреждения

Облоно — областной отдел народного образования

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР

ОИФ — Отделение истории и философии АН СССР

ОК — областной комитет

ОНЛ — Отдел литературы на языках народов СССР в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ОПОЯЗ — «Общество изучения поэтического языка»

ПВО — противовоздушная оборона

ПВХО — противовоздушная и противохимическая оборона

ПГПИ — Павлодарский государственный педагогический институт

ПИЖВЯ — Петроградский институт живых восточных языков

ПОДИВ — партийная организация дивизии

Политпросвет — учреждение, занимавшееся политическим просвещением

Политуправление — политическое управление (в советской армии и на флоте)

ППС — полевая почтовая станция

Рабпрос — профсоюз работников просвещения

Рабфак — рабочий факультет

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РВК — районный военный комиссариат

РК — районный комитет

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия

РКСВА — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении

Роно — районный отдел народного образования

Сануправление — санитарное управление

Севвостлаг — Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь

Сиблаг — Сибирский исправительно-трудовой лагерь

СМЕРШ (Смерш) — «Смерть шпионам», контрразведывательная организация в СССР во время Великой Отечественной войны

СНК — Совет народных комиссаров

СО АН СССР — Сибирское отделение АН СССР

СОНИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт

СОКК и КП СССР — Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР

СОФИН — «Союз освобождения финских народностей»

СПб ИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории РАН

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка

УНК ВД ЛО — Управление НКВД СССР по Ленинградской области

УЦГАЛ — Управление центральных государственных архивов Ленинграда

Фабзавуч — школа фабрично-заводского ученичества

ФЗУ — фабрично-заводское училище

ФНКС — факультет народов Крайнего Севера

ФОН — факультет общественных наук

ФПК — факультет повышения квалификации

ЦИАГ — Центральный институт акушерства и гинекологии в Ленинграде

ЦИЖВЯ — Центральный институт живых восточных языков

ЦИК — Центральный исполнительный комитет

ЦК — Центральный комитет

ШШС — штабная шифровальная служба

ЮОНИИ — Юго-Осетинский научно-исследовательский институт

Ямфак — факультет языкознания и материальной культуры ЛГУ

ЯС — Яфетический сборник